

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ
И ИЗУЧЕНИЕ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
В УНИВЕРСИТЕТАХ
(к 50-летию кафедры
народонаселения)
18–20 октября 2017 г.
ДЕВЯТЫЕ
ВАЛЕНТЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Экономический
факультет
МГУ
имени
М.В. Ломоносова

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет
Кафедра народонаселения
Центр по изучению проблем народонаселения

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ
ОБРАЗОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ
В УНИВЕРСИТЕТАХ**

(к 50-летию кафедры народонаселения)

18–20 октября 2017 г.

**ДЕВЯТЫЕ
ВАЛЕНТЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ**

Сборник статей и тезисов

Москва
2017

УДК 314
ББК 60.7
Д31

Редакторы:

д-р экон. наук *И. Е. Калабихина*
канд. экон. наук *Н. М. Калмыкова*

Благодарим за техническую помощь в составлении сборника лаборантов кафедры народонаселения *Александра Катрана* и *Викторию Шамсутдинову*, за редакцию названий тезисов и статей на английском языке — *Олега Геращенко*

Д31 **Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения) (Девятые Валентеевские чтения): сборник статей и тезисов выступлений.** — М: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017. — 632 с.

ISBN 978-5-906783-74-5

Сборник составлен из материалов, представленных на международную научную конференцию «Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах» (Москва, МГУ, 17–20 октября 2017 г.) (Девятые Валентеевские чтения). Конференция посвящена 50-летию кафедры народонаселения экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и 95-летию основателя кафедры профессора Д. И. Валентя.

В статьях и тезисах рассматриваются теоретические вопросы в области демографического развития, методы и результаты междисциплинарных исследований в демографии и смежных науках, проблемы демографического образования, динамика демографических процессов и вопросы политики в области народонаселения.

Сборник представляет интерес для демографов, экономистов, социологов, всех специалистов, изучающих проблемы народонаселения или преподающих демографию и смежные дисциплины.

УДК 314
ББК 60.7

Сборник подготовлен и опубликован при финансовой поддержке экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова и Российского фонда фундаментальных исследований.
Проект № 17-06-20562 (печатные версии)

ISBN 978-5-906783-74-5

© Экономический факультет
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	11	
Программа Международной научной конференции	21	
Сессия 1		
Демографическое развитие и социально-экономические процессы. Междисциплинарные исследования в демографии и смежных науках		24
<i>Акрамова Ш. Г.</i>		
Демографические аспекты развития человеческого капитала в Узбекистане.....	24	
<i>Алексеев А. Н., Аубакирова Ж. С.</i>		
Демографические кризисы в Казахстане XX в.	27	
<i>Вишневский А. Г.</i>		
Нерешенные вопросы теории демографической революции.....	34	
<i>Дельва К. И.</i>		
Подходы к типологии демографической ситуации в регионах России	37	
<i>Денмухаметов Р. Р., Зяблова О. В.</i>		
Малые города Республики Татарстан: современная демографическая ситуация, проблемы и перспективы развития.....	45	
<i>Еремин А. А., Тарасова Е. В.</i>		
Динамика и пространственные особенности современного демографического развития Алтайского края.....	48	
<i>Кашина М. А.</i>		
Социально-демографическая политика государства: в поисках гармонии интересов государства и населения.....	53	
<i>Клупт М. А.</i>		
Битвы интерпретаций на политико-демографической арене: ситуационный анализ и теоретический синтез	63	
<i>Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б.</i>		
Демографический фактор во взаимосвязанной динамике сферы занятости и профессионального образования в РФ	65	

<i>Королев С. В.</i> Социальная поддержка многодетных семей в Удмуртской Республике в 90-е гг. XX в.	69
<i>Кузьмин А. И., Савеленко Д. В.</i> Основные подходы к оценке демографического потенциала региона	78
<i>Миненкова В. В., Филобок А. А., Мамонова А. В.</i> Основные направления современных миграционных процессов на Северном Кавказе и их влияние на демографическую ситуацию	87
<i>Миронова А. А.</i> Частные межпоколенные трансферты: демографический тип домохозяйств имеет значение?	89
<i>Мирясова О. А.</i> Проблемы работников с семейными обязанностями и подходы к их решению в профсоюзах Конфедерации труда России	92
<i>Мостахова Т. С.</i> Индикаторы демографической безопасности	100
<i>Мотрич Е. Л.</i> Демографическое развитие Дальнего Востока	106
<i>Пашкевич О. А., Лёвкина В. О.</i> Демографические процессы в сельской местности Беларуси: тенденции, проблемы, прогнозные оценки	116
<i>Пинязик В. Н.</i> Благосостояние семей различного социально-демографического состава: время и деньги	123
<i>Пипия Л. К.</i> Актуальные проблемы кадрового потенциала российской науки	126
<i>Прудников В. Б., Утяшева И. Б., Шамсутдинова Н. К.</i> Территориальные особенности тенденций демографического развития Республики Башкортостан	130
<i>Ракачева Я. В., Халафян А. А.</i> Прогноз динамики этнической структуры населения Кубани с использованием методов вероятностно-статистического моделирования	139
<i>Русанов А. В.</i> Демографические аспекты субурбанизации в Московском регионе	144
<i>Сафиуллина Р. М., Боголюбов А. В.</i> Территориальные геодемографические прогнозы Республики Башкортостан	148
<i>Сетдарова Р. Р.</i> Социально-демографические проблемы рынка труда Кемеровской области	155

<i>Соколов С. Н.</i>	
Статистический анализ динамики городского населения Югры	159
<i>Шахаман З. Б.</i>	
Казахи Северного Казахстана в 1959–2017 гг.: от демографического меньшинства к паритету (на примере Костанайской области)	162
<i>Щукина А. С.</i>	
Особенности географических исследований демографических процессов	169
<i>Vamidele Emmanuel Ola</i>	
Inter-regional comparison of intimate partner violence (IPV) prevalence and its relative risk factors among women in Nigeria	171
Сессия 2	
Демографическое образование: подходы, методики, российский и международный опыт (памяти Д. И. Валентя)	174
<i>Калабихина И. Е.</i>	
Междисциплинарный подход в преподавании демографических дисциплин	174
<i>Михеева А. Р.</i>	
Демография и социология семьи — поле междисциплинарного анализа	177
<i>Сахвадзе А. Ш.</i>	
Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах Грузии	185
<i>Ткаченко А. А.</i>	
История и современные проблемы преподавания курса «Демография»: российская специфика.....	195
<i>Тожиева З. Н., Алекперова Ш. Т.</i>	
Демографическое образование Узбекистана: история и современность	204
Сессия 3	
Рождаемость и репродуктивное поведение: региональные особенности	209
<i>Антонов А. И.</i>	
Динамика репродуктивных ориентаций и возможность реализации установок на число детей в случае активизации семейно-демографической политики (или отказа от этого) в 2018–2028 гг.	209
<i>Багирова А. П., Быкова Д. Г., Ильвес Э. В.</i>	
Учет результатов родительского труда в пенсионной системе РФ как инструмент снижения уровня его прекаризации.....	216

<i>Бирюкова С. С., Макаренцева А. О.</i> Эволюция «штрафа за материнство» в доходах российских женщин	220
<i>Вишневецкий А. Г., Денисов Б. П., Сакевич В. И.</i> Контрацептивная революция в России	222
<i>Карпова В. М.</i> Особенности репродуктивного поведения женщин и выбор стратегии решения проблемных ситуаций	225
<i>Ляликова С. В.</i> Особенности семейно-детных ориентаций и установок женщин репродуктивного возраста	234
<i>Макаренцева А. О.</i> Новые тенденции рождаемости в России.....	237
<i>Скрябина Я. А.</i> Реализация репродуктивности сельского населения в условиях повышенного риска сельской бедности.....	239
<i>Сукнёва С. А.</i> Современные тенденции рождаемости в северном регионе	243
<i>Табакерова Ю. Н.</i> Родительский отпуск в Республике Беларусь и за рубежом: опыт эмпирического исследования	253
<i>Тельнов В. И.</i> Сравнительный анализ динамики и перспектив рождаемости в городе атомной промышленности Озерске и Российской Федерации	257
<i>Трач Т. М.</i> «Штраф за материнство» и социально-психологические проблемы трудоустройства и занятости женщин с детьми	261
<i>Чернышева И. В., Запольских М. В.</i> Отношение молодой семьи к материнскому капиталу	267
Сессия 4	
Здоровье, продолжительность жизни, смертность: методология изучения, мировые и локальные тенденции, роль в формировании человеческого капитала.....	275
<i>Будилова Е. В., Лагутин М. Б., Мигранова Л. А.</i> Здоровье населения как фактор демографического развития	275
<i>Иванова А. Е., Лопачов К. В.</i> Различия смертности в городах-миллионниках России.....	288
<i>Короленко А. В.</i> Смертность населения Вологодской области: анализ потерь и поведенческих факторов риска	290

Новоселова Е. Н.

Роль социолого-демографических исследований
в оценке здоровья, смертности и продолжительности
жизни населения России..... 302

Сафиуллина Р. М., Насырова Э. В.

Территориально-структурная дифференциация смертности
и заболеваемости населения Республики Башкортостан 305

Dalkhat M. Ediev.

Estimates of the remaining life expectancy at old age:
Revisiting Horiuchi, Coale and Mitra 313

Umesi Love Ugonna

Effect of maternal micronutrients supplementation on infant
mortality in Nigeria: using 2013 Nigeria demographic and health
survey (NDHS) data..... 332

Сессия 5

**Старение населения: демографические причины
и социально-экономические последствия..... 334**

Барсуков В. Н.

Факторы и особенности трудовой активности пожилых
людей в городской и сельской местности..... 334

Зорина Е. Н.

Изменения возрастной структуры населения Республики Коми
и последствия его постарения 344

Привалова Н. Н.

Демографические риски, обусловленные старением населения
Беларуси 347

Сафарова Г. Л., Калмыкова Н. М., Сафарова А. А., Косолапенко Н. Г.

Сравнительный анализ динамики ряда показателей основных
демографических процессов для Москвы и Санкт-Петербурга
в контексте старения населения мегаполисов..... 356

Ткаченко Л. Г.

Пенсии в Украине: состояние, реформы, будущее 369

Халявкин А. В.

Демография — геронтология. Как закономерности статистики
смертности помогли прояснить первопричину старения..... 371

Warren C. Sanderson, Sergei Scherbov

Gender Inequality in Survival at Older Ages..... 379

Сессия 6

Брачность и брачно-семейные отношения: современные тенденции 382

Барашкова А. С.

Изменения брачного состояния якутов..... 382

<i>Мамадалиева Х. Х.</i> Особенности формирования семьи в Узбекистане в современных условиях.....	385
<i>Синельников А. Б.</i> Динамика спроса и предложения на российском брачном рынке в демографическом измерении.....	389
<i>Слюсар Л. И.</i> Брачно-семейные процессы в современной Украине	400
<i>Сороко Е. Л.</i> Новые методы в изучении этнически смешанных семей	409
<i>Третьякова Е. А.</i> Идеальный и реальный возрасты вступления в первый брак.....	418
Сессия 7	
Историческая демография: данные, методология, результаты исследований	421
<i>Бегасилова Ж. А.</i> Вынужденные мигранты в Казахстане в 1930-е гг.: новые документы и материалы	421
<i>Журавлева В. А.</i> Миграции городского населения Урала в условиях промышленной модернизации края (конец 1920-х — 1930-е гг.).....	426
<i>Мирошниченко М. И.</i> Возрастная структура женского населения Уральской области в 1926 г.	434
<i>Ракачев В. Н.</i> Советские компенсационные миграции 1930-х гг. и их влияние на процессы социального взаимодействия на Северо-Западном Кавказе	437
<i>Уваров С. Н.</i> Статистические источники изучения региональной этнической миграции во второй половине XX в. (на примере Удмуртии)	444
Сессия 8	
Миграционные процессы в современном мире	451
<i>Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И.</i> Миграционные процессы в координатах ЕАЭС (некоторые теоретические аспекты)	451
<i>Игнатьева Л. Н.</i> Миграция русских из Казахстана: причины, динамика, последствия	454

<i>Коровкин А. Г., Единак Е. А., Королев И. Б.</i>	
Использование балансового метода в анализе и прогнозировании миграции при изучении динамики сферы занятости РФ	460
<i>Лифшиц М. Л.</i>	
Миграционная ситуация в России и перспективы до 2025 г.	470
<i>Нефедова Т. Г.</i>	
Причины и пространственная структура возвратных трудовых миграций из сельской местности России	475
<i>Полетаев Д. В.</i>	
Адаптация и интеграция детей трудовых мигрантов из Средней Азии в РФ	479
<i>Садовская Е. Ю.</i>	
Роль миграции в этнодемографическом и социально-экономическом развитии Казахстана в XXI в.: новейшие тенденции и проблемы исследования.....	487
<i>Тарасова Е. В., Тарасова Н. В.</i>	
Межмуниципальные миграционные связи в Алтайском крае	500
<i>Терентьева М. А.</i>	
Влияние миграции на рынок труда в северных регионах России	511
<i>Тихонова Л. Е., Масленкова Е. В.</i>	
Социально-демографический профиль трудовой миграции в Республике Беларусь.....	515
<i>Чудиновских О. С.</i>	
Есть ли прогресс в российской статистике миграции?	518
<i>Шамурзаева А. С.</i>	
Население, урбанизация и миграция в Кыргызской Республике	521
<i>Юдина Т. Н.</i>	
Жизненные и поведенческие стратегии украинских мигрантов в Москве: результаты социологического исследования	550
Сессия 9	
Демографическая и семейная политика в России и мире: концепции, меры, оценка результативности.....	
560	
<i>Баженова Е. С.</i>	
Новые аспекты политики народонаселения в КНР в условиях стратегии инновационного развития.....	560
<i>Иногамов Ш. А.</i>	
Особенности формирования демографической политики в Узбекистане.....	562
<i>Исупова О. Г.</i>	
История пронаталистской и семейной политики в Европе и России: уроки для современности	565

<i>Красовская Н. И.</i>	
Правовая и институциональная основы демографической политики Республики Беларусь	572
<i>Кучмаева О. В., Махова О. А.</i>	
Современные проблемы оценки эффективности семейной политики в Российской Федерации	575
<i>Попова Л. А.</i>	
Актуальность нового этапа наращивания просемейной демографической политики	589
<i>Русанова Н. Е., Ван Е.</i>	
Окончание политики «одна семья — один ребенок» в Китае: ожидания и реальность.....	599
<i>Семенчук О. В.</i>	
Региональные практики управления демографическими процессами (на примере Самарской области)	601
<i>Фадеева Т. А.</i>	
Перспективы социально-демографической политики в ЕАЭС	607
<i>Худолеев В. С.</i>	
Модификации материнского капитала для достижения плановых показателей суммарного коэффициента рождаемости в условиях сокращения рождаемости	610
<i>Чистякова Н. Е.</i>	
Целевые показатели региональных демографических программ.....	611
<i>Юодешко В. И.</i>	
Семейная политика Беларуси в контексте демографических и социально-экономических изменений.....	619
<i>Kofi Aduo-Adjei</i>	
Socio-demographic determinants of Condom use: Evidence from Ghana	622
Content	624

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые читатели!

15 сентября 2017 г. исполнилось 95 лет со дня рождения Дмитрия Игнатьевича Валентея, имя которого носит наша ставшая уже традиционной международная конференция — Валентеевские чтения.

Д. И. Валентей был одним из тех ученых, благодаря которым в 1960-е гг. возродилась демографическая наука.

По инициативе Д. И. Валентея в сентябре 1962 г. была создана проблемная группа, а в апреле 1964 г. — Координационный совет по проблемам народонаселения при Научно-техническом совете Минвуза СССР, бессменным председателем которого он был до 1991 г. Совет объединил вузовских ученых и содействовал комплексному изучению теоретических и практических вопросов народонаселения представителями разных наук, а также развитию демографических исследований в высшей школе.

В начале 1964 г. Д. И. Валентей, А. Я. Боярский, С. Г. Струмилин и др. опубликовали в газете «Известия» письмо, в котором обосновывали необходимость создания научного учреждения по изучению народонаселения.

ВАЛЕНТЕЙ Дмитрий Игнатьевич¹

¹ URL: <https://demography.econ.msu.ru/about/D.I.Valentei/>; <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0523/nauka01.php>

Валентей Дмитрий Игнатъевич (15.09.1922, Москва — 17.12.1994, Москва). Окончил исторический факультет Московского городского пединститута (1945). Участник Великой Отечественной войны. Будучи еще студентом и имея освобождение от службы в армии во время Великой Отечественной войны, он пошел добровольцем в ополчение на защиту Москвы и получил тяжелое ранение.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Трудового Красного Знамени и 13 медалями.

Кандидат экономических наук (1949). Доктор экономических наук (1961). Тема докторской диссертации: «Социально-экономические проблемы народонаселения (воззрения и теории)».

Председатель Координационного совета по проблемам народонаселения при Минвузе СССР (1962–1991). Профессор (1963), заведующий кафедрой народонаселения (1967–1991) экономического факультета. Основатель и руководитель Центра по изучению проблем народонаселения (1968–1991). Председатель Научного совета МГУ «Проблемы народонаселения и занятость». Научный руководитель Курсов ООН по демографии при МГУ для специалистов из развивающихся стран (1975), специального отделения для переподготовки кадров в области демографии (1984). В Московском университете читал курсы лекций: «Демография», «Теория народонаселения», «Система знаний о народонаселении».

Лауреат Ломоносовской премии (1973). Заслуженный деятель науки РФ (1991). Член-корреспондент РАЕН (1994).

Был членом Международного союза по научным исследованиям народонаселения; почетным членом Чехословацкого демографического общества; экспертом ООН по проблемам народонаселения.

Область научных интересов: демография, теория и политика народонаселения — экономические аспекты. Руководил комплексными исследованиями народонаселения, в центре которых была демография как самостоятельная наука, изучающая воспроизводство и развитие народонаселения. Многие подходы, понятия, гипотезы, выдвинутые или разработанные Д. И. Валентеем и его коллегами в 1960–1990-е гг., имеют значение и в настоящее время. Это комплексный подход, необходимость интеграции знаний различных дисциплин при решении проблем народонаселения, анализ воспроизводства населения в широком историко-социальном и экономическом контексте, акцент на качестве и развитии населения, уточнение понятийного аппарата, места демографии в системе наук, обоснование активной политики населения и демографической политики, программно-целевого подхода к их организации.

Д. И. Валентей сумел объединить вокруг себя ученых-единомышленников и студентов, создать уникальную для того времени учебно-научную организацию, в которой научные сотрудники читали лекции, а преподаватели вели научно-исследовательскую работу, привлекая к ней

и студентов. Нормой было, когда на регулярные научные заседания лаборатории приходили студенты и аспиранты, они же выступали с научными докладами на заседаниях кафедры.

С первых лет существования лаборатории и кафедры в исследовательскую и преподавательскую работу были включены не только экономисты и статистики, но и историки, географы, философы, социологи. Это позволило развернуть междисциплинарные исследования, дающие особый эвристический эффект вследствие интеграции информации и методов, гипотез и выводов разных направлений в изучении населения. Методологической основой такой интеграции стала концепция системы знаний о народонаселении, объединяющей различные науки, изучавшие народонаселение до того лишь в границах своих предметов и методов (демография, экономика, социология, право, история, география, экология, медицина, генетика, биология).

Под руководством Д. И. Валентя в 1960–1990-е гг. работали его соратники и ученики, доктора и кандидаты наук А. И. Антонов, К. К. Баздырев, Е. С. Баженова, Н. Б. Баркалов, Г. Ш. Бахметова, В. А. Безденежных, О. В. Белоконь, В. В. Бодрова, Э. Ю. Бурнашев, И. Н. Веселкова, Б. Н. Волынская, А. Г. Гришанова, И. А. Данилова, М. Б. Денисенко, Н. Г. Джанаева, Е. В. Донец, Е. И. Иванова, В. В. Елизаров, Н. В. Зверева, Т. Д. Иванова, В. А. Ионцев, И. В. Калинин, А. Я. Кваша, Г. П. Киселева, Ю. Н. Козырев, Г. А. Культишева, О. В. Лармин, В. М. Медков, В. М. Моисеенко, А. С. Первушин, Р. С. Ротова, Е. С. Самойлова, С. Г. Смидович, А. П. Судоплатов, В. А. Сысенко, Р. В. Татевосов, Н. А. Таубер, О. С. Чудиновских, Б. С. Хорев, Д. К. Шелестов, В. Х. Эченикэ и многие другие ученые. Часть из них продолжает и сегодня плодотворную работу в МГУ и других организациях.

Д. И. Валентей добился создания на экономическом факультете особой группы студентов, специализирующейся в области демографии, с которой также вели занятия такие корифеи нашей науки, как М. С. Бедный, А. Я. Боярский, Э. Валкович, А. Г. Волков, Я. Н. Гузеватый, Л. Е. Дарский, В. В. Переведенцев, Н. М. Римашевская, Р. И. Сифман, Б. Ц. Урланис и многие другие. Под его редакцией вышли 53 выпуска работ серии «Народонаселение» (1973–1983), уникальный «Демографический энциклопедический словарь» (1985), 13 выпусков библиографий по проблемам народонаселения.

Д. И. Валентей подготовил около 40 кандидатов наук, опубликовал более 250 научных работ.

Основные труды Д. И. Валентя: Реакционные теории народонаселения периода общего кризиса капитализма. — М., 1963; Теория и политика народонаселения. — М., 1967; Основы демографии. — М., 1-е изд. — 1980 (в соавт.), 2-е изд. — 1989 (соавт.); Изучение народонаселения: вопросы методологии. — М., 1987 (соавт.); СССР — демографический диагноз. — М., 1990; Народонаселение. Современное состояние научного

знания (серед.). — М., 1991; Система знаний о народонаселении. — М., 1-е изд. — 1976, 2-е изд. — 1991 и др.

Рождение и становление кафедры народонаселения

Рождению кафедры предшествовало создание по инициативе Д. И. Валентея весной 1965 г. проблемной лаборатории народонаселения на экономическом факультете МГУ. Для подготовки специалистов в области демографии (исследователей, будущих преподавателей и практиков) необходимо было организовать специализированное обучение студентов. Следовало также развернуть преподавание демографии, экономики народонаселения и других курсов студентам-экономистам, привлечь их к научной работе, начать подготовку аспирантов. Эти задачи была призвана решить кафедра народонаселения, созданная Д. И. Валентеем в сентябре 1967 г.

Решение об открытии кафедры было принято 15 сентября, как раз в день 45-летия Д. И. Валентея.

9 апреля 1968 г. приказом Ректора МГУ И. Г. Петровского на экономическом факультете МГУ был образован Центр по изучению проблем народонаселения (в составе кафедры народонаселения и проблемной лаборатории народонаселения). Было сформировано принципиально новое для университета подразделение — учебно-научный центр, сочетающий подготовку кадров с исследовательской и координационной деятельностью. Кафедру и Центр возглавил профессор, д-р экон. наук Д. И. Валентей.

Среди первых сотрудников и преподавателей кафедры были А. Я. Кваша, Г. Ш. Бахметова, Г. Е. Ананьева, Л. Н. Казакова, А. П. Судоплатов.

В 1965 г. создается аспирантура по проблемам народонаселения при Проблемной лаборатории народонаселения, а в 1973 г. на экономическом факультете МГУ начинает работу Совет по защите диссертаций по новой специальности 08.00.18 «Экономика народонаселения и демография». Первыми аспирантами и соискателями, защитившимися на экономическом факультете по демографическим и экономико-демографическим темам, были И. Ф. Васильев (1966), Э. Ю. Бурнашев, В. С. Гельфанд, А. И. А. Мерчайтис, В. М. Моисеенко (1967), А. С. Первушин (1969), Г. П. Кисилева, Ю. Н. Назаров, А. Б. Резниченко (1970), А. К. Адешино, И. В. Дзарасова, И. В. Калинин (1972), В. Э. Гусейнов, В. С. Коган, И. В. Насонова, Р. С. Ротова, Стас Зухли Мохамед-Амин (1973), К. К. Баздырев, Р. А. Варданян, А. Я. Кваша (докторская диссертация), С. В. Крикунова, Л. Н. Русанова (1974), Б. Д. Бреев, Н. В. Зверева, З. Д. Силина, А. А. Ткаченко, Л. Л. Шамилева (1975)¹.

¹ Выражаем сердечную благодарность сотруднику Центра по изучению народонаселения канд. экон. наук Р. С. Ротовой за ведение архива школы Д. И. Валентея и представление информации.

Среди выпускников кафедры заместитель председателя Правительства РФ О. Ю. Голодец, профессора, доктора наук Н. В. Зверева, Е. И. Иванова, И. В. Ивахнюк, В. А. Ионцев, С. В. Кадомцева, В. И. Мухомель, Л. А. Попова, Ф. Т. Прокопов и др.

С 1991 по 1993 г. кафедру народонаселения возглавлял соратник Д. И. Валентя, профессор, д-р экон. наук Александр Яковлевич Кваша (1928–2007), а с сентября 1993 по 2015 г. — профессор, д-р экон. наук Владимир Алексеевич Ионцев (выпускник кафедры). Сегодня на кафедре, возглавляемой выпускницей 1991 г. профессором, д-ром экон. наук И. Е. Калабихиной, работают: старший научный сотрудник, д-р экон. наук У. Г. Николаева, доцент, канд. экон. наук Н. М. Калмыкова, доцент, канд. экон. наук А. Г. Магомедова, доцент, канд. экон. наук, PhD И. А. Денисова, старший преподаватель М. А. Авдеева, старший преподаватель А. А. Илимбетова, ассистенты Д. Ю. Моисеева, Ж. К. Шайкенова, лаборанты А. В. Катран, В. Ш. Шамсутдинова.

Кафедра народонаселения имеет выдающиеся достижения в развитии демографического образования в России и в мире. В 1977–1991 гг. при кафедре работали Курсы ООН в МГУ для специалистов по демографии из развивающихся стран. Была разработана трехмесячная учебная программа, которую прошли более 450 специалистов из 62 стран Азии, Африки и Латинской Америки. В 1984–1992 гг. специальное отделение по переподготовке кадров по демографии предлагало восьмимесячную программу по демографическому образованию для специалистов-практиков, преподавателей и научных работников из регионов России и республик СССР. В 1968–1994 гг. работала группа по специализации в области демографии и экономики народонаселения, с 1992 г. открылась двухгодичная специализация в магистратуре. В 1995–2000 гг. на базе кафедры был реализован образовательный проект ТЕМПУС Т_ЕР 10062-95 «Образование в области сбора и обработки данных о населении, анализа и прогноза демографического развития» совместно с Институтом демографии университета Париж I Пантеон-Сорбонна (Париж, Франция), Институтом демографии Лувенского католического университета (Лувен-ла-Нев, Бельгия), Департаментом демографии университета Ла Сапиенца (Рим, Италия). Результаты проекта — учебная программа магистратуры — легли в основу существующего по настоящее время направления по демографии в магистратуре экономического факультета МГУ.

Сегодня кафедрой читаются курсы в бакалавриате: «Демография», «Экономика народонаселения», «Прикладная демография», «Экономическая социология», «Методы демографического анализа», в том числе в Черноморском, Бакинском и Астанинском филиалах МГУ. Существенно вырос спрос студентов на написание научных работ на экономико-демографические темы. В настоящее время на кафедре около 50 студентов бакалавриата и магистратуры пишут курсовые и дипломные работы. Разработана система курсов для направления по демографии и экономике народонасе-

ления в магистратуре (в том числе «Демографический анализ», «Экономика народонаселения», «Человеческое развитие» (совместно с другими кафедрами), «Социальная политика» (совместно с другими кафедрами), «Экономико-демографический анализ рождаемости», «Геоинформационные системы в демографических исследованиях», «Демографическая политика и прогнозирование» и многие другие). В рамках научных семинаров для магистров и аспирантов разработаны модули по методологии и структуре магистерской диссертации, по математическим моделям в демографии, по подготовке к сдаче кандидатских минимумов по специальности «Экономика народонаселения и демография», по качественным методам в экономике и демографии, по современным методам научных исследований, анализу данных и визуализации результатов научных исследований.

В чтении курсов, в подготовке дипломников и аспирантов во все годы существования кафедры активно участвовали и сотрудники лаборатории. Так, в последние годы в разработке и чтении курсов для магистров и руководстве научными работами молодых исследователей принимали активное участие А. А. Авдеев, В. Н. Архангельский, В. В. Елизаров, А. Л. Сеница, И. А. Троицкая, О. С. Чудиновских. Плодотворное и тесное сотрудничество в образовательной и исследовательской деятельности кафедра осуществляет с сотрудниками других подразделений экономического, географического, механико-математического факультетов нашего университета и других организаций (В. С. Досиковым, Л. Н. Захаровым, Е. А. Зотовой, О. В. Кучмаевой, А. В. Лебедевым, А. Н. Паниным, В. С. Тикуновым, А. В. Чугриновым и др.), многие из которых являются выпускниками кафедры (С. С. Бирюкова, В. А. Козлов, А. О. Макаренцева (Тындик), В. Х. Эченикэ и др.).

Выпускники кафедры стояли у истоков продвижения ооновской концепции по человеческому развитию в Российской Федерации и странах СНГ с середины 1990-х гг. За время существования кафедра выполняла фундаментальные и прикладные научные работы, была организатором и соорганизатором крупных международных конференций по проблемам населения. Кафедра выпускает научную серию «Качественные исследования в экономике и демографии», на сайте кафедры www.demostudy.ru доступны полные тексты первых 10 выпусков серии. Ведущие сотрудники кафедры приглашаются для чтения лекций и научной экспертизы зарубежными университетами и институтами, международными организациями. Всегда были востребованы консультации и экспертиза государственной политики в области населения на федеральном и региональном уровнях.

Валентеевские чтения

Важным направлением научно-организационной деятельности Центра (кафедры и лаборатории) с конца 1990-х гг. стала регулярная органи-

зация международных конференций «Валентеевские чтения», которые, как правило, приурочены к юбилейным датам Д. И. Валентея, а также к определенным датам в истории коллектива Центра по изучению проблем народонаселения.

Первая конференция проведена в сентябре 1997 г. и была посвящена 75-летию Д. И. Валентея. По ее итогам всеми участниками была поддержана идея сделать конференцию регулярной и присвоить ей название «Валентеевские чтения».

Валентеевские чтения, судя по тематике и количеству участников конференций, превратились в форум, на котором происходит серьезный обмен научными достижениями исследователей населения разных направлений: демографов, экономистов, социологов, географов.

Конференции проводятся с периодичностью два раза за пять лет. Каждая была посвящена одной из актуальных демографических проблем: старению населения, демографическому образованию, политике народонаселения, миграции, исторической демографии, глобальным аспектам проблем народонаселения, 50-летию университетской демографической школы.

Международная конференция «Валентеевские чтения» имеет хорошую репутацию среди специалистов из регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья, ожидающих от Московского университета традиционно высокого уровня ее проведения.

Конференция имеет статус международной, поскольку является одним из демографических научных мероприятий, на котором традиционно встречаются демографы из стран постсоветского пространства, сохранившие и поддерживающие научные связи с университетским Центром по изучению проблем народонаселения, а также партнеры из дальнего зарубежья.

Участие в Международной конференции «Валентеевские чтения» профессоров, преподавателей, научных работников и специалистов-практиков укрепляет связи образования, науки и практики, способствует выработке научно обоснованных предложений в области семейной, демографической и миграционной политики, знакомит региональных специалистов с последними достижениями демографической науки, способствует развитию демографического образования и междисциплинарных исследований в периферийных научных центрах и учебных заведениях, позволяет использовать результаты конференции в совершенствовании преподавания демографических дисциплин и дальнейшем развитии демографического просвещения.

Научная значимость Валентеевских чтений заключается в развитии междисциплинарного комплексного подхода к изучению народонаселения и его воспроизводства как главной предметной области, в развитии отдельных направлений системы демографических наук, в интеграции и взаимообогащении демографической науки и других наук, объектом

которых является население, повышении взаимосвязи демографической науки с демографическим образованием и просвещением.

Материалы всех Валентеевских чтений были опубликованы. Финансовую и организационную поддержку конференциям (с Четвертой по Седьмую) оказывало Представительство Фонда ООН по народонаселению.

Хронология Валентеевских чтений

1997 г. — Международная конференция «Народонаселение: современное состояние научного знания» (сентябрь 1997 г., к 75-летию Д. И. Валентея). По предложению Оргкомитета и участников получила статус Первых Валентеевских чтений.

1999 г. — Вторые Валентеевские чтения «Демографические и социально-экономические аспекты старения населения» (ноябрь 1999 г., были приурочены к Международному году пожилых людей).

2002 г. — Третьи Валентеевские чтения «Демографическое образование в XXI веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы» (сентябрь 2002 г., к 80-летию Д. И. Валентея).

2005 г. — Четвертые Валентеевские чтения «Политика народонаселения: настоящее и будущее» (апрель 2005 г., к 40-летию лаборатории народонаселения).

2007 г. — Пятые Валентеевские чтения «Миграция и развитие» (сентябрь 2007 г., к 85-летию Д. И. Валентея и 40-летию кафедры народонаселения).

2010 г. — Шестые Валентеевские чтения «Проблемы народонаселения в зеркале истории» (апрель 2010 г., к 45-летию лаборатории народонаселения и 25-летию «Демографического энциклопедического словаря»).

2012 г. — Седьмые Валентеевские чтения «Демографическое развитие России: вызовы глобализации» (сентябрь 2012 г., к 90-летию Д. И. Валентея).

2015 г. — Восьмые Валентеевские чтения «Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе» (апрель 2015 г., к 50-летию лаборатории народонаселения).

2017 г. — Девятые Валентеевские чтения «Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах (к 50-летию кафедры народонаселения)» (октябрь 2017 г., посвящены 95-летию Д. И. Валентея и 50-летию создания им кафедры народонаселения).

Перспективы развития кафедры народонаселения

Одно из стратегических направлений подготовки кадров и научной работы кафедры народонаселения — развитие междисциплинарных исследований с демографическим ядром (в частности, исследований по влиянию демографического фактора на экономический рост).

Второе направление — становление исследовательского и образовательного направления по анализу социально-демографических и экономико-демографических данных в условиях новой информационной и технологической реальности в контексте развития цифровой экономики. Использование растущего объема данных (в том числе так называемых «больших данных») и инструментов анализа (геоинформационных систем, университетского суперкомпьютера «Ломоносов» для параллельных вычислений и других) в демографии.

Третье направление — создание спроса на аналитические и экспертные работы в области прикладной демографии в бизнес-сообществе, госкорпорациях, федеральных, региональных и муниципальных органах власти.

Четвертое направление — развитие дополнительного образования в области демографической и экономико-демографической тематики, укрепление позиций кафедры как методического центра по вопросам преподавания демографических курсов, разработки политики в области народонаселения и в интересах социально-демографических групп, расширение партнерской сети.

Пятое направление — укрепление международных связей в научном и образовательном демографическом пространстве.

Шестое направление — популяризация демографических знаний.

В рамках обновленной магистратуры в 2016–2017 гг. на экономическом факультете кафедрой предложены специализированные треки на различных программах. Под руководством кафедры совместно с коллегами из Центра и других подразделений и организаций разработаны авторские курсы «Введение в демографический анализ», «ГИС в социально-экономических и демографических исследованиях», «Глобальные демографические проблемы», «Демографический анализ», «Дизайн количественных социологических обследований», «Использование SPSS в анализе данных», «История мирового населения», «Качественные исследования в экономике и демографии», «Миграция населения», «Моделирование экономико-демографических взаимосвязей», «Современные методы анализа демографических и социологических данных», «Экономика здоровья и здравоохранения», «Экономика миграции», «Экономическая демография».

В 2016 г. разработан новый курс для аспирантов разных специальностей экономического факультета «Демографические детерминанты социально-экономического развития», пользующийся спросом не только у аспирантов-демографов. А ставший традиционным модуль «Современные методы научных исследований», в котором участвует кафедра, записан в дистанционном формате для региональных слушателей.

Стипендия Д. И. Валентя для студентов магистратуры и бакалавриата, пишущих на экономико-демографические и демографические темы, с 2017/2018 учебного года будет назначаться за лучшие работы при поддержке банка «Держава» (инициатор — выпускник кафедры С. Л. Ентц).

В 2017 г. создан Диссертационный совет МГУ по экономике народонаселения и демографии. В этом же году подписано соглашение о двойном руководстве аспирантами с Институтом демографии университета Париж I Пантеон-Сорбонна, что дает возможность одновременно получать кандидатскую степень и PhD при защите диссертаций. Также сформирован стипендиальный фонд.

Разработана и реализована программа дополнительного профессионального образования повышения квалификации федеральных государственных гражданских служащих «Вопросы реализации государственной демографической политики». В 2016 г. ее с успехом прошли 50 слушателей из 25 министерств и ведомств, в ноябре 2017 г. запланирована очередная группа.

В 2017 г. открыта серия учебных пособий для студентов магистратуры экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова по демографии и экономике народонаселения.

Важным направлением считаем работу по адаптации и чтению основных демографических курсов в новом Совместном университете МГУ-ППИ в Шэньчжэне (Китай).

В рамках Фестиваля науки МГУ кафедра планирует ежегодно представлять разработанную игру для школьников и абитуриентов «Живая демография» (первый опыт в 2016 г. прошел успешно).

В 2016–2017 гг. выполняется исследовательская и аналитическая работа для московского правительства, Министерства обороны, Ростелекома, РВК и Национальной технологической инициативы, ПРООН Казахстана, ЮНФПА Беларуси, идет работа по научным грантам РФНФ. Кафедра включена в международный проект «Демографическая грамотность студентов (МГУ — Сорбонна — Пражский университет)». Планируется продолжать международные и российские исследовательские и аналитические проекты, учитывая направления ее развития.

Кафедра стала инициатором создания нового научного электронного журнала «Население и экономика», первый выпуск которого запланирован на конец юбилейного года (www.populationandconomics.com).

***Елизаров В. В.,**
научный руководитель
Центра по изучению народонаселения,
сопредседатель Оргкомитета
Девярых Валентеевских чтений,*

***Калабихина И. Е.,**
заведующая кафедрой народонаселения,
сопредседатель Оргкомитета
Девярых Валентеевских чтений*

ПРОГРАММА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Девятые Валентеевские чтения
«Демографическое образование и изучение народонаселения в универ-
ситетах»

(к 50-летию кафедры народонаселения)

18–20 октября 2017 г.

Москва, Ленинские горы, дом 1, строение 46

Аудитория П7

Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова

Кафедра народонаселения

Центр по изучению проблем народонаселения

18 октября 2017 г.

Регистрация участников.

Время: 09.00–10.00.

Открытие конференции. Пленарное заседание.

Время: 10.00–10.45.

Сессия 1. Демографическое развитие и социально-экономические процессы. Междисциплинарные исследования в демографии и смежных науках.

Аннотация: сессия посвящена методам и результатам междисциплинарных исследований в области демографии, экономики, географии, социологии, управления, информатики и образования.

Время: 10.45–13.30.

Обед

Время: 13.30–14.30.

Сессия 2. Демографическое образование: подходы, методики, российский и международный опыт (памяти Д. И. Валентея).

Аннотация: обсуждаются проблемы развития современного демографического образования в России и мире, задачи инкорпорирования новейших достижений демографической науки в программы вузовской и послевузовской подготовки, активного развития междисциплинарных научно-образовательных проектов в области демографии.

Время: 14.30–17.30.

Фуршет для участников конференции

Время: 18.00–19.00.

19 октября 2017 г.

Сессия 3. Рождаемость и репродуктивное поведение: региональные особенности.

Аннотация: сессия посвящена процессу рождаемости, его детерминации и влиянию на социально-экономическое развитие.

Время: 09.00–11.00.

Кофе-пауза

Время: 11.00–11.15.

Сессия 4. Здоровье, продолжительность жизни, смертность: методология изучения, мировые и локальные тенденции, роль в формировании человеческого капитала.

Аннотация: сессия посвящена анализу проблем продолжительности жизни, здоровья и смертности в России и мире в контексте концепций человеческого капитала и человеческого развития.

Время: 11.15–13.30.

Обед

Время: 13.30–14.30.

Сессия 5. Старение населения: демографические причины и социально-экономические последствия.

Аннотация: сессия посвящена междисциплинарному анализу одной из самых актуальных проблем современного экономико-демографического развития — старения населения.

Время: 14.30–16.00.

Кофе-пауза

Время: 16.00–16.15.

Сессия 6. Брачность и семейно-брачные отношения: современные тенденции.

Аннотация: сессия посвящена современным тенденциям в области брачности и брачно-семейных отношений, в том числе проблемам «старения» возраста первого вступления в брак, изменения характера браков и семейных отношений, влияния брачности и брачно-семейных отношений на демографические процессы, а также этнических особенностей брачности и брачно-семейных отношений.

Время: 16.15–17.45.

20 октября 2017 г.

Сессия 7. Историческая демография: данные, методология, результаты исследований.

Аннотация: сессия посвящена историко-демографическим исследованиям, использованию исторических данных и методологии их анализа.

Время: 09.00–10.30.

Кофе-пауза

Время: 10.30–10.45.

Сессия 8. Миграционные процессы в современном мире.

Аннотация: сессия посвящена анализу миграционной статистики, современных процессов в области миграции, опыту проведения и результатам миграционной политики в России и мире.

Время: 10.45–13.00.

Обед.

Время: 13.00–14.00.

Сессия 9. Демографическая и семейная политика в России и мире: концепции, меры, оценка результативности.

Аннотация: сессия посвящена обсуждению концептуальных подходов, практических программ и оценке результативности демографической и семейной политики в России и мире.

Время: 14.00–17.00.

Завершающая пленарная сессия. Подведение итогов. Закрытие конференции.

Время: 17.15–18.15.

СЕССИЯ 1

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ. МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ДЕМОГРАФИИ И СМЕЖНЫХ НАУКАХ

*Акрамова Ш. Г.,
старший научный сотрудник
Научно-исследовательский центр
при Ташкентском государственном
экономическом университете
(Ташкент, Узбекистан)*

Демографические аспекты развития человеческого капитала в Узбекистане

Ключевые слова: Узбекистан, человеческий капитал, демография
JEL код: J10

Akramova S. G.

Demographic aspects of human capital development in Uzbekistan

В современных условиях человеческий фактор играет все более важную роль в развитии общества и экономики. Человеческий капитал при этом рассматривается в первую очередь как демографическое качество населения, а также как совокупность знаний, здоровья, мотивации, образовательных, профессиональных и духовных характеристик населения.

Несомненно, формирование и развитие человеческого капитала в первую очередь осуществляются на основе демографических факторов. В течение долгих лет экономисты и социологи ведут дискуссии о влиянии изменения численности населения на экономический рост. В результате были сформулированы три альтернативных подхода: пер-

вый — рост численности населения тормозит экономический рост; второй — рост численности населения способствует экономическому росту; и третий — численность населения и экономический рост являются независимыми категориями, изменение которых совершенно не влияет друг на друга [6]. В литературе чаще всего идет речь о трех основных демографических процессах, формирующих демографическую ситуацию того или иного общества: рождаемость, смертность и миграция. Демографические тенденции показывают демографический переход от высокого к низкому уровню смертности и рождаемости, что сопровождается ростом уровня образования и продолжительности жизни. В течение 1900–2015 гг. продолжительность жизни в мире увеличилась с 30 до 72 лет. В мире наблюдается старение населения. Так, если в последнее время соотношение населения в возрасте 65+ к возрастной группе 0–4 составляет около 1:1, то к 2050 г. этот показатель достигнет 3:1. Вместе с этим растет доля населения в трудоспособном возрасте, снижая демографическую нагрузку на трудоспособное население, пик которой был достигнут в 1965–1970 гг. [6].

Ряд исследований показывает, что более конкурентоспособными и экономически развитыми будут страны, обладающие большей численностью населения [1, с. 90]. Узбекистан с населением более 32 млн чел. является лидером по численности населения в Центральной Азии. Нужно отметить, что на современном этапе развития в Узбекистане сформировалось «демографическое окно возможностей», объясняемое оптимальной половозрастной структурой населения, которая способствует экономическому развитию страны. Демографический дивиденд претворяется в реальную жизнь через ряд механизмов:

- 1) повышая предложение трудовых ресурсов. Так, в Узбекистане демографическая нагрузка на трудоспособное население снизилась вдвое с 1,02:1 в 1991 г. до 0,62:1 в 2015 г., доля трудоспособного населения выросла с 49% в 1991 г. до 62% в 2015 г.;
- 2) уменьшая размеры семьи и повышая экономическую активность женщин. В настоящее время каждая узбекистанская семья имеет в среднем на 2 ребенка меньше, чем четверть века назад. По расчетам, к настоящему времени средний размер семьи снизился до 4,9 чел. [2, с. 24]. При этом абсолютная численность экономически активных женщин выросла за 2010–2015 гг. на 627 тыс. Нужно отметить, что доля женщин в общей численности занятых хоть и незначительно, но растет с 45,5% в 2010 г. до 45,7% в 2015 г. При этом наблюдается существенное снижение доли женщин в общей численности безработных с 53,7 до 43,9% за этот же период;
- 3) демографический дивиденд способствует увеличению сбережений, что, в свою очередь, увеличивает возможности инвестирования и экономического роста. Нужно отметить, что реальные

совокупные доходы населения страны ежегодно растут в среднем на 15% в год, а структура ВВП позитивно изменяется в сторону индустриальной составляющей. Совокупные депозиты физических лиц в номинальном выражении выросли за 2000–2015 гг. в 7 раз, тогда как в структуре депозитной базы коммерческих банков они увеличились с 7,8 до 41,5%;

- 4) повышая инвестиции в человеческий капитал. Координирование политик в области образования, здравоохранения, семьи и труда способствует эффективному использованию демографического дивиденда.

Исследования показали, что Восточноазиатское экономическое чудо на 1/3 зависит от эффективного использования демографического дивиденда, чем латиноамериканские страны не смогли вовремя воспользоваться [5]. Исследование по ряду индийских штатов за период 2001–2011 гг. показало отрицательное влияние демографического дивиденда на экономический рост, что объясняется отсутствием подходящих институтов для осуществления демографического дивиденда [7]. Исходя из этого можно утверждать, что для эффективного использования демографического дивиденда политические лидеры должны разработать соответствующие меры в области образования, здравоохранения, семьи, социальной защиты, труда и человеческого капитала в целом.

Литература

1. *Ионцев В. А., Магомедова А. Г.* Демографические аспекты развития человеческого капитала в России и ее регионах // Экономика региона. — 2015. — № 3. — С. 89–102.
2. *Убайдуллаева Р. А.* и др. Семья и семейные отношения в современном Узбекистане. — Ташкент, 2012. — 104 с.
3. URL: <http://www.worldbank.org>
4. URL: <https://gender.stat.uz/>
5. *Bloom D., Canning D. and Malaney P.* Demographic Transitions and Economic Miracles in Emerging Asia // World Bank Economic Review. — 2000. — No. 26. — P. 257–290.
6. *Bloom D., Canning D., Sevilla J.* Economic Growth and the Demographic Transition // NBER Working Paper. — 2001. — No. 8685. — December.
7. *Thakur V.* (2012). The Demographic Dividend in India: Gift or Curse? A State level analysis on differing age structure and its implications for India's economic growth prospects // Working paper Series. — 2012. — № 12–128. URL: <http://www.lse.ac.uk/>
1. *Ioncev V. A., Magomedova A. G.* Demograficheskie aspekty razvitiya chelovecheskogo kapitala v Rossii i ee regionah // Jekonomika regiona. — 2015. — No. 3. — S. 89–102.
2. *Ubaydullaeva R. A.* i dr. Sem'ja i semejnye otnoshenija v sovremennom Uzbekistane. — Tashkent, 2012. — 104 s.

*Алексеевко А. Н.,
д-р истор. наук,
директор НИЦ «Алтайтану»
(Усть-Каменогорск, РК)*

*Аубакирова Ж. С.,
канд. истор. наук,
доцент ВКГУ им. С. Аманжолова
(Усть-Каменогорск, РК)*

Демографические кризисы в Казахстане XX в.

Аннотация

В статье рассматриваются демографические кризисы в Казахстане в XX в., катастрофическое сокращение численности населения и резкое ухудшение главных демографических показателей — рождаемости и смертности (депопуляция населения). Особое внимание уделено анализу демографических последствий двух войн — Гражданской и Великой Отечественной, а также голода 1920-х и 1930-х гг. В демографической истории советского Казахстана выделено три этапа: первый (20–30-е гг. XX в.) и второй (1941–1945 гг.) обозначены как кризисные периоды, и третий этап (50–80-е гг. XX в.) — как период демографического восстановления, в значительной мере компенсировавший потери 1920–1940-х гг. В статье рассматриваются события, определившие негативные итоги первого этапа — демографические последствия голода 1921–1922 гг. и голода 1931–1933 гг. Проблема представлена на примере казахского этноса, так как вследствие активных миграционных перемещений потери неказахского населения (прежде всего русских) на территории республики выявить было сложно.

Ключевые слова: Казахстан, демографические кризисы, компенсаторные периоды, численность населения, голод 1920-х гг., голод 1930-х гг., Гражданская война, Великая Отечественная война

JEL код: J10

*Alekseyenko A. N.,
Doctor of Historical Sciences,
Altaytanu Research Center, Director
(Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)*

*Aubakirova Zh. S.,
Candidate of Historical Sciences,
S. Amanzholov East Kazakhstan
State University, Associate Professor
(Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)*

Demographic crises in Kazakhstan of the XX century

Abstract

The article considers demographic crises in Kazakhstan in the 20th century characterized by a catastrophic decrease in population and a sharp deterioration in main demographic

indicators — fertility and mortality (depopulation). It also pays particular attention to the analysis of the two wars' demographic consequences — Civil War and Great Patriotic War — and to the famine of the 1920s and 1930s. In the demographic history of Soviet Kazakhstan there were three stages. The first (1920—1930s) and the second (1941—1945) were considered as the time of crisis, the third stage (1950—1980s) being the period of demographic recovery since it had largely compensated for the losses of the 1920s — 1940s. The article also considers the events that determined the negative results of the first stage — the demographic consequences of the famines of 1921—1922 and of 1931—1933. The problem is represented by the example of the Kazakh ethnos, because due to the active migration movements it was difficult to identify the losses of the non-Kazakh population (especially Russians) on the territory of the republic.

Key words: Kazakhstan, demographic crises, compensatory periods, population, famine of the 1920s, famine of the 1930s, Civil War, Great Patriotic War

JEL code: J10

В истории воспроизводства населения Казахстана в XX в. были периоды глубоких провалов и подъемов, т. е. демографических кризисов и компенсаций. Демографические кризисы, представляющие собой катастрофическое сокращение численности населения, резкое ухудшение главных демографических показателей — рождаемости и смертности, фактически приводили к депопуляции населения. Однако, как правило, кризисы сопровождаются наступлением компенсаторных периодов. Поэтому изучение процессов воспроизводства населения Казахстана в XX столетии как волнообразных, инерционных, представляющих собой провалы и подъемы, кризисы и компенсации, позволит, на наш взгляд, более глубинно исследовать эти процессы.

Изучение кризисов и способов выхода из них позволит выработать инструменты для оздоровления современной демографической ситуации в Казахстане. Цель статьи — дать краткий анализ демографической истории Казахстана советского периода через призму трех этапов: 1) 20—30-е гг. XX в.; 2) 1941—1945 гг. — кризисных периодов и 3) 50—80-е гг. XX в. — периода демографического восстановления.

Демографические кризисы Казахстана, в частности, последствия голода 1920—1930-х гг. освещались в статье Ж. Б. Абылхожина, М. К. Козыбаева, М. Б. Татимова «Казахстанская трагедия» [2], в работах М. Б. Татимова «Социальная обусловленность демографических процессов» [17], М. Х. Асылбекова, А. Б. Галиева «Социально-экономические процессы в Казахстане» [8], Ж. Б. Абылхожина «Традиционная структура Казахстана» [3]. Демографические последствия Великой Отечественной войны отражены в монографиях М. К. Козыбаева [14], Г. А. Абишева [1], Т. Б. Балакаева [9]. Одним из источников, наиболее полно отражающим демографические последствия войны, является «Книга памяти Казахстана. Сводный том» [13]. Об итогах мобилизации в вооруженные силы

СССР в 1938–1945 гг. приведены статистические сведения по данным Госкомстата РК, статистических отчетов рабочих групп «Книги памяти Казахстана» и администрации области.

На основании статистических отчетов рабочих групп «Книги памяти Казахстана» и областных администраций сведены в таблицу статистические материалы о безвозвратной потере воинов-казахстанцев на фронтах Великой Отечественной войны по видам потерь (убиты в бою, умерли в госпиталях от ран и болезней, умерли в плену и не возвратились из плена, пропали без вести). В отдельные таблицы сведены сведения о безвозвратных потерях по итогам Великой Отечественной войны по национальностям и возрастам погибших.

На материалах Центрального Государственного архива РК по областям составлены таблицы рождаемости и смертности населения. Кроме того, в «Книге памяти» названы имена погибших Героев Советского Союза, кавалеров ордена Славы трех степеней, рассказано о деятельности эвакогоспиталей, о воинских формированиях республики на фронтах Великой Отечественной войны, о промышленности и транспорте, сельском хозяйстве, науке и культуре в годы войны.

Статистические материалы «Книги памяти» приняты нами за основу при характеристике демографических последствий Великой Отечественной войны.

Первым монографическим исследованием кризисов в Казахстане стала работа Н. В. Алексеенко и А. Н. Алексеенко «Демографические кризисы в Казахстане» [6], где изучены последствия экстремальных ситуаций в XX в.: джутов, Первой мировой и Гражданской войн, голода 1920–1930-х гг., Великой Отечественной войны, социально-экономического кризиса 1990-х гг. Отмечая малоизученность и сложность рассматриваемых проблем, авторы считают, что поставленные вопросы нуждаются в дальнейшем, более глубоком исследовании. Демографические компенсации как часть истории населения Казахстана остаются до сих пор малоизученными.

В демографической истории советского Казахстана довольно явно выделяются три этапа. Первый (20–30-е гг. XX в.) и второй (1941–1945 гг.) характеризуются демографическими кризисами. Особенностью третьего этапа (50–80-е гг. XX в.) является демографическое восстановление, в значительной мере компенсировавшее потери 1920–1940-х гг.

Рассмотрим первый этап. В 1921 г. в Поволжье, западных регионах Казахстана была засуха, что стало ведущей причиной голода в 1921–1922 гг. Особенностью Казахстана являлось и то, что возвращение кочевникам обработанных участков земли «повлекло за собой немедленный упадок сельскохозяйственного производства» [12, с. 262].

По нашим расчетам, жертвами голода стали около 415 тыс. казахов, или 18,5% казахского населения КАССР (без учета потерь в Джетысуйской и Сыр-Дарьинской губерниях, вошедших в состав республики в 1924 г.). В Актюбинской губернии потери составили 159 тыс. чел. (39,1% казахского населения в 1920 г.), Кустанайской — 60 тыс. чел. (37,6%), Акмолинской — 106 тыс. чел. (23,7%), Уральской — 70 тыс. чел. (22,9%), Букеевской — 33 тыс. чел. (14,6%), Оренбургской — 4 тыс. чел. (18,1%), Адаевском уезде — 3 тыс. чел. (2,6%). За счет миграций в более благополучные в сравнении с умирающими от голода регионы численность казахского населения увеличилась в Семипалатинской губернии (на 21 тыс. чел., или 3,7%) [4, с. 11–12].

Более катастрофические последствия имел голод 1931–1933 гг., основными причинами которого стали седентаризация и коллективизация. Потери казахов в 1930-е гг. составили, по расчетам авторов, 1839,4 тыс. чел., или 47,3% от численности этноса в докризисном 1930 г. Более всего пострадали казахи востока республики, потери здесь составили 379,4 тыс. чел., или 64,5% от численности этноса в 1930 г. В данном регионе наблюдалась наиболее значимая миграция, в первую очередь в пограничные районы Российской Федерации и Китая. Более половины численности этноса было потеряно в значительной мере вследствие миграции в РФ, в Северном Казахстане — 410,1 тыс. чел., или 52,3%. Западный Казахстан лишился 394,7 тыс. казахов, или 45,0%, Южный — 632,7 тыс., или 42,9%. Наименьший урон (22,5 тыс. чел., или 15,6% этноса) был зафиксирован в Центральном Казахстане, но не вследствие того, что голод миновал данный регион, а в силу миграции сюда голодающих из других областей, частично компенсировавших потери местного населения [5, с. 16].

За основу расчетов пострадавших от голода казахов приняты изменения в возрастной структуре между переписями населения 1920 и 1926 гг. (голод 1921–1922 гг.) и переписями населения 1926 и 1939 гг. (голод 1931–1933 гг.). Прослежена численность людей из каждой возрастной группы, доживших с 1920 до 1926 г. (с 1926 до 1939 г.). Выявлены изменения в каждой возрастной группе. Несовпадение показателей предполагаемой численности населения в каждой возрастной группе с учетом естественной смертности с реальным результатом и есть потери казахов в это время. Подчеркнем, в число потерь, фиксируемых с помощью данной методики, входят люди, пострадавшие от голода 1920–1930-х гг. (погибшие и откочевавшие), репрессированные, сосланные и т. д. Это есть это общие потери казахов в 1920–1930-е гг.

В постсоветской национальной историографии достаточно значимое место занимает точка зрения, что голод 1930-х гг. является геноцидом казахского народа. По мнению авторов, несмотря на столь существенные

потери, при изучении голода 1930-х гг. использование категории геноцида в рассмотрении политики советского государства в отношении казахов недопустимо. Действительно, кочевое население пострадало больше других, так как было очень далеко от предполагаемых идеалов советской власти в выстраивании сельского хозяйства в СССР.

В определенной мере наши убеждения подтверждают данные об этническом составе руководства республики. В результате коренизации в 1936 г. казахи составляли 66,6% Казахского Центрального исполнительного комитета (КазЦИКа), в руководстве республиканских наркоматов их удельный вес составил 64%, в составе руководящих работников исполкомов — 53%, председателей областных исполкомов — 55,5%. На 1 января 1937 г. казахи составляли 46,8% численности парторганизации республики (русские — 32,9%, украинцы — 9,7%, узбеки — 1,6%, уйгуры — 1,1%). В ходе коренизации предполагалось создание управленческого аппарата, максимально приближенного к населению [11, с. 29–32].

Результатом этого периода стало то, что ускоренное «втягивание» нормативов в советские социально-экономические, административно-территориальные стандарты привело к огромным демографическим потерям казахского населения.

Если рассмотреть второй этап — военный период в демографической истории, то следует отметить, что с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1945 г. было мобилизовано 1196,2 тыс. чел. К безвозвратным потерям относят убитых, пропавших без вести, попавших в плен, умерших в лечебных заведениях, умерших в плену. Велики безвозвратные потери воинов-казахстанцев. В ходе войны убиты в бою 279,7 тыс. чел., умерли в госпиталях от ран и болезней — 42,8 тыс., умерли в плену — 7 тыс., пропали без вести — 271,5 тыс. чел. [13, с. 272].

«Книга памяти Казахстана» приводит цифру безвозвратных потерь — 601 011 чел. [13, с. 272]. После выхода в свет «Книги памяти» скорбный список пополнился новыми данными: Казахстан потерял на фронтах Великой Отечественной войны 602 939 чел. [10]. Боевые потери составили 50,5% от общей численности мобилизованных. Основные потери пришлось на долю поколения от 18 до 30 лет — 27,9% от численности мобилизованных возрастов [13, с. 272].

Однако каждая война, кроме прямых потерь, несет за собой, к сожалению, и косвенные, связанные с такими демографическими процессами, как рождаемость, смертность и брачность населения.

Возрастная структура населения в предвоенные годы была довольно молодой. Доля людей старшего возраста (60 лет и более), по данным переписи 1939 г., составляла 5%, детей (0–14 лет) — 36,0% [6, с. 64].

Война оказала серьезное влияние на процессы воспроизводства населения Казахстана. Нарушились нормальные семейные отношения, упала

рождаемость, изменился тип смертности. Качество функционирования демографической системы было крайне низким.

В связи с большими потерями населения в годы войны в послевоенные годы образовалась значительная диспропорция в численности мужчин и женщин. Так, в 1959 г. (через 14 лет после окончания войны) на 1000 женщин возрастной группы 30–34 года приходилось 876 мужчин, 35–39 лет — 683 мужчины, 40–44 года — 694 мужчины, 45–49 лет — 704 мужчины [6, с. 67].

Представим распределение населения по полу и возрасту по данным переписи 1959 г. в виде возрастной пирамиды. В ней отмечается резкий провал в возрастных группах мужчин от 35 до 60 лет. Это люди, возраст которых к 1941 г. был от 18 до 40 лет. В возрастной группе от 30 до 34 лет мужчины составляли 8,4%, 35–39 лет — 4,1%, 40–44 года — 3,8%, 45–49 лет — 4,0%, 50–54 года — 3,5% [6, с. 68].

Третий период (50–80-е гг. XX в.) в значительной мере компенсировал потери 1920–1940-х гг., в этот период складывается качественно новая демографическая система, когда естественный прирост увеличивается в одно десятилетие (1950–1960 гг.) на 18,2% и достигает в 1960 г. наивысшего значения в истории Казахстана — 30,6 на 1000 населения [15, с. 74]. Это именно тот случай, который в науке именуется демографическим взрывом.

Демографический взрыв является составной частью демографического перехода, когда происходит перемещение от одного типа воспроизводства к другому (в Казахстане — от традиционного, аграрного типа воспроизводства к современному, индустриальному).

К особенностям демографического перехода в Казахстане можно отнести этническую дифференциацию прохождения его фаз. Здесь, безусловно, нужно обратить внимание на взаимодействие этносоциальных и демографических процессов. Так, в результате демографических катастроф казахов в первой половине XX в. и миграционного притока из других республик Советского Союза абсолютным большинством населения, особенно в городах, стали «европейские» этносы (прежде всего русские). Казахи, в большинстве своем, по-прежнему проживали в сельской местности (по данным Всесоюзной переписи населения 1959 г. — 75,7% этноса, 1970 г. — 73,7%) [16, с. 7–12]. Сельский образ жизни, как правило, консервирует традиционное репродуктивное поведение.

Демографический взрыв казахов 1960-х гг. можно считать уникальным событием в истории Казахстана XX в., когда произошла не только частичная компенсация предыдущих численных потерь, но и установилась новая тенденция — начало демографической модернизации на фоне социальной с эффектом «демографических волн», дающих свои благоприятные последствия для дальнейшего развития народонаселения республики.

Литература

1. *Абишев Г. А.* Казахстан в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. — Алма-Ата, 1958.
 2. *Абылхожин Ж. Б., Козыбаев М. К., Татимов М. Б.* Казахстанская трагедия // Вопросы истории. — 1989. — № 7.
 3. *Абылхожин Ж. Б.* Традиционная структура Казахстана: социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930). — Алма-Ата: Гылым, 1991.
 4. *Алексеевко А. Н.* Население Казахстана. 1920–1990 гг. — Алматы: Гылым, 1993.
 5. *Алексеевко А. Н.* Население Казахстана в 1926–1939 гг. // Компьютер и историческая демография: сб. науч. статей / под ред. В. Н. Владимировича. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000.
 6. *Алексеевко Н. В., Алексеевко А. Н.* Демографические кризисы в Казахстане. — Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2007.
 7. *Алексеевко Н. В., Алексеевко А. Н.* Демографические последствия голода 1920-х гг. в Казахстане: оценка потерь казахского этноса // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: сб. научных трудов 12-й международной научно-практической конференции. — Усть-Каменогорск, 2011.
 8. *Асылбеков М. Х., Галиев А. Б.* Социально-экономические процессы в Казахстане. — Алма-Ата: Гылым, 1991.
 9. *Балакаев Т. Б.* Колхозное крестьянство Казахстана в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). — Алма-Ата, 1971.
 10. *Белан П. С.* Синоним истории — правда // Казахстанская правда. — 2005. — 25 января.
 11. *Казиев С. Ш.* Политика коренизации и проблема межэтнического доверия в Казахстане (1923–1936 гг.) // Омский научный вестник. — 2015. — № 2.
 12. *Карр Э.* История советской России. Кн. 1: Т. 1 и 2. Большевицкая революция. 1917–1923: пер. с англ.; предисл. А. П. Ненарокова. — М.: Прогресс, 1990.
 13. Книга памяти Казахстана. Сводный том. — Алматы, 1995.
 14. *Козыбаев М. К.* Компартия Казахстана в период Великой Отечественной войны. — Алма-Ата, 1964.
 15. Население СССР. 1973: Статистический сборник. — М., 1975.
 16. Статистический сборник по отдельным показателям Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. — Алма-Ата: Республиканский информационно-издательский центр, 1991.
 17. *Татимов М. Б.* Социальная обусловленность демографических процессов. — Алма-Ата: Наука, 1989.
-
1. *Abishev G. A.* Kazahstan v Velikoj Otechestvennoj vojne Sovetskogo Sojuza 1941–1945 gg. — Alma-Ata, 1958.
 2. *Abylhozhin Zh. B., Kozymbaev M. K., Tatimov M. B.* Kazahstanskaja tragedija // Voprosy istorii. — 1989. — № 7.

3. *Abylhozhin Zh. B.* Tradicionnaja struktura Kazahstana: soc.-jekon. aspekty funkcionirovanija i transformacii (1920–1930). — Alma-Ata: Gylym, 1991.
4. *Alekseenko A. N.* Naselenie Kazahstana. 1920–1990 gg. — Almaty: Gylym, 1993.
5. *Alekseenko A. N.* Naselenie Kazahstana v 1926–1939 gg. // Komp'juter i istoricheskaja demografija: sb. nauch. statej / pod red. V. N. Vladimirova. — Barnaul: izd-vo Alt. un-ta, 2000.
6. *Alekseenko N. V., Alekseenko A. N.* Demograficheskie krizisy v Kazahstane. — Ust'-Kamenogorsk: Media-Al'jans, 2007.
7. *Alekseenko N. V., Alekseenko A. N.* Demograficheskie posledstvija goloda 1920-h gg. v Kazahstane: ocenka poter' kazahskogo jetnosa // Jetnodemograficheskie processy v Kazahstane i sopredel'nyh territorijah. Sb. nauchnyh trudov 12 mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Ust'-Kamenogorsk, 2011.
8. *Asylbekov M. H., Galiev A. B.* Social'no-jekonomicheskie processy v Kazahstane. — Alma-Ata: Gylym, 1991.
9. *Balakaev T. B.* Kolhoznoe krest'janstvo Kazahstana v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.). — Alma-Ata, 1971.
10. *Belan P. S.* Sinonim istorii — pravda // Kazahstanskaja pravda. — 2005. — 25 janvarja.
11. *Kaziev S. Sh.* Politika korenizacii i problema mezhjetnicheskogo doverija v Kazahstane (1923–1936 gg.) // Omskij nauchnyj vestnik. — 2015. — № 2.
12. *Karr Je.* Istorija sovetskoj Rossii. Kn. 1: Tom 1 i 2. Bol'shevistskaja revoljucija. 1917–1923. Per. s angl.; predisl. A. P. Nenarokova. — M.: Progress, 1990.
13. Kniga pamjati Kazahstana. Svodnyj tom. — Almaty, 1995.
14. *Kozybaev M. K.* Kompartija Kazahstana v period Velikoj Otechestvennoj vojny. — Alma-Ata, 1964.
15. Naselenie SSSR. 1973. Statisticheskij sbornik. — M., 1975.
16. Statisticheskij sbornik po otдел'nym pokazateljam Vsesojuznyh perepisej naselenija 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg. — Alma-Ata: Respublikanskij informacionno-izdatel'skij centr, 1991.
17. *Tatimov M. B.* Social'naja obuslovlennost' demograficheskich processov. — Alma-Ata: Nauka, 1989.

*Вишневский А. Г.,
д-р экон. наук,
директор Института демографии
НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

Нерешенные вопросы теории демографической революции¹

Ключевые слова: демографическая революция, демографический переход, демографическая система

JEL код: J10

¹ Полный текст доклада будет опубликован в первом номере электронного журнала «Население и экономика». URL: www.populationandeconomics.ru

*Vishnevsky A. G.,
Doctor of Economics,
Director of the Institute of Demography,
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)*

Outstanding issues in the theory of demographic revolution

Key words: demographic revolution, demographic transition, demographic system

Изучаются нынешний статус и нерешенные вопросы теории демографической революции (демографического перехода). Эти термины рассматриваются как синонимы, обсуждается вопрос об обстоятельствах появления двух параллельных терминов.

Дается краткий обзор истории становления теории, отмечается ее высокий авторитет и в то же время наличие нерешенных вопросов и постоянно раздающейся в ее адрес критики. Показано значительное расширение «поля зрения» теории за последние полвека в результате развития представлений об эпидемиологическом переходе, миграционном переходе, втором демографическом переходе и т. д.

Стандартное описание демографической революции через характеристику ее последовательных этапов не раскрывает ее содержания. Оно хорошо для первоначального знакомства с этим сложным историко-демографическим феноменом, но может служить лишь первым приближением к его более глубокому научному анализу. Теория не может ограничиться описанием происходящих перемен, она должна раскрыть их содержание, осмыслить их причины и последствия. Для этого надо обратиться к сути революционной трансформации, затронувшей все главные демографические процессы. В докладе развивается взгляд на демографическую революцию как на единство трех революций — в смертности, рождаемости и миграции — и подчеркивается неравноценный интерес теории к каждому из этих одинаково важных компонентов единого процесса: чрезмерный интерес к рождаемости и значительная недооценка миграции.

Одна из наиболее уязвимых сторон теории демографической революции в ее современном виде — ее противоречивая объяснительная логика. Идея перехода от равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к равновесию низкой смертности и низкой рождаемости, которую признают все теоретики демографической революции, означает, что в процессе перехода семья стремится к *сохранению* своего прежнего размера. Но при этом те же теоретики упорно ищут объяснения несуществующего факта — коренного *изменения* отношения людей к размеру семьи.

Особое внимание в докладе уделено интерпретации места демографической революции среди других масштабных исторических изменений

нескольких последних столетий. Всякий раз, когда теоретики демографической революции сталкиваются с изменениями в демографическом бытии людей, они пытаются объяснить эти изменения не внутренней логикой хода самой этой революции как достаточно автономного исторического процесса, а ищут внешних по отношению к нему объяснений. Снижение рождаемости, изменения брака и семьи и т. п. они рассматривают лишь как следствия перемен в экономике (в частности, промышленной революции), политике, культуре и пр. Но цепочку исторических событий можно видеть и по-иному. Снижение смертности в Европе, которое обозначилось задолго до промышленной революции, сделало возможным и необходимым не только снижение рождаемости, но и «миграционный переход», который создал предпосылки для роста городов и развития промышленности. При такой трактовке революции, а равноправный с нею результат происходивших ранее изменений, в том числе (а может быть, и в первую очередь) демографических. В докладе оспаривается трактовка демографических изменений как «зависимой переменной», недооценка относительной самостоятельности саморазвития демографической революции и ее влияния на другие фундаментальные общественные процессы.

Обсуждается вопрос об «эсхатологии» демографической революции, т. е. о конечном демографическом результате, к которому она ведет. Начиная с А. Ландри, автора термина «демографическая революция», среди демографов распространился взгляд на общество как на совокупность атомизированных рационально действующих индивидов, которые в своем демографическом поведении следуют лишь собственным интересам, обычно не совпадающим с интересами общества как целого.

Подобный взгляд не учитывает закономерностей жизнедеятельности общества как сложной многофункциональной системы. Демографическая система, будучи одной из его функциональных подсистем, сама является сложной системой и обладает способностью к самоорганизации и механизмами авторегуляции, которые приводят поведение элементов системы в соответствие с ее интересами как целого. Какими бы причинами ни вызывалось нарушение демографического равновесия, присущий любой сложной системе механизм обратных связей мобилизует внутренние ресурсы системы, и это позволяет если не полностью блокировать, то существенно ослабить последствия этих причин и не допустить нарушения демографического равновесия либо восстановить его в случае, если оно было нарушено. В этом проявляется способность системы к гомеостазу, т. е. к сохранению относительно устойчивых параметров демографического функционирования даже при значительных возмущениях внешней среды — природной или социальной.

К сожалению, в настоящее время современные представления о функционировании сложных систем и их способности к самоорганизации не интегрированы в теорию демографической революции, что препятствует ее превращению в законченную научную теорию.

*Дельва К. И.,
аспирант 1-го года обучения
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
Географический факультет
(Москва, Россия)*

Подходы к типологии демографической ситуации в регионах России

Аннотация

В статье рассматривается теоретический и практический опыт использования понятия «демографическая ситуация» и «(гео)демографическая обстановка» в исследованиях советских и российских демографов и экономико-географов. Рассматриваются плюсы и недостатки двух различных типологий, основанных на практическом апробировании вышеуказанных понятий. По итогам сбора, обработки и анализа статистики по российским регионам автор выделяет группу российских регионов со «стабильными» значениями населения за 1990–2015 гг. и предлагает собственную типологию регионов России по естественному и миграционному движению населения в период с 1990 по 2015 г.

Ключевые слова: демографическая ситуация, естественный и миграционный прирост, регионы России

JEL код: J10

*Delva K. I.,
PhD student
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Geography
(Moscow, Russia)*

Approaches to the typology of the demographic situation in the regions of Russia

Abstract

In the article, author considered the theoretical and practical experience of using the concept of “demographic situation” and “(geo) demographic situation” in the studies of Soviet and Russian demographers and economic geographers. It was examined the pros and cons of two different typologies, based on practical testing of the above concepts. As a results of the collection, processing and analysis of statistics on Russian regions, the author identifies a group of Russian regions with “stable” population values for 1990–2015 years and offers

its own typology of Russian regions on the natural and migratory movement of the population in the period from 1990 to 2015.

Key words: demographic situation, natural and migration movement, regions of Russia
JEL code: J10

Введение

Известно, что демографическая ситуация в России не является однородной и сильно дифференцирована от региона к региону. Главной причиной этого процесса является неравномерность прохождения различными российскими регионами демографического перехода. Попытки комплексного объяснения региональных различий народонаселения через понятие «демографическая ситуация» (или геодемографическая обстановка) предпринимались демографами эконом-географами с 1960-х гг. Сравнительный анализ понятий «демографическая ситуация» и «демографическая обстановка», проведенный Т. Ю. Кузнецовой [3, с. 7–10] открывает различия позиций ученых, занимающихся данными вопросами. Можно выделить несколько главных направлений позиций авторов.

1. Понимание понятий «демографическая ситуация» и «(гео)демографическая обстановка» как синонимов, отражающих комплексную демографическую характеристику населения определенной территории (А. У. Хомра) [3, с. 7].
2. Использование понятия «демографическая ситуация» как термина, обозначающего слепок или динамику взаимосвязанных характеристик воспроизводства населения на определенной территории (Д. И. Валентей, С. А. Ковалев, Л. Л. Рыбаковский).
3. Использование понятия «(гео)демографическая обстановка» как термина, подчеркивающего наличие внешних причин, воздействующих на воспроизводство населения (Н. Т. Агафонов, А. Н. Голубев, Г. М. Федоров).

Необходимо отметить и то, что определение демографической обстановки более характерно для эконом-географов. Его использование выводит на рассмотрение территориальной группы населения как демографической системе, меняющейся под влиянием внешних социально-эколого-экономических факторов, или являющейся частью большей по размеру геодемографической системы.

Несмотря на большую комплексность определения «(гео)демографической обстановки», в своей работе мы будем использовать определение демографической ситуации, которое дает С. А. Ковалев. Он понимает под ней «сложившееся в данной территориальной группе населения соотношение величин рождаемости, смертности, миграционной подвижности и тенденции их изменения, создающие в данное время определенную половозрастную структуру населения, определенную динамику его численности и условия его дальнейшего воспроизводства» [2].

За содержанием термина следует создание некоторой классификации или типологии, интерпретирующей данные в определенном теоретическо-методологическом русле. Так как определения демографов и эконом-географов разнятся, то стоит рассмотреть разработки представителей двух разных направлений (т. е. сторонников демографической ситуации и сторонников (гео)демографической обстановки).

В 2009 г. под руководством Л.Л. Рыбаковского был проведен анализ демографической ситуации по регионам, направленный на выявление источников демографической динамики и оценку уровней и региональных особенностей рождаемости, смертности, миграции и трудового потенциала. Результатом стала типология территорий по отдельным параметрам демографической ситуации. Основными параметрами рассмотрения являлись депопуляция (соотношение смертности и рождаемости), возрастные (в том числе нозологические), а также миграционные характеристики населения. Особенностью работы стало рассмотрение влияния компонентов по отдельности, без изучения взаимосвязей между ними. В частности, при вычислении влияния депопуляции на демографическую ситуацию автор проводит процедуру стандартизации коэффициентов, исключая влияние на показатели рождаемости и смертности изменений возрастной структуры [1].

Попытку осмыслить демографические перемены и классифицировать их предпринял Г. М. Федоров, основываясь на данных о населении регионов России 2012 г., провел корреляцию между основными демографическими и геодемографическими данными. В целом его выводы очевидны: показатели естественного прироста имеют прямую связь с рождаемостью и обратную — со смертностью. Миграционный прирост не имеет существенной связи с другими демографическими характеристиками. Г. М. Федоров выделил на основании демографических характеристик, отражающих естественное и механическое движение населения и возрастно-половой состав, восемь демографических типов субъектов РФ на 2012 г. [4]. Основным критерием выделения групп стало нахождение регионов в том или ином интервале значений естественного или миграционного прироста и убыли населения.

Сравнивая две вышеописанные типологии, стоит отметить преимущества и недостатки каждой из них. Положительной стороной типологии регионов России по компонентам демографической ситуации Л.Л. Рыбаковского является ее динамичность, отрицательной — единообразие и малая связанность показателей. Плюсом типологии (гео)демографической обстановки Г.М. Федорова можно назвать ее комплексность и связанность не только с демографическими характеристиками населения, но и социально-экономическими параметрами региона. Минус предлагаемой типологии — относительная статичность и отсутствие попытки изучить демографическую динамику.

Основная часть

Понимая сложность создания комплексной демографической типологии, нами предложена типология регионов России по естественному и миграционному движению населения относительно нулевой отметки в период с 1990 по 2015 г. Мы рассмотрели естественное и механическое движение населения регионов (субъектов) РСФСР/РФ по трем временным «срезам»:

- 1) 1990 г. — предпоследний год советского периода, характеризующий только начавшиеся перемены;
- 2) 2002 г. — год проведения первой Всероссийской переписи населения и своеобразный «срединный» год прошедшего постсоветского двадцатипятилетия;
- 3) 2015 г. — последний год, по которому есть статистика (на весну 2017 г.).

В результате сбора, обработки и анализа данных о населении 83 российских регионов (в работе не рассматривались регионы РФ, преобразованные в ходе изменений АД 2000-х гг. и включенные в 2014 г. в состав России Республика Крым и город Севастополь) [5; 6] в период с 1990 по 2015 г. выяснилось, что число регионов, имеющих устойчивый набор значений движения населения за изучаемый период времени, невелико. Таких «стабильных» регионов в постсоветской России всего 12. Восемь из них расположены в европейской части, являются традиционно «русскими» и претерпевают длительную естественную убыль населения. Большинство регионов группы (за исключением Владимирской и Тамбовской областей) имеют положительное значение миграционного прироста. Характерной особенностью регионов с положительными значениями миграционного прироста является их пристольное положение (Ленинградская и Московская области) или наличие крупного областного центра/агломерации (Ярославль, Тульско-Новомосковская агломерация, Воронеж, Липецк). Положительными значениями естественного прироста (ЕП) и отрицательными значениями миграционного прироста (МП) отличаются национально-территориальные образования, что обусловлено незавершившимся демографическим переходом.

Таблица 1

Регионы РФ со стабильными значениями показателей движения населения в 1990–2015 гг.

ЕП > 0; МП < 0	ЕП < 0; МП > 0	ЕП < 0; МП < 0
Республики Калмыкия, Тыва, Саха (Якутия); Чукотский АО	Московская, Ярославская, Тульская, Воронежская, Липецкая и Ленинградская области	Владимирская и Тамбовская области

Общая картина движения показателей регионов России за 1990–2015 гг. выглядит следующим образом (табл. 2).

Таблица 2

Группировка регионов по положительным/отрицательным значениям показателей движения населения (с учетом регионов со стабильными показателями из табл. 1)

Год	ЕП > 0, МП > 0	ЕП > 0, МП < 0	ЕП < 0, МП > 0	ЕП < 0, МП < 0	Всего субъектов РФСР/РФ
1990	19	47	17	4	88
2002	10	6	24	48	88
2010	13	30	18	22	83

Происходившие с 71 российским регионом колебания в показателях естественного и миграционного прироста за период с 1990 по 2015 г. можно объединить в четыре большие группы регионов.

1. **«Растущие» регионы**, для которых значения естественного и миграционного прироста выросли за исследуемый период. К этой группе регионов относятся субъекты РФ с двумя вариантами событий.

1.1. Достижение положительных значений естественного и миграционного прироста к 2015 г. (Москва, Ненецкий АО, Республика Ингушетия, Тюменская область).

1.2. Переход от отрицательных значений естественного и миграционного прироста к 2015 г. к положительным значениям естественного и миграционного прироста (Свердловская, Челябинская, Новосибирская и Томская области, Республика Хакасия, Красноярский край) или положительному значению одного из показателей движения населения (Курская, Нижегородская и Новгородская области).

2. **«Переменные» регионы**, в которых за постсоветский период произошла «инверсия» показателей естественного и миграционного прироста. Инверсия происходила по двум вариантам.

2.1. Переход от естественного прироста и миграционной убыли населения к миграционному приросту и естественной убыли населения (Белгородская область, Республика Адыгея).

2.2. Переход от естественной убыли и миграционного прироста населения к естественному приросту и миграционной убыли (Республика Коми, Мурманская область, Санкт-Петербург и Краснодарский край).

2.3. Отдельно можно выделить Астраханскую область и Республику Башкортостан, испытавшую инверсию по подгруппе 2.1. в 2002 г., а затем вернувшуюся к значениям на 1990 г.

3. **«Возвратные» регионы**, для которых в начале постсоветского периода была характерен переход к отрицательным показателям, а в период с 2002 по 2015 г. наблюдался возврат на прежние позиции.

3.1. Республика Татарстан, вернувшаяся к положительным значениям показателей естественного и миграционного прироста после естественной убыли населения в 2002 г.

3.2. Регионы, вернувшиеся к положительным значениям показателей естественного или миграционного прироста на 1990 г. после достижения показателей убыли населения на 2002 г. Наиболее распространен возврат к естественному приросту населения среди уральских (Республика Удмуртия, Пермский край и Оренбургская область), сибирских и дальневосточных регионов России (Омская, Иркутская, Магаданская, Сахалинская области, Забайкальский, Хабаровский и Камчатский края, Республика Бурятия) и Республики Чувашия. Для регионов Центральной России в большей степени характерен переход к миграционному приросту (Калужская и Рязанская области). В отдельных случаях «возвращение» сопровождалось «инверсией» значений по отношению к 1990 г. (Мордовская Республика).

3.3. Регион, испытавший изменение показателей движения населения с положительных на отрицательные значения к 2002 г., а затем вернувшийся к естественному приросту населения (Республика Карачаево-Черкесия).

3.4. Регионы, достигнувшие положительных значений показателей движения населения к 2002 г., но впоследствии их потерявшие (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО).

Таблица 3

**Типология регионов России по естественному
и миграционному движению населения в период с 1990 по 2015 г.**

Группа	Подгруппа	Число регионов, входящих в подгруппу
1. «Растущие» регионы	1.1. Достижение ЕП > 0 и МП > 0 к 2015 г.	6 (Москва, Санкт-Петербург, Ненецкий АО, Республика Ингушетия, Краснодарский край, Тюменская область)
	1.2. Преодоление ЕП < 0 и МП < 0 к 2015 г.	9 (Курская, Нижегородская, Новгородская, Свердловская, Челябинская, Новосибирская и Томская области; Республика Хакасия, Красноярский край)
2. «Переменные» регионы	2.1. Инверсия от ЕП > 0 и МП < 0 к ЕП < 0 и МП > 0	2 (Белгородская область, Республика Адыгея)
	2.2. Инверсия от ЕП < 0 и МП > 0 к ЕП > 0 и МП < 0	2 (Республика Коми, Мурманская область)
	2.3. Испытавшие инверсию по типу 2.1 и вернувшие к прежним значениям показателей ЕП и МП	2 (Астраханская область, Республика Башкортостан)

Окончание табл. 3

Группа	Подгруппа	Число регионов, входящих в подгруппу
3. «Возвратные» регионы	3.1. Вернувшиеся к значениям ЕП > 0 и МП > 0 к 2015 г.	1 (Республика Татарстан)
	3.2. Регионы, вернувшиеся к значениям 1990 г. после достижения ЕП < 0 и МП < 0	16 (Калужская, Рязанская, Оренбургская, Омская, Иркутская, Магаданская и Сахалинская области; Пермский, Забайкальский, Хабаровский и Камчатский края, Республики Бурятия, Чувашия, Мордовия, Марий Эл, Удмуртия)
	3.3. Регионы, вышедшие из ЕП < 0 и МП < 0 на 2002 г., но не достигшие значений 1990 г.	1 (Республика Карачаево-Черкесия)
	3.4. Регионы, достигнувшие ЕП > 0 и МП > 0 к 2002 г., но впоследствии вернувшиеся к ЕП > 0 и МП < 0	2 (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий АО)
4. «Падающие» регионы	4.1. Регионы, перешедшие от ЕП > 0 и МП > 0 к ЕП < 0 или МП < 0	9 (Калининградская, Ростовская и Саратовская области; Республики Северная Осетия — Алания, Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария; Алтай, Ставропольский край)
	4.2. Регионы, перешедшие от ЕП < 0 или МП < 0 к ЕП < 0 и МП < 0	21 (большинство регионов Центральной России, Севера, Северо-Запада, Поволжья и Дальнего Востока)

Таблица 4

Траектории изменения показателей в рассматриваемых группах регионов за 1990–2015 гг.

	1. «Растущие» регионы	2. «Переменные» регионы	3. «Возвратные» регионы	4. «Падающие» регионы		
ЕП > 0, МП > 0	↑			↓		
ЕП > 0, МП < 0					3.4	4.1
ЕП < 0, МП > 0		1.2	ЕП > 0, МП < 0 ЕП < 0, МП > 0		3.1–3.3	4.2
ЕП < 0, МП < 0		1.1				

Примечание: стрелки в таблице обозначают направление движения показателей регионов группы за 1990–2015 гг. Начало стрелки — 1990/2002 г., конец — 2010 г.

4. «**Падающие регионы**»; в регионах этой группы за постсоветский период происходило снижение показателей естественного и миграционного прироста. Их можно разделить на две подгруппы.

4.1. Регионы, перешедшие от положительных значений естественного и миграционного прироста населения к отрицательному значению естественного или миграционного прироста (Калининградская область, Республики Северная Осетия — Алания, Дагестан, Чечня, Кабардино-Балкария, Ставропольский край, Ростовская и Саратовская области, Республика Алтай).

4.2. Регионы, перешедшие от отрицательного значения естественного или миграционного прироста населения к обоим отрицательным значениям движения населения. В эту группу входит большинство регионов Центральной России, Севера, Северо-Запада, Поволжья и Дальнего Востока (стоит заметить, что в регионах Дальнего Востока намечается изменение показателей естественного прироста; вскоре их можно будет отнести в подгруппу 3.2).

Заключение

На наш взгляд, предложенная типология отражает лишь небольшой спектр демографической ситуации, но она позволяет отразить различия в демографической динамике регионов России по самым важным характеристикам (естественному и миграционному приросту/убыли населения) за длительный период времени.

Литература

1. Демографические контуры регионов России / под ред. Л. Л. Рыбаковского. — М.: Экон-Информ, 2009. — С. 171.
2. Ковалев С. А., Ковальская Н. Я. Понятие о демографической ситуации и демографической политике // География населения СССР. — М.: Наука, 1980. — 265 с.
3. Кузнецова Т. Ю. Геодемографическая обстановка в странах Балтийского макрорегиона: проблемы и перспективы. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2009. — 158 с.
4. Федоров Г. М. Об актуальных направлениях геодемографических исследований в России // Балтийский регион. — 2014. — № 2 (20). — С. 7–28.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: стат. сб. / Росстат. — М., 2007. — 981 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2013: стат. сб. / Росстат. — М., 2013. — 990 с.
1. Demograficheskie kontury regionov Rossii / pod red. L. L. Rybakovskogo. — М.: Jekon-Inform, 2009. — S. 171.

2. *Kovalev S. A., Koval'skaja N. Ja.* Ponjatie o demograficheskoj situacii i demograficheskoj politike // Geografija naselenija SSSR. — М.: Nauka, 1980. — 265 s.
3. *Kuznecova T. Ju.* Geodemograficheskaja obstanovka v stranah Baltijskogo makroregiona: problemy i perspektivy. — Kaliningrad, Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2009. 158 s.
4. *Fedorov G. M.* Ob aktual'nyh napravlenijah geodemograficheskikh issledovanij v Rossii // Baltijskij region. — 2014. — № 2 (20). — S. 7–28.
5. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2006: stat. sb. / Rosstat. — М., 2007. — 981 s.
6. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. 2013: stat. sb. / Rosstat. — М., 2013. — 990 s.

Денмухаметов Р. Р.,

канд. геогр. наук, доцент

Казанский федеральный университет

Институт экономики, управления и финансов

(Казань, Россия)

Зяблова О. В.,

канд. геогр. наук, доцент

Казанский федеральный университет

Институт экономики, управления и финансов

(Казань, Россия)

Малые города Республики Татарстан: современная демографическая ситуация, проблемы и перспективы развития

Аннотация

Малые города — особые объекты социально-экономического пространства, которые могут либо усилить его разнообразие и укрепить социально-экономическую основу региона, либо способствовать деградации как городского хозяйства, так и тяготеющих сельских районов. В статье приведены результаты анализа демографического состояния малых городов Республики Татарстан, выделены общие проблемы и перспективы их развития. Эти типы городских поселений имеют разные факторы возникновения и развития, их формирование относится к различным периодам истории. Отличается их современная специализация хозяйства. Часть малых городов находятся в депрессивном состоянии, обусловленном снижением численности населения, старением, потерей конкурентных преимуществ. Главная проблема большинства изученных городов — это неразвитость отраслей специализации, необходимость формирования принципиально новых направлений городского развития, связанных с пищевой промышленностью, торговлей, туризмом, обслуживанием транзитных транспортных путей, нематериальными видами производства.

Ключевые слова: малые города, городская экономика, развитие

JEL код: J10

Denmukhametov R. R.,
Professor of geography
Kazan Federal University,
Institute of Economics,
Management and Finance
(Kazan, Russia)

Zjablova O. V.,
Professor of geography
Kazan Federal University,
Institute of Economics,
Management and Finance
(Kazan, Russia)

Minor towns of the Republic of Tatarstan: the contemporary demographic situation, challengess and prospects for development

Abstract

Small cities are special objects of social and economic space: they can either enhance its diversity and strengthen the socio-economic system of the region, or lead to the degradation of the urban economy and also weaken the economy of the adjacent rural areas. This paper deals with the small cities of the Republic of Tatarstan — one of the most economically developed regions of Russia. We conducted the analysis of the demographic status of this category of urban settlements and defined common problems of and prospects for their development. Small and medium-sized cities in Tatarstan have quite different factors of origin and development, their formation falls within different historical periods. Modern specialization of the economy also varies greatly. Many small towns are depressed due to a decrease in population number, its aging, and loss of competitive advantages. The main problem of most of the studied cities — is insufficient development of industries of the urban economy specialization, the need to develop a fundamentally new area of urban development, associated with the food industry, trade, tourism, transport services in transit transport routes, and intangible activities.

Key words: minor towns, urban economy, development

JEL code: J10

Малые города часто характеризуются замедленным и даже регрессионным развитием [1, с. 4–13; 2, с. 9–18; 3, с. 34–43; 4, с. 232–258]. Однако они могут иметь большое число сценариев социально-экономического развития [5, с. 119–132]. Успешное развитие городов обусловлено не только экономическими факторами. Не в силах конкурировать с агломерациями, малые города продолжают терять население, наблюдается кризис в ведущих отраслях хозяйства. Но развитие подобных городов актуально для большой территории России.

Исходные данные по численности населения были взяты из баз данных Госкомстата Республики Татарстан (РТ). Статистическая обработка позволила выполнить группировку городов РТ. Проведен SWOT-анализ условий и угроз их развития.

В РТ сформировались 22 города, из них 11 средних городов и 7 малых. Проведенный нами анализ показателей, характеризующих демографическую ситуацию и структуру занятости по отраслям городской экономики, позволил объединить малые города республики в три группы.

I Города, тесно связанные с сельской местностью: Арск, Лаишево, Мамадыш. Ведущая отрасль хозяйства — переработка сельскохозяйственного сырья. Это города, относительно недавно получившие статус городского поселения.

II. Города, сохранившие крупные объекты культурно-исторического наследия, связанные со средневековым государством Волжская Булгария: Болгар, Тетюши. Основные проблемы этих городов — относительная неразвитость туристской инфраструктуры.

III. Города, имеющие две и более отрасли специализации, а также являющиеся значимыми транспортными центрами — Мензелинск, Агрыз.

Сильные стороны малых городов: наличие сложившихся устойчивых связей с селом, транспортная доступность, благоприятная экологическая обстановка, социальный и этнический мир, сохранение традиционных культурно-бытовых условий местным населением.

Слабые стороны малых городов: удаленность от Казани и крупных агломераций, старение населения, отрицательный прирост населения, распространение алкоголизма, невысокий уровень жизни населения, низкие темпы роста городской экономики, безработица среди молодежи, отсутствие предприятий современной индустрии.

Возможности внешней среды видятся в поддержке малых городов через республиканские социально-экономические программы, устойчивом положении на внутреннем региональном рынке продовольствия, интересе к малым городам со стороны туроператоров, развивающих внутренний туризм.

Можно выделить несколько возможных направлений развития малых городов РТ. Во-первых, более серьезное кооперирование с производителями сельхозпродукции и развитие пищевых производств на основе экологически чистого сельскохозяйственного сырья. Во-вторых, развитие внутреннего туризма, формирование экскурсионных и турмаршрутов и т. п. Этому направлению способствует наличие рекреационных ресурсов в большинстве малых городов региона.

В-третьих, малые города при наличии в них современной инфраструктуры со временем могут стать территориями субурбанизации с учетом роста числа специалистов, выполняющих дистанционную работу (фриланс), а также ростом тарифов на коммунальные услуги в крупных городах.

Таким образом, перспективы развития малых городов могут быть связаны с дальнейшим совершенствованием пищевых производств, особенно основанных на переработке органической продукции, а также с туризмом. Часть малых городов в силу многих причин в будущем может стать территориями со значительным притоком населения из крупных городов в рамках явления субурбанизации.

Литература

1. *Любовный В. Я.* Курс «на сжатие пространства»? // Градостроительство. — М.: Изд-во Всесоюзного научно-исследовательского института проблем научно-технического прогресса информации в строительстве, 2012. — № 4 (20).
2. *Скалон А. В.* Малый город: SWOT-анализ проблемного поля // Региональные исследования. Смоленский гуманитарный университет. — 2009. — № 6.
3. *Burdack J.* Small towns offside? Development of small towns in central Germany after 1990 // Geographische Rundschau. — 2007. — Vol. 59. — Issue 6. — June.
4. *Erickcek G. A., McKinney H. B.* “Small cities blues”: looking for growth factors in small and medium-sized cities // Economic Development Quarterly. — 2006. — Vol. 20. — Issue 3. — August.
5. *Fertner C., Groth N. B., Herslund L., Carstensen T. A.* Small towns resisting urban decay through residential attractiveness. Findings from Denmark // Geografisk Tidsskrift — Danish Journal of Geography. — 2015. — Vol. 115. — Issue 2. — 3 July.
1. *Ljubovnyj V. Ja.* Kurs „na szhatie prostranstva“? // Gradostroitel'stvo. — М.: Izd-vo Vsesojuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta problem nauchno-tehnicheskogo progressa informacii v stroitel'stve. — 2012. — № 4 (20).
2. *Skalon A. V.* Malyj gorod: SWOT-analiz problemnogo polja // Regional'nye issledovaniya. Smolenskij gumanitarnyj universitet. — 2009. — № 6.

Еремин А. А.,

*канд. геогр. наук, доцент кафедры
экономической географии и картографии
Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)*

Тарасова Е. В.,

*канд. истор. наук, доцент кафедры
документоведения, архивоведения
и исторической информатики
Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)*

Динамика и пространственные особенности современного демографического развития Алтайского края

Аннотация

В современных условиях неустойчивой демографической динамики в России большое значение имеют исследования, посвященные анализу основных тенденций

демографического развития российского населения. Вместе с тем «демографическая картина» страны очень разнообразна, что повышает актуальность изучения особенностей отдельных регионов страны. Другой важной задачей выступает оценка результатов реализации демографической политики в России, осуществляемой на протяжении последнего десятилетия.

В работе исследуются пространственно-временные особенности демографического развития Алтайского края в период с 2007 г. и до настоящего времени. Представлен анализ динамики численности населения и ее компонентов, возрастной структуры, рождаемости, смертности. Ситуация рассматривается для региона в целом, а также для муниципальных образований субрегионального уровня. Источниками информации выступают официальные статистические публикации.

Ключевые слова: демографическое развитие, Алтайский край, муниципальные образования, численность населения, возрастная структура, демографические процессы

JEL код: J10

Материалы подготовлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00350 «Методика оценки результативности демографической политики».

*Eremin A. A.,
candidate of geographic sciences,
associate professor,
department of economic geography
and cartography
Altai State University
(Barnaul, Russia)*

*Tarasova E. V.,
candidate of historical sciences,
associate professor,
department of document science, archival
science and historical informatics
Altai State University
(Barnaul, Russia)*

Dynamics and spatial features of present-day demographic development of the Altai Krai

Abstract

In modern conditions of unstable demographic dynamics in Russia, the studies devoted to the analysis of the main trends of the demographic development of the Russian population are of great importance. At the same time, the “demographic picture” of the country is very diverse, and that raises the urgency of studying the characteristics of individual regions of the country. Another important task is the evaluation of the results of the demographic policy in Russia, implemented during the last decade.

The paper investigates the spatial and temporal features of the demographic development of the Altai Krai in the period from 2007 to the present. The analysis of population dynam-

ics and its components, age structure, fertility and mortality is presented. The situation is considered for the region as a whole, as well as for municipalities of subregional level. The sources of information are official statistical publications.

Key words: demographic development, Altai Krai, municipalities, population size, age structure, demographic processes

JEL code: J10

В данном исследовании предпринята попытка оценки демографического развития Алтайского края и его территорий в течение последнего десятилетия. Именно с 2007 г., как принято считать, берет свое начало новейший этап российской демографической политики, в связи с чем важно проследить произошедшие с тех пор демографические изменения. Источником информации в работе выступают официальные данные Алтайкрайстата.

С 1995 г. число жителей Алтайского края непрерывно сокращается. За период 2007–2016 гг. население уменьшилось на 107 тыс. чел. — с 2473 до 2366 тыс. чел. (на 4,3%). До 2014 г. ежегодная убыль населения сокращалась, однако затем направление динамики изменилось, и с тех пор убыль стала нарастать (рис. 1).

Рис. 1. Численность (на начало года) и темпы прироста населения

В Алтайском крае население снижается вследствие одновременно естественной и миграционной убыли. Значение этих компонентов менялось: в 2007–2010 гг. естественная убыль превышала миграционную, с 2011 г. и до настоящего времени миграционный отток формирует преобладающую часть потерь населения (рис. 2).

С 2007 г. рождаемость росла, а смертность снижалась, что привело к сокращению естественной убыли населения, которая в 2013 г. достигла минимального значения. Однако, в отличие от России в целом, в Ал-

тайском крае естественный прирост так и не наступил, и кривые общих коэффициентов опять начали расходиться (рис. 3).

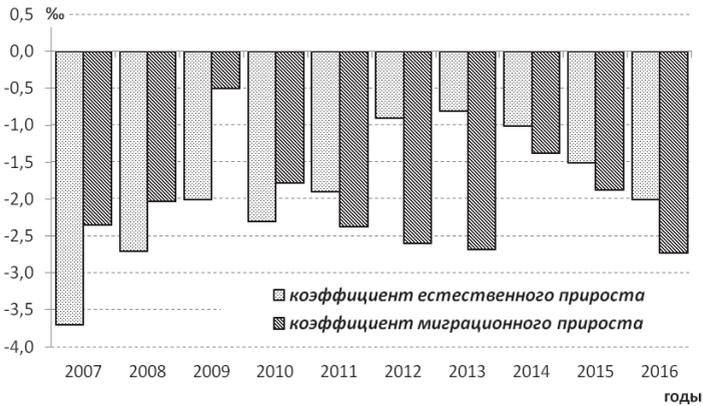

Рис. 2. Компоненты изменения численности населения

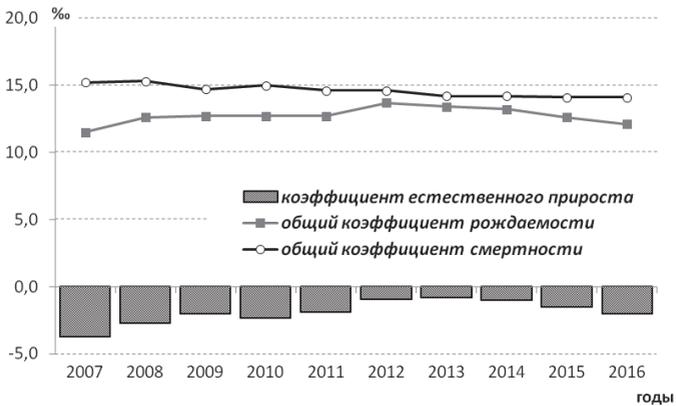

Рис. 3. Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения

Ключевым положительным явлением последнего десятилетия выступает устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни населения региона, как мужчин, так и женщин (рис. 4). Младенческая смертность в период 2007–2016 гг. снизилась с 10,2 до 7,3‰.

Возрастной состав населения за последние 10 лет изменился достаточно существенно: доля лиц рабочих возрастов сократилась на 8 п.п., в то время как доли детского и пожилого населения заметно выросли (рис. 5), что привело к значительному росту демографической нагрузки.

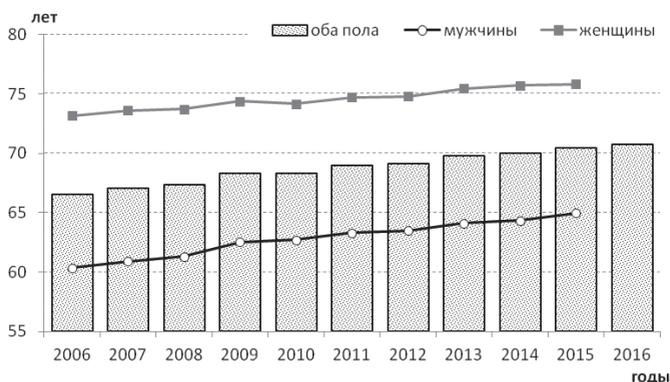

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении

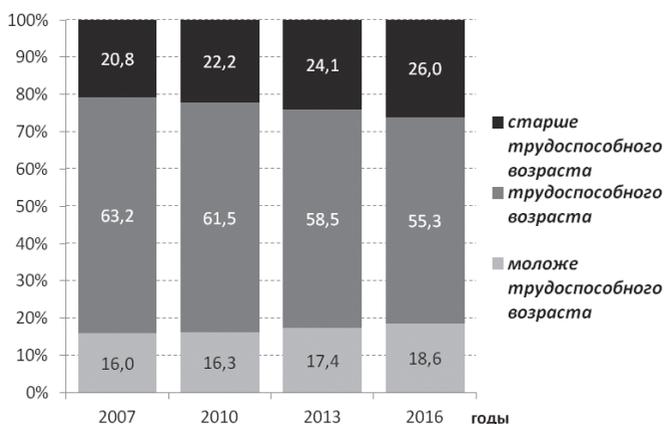

Рис. 5. Динамика состава населения по основным возрастным группам

Изучение пространственной дифференциации показателей демографического развития Алтайского края показало, что в регионе имеется менее десятка городских округов и муниципальных районов, население которых относительно устойчиво растет, население же остальных 60 территорий сокращается, причем более чем в 2/3 из них под воздействием одновременно естественной убыли и миграционного оттока. Естественный прирост населения наблюдается лишь в трех городах и двух районах края, в то же время положительное сальдо миграции встречается на отдельных территориях несколько чаще, однако нередко в достаточно скромных масштабах, либо же результаты миграционного обмена очень неустойчивы и подвергаются большим колебаниям от года к году. Возрастная структура многих муниципальных образований близка к обще-

краевой, однако большой группе территорий свойственны ускоренные темпы демографического старения, а это, в свою очередь, негативно сказывается на показателях рождаемости и смертности, формируется «демографический замкнутый круг». Омоложение возрастной структуры происходит лишь на территориях с благоприятной динамикой социально-экономического развития вследствие миграционного притока населения молодых возрастов.

Итак, в результате проведенного анализа было выявлено, что последнее десятилетие для Алтайского края стало временем неустойчивой динамики демографического развития. На фоне безусловно положительных тенденций роста продолжительности жизни и снижения младенческой смертности в регионе продолжилось сокращение населения вследствие естественной и миграционной убыли, ускорились старение населения и рост демографической нагрузки. Подавляющее большинство городских округов и муниципальных районов края характеризуются перечисленными негативными тенденциями, причем на некоторых территориях это проявляется в угрожающей степени. Вместе с тем лишь менее десятка субрегиональных муниципальных образований (из 70) могут быть охарактеризованы как относительно благополучные и растущие в демографическом плане. Все это говорит о необходимости дальнейшего совершенствования реализуемой в Алтайском крае демографической политики.

*Кашина М. А.,
канд. филос. наук, доцент
Северо-Западный институт управления,
филиал РАНХиГС при Президенте РФ
Факультет социальных технологий
(Санкт-Петербург, Россия)*

Социально-демографическая политика государства: в поисках гармонии интересов государства и населения

Аннотация

В статье исследуются вопросы эффективности государственной демографической политики. Одной из причин ее низкой эффективности является противоречие интересов населения и государства в вопросах репродуктивного поведения. Традиционная семья в странах, где завершён демографический переход, не может обеспечить рост рождаемости. В европейских странах значительную долю прироста рождаемости обеспечивают мигранты с традициями многодетности. Пронаталистская монетарная политика обеспечивает рост количества населения, но не гарантирует его качества. Для повышения рождаемости в благополучных российских семьях необходимо проведение политики баланса семейных и профессиональных ролей, поддержка эгалитарного гендерного контракта и формирование у родителей уверенности в за-

втрашаем дне своих детей. Это позволит перейти от экстенсивной к интенсивной демографической политике, в которой зону общих интересов государства и семьи образует качество населения, а не его количество.

Ключевые слова: демографическая политика, качество населения, традиционная семья, эгалитарный гендерный контракт

JEL код: J10

*Kashina M. A.,
PhD in philosophy, Assistant Professor
North-West institute of Management under
the Presidential Academy,
Department of Social Technologies
(Saint-Petersburg, Russia)*

Socio-demographic policy of the State: In the search for harmony between interests of the state and the population

Abstract

The article is focused on the issue of the effectiveness of the state demographic policy. The reason for its low effectiveness is the contradiction between the interests of the population and of the state in matters of the reproductive behavior. The traditional family can not ensure the growth of the birth rate in the countries where the demographic transition has completed. In European countries the migrants with a tradition of having many children have provided a significant share of the birth rate increase. The monetary pro-natal policy ensures the growth of the population, but does not guarantee its quality. In order to increase the birth rate in well-being Russian families, it is necessary to pursue the policy of balance between family roles and professional roles, support for the egalitarian gender contract, and make parents more confident about the good future for their children. This will create an opportunity to move from an extensive to an intensive demographic policy. In such policy, the state and the family are interested in the quality of the population, but not in its quantity.

Key words: demographic policy, population quality, traditional family, egalitarian gender contract

JEL code: J10

В современном мире практически нет стран, чью социально-демографическую политику можно было бы признать полностью успешной. Акцент на традициях и закрытость страны для мигрантов обратились для Японии проблемой постарения и возросшей нагрузкой на систему социального обеспечения. Заимствование трудовых ресурсов и обогащение генофонда за счет мигрантов породили в Европе серьезную этническую напряженность.

Продолжается неконтролируемый рост населения в развивающихся странах. В 2014 г. $K_{\text{суммарн.рожд}}$ в Нигере составил 6,89 на женщину репродуктивного возраста [Суммарный коэффициент рождаемости...]. В Индии, второй по численности населения стране в мире, $K_{\text{суммарн.рожд}}$ составил 2,51, т. е. в ней продолжается расширенное воспроизводство населения.

Китай, проводивший политику «одна семья — один ребенок» и достигший показателя в 1,55 рождения на одну женщину, сегодня столкнулся с серьезными диспропорциями в половозрастной структуре населения и постепенно отказывается от жесткого контроля рождаемости.

Неравномерность расселения в мире и различия в уровне социально-экономического развития отдельных стран породили трудовую миграцию, в том числе нелегальную, которая влечет за собой множество политических проблем.

Тем самым можно констатировать, что социально-демографическая политика и на глобальном, и на национальном уровне оказывается неэффективной.

Причин этого множество, выделим несколько наиболее очевидных.

1. Недооценка политиками сложности и инерционности демографических процессов и переоценка степени их управляемости. Отсутствие системного подхода к решению задач демографического развития. Лучший пример — ситуация с мигрантами в Европе, где политика мультикультурализма потерпела фиаско, а мигранты из блага превратились в большую проблему.
2. Подмена демографической политики семейной и (или) миграционной. Эта причина — следствие предыдущей. Системный подход предполагает комплексный анализ ситуации и обеспечение синергетического эффекта управленческих воздействий. Семейная политика должна улучшать ситуацию в демографическом развитии и оптимизировать миграцию, а миграция выступать фактором укрепления семьи и повышения демографических показателей. В жизни получается наоборот: семейные традиции мигрантов вступают в конфликт с семейными традициями коренных жителей, а рождаемость приезжих опережает рождаемость местных, вызывая рост ксенофобии.
3. Признание репродуктивных прав граждан. В современном обществе человек имеет право сам решать, иметь или не иметь детей, когда и сколько. В развитых странах, завершивших демографический переход, произошла трансформация семейных ценностей от детоцентризма к супружеству, что привело к снижению рождаемости. В развивающихся странах, не завершивших демографический переход, национальные традиции, несмотря на экономические проблемы, поощряют многодетность. И то и другое слабо поддается прямому контролю государства.

В результате всего вышеизложенного «игра» государства с населением превращается в «игру с нулевой суммой», потому что их интересы оказываются диаметрально противоположными. Интересы граждан, лежащие в современном (постиндустриальном) обществе в плоскости высокого уровня и качества жизни, не совпадают со стратегическими интересами

государства, связанными с расширенным воспроизводством населения и борьбой с депопуляцией.

Задача данной статьи — обоснование путей интенсификации российской демографической политики путем преодоления противоречия интересов населения и государства. Гипотеза исследования состоит в том, что рост рождаемости в российском обществе может быть обеспечен не возвратом к традиционным формам семьи с высокой демографической нагрузкой женщин, а проведением политики обеспечения баланса семьи и работы, развитием партнерских отношений между супругами, а также формированием у них уверенности в завтрашнем дне своих детей через развитие инфраструктуры социального воспроизводства (системы образования и здравоохранения). В связи с этим зону общих интересов государства и населения образует не количество населения, а его качество.

Чтобы показать влияние консервативных форм семьи на уровень рождаемости, в первой части статьи проводится обзор результатов пронаталистской политики в Японии. Далее анализируется опыт демографической политики Франции как пример либерального подхода к семейным отношениям. В заключение рассматриваются предложения по интенсификации российской демографической политики.

Говоря о целях демографической политики, необходимо четко понимать, на какую перспективу она рассчитана, каких результатов собирается добиться государство. При этом вопрос оценки эффективности демографической политики как достижения запланированных целей с минимальными затратами остается актуальным в любом случае.

Высокий уровень человеческого капитала населения — ключевой фактор экономического развития в информационных обществах, основанных на экономике знаний. Поэтому в социальной политике, с нашей точки зрения, конечным результатом выступает улучшение условий и повышение качества социального развития (воспроизводства), ведущее к росту человеческого капитала личности и страны в целом. Основные затраты при этом связаны с повышением качества населения, т. е. здоровьем и образованием людей, а не с пронатальным стимулированием рождаемости и ростом количества людей.

Тем более что статистика свидетельствует: рост общего коэффициента рождаемости в России уже прекратился, начиная с 2013 г. он остановился на отметке в 13,3‰ [7, с. 84]. Имеющийся в стране естественный прирост населения обеспечивают многочисленные когорты женщин, родившиеся в 1980-х гг. и вступившие в репродуктивный возраст. Демографы заявляют, что результаты обследований населения не подтверждают «высокую результативность мер демографической политики по стимулированию рождаемости, предпринятых государством после 2005 г. ...можно отметить лишь сегментированные и едва заметные положительные сдвиги

с неочевидными долгосрочными перспективами... которые касаются в основном женщин с низким образовательным статусом» [1].

Учитывая, что в ближайшее время в репродуктивный возраст начнут вступать немногочисленные контингенты женщин, родившихся в 1990-е гг., нас ждет очередная демографическая яма.

Готова ли Россия тратить серьезные деньги из государственного бюджета на семейные пособия и широко открыть двери мигрантам, как это делают в европейских странах? Видимо, нет. В связи с этим все чаще звучат призывы опереться при решении демографических проблем на традиционные семейные формы и сложившиеся обычаи, а не уповать только на социальные выплаты семьям с детьми. В качестве одного из направлений интенсификации демографической политики предлагается, например, «поддержка традиционного этноса российского народа, ценностных ориентаций на семейную жизнь и многодетность» [5, с. 64].

Насколько успешно реализуется пронаталистская политика в странах, завершивших демографических переход, но при этом сохранивших традиционные формы семьи, показывает опыт Японии.

В 2014 г. $K_{\text{суммарн.рожд.}}$ японцев равнялся 1,4 (201-е место в мировом рейтинге). И это является успехом, поскольку в 2005 г. он составил всего 1,26 [2]. При этом правительство Японии с начала XXI в. проводит активную политику повышения рождаемости, однако она разбивается о те самые семейные традиции, которые предлагается взять в качестве основы повышения рождаемости в России.

М. Варламова характеризует семейную политику Японии как несогласованную и в силу этого неэффективную. Она «носит ярко выраженный пронаталистский характер, с отдельными чертами протрадиционной модели и влиянием консервативно-корпоративистской философии при декларируемом стремлении к эгалитарному скандинавскому типу» [2]. Другими словами, эгалитарный гендерный контракт, предусматривающий бикарьерную семью и совместное ответственное родительство супругов, не вписывается в сложившиеся в стране традиции. Японские мужчины по-прежнему играют роль кормильцев, даже если этого не требует ситуация. Они уделяют 27,4% своего времени оплачиваемой занятости и только 5,7% — работе по дому. Мужчины в Швеции, напротив, 20,1% своего времени тратят на работу и 10% — на работу по дому.

В отличие от европейских стран, «брак в Японии по-прежнему остается всеобщим — вплоть до 1970-х гг. менее 3% женщин в возрасте 50–54 года, согласно переписным данным, никогда не состояли в браке. С 1980 г. показатель вырос на 5%, составив 8,7% в 2010 г. В Японии до сих пор чрезвычайно низка доля детей, рожденных вне зарегистрированного союза. За почти 40-летний период уровень внебрачной рождаемости в Японии вырос в 2,3 раза, достигнув отметки в 2,14%, в то время как во Франции

и Швеции сегодня уже более половины всех рождений приходится на незарегистрированные браки. Чуть меньше уровень в Германии (32%) и Италии (17,7%)... В Японии один из самых низких показателей разводов — 6 разводов на 1000 существующих браков при этом коэффициент повторных браков устойчиво не превышает 2%» [2].

Вот, казалось бы, искомый идеал. Однако в этой очень крепкой японской семье, как уже отмечалось, очень низкая рождаемость. М. Варламова объясняет это существованием замкнутого круга: «Рождения по-прежнему возможны только в браке, но отсутствие эгалитарного гендерного контракта и нарушение баланса между личной и профессиональной сферами жизни приводит к тому, что *зарегистрированный брак воспринимается как обязательный, но достаточного тяжелый элемент индивидуальной жизненной траектории* (курсив наш. — М. К.)» [2].

Еще одна хорошая семейная традиция — уход за пожилыми родителями. Для Японии она оборачивается отложенным вступлением в брак и снижением рождаемости, потому что «уход за пожилыми родителями должна осуществлять жена старшего сына. Однако в результате демографического перехода старший сын стал в семье единственным, также часто единственным ребенком в семье является и жена, и, таким образом, на нее ложится ответственность за четырех пожилых родителей и собственных детей. В расширенных семьях женщина могла рассчитывать на помощь свекрови, но в современном обществе доминирует нуклеарный тип семьи — с 1920 г. количество домохозяйств с другими родственниками (кроме семейной пары и их детей) упало с 38 до 10%» [2].

Можно возразить, что у россиян таких строгих традиций заботы взрослых детей о пожилых родителях нет, выросшие дети предпочитают жить отдельно, и это не может вести к снижению рождаемости, как в Японии. Однако неолиберальная социальная политика ведет к тому, чтобы ответственность за нетрудоспособных членов семьи взяла на себя семья. Отсутствие традиций ухода за пожилыми в данном случае обернется ростом домашнего насилия в отношении стариков, стремлением отправить их в дома престарелых и тоже может стать причиной разводов и снижения рождаемости. Правда, с учетом пользы, которые могут принести бабушки и дедушки в уходе за внуками, совместное проживание оказывается даже полезным, если бы не «квартирный вопрос», остро стоящий в городских условиях.

Другим полюсом демографической политики, ориентированным на индивида, а не на традиционную семью, выступают страны Северной Европы и Франция. Французская политика повышения рождаемости считается образцовой. Но следует помнить, что ее главными мерами всегда были меры экономические. «Семейные пособия поглощают

около 2,6% ВВП Франции (в Швеции, Дании, Финляндии эта доля составляет 4%) и имеют более 100 разновидностей. Бюджет НКСП (Национальная касса семейных пособий. — М. К.) превышает оборонный бюджет страны» [3]. Добавим к этому многообразие форм семьи и большую долю мигрантов в населении, которые могут получать семейные пособия и обеспечивают рост рождаемости. В настоящее время расширение притока мусульманских мигрантов во Францию, отмечают специалисты, приобрело необратимый характер вследствие натурализации, высокого уровня рождаемости (в 2–3 раза выше, чем у коренного населения) и политики воссоединения семей мигрантов... во Франции проживает самая многочисленная мусульманская диаспора в Европе, а ислам превратился во вторую религию страны... По разным данным и оценкам, во Франции в 2013–2014 гг. насчитывалось от 4,7 млн до 6 млн мусульман, т. е. от 7 до 9,6% населения страны. Для сравнения, в 2014 г. в Германии их численность составляла 4,1 млн (5% населения), в Великобритании — 2,9 млн (4,6%), в Италии — 1,5 млн (2,5%), в Испании около 1 млн (2,2%). По данным исследовательского центра Pew, в 2030 г. эта цифра для Франции составит 10,3%, или более 7 млн мусульман-мигрантов» [8, с. 59].

В 2014 г. $K_{\text{суммарн.рожд.}}$ во Франции составил 2,08 [Суммарный коэффициент рождаемости...]. Страна практически обеспечивала замещение поколений и была на 112-м месте в мире из 223 по этому показателю. Во всех других развитых странах рождаемость была ниже, даже в США, где этот показатель составил 2,01 (124-е место в мировом рейтинге). Великобритания по уровню рождаемости в 2014 г. опередила Северные страны. У нее $K_{\text{суммарн.рожд.}}$ был 1,9; в Швеции 1,88; в Норвегии 1,86; в Финляндии 1,73. В то же время Соединенное Королевство часто приводят в качестве примера страны, вступившей в третий демографический переход: в Лондоне живет больше выходцев из других стран и их потомков, чем коренных британцев, многие из них сохраняют традиции многодетности стран исхода.

Таким образом, можно констатировать, что в современном (постиндустриальном) обществе многодетность (скорее даже среднедетность) реальна только в случае материальной поддержки государства и разрушения независимости семьи. Пример Японии показывает, что женщина, обремененная большим объемом домашней работы в силу традиционного разделения ролей в семье, не будет стремиться к раннему вступлению в брак и многодетности.

Несмотря на звучащие сегодня призывы к многопоколенной и многодетной семье, самый распространенный в России тип семьи совсем не традиционный в полном (японском) смысле слова. Как отмечает М. Муравьева, «государственная поддержка семьи, приоритет материнства за счет отцовства в контексте прямой связи между демографией и семейной

репродукцией, вряд ли позволяют считать такую (советскую. — М. К.) модель традиционной» [6, с. 633], поскольку именно автономность, закрытость и независимость от государства выступают основными характеристиками семьи в традиционном обществе. Понятно, что они противоречат самой идее вмешательства государства в дела семьи и искусственного (материального) стимулирования рождаемости.

Люди, разделяющие эгалитарные представления о возможности и необходимости взаимодополнения семейных и профессиональных ролей мужчин и женщин, встречаются во всех социальных группах российского общества, но больше их оказывается среди высокообразованных и социально активных женщин. «Раньше возвращаются на работу (после рождения ребенка. — М. К.), — отмечает О. Исупова, — женщины-предприниматели или те, кто занимает руководящие посты» [4, с. 197]. Женщинам, состоявшимся в профессии, не хочется с ней расставаться, как и терять источник собственного (и не маленького) дохода. Именно в таких семьях будут практиковаться партнерские отношения. Тем самым, чем меньше гендерный разрыв между супругами в экономическом и человеческом капиталах, тем будет больше ответственного родительства и взаимопомощи в семейных делах, тем более качественными растут следующие поколения. Чем гендерный разрыв больше, тем сильнее социально-экономическая зависимость в семье, тем меньше вовлечен отец в заботу о детях и тем меньше может дать мать своим детям в плане их личностного развития, потому что ее человеческий капитал достаточно низок. Именно поэтому монетарная пронаталистская политика, состоящая в выплате пособий семьям с детьми, без одновременного создания условий для роста качества рожденных детей оказывается путем экстенсивного демографического развития.

Достижение запланированных к 2025 г. валовых показателей численности населения и ожидаемой продолжительности жизни не решает задачу обеспечения экономики России качественной рабочей силой. Их выполнение лишь увеличит нагрузку на Пенсионный фонд и расходы бюджета на выплату пенсий в связи с ростом числа пенсионеров, рост рождаемости приведет к увеличению выплат матерям и семьям с детьми. В результате денег на развитие образования и здравоохранения вновь не останется, особенно если заметного экономического роста не произойдет. Образуется замкнутый круг, разорвать который можно только сменой принципов проведения демографической политики, отказом от экстенсивного воспроизводства населения.

Подводя итоги, можно сделать ряд выводов.

1. Высокого уровня рождаемости в странах, завершивших демографический переход, можно добиваться по-разному. Во Франции используются меры экономической поддержки женщин/мужчин с детьми и репродуктивный потенциал мигрантов-мусульман,

придерживающихся традиций многодетности. В странах Северной Европы к этому добавляется политика обеспечения баланса семьи и работы, расширения эгалитарных форм отношений в браке и свободы семейных отношений.

2. Развитые страны с традиционными формами семьи и акцентированием ролей мужчины-кормильца и женщины-матери демонстрируют низкие уровни рождаемости (Испания (1,48), Италия (1,42), Греция (1,41), Япония (1,4), Польша (1,33), Южная Корея (1,25), потому что женщины в этих странах не стремятся к увеличению демографической нагрузки и откладывают рождение детей.
3. Российская семья, не являясь в классическом смысле традиционной, имеет опыт гендерного контракта «работающая мать», поэтому политика обеспечения баланса семьи и работы будет более адекватна сложившимся традициям и нормам, чем идеалы многодетной, многопоколенной семьи с неработающей женщиной-домохозяйкой.
4. Интенсификация и повышение эффективности российской демографической политики связаны не с формальным увеличением показателей рождаемости путем монетарной пронаталистской политики, а с постановкой цели повышения качества новых поколений и создания институциональных предпосылок для этого (развитие системы образования и здравоохранения). Это будет способствовать сближению желаемого (2–3) и реального (1–2) числа детей в семье. Повышение уверенности в завтрашнем дне своих детей (через рост их человеческого и физического капиталов) выступает стимулом повышения рождаемости в благополучных семьях. Со стратегической точки зрения это важнее, чем повышение рождаемости в бедных и неблагополучных семьях, стремящихся, используя семейные выплаты, решить свои материальные проблемы, исполняя «госзаказ на детей».

Литература

1. *Андреев Е. М., Захаров С. В.* Микроперепись-2015 ставит под сомнение результативность мер по стимулированию рождаемости // Демоскоп Weekly. — 2017. — № 711–712. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php> (дата обращения: 15.05.2017).
2. *Варламова М. А.* Семейная политика в Японии // Demoscope weekly. — 10–23 марта 2014. — № 589–590. [Электронный ресурс]. URL <http://demoscope.ru/weekly/2014/0589/demoscope589.pdf> (дата обращения: 15.05.2017).
3. *Зубченко Л. А.* Семейная политика Франции // Demoscope weekly. — 1–23 января 2011. — № 449–450. [Электронный ресурс]. URL <http://demoscope.ru/weekly/2011/0449/analit03.php> (дата обращения: 15.05.2017).

4. *Исупова О. Г.* Материнская карьера: дети и трудовые стратегии // Социологические исследования. — 2015. — № 11.
5. *Локосов В. В.* Переход от экстенсивной к интенсивной демографической политике // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2014. — № 3 (33). — С. 57–68.
6. *Муравьева М. Г.* Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // Журнал исследований социальной политики. — 2014. — Т. 12. — № 4.
7. Российский статистический ежегодник. 2016: стат. сб./ Росстат. — М., 2016.
8. *Трофимова О. Е.* Миграционные тенденции во Франции: новые реалии // Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века / отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. — М.: ИМЭМО РАН, 2016.
9. Суммарный коэффициент рождаемости. Межстрановые сравнения. Country Comparison > Total fertility rate. [Электронный ресурс]. URL <http://www.indexmundi.com/g/r.aspx?t=0&v=31&l=en> (дата обращения: 15.05.2017).
1. *Andreev E. M., Zaharov S. V.* Mikroperepis'-2015 stavit pod somnenie rezul'tativnost' mer po stimulirovaniju rozhdaemosti // Demoskop Weekly. — 2017. — № 711–712. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0711/tema01.php>. Data obrashhenija 15 maja 2017 g.
2. *Varlamova M. A.* Semejnaja politika v Japonii // Demoscope weekly. — 10–23 marta 2014. — № 589–590. [Jelektronnyj resurs]. URL <http://demoscope.ru/weekly/2014/0589/demoscope589.pdf>. Data obrashhenija 15 maja 2017 g.
3. *Zubchenko L. A.* Semejnaja politika Francii // Demoscope weekly. — 1–23 janvarja 2011. — № 449–450. [Jelektronnyj resurs]. URL <http://demoscope.ru/weekly/2011/0449/analit03.php>. Data obrashhenija 15 maja 2017 g.
4. *Isupova O. G.* Materinskaja kar'era: deti i trudovye strategii // Sociologicheskie issledovanija. — 2015. — № 11.
5. *Lokosov V. V.* Perehod ot ekstensivnoj k intensivnoj demograficheskoj politike // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2014. — № 3 (33). — С. 57–68.
6. *Murav'eva M. G.* Tradicionnye cennosti i sovremennye sem'i: pravovye podhody k tradicii i modernu v sovremennoj Rossii // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. — 2014. — Т. 12. — № 4.
7. Russkij statisticheskij ezhegodnik. 2016: stat. sb./ Rosstat. — М., 2016.
8. *Trofimova O. E.* Migracionnye tendencii vo Francii: novye realii // Francija na poroge peremen: jekonomika i politika v nachale XXI veka / Otv. red.: A. V. Kuznecov, M. V. Klinova, A. K. Kudrjavcev, P. P. Timofeev. — М.: ИМЭМО РАН, 2016.
9. Summarnyj koefficient rozhdaemosti. Mezhsranovye sravnenija. Country Comparison > Total fertility rate. [Jelektronnyj resurs]. URL <http://www.indexmundi.com/g/r.aspx?t=0&v=31&l=en>. Data obrashhenija: 15 maja 2017 g.

Клупт М. А.,
д-р экон. наук,
декан гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского государственного
экономического университета
(Санкт-Петербург, Россия)

Битвы интерпретаций на политико-демографической арене: ситуационный анализ и теоретический синтез

Ключевые слова: политическая демография
JEL код: J10

Klupt M. A.,
Doctor of Economic Sciences,
Dean of the Faculty of Humanities
St. Petersburg State Economic University
(Saint-Petersburg, Russia)

Battles of interpretation in the political and demographic arena: situation analysis and theoretical synthesis

1. Пьер Бурдьё писал в свое время о том, что «в качестве структурированных и структурирующих инструментов коммуникации и познания “символические системы” выполняют свою политическую функцию средства навязывания или легитимации господства (символического насилия), поддерживая своими силами отношения силы, которые их создают, и участвуя таким образом в том, что Вебер называл “приручением подвластных”» [1, с. 92]. В советское время говорили проще — об идеологической борьбе. Впоследствии этот термин оказался табуирован, по крайней мере, в демографии, однако сама борьба за «легитимную» (в терминологии Бурдьё) интерпретацию событий, в том числе на демографическом поле, и связанную с ней «символическую власть» никуда не делась. Сведя все разнообразие идей к дихотомии, можно говорить о борьбе (нео)либеральной и (нео)консервативной трактовок демографического развития.

2. Французский демограф Э. Ле Брас в самом начале 1990-х гг. решительно раскритиковал «демографическую одержимость (*obsession*)» своих сограждан и заявил о том, что столь популярный среди них пронатализм прямоком ведет в лагерь Национального фронта (его тогда возглавлял Ж.-М. Ле Пен) [3]. В тот же период романтики второго демографического перехода полагали, что он, стартовав в Северной и Западной Европе, в недалеком будущем не только перешагнет Альпы и Пиренеи, но и ох-

ватит едва ли не все цивилизованное человечество. Спустя четверть века Марин Ле Пен, новый лидер Национального фронта, набрала во втором туре президентских выборов треть голосов; на президентских выборах в США победили Д. Трамп и его антииммигрантская повестка; симпатии американцев уже долгие годы делятся между *pro choice* и *pro life* практически пополам, а о теории второго демографического перехода вспоминают все реже. Сегодня, таким образом, больше оснований говорить не о победе либеральной или консервативной интерпретаций демографического развития, а об их «вечном бое» и задуматься о его движущих силах.

3. Одной из таких сил стала глобализация, или, точнее, ее версия, тесно связанная с попытками наднациональной бюрократии и ряда NGO ограничить национальный суверенитет. Действие породило противодействие как на правительственном, так и на неправительственном уровнях (подробнее об этом см. в [2]). Другой формой протеста стали «антииммиграционные» голосования на президентских выборах в США и Франции, земельных в Германии, референдумах в Великобритании, Венгрии, Дании и т. д. Данные опросов свидетельствуют, что недовольство глобализацией, евроинтеграцией и иммиграцией сосредоточено в одних и тех же группах населения — квалифицированных рабочих, лиц с относительно невысоким уровнем образования, лиц старше 40 лет, «белых провинциалов», обеспокоенных притоком иммигрантов. Все это позволяет предположить, что борьба либерального и консервативного начал за «легитимную интерпретацию» процессов рождаемости и международной миграции уходит корнями в глобализацию, обделяющую своими плодами определенные группы населения и порождающую их протест.

4. Спрос на политических рынках порождает предложение. В Великобритании и США спрос на жесткую иммиграционную политику со стороны «неэлиты» был настолько сильным, что расколол политическую элиту. Одна ее часть поставила на антииммиграционную карту в предвыборной борьбе с другой и победила.

5. Причиной «вечного боя» либеральной и консервативной трактовок являются также культурно-психологические механизмы межпоколенной передачи установок и их пространственной диффузии. В США, например, за республиканцев, отличающихся более консервативными по сравнению с демократами установками в семейной и демографической сфере, из раза в раз голосуют одни и те же штаты.

6. Недавние голосования на Западе обнаружили почти полную непроницаемость академического и массового дискурсов миграции. Последний, реагируя на непосредственно воспринимаемую реальность и ее представление «массовыми» СМИ, почти глух к слишком абстрактным для него уверениям в том, что иммиграция поможет смягчить последствия старения населения. Судя по данным опросов, за Брекзит проголосовали по 70% тех, кто чаще всего читал таблоиды *The Sun* и *The*

Daily Express, но только 22 и 9% читателей «серьезных» *The Financial Times* и *The Guardian* [4].

Литература

1. *Бурдые П.* Социология социального пространства. — СПб.: Алетейя, 2007.
 2. *Клунт М.* Международное измерение демографической политики // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2015. — № 8. — С. 5–13.
 3. *Le Bras H.* Marianne et les lapins. L'obsession demographique. — Paris: Oliver Orban, 1991.
 4. *Ponsford D.* Study: Readers of The Sun, Express, and Daily Mail strongly favoured Brexit in EU referendum // *Press Gazette.* — Dec. 7. — 2016. URL: <http://www.pressgazette.co.uk/study-readers-of-the-sun-express-and-daily-mail-strongly-favoured-brexit-in-eu-referendum/>
-
1. *Burd'e P.* Sociologija social'nogo prostanstva. — SPb.: Aletejja, 2007.
 2. *Klupt M.* Mezhdunarodnoe izmerenie demograficheskoj politiki // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija.* — 2015. — № 8. — S. 5–13.

Коровкин А. Г.,
д-р экон. наук, зав. лаб. ИНП РАН,
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Экономический факультет
(Москва, Россия)

Долгова И. Н.,
канд. экон. наук, доцент,
ст. научн. сотр. ИНП РАН
(Москва, Россия)

Королев И. Б.,
канд. экон. наук,
ст. научн. сотр. ИНП РАН
(Москва, Россия)

Демографический фактор во взаимосвязанной динамике сферы занятости и профессионального образования в РФ

Аннотация

Рассматриваются проблемы взаимосвязанной динамики сферы занятости и системы профессионального образования по его уровням. Показано, что взаимосвязанная динамика сферы занятости и системы профессионального образования определяется действием различных факторов, как эндогенных, так и экзогенных по отношению к рассматриваемым сферам. Обсуждаются вопросы учета демографического фактора как важнейшего среди них при анализе процесса согласования спроса на рабочую силу и ее предложения. Показаны различия в процессе согласования

спроса на рабочую силу и ее предложения, обусловленные в том числе различиями в демографических тенденциях.

Ключевые слова: занятость, рынок труда, сфера образования, согласование, демография

JEL коды: J11, J21

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-02-00542 «Взаимосвязь сфер занятости и профессионального образования в прогнозно-аналитическом исследовании динамики национального и региональных рынков труда в России».

Korovkin A. G.,
Doctor of economic sciences,
Head of the laboratory, IEF RAS
Professor of Lomonosov Moscow State University
Faculty of Economics
(Moscow, Russia)

Dolgova I. N.,
Candidate of economic sciences,
Associate Professor,
Senior researcher, IEF RAS
(Moscow, Russia)

Korolev I. B.,
Candidate of economic sciences,
Senior researcher IEF RAS
(Moscow, Russia)

The demographic factor in the interrelated dynamics of employment and professional education in Russia

Abstract

The problems of interlinked dynamics of employment and vocational education spheres by its levels are discussed. It is shown that the interrelated dynamics of employment and of vocational education system is determined by various factors, both endogenous and exogenous in relation to the spheres. The way of how to take into account the demographic factor as the most important among them by analysis of labour demand and labor supply adjustment process is discussed. Differences in the process of labour demand and labor supply adjustment are shown, including due to differences in demographic trends.

Key words: employment, labour market, education, adjustment, demography

JEL codes: J11, J21

Сложившиеся демографические тенденции являются во многом определяющими как для развития сферы профессионального образования, так и для сферы занятости и рынка труда, что предопределяет актуальность их учета при анализе и прогнозировании взаимосвязанной динамики этих систем. Специфика текущего момента определяется не только

негативным влиянием демографического фактора, по крайней мере на уровне экономики страны в целом, но и теми структурными изменениями, которые происходят под влиянием этих тенденций (или являются следствием попыток противодействия им). Например, на макроэкономическом и микроэкономическом уровнях усиливается конкуренция за рабочую силу, что ведет к изменениям в структуре распределения рабочей силы и занятости по регионам и видам экономической деятельности [1; 2]. Задача экспорта образовательных услуг также в значительной степени возникает потому, что необходимо использовать потенциал системы профессионального образования в ситуации сокращения его потенциальных контингентов. В более широком контексте можно также говорить и о том, что сфера занятости и система профессионального образования «конкурируют» между собой за одни и те же контингенты населения. И если на определенном этапе расширение системы профессионального образования способствовало демпфированию ситуации на отечественном рынке труда и препятствовало росту молодежной безработицы, то в условиях дефицита рабочей силы такая «конкуренция» может приносить и негативные результаты. Молодежь рано выходит на рынок труда, часто совмещая работу и учебу, перегретый молодежный рынок труда приводит к повышенным непроизводительным затратам со стороны работодателя, формирует завышенные ожидания у молодежи. В то же время роста качества подготовки кадров не происходит, за счет перераспределения рабочей силы между секторами создаются предпосылки для обострения структурных проблем на рынке труда, взаимовыгодная система взаимодействий между институтами рынка труда и системы профессионального образования также выстраивается с трудом.

При этом одну из главных ролей в процессе согласования спроса на рабочую силу и ее предложения играет профессиональное образование, во многом из-за несовпадения профессионально-квалификационных и образовательных характеристик на рынках труда возникает структурная несбалансированность. Качественное и количественное рассогласование спроса и предложения на национальном и локальных рынках труда продолжает оставаться одной из ключевых макроэкономических проблем, что предопределяет важность осуществления соответствующих специальных мер при реализации структурно-инвестиционной политики [3]. Несовпадение качественных характеристик спроса на рабочую силу и ее предложения на отечественном рынке труда и в его отдельных сегментах определяет одновременное существование как неудовлетворенного спроса на рабочую силу, так и ее неудовлетворенного предложения. В целях их смягчения, а также для разработки и реализации направленных на это мер социально-экономической политики необходима перспективная оценка динамики основных параметров занятости и рынка труда с учетом динамики системы образования по его уровням и образовательных характе-

ристик рабочей силы. Обеспечение более высокой степени согласования спроса на рабочую силу различного уровня образования (особенно работников, чей уровень квалификации соответствовал бы создаваемым в экономике высокопроизводительным рабочим местам) и ее предложения позволит заметно смягчить проблему структурной несбалансированности на национальном и региональных рынках труда. В определенной степени частным случаем такой несбалансированности является ситуация на молодежном рынке труда: значительная часть выпускников трудоустраивается не по специальности, среди них наблюдается высокий уровень безработицы. По данным обследований рабочей силы, примерно у трети выпускников работа не связана с полученной специальностью [4]. Многие работают не по специальности еще во время учебы, что имеет достаточно серьезные среднесрочные последствия. Если работа во время обучения не была связана с получаемой специальностью, то 60% выпускников учреждений высшего и среднего профессионального образования выходили на рынок труда и искали новую работу [5]. В то же время стремление продолжить карьеру на том же месте является и доминирующей причиной отказа от поиска работы. Кроме того, анализ структуры не искавших работу выпускников показывает, что только в 10% случаев это связано с получением работы по распределению или в связи с ранее заключенным договором с работодателем. Вероятно, это свидетельство недостаточной развитости и популярности этих механизмов.

Вышеназванные и другие особенности определяют и специфику процесса согласования спроса на рабочую силу, и ее предложения, для более детального анализа которого используется соответствующая модификация прогнозно-аналитической модели, где выпускники учреждений профессионального образования рассматриваются в качестве отдельной группы на рынке труда. С помощью этого инструментария можно проверить гипотезы как о различиях в интенсивности движения спроса на рабочую силу и ее предложения в различных сегментах рынка труда, так и о степени влияния на процесс согласования других факторов, в том числе демографического. В случае наличия соответствующей статистической информации целесообразно рассмотреть и более детальный случай, поскольку вполне логично предполагать, что поведение выпускников различных учреждений профессионального образования (и прежде всего высшего и среднего) на рынке труда различно и согласование спроса на их труд и предложения происходит по-разному.

Литература

1. Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б. Дефицит рабочей силы в экономике России: макроэкономическая оценка // Проблемы прогнозирования. — 2006. — № 4. — С. 34–51.
2. Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Единак Е. А., Королев И. Б. Ощущают ли отечественные предприятия дефицит на рынке труда // Стратегическое пла-

- нирование и развитие предприятий. Секция 5 / материалы Четырнадцатого всероссийского симпозиума. Москва, 9–10 апреля 2013 г. / под ред. чл.-корр. РАН Г. Б. Клейнера. — М.: ЦЭМИ РАН, 2013. — С. 74–76.
3. Структурно-инвестиционная политика в целях устойчивого роста и модернизации экономики: Научный доклад / рук. и отв. редактор: академик В. В. Ивантер. — М.: ИНП РАН, 2017. — 34 с. URL: <http://ecfor.ru/publication/strukturno-investitsionnaya-politika-v-tselyah-ustojchivogo-rosta-i-modernizatsii-ekonomiki/> (дата обращения: 15.03.2017).
 4. Выборочное обследование трудоустройства выпускников. Росстат. 2016. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html (дата обращения: 15.03.2017).
 5. Обследование рабочей силы. Росстат. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (дата обращения: 31.05.2017).
1. *Korovkin A. G., Dolgova I. N., Korolev I. B.* Deficit rabochej sily v jekonomike Rossii: makroekonomicheskaja ocenka // Problemy prognozirovaniya. — 2006. — № 4. — S. 34–51.
 2. *Korovkin A. G., Dolgova I. N., Edinak E. A., Korolev I. B.* Oshhushhajut li otechestvennye predpriyatija deficit na rynke truda / Strategicheskoe planirovanie i razvitie predpriyatij. Sekcija 5 / materialy Chetyrnadcatogo vserossijskogo simpoziuma. Moskva, 9–10 aprelja 2013 g. / pod red. chl.-korr. RAN G.B. Klejnera. — М.: СJeMI РАН, 2013. — S. 74–76.
 3. Strukturno-investicionnaja politika v celjah ustojchivogo rosta i modernizacii jekonomiki. Nauchnyj doklad / rukovoditel' i отв. redaktor: akademik V.V. Ivanter. — М., INP RAN, 2017. — 34 s. URL: <http://ecfor.ru/publication/strukturno-investitsionnaya-politika-v-tselyah-ustojchivogo-rosta-i-modernizatsii-ekonomiki/> (data obrashhenija: 15.03.2017).
 4. Vyborochnoe obsledovanie trudoustrojstva vypusnikov. Rosstat. 2016. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/itog_trudoustr/index.html (data obrashhenija: 15.03.2017).
 5. Obsledovanie rabochej sily. Rosstat. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140097038766 (data obrashhenija: 31.05.2017).

Королев С. В.,

канд. истор. наук, доцент

Удмуртский государственный университет,

Институт социальных коммуникаций

(Ижевск, Россия)

Социальная поддержка многодетных семей в Удмуртской Республике в 90-е гг. XX в.

Аннотация

Многодетная семья в период социально-экономического кризиса 90-х гг. XX в. оказалась в тяжелом положении вследствие разрушения советской системы со-

циального обеспечения, исчезновения государственных льгот и гарантии на детей. Поэтому на государственном уровне принимаются меры, направленные на поддержку этой категории семей. В статье на примере Удмуртской Республики проведен анализ реализации федеральных и республиканских нормативно-правовых актов, направленных на поддержку многодетных семей. В результате изучения архивных и статистических данных сделан вывод о том, что значительная часть принятых мер носила декларативный характер, на реализацию льгот, различных форм поддержки в федеральном и республиканском бюджетах средств выделялось недостаточно. Многодетные семьи, лишившись многих видов поддержки, оказались в наиболее бедственном положении и по совокупным доходам уступали другим категориям малообеспеченных граждан: пенсионерам, инвалидам, матерям-одиночкам и т. д. Это стало одной из причин последовательного снижения численности детей и старения населения республики.

Ключевые слова: многодетная семья, государственная поддержка, проблемы, Удмуртия

JEL коды: J13, I32, H53

Korolev S. V.,
Ph.D., Associate Professor
Udmurt State University
Institute of Social Communications
(Izhevsk, Russia)

Social support for large families in the Udmurt Republic in the 1990s

Abstract

A multi-child family in the period of the social and economic crisis of the 90s of the XX century found itself in a difficult situation due to the destruction of the Soviet social security system, the repeal of state benefits and social guarantees for children. Therefore it was necessary to take measures to support this category of families at the state level. In the article, the case of Udmurt Republic is used for analysis of the implementation of federal and republican regulatory legal acts aimed at supporting large families. The results of archival research as well as analysis of statistical data shows that measures were mostly of a declarative nature, state benefits and other various forms of support both on the federal and the republican levels were under-financed. Families with many children, lacking this support, found themselves in the most distressed situation and ceded to other categories of low-income citizens by aggregate income: pensioners, invalids, single mothers, etc. This was one of the reasons for the consistent decrease in the number of children and the aging of the population in Udmurt republic

Key words: multi-child family, state support, problems, Udmurtia

JEL codes: J13, I32, H53

Многодетная семья еще в советский период занимала особое положение среди других категорий семей, однако в 1990-е гг. благоприятный период для многодетной семьи, связанный с тесной опекой со стороны

государства, различных видов помощи предприятий и общественных организаций, закончился. Многодетные семьи, лишившись многих видов поддержки, оказались в наиболее бедственном положении и по совокупным доходам уступали другим категориям малообеспеченных граждан: пенсионерам, инвалидам, матерям-одиночкам, и т. д.

По итогам переписи 1989 г. в Удмуртии проживало 30 547 многодетных семей, в том числе с тремя детьми — 24 103 семьи, с четырьмя детьми — 4281 семья, с пятью и более — 2163 семьи. С началом реформ обозначились негативные тенденции, связанные со снижением третьих и более по порядку рождения детей, если в 1987 г. их доля в общем количестве рождений составляла в городских поселениях 13,8%, в сельских 33,1%, то в 1991 г. уже соответственно 11,0 и 29,6%. Число семей с тремя и более детьми за межпереписной период уменьшилось на одну тысячу с 13,2 до 12,1%, уменьшился средний размер семьи с 3,5 до 3,4 [9, с. 5–7]. Общее количество многодетных семей за 12 лет сократилось на 11 417 семей, в 1989 г. насчитывалось 30 547 семей, а в 2001 г. только 19 130, это 5,6% от общего количества семей [6, с. 47].

Основным документом, определяющим социальный статус многодетной семьи в республике, стало постановление Совета Министров УР от 29 июля 1992 г. «О мерах по социальной поддержке многодетных семей», в соответствии с которым многодетными и нуждающимися в дополнительной социальной поддержке признавались семьи, воспитывающие трех и более детей в возрасте до 18 лет и имеющие совокупный ежемесячный доход на каждого члена семьи не выше двух минимальных размеров оплаты труда, установленного законодательством.

Данным решением многодетным семьям республики с 1 июля 1992 г. были установлены следующие виды льгот: скидка в размере 30% установленной платы за пользование отоплением, водой, канализацией, газом и электроэнергией; бесплатная выдача лекарств, приобретаемых по рецептам врачей, для детей в возрасте до 6 лет; бесплатный проезд на внутригородском транспорте для учащихся общеобразовательных школ; прием детей в дошкольные учреждения в первую очередь; бесплатное питание для учащихся общеобразовательных и профессиональных учебных заведений; бесплатное обеспечение школьной формой; один день в месяц для бесплатного посещения музеев, парков культуры и отдыха, а также выставок.

На муниципальном уровне исполнительные органы власти должны были оказывать помощь многодетным родителям в организации крестьянских хозяйств, малых предприятий, обеспечивать выделение для этих целей земельных участков, предоставлять льготы по земельному налогу и арендной плате, материальную помощь в развитии хозяйств, а также льготные кредиты, дотации, беспроцентные ссуды на приобретение строительных материалов и строительство жилья.

Госкомитету УР по занятости населения предлагалось учитывать необходимость трудоустройства многодетных родителей в региональных программах занятости, а Министерству труда УР и Удмуртскому республиканскому управлению статистики отслеживать уровень жизни и доходов многодетных семей с целью осуществления мероприятий по оказанию им необходимой помощи. Расходы на осуществление мер по усилению социальной поддержки многодетных семей предполагалось осуществлять из федерального, регионального и местных бюджетов.

Если бы данные меры были реализованы в полном объеме, то материальное положение многодетных семей значительно бы улучшилось, а для малодетных семей, в особенности в сельской местности и малых городах, появились бы дополнительные стимулы для рождения детей. Однако этого не произошло, так как средств на исполнение взятых обязательств у государства в необходимом количестве не нашлось. В 1995 г. более 15 тыс. многодетных семей в республике имели право на пользование льготами, сумма финансовых затрат на реализацию льгот в ценах на 1 апреля 1995 г. составила 53 млрд руб. и представляла для бюджета непосильную нагрузку [13, с. 8].

Существовала и другая проблема. В соответствии с республиканским решением воспользоваться льготами могли только те семьи, в которых доход на каждого члена семьи составлял не выше установленного размера минимальной месячной оплаты труда, а так как «минималка» была сильно занижена, рассчитывать на помощь могла только часть семей. На 1 ноября 1993 г. в республике было зарегистрировано 11 768 таких семей, это меньше половины их общего количества [9, с. 20].

Постановлением Правительства УР от 17 января 1994 г. № 13 были внесены поправки в постановление от 29 июля 1992 г., в соответствии с которыми планка малообеспеченности повышалась с одно- до двукратного размера минимальной заработной платы на одного члена семьи, однако это не сильно изменило ситуацию. Как справедливо заметила одна отчаявшаяся женщина, «она, наверное, должна начать пить и бросить своих детей, чтобы государство наконец вспомнило об их существовании». Несправедливость положения подчеркивала председатель Ассоциации многодетных семей г. Ижевска Н. Ф. Сметанина, утверждавшая, что «на учет нуждающихся было поставлено не более 15% многодетных семей, в основном те семьи, где трудно учесть доход семьи: предприниматели, совместители и др.», «на сегодня (15 марта 1995 г.) минимальный прожиточный уровень составляет 185 тыс. руб., а перерегистрируют только семьи с доходом 47 тыс. руб. на человека», при этом требуют справки с работы за последние два месяца и никого не интересует, что начисленная зарплата существует только на бумаге, многие предприятия не получали еще зарплату за декабрь, детские

пособия в республике выплачиваются с задержкой в полгода и более» [13, с. 7–10].

В последующие годы проблема сохранялась. Так, в г. Ижевске в 1999 г. из 3858 многодетных семей воспользовались правом на льготы 1965 семей (50,9%), в связи с тем, что темпы роста среднемесячной заработной платы за 1999 г. по отношению к 1998 г. составили 142,2%, 30% многодетных семей лишились права на получение льгот, несмотря на то что соотношение их доходов к прожиточному минимуму уменьшилось [11]. По официальным данным, количество малообеспеченных многодетных семей, взятых на учет службами семьи города Ижевска, выросло с 1992 по 1995 г. на 1370 семей, количество детей в этих семьях увеличилось более чем в 2 раза, на 6804 ребенка, затем наблюдается обратный процесс — с 1995 по 2000 г. количество малообеспеченных семей, взятых на учет, уменьшилось на 1511 семей, детей — на 5938 чел. [5].

Снижение или повышение количества малообеспеченных многодетных семей (в связи с вышеприведенными причинами), как правило, было искусственным (т. е. не связанным с ростом доходов в многодетных семьях) и напрямую зависело от размера минимальной заработной платы (в 2000 г. 192 руб. на чел.), эта норма была установлена еще в 1994 г., и в этот период, несмотря на инфляцию, изменения в действующее законодательство внесены не были.

Реализация льгот многодетным малообеспеченным семьям осуществлялась в каждом районе неодинаково и часто не в полной мере. По данным Министерства социальной защиты населения, в 1999 г. в 27 районах республики бесплатное питание получали практически 100% школьников из малообеспеченных семей, а в Камбарском, Кезском, Красногорском, Селтинском, Юкаменском, Ярском и Глазовском районах лишь единицы. Правом бесплатного проезда в 1999 г. смогли воспользоваться 17 839 учащихся общеобразовательных школ на внутригородском транспорте и сельских детей на автобусах внутрирайонных линий. Однако данная льгота часто оказывается невостребованной на селе из-за введения коммерческих рейсов или прекращения движения автотранспорта по нужному маршруту [4, с. 2].

Анализ реализации льгот многодетным семьям на оплату коммунальных услуг показал, что в городах республики данная льгота востребована и используется с учетом получаемых семьей услуг. В 1999 г. ею воспользовались 5289 городских семей (39%), в сельской местности данная льгота осуществлялась лишь при условии, если жилое помещение передано в жилищно-коммунальное хозяйство, что значительно ущемляло права сельских семей, занимающих ведомственное жилье, таких семей насчитывалось 2471 (3%). Для городских семей, проживающих в частных домах, была определена льгота на приобретение топлива, ей в 1999 г. воспользовались 583 семьи (12%), и 1345 семей на селе (13%).

Льготу на газ получили 853 сельские семьи (3,5%), 1529 городских семей (32%). Льготная электроэнергия предоставлена 12 304 сельским (100%) и 3282 городским семьям (69%). В 2001 г. ситуация с предоставлением льгот также была далека от идеальной: на коммунальные услуги льготы предоставлялись лишь 30% семей, на газ — 17% семей, на топливо — 16% семей, на проезд — 65% семей [2]. В связи с этим предлагалось усилить контроль за предоставлением льгот многодетным малообеспеченным семьям со стороны министерства, отделов семьи администрации городов и районов республики.

По словам начальника отдела по делам семьи Управления социальной защиты г. Саранпула И. П. Колесниковой, «в местном бюджете не всегда находятся средства на реализацию льгот, предусмотренных законодательством, несмотря на то что суммы, закладываемые на бесплатные обеды мизерны и составляют 5–7 руб., случаются перебои со школьным питанием детей из многодетных семей», «возникают проблемы со льготами на газ», «не имеют силы льготы в частных автобусах на маршрутах города, которые сейчас обеспечивают до 70% перевозок пассажиров», «обеспечение медикаментами детей до 6 лет фактически не выполняется, к примеру, в 2004 г. на эти цели потрачено 760 руб., получили лекарства всего 6 детей» [1].

Председатель Союза многодетных матерей Удмуртии Т. Г. Макарова в своем выступлении на форуме матерей в Санкт-Петербурге 30 ноября 2003 г. отметила, что существующий Указ Президента РФ «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» «не выполняется в полном объеме и не соответствует требованиям времени, необходимо принять Закон РФ “О социальной поддержке многодетных семей”, подкрепленный нормативно и финансово». По мнению Т. Г. Макаровой, «оптимальной формой по оказанию помощи многодетной семье должен быть критерий прожиточного минимума семьи, а не минимальной зарплаты, как сегодня, в законе должны быть четко прописаны и обеспечены права многодетной семьи на получение льготного или безвозмездного жилищного кредита, поступление детей в учебные заведения, летнего отдыха детей и другие меры, которые отсутствовали либо не выполнялись в предыдущем документе» [3].

В последние годы внимание к многодетной семье несколько возросло. С 2002 г. стали традицией ежегодные встречи Президента УР, а также глав администраций городов и районов республики с многодетными семьями, достойно воспитывающими своих детей. По инициативе Президента УР выделяются премии в размере 5 тыс. руб. семьям, где рождаются двойни (в 2004 г. — 127 семей), квартиры семьям, в которых рождаются тройни (в 2004 г. две семьи) [8].

Навести порядок с реализацией льгот призван республиканский Закон от 5 мая 2006 г. «О мерах по социальной поддержке многодетных

семей», которым предусмотрены все меры по социальной поддержке многодетных семей, предусмотренные постановлением Совета Министров УР от 29 июля 1992 г. № 292, с одним важным изменением: государственные полномочия теперь переданы на муниципальный уровень, а статус закона обязывает органы местного самоуправления выполнять меры по поддержке многодетных семей в полном объеме.

На муниципальном уровне следует отметить постановление от 27 июля 2000 г. «О дополнительных льготах многодетным семьям» в г. Глазове, в соответствии с которым с 1 сентября 2000 г. для родителей, имеющих троих и более детей, взималась 50%-ная оплата в дополнительных образовательных учреждениях, оставшаяся часть дотировалась из городского бюджета (Постановление «О выделении денежных средств на оказание дополнительной социальной помощи многодетным семьям» от 6 января 2000 г. в Игринском районе, постановление «О бесплатном питании детей из многодетных и малообеспеченных семей» от 12 ноября 2003 г. в г. Воткинске и др.).

Численность малообеспеченных многодетных семей в республике снизилась с 1998 по 2001 г. на 3707 семей, однако это не связано с тем, что многодетные семьи стали жить лучше, а вызвано другими причинами: несовершенством законодательства, а также сокращением общей численности многодетных семей в указанный период на 3216 семей (в 1998 г. — 22 346 семей, в 2001 г. — 19 130 семей) [12].

В 2001 г. в малообеспеченных многодетных семьях проживало 34 203 ребенка, из них учились в школе 17 839 детей. Одним из важнейших вопросов в многодетной семье является занятость: в 1999 г. в 7780 сельских многодетных малообеспеченных семьях работали оба родителя (это 51% от общего числа), в городских — 975 (37,9%), в 756 сельских и 129 городских многодетных полных семьях оба родителя не работали, в службе занятости зарегистрирован 1121 родитель из числа многодетных малообеспеченных семей, в 1069 сельских и 446 городских многодетных семьях оба родителя систематически употребляли алкоголь [2].

Доходы многодетных семей существенно отстают от других категорий семей. Динамика роста доходов в семьях с четырьмя и более детьми значительно ниже по сравнению с семьями, имеющими трех и менее детей. Так, если рост в 2001 г. по сравнению с 2000 г. в семьях с одним ребенком произошел на 27,8%, то в семьях с четырьмя и более детьми — лишь на 1,6%. Та же тенденция прослеживается в показателях соотношения среднедушевых доходов и величин прожиточного минимума. В 2001 г. это соотношение в семьях с одним ребенком составило 115%, а в семьях с четырьмя и более детьми — лишь 35%. В результате потребительские расходы на одного ребенка в многодетной семье значительно уступают расходам в малодетных семьях (табл. 1).

**Соотношение среднедушевых денежных доходов
и величины прожиточного минимума семьи в % [10, с. 7–10]**

	1999 г.	2000 г.	2001 г.
Все домохозяйства, в том числе:	92	116	125
с одним ребенком	80	110	115
с двумя детьми	80	103	79
с тремя детьми	46	56	73
с четырьмя детьми и более	24	46	35

Решение жилищной проблемы для многодетной семьи имеет перво-степенное значение. Указом Президента УР от 14 февраля 2002 г. № 18 и постановлением Правительства УР от 1 июля 2002 г. № 595 «О государственной социальной поддержке малоимущих многодетных семей в строительстве и приобретении жилья за счет средств бюджета Удмуртской Республики» принято решение ежегодно предусматривать средства на предоставление безвозмездных субсидий многодетным малообеспеченным семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий и строительстве жилья.

Однако в 2003 г. средств на реализацию данного постановления не нашлось, в 2004 г. на улучшение жилищных условий многодетных семей было выделено 2 млн руб., которые были распределены среди 12 малоимущих многодетных семей, имевшим пять и более детей, в 2005 г. на эти цели выделено 6 млн руб., 12 многодетных семей за счет бюджета республики получили жилищные займы на сумму 1 млн 357 тыс. руб. [8, с. 18].

На муниципальном уровне также принимались меры, направленные на решение жилищного вопроса многодетных семей: в г. Глазове «О внеочередном предоставлении жилья многодетным семьям, нуждающимся в улучшении жилищных условий, имеющих 5 и более детей» от 13 июля 2001 г., в г. Ижевске «О предоставлении жилищных безвозмездных субсидий малоимущим многодетным семьям» от 1 октября 2002 г. Однако все они оговариваются таким количеством всевозможных условий, что претендовать на них могут лишь единицы. Так, в г. Глазове, чтобы получить жилье, многодетная семья должна быть признана нуждающейся, иметь обеспеченность жилой площадью на одного члена семьи менее 5 кв. м, иметь доход на одного члена семьи менее прожиточного минимума, государственные награды «Мать-героиня», «Медаль материнства». Кроме того, решение о возможности предоставления жилищной субсидии должно быть принято специальной комиссией в администрации города.

К разочарованию многих многодетных семей, государство не оправдало тех надежд, которые давались семье в 1980-е гг., и прежде всего меры, максимально благоприятствующие рождению и воспитанию детей. В условиях социально-экономического кризиса положение многодетных

семей значительно ухудшилось, на реализацию льгот, различных форм поддержки в федеральном и республиканском бюджетах средств выделялось недостаточно, в результате последовательно снижалась численность детей и происходило старение населения в республике.

Литература

1. Беседа с начальником отдела по делам семьи Управления социальной защиты г. Сарапула И. П. Колесниковой // Удмуртская правда. — 2005. — 24 февраля.
 2. Выступление министра социальной защиты населения УР С. И. Андреевой на семинаре со специалистами отделов социальной защиты населения в оздоровительном лагере «Березка» от 21 мая 2001 года // Текущий архив Министерства социальной защиты населения УР.
 3. Выступление Председателя Союза многодетных матерей УР Макаровой Т. Г. на форуме матерей в Санкт-Петербурге 30 ноября 2003 г. // Текущий архив общественной организации «Союз многодетных матерей УР».
 4. Государственная семейная политика: [об итогах работы Министерства социальной защиты населения в 2000 г.] // Долг. — 2001. — 1 июня.
 5. Данные отчетов Комитета по делам семьи, женщин и детей Администрации г. Ижевска за период с 1992 по 2000 г. // Текущий архив Комитета по делам семьи, женщин и детей Администрации г. Ижевска.
 6. Информационно-методический сборник № 20 / Гос. Совет УР. — 2001.
 7. Об учреждении отчета об исполнении республиканской программы социально-экономического развития УР на 2004 г. [Электронный ресурс]: Закон УР: [принят 15 июня 2005 г., № 474] // СПС «Гарант».
 8. Об утверждении отчета об исполнении программы «Развитие Удмуртии» на 2001—2004 годы: Закон УР: [принят 28 июня 2005 г., № 34-РЗ] // Собрание законодательства УР. — 2005. — № 6. — 1 авг.
 9. О положении детей в Удмуртской Республике в 1993 г.: гос. докл. — Ижевск, 1994.
 10. О положении детей в Удмуртской Республике в 2001 году: гос. докл. — Ижевск, 2002.
 11. По данным Председателя Комитета по делам семьи, женщин и детей г. Ижевска Г. Г. Шамшуриной от 4 августа 2000 г. // Текущий архив Комитета по делам семьи, женщин и детей г. Ижевска.
 12. Приложение к докладу министра соцзащиты населения УР С. И. Андреевой: материалы коллегии М-ва соц. защиты населения УР, 27 февр. 2002 г. — Ижевск, 2002.
 13. ЦГА УР, ф. Р-551, оп. 4, д. 78.
1. Beseda s nachal'nikom otdela po delam sem'i Upravlenija social'noj zashhity g. Sarapula I. P. Kolesnikovoj // Udmurtskaja Pravda. — 2005. — 24 fevralja.
 2. Vystuplenie ministra social'noj zashhity naselenija UR S. I. Andreevoj na seminaru so specialistami otdelov social'noj zashhity naselenija v ozdorovitel'nom

- lagere «Berezka» ot 21 maja 2001 goda // Tekushhij arhiv Ministerstva social'noj zashhity naselenija UR.
3. Vystuplenie Predsedatelja Sojuza mnogodetnyh materej UR Makarovoj T. G. na forume materej v Sankt-Peterburge 30 nojabrja 2003 g. // Tekushhij arhiv obshhestvennoj organizacii «Sojuz mnogodetnyh materej UR».
 4. Gosudarstvennaja semejnjaja politika: [ob itogah raboty ministerstva social'noj zashhity naselenija v 2000 g.] // Dolg. — 2001. — 1 ijunja.
 5. Dannye otchetov Komiteta po delam sem'i, zhenshhin i detej Administracii g. Izhevsk za period s 1992 po 2000 g. // Tekushhij arhiv Komiteta po delam sem'i, zhenshhin i detej Administracii g. Izhevsk.
 6. Informacionno-metodicheskij sbornik № 20 / Gos. Sovet UR. — 2001.
 7. Ob uchrezhdenii otcheta ob ispolnenii respublikanskoj programmy social'no-jekonomicheskogo razvitija UR na 2004 g. [Jelektronnyj resurs]: zakon UR: [prinjat 15 ijunja 2005 g., № 474] // SPS «Garant».
 8. Ob utverzhenii otcheta ob ispolnenii programmy «Razvitie Udmurtii» na 2001—2004 gody: zakon UR : [prinjat 28 ijunja 2005 g., № 34-RZ] // Sobranie zakonodatel'stva UR. — 2005. — № 6. — 1 avg.
 9. O polozhenii detej v Udmurtskoj Respublike v 1993 g.: gos. dokl. — Izhevsk, 1994.
 10. O polozhenii detej v Udmurtskoj Respublike v 2001 godu: gos. dokl. — Izhevsk, 2002.
 11. Po dannym Predsedatelja Komiteta po delam sem'i, zhenshhin i detej g. Izhevsk G. G. Shamshurinoj ot 4 avgusta 2000 g. // Tekushhij arhiv Komiteta po delam sem'i, zhenshhin i detej g. Izhevsk.
 12. Prilozhenija k dokladu ministra soczashhity naselenija UR S. I. Andreevoj: materialy kollegii M-va soc. zashhity naselenija UR, 27 fevr. 2002 g. — Izhevsk, 2002.
 13. CGA UR, f. R-551, op. 4, d. 78.

*Кузьмин А. И.,
д-р социол. наук, профессор,
ведущий научный сотрудник
Института экономики УрО РАН,
(Екатеринбург, Россия)*
*Савеленко Д. В.
(Москва, Россия)*

Основные подходы к оценке демографического потенциала региона

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-методологические подходы к понятию содержания категории демографического потенциала. Предметом работы является анализ точек зрения на возникновение и эволюцию воззрений экономистов, демографов, математиков, социологов на междисциплинарный характер понятия демографического потенциала. В данной статье демографический по-

тенциал рассматривается как совокупность возможностей роста изменения численности и структуры населения, оптимальных пропорций воспроизводства населения, рождаемости, продолжительности жизненного пути человека, формирования благоприятной семейно-брачной структуры с учетом этнодемографических и региональных условий жизнедеятельности поколений. В силу сложности объекта исследования авторы отмечают высокую степень дифференциации исходных позиций и точек зрения на принципы формирования теории демографических потенциалов в настоящее время. Основные методы исследования: системный, планиметрический, метод условных и реальных когорт, математического моделирования, демографической статистики. Основные результаты исследования связаны со спецификой выбора и квалификации территориальных объектов (к примеру: демографического потенциала Арктики или депрессивных регионов). Авторы предлагают условно разделить совокупности подходов на количественные и качественные оценки характеристик демографического потенциала тех или иных регионов мира с учетом практик использования стратегий человеческого потенциала. Вместе с тем авторы не отрицают научную значимость и эффективность методов описательной демографии. Так, в конечном итоге в рамках системы знаний о демографии появится разработанный в методическом и теоретическом плане раздел, связанный с проблемой техник измерения демографического потенциала различного типа.

Ключевые слова: движение населения, воспроизводство поколений, рождаемость, смертность, миграция, демографический потенциал поколений, когортный анализ, демографические таблицы, имитационное моделирование

JEL коды: J12, J13, F22, C63

*Kuzmin A. I.,
Ph.D., Professor, leader researcher
of Institute of Economics, UrB of RAS,
(Ekaterinburg, Russia)*

*Savelenko D. V.
(Moscow, Russia)*

Basic approaches to assessing the demographic potential of a region

Abstract

The article considers theoretical and methodological approaches to the concept of content of the category of demographic potential. The subject of the paper is the analysis of points of view on the emergence and evolution of the views of economists, demographers, mathematicians, and sociologists on the interdisciplinary nature of the notion of demographic potential. In this article, the demographic potential is viewed as a combination of growth opportunities for changes in population size and structure, optimal proportions of population reproduction, fertility, human life span, the formation of a favorable family and marriage structure, taking into account ethnodemographic and regional living conditions of generations. Due to the complexity of the object of research, the authors note a high degree of differentiation of the initial positions and points of view on the principles of the theory of demographic potentials at the present time. The main research methods: system, planimetric, method of conditional

and real cohorts, mathematical modeling, demographic statistics. The main results of the research are related to the specifics of the choice and qualification of the territorial objects (for example: the demographic potential of the Arctic or depressive regions). The authors propose to conditionally divide the sets of approaches into quantitative and qualitative estimates of the demographic potential characteristics of various regions of the World, taking into account the practices of using human potential strategies. At the same time, the authors do not deny the scientific significance and effectiveness of methods of descriptive demography. So, in the end, within the system of knowledge about demography there will appear a section developed in the methodical and theoretical terms related to the problem of measuring the demographic potential of various types.

Key words: population movement, generation reproduction, fertility, mortality, migration, demographic potential of generations, cohort analysis, demographic tables, simulation modeling

JEL codes: J12, J13, F22, C63

Исторически предпосылки научных исследований проблемы демографического потенциала были заложены представителями различных научных школ и направлений. Следует учесть, что обращение к понятию «потенциал» в системе знаний о демографии связано с необходимостью выявления и исчисления скрытых возможностей, заложенных в структуре населения по различным демографическим признакам, что особенно актуально и в современных условиях в связи с усилением интереса к методам имитационного моделирования демографических процессов в России. Анализ работ, посвященных изучению демографического потенциала, позволил выявить два основных методологических подхода: с позиции количественных оценок и с позиции потенциала качества населения. Среди исследователей, использующих количественные оценки, нами было выделено 10 групп авторов (табл. 1), а качественные — 6 групп авторов (табл. 2).

Таблица 1

Основные количественные подходы к оценке демографического потенциала территории

№	Подход	Авторы
1	Демографический потенциал территории как потенциал роста (прироста) населения (возможные изменения населения как ресурса под влиянием внутренних трансформаций половозрастной структуры)	У. Петти, А. Маршалл, Дж. М. Кейнс, Д. И. Валентей, С. И. Пирожков, Е. М. Андреев, Н. Кейфиц, М. А. Игошев
2	Описательная демография — последовательное описание показателей потенциалов рождаемости, живучести населения, брачности и разводимости, воспроизводства и замещения поколений на основе метода построения демографических таблиц и исчисления вероятности демографических событий	В. Лексис, С. А. Новосельский, М. В. Птуха, Р. Пресса, Ю. А. Корчак-Чепурковский, Б. Ц. Урланис, В. И. Медков, А. Г. Волков и др.

Окончание табл. 1

№	Подход	Авторы
3	Оценка потенциала формирования семейной структуры населения под влиянием нуклеаризации	Л. Е. Дарский, А. Г. Волков, Э. К. Васильева
4	Потенциал жизнеспособности населения (демометрические таблицы ООН)	Э. Фильрозе, Ж. Буржуа-Пиша, Э. Херш, Н. А. Гаврилов, Н. С. Гаврилова, В. И. Тельнов и др.
5	Потенциал живучести населения, индекс жизнечности	С. С. Сулакшин, У. Томпсон
6	Потенциал общей, брачной и внебрачной рождаемости	Э. Коул
7	Гипотетический минимум естественной рождаемости (ГМЕР)	В. А. Борисов
8	Потенциал уровня брачности населения	Ж. Бертильон, М. В. Птуха, А. Б. Синельников
9	Потенциал депопуляции	Л. Л. Рыбаковский
10	Теория демографических потенциалов	Д. М. Эдиев, Е. В. Плоских

Примечание: составлено авторами.

Подходы с позиции количественных оценок демографического потенциала. В настоящее время наиболее популярной трактовкой демографического потенциала является попытка связать действие ряда макроэкономических факторов с накоплением капитала, инвестициями и политикой создания рабочих мест и предполагаемым ростом населения рассматриваемой территории (региона мира или отдельной страны). В этом случае допускается связь факторов теории занятости и избыточности рабочей силы с финансовой политикой и с психологическими регуляторами естественного и механического движения населения посредством концепции так называемого «ожидаемого» дохода. В основе собственно кейнсианского подхода находится допущение или гипотеза (обычно научно обосновываемая идея) о *социализации инвестиций капитала*. При этом делается своеобразное допущение «о том, что предельная эффективность в течение жизни одного поколения снижается до нуля» [1, с. 368].

Описательная демография способна достаточно эффективно отражать проблему демографических потенциалов населения на основе метода построения таблиц рождаемости, порядка вымирания населения, таблиц брачности и разводимости, воспроизводства и замещения поколений с включением в таковые исчисления вероятности демографических событий. К данным методам относится традиция построения демографических «сеток» («гридов») для условного и реального поколений (сетки Г. Цейнера, Г. Кнаппа, К. Беккера, В. Лексиса). В XX в. сетки немецких статистиков были модернизированы французским демографом

Р. Пресса [1, с. 418–419]. В свое время в отечественных исследованиях данные методы были развиты и представлены в работах Л. Е. Дарского, А. Г. Волкова (отражаются, как правило, *тривиальные (простые и массовые по своей природе) демографические события* — вступление в брак, рождение ребенка, расторжение брака). В настоящее время на планиметрической сетке (сегодня в трехмерном (3D) компьютерном пространстве это легко сделать) возможно отобразить для умершего (по данным, например, статистики ЗАГСa) *точку его рождения, затем состояние (период) жизнеспособности и точку смерти* (прекращения признаков жизни) с учетом привязки к территории события и даже к этническим факторам (не исключена прослеживаемая связь с брачным статусом и возрастом родителей).

Важнейшей компонентой демографического потенциала той или иной территории является потенциал рождаемости. В зарубежной практике демографических исследований прочно утвердился метод определения потенциалов общей, брачной и внебрачной рождаемости Э. Коула. Следует признать, что метод Э. Коула весьма эффективен [6]. Спорной остается «верхняя граница» потенциальной рождаемости — за основу принята рождаемость в наиболее плодovitых когортах гуттеритов, достигавшая 12 детей на замужнюю женщину за всю ее жизнь в благополучной социальной среде.

Построение потенциала брачности населения (метод демографических таблиц) является весьма редкой практикой в нынешних условиях России. Исследования в этой области сейчас практически прекращены. Тут остаются, по сути дела, уникальными методы, предложенные А. Б. Синельниковым и рядом исследователей из школы А. Г. Вишневского. Однако следует учесть накопленный опыт киевской школы демографов (индексы «притяжения-отталкивания» при заключении брака по национальному признаку (академика М. В. Птухи), моделирования силы смертности с учетом брачного состояния по методике А. Г. Волкова и его последователей). Возможен также простой метод сопоставления суммарных коэффициентов брачности и разводимости в регионах России. Но это даст лишь степень реализации потенциала брачности в фактическом числе разводов в условном поколении мужчин или женщин, раскроет не потенциал брачности, а потенциал разводимости. Тем не менее таких расчетов в последнее время просто не проводилось.

В проводимом исследовании демографического потенциала территории мы используем принципы описательной демографии с элементами потенциальной демографии Э. Фильрозе, Ж. Буржуа-Пиша, Э. Херша и качественного подхода на основе построения индекса человеческого потенциала территории (региона, страны) с учетом элиминирования роли национального дохода (душевого ВВП или ВРП). Математическое решение этого вопроса предложено Ж. Буржуа-Пиша, согласно которому

фактор режима воспроизводства населения элиминируется и производится оценка степени вклада исходной возрастной структуры населения [7, с. 132]. Им также исследован потенциал роста применительно к случаю «*стационарной асимптотики численности населения*» [7, с. 139–163]. Независимо от французских демографов (П. Венсан, Ж. Буржуа-Пиша) математическая модель оценки потенциала роста населения с учетом факторов инерционности демографических процессов была представлена в работах американского исследователя Н. Кейфица, переведенных на русский язык.

К 9-й группе мы бы отнесли авторов, использующих методы стандартизации общих коэффициентов рождаемости, смертности и сальдо миграции для определения реального состояния демографической ситуации в регионах (субъектах) РФ. Данный метод прост при условии использования электронных таблиц. Кроме того, полученные данные позволяют говорить исследователям о своеобразном стандартизованном индексе «депопуляции» в России [2, с. 198–216]. И, наконец, к 10-й позиции мы отнесли работы Д. М. Эдиева и Е. В. Плоских. В них предпринимается попытка развития общего подхода к понятиям потенциальной демографии, обобщения таковых на основе разработки популяционной модели общего вида, использования новых методов демографического анализа и моделирования. В связи с этим научному сообществу представлена новая теория демографических потенциалов.

Таблица 2

Основные качественные подходы к оценке демографического потенциала территории

	Подход	Авторы
1	Концепция демографического оптимума	Т. Р. Мальтус, К. Маркс, А. Ландри, А. Сови, А. Я. Боярский, А. Я. Кваша
2	Концепция саморегуляции демографических процессов (гомеостаза)	А. Г. Вишневыский, С. В. Захаров, Ж. А. Зайнчковская, Н. Н. Козлова (философия напора жизнеспособности)
3	Аксиологический — подход с позиции концепции ценностей демографического поведения, формирующих диспозиции массового поведения и ориентации моделируемых индивидов на нормы и институты воспроизводства активного долголетия, полноценного существования и здорового образа жизни	Л. Е. Дарский, К. Дэвис, В. А. Борисов, А. И. Антонов, А. А. Петраков, В. Н. Архангельский, Т. Комбарова, А. Кузьмин, А. В. Узик, И. Айзенк, Дж. Колдуэлл, Р. Лестег, Дж. Бонгаартс, М. Белл
4	«Валеологический», или социально-педагогический подход	Е. И. Холостова, И. И. Брехман, Т. С. Еремеева
5	Гендерный подход — дифференциация качества населения	М. де Бовуар, Л. С. Шилова, И. Е. Калабихина, Л. Ю. Иванова

	Подход	Авторы
6	Население как культурный и человеческий капитал	П. Бурдые, Т. Шульц, Ф. Тейлор, Дж. Кларк, Э. Мейо, А. Маслоу, Д. МакГрегор, Г. Беккер, Дж. Минцер, А. Хансен, Б. Вейсброд, А. А. Саградов и др.

Примечание: составлено авторами.

Подходы с позиции потенциала качества населения

Усиление социально-экономических требований к характеристике качественных сторон развития народонаселения в связи с формированием новых технологических укладов наряду с географическими и биомедицинскими трактовками воспроизводства поставило задачу освещения в системе демографических наук возможностей математического моделирования демографических ситуаций и создания интегральных схем оценки качественных и количественных взаимосвязей в структуре народонаселения и вне его на основе компьютерного моделирования и имитационных моделей (Д. Форрестер и Д. Медоуз — знаменитый проект «Пределы роста»). Среди ряда гипотез, в этот период обсуждавшихся в Западной Европе и в СССР, на первое место вышла дискуссия об оптимуме народонаселения. Основываясь на идеях Альфреда Сови, защиту концепции оптимума населения в СССР и России на себя взял известный демограф из МГУ им. М. В. Ломоносова А. Я. Кваша. Главной методологической трудностью определения демографического потенциала как некоего «оптимума» народонаселения стала проблема разработки критериев «оптимального равновесия» народонаселения как подсистемы общества.

Одним из направлений *качественных* исследований в международной практике изучения демографических потенциалов территорий является концепция человеческого потенциала, связанная, в свою очередь, через социологию с категориями культурного и человеческого капитала (П. Бурдые, Т. Шульц, Ф. Тейлор, Дж. Кларк, Э. Мейо, А. Маслоу, Д. МакГрегор, Г. Беккер, Дж. Минцер, А. Хансен, Б. Вейсброд, А. А. Саградов и др.). Последнее понятие определено в науке неоднозначно и каждый раз вызывает разночтения в рамках того или иного национального исследования, тем более в современной России. Таким образом, в предложенном нами подходе мы используем модифицированные методы классической демографической школы, основанной на методах условного и реального поколения, построении комбинированных демографических таблиц на электронной основе. Используя логику последовательного описания потенциалов рождаемости (с учетом распространения ее новой модели в большинстве регионов России), таблиц смертности (таблиц жизни — life table) с включением показателей

потенциала (вероятности дожития) в возрастных интервалах экономически активного или трудоспособного возраста у мужчин или женщин $[(lx + 1/lx)/(lx_{\max} + 1/lx_{\max})]^1$, потенциалов живучести в браке (или для не состоящих в таковом), потенциала воспроизводства населения, скорректированного на действие факторов миграции с помощью методов стандартизации показателей рождаемости, смертности, сальдо миграции. В идеальном варианте предусматривается определение ряда критериев (современных требований) к оптимуму населения с учетом использования индексов человеческого потенциала на основе индексов *non-income HDI* для населения территорий субъектов РФ в разрезе «город — село». Особое значение для успеха всей операции будет иметь возможность использования данных переписей и микропереписей населения.

Таким образом, демографический потенциал как синтетическая категория представляет собой не просто численность или массу населения страны или макрорегиона [5], а определенную систему оценки потенциалов его жизнеспособности, брачности, рождаемости, разводимости, формирования половозрастной и семейно-брачной структуры и территориальной подвижности населения (включая маятниковую миграцию). Разработка единого интегрального показателя демографических потенциалов страны, региона, территории является отдельной фундаментальной научной проблемой дальнейшего совершенствования системы знаний о демографии, разработанной Д. И. Валентеем.

В многообразии имеющихся определений и методологических подходов особое значение имеет социологический подход, в рамках которого культура является способом, средством и условием взаимосвязи между людьми. Особый подход — подход экономического дизайнера, который бурно развивается в последнее время и связан с идеологией изучения нелинейных и нестабильных структур (Г. Хакен) [1, с. 418–419]. Индекс HDI подвергается в ООН различным корректировкам. В последнее время были введены в сферу практического анализа: индекс человеческого развития, скорректированный с учетом социально-экономического неравенства (ИЧРН); индекс гендерного неравенства (ИГН); индекс многомерной бедности (ИМБ). При определении рейтинга учитываются множество факторов, таких как положение в области прав человека и гражданских свобод, его возможность участия в общественной жизни, социальная защищенность, степень территориальной и социальной мобильности населения, показатели уровня культурного развития населения, доступа к информации, здоровья, уровня безработицы, состояния преступности,

¹ Так, x — число лет возраста, обычно для трудоспособного, 16–59 у мужчин и 16–54 — у женщин, lx_{\max} — максимальные в ряду территорий регионов — максимальная вероятность дожития, например, для мужчин от 16 до 60 лет. В когортах данный признак исчисляется сложнее по таблице Лексиса–Пресса либо формуле Пиаже для малых территорий.

охраны окружающей среды и др. [3]. Индекс PISA (ОЭСР) — около 40 стран (индекс рассчитывался как показатель математической, читательской и естественнонаучной грамотности 15-летних учащихся — цель: оценка полноценности функциональной готовности к жизни в экономически активном обществе). В 2015 г. исследование охватило 71 страну.

Так, в конечном итоге в рамках системы знаний о демографии появится разработанный в методическом и теоретическом плане раздел, связанный с проблемой техник измерения демографического потенциала различного типа.

Литература

1. Демографическая энциклопедия / редкол.: А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. Б. Денисенко и др. — М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. — 944 с. — С. 418–419.
2. Демографическое настоящее и будущее России / под ред. В. Ф. Колбанова и Л. Л. Рыбаковского. — М.: Эконом-информ, 2012. — 417 с.
3. *Игошев М. В.* Демографический потенциал Предуралья: социально-демографические аспекты развития физической культуры и спорта: монография / М. В. Игошев; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. — Пермь, 2011. — 260 с.
4. *Эдиев Д. М.* Новые подходы к оценке ожидаемой продолжительности жизни: продолжительность жизни в развитых странах может быть выше, чем принято считать / Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентеевские чтения: Межд. конф.: Москва, Россия, 15–17 ноября 2012 г.). — М.: МАКС Пресс, 2012. — 696 с. — С. 137–139.
5. *Caldwell J. C.* On Net Intergeneration Wealth Flows: An Update // Population and development review. — 2005. — Vol. 31. — No. 4. December. — P. 721–737.
6. *Lesthaeghe R.* The Unfolding Story of the Second Demographic Transition // Population and development review. — 2010. — Vol. 36. — No. 2. June. — P. 211–213.
7. URL: [http:// arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUPLOSKIHE.V.12012-10.pdf](http://arch.kyrlibnet.kg/uploads/KRSUPLOSKIHE.V.12012-10.pdf)
8. URL: <http://demography.ru/xednay/demography/personalia/coale.html>
1. Demograficheskaia jenciklopedija / redkol.: A. A. Tkachenko, A. V. Anoshkin, M. B. Denisenko i dr. — M.: ООО «Izdatel'stvo «Jenciklopedija», 2013. — 944 s. — S. 418–419.
2. Demograficheskoe nastojashhee i budushhee Rossii / pod red. V. F. Kolbanova i L. L. Rybakovskogo. — M.: Jekonom-inform, 2012. — 417 s.
3. *Igoshev M. V.* Demograficheskij potencial Predural'ja: social'no-demograficheskie aspekty razvitija fizicheskoj kul'tury i sporta: monografija / M. V. Igoshev; Perm. gos. nac. Issl. Un-t. — Perm', 2011. — 260 s.
4. *Jediev D. M.* Novye podhody k ocenke ozhidaemoj prodolzhitel'nosti zhizni: prodolzhitel'nost' zhizni v razvityh stranah mozhet byt' vyshe, chem prinjato schitat' / Demograficheskoe razvitie: vyzovy globalizacii (Sed'mye Valenteevskie chtenija: Mezhd. konf.: Moskva, Rossija, 15–17 nojabrja 2012 g.). — MAKS Press, 2012. — 696 s. — S. 137–139.

Миненкова В. В.,
канд. геогр. наук, доцент,
заведующая кафедрой экономической,
политической и социальной географии
Кубанский государственный
университет (Краснодар, Россия)

Филобок А. А.,
канд. геогр. наук, доцент
кафедры экономической,
политической и социальной географии
Кубанский государственный
университет (Краснодар, Россия)

Мамонова А. В.,
преподаватель
Кубанский государственный университет
(Краснодар, Россия)

Основные направления современных миграционных процессов на Северном Кавказе и их влияние на демографическую ситуацию

Ключевые слова: Северный Кавказ, миграционные процессы, демографическая ситуация

JEL код: J10

*Minenkova V. V.,
Filobok A. A.,
Mamonova A. V.*

Main directions of contemporary migration processes in the North Caucasus and their impact on the demographic situation

Миграционные процессы на Северном Кавказе, который включает в себя субъекты СКФО, Краснодарский край и Республику Адыгея, являются значимым геополитическим фактором в России, имеющим международный, федеральный и региональный контексты.

Изменение геополитического положения Северного Кавказа повлекло превращение его в пограничную зону. Это привело к возникновению и формированию совершенно новых тенденций в развитии региона.

Миграционные процессы, протекающие здесь, имеют противоположную природу: Краснодарский и Ставропольский края, Адыгея принимают мигрантов, а население северокавказских республик покидает их.

В целом Северный Кавказ находится на последнем месте в рейтинге федеральных округов РФ по показателям иммиграции. Исключением является только Краснодарский край, который принимает более 200 тыс. мигрантов в год (все республики Северного Кавказа принимают около 100 тыс.).

Большинство миграций на Северном Кавказе — это внутренние миграции в пределах России. Некоторые мигранты прибывают в Северо-Кавказский ФО из Южного ФО. Но на первом месте находятся мигранты, перемещающиеся внутри СКФО (более 60%).

Внутрирегиональная миграция в рамках СКФО характеризуется неравномерностью миграционных потоков и наличием регионов-доноров и реципиентов. К первым относятся северокавказские национальные республики, для которых характерен отрицательный коэффициент миграции, ко вторым — Ставропольский край, который аккумулирует в себя миграционные потоки еще с момента распада Советского Союза. Республиками с наиболее высокими отрицательными показателями миграционного прироста являются Северная Осетия — Алания, Карачаево-Черкесия, Дагестан и Кабардино-Балкария.

Динамика международной миграции в СКФО на порядок ниже внутрисоссийской. Она обусловлена, прежде всего, наличием небольших диаспор северокавказских народов в странах СНГ, а также разделением некоторых народов государственными границами после распада СССР.

Начиная с 2000-х гг. на территорию Северного Кавказа резко увеличился приток трудовых мигрантов из таких стран ближнего зарубежья, как Узбекистан, Таджикистан и др.

Свою специфику имеет миграция в Краснодарском крае. Ежегодно край принимает порядка 4% всех мигрантов из стран СНГ и стран дальнего зарубежья. За последнее десятилетие на территорию Кубани въехало около 1 млн человек, т. е. каждый пятый житель Кубани — мигрант. В силу этого край входит в число лидеров среди субъектов РФ по численности мигрантов.

Согласно официальной статистике за январь–ноябрь 2015 г., миграционный прирост на территории Краснодарского края составил 52 671 человека, а за аналогичный период 2016 г. — 52 790 человек. В 2015 г. 19,3% миграционного прироста в Краснодарском крае составили мигранты из Сибирского, 14,3% — Дальневосточного, 11,5% — Уральского, 9,7% — Приволжского, 9,1% — Северо-Кавказского, 8,0% — Южного, 2,3% — Северо-Западных федеральных округов России. Миграционный отток наблюдался в Центральном и Крымском федеральных округах в размере соответственно 0,8 и 1,2% от числа миграционного прироста. Миграционный прирост за счет обмена со странами СНГ в 2015 г. вырос на 18,2% по сравнению с 2014 г.

Статистические данные показывают, что большая часть мигрантов — люди трудоспособного возраста. Вследствие миграционного потока меняются этническая ситуация региона, половозрастная структура населения и т. д.

В силу приграничного расположения и природно-климатических условий Краснодарский край традиционно является одним из центров притяжения миграционных потоков, особенностью которых является многонациональный состав. Так, наибольший прирост характерен для русских и армян.

Более интенсивный миграционный прирост имеет как свои положительные, так и отрицательные последствия. К первым можно отнести потенциальный рост рождаемости и, следовательно, снижение естественной убыли населения, что улучшает демографическую ситуацию. Ко вторым — увеличение «давления» на рынок труда и возможный рост безработицы, а также рост затрат на социальную сферу (строительство новых школ для молодежи, увеличение расходов на пенсионное и медицинское обслуживание).

Таким образом, миграционную ситуацию на Северном Кавказе определяют несколько групп факторов:

- экстремальные факторы этнополитического характера;
- факторы социально-экономического характера;
- геополитический фактор;
- природно-географический фактор.

Причем следует отметить, что каждая из этих групп факторов зачастую носит одновременно выталкивающий характер для одних регионов и притягивающий характер для других территорий.

Миронова А. А.,

канд. социол. наук, мл. научн. сотр.

Институт социальной политики

Национальный исследовательский

университет «Высшая школа экономики»

(Москва, Россия)

Частные межпоколенные трансферты: демографический тип домохозяйств имеет значение?

Аннотация

Работа посвящена анализу особенностей участия домохозяйств различного демографического типа в системе частных межпоколенных трансфертов. Автор проводит дескриптивный анализ данных таких выборочных обследований населения, как Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ). Автор показывает, что одним из ключевых дифференцирующих

параметров участия домохозяйств в частных обменах является демографический тип домохозяйства.

Ключевые слова: частные трансферты, поколения, демография, экономика народонаселения

JEL коды: C8, P60

Mironova A. A.

Private intergenerational transfers: does the demographic type of households matter?

Для стран, где система социального обеспечения развита слабо, характерен высокий уровень неформальных обменов между родственниками, друзьями, соседями. Частные материальные трансферты являются важнейшим компонентом расходов и доходов практически во всех развивающихся странах. При этом большинство родственных межпоколенных потоков направлено от детей к родителям [5]. В то же время в тех странах, где система социального обеспечения развита хорошо, частные трансферты, как правило, имеют несколько меньшие масштабы и преимущественно другое направление — в пользу младших поколений [2].

С точки зрения модернизационного подхода, нуклеаризация семьи и появление государственной системы социального обеспечения рассматриваются как параллельные и взаимно усиливающие процессы. Основная идея этого подхода состоит в том, что по мере развития государства всеобщего благосостояния социальные трансферты вытесняют частные [3; 4]. Данная гипотеза находила подтверждение в исследованиях некоторых экономистов [8]. Однако социологические исследования свидетельствуют о том, что влияние государственных трансфертов на частные сводится к тому, что последние, приспосабливаясь к новым условиям, обретают иную модификацию, не теряя при этом своей значимости [6; 7; 1]. По мере развития государства всеобщего благосостояния материальные обмены все больше заменяются обменами различными услугами, в том числе эмоциональной поддержкой [1]. Таким образом, развитие системы государственного обеспечения скорее создает условия для развития межсемейной солидарности, а не вытесняет ее.

Основной целью данного исследования стал анализ специфики участия домохозяйств различного демографического типа в частных межпоколенных обменах в России.

На основе проведенного анализа выделены основные типы стратегий участия домохозяйств разного демографического типа в частных межпоколенных трансфертах.

Таблица 1

**Оценка участия домохозяйств разного типа
в частных обменах по выделяемым критериям**

Роль в материальных обменах	Степень вовлеченности домохозяйства в:		Реципиент	Тип получаемой инструментальной помощи	Доля получаемых материальных трансфертов в бюджете домохозяйства
	материальные трансферты	инструментальные трансферты			
Супруги с детьми	Средняя (40–49%)	Высокая (30% и более)	Реципиент	Уход за детьми, помощь в работе по дому	Средняя (15–29%)
Неполные семьи	Высокая (50% домохозяйств и более)	Высокая (30% и более)	Реципиент	Уход за детьми, помощь в работе по дому	Высокая (30% и выше)
Супруги без детей (пожилые)	Средняя (40–49%)	Высокая (30% и более)	Донор	Помощь в работе по дому, функциональная помощь	Средняя (15–29%)
Одиночки (пожилые)	Средняя (40–49%)	Высокая (30% и более)	Донор	Помощь в работе по дому, функциональная помощь	Средняя (15–29%)
Одиночки (трудоспособные)	Высокая (50% домохозяйств и более)	Низкая (менее 10%)	И получают, и помогают	Помощь в работе по дому	Высокая (30% и выше)
Супруги без детей (трудоспособные)	Высокая (50% домохозяйств и более)	Низкая (менее 10%)	Донор	Помощь в работе по дому	Средняя (15–29%)
Сложные домохозяйства	Низкая (менее 40%)	Средняя (10–29%)	И получают, и помогают	Уход за детьми	Низкая (менее 15%)
Прочие домохозяйства	Низкая (менее 40%)	Средняя (10–29%)	Донор	Помощь в работе по дому	Средняя (15–29%)

На базе оценки участия домохозяйств разного типа в частных обменах по определенным критериям мы выделяем четыре основных типа стратегий участия домохозяйств в частных обменах: 1) акцептор материальных и инструментальных трансфертов; 2) донор материальных и акцептор инструментальных трансфертов; 3) активный участник материальных обменов, инструментальные трансферты получает редко; 4) участник, слабо вовлеченный в частные обмены. Первый тип стратегии реализуют домохозяйства супругов с детьми и домохозяйства, состоящие из неполных семей; второй тип стратегии — пожилые супруги, пожилые одиночки; третий тип стратегии — супруги трудоспособного возраста, одиночки трудоспособного возраста; четвертый тип стратегии — прочие и сложные домохозяйства (табл. 1).

Литература

1. *Albertini M., Kohli M.* The generational contract in the family: An analysis of transfer regimes in Europe // *European Sociological Review*. — 2012.
2. *Albertini M., Kohli M., Vogel C.* Intergenerational transfers of time and money in European families: common patterns—different regimes? // *Journal of European Social Policy*. — 2007. — Vol. 17. — No. 4. — P. 319–334.
3. *Barro R. J.* Are Government Bonds Net Wealth? // *Journal of Political Economy*. — 1974. — No. 82 (November/December). — P. 1095–1117.
4. *Becker G. S.* A Theory of Social Interactions // *Journal of Political Economy*. — 1974. — No. 82 (November/December). — P. 1063–1094.
5. *Cox D., Jimenez E.* Achieving social objectives through private transfers: A review // *The World Bank Research Observer*. — 1990. — No. 5(2). — P. 205–218.
6. *Kohli M.* Private and public transfers between generations: linking the family and the state // *European societies*. — 1999. — Vol. 1. — No. 1. — P. 81–104.
7. *Lowenstein A., Ogg J.* Old age and autonomy: The role of service systems and integrated family solidarity, final report // *Centre for Research and Study of Aging*. — Haifa, Israel, 2003.
8. *Reil-Held A.* Crowding out or crowding in? Public and private transfers in Germany // *European Journal of Population/Revue européenne de Démographie*. — 2006. — Vol. 22. — No. 3. — P. 263–280.

Мирясова О. А.,
научный сотрудник
Институт социологии РАН
(Москва, Россия)

Проблемы работников с семейными обязанностями и подходы к их решению в профсоюзах Конфедерации труда России

Аннотация

Российская социальная политика ориентирована на совмещение работы и материнства, но меры поддержки семей с детьми являются явно недостаточными.

В 2016 г. в рамках деятельности Комиссии по гендерному равенству Конфедерации труда России (КТР) начато исследование положения работников с семейными обязанностями и практик по их поддержке со стороны государства, работодателя, профсоюзов. Исследование базируется на анализе документов и неформализованных интервью с работниками и активистами профсоюзов. Социальная инфраструктура и существенные льготы для работников с семейными обязанностями сохраняются на высокодоходных предприятиях, значительную роль в этом играют профсоюзы. Остальные предприятия ведут планомерную работу по сокращению поддержки, профсоюзы стараются сохранить льготы, но их ресурсы не всегда достаточны. На предприятиях, где действует сильный профсоюз, строго соблюдается законодательство, гарантирующее дополнительные права для работников с семейными обязанностями. Коллективные договоры, как правило, включают некоторые дополнительные права для работников с семейными обязанностями, но их объем незначителен. Проблемы с режимом труда и отдыха для таких работников решаются в «ручном режиме» — путем переговоров с непосредственным руководством. На данный момент проблемы работников с семейными обязанностями не являются приоритетными в профсоюзах КТР.

Ключевые слова: работники с семейными обязанностями, трудовые отношения, трудовые права, гендерная теория, профсоюзы

JEL код: J5

*Miryasova O. A.,
researcher Institute of sociology, RAS
(Moscow, Russia)*

Issues of workers with family responsibilities and approaches to their resolution in trade unions of the Russian Confederation of Labour

Abstract

Russian social policy focuses on the reconciliation of work and motherhood but measures to support of families with children are clearly insufficient. In 2016, the Commission on gender equality the Confederation of Labour of Russia (KTR) initiated a study about the situation of workers with family responsibilities and practices to support them from the state, employer, trade unions. The study is based on the analysis of documents and in-depth interviews with workers and trade union activists. High-profit enterprises retain the social infrastructure and substantial benefits for workers with family responsibilities, a significant role is played by the trade unions. The other enterprises conduct systematic work to reduce support. Trade unions are trying to keep benefits but their resources are not always sufficient. In an enterprises with a strong union the legislation on the rights of workers with family responsibilities is observed granting. The collective agreement as a rule include some additional rights for workers with family responsibilities, but their volume is insignificant. Problems with the regime of work and rest for these workers are solved in “manual mode” through negotiations with direct supervision. At the moment the problems of workers with family responsibilities are not a priority in the trade unions of KTR.

Key words: workers with family responsibilities, labour relations, labour law, gender theory, trade unions

JEL code: J5

В России поиск баланса «семья — работа» остается преимущественно обязанностью женщины, что способствует гендерному неравенству и влияет на репродуктивную функцию семьи. Среди мер социальной политики существенно шире распространены практики по поддержке именно матерей (отцовские обязанности работодателем и государством во внимание почти не принимаются). Первый ребенок в семье появляется во многом под влиянием эмоциональных факторов, но при принятии решения о рождении последующих детей учитывается весь комплекс социальных и экономических обстоятельств. В последние десятилетия у женщин и мужчин меняются представления о правильном выборе жизненного пути, о балансе семьи и работы (или шире — «жизни» и «труда»), что приводит к повышению возраста матери при рождении первого и второго ребенка, а также к увеличению интервала между их рождением [2]. Исследователи фиксируют тенденцию к плюрализации семейных отношений, когда модель нуклеарной семьи перестала рассматриваться в качестве нормы [3].

Российское законодательство содержит немало положений, ориентированных на поддержку материнства и закрепленных прежде всего Трудовым кодексом РФ. (В последнее время наблюдается тенденция к смещению акцента с защиты прав матери на защиту прав родителя или другого члена семьи, ухаживающего за ребенком.) Но работодатели часто игнорируют требования закона, стремятся вынудить к увольнению беременных женщин или матерей с детьми, и эффективной системы государственной защиты для таких лиц не существует. Еще более беззащитны такие работники в случае нелегальной занятости или «серых» зарплат.

Особенностью российской системы социальной поддержки является выплата большинства пособий от государства и работодателя сразу после рождения ребенка и в первые 1,5 года его жизни и почти полное отсутствие адресной помощи в последующие годы. Российская Федерация в данный момент не предпринимает активных действий, чтобы приблизить доходы в малообеспеченных семьях с детьми к прожиточному минимуму, ограничиваясь льготами на услуги ЖКХ, питанием в школе, незначительной материальной помощью и другой разовой поддержкой. Падение доступности бесплатной медицины и образования также ложится бременем на плечи родителей.

Совмещение работы и материнства остается крайне актуальным для российского общества. Большинство женщин, имеющих детей школьного или дошкольного возраста, работают или хотели бы работать (80%), при этом подавляющее большинство (69%) делают ставку на совмещение работы и материнства, а не карьерные устремления [1]. Основная мотивация для работы — улучшение материального положения семьи. Гибкий график работы и возможность взять отпуск летом являются для

матерей самыми значимыми критериями удобства работы. Другими востребованными характеристиками формы занятости являются «работа недалеко от дома», «позитивный психологический климат», «больничный без проблем». Есть существенный запрос на сокращенный рабочий день и возможность взять ребенка на работу [1].

Большинство норм в федеральном законодательстве, локальных нормативных актов, льгот со стороны работодателя и бонусов, предоставляемых профсоюзами, касается поддержки семей с детьми. Но в связи с повышением «возраста дожития», оптимизацией работы социальных служб, сокращением койко-мест в больницах и модернизацией медицины в целом все более актуальными становятся проблемы работников, которым приходится ухаживать за больными или престарелыми родственниками. Например, социальные службы Москвы оказывают бесплатные услуги только одиноким гражданам. Если работающие родственники решат переложить уход на социальные службы, то набор элементарных услуг, оказанных социальным работником больному человеку в течение 20 дней в месяц, обойдется семье примерно в 30 тыс. руб., и далеко не каждая семья может позволить себе такие расходы.

В 2016 г. в рамках проекта Комиссии по гендерному равенству Конфедерации труда России (КТР — второе по численности профсоюзное объединение в России) начато исследование положения работников с семейными обязанностями (РСО) и практик по их поддержке со стороны государства, работодателя, профсоюзов. Исследование базируется на изучении документов (коллективных договоров, листовок, газет и сайтов профсоюзов) и полуструктурированных неформализованных интервью с работниками, активистами и лидерами профсоюзов, входящих в КТР. Всего в октябре 2016 г. — апреле 2017 г. было опрошено 40 человек, занятых в сфере высшего образования, медицины, автомобилестроения и морского транспорта.

Данные, собранные в ходе исследования, показывают, что большинство работников, профсоюзных активистов и лидеров профсоюзов считают помощь семьям с детьми обязанностью государства, а работодателя они рассматривают или не рассматривают как источник поддержки в зависимости от того, какие традиции есть на предприятии или в организации. То есть, если существует давняя традиция предоставления путевок в детские лагеря, праздников, оплаты занятий в спортивных секциях и т. д., то отказ работодателя от этих практик вызывает недовольство. Если же ничего этого не было, то включать эти льготы и возможности в список вопросов для коллективных переговоров профсоюзным активистам не приходит в голову. Работники и профсоюзы ждут от работодателя соблюдения трудовых прав, обеспечения стабильной занятости и достойного уровня зарплаты, а также ситуативного учета потребностей работников с семейными обязанностями, прежде всего, установления

удобного режима работы, получения «отгулов» для решения семейных проблем, оказания материальной помощи в случае болезни и т. д.

Опрошенные нами работники и активисты профсоюзов признают отсутствие должной поддержки государства для РСО (и особенно отдельных уязвимых групп) как серьезную проблему, но пока не готовы предъявлять ему соответствующие требования. Профсоюзы не рассматриваются ими как политические акторы.

Различия во мнениях по поводу важности поддержки РСО определяются не столько гендером опрошенных, сколько наличием детей. Но в целом мужчины несколько чаще считают, что семейные обязанности — личное дело работника. Отметим, что почти все рассматривают этот вопрос с точки зрения помощи женщинам-работницам с детьми, так как парадигма ответственности женщин за семью преобладает в общественном дискурсе. Если опрошенный сталкивался со случаем «одинокого отцовства», он припоминается как особенно тяжелый, а такой работник рассматривается как требующий безусловной поддержки.

Одним из наиболее распространенных способов решения проблем РСО является «ручная настройка»: достижение договоренностей с непосредственным руководителем по поводу графика работы, отпусков, выходных дней и т. д. Отметим, что такая настройка возможна в случае хороших отношений работника с руководителем и желание их сохранить может препятствовать участию работника в трудовых конфликтах. Работник в переговорах выступает стороной, заинтересованной в сохранении за собой рабочего места, он принимает во внимание интересы работодателя и, как правило, ищет гибкую стратегию — к решению проблем привлекаются различные ресурсы (родственники, няни, соседи). Например, преподаватель вуза готов согласиться на месяц крайне высокой занятости в связи с сессией у заочников, если затем в течение пяти месяцев у него будет незначительная нагрузка.

Тип занятости и организации труда во многом определяет роль формальных норм (Трудового кодекса, локальных нормативных актов, коллективного договора) и неформальных договоренностей для решения проблем РСО. На предприятиях автомобильной промышленности и в морских портах, где труд организован рабочими сменами, предприятие находится далеко от места жительства работника, а коллективы насчитывают сотни работников, Трудовой кодекс, безусловно, соблюдается, но возможности для гибкого графика сильно ограничены. Работник может время от времени уйти раньше или прийти позже, может поменяться сменами, но рабочее время полностью посвящено непосредственно работе. В случае с преподавателями вузов (и отчасти медиками) в распоряжении работника оказывается значительный объем времени на подготовку к занятиям, которым он может распоряжаться по собственному усмотрению. В то же время сложившаяся в вузах традиция отсутствия

рабочего места за пределами аудитории для чтения лекций также может быть большой проблемой для РСО.

Формы поддержки РСО можно разделить на две группы: 1) массовые — охватывающие всех работников с детьми по факту наличия ребенка без учета нуждаемости (варьируются от подарков на Новый год до значительного соцпакета); 2) индивидуальные (возможны в случае готовности работодателя или непосредственного руководителя к «ручной настройке» занятости работника и (или) наличия сильного профсоюза, который готов посредничать в решении проблемы). Безусловно, лучший вариант для работника подразумевает наличие обеих форм, так как массовые формы поддержки не могут учесть всего разнообразия его потребностей, а «ручная настройка» требует ресурсов у обеих сторон и касается, как правило, графика работы.

На первый взгляд чувствительными к проблемам РСО должны быть те предприятия и организации, где работает больше женщин. Как показывает исследование, в большей степени это определяется стилем руководства в организации. Женщины-фельдшеры станции «Скорой медицинской помощи» в интервью говорят, что их семейные проблемы с точки зрения работодателя — их личное дело. Суточный режим «скорой» в принципе плохо сочетается с семейными обязанностями, а заняты там преимущественно женщины. Настройка графика возможна тогда, когда РСО составляют меньшинство, а в «женских» отраслях таковых, как правило, много. Еще одним определяющим фактором наличия или отсутствия поддержки со стороны работодателя является квалификация работника, возможность его (ее) быстрой замены на другого. Здесь отношение варьируется в промежутке от немедленного увольнения в случае беременности для неквалифицированных кадров до создания условий для раннего выхода женщины из декрета для высококвалифицированных.

Некоторые опрошенные отмечают, что если бы их зарплата была достаточной, то они бы не претендовали ни на какие дополнительные льготы для работников с семейными обязанностями, используя свои доходы для решения семейных проблем (оплаты частного детского сада, няни, продленки). Если оставить за скобками вопрос выделения работнику дополнительного свободного времени для семьи или установления гибкого графика, то существует запрос на монетизированный вариант поддержки работников с семейными обязанностями вместо помощи в «натуральной форме» (подарки, путевки, корпоративные праздники), которая широко распространена в России. Семья с детьми далеко не всегда может воспользоваться билетом на праздник или путевкой в силу неудобного времени, места, болезни или отсутствия интереса к мероприятию у ребенка. Но доплачивать «за наличие семьи» работодатели не готовы, так как в этом случае нарушается сама логика равной оплаты за равный труд. Наиболее приемлемыми для работодателя и востребованными у работ-

ников являются полисы ДМС на детей. Такой вариант поддержки можно отнести к типу «сертификат», т. е. помощь оказывается целевая, но ее использование предполагает свободу выбора. Возможно, это наиболее актуальная форма поддержки семей с детьми, но пока ее применение ограничено слабым распространением практики сертификатов в России. К этой форме близка по сути практика возмещения затрат, когда родители самостоятельно оплачивают удобную для них услугу, а затем получают от работодателя полное или частичное возмещение затрат. Многие работники не считают чем-то значимым получение от профсоюза (или работодателя) подарков для детей, но в то же время возмущаются попытками упразднить эту практику. Материальная помощь в случае серьезных проблем в семье, напротив, воспринимается как важная мера поддержки.

Большинство работников и активистов профсоюзов соглашались с тем, что профсоюз должен выделять работников с семейными обязанностями в особую группу: оказывать им консультации, вносить предложения в коллективный договор, помогать разрешать конфликтные ситуации с работодателем. Но на практике активное вовлечение профсоюза в дела таких работников возможно только в случае экономической стабильности предприятия и отсутствия острых трудовых конфликтов. Случаев специальных профсоюзных кампаний для продвижения льгот или прав для РСО не смог припомнить никто из опрошенных.

Анализ листовок, газет, материалов на сайтах профсоюзов КТР в исследованных отраслях (высшее образование, медицина, автомобилестроение, морской транспорт) не выявил ни одной публикации на тему работников с семейными обязанностями. Это говорит о том, что права РСО не были причинами достаточно острых трудовых конфликтов, чтобы профсоюз считал нужным выводить информацию о них в публичное пространство. Просветительской работы по теме РСО в профсоюзах также не ведется.

Права работников с семейными обязанностями не занимают значимого места в коллективных договорах предприятий и организаций, на которых проводилось исследование. Часто в коллективные договоры предприятий включаются пункты, которые повторяют положения Трудового кодекса РФ, т. е. повторно закрепляются те права РСО, которые уже гарантированы федеральным законодательством. Основная причина этого — имитация социальной направленности колдоговора. Практический смысл в этом может быть только один: если из Трудового кодекса будет исключено какое-то право работника, то на данном предприятии оно будет продолжать действовать до конца действия коллективного договора. Немало профсоюзных организаций, которые только еще добиваются заключения коллективного договора или допуска к участию в его обсуждении. Профсоюзы КТР ориентируются на самые востребованные запросы работников: полная занятость, оплата труда, отказ от

сокращений. Некоторые активисты готовы включать права РСО в список вопросов для коллективных переговоров, чтобы в их ходе отказаться от них в пользу более важных требований.

Исследование показало, что специфика занятости в отрасли (а также на конкретном предприятии и организации) определяет значительную часть запросов работников с семейными обязанностями. Например, зарплата преподавателя и научного работника в вузе, как правило, включает надбавку, рассчитываемую исходя из оценки эффективности работника за несколько предыдущих лет (статьи в научных изданиях, участие в конференциях, патенты и т. д.). Отсутствие на работе в течение полугода или трех лет из-за декретного отпуска резко снижает показатели эффективности, негативно сказываясь на зарплатке и перспективах профессионального роста. Лидеры профсоюза «Университетская солидарность» признают это как проблему и выражают готовность ставить перед работодателями вопрос о введении компенсационных мер. «Российский профессиональный союз моряков» ведет кампанию за допуск женщин к работе на судах в должности капитанов, помощников капитанов, врачей, мотористов и т. д., демонстрируя на примерах западных стран, что гендерное равенство в этой сфере возможно и сама по себе занятость в морском флоте не препятствует созданию семьи.

Предварительные выводы исследования таковы. На предприятиях и в организациях, испытывающих экономические проблемы, профсоюзы КТР ставят во главу угла требования повышения зарплаты или отказа от сокращений. Актуально требование сохранения социального пакета там, где он достаточно велик и работодатель предпринимает попытки по его уменьшению. Деятельность профсоюзов в большей степени носит «реактивный характер», так как опасность лишения блага (уменьшения объема прав) обладает большей мобилизующей силой, чем надежда на его (их) получение. Проблемы работников с семейными обязанностями, как правило, обсуждаются в рамках дискуссии (или коллективных переговоров) вокруг набора социальных льгот в целом либо в случае необходимости решения проблемы отдельного работника.

Работники с семейными обязанностями из-за опасения потери рабочего места или ухудшения отношения с работодателем нередко опасаются требовать от руководства даже льгот, закрепленных трудовым законодательством. Они предпочитают быть «удобными работниками» и решать семейные проблемы за счет других ресурсов. На предприятиях, где действует сильный профсоюз, проблема соблюдения законодательства перестает быть актуальной. Включению помощи работникам с семейными обязанностями в приоритетные направления работы профсоюзов препятствуют как ограниченные возможности профсоюзов, так и представление о том, что эта поддержка должна оказываться в первую очередь государством. В связи с ростом числа людей старших возрастных групп

в демографической структуре населения проблемы работников с семейными обязанностями будут вставать все более остро.

Литература

1. *Козина И.* Работающие матери, 2009. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/25/kozina/> (дата обращения: 31.05.2017).
 2. *Рождественская Е. Ю.* Концепция баланса жизни и труда: уроки европейской социальной политики и российские перспективы // Журнал исследований социальной политики. — 2011. — № 4. — Т. 9.
 3. *Чернова Ж.* Молодая семья как объект/субъект семейной политики, 2010. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/11/30/family/> (дата обращения: 25.05.2017).
1. *Kozina I.* Rabotajushhie materi, 2009. URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/25/kozina/> (data obrashhenija: 31.05.2017).
 2. *Rozhdstvenskaja E. Ju.* Konceptcija balansa zhizni i truda: uroki evropejskoj social'noj politiki i rossijskie perspektivy // Zhurnal issledovanij social'noj politiki. — 2011. — № 4. — Vol. 9.
 3. *Chernova Zh.* Molodaja sem'ja kak ob#ekt / sub#ekt semejnoj politiki, 2010. URL: <http://www.polit.ru/article/2010/11/30/family/> (data obrashhenija: 25.05.2017).

Мостахова Т. С.,
д-р экон. наук,
ведущий научный сотрудник
Якутский научный центр СО РАН
(Якутск, Россия)

Индикаторы демографической безопасности

Аннотация

Предмет статьи — демографическая безопасность, процессы воспроизводства населения в северном регионе. Цель работы — с использованием методов демографического анализа выявить ключевые вызовы в развитии населения региона, показать региональную специфику аспектов демографической безопасности региона.

Выявление основных угроз и рисков демографической безопасности способствует совершенствованию мер региональной демографической политики. Значительные трансформации в демографическом развитии республики представляют серьезные угрозы для демографической безопасности, о чем свидетельствует динамика ее индикаторов. Развитие народонаселения Республики Саха (Якутия) сопровождается сохранением угроз, определяя напряженность в сфере демографической безопасности. К числу основных угроз прежде всего следует отнести высокий уровень смертности, особенно от внешних причин смерти, что определяет наиболее значимую приоритетность мер по снижению смертности населения. Трансформационные процессы, угрозы демографической безопасности должны находить адекватное отражение в региональной демографической политике. По сравнению с предыдущим периодом

реализация демографической политики имеет некоторые затруднения в аспекте нерешенности ее организационного механизма.

Ключевые слова: демографическая безопасность, индикаторы, северный регион, воспроизводство населения, региональная демографическая политика, Республика Саха (Якутия)

JEL коды: J11, J18

*Mostakhova T. S.,
Ph.D., leading researcher
YSC SB RAS
(Yakutsk, Russia)*

Indicators of demographic security

Abstract

The subject of this article — demographic security, reproductive processes of the population in the Northern region. The aim of this work is to identify the key challenges in the development of the population of the region, show region-specific aspects of demographic security of the region using the methods of demographic analysis.

Identifying the main threats and risks of demographic security contributes to the improvement of regional measures of demographic policy. Significant transformation in the demographic development of the Republic pose a serious threat to demographic safety, than the dynamics of its indicators evidenced. The population development of the Republic of Sakha (Yakutia) is accompanied by the preservation of threats, defining tensions in the sphere of demographic security. The main threats primarily include high mortality, especially from external causes of death that determines the most significant priority measures to reduce the mortality rate. Transformation processes, threats to demographic security needs to find appropriate reflection in the regional demographic policy. implementation of the demographic policy has some difficulties in terms of its unresolved institutional mechanism in comparison with the previous period.

Key words: demographic security indicators, the Northern region, population reproduction, regional demographic policies, the Republic of Sakha (Yakutia)

JEL codes: J11, J18

Демографическая безопасность может быть оценена через различные индикаторы и показатели. Теоретические аспекты демографической безопасности, в том числе индикаторы, были исследованы в достаточном количестве работ [1; 6–9; 11]. К индикаторам демографической безопасности, по нашему мнению, могут быть отнесены те, которые в агрегированном виде характеризуют состояние воспроизводства населения, понятие, определяющее сущность демографической безопасности. Это продолжительность жизни, определяемая уровнем смертности населения, коэффициент депопуляции, задаваемый соотношением рождаемости и смертности, коэффициент суммарной рождаемости, зависящий от характера процессов рождаемости [4, с. 111–115].

Особенно актуальными следует признать вопросы демографической безопасности для северных регионов, где воспроизводство населения

происходит на фоне экстремальных природно-климатических и социально-экономических условий.

В Республике Саха (Якутия) в качестве основной тенденции демографического развития можно признать отсутствие значимого роста численности населения, что стало следствием трансформации источников формирования населения.

Основным источником формирования населения остается естественный прирост. Однако при росте за 2000–2015 гг. в 2,1 раза долговременным трендом все же остается снижение коэффициента естественного прироста (по сравнению с 1950 г. — более чем в 2,6 раза). Интегральный показатель демографической безопасности в сфере рождаемости, суммарный коэффициент рождаемости, только незначительно превышает уровень простого воспроизводства населения, хотя на протяжении 2000–2015 гг. непрерывно возрастал. В 2015 г. он составил 2,19 рождения на одну женщину.

Несмотря на высокие показатели естественного прироста, создаваемые значительной рождаемостью населения, численность населения республики практически не увеличивается в результате существенного миграционного оттока за пределы региона. Длительное время миграционный отток превышал по абсолютному значению естественный прирост населения; и в настоящее время он остается почти в 1,5 раза большим, чем по Дальневосточному федеральному округу [5, с. 89–92].

В качестве серьезных угроз демографической безопасности можно рассматривать достаточно высокую долю умерших в трудоспособном возрасте, хотя этот показатель имеет тенденцию к снижению. Доля умерших мужчин в трудоспособном возрасте на протяжении 2000–2015 гг. в 2 и более раза превышала аналогичный показатель у женщин [13, с. 289–291]. К сожалению, подобная ситуация отмечается достаточно давно, мало изменяясь к лучшему [2, с. 27–37].

Сверхсмертность мужчин также представляет одну из угроз демографической безопасности региона, которая сохраняется достаточно длительное время [12, с. 40–43]. Одна из главных угроз в сфере смертности — это достаточно внушительная смертность от внешних причин смерти (несчастных случаев, отравлений и травм, убийств, самоубийств). Хотя отмечается динамика в сокращении доли этих причин смерти в общем числе умерших (в 1990 г. удельный вес умерших от внешних причин составлял 24,6%, в 2015 г. — 17%), однако эти причины смерти устойчиво занимают 2-е место после болезней системы кровообращения.

В гендерном отношении высокая смертность от внешних причин определяется мужчинами. Индекс сверхсмертности в 2015 г. составлял 4,57 раза (в 2000 г. — 4,51). К сожалению, гендерная составляющая во внешних причинах смерти остается без изменений. В 1990–1995 гг. этот класс причин смерти среди мужчин занимал 1-е место, имея коэффициент смертности 427,8 на 100 тыс. чел. населения, а коэффициент смертности от болезней кровообращения — 372,8 [10, с. 126–135].

Таким образом, проблемы в сфере смертности представляют одну из главных угроз для демографической безопасности северного региона. Итоговый индикатор демографической безопасности в сфере смертности — ожидаемая продолжительность жизни — превысил уровень в 70 лет, рекомендованный мировым сообществом, только в 2015 г. (70,3 года).

В результате увеличения продолжительности жизни и сокращения рождаемости отмечается старение населения республики, которое также можно оценивать в качестве рисков демографической безопасности. По сравнению с 1990 г. доля пожилого населения возросла почти в 2 раза: с 6,7 до 16% в 2015 г.

Значительные трансформации в демографическом развитии республики представляют серьезные угрозы для демографической безопасности, о чем свидетельствует динамика ее индикаторов (табл. 1).

Таблица 1

Индикаторы демографической безопасности в Республике Саха (Якутия)

Индикаторы	Пороговое значение	2000 г.	2005 г.	2009 г.	2010 г.	2014 г.	2015 г.
Коэффициент депопуляции	1	0,709	0,708	0,586	0,583	0,483	0,499
Суммарный коэффициент рождаемости	2,15	1,77	1,74	2,00	2,01	2,25	2,19
Ожидаемая продолжительность жизни, число лет	75	63,7	64,7	66,5	66,8	69,8	70,3
<i>Отклонение фактического показателя от порогового значения, %</i>							
Коэффициент депопуляции	100	70,9	70,8	58,6	58,3	48,3	49,9
Суммарный коэффициент рождаемости	100	82,3	80,9	93,0	93,5	104,7	101,9
Ожидаемая продолжительность жизни, лет	100	84,9	86,3	88,7	88,9	93,1	93,7

Таким образом, развитие народонаселения Республики Саха (Якутия) сопровождается сохранением угроз, определяя напряженность в сфере демографической безопасности. К числу основных угроз прежде всего следует отнести высокий уровень смертности, особенно от внешних причин смерти. Основываясь на анализе воспроизводства населения в регионе, можно определить в качестве ключевых вызовов демографической безопасности следующие:

- отсутствие значимого демографического роста;
- сохранение «отрицательной» роли миграционного оттока в формировании общей численности населения республики;
- наличие высоких потерь трудоспособного населения в результате преждевременной смертности от внешних причин смерти; сохранение сверхсмертности мужчин;
- сохранение сравнительно невысокого уровня ожидаемой продолжительности жизни, несмотря на позитивную динамику последних лет;
- постарение населения.

Трансформационные процессы, угрозы демографической безопасности должны находить адекватное отражение в региональной демографической политике. Значительный опыт Республики Саха (Якутия) в ее проведении [3, с. 105–114] дает основание предполагать, что новые реалии в демографическом воспроизводстве найдут отражение в совершенствовании мер в отношении развития народонаселения, соотносимых с угрозами и рисками в демографической безопасности региона. Вместе с тем следует отметить, что по сравнению с предыдущим периодом реализация демографической политики имеет некоторые затруднения в аспекте нерешенности ее организационного механизма.

Представляется, что более значимую приоритетность должны иметь меры по снижению смертности населения. В этом аспекте представляются значимыми меры по поддержке самосохранительного поведения, формированию здорового образа жизни как одной из важных жизненных ценностей. Значимым направлением должны оставаться меры по снижению смертности от внешних причин. По-прежнему актуальна будет информационно-пропагандистская, идеологическая работа [4, с. 115]. Вместе с тем и меры в области рождаемости также не снимают свою актуальность, особенно с учетом изменений в возрастной структуре населения. В области рождаемости актуальным моментом в мерах по ее стимулированию должна стать их нацеленность на институциональные аспекты (доступность, приемлемость, низкая стоимость и качество услуг по воспитанию детей в детских дошкольных учреждениях) [14, с. 411–438].

Литература

1. Глушкова В. Г., Хорева О. Б. Демографическая безопасность России и ее регионов: проблемы и пути их решения // Вестник финансового университета. — 2014. — № 3. — С. 15.
2. Демографическая ситуация в Республике Саха (Якутия): проблемы и перспективы. — Якутск, 1994. — 72 с.
3. Мостахова Т. С. Региональная демографическая политика. — Якутск: Якутский филиал Изд-ва СО РАН, 2001. — 120 с.

4. *Мостахова Т. С., Туманова Д. В.* Демографическая безопасность региона (на примере Республики Саха (Якутия)) // Региональная экономика: теория и практика. — 2009. — № 14. — С. 111–115.
5. *Мостахова Т. С.* Миграционная подвижность населения Республики Саха (Якутия) // Миграционные процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, современность, практики взаимодействия и регулирования: сборник трудов международной научно-практической конференции, 10–12 ноября 2015 г. — Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. — С. 89–92.
6. *Рыбаковский Л. Л.* Демографическая безопасность: геополитические аспекты // Народонаселение. — 2004. — № 1. — С. 22–34.
7. *Соболева С. В., Чудаева О. В.* Демографическая безопасность России и ее регионов: факторы, проблемы, индикаторы // Регион: экономика и социология. — 2008. — № 3. — С. 149–150.
8. *Соболева С. В., Смирнова Н. Е., Чудаева О. В.* Оценка демографической безопасности на примере Сибирского федерального округа // Экономическая безопасность России: проблемы и перспективы. Материалы III Международной научно-практической конференции. Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексеева. — Нижний Новгород, 2015. — С. 404–408.
9. Социально-демографическая безопасность России / Институт экономики УрО РАН. — Екатеринбург, 2008.
10. *Сукнева С. А., Туманова Д. В.* Влияние витального поведения на трудовой потенциал северного региона // Актуальные проблемы, направления и механизмы развития производительных сил Севера. Материалы Четвертого Всероссийского научного семинара: в 2 ч. — Сыктывкар, 2014. — С. 126–135.
11. *Татаркин А. И., Куклин А. А., Черепанова А. В.* Социально-демографическая безопасность регионов России: текущее состояние и проблемы диагностики // Экономика региона. — 2008. — № 3. — С. 154–162.
12. *Туманова Д. В.* Современное состояние сверхсмертности мужчин в Республике Саха (Якутия) // Региональная экономика: теория и практика. — 2012. — № 17. — С. 40–43.
13. *Туманова Д. В.* Динамика смертности населения Республики Саха (Якутия) в условиях социально-экономических трансформаций // Современные проблемы межнациональных и межконфессиональных отношений. — Якутск, 2016. — С. 289–291.
14. *Rindfuss K. G., Morgan Ph.* The Changing Institutional Context of Low Fertility // Population Research and Policy Review. — 2003. — No. 22. — P. 411–438.
1. *Glushkova V. G., Khoreva O. B.* Demograficheskaya bezopasnost' Rossii i ee regionov i puti ikh resheniya // Vestnik finansovogo universiteta. — 2014. — No. 3. — P. 15.
2. Demograficheskaya situatsiya v Respublike Sakha (Yakutiya): problemy i perspektivy. — Yakutsk, 1994. — 72 p.
3. *Mostakhova T. S.* Regional'naya demograficheskaya politika. — Yakutsk, 2001. — 120 p.

4. *Mostakhova T. S., Tumanova D. V.* Demograficheskaya bezopasnost' regiona (na primere Respubliki Sakha (Yakutiya)) // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. — 2009. — No. 14. — P. 111–115.
5. *Mostakhova T. S.* Migratsionnaya podvignost' naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya) // Migratsionnye mosty v Aziatsko-Tikhookeanskom regione: istoriya, sovremennost', praktiki vzaimodeistviya i regulirovaniya: sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. — Vladivostok: Dal'nevost.fed.University, 2015. — P. 88–92.
6. *Rybakovskii L. L.* Demograficheskaya bezopasnost': geopoliticheskie aspekty // Narodonaselenie. — 2004. — No. 1. — P. 22–34.
7. *Soboleva S. A., Chudaeva O. V.* Demograficheskaya bezopasnost' Rossii i ee regionov: factory, problemy, indicatory // Region: ekonomika i sotsiologiya. — 2008. — No. 3. — P. 149–150.
8. *Soboleva S. A., Smirnova N. E., Chudaeva O. V.* Ocenka demograficheskoi bezopasnosti na primere Sibirskogo federal'nogo okruga // Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: problemy i perspektivy. — Nizhny Novgorod, 2015. — P. 404–408.
9. Sotsial'no-demograficheskaya bezopasnost' Rossii / Institut ekonomiki UrO RAN. — Ekaterinburg, 2008.
10. *Sukneva S. A., Tumanova D. V.* Vliyanie vital'nogo povedeniya na trudovoi potentsial severnogo regiona // Aktual'nie problemy, napravleniya i mekhanizmy razvitiya proizvoditel'nykh sil Severa. Materialy Chetvertogo Vserossiiskogo nauchnogo seminara. — Syktyvkar, 2014. — P. 126–135.
11. *Tatarkin A. I., Kuklin A. A., Cherepanova A. V.* Sotsial'no-demograficheskaya bezopasnost' regionov Rossii: tekushee sostoyanie i problemy diagnostiki // Ekonomika regiona. — 2008. — No. 3. — P. 154–162.
12. *Tumanova D. V.* Sovremennoe sostoyanie sverkhsmertnosti muzhchin v Respublike Sakha (Yakutiya) // Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika. — 2012. — No. 17. — P. 40–43.
13. *Tumanova D. V.* Dinamika smertnosti naseleniya Respubliki Sakha (Uakutiya) v usloviyakh social'no-ekonomicheskikh transformacii // Sovremennyi problemy mezhdnacional'nykh i mezhdnkonfessional'nykh otnoshenii. — Yakutsk, 2016. — P. 289–291.

Мотрич Е.Л.,
д-р экон. наук,
ведущий научный сотрудник
Институт экономических исследований
ДВО РАН
(Хабаровск, Россия)

Демографическое развитие Дальнего Востока

Аннотация

В статье рассматриваются факторы изменения в численности населения в Дальневосточном федеральном округе за 1991–2015 гг. и более подробно — за 2011–2015 гг. Цель работы — проанализировать аспекты естественного воспро-

изводства населения, соотношение рождаемости и смертности. В работе высказано предположение о том, что уменьшение естественного воспроизводства отразится на формировании устойчивого и стабильного прироста населения. Представлена предполагаемая численность населения в соответствии с разрабатываемой концепцией демографического развития Дальнего Востока до 2030 г. Определены факторы, способные ограничить возможности стабилизации численности населения Дальнего Востока к 2018 г. на уровне 2016 г. и его существенного прироста к 2030 г. на уровне максимальной численности, зарегистрированной в 1991 г. Одновременно подчеркнуто, что Дальний Восток является неконкурентоспособным по уровню и качеству жизни относительно других федеральных округов, что подтверждается миграционным оттоком населения. Результаты исследования могут быть использованы в научной работе, в образовательных целях в вузах, а также административно-управленческими организациями при разработке мероприятий демографической политики.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, регион, население, рождаемость, смертность, естественное воспроизводство, миграция

JEL код: J610

Motrich E. L.,

Doctor of Economics, Leading Researcher.

Economic Research Institute of FEB RAS

(Khabarovsk, Russia)

Demographic development of the Far East

Abstract

In the article the factors of change in the population of the Far Eastern Federal District for the period 1991–2015, and in more detail for the years 2011–2015, are investigated. The purpose of the work is to analyze aspects of the population natural reproduction, the ratio of births and deaths. The paper suggests that the decrease in natural reproduction will affect the formation of the sustained and stable growth of the population. The estimated population is presented in accordance with the developed concept of the demographic development of the Far East until 2030. The article defines the factors that can limit the stabilization of the Far East's population by 2018 at the level of 2016 and its significant growth by 2030 at the level of the maximum number, registered in 1991. At the same time it is stressed that the Far East is not competitive by standards and quality of living in relation to other federal districts, and that is confirmed by the migration outflow. The results of the research can be used in scientific work, for educational purposes in higher education institutions, as well as administrative and management organizations while developing the activities of demographic policy.

Keywords: Russia, Far East, region, population, birth rate, mortality, natural reproduction, migration

JEL code: J610

На Дальнем Востоке России к настоящему времени в части демографических и миграционных проблем региона определяющей является проблема существующего диспаритета между численностью населения и огромной территорией. Уже сегодня его демографический потенциал явно недостаточен для освоения расположенных здесь природных ре-

сурсов и создания развитой экономической и поселенческой структуры. Проблема заселенности Дальнего Востока приобрела новое звучание в связи с тем, что будущее России связано с включением ее в Азиатско-Тихоокеанский регион через Дальневосточный федеральный округ (ДФО). Кроме того, существующая диспропорция между численностью населения и огромной территорией является чрезвычайно опасной с точки зрения геополитики, обороноспособности, социально-экономического и гуманитарного развития России.

Население российского Дальнего Востока, этого важного экономического и стратегического района страны, с 1990-х гг. идет по демографической наклонной плоскости по причине продолжающихся многие годы естественной убыли и миграционного оттока, приобретшего характер причинной тенденции. Уменьшение численности населения явилось причиной сокращения доли Дальнего Востока в населении России: с 5,4% в 1991 г. до 4,2% на 1 января 2017 г. На всей территории Дальнего Востока (36,0% территории страны), превышающей площадь Европы, проживает вдвое меньше (50,3%) жителей, чем в Москве. По показателям численности и плотности населения Дальневосточный регион занимает последнее место среди федеральных округов России.

На 1 января 2017 г. на Дальнем Востоке проживало 6,2 млн чел. — это 76,5% от численности населения на 1 января 1991 г. (года максимального числа жителей, зарегистрированных на Дальнем Востоке). За период 1991–2016 гг. регион потерял 1,9 млн чел. (23,5% собственного населения), в том числе 0,2 млн чел. (10,5%) за счет естественной убыли и 1,7 млн чел. за счет миграционного оттока.

Сможет ли Дальний Восток в условиях сложившейся демографической ситуации достичь предполагаемой, в соответствии с разрабатываемой Концепцией демографического развития Дальнего Востока до 2030 г. стабилизации численности населения в 6,2–6,3 млн чел. к 2018 г. и 8,0 млн к 2030 г.? Представляется, что такие расчеты содержат определенные риски: регион не остановил свое движение по наклонной в плане приобретения существенного положительного сальдо миграции; начавшийся положительный прирост населения вновь приобретает тенденцию сокращения.

Коэффициент естественного прироста населения на Дальнем Востоке в 1991 г. достигал 5,1‰, в 2016 г. он опустился до 0,88‰. Динамика этого коэффициента обусловлена складывающейся ситуацией в процессах рождаемости и смертности.

1991 г. был последним годом с максимальным числом рожденных детей — 109 996 чел. (13,7‰). Естественный прирост для региона оставался положительным, несмотря на то что уже появилась тенденция роста коэффициента смертности (8,6‰ в 1991 г. и 9,6‰ в 1992 г.). В 1993 г. родилось минимальное количество детей — 82 150 (74,7% относительно 1991 г.). Коэффициент рождаемости в этом году опустился до 10,5‰,

коэффициент смертности увеличился до 11,8‰. В результате в 1993 г. впервые была отмечена естественная убыль населения. Ситуация уменьшения рождаемости продолжалась до 2000 г., в котором коэффициент рождаемости опустился до 8,8‰. В последующие четыре года (2001–2004) наблюдался рост числа рожденных детей. Коэффициент рождаемости достиг 11,4‰ в 2004 г. Но естественный прирост оставался отрицательным, поскольку смертность превышала рождаемость (14,9‰). В последующие два года (2005–2006) наблюдалась тенденция снижения коэффициента рождаемости до 11,0‰. И, несмотря на то что с 2006 г. стало проследиваться снижение смертности, естественный прирост продолжал быть отрицательным из-за превышения смертности над рождаемостью. В последующие годы наблюдался рост числа рождений, но сохранялись более высокие показатели смертности. В результате естественное воспроизводство населения оставалось отрицательным. В 2011 г. было зафиксировано его минимальное отрицательное значение (–0,3‰). В 2012 г. впервые за постсоветский период на Дальнем Востоке зарегистрирован естественный прирост населения. Родилось в этот год 87 370 детей, в 2014 г. — 87 653 чел. Коэффициент рождаемости поднялся до 13,98‰ в 2012 г. и 14,11‰ в 2014 г. Коэффициент смертности составил 13,09‰ в 2012 г. и опустился до 12,61‰ в 2014 г. Начался процесс роста естественного воспроизводства населения в регионе, что позволило ряду аналитиков говорить об улучшении ситуации в естественном движении населения на Дальнем Востоке. На самом деле этот «демографический взрыв» не должен порождать иллюзий, поскольку рост рождаемости был обеспечен «резервным» потенциалом демографического роста, аккумулированным в возрастной структуре. В репродуктивный возраст в этот период вступили родившиеся в 1980-е гг., когда в стране были введены меры помощи семьям с детьми. Правда, здесь нельзя сбрасывать и роль введенного в 2006 г. материнского капитала. Но уже в 2015 г. родилось 86 549 детей, а 2016 г. оказался еще менее благоприятным. Число рожденных детей (82 829 чел.) было выше всего на 0,8% относительно 1993 г., что практически означает сползание к 1993 г. [2, с. 49; 3, с. 81; 4, с. 95; 5, с. 77; 6, с. 76; 11] (табл. 1).

Таблица 1

Естественное воспроизводство населения Дальнего Востока, ‰

Год	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность
1991	+5,1	13,7	8,6
1992	+2,2	11,8	9,6
1993	–1,3	10,5	11,8
1999	–3,7	8,4	12,1
2000	–4,0	8,8	12,8
2004	–3,5	11,4	14,9
2005	–4,1	11,0	15,1

Окончание табл. 1

Год	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность
2006	-2,8	11,0	13,8
2011	-0,3	13,2	13,5
2012	+0,89	13,98	13,09
2014	+1,50	14,11	12,61
2015	+1,31	13,97	12,66
2016	+0,88	13,40	12,52

Источники: [2, с. 49; 3, с. 81; 4, с. 95; 5, с. 77; 6, с. 76; 11].

Кривая коэффициентов рождаемости с 2015 г. вновь «пошла» по ниспадающей траектории. Естественный прирост в 2016 г. оставался положительным благодаря сохранению превышения рождаемости над смертностью. Однако его коэффициент практически вернулся к уровню 2012 г., когда впервые он был со знаком плюс: в 2012 г. — 0,89‰, в 2016 г. — 0,88‰. Таким образом, достигнутые демографические успехи в 2012–2015 гг. — это уже наше прошлое, в то время как ближайшее будущее не столь оптимистично [10, с. 412]

По приближенной оценке Б. Ц. Урланиса и В. А. Борисова, коэффициенты рождаемости менее 16‰ считаются низкими, с 16 до 24‰ — средними, с 25 до 29‰ — выше средних, с 30 до 39‰ — высокими, а с 40‰ и более — очень высокими. Следовательно, для Дальнего Востока при сохранении более низких показателей рождаемости и, более того, с наметившейся тенденцией их уменьшения увеличение населения за счет естественного воспроизводства пока остается «демографической мечтой». Подтверждением является суммарный коэффициент рождаемости, который характеризует среднее число рождений у одной женщины на протяжении всей жизни. Он позволяет интегрально и достаточно точно характеризовать уровень рождаемости за каждый год. Суммарные коэффициенты выше 4,0 считаются высокими, меньше 2,15 — низкими [9, с. 209]. Пороговым значением является величина, равная 2,1–2,2. Если суммарный коэффициент рождаемости находится на этом уровне, то имеет место простое воспроизводство населения, ниже — суженное, выше — расширенное [1, с. 819]. Таким образом, именно рождаемость определяет характер и динамику современного типа воспроизводства населения. Дальний Восток не достигает даже верхней границы уровня низкого показателя и находится в пределах ниже суженного воспроизводства населения (табл. 2).

Таблица 2

Суммарные коэффициенты рождаемости

Год	Россия	Дальний Восток
1991	1,732	1,843
1993	1,385	1,440

Окончание табл. 2

Год	Россия	Дальний Восток
2012	1,691	1,780
2013	1,707	1,814
2014	1,750	1,869
2015	1,777	1,893
2016	1,762	1,858

Источники: [2, с. 74–81; 7, с. 93–97; 8; 14].

Сравнение российского и регионального суммарных коэффициентов рождаемости показывает, что по уровню рождаемости Дальний Восток в 1991 г. опережал российский уровень на 18,8%. В 2016 г. это опережение опустилось до 5,4%, что обусловлено изменением возрастной структуры населения под влиянием естественной убыли в период 1991–2011 гг. и миграционным оттоком. По суммарному коэффициенту рождаемости Дальневосточный регион отстает от Северо-Кавказского, Уральского и Сибирского федеральных округов, хотя они тоже находятся на стадии суженного воспроизводства населения.

Можно условно принять, что на Дальнем Востоке, как и в России в целом, поколения «родителей» конца XX в. недовоспроизвели себя на 10,5% [1, с. 128]. Такой режим воспроизводства населения не обеспечивает простого замещения поколений. Преодолеть этот барьер и восстановить его в необходимых масштабах крайне трудно, поскольку воспроизводство населения находится у той сакральной черты, когда рождаемость ниже отметки двух детей на одну женщину. Поэтому уровень замещения поколений, как указывалось выше, находится на стадии суженного воспроизводства. Для перехода на стадию простого воспроизводства населения необходимо, чтобы каждые 100 современных россиянок родили не менее 213 детей обоего пола [1, с. 128]. Поэтому вполне справедливо в настоящее время рассматривают поддержку демографической динамики с соответствующим уровнем замещения поколений одним из условий демографического развития России, в том числе Дальнего Востока [12].

Расширенное воспроизводство населения возможно при повышении рождаемости, сокращении смертности. Следовательно, нужен постоянный мониторинг процессов в естественном воспроизводстве населения с целью уточнения возможных изменений и предупреждения возникающих неблагоприятных тенденций. Но уже сегодня демография дает нам новые вызовы: нет оснований ожидать, что рождаемость может увеличиться, поскольку изменяются позитивные перемены в динамике женщин репродуктивного возраста. Их численность на Дальнем Востоке в 2010 г. составляла 1722,5 тыс. чел., в 2015 г. — 1582,8 тыс. чел. К 2030 г., по нашим расчетам, это будет малолюдное поколение, рожденное в кон-

це прошлого века, в годы демографического кризиса (1314,3 тыс. чел.) [15, с. 299–300; 2015–2050 гг. — расчеты ИЭИ ДВО РАН по сценарию, где принималась гипотеза об изменении уровня рождаемости под влиянием трансформации численности и структуры женского репродуктивного контингента. В отношении смертности предполагалось постепенное ее сокращение благодаря государственной политике по развитию современной системы здравоохранения] (рис. 1).

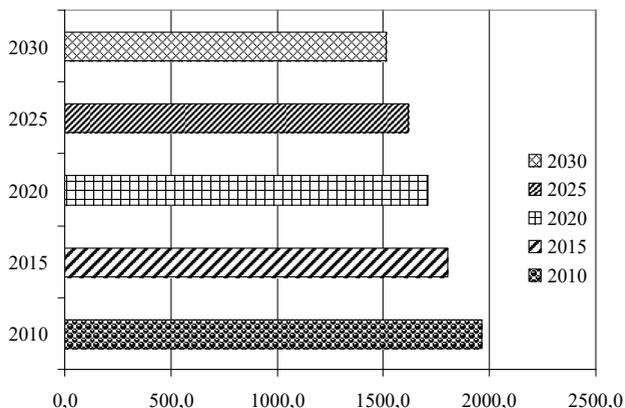

Рис. 1. Численность женщин на Дальнем Востоке в возрасте 15–49 лет, 2010–2030 гг., тыс. чел.

Численность женщин репродуктивного возраста в 2050 г. относительно 2010 г. составит 53,3% (918 026 чел.). Следовательно, при уменьшении доли женщин репродуктивного возраста трудно ожидать существенного повышения рождаемости.

Нельзя не учитывать и высокий показатель смертности, который на Дальнем Востоке в 2016 г. был выше, чем в 1991 г., в полтора раза. Превышение смертности над рождаемостью в постсоветский период было впервые зарегистрировано в 1993 г. и продолжалось до 2012 г., начиная с которого идет ее сокращение, но, к сожалению, в минимальных размерах (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты смертности в субъектах Дальнего Востока, ‰

Субъект	1991 г.	1993 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Дальний Восток	8,6	11,8	13,09	12,61	12,66	12,52
Республика Саха (Якутия)	6,9	8,8	9,33	8,61	8,58	8,36
Камчатский край	6,2	9,9	11,64	11,61	11,47	9,99
Приморский край	9,8	13,0	13,73	13,45	13,54	13,60
Хабаровский край	9,3	12,4	13,65	13,34	13,46	13,11

Окончание табл. 3

Субъект	1991 г.	1993 г.	2012 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
Амурская область	8,8	12,0	14,79	13,91	13,92	13,72
Магаданская область	5,8	11,1	12,80	12,08	11,93	11,40
Сахалинская область	8,7	8,9	13,90	13,08	13,28	13,12
Еврейская АО	9,7	12,9	15,30	15,06	15,60	15,19
Чукотский АО	4,2	7,6	11,42	10,70	9,67	10,05

Источники: [2, с. 49–50; 11].

В 2016 г. относительно 2012 г. уменьшение смертности составило всего 4,4% в целом по региону, в том числе в 2016 г. относительно 2015 г. — всего на 1,1%.

Минимальное сокращение смертности при существующих показателях рождаемости показывает трансформацию соотношения умерших к числу родившихся в худшем направлении буквально во всех субъектах Дальневосточного региона (табл. 4).

Таблица 4

Отношение умерших к числу родившихся в субъектах Дальнего Востока

Территория	Число умерших к числу родившихся, в %		2016 г. в % к 2015 г. (+ прирост; – уменьшение)
	2015 г.	2016 г.	
Российская Федерация	98,3	99,7	+1,4
Дальний Восток	90,6	93,4	+3,0
Республика Саха (Якутия)	50,0	52,2	+4,3
Камчатский край	87,4	89,9	+2,8
Приморский край	106,1	111,0	+4,4
Хабаровский край	93,9	97,4	+3,6
Амурская область	104,0	106,0	+1,9
Магаданская область	99,6	102,5	+2,8
Сахалинская область	97,3	92,0	+5,8
Еврейская автономная область	110,3	112,7	+2,1
Чукотский автономный округ	71,0	74,7	+5,0

Источник: рассчитано по: [11].

Сравнение соотношения умерших к числу родившихся демонстрирует неблагоприятное демографическое развитие Дальнего Востока на фоне российских показателей: в Дальневосточном регионе это соотношение в 2,1 раза хуже, чем в Российской Федерации. К сожалению, различные прогнозные оценки показывают, что основные демографические проблемы ближайшего будущего (рождаемость ниже простого воспроизводства, высокая смертность населения) сохранятся и до 2050 г.

Сможет ли Дальний Восток и при каких условиях достичь предусмотренную разрабатываемой концепцией демографического развития Дальнего Востока до 2030 г. стабилизацию численности населения на уровне 6,2–6,3 млн чел. к 2020 г. и рост до 8 млн чел. к 2030 г.?

В 2017 г. началось уменьшение естественного воспроизводства населения, а миграционный отток продолжается. Отрицательное значение миграционного сальдо в 2015 г. превысило аналогичный показатель 2011 г. на 38,8%. В 2016 г. миграционный отток достиг исторического минимума, какого не было в истории Дальнего Востока с 1991 г. Он оказался равным естественному приросту. Возможность сохранения такой ситуации в миграционных потоках весьма неопределенна, поскольку в межрегиональных миграционных потоках Дальний Восток постоянно проигрывает. Правда, за 2011–2015 гг. произошла трансформация в соотношении числа прибывших к числу выбывших: если в 2011 г. выбывших было больше числа прибывших на 51,7%, то в 2015 г. — на 38,4%. Но это еще не отразилось на смене отрицательного сальдо миграции на его положительное значение для региона в целом. Учитывая сокращение естественного воспроизводства в целом по России, вполне вероятно, что Дальний Восток продолжит выполнять роль донора для восполнения населения на других территориях страны. Этот вывод лишней раз подтверждает существование определенных рисков для устойчивого формирования населения в регионе.

Таким образом, анализ современных процессов развития населения на Дальнем Востоке России позволяет утверждать, что сегодня регион нуждается в оздоровлении демографической ситуации, в создании условий для стабилизации населения и его устойчивого роста.

Предполагается, что позитивную роль могут сыграть:

- развитие ТОРов, где будет создано более 100 тыс. новых рабочих мест [13];
- действующая с 2006 г. Программа содействия добровольному переселению соотечественников;
- бесплатная раздача гектаров земли [13].

Хотелось бы надеяться на реализацию оптимистического взгляда Д. А. Медведева на перспективы демографического развития на Дальнем Востоке: «Одна из главных целей государственной программы — сделать Дальний Восток местом, где будут нормальные условия для жизни, для того, чтобы комфортно жить и престижно работать. Задача это не простая, но абсолютно решаемая»¹. Следовательно, нужна государственная гарантия и поддержка повышенных нормативов воспроизводства населения, соответствующих региональной специфике.

¹ URL: <http://government.ru/news/1139/>

Литература

1. Демографическая энциклопедия / редкол.: А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. Б. Денисенко и др. — М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013. — 944 с.
 2. Демографический ежегодник России. 1993: стат. сб. / Росстат. — М., 1994. — 419 с.
 3. Демографический ежегодник России. 2002: стат. сб. / Росстат. — М., 2002. — 397 с.
 4. Демографический ежегодник России. 2005: стат. сб. / Росстат. — М., 2005. — 595 с.
 5. Демографический ежегодник России. 2007: стат. сб. / Росстат. — М., 2007. — 551 с.
 6. Демографический ежегодник России. 2012: стат. сб. / Росстат. — М., 2012. — 535 с.
 7. Демографический ежегодник России. 2013: стат. сб. / Росстат, — М., 2013. — 543 с.
 8. Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. / Росстат, — М., 2016. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect_main/rosstat/ru/statistics/publiation/catalog/doc
 9. Демографический энциклопедический словарь / редколл.: Д. И. Валентей (гл. ред.) и др. — М.: Советская энциклопедия, 1985. — 608 с.
 10. Демографическое настоящее и будущее России / под ред. В. Ф. Колбанова и Л. Л. Рыбаковского. — М.: Экон-информ, 2012. — 417 с.
 11. Естественный прирост населения субъектов Российской Федерации. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
 12. Новые инструменты ускоренного развития // Хабаровский край сегодня. — 2017. — 22 мая.
 13. Самый восточный регион страны — ответы министра РФ по развитию Дальнего Востока А. Галушка // Комсомольская правда. — 2017. — 10–17 мая.
 14. Суммарный коэффициент рождаемости в 2016 г. URL: <http://zemfort1983/livejournal.com/938744.html>
 15. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту на 1 января 2010 г.: Стат. бюлл. — ФСГС (Росстат), 2010.
-
1. Demograficheskaia jenciklopedija / redkol.: A. A. Tkachenko, A. V. Anoshkin, M. B. Denisenko i dr. — M.: ООО «Izdatel'stvo «Jenciklopedija», 2013. — 944 s.
 2. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 1993: stat. sb. // Rosstat. — M., 1994 — 419 s.
 3. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2002: stat. sb. // Rosstat. — M., 2002. — 397 s.
 4. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2005: stat. sb. // Rosstat. — M., 2005. — 595 s.
 5. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2007: stat. sb. // Rosstat. — M., 2007. — 551 s.

6. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2012: stat. sb. // Rosstat. — М., 2012. — 535 s.
7. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2013: stat. sb. // Rostat, — М., 2013. — 543 s.
8. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2015: stat. sb. // Rostat, — М., 2016. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect_main/rosstat/ru/statistics/publiation/catalog/doc
9. Demograficheskij jenciklopedicheskij slovar' // Redkoll.: D.I. Valentej (gl. red.) i dr. — М.: Sovetskaja jenciklopedija, 1985. — 608 s.
10. Demograficheskoe nastojashhee i budushhee Rossii. // Pod red. V. F. Kolbanova i L. L. Rybakovskogo. — М.: Jekon-inform, 2012. — 417 s.
11. Estestvennyj prirost naselenija sub#ektov Rossijskoj Federacii. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki>
12. Novye instrumenty uskorenного razvitija // Habarovskij kraj segodnja. — 2017. — 22 maja.
13. Samyj vostochnyj region strany — otvety ministra RF po razvitiju Dal'nego Vostoka A. Galushka // Komsomol'skaja pravda. — 2017. — 10–17 maja.
14. Summarnyj koeficient rozhdaemosti v 2016 godu. URL: <http://zemfort1983/livejournal.com/938744.html>
15. Chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii po polu i vozrastu na 1 janvarja 2010 g. — Stat. bjull. FSGS (Rosstat), 2010.

Пашкевич О. А.,

*канд. экон. наук, доцент, зав. сектором
Институт системных исследований
в АПК НАН Беларуси,
Сектор рынка труда
(Минск, Республика Беларусь)*

Лёвкина В. О.,

*научный сотрудник
Институт системных исследований
в АПК НАН Беларуси,
Сектор рынка труда
(Минск, Республика Беларусь)*

Демографические процессы в сельской местности Беларуси: тенденции, проблемы, прогнозные оценки

Аннотация

Предметом настоящего исследования явились демографические процессы в сельской местности: рождаемость, смертность, миграция. Цель исследования — выявление демографических трендов для дальнейшего использования результатов в изучении вопросов занятости сельского населения. В процессе проведения исследования применялись такие методы, как монографический, статистический, сравнительного анализа, которые позволили выявить следующие основные научные результаты.

Во-первых, сохраняется тенденция сокращения численности сельского населения, в том числе в трудоспособном возрасте, на фоне увеличения доли лиц пожилого возраста. Во-вторых, интенсивность естественной убыли сельского населения сокращается, что рассматривается как положительная тенденция. В-третьих, растет интенсивность внутривнутриреспубликанской миграции в направлении «село — город», что продолжает «вымывать» из сельской местности население в возрасте до 30 лет.

По прогнозным оценкам экспертов, негативные демографические тренды в сельской местности сохраняются. В этой связи возникает необходимость в разработке и реализации мер, смягчающих ожидаемые неблагоприятные последствия и формирующих предпосылки для улучшения демографического климата на сельских территориях.

В свою очередь, в контексте сложившихся негативных трендов деформации половозрастной структуры сельского населения и его сокращения актуализируется проблема оптимизации рынка труда в сельской местности. Это ориентирует на разработку эффективных инструментов его регулирования.

Ключевые слова: демографические процессы, воспроизводство населения, рождаемость, смертность, миграция, трудовые ресурсы, кадры

JEL код: J11

Pashkevich O. A.,

Ph.D., Associate Professor,

Levkina V. O.,

Research Assistant,

Institute of System Researches in AIC

of the National Academy of Sciences

of Belarus

(Minsk, Republic of Belarus)

Demographic processes in the rural areas of Belarus: trends, issues, forecast estimates

Abstract

Demographic processes in rural areas (fertility, mortality, migration) are the subject of this study. The aim of the study is to identify demographic trends for the further use of the results in the study of rural employment issues. In the study process, methods such as monographic, statistical, comparative analysis were used. The following main scientific results are obtained.

First, there is a continuing decline in the number of rural people, including those of able-bodied, as the proportion of older people increases. Second, the intensity of natural decline in the rural population is decreasing. This is a positive trend. Third, the intensity of intra-republic migration in the direction of “rural-urban” is growing. This continues to reduce rural population under the age of 30.

According to experts' estimates (forecasts), negative demographic trends in rural areas will continue. In this regard, there is a need to develop and implement measures that mitigate the expected adverse effects and form the prerequisites for improving the demographic climate in rural areas.

In turn, in the context of the prevailing negative trends in the deformation of the gender-age structure of the rural population and its reduction, the problem of optimizing the labour market in rural areas is being actualized. This focuses on the development of effective instruments for its regulation.

Key words: demographic processes, population reproduction, fertility, mortality, migration, labour resources, personnel

JEL code: J11

Введение

В современных условиях возрастает значение выявления возможного воздействия тенденций демографического развития на рынок труда и показатели экономического роста и учета демографической ситуации при обосновании комплекса мер эффективной демографической политики.

Материалы и методы

Информационной базой являлись материалы Национального статистического комитета Республики Беларусь (демографические ежегодники), литературные источники отечественных и зарубежных авторов по изучаемой проблеме [1; 2; 3; 6; 7]. В процессе исследования применялись следующие методы: монографический, статистический, сравнительного анализа.

Результаты исследований

Сельские населенные пункты (СНП) Республики Беларусь представляют собой территории, на которых сосредоточена основная часть трудового потенциала сельской местности. В республике наблюдается сокращение размера среднего сельского населенного пункта (табл. 1).

Таблица 1

Развитие сельской поселенческой сети (на начало года)

Показатели	Год				2016 г. к 2006 г., %
	2006	2010	2015	2016	
Сельсоветы, ед.	1388	1339	1159	1163	83,8
Сельские населенные пункты, ед.	23 863	23 501	23 229	23 201	97,2
Размер среднего сельского населенного пункта, чел.	113	103	93	92	81,4

Источник: составлено по данным: [4].

Формирование трудовых ресурсов в Беларуси происходит на фоне снижения естественного прироста населения, что в дальнейшем повлияет на развитие национальной экономики и рынок труда (табл. 2).

Таблица 2

**Численность и возрастной состав сельского населения
(на начало года)**

Показатели	Год			2016 г. к 2005 г., %
	2005	2010	2016	
Численность населения, всего	2732,1	2423,0	2128,3	77,9
В том числе в возрасте: моложе трудоспособного	471,4	388,3	361,0	76,6
трудоспособном	1396,1	1292,9	1084,4	77,7
старше трудоспособного	864,6	741,8	682,9	78,9

Источник: составлено по данным: [4].

Сокращение численности населения, как и в предыдущие годы, обусловлено превышением числа умерших над родившимися (табл. 3).

Таблица 3

**Основные показатели,
характеризующие естественное движение сельского населения**

Показатели	Всего, чел.			На 1000 чел.		
	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Родившиеся	24 205	25 744	27 158	8,9	10,8	12,7
Умершие	65 387	58 292	46 463	24,1	24,4	21,7
Естественный прирост	-41 182	-32 548	-19 305	-15,2	-13,6	-9,0

Источник: составлено по данным: [4].

В сельской местности показатель нагрузки трудоспособного населения детьми и пожилыми, т. е. неработающей частью населения, значительно выше: в 2005 г. на 1000 трудоспособных на селе приходилось 957 нетрудоспособных, в городе — 534, а в 2016 г. — соответственно 963 и 669 (табл. 4). Эта тенденция представляет сложности для формирования трудовых ресурсов села в перспективе.

Таблица 4

Динамика коэффициентов демографической нагрузки на начало года

Год	На 1000 чел. трудоспособного населения приходится лиц					
	в нетрудоспособном возрасте, всего		из них в возрасте			
			моложе трудоспособного		старше трудоспособного	
	городское	сельское	городское	сельское	городское	сельское
2005	534	957	266	338	268	619
2010	554	874	247	300	307	574
2016	669	963	290	333	379	630

Источник: составлено по данным: [4].

Согласно прогнозным расчетам [5, с. 102–103] негативные процессы в воспроизводстве населения страны в целом и сельского в частности усилятся (рис. 1). По прогнозным расчетам, численность сельского населения Беларуси будет уменьшаться и сократится к 2020 г. на 7,4% от уровня 2015 г. Убыль населения произойдет из-за отрицательного естественного прироста, который сохранится в ближайшие годы. Рост смертности обусловлен многочисленными обстоятельствами, которые трудно преодолеть за короткий промежуток времени.

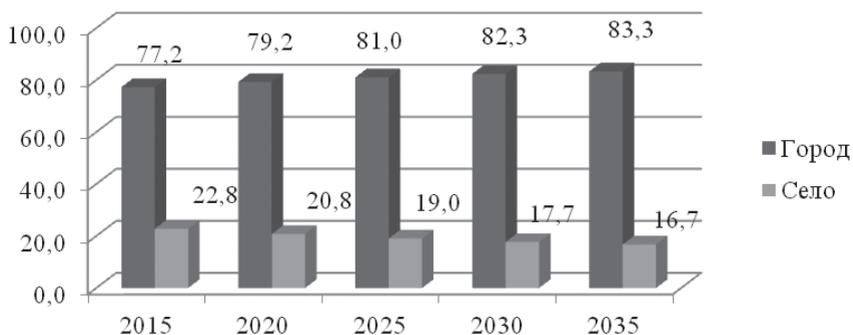

Рис. 1. Прогноз структуры населения Республики Беларусь, %
Источник: составлено по данным: [5, с. 102–103]

Снижение численности сельского населения трудоспособного возраста к 2020 г. по сравнению с 2015 г. составит около 160 тыс. чел. (14,2%), в результате удельный вес этой категории уменьшится с 51,6% в 2015 г. до 48,5% в 2020 г.

Исследования свидетельствуют, что миграционная подвижность населения сводится к стратегии, нацеленной на диверсификацию источников доходов, минимизацию рисков домашних хозяйств и расширение доступа к финансовым ресурсам [8; 9].

Детальный анализ итогов миграции и ее структуры показывает, что внутриреспубликанская миграция сельского населения имеет больший удельный вес, чем международная. Доминирующими во внутриреспубликанской миграции являются перемещения населения *из сельской местности в города*.

Наращение нерациональных миграционных потоков между селом и городом (преимущественно молодежная миграция) приводит к деформации возрастной структуры сельского населения, что отрицательно отражается на показателях воспроизводства. В ряде регионов республики это обуславливает трудности в обеспечении отраслей экономики рабочей силой.

Заключение

Демографические процессы в Республике Беларусь в своем развитии во многом повторили общеевропейские тенденции в сфере народонаселения, среди которых: абсолютное снижение численности сельского населения; преобладание женщин в составе мигрантов из села; образование диспропорций в распределении полов; ослабление репродуктивных возможностей села.

Реализация программных мероприятий [10–12], проведение демографической и миграционной политики с учетом приоритета национальных интересов [13–15], возможностей для самореализации людей в демографической сфере позволит сформировать условия для роста численности сельского населения, воспрепятствует ухудшению демографической ситуации и создаст условия для формирования предпосылок ее улучшения в сельской местности Республики Беларусь.

Литература

1. *Антоненко М. Н., Пашкевич О. А., Левкина В. О.* Методические рекомендации по управлению занятостью трудовых ресурсов в труднедостаточных и трудоизбыточных регионах. — Минск: Ин-т системных исследований в АПК НАН Беларуси, 2015. — 42 с.
2. *Васнев Д. В.* Проблемы трудовой миграции в Республике Беларусь // Консультант Плюс: Версия 4016.00.07 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». — Минск, 2016.
3. *Горбач С. М., Гриц Е. Н.* Влияние демографической ситуации на экономическое развитие Республики Беларусь // Экономические тенденции. — 2017. — № 1. — С. 1–6.
4. Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. статист. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2016. — 444 с.
5. Демографический ежегодник Республики Беларусь: стат. сб. / Нац. статист. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — 414 с.
6. *Загорец В. С., Загорец И. В.* Демографическая политика: методы и инструментарий, опыт применения и анализ эффективности // Журнал международного права и международных отношений. — 2014. — № 2. — С. 56–69.
7. Национальная безопасность Республики Беларусь / С. В. Зась [и др.]; ред.: М. В. Мясникович, Л. С. Мальцев. — Минск: Беларуская навука, 2011. — 557 с.
8. *Пашкевич О. А.* Миграционные процессы и их влияние на демографический состав сельского населения // Проблемы экономики. — 2014. — № 1 (18). — С. 113–123.
9. *Пашкевич О. А.* Миграция сельского населения: причины, последствия, регулирование // Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе: Восьмые Валентеевские чтения: сборник докладов: в 2 т. / ред. В. В. Елизаров, И. А. Троицкая. — Т. 2. — М.: Проспект, 2015. — С. 208–215.

10. Государственная программа возрождения и развития села на 2005–2010 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/baz-aby11/public30/text486.htm> (дата доступа: 16.10.2016).
 11. Государственная программа развития аграрного бизнеса в Республике Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C21600196&p1=1&p5=0> (дата доступа: 16.10.2016).
 12. Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 годы [Электронный ресурс]. URL: http://mshp.minsk.by/prog/gosprog_ustrazvitsela2011_2015.pdf (дата доступа: 16.10.2016).
 13. Договор о Евразийском экономическом союзе (в ред. Договоров от 10.10.2014, от 23.12.2014, Протокола от 08.05.2015) / Консультант Плюс: Версия 4016.00.07 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2016.
 14. Закон Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь». Принят Палатой представителей 11 декабря 2001 г. Одобрен Советом Республики 20 декабря 2001 г. // Консультант Плюс: Версия 4016.00.07 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2017.
 15. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 14 марта 2016 г. № 200 «О Государственной программе «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 гг.» // Консультант Плюс: Версия 4016.00.07 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2016.
1. *Antonenko M. N., Pashkevich O. A., Levkina V. O.* Metodicheskie rekomendacii po upravleniju zanjatost'ju trudovyh resursov v trudonedostatochnyh i trudnoizbytochnyh regionah. — Minsk: In-t sistemnyh issledovanij v APK NAN Belarusi, 2015. — 42 s.
 2. *Vasnev D. V.* Problemy trudovoj migracii v Respublike Belarus' // Konsul'tant Pljus: Versija 4016.00.07 [Elektronnyj resurs] / ООО «JurSpektr». — Minsk, 2016.
 3. *Gorbach S. M., Gric E. N.* Vlihanie demograficheskoj situacii na jekonomicheskoe razvitie Respubliki Belarus' // Jekonomicheskie tendencii. — 2017. — № 1. — S. 1–6.
 4. Demograficheskij ezhegodnik Respubliki Belarus': stat. sb. / Nac. statist. komitet Resp. Belarus'. — Minsk. 2016. 444 c.
 5. Demograficheskij ezhegodnik Respubliki Belarus': stat. sb. / Nac. statist. komitet Resp. Belarus'. — Minsk, 2014. — 414 c.
 6. *Zagorec V. S., Zagorec I. V.* Demograficheskaja politika: metody i instrumentarij, opyt primenenija i analiz jeffektivnosti // Zhurnal mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnyh otnoshenij. — 2014. — № 2. — S. 56–69.
 7. Nacional'naja bezopasnost' Respubliki Belarus' / S.V. Zas' [i dr.]; red.: M. V. Mjasnikovich, L. S. Mal'cev. — Minsk: Belaruskaja navuka, 2011. — 557 s.
 8. *Pashkevich O. A.* Migracionnye processy i ih vlihanie na demograficheskij sostav sel'skogo naselenija // Problemy jekonomiki. — 2014. — № 1(18). — S. 113–123.

9. *Pashkevich O. A.* Migracija sel'skogo naselenija: prichiny, posledstvija, regulirovanie // *Mezhdisciplinarnye issledovanija naselenija: 50 let universitetskoj demograficheskoj shkole: Vos'mye Valenteevskie chtenija: sbornik dokladov: v 2 t. / red. V.V. Elizarov, I.A. Troickaja. T. 2. — M.: Prospekt, 2015. — S. 208—215.*
10. Gosudarstvennaja programma vozrozhdenija i razvitija sela na 2005—2010 gody [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby11/republic30/text486.htm> (data dostupa: 16.10.2016).
11. Gosudarstvennaja programma razvitija agrarnogo biznesa v Respublike Belarus' na 2016—2020 gody [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C21600196&p1=1&p5=0> (data dostupa: 16.10.2016).
12. Gosudarstvennaja programma ustojchivogo razvitija sela na 2011—2015 gody [Jelektronnyj resurs]. URL: http://mshp.minsk.by/prog/gosprog_ustrazvit-sela2011_2015.pdf (data dostupa: 16.10.2016).
13. Dogovor o Evrazijskom jekonomicheskom sojuze (v red. Dogovorov ot 10.10.2014, ot 23.12.2014, Protokola ot 08.05.2015) / Konsul'tant Pljus: Versija 4016.00.07 [Jelektronnyj resurs] / OOO «JurSpektr». — Minsk, 2016.
14. Zakon Respubliki Belarus' ot 4 janvarja 2002 g. № 80-Z «O demograficheskoj bezopasnosti Respubliki Belarus». Prinjat Palatoj predstavitelej 11 dekabrja 2001 g. Odobren Sovetom Respubliki 20 dekabrja 2001 g. // Konsul'tant Pljus: Versija 4016.00.07 [Jelektronnyj resurs] / OOO «JurSpektr». — Minsk, 2017.
15. Postanovlenie Soveta Ministrov Respubliki Belarus' ot 14.03.2016 g. № 200 «O Gosudarstvennoj programme “Zdorov'e naroda i demograficheskaja bezopasnost' Respubliki Belarus” na 2016—2020 gg.» // Konsul'tant Pljus: Versija 4016.00.07 [Jelektronnyj resurs] / OOO «JurSpektr». — Minsk, 2016.

*Пинязик В. Н.,
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник
Учреждение «Научно-исследовательский
институт труда Министерства труда
и социальной защиты Республики Беларусь»
(Минск, Республика Беларусь)*

Благосостояние семей различного социально-демографического состава: время и деньги

Аннотация

Статья посвящена новому подходу в исследованиях благосостояния семей различного социально-демографического состава. В статье рассматриваются основные показатели уровня и качества жизни семей. Предлагается разработка теоретико-методологических основ и методического инструментария для интеграции анализа располагаемых ресурсов и бюджетов времени домашних хозяйств.

Ключевые слова: благосостояние, располагаемые ресурсы, бюджеты времени домашних хозяйств

JEL коды: A130, D100, I310

*Pinyazik V. N.,
Ph.D in economics, leading researcher
Research Institute of Labour
under Ministry of Labour and Social
Protection on the Republic of Belarus
(Minsk, Republic of Belarus)*

The well-being of families of different socio-demographic composition: time and money

Abstract

The article is dedicated to a new approach in studies of the welfare of families of different socio-demographic composition. The article examines the main indicators of the level and quality of life of families. It proposes the development of theoretical and methodological foundations and methodical tools for integrating the analysis of available resources and household budgets and time.

Keywords: welfare, disposable resources, daily time use of households

JEL codes: A130, D100, I310

Основными характеристиками благосостояния семей являются уровень и качество жизни. В настоящее время их сущность, состояние, тенденции динамики, проблемы и перспективы развития входят в предметную область различных исследований экономистов, философов, социологов и других ученых и проблемное поле государственной политики многих стран. Это обуславливается социально-экономическим содержанием благосостояния, объединяющим в себе весь спектр материального и нематериального богатства, безопасность, прогресс, устойчивое развитие и другие аспекты жизнедеятельности индивидов и общества в целом.

Уровень жизни характеризует благосостояние, отражая обеспеченность семей материальными и нематериальными благами, масштабы их потребления и меру удовлетворения основных жизненных потребностей человека. Показатели уровня жизни свидетельствуют о доступности индивидуальных благ, приобретаемых в обмен на доходы, а также социально значимых общественных благ, предоставляемых на условиях частичной оплаты или бесплатно.

Качество жизни, в отличие от уровня жизни, является значительно более сложным социально-экономическим феноменом. В соответствии с узким подходом качество жизни характеризует структурные аспекты уровня жизни в сопоставлении с существующими в отдельных странах и мире социальными нормативами, критериями или стандартами. Согласно широкому подходу, получающему все большее развитие в международных сравнениях и сопоставлениях, качество жизни населения — комплексная и многогранная характеристика благосостояния, объединяющая: качественные аспекты уровня жизни (узкий подход)

и объективные и субъективные характеристики качества образования, культуры, состояния здоровья, физического развития, экологической и личной безопасности, состояния окружающей среды, степени социализации человека, уровня охраны труда, комфортности отдыха, социального обслуживания.

Наблюдаемый в настоящее время переход отдельных теорий и концепций благосостояния из строго нормативных в позитивные теории и концепции, позволяющие осуществлять их эмпирическую проверку, доказательство и научно обоснованное использование в системе регулирования социально-экономического развития, вызывает необходимость пересмотра, обновления и выбора наиболее релевантных показателей как уровня, так и качества жизни.

Для анализа уровня жизни семей одним из таких показателей является величина среднедушевых располагаемых ресурсов домашних хозяйств, с использованием которой определяется уровень малообеспеченности, осуществляется стратификация обследуемых домашних хозяйств по различным группам, а также иные исследования благосостояния. Располагаемые ресурсы обладают способностью отражать уровень жизни семей, так как являются решающим фактором достижения повышающихся стандартов жизни в части жилищных условий, потребления товаров и услуг, в том числе услуг образования, культуры, здравоохранения, формирующих в совокупности человеческий потенциал семей.

Для анализа качества жизни в связи с его разносторонним содержанием применяется комплекс показателей, в состав которых входит такой релевантный показатель, как структура бюджетов времени домашних хозяйств, на основании которой выявляются затраты времени на работу, ведение домашнего хозяйства, личный уход, свободное время и по другим направлениям. Сбалансированность рабочего времени, времени на выполнение семейных обязанностей и личную жизнь является важной составляющей благосостояния людей и их семейного благополучия.

Среднедушевые располагаемые ресурсы вместе с другими показателями уровня жизни, например, структурой расходов, дают возможность охарактеризовать материальное благосостояние домохозяйств достаточно полно. Имеется возможность исследовать их не только на национальном уровне, но и в отдельных разрезах: городская и сельская местность, отдельные регионы, а также по различным социально-демографическим типам домашних хозяйств. Однако для представления целостности картины их стиля и образа жизни, анализа их благосостояния в широком понимании показатели уровня жизни целесообразно сочетать с показателями качества жизни домашних хозяйств, например, показатели среднедушевых располагаемых ресурсов с показателями бюджетов времени домашних хозяйств различного социально-демографического состава. Это позволит выявить тесноту связей между: материальным благосостоянием

и объемом времени, связанным с работой, а также с повышением профессионального уровня работающих; структурой доходов и структурой бюджетов времени; расходами на культуру, отдых, спорт и структурой свободного времени, а также между другими показателями уровня и качества жизни. Кроме того, такой исследовательский подход существенно дополнит характеристики благосостояния семей различного социально-демографического состава, расширит возможности гендерного анализа на уровне домашних хозяйств.

Разработка методологических основ и методического инструментария данного подхода представляется перспективным направлением социально-экономических и социально-демографических исследований благосостояния населения, обладающим не только научной новизной, но и практической значимостью для обоснования перспективной государственной социальной политики.

*Пипия Л. К.,
канд. экон. наук,
зам. директора по науке
Институт проблем развития науки РАН
(Москва, Россия)*

Актуальные проблемы кадрового потенциала российской науки

Аннотация

В статье представлена статистическая информация о численности и динамике научных кадров российской науки. Особое внимание уделено кадровому потенциалу круга научных организаций Федерального агентства научных организаций, в которых выполняется львиная доля фундаментальных исследований, проводимых в Российской Федерации. Рассмотрены такие важные проблемы российского кадрового потенциала, как «утечка умов» и деформация возрастной структуры научных кадров.

Ключевые слова: научные кадры, структура, научные исследования

JEL коды: J21, O15

*Pipiy L. K.,
Ph.D., Deputy Director for Research
Institute for the Study of Science of RAS
(Moscow, Russia)*

Relevant issues of workforce potential in Russian science

Abstract

The article presents statistical data on R&D personnel in Russia. Particular attention is paid to the human capacity in research organizations of the Federal Agency for Scientific

Organizations, performing a significant share of basic research in the Russian Federation. A focus is also done on "brain drain" and deformation of the age structure of R&D personnel.

Key words: R&D personnel, structure, scientific research

JEL codes: J21, O15

Научные кадры — один из важнейших ресурсов в современных социально-экономических условиях. Без них невозможно ни получение новых знаний, ни их практическое использование, ни тем более превращение науки в фактор, дающий преимущество в конкурентной борьбе. В силу исторических причин российская наука унаследовала научно-техническую модель, в которой государство играет доминирующую роль.

В 2015 г. численность исследователей, трудившихся в научных организациях страны, составляла 379,4 тыс. чел. В организациях государственного сектора занято более трети от их числа, или 134,8 тыс. чел. В секторе высшего образования этот показатель был равен 46,0 тыс. чел.¹ В предпринимательском секторе численность исследователей достигала 198,1 тыс. чел. Что касается сектора некоммерческих организаций, то в них число исследователей нестабильно и не превышает 1 тыс. чел. Так, в 2012 г. их было 1,2 тыс. чел., а в 2015 г. — лишь 756 чел.²

Наблюдается явное несоответствие между целями социально-экономического развития, о которых заявляют власти на протяжении всего постсоветского периода, и динамикой кадрового потенциала науки. С одной стороны, государство заявляет о приверженности научно-технологическому и инновационному развитию экономики и общества, а с другой — идет неуклонное снижение научных кадров. Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за период 1990–2015 гг. сократилась с 1943,4 тыс. до 732,3 тыс. чел. и составляет 37,7% от уровня 1990 г. Примерно в той же пропорции упала и численность исследователей.

По численности исследователей на 10 тыс. занятых в экономике Россия с показателем 66 чел. находится рядом с Испанией (68) и Чехией (71). В США этот показатель равен 87, в Великобритании — 89, Германии — 84, а во Франции — 103.

¹ Поскольку вузовские ученые в основном работают в государственных вузах страны, то было бы логичным рассматривать их принадлежность к государственному сектору. Однако особенности статистического учета «разводят» государственные научные организации и государственные вузы по разным секторам. Более того, и принадлежность многих научных организаций к предпринимательскому сектору весьма условна, так как в значительной их части государство является основным собственником.

² Здесь и далее, если не указано иного, статистические данные и расчеты приводятся по: [1].

Во внутренней структуре численности персонала, занятого исследованиями и разработками, заметно сократилась доля техников. При сохранившейся пропорции исследователей 51,1%, доля техников упала с 12,1% в 1990 г. до 8,5% в 2015 г. При более внимательном взгляде это падение связано со снижением фондо- и техновооруженности в науке, от которой страдают прежде всего те научные направления, в которых значительную часть рабочего времени занимают планирование и проведение экспериментов.

Средний возраст исследователей в российской науке в 2015 г. составил почти 47 лет. При этом средний возраст ученых со степенями был существенно выше: для докторов наук — 63 года, а кандидатов наук — 51 год. Доля ученых в возрастных группах до 39 лет составляет 43%: молодые исследователи до 29 лет — 20,2%, тридцатилетние (30–39 лет) — 22,7%.

Российская (советская) наука прославилась в мире своими фундаментальными исследованиями. В настоящее время в фундаментальные исследования вовлечены 40% исследователей, 36% персонала, занятого исследованиями и разработками [2].

В научных организациях Федерального агентства научных организаций (ФАНО) в 2015 г. были заняты 128 тыс. человек, или 17,5% от общей численности занятых в науке. В разрезе организаций, вовлеченных в фундаментальные исследования, в организациях ФАНО России (бывших академических НИИ) трудится около 50% персонала, занятого исследованиями и разработками, и 47% исследователей всех организаций, вовлеченных в фундаментальные исследования.

Квалификация исследователей по кругу организаций ФАНО России характеризуется следующими показателями (2015 г.): доктора наук — 13,3 тыс. чел. (19,5% от общей численности исследователей ФАНО России); кандидаты наук — 31,2 тыс. чел. (45,7%). Иными словами, две трети исследователей в организациях ФАНО России имеют ученую степень кандидата или доктора наук.

Возрастная структура научных кадров, имеющих ученую степень, примерно соответствует средней по стране. Однако за счет их более высокой концентрации в организациях ФАНО России средний возраст исследователей в академической науке выше — 50 лет.

Если в целом по стране основная часть исследователей занимается техническими науками (61%), то по кругу организаций ФАНО России основная часть исследователей занята в естественных науках (57,8%). В других областях науки исследователи ФАНО России распределены следующим образом: 11,1% — в технических науках, столько же — в общественных и гуманитарных областях, 12,7% исследователей приходится на сельскохозяйственные науки и 7,2% — на медицинские науки [3].

Достаточно острой остается проблема «утечки умов» из страны. Если в 1990-е гг. внешняя (эмиграция в другие страны) и внутренняя «утечка умов» (переход научных кадров в другие сферы деятельности) была вызвана жестким ресурсным кризисом в науке и системным общественно-экономическим кризисом в стране, то в «нулевые» годы характер отъезда перспективной молодежи за рубеж изменился. В основном за границу начали уезжать выпускники вузов с целью сделать научную карьеру, защитить диссертацию и обосноваться в одной из стран Западной Европы.

Некоторый приток молодежи в науку происходит прежде всего за счет привлекательности науки как сферы профессионального интереса, стремления к творческой работе и самореализации. Однако к 30 годам романтика уходит, и молодые люди начинают понимать, что наука не приносит ни материального достатка, ни ожидаемой самореализации, после чего они либо кардинально меняют сферу деятельности, либо, создав определенный научный задел и установив перспективные контакты за рубежом, уезжают на работу в другие страны [3].

В целом следует сказать, что будущее российской науки и ее кадрового потенциала весьма туманно. Проводимая государством бюрократическая реформа организаций академической науки, собранных под эгидой ФАНО, не имеет четко поставленных целей, не продумана и, как все реформы такого рода, с большой степенью вероятности будет провальной. Выход видится в признании ошибочности реформы и переводе дискурса «государство — научное сообщество» в конструктивное русло.

Литература

1. *Зиновьева И. В., Иноземцева С. Н.* и др. Наука, технологии и инновации России: крат. стат. сб. — М.: ИПРАН РАН, 2016.
2. *Миндели Л. Э., Пипия Л. К.* и др. Фундаментальная наука в России / ред. Л. К. Пипия. — М.: ИПРАН РАН, 2014.
3. *Пипия Л. К.* Фундаментальные исследования в современной России // Роль фундаментальной науки в обеспечении финансово-экономической безопасности современной России. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2016.
1. *Zinov'eva I. V., Inozemceva S. N.* i dr. Nauka, tehnologii i innovacii Rossii: krat. stat. sb. — М.: IPRAN RAN, 2016.
2. *Mindel' L. Je., Pipija L. K.* i dr. Fundamental'naja nauka v Rossii / red. L. K. Pipija. — М.: IPRAN RAN, 2014.
3. *Pipija L. K.* Fundamental'nye issledovanija v sovremennoj Rossii/ Rol' fundamental'noj nauki v obespečenii finansovo-jekonomičeskoj bezopasnosti sovremennoj Rossii. — М.: Izdatel'sko-torgovaja korporacija «Dashkov i K^o», 2016.

Прудников В. Б.,
канд. техн. наук, доцент
Башкирский государственный университет
(Уфа, Россия)

Утяшева И. Б.,
ст. научн. сотр.
Институт стратегических
исследований РБ
Центр экономических исследований
(Уфа, Россия)

Шамсутдинова Н. К.,
канд. истор. наук,
ст. научн. сотр.
Институт стратегических
исследований РБ
Центр изучения человеческого потенциала
(Уфа, Россия)

Территориальные особенности тенденций демографического развития Республики Башкортостан

Аннотация

Цель проведенного исследования состояла в изучении демографических тенденций численности населения Республики Башкортостан в разрезе городского и сельского населения, а также городских округов. Выводы свидетельствуют об усилении территориальных различий социально-экономического и демографического развития в республике. Происходит концентрация трудоспособного населения на высокоразвитых территориях (агломерациях). Согласно результатам прогноза на основе когортно-компонентного метода, численность городского населения может повыситься при развертывании благоприятных тенденций в сфере смертности и рождаемости. Ожидается тем не менее, что городские округа республики при сохранении текущих тенденций не смогут существенно увеличить численность населения, поскольку большая их часть подвержена депопуляционным тенденциям. Особую роль будут играть миграция и величина миграционного оттока, причем не только для сельского населения, но и для городского, в том числе крупнейшего города республики — Уфы. Результаты исследования могут быть использованы при планировании пространственного развития республики в рамках разрабатываемой Стратегии социально-экономического развития на период до 2030 г.

Ключевые слова: численность, возрастно-половая структура, рождаемость, смертность, Республика Башкортостан, городское население, сельское население, городские округа, когортно-компонентный метод

JEL код: J10

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 17-46-020237 p_a.

*Prudnikov V. B.,
Utyasheva I. B.,
Shamsutdinova N. K.*

Territorial characteristics of the trends of demographic development of the Republic of Bashkortostan

Abstract

The purpose of the research project was to study the demographic trends in the population of the Republic of Bashkortostan in terms of urban and rural population, as well as for urban districts. Our conclusions prove the strengthening of territorial differences in socio-economic and demographic development in the republic. There is a concentration of working-age population in highly developed territories (agglomerations). The forecast, which is based on the cohort-component method, shows that the urban population may only increase in case of favorable trends in mortality and fertility. It is expected, however, that the urban districts of the republic would not grow in terms of population due to depopulation trends. The migration will be, therefore, of major importance, not only for rural population, but also for urban one, including for the population of Ufa — the largest city of the Republic and its capital. The results of the research can be used in planning of the spatial development of the territories in the republic within the framework of the Strategy 2030 of social and economic development of Bashkortostan.

Key words: population, age and sex structure, Republic of Bashkortostan, urban population, rural population, urban districts, forecast, cohort-component method

JEL code: J10

Введение

Социально-экономические процессы в России остаются разнохарактерными, дифференцированными в социальном и пространственном разрезах. Более того, демографические и миграционные тенденции свидетельствуют об усилении контрастов не только между регионами, но и на внутрирегиональном уровне. По числу муниципальных образований среди субъектов Российской Федерации первенство принадлежит Республикам Татарстан и Башкортостан. Демографические и миграционные процессы в полной мере отражают неравномерность пространственного развития и указывают на растущее влияние центров притяжения человеческого капитала. Один из крупнейших городов России Уфа и другие городские округа республики аккумулируют значительную часть демографического и социального, экономического потенциала Республики Башкортостан. Оценка перспективных демографических тенденций необходима для планирования социально-экономического развития, размещения объектов социальной сферы с учетом территориального перераспределения населения [1, с. 524–545].

Цель проведенного исследования состояла в изучении демографических тенденций численности населения Республики Башкортостан в разрезе городского и сельского населения, а также городских округов. Метод — когортно-компонентный. В статье представлен краткий анализ

тенденций демографических изменений и основные результаты прогноза численности и возрастной структуры населения в разрезе городского и сельского населения, городских округов в Республике Башкортостан.

Оценка перспективных демографических тенденций для построения гипотез динамики рождаемости, смертности, миграции производится на основе учета общих закономерностей развития народонаселения: урбанизации, роста мобильности, трансформации института семьи, родительства и детства и т. д., которые принято рассматривать в рамках теории демографического и эпидемиологического переходов. Существует множество методик построения прогнозов в зависимости от назначения, имеющейся информационной базы, горизонта предвидения [5, с. 609].

Демографическая ситуация в Республике Башкортостан

В Республике Башкортостан рост численности населения (как городского, так и сельского) вследствие значительного миграционного притока в 1990-х гг. сменился сокращением численности, особенно сельского населения (табл. 1). Фактически продолжается концентрации населения в столице-миллионнике Уфе и прилегающих районах, повысился удельный вес населения, проживающего в городских округах. На увеличение численности городского населения со времени проведения последней переписи населения значительное влияние оказал положительный естественный прирост. Для сельского населения фактором снижения численности стала миграционная убыль.

Таблица 1

Среднегодовая численность населения, Республика Башкортостан, чел.

	1989 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.**
Все население	3 942 217	4 117 494	4 070 315	4 071 525	4 066 972
Сельское население	1 421 579	1 479 228	1 611 593	1 557 629	1 548 000
Городское население	2 520 638	2 638 266	2 458 722	2 513 896	2 518 972
В том числе городские округа	1 834 695*	1 881 477	1 895 232	1 963 250	1 969 727
Уфа	1 080 702	1 079 045	1 056 524	1 118 657	1 126 098
Агидель	17 051	20 125	17 778,5	15 682,5	15 281
Кумертау	68 263	72 671	66 967	65 579,5	64 763
Нефтекамск	115 304	121 999	132 771,5	137 162	138 314
Октябрьский	104 661	109 597	109 689	113 052	113 929
Салават	150 918	155 865	155 852	154 814	153 181
Сибай	49 560	59 883	65 730,5	62 971	62 067
Стерлитамак	248 236	262 292	272 598	279 185	280 233

* В 1989 г. — городские округа без учета ЗАТО Межгорье, получившего статус города в 1995 г.; с 2000 г. — с учетом ЗАТО Межгорье.

** На начало года.

Источник: составлено по данным Башкортостанстата.

При этом доля населения моложе трудоспособного в городах хоть и осталась меньше, чем в сельской местности, но росла быстрее. В сельском населении более быстрыми темпами продолжает повышаться доля лиц старше трудоспособного возраста. Относительно высокая доля трудоспособного населения наблюдается лишь в наиболее крупных городских округах и городских поселениях республики. В пяти городских округах (Уфа, Стерлитамак, Салават, Нефтекамск, Октябрьский) сконцентрировано 46,5% населения республики данной возрастной категории.

Тенденции в сфере рождаемости и смертности в Республике Башкортостан схожи с общероссийскими. Сближение возрастных моделей рождаемости в городе и сельской местности в последние годы замедлилось, так как в сельской местности рождаемость выросла сильнее. В республике более выражены поселенческая и гендерная разница в уровне ожидаемой продолжительности жизни, а также более медленные темпы ее роста [11, с. 203–258; 13; 14; 15]. Более низкие показатели смертности в основном характерны для городских округов и прилегающих к ним районов, а также для муниципальных районов с городами с благоприятной социально-экономической ситуацией [13; 14; 15].

Согласно проведенным расчетам, если за 2005–2007 гг. в среднем разница в уровне ожидаемой продолжительности жизни при рождении между муниципальными образованиями составляла 8,81 года, то в 2012–2014 гг. она достигла 9,45 года (табл. 2).

Таблица 2

Некоторые демографические показатели в Республике Башкортостан

	Суммарный коэффициент рождаемости		Ожидаемая продолжительность жизни		Естественный прирост	Миграционный прирост (убыль)	
	2007 г.	2014 г.*	2007 г.*	2014 г.*		2014 г.	2015 г.
Всего по республике	1,63	1,95	67,9 (67,85)**	69,76 (69,47)**	5004	–4441	–5927
Сельское население	2,04	2,53	66,4	68,08	–3,5	–7940	–1480
Городское население	1,42	1,74	68,8	70,74	8,4	3499	–4447
В том числе городские округа	1,36***	1,71***	–	–	7610***	4891***	–2268***
Уфа	1,29	1,68	69,45	71,8	5207	4072	337
Агидель	1,12	1,97	70,12	69,3	59	–176	–192
Кумертау	1,32	1,70	67,30	69,6	–70	–226	–529
Нефтекамск	1,33	1,75	69,64	71,3	904	–48	–44

Окончание табл. 2

	Суммарный коэффициент рождаемости		Ожидаемая продолжительность жизни		Естественный прирост	Миграционный прирост (убыль)	
	2007 г.	2014 г.*	2007 г.*	2014 г.*		2014 г.	2015 г.
Октябрьский	1,28	1,85	69,45	71,9	369	-186	779
Салават	1,24	1,57	69,43	71,8	-30	1134	-1652
Сибай	1,38	1,75	67,63	69,1	129	-357	-965
Стерлитамак	1,28	1,63	69,10	70,8	1016	678	-2

* Для сглаживания влияния «скачков» числа демографических событий в городских округах были рассчитаны средние за 2005–2007 и 2012–2014 гг. показатели.

** В скобках — за 2005–2007 и 2012–2014 гг. в среднем.

*** Без учета ЗАТО городской округ Межгорье.

Источник: расчеты авторов на основе данных Башкортостанстата; данные Башкортостанстата.

Построение демографического прогноза до 2030 г.

Согласно прогнозам ООН, процесс урбанизации будет продолжаться во всем мире. Ожидается увеличение числа мегаполисов с населением более 20 млн чел. (к 2030 г. их число может увеличиться с 28 до 41), а также рост населения небольших городов [18]. Для России было построено множество вариантов прогноза, все они свидетельствуют о неминуемом сокращении населения в отсутствие существенного миграционного притока извне [10; 11]. Тенденция сокращения численности сельского населения и населения большинства субъектов будет нарастать [12; 7, с. 67–79; 17, с. 33–40]. Миграционный прирост в крупные региональные центры — города-миллионники дает некоторое преимущество, однако и они подвержены депопуляционной динамике [8, с. 187–193; 12, с. 52–59].

Анализ последних демографических тенденций указывает, что, несмотря на наличие процессов сближения, существенными остаются различия между сельским и городским населением России [10]. Их проявление особенно характерно для Республики Башкортостан [3; 13; 14; 15]. Анализ динамики демографических показателей, особенно смертности, на муниципальном уровне говорит не о сближении, а об усилении дифференциации: в первую очередь в силу неравномерности пространственного развития [16, с. 162–166].

Авторами был использован когортно-компонентный метод для прогнозирования численности и половозрастной структуры населения республики (рис. 1). Метод основан на «отслеживании» движения отдельных когорт в соответствии с заданными параметрами смертности, рождаемости и миграции [9, с. 327–355; 6, с. 270–286].

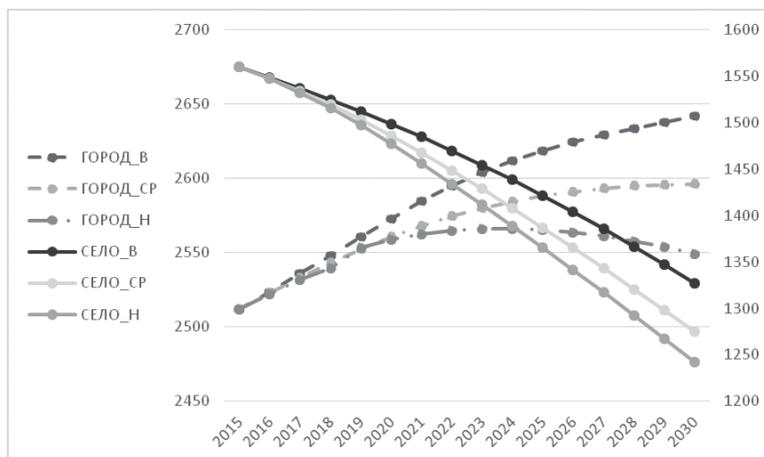

Рис. 1. Динамика численности населения: высокий, средний и низкий сценарии для городского и сельского населения Республики Башкортостан:

ГОРОД_В — городское население, высокий вариант (ГН, ВВ);
 ГОРОД_СР — ГН, средний вариант (СВ); ГОРОД_Н- ГН, низкий вариант (НВ);
 СЕЛО_В — сельское население (СН), ВВ; СЕЛО_СР — СВ, ВВ; СЕЛО_Н- СН, НВ

Разработка сценариев рождаемости и смертности отдельно для городского и сельского населения позволяет учесть различия в ожидаемой продолжительности жизни между муниципалитетами и выявить их влияние на демографическую ситуацию.

Авторами были построены сценарии рождаемости и смертности, учитывающие высокий, средний, низкий и базовый варианты и один вариант для миграции — на уровне 2014 г. [4]¹. Для городских округов прогноз построен в одном варианте — базовом (рис. 2).

Заключение

Полученные результаты позволяют сделать ряд важных выводов:

- 1) почти во всех вариантах прогноза ожидается, что к 2030 г. численность населения республики составит менее 4 млн чел. (см. табл. 2);
- 2) доля сельского населения в общей численности продолжит сокращаться, хотя и продолжит оставаться значительной;
- 3) несмотря на ожидаемое продолжение концентрации трудоспособного населения в высокоразвитых территориях республики (вследствие территориальных различий в социально-экономическом развитии, состоянии социальной инфраструктуры, уровне

¹ Описание сценариев доступно по требованию.

и качестве жизни), среди городских округов лишь крупнейшие Уфа и Стерлитамак увеличат свою численность;

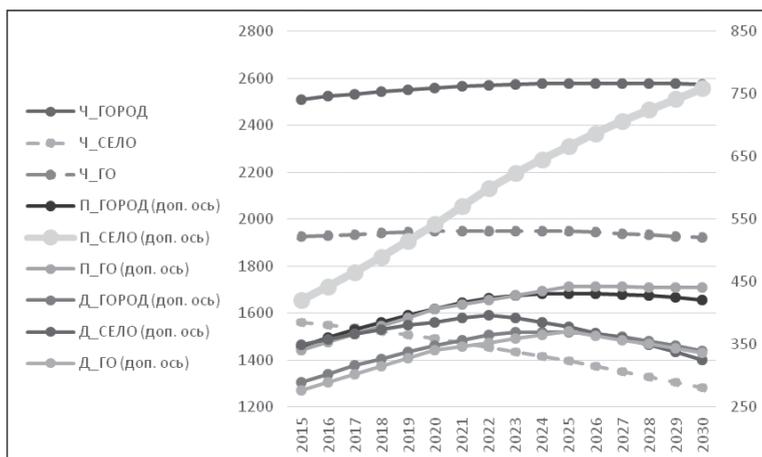

Рис. 2. Базовый сценарий прогноза: динамика численности населения (основная ось) и коэффициентов демографической нагрузки (дополнительная ось):

Ч_ГОРОД — численность городского населения; Ч_СЕЛО — численность сельского населения; Ч_ГО — численность населения городских округов (за исключением ЗАТО Межгорье); П_ГОРОД — демографическая нагрузка (ДН) лицами старше трудоспособного возраста в городском населении; П_СЕЛО — ДН лицами старше трудоспособного возраста в сельском населении; П_ГО — ДН лицами старше трудоспособного возраста в населении городских округов; Д_ГОРОД — ДН лицами моложе трудоспособного возраста в городском населении; Д_СЕЛО — лицами моложе трудоспособного возраста в сельском населении; Д_ГО — лицами моложе трудоспособного возраста в населении городских округов.

Поскольку прогнозирование для ГО осуществлялось в пятилетних возрастных интервалах, то для получения прогноза на каждый год применялась линейная интерполяция

- 4) отрицательный миграционный прирост может стать одним из основных депопуляционных факторов, причем не только для сельского, но и для городского населения, в том числе для крупнейшего города — Уфы;
- 5) усиление территориальной дифференциации указывает на необходимость учета данной тенденции при разработке стратегии пространственного развития республики.

Литература

1. *Архангельский В. Н., Елизаров В. В.* Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М.: МАКС Пресс, 2016. — С. 524–545.

2. *Блинова Т. В., Былина С. Г.* Сценарный прогноз численности сельского населения России на среднесрочную перспективу // Экономика региона. — 2014. — № 4. — С. 298–308.
3. *Вишневский А. Г.* Россия: демографические вызовы ближайших десятилетий // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. — 2013. — № 1. — С. 35–41.
4. *Галин Р. А., Прудников В. Б., Утяшева И. Б., Шамсутдинова Н. К.* Возможные демографические перспективы Республики Башкортостан на период до 2030 г. // Уровень жизни населения регионов России. — 2016. — № 3. — С. 204–211.
5. Демографический энциклопедический словарь / редколл. А. А.Ткаченко, А. А. Аношкин, М. Б. Денисенко и др. — М.: Энциклопедия, 2013. — 944 с.
6. *Денисенко М. Б., Калмыкова Н. М.* Демография: учеб. пособие. — М.: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 2006. — 403 с.
7. *Зайцева Ю. В.* Сценарное моделирование динамики демографических процессов (на примере Волгоградской области) // Проблемы прогнозирования. — 2013. — № 6. — С. 67–79.
8. *Леценко Я. А.* Прогнозирование численности и состава населения города как основа социально-экономического планирования // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 4. — С. 187–193.
9. *Медков В. М.* Демография: учеб. пособие. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. — 448 с.
10. Население России. 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 412 с.
11. Население России. 2014. Двадцать второй ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. — 357 с.
12. *Нифантова Р. В., Макарова М. Н., Косьмин И. Ф.* Екатеринбург на демографической карте России: реалии и перспективы // Экономика региона. — 2010. — № 4. — С. 52–59.
13. Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 1 / отв. ред. Р. М. Валиахметов, Г. Ф. Хилажева. — Уфа: Восточная печать, 2014. — 196 с.
14. Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 2 / под ред. Р. М. Валиахметова, Г. Ф. Хилажевой, Н. К. Шамсутдиновой. — Уфа: Восточная печать, 2014. — 196 с.
15. Республика Башкортостан. Демографический доклад. Вып. 2 / отв. ред. Р. М. Валиахметов, Г. Ф. Хилажева, Н. К. Шамсутдинова. — Уфа: Гилем, Башк. энцикл., 2016. — 148 с.
16. Семья и человеческое развитие. Доклад о развитии человеческого потенциала в Республике Башкортостан / под ред. Р. М. Валиахметова, Ф. Б. Бурхановой, Г. Ф. Хилажевой. — Уфа: Восточная печать, 2013. — 283 с.

17. Сукнёва С. А. Демографическое развитие Республики Саха (Якутия): состояние и перспективы // Уровень жизни населения регионов России. — 2013. — № 1. — С. 33–40.
18. World Urbanization Prospects The 2014 Revision Highlights. — New York: United Nations, 2014. URL: <https://esa.un.org/unpd/wup/> (дата обращения: 12.05.2017).
1. *Arhangel'skij V. N., Elizarov V. V.* Demograficheskie prognozy v sovremennoj Rossii: Analiz rezul'tatov i vybor gipotez // Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovanija RAN. — М.: MAKS Press, 2016. — С. 524–545.
2. *Blinova T. V., Bylina S. G.* Scenarnyj prognoz chislennosti sel'skogo naselenija Rossii na srednesrochnuju perspektivu // Jekonomika regiona. — 2014. — № 4. — С. 298–308.
3. *Vishnevskij A. G.* Rossiya: demograficheskie vyzovy blizhajshih desjatiletij // Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan. — 2013. — № 1. — С. 35–41.
4. *Galin R. A., Prudnikov V. B., Utjasheva I. B., Shamsutdinova N. K.* Vozmozhnye demograficheskie perspektivy Respubliki Bashkortostan na period do 2030 g. // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. — 2016. — № 3. — С. 204–211.
5. Demograficheskij jenciklopedicheskij slovar' / redkoll. A. A. Tkachenko, A. A. Anoshkin, M. B. Denisenko i dr. — М.: Jenciklopedija, 2013. — 944 s.
6. *Denisenko M. B., Kalmykova N. M.* Demografija: uchebnoe posobie. — М.: Moskovskij gosudarstvennyj universitet imeni M. V. Lomonosova, 2006. — 403 s.
7. *Zajceva Ju. V.* Scenarnoe modelirovanie dinamiki demograficheskikh processov (na primere Volgogradskoj oblasti) // Problemy prognozirovanija. — 2013. — № 6. — С. 67–79.
8. *Leshhenko Ja. A.* Prognozirovanie chislennosti i sostava naselenija goroda kak osnova social'no-jekonomicheskogo planirovanija // Izvestija Irkutskoj gosudarstvennoj jekonomicheskoy akademii. — 2011. — № 4. — С. 187–193.
9. *Medkov V. M.* Demografija: uchebnoe posobie. — Rostov-na-Donu: Feniks, 2002. — 448 s.
10. Naselenie Rossii. 2012. Dvadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / otv. red. A. G. Vishnevskij. — М.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2016. — 412 s.
11. Naselenie Rossii. 2014. Dvadcat' vtoroj ezhegodnyj demograficheskij doklad / otv. red. S. V. Zaharov. — М.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki, 2016. — 357 s.
12. *Nifantova R. V., Makarova M. N., Kos'min I. F.* Ekaterinburg na demograficheskoy karte Rossii: realii i perspektivy // Jekonomika regiona. — 2010. — № 4. — С. 52–59.
13. Respublika Bashkortostan. Demograficheskij doklad. Vypusk 1 / otv. red. R. M. Valiahmetov, G. F. Hilazheva. — Ufa: Vostochnaja pechat', 2014. — 196 s.
14. Respublika Bashkortostan. Demograficheskij doklad. Vypusk 2 / pod. red. R. M. Valiahmetova, G. F. Hilazhevoj, N. K. Shamsutdinovoj. — Ufa: Vostochnaja pechat', 2014. — 196 s.
15. Respublika Bashkortostan. Demograficheskij doklad. Vypusk 2 / otv. red. R. M. Valiahmetov, G. F. Hilazheva, N. K. Shamsutdinova. — Ufa: Gilem, Bashk. jencikl., 2016. — 148 s.
16. Sem'ja i chelovecheskoe razvitie. Doklad o razvitii chelovecheskogo potenciala v Respublike Bashkortostan / pod red. R. M. Valiahmetova, F. B. Burhanovoj, G. F. Hilazhevoj. — Ufa: Vostochnaja pechat', 2013. — 283 s.

17. *Suknjova S. A. Demograficheskoe razvitie Respubliki Saha (Jakutija): sostojanie i perspektivy // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. — 2013. — № 1. — S. 33–40.*

Ракачева Я. В.,

*канд. истор. наук, доцент
Кубанский госуниверситет
(Краснодар, Россия)*

Халафян А. А.,

*д-р техн. наук, профессор
Кубанский госуниверситет
(Краснодар, Россия)*

Прогноз динамики этнической структуры населения Кубани с использованием методов вероятностно-статистического моделирования

Аннотация

В статье представлены результаты прогноза динамики этнической структуры населения Кубани до 2020 г. Цель прогноза — представить дальнейшие изменения этнического состава Краснодарского края, численности отдельных национальностей в составе населения региона с использованием методов вероятностно-статистического моделирования. Полученные прогнозные данные показывают дальнейшие изменения этнической структуры в сторону большей полиэтничности и сокращения доли и абсолютной численности народов, традиционно доминировавших в крае.

Ключевые слова: вероятностно-статистическое моделирование, демографический прогноз, Кубань, этническая структура

JEL коды: J11, J15

Rakacheva Ya. V.,

*Candidate of Science, Associate Professor
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)*

Khalafyan A. A.,

*Ph.D., Professor
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)*

Forecast for the dynamics of the ethnic structure of the population of Kuban using methods of probabilistic-statistical modeling

Abstract

The article presents the results of the forecast of the dynamics of the ethnic structure of the Kuban population until 2020. The purpose of the forecast is to provide further changes

in the ethnic composition of the Krasnodar Territory, the number of individual nationalities in the population of the region using the methods of probability statistical modeling. The obtained forecast data show further changes in the ethnic structure towards greater poly-ethnicity and a decrease in the proportion and absolute number of peoples traditionally dominating the province.

Key words: probabilistic-statistical modeling, demographic forecast, Kuban, ethnic structure

JEL codes: J11, J15

Современный этап общественного развития характеризуется обострением целого ряда социальных проблем, среди которых особой значимостью обладают проблемы демографические. Это актуализирует объективную потребность в активном использовании социального прогнозирования и проектирования при разработке и принятии управленческих решений в вопросах демографического развития.

Для населения Кубани в ряду демографических проблем актуальной является проблема динамики этнического состава населения, который меняется в значительной степени под влиянием миграционных процессов. При анализе и прогнозировании этнического состава необходимо учитывать целый комплекс выталкивающих и притягивающих факторов, которые формируют этнические миграционные потоки и впоследствии изменяют структуру населения региона. Изменение этнического состава, в случае если оно носит радикальный характер и происходит в короткие сроки, способно оказывать существенное влияние на социально-экономическую, политическую, социокультурную ситуацию в регионе, формировать социальную напряженность в отношениях местного и пришлого населения.

Население региона на протяжении всей истории отличалось значительной этнической пестротой, однако примерно с конца 1930-х гг. преобладающим здесь стало русское население. Согласно данным переписи 1939 г., доля русских к этому году составила на Кубани (в Краснодарском крае) 88,1%, украинцев — 5%, армян — 2%, греков — 1,4%, немцев — 1,2%, молдаван — 0,3%, белорусов — 0,4%, адыгов — 0,3% [1].

К концу столетия этническая структура края претерпела заметные изменения. Перепись 1989 г. зафиксировала снижение доли русских в составе населения Кубани до 86,71%, украинцев — 3,94%, немцев — 0,65%, греков — 0,61%, молдаван — 0,16% и увеличение доли армян — 3,72%, белорусов — 0,75%, адыгейцев — 0,45% [2].

По данным переписи 2002 г., доля русских осталась практически неизменной и составила 86,9%. Доля украинцев в крае сократилась до 2,58%, белорусов — 0,52%, адыгейцев — 0,38%, греков — 0,52%, молдаван — 0,13%. Почти вдвое сократилась доля немцев в Краснодарском крае и составила 0,36%. Напротив, увеличилась доля армян до 5,36%, грузин — до 0,4%, татар — до 0,5% [3].

Перепись 2010 г. зафиксировала дальнейшее сокращение по отношению к 2002 г. доли русских, которая составила 86,7%, украинцев — до 2,3%, белорусов — до 0,3%, греков — до 0,44%, немцев — до 0,2%, адыгейцев — до 0,3%, увеличение доли армянского населения до 5,4%, при стабильной доле грузин — 0,4%, татар — 0,5% и т. п.

В абсолютных цифрах русское население в крае насчитывало 4 522 962 чел., армянское — 281 680, украинское — 83 746, белорусское — 16 890, адыгейское — 13 834 чел. В крае насчитывалось греков — 22 595 чел., немцев — 12 171, грузин — 17 826, татар — 24 840, молдаван — 5170 чел. и т. д. [4].

С целью представить дальнейшую динамику этнического состава региона и предсказать возможные изменения в этнической структуре населения был рассчитан прогноз численности отдельных национальностей в составе населения Краснодарского края с использованием методов статистического моделирования.

В качестве групп, по отношению к которым рассчитывались прогнозные данные, были выбраны следующие народы: русские, украинцы, белорусы, адыгейцы, армяне, греки, немцы, грузины, татары, молдаване.

Исходные значения представлены данными всеобщих переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.

Для того чтобы можно было использовать инструментарий временных рядов при прогнозировании возможной численности населения на 2020 г., следовало заполнить пропущенные данные по численности населения с 1926 по 2010 г. Для решения этой задачи использовался модуль программы STATISTICA «Множественная нелинейная регрессия». Пропущенные значения рассчитывались посредством аппроксимации (интерполирования) эмпирических данных полиномами третьей или четвертой степени. При этом предполагаем, что возможные при этом погрешности не будут больше ошибок, которые допускаются при переписи населения.

Используя для прогнозирования метод экспоненциального сглаживания, отметим, что наиболее простая и ясная модель временного ряда имеет следующий вид:

$$X_i = \beta + E_i,$$

где β — константа; E_i — случайная ошибка. Константа β относительно стабильна на каждом временном интервале, но может также медленно изменяться со временем. Один из интуитивно ясных способов выделения β состоит в том, чтобы использовать сглаживание скользящим средним, в котором последним наблюдениям приписываются больший вес, чем предпоследним, предпоследним — еще больший вес, чем предпредпоследним и т. д. Простое экспоненциальное сглаживание именно так и устроено. Здесь более старым наблюдениям приписываются

экспоненциально убывающие веса, при этом, в отличие от скользящего среднего, учитываются все предшествующие наблюдения ряда, а не те, что попали в определенное окно. Точная формула простого экспоненциального сглаживания имеет вид:

$$S_t = \alpha X_t + (1 - \alpha) S_{t-1}.$$

В случае рекурсивного применения данной формулы каждое новое сглаженное значение (которое является также прогнозом) вычисляется как взвешенное среднее текущего наблюдения и сглаженного ряда. Очевидно, результат сглаживания зависит от параметра α (альфа). Если α равно 1, то предыдущие наблюдения полностью игнорируются. Если α равно 0, то игнорируются текущие наблюдения. Значения α между 0 и 1 дают промежуточные результаты. Эмпирические исследования показали, что весьма часто простое экспоненциальное сглаживание дает достаточно точный прогноз.

Пользователь может задавать начальное значение параметров сглаживания, начальное значение тренда и (если требуется) сезонные факторы. Для тренда и сезонной составляющей могут быть заданы независимые параметры сглаживания. Для экспоненциального сглаживания использовали демпфированную модель без сезонной составляющей. Параметры модели определялись автоматическим поиском.

Прогнозные значения, полученные в результате расчетов, составили для русского населения края на 2016 г. — 4,645 млн чел.; на 2017 г. — 4,659; на 2018 г. — 4,673; на 2019 г. — 4,687; на 2020 г. — 4,700 млн чел. Как видим, динамика, обозначенная в прогнозе, носит положительный характер, однако темпы роста невелики.

Прогнозные значения для украинского населения в крае составили на 2016 г. — 116 996 чел.; на 2017 г. — 116 994; на 2018 г. — 116 994; на 2019 г. — 116 994; на 2020 г. — 116 993 чел. Здесь наблюдаем медленное сокращение численности украинцев, но к концу прогнозного периода она стабилизируется.

Прогнозные значения для адыгейцев в крае составили на 2016 г. — 16 682 чел.; на 2017 г. — 16 514; на 2018 г. — 16 350; на 2019 г. — 16 191; на 2020 г. — 16 036 чел. У адыгейцев наблюдается в соответствии с прогнозом стабильное на протяжении всего периода сокращение численности.

В соответствии с прогнозом значения численности армян в крае составили на 2016 г. — 306 492 чел.; на 2017 г. — 308 940; на 2018 г. — 311 345; на 2019 г. — 313 705; на 2020 г. — 316 024 чел. Анализ динамического ряда позволяет говорить о возможном росте численности армянского населения Кубани. Причем вероятные темпы прироста у армян почти втрое выше, чем у русского населения.

Таким образом, согласно полученным прогнозам численность населения Краснодарского края в перспективе до 2020 г. продолжит расти,

однако темпы прироста будут невелики. Для большинства народов наиболее вероятен вариант дальнейшего сокращения численности и доли в составе населения края. Исключением являются русские, армяне, татары, у которых в соответствии с прогнозом ожидается положительная динамика общей численности. Однако темпы прироста у данных этнических групп существенно различаются.

Проведенный нами прогнозный расчет опирался на историческую динамику и учитывал уже проявившие себя тенденции как естественного, так и механического движения представителей определенных народов. Однако, как мы уже отметили выше, социальные процессы порой непредсказуемы и изменение социально-политической либо экономической ситуации способно внести свои коррективы. В данном случае события в Украине и увеличение миграционного потока в Россию и прежде всего в сопредельные регионы, в числе которых и Краснодарский край, присоединение Крыма к России в короткие сроки изменили численность, прежде всего украинцев, хотя данный миграционный поток скорее стоит рассматривать как экстренный, а отнюдь не долгосрочный.

Анализируя вероятностную численность населения Краснодарского края по данным Росстата, отметим, что на 2031 г. (средний вариант прогноза) численность населения России сократится на 1,4% и составит 141 611,7 тыс. чел., в Южном федеральном округе сокращения будут несколько меньше — 1,3%, а вот население Краснодарского края даже увеличит свою численность на 8,7% и составит 5838,2 тыс. чел. [5].

Но эти, в общем-то, обнадеживающие цифры будут складываться и из миграционных вливаний в край. Согласно прогнозам, миграционная привлекательность края сохранится.

Это косвенно подтверждают и цифры прогноза на 2031 г., по которому численность населения младше трудоспособного возраста уменьшится на 1,9%, трудоспособного увеличится на 0,8% и старше трудоспособного увеличится на 34,3%. Увеличение двух вторых категорий населения будет происходить за счет миграций в край, в том числе и так называемой «пенсионной» миграции [6].

Учитывая сложившуюся ситуацию и обозначившиеся тенденции, которые подтверждаются результатами прогноза, можно утверждать, что основой развития населения региона в ближайшем будущем будут миграционные потоки, преимущественно этнические. Благодаря таким условиям, как климат, активные инвестиции, наличие сложившихся и институтизированных национальных общин и т. п., край будет оставаться привлекательным для этнических мигрантов. Сокращение же численности и доли определенных народов в его составе, вероятнее всего, будет результатом ассимиляционных процессов и депопуляции.

Литература

1. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1939 года. — М., 1940.
 2. Рассчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по национальности, родному языку и второму языку народов СССР по Краснодарскому краю. — М., 1989.
 3. Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2002 года. В 13 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. — Краснодар, 2005.
 4. Рассчитано по: Всероссийская перепись населения 2010 года. В 11 т. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. — Краснодар, 2013.
 5. Рассчитано по: Предположительная численность населения Российской Федерации до 2030 г.: статистический бюллетень. — М., 2013.
 6. Рассчитано по тем же источникам.
1. Rasschitano po: Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1939 goda. — M., 1940.
 2. Rasschitano po: Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1989 g. Raspredelenie naselenija po nacional'nosti, rodnomu jazyku i vtoromu jazyku narodov SSSR po Krasnodarskomu kraju. — M., 1989.
 3. Rasschitano po: Vserossijskaja perepis' naselenija 2002 goda. V 13 t. T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo. — Krasnodar, 2005.
 4. Rasschitano po: Vserossijskaja perepis' naselenija 2010 goda. V 11 t. T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo. — Krasnodar, 2013.
 5. Rasschitano po: Predpolozhitel'naja chislennost' naselenija Rossijskoj Federacii do 2030 g.: statisticheskij bjulleten'. — M., 2013.
 6. Rasschitano po tem zhe istochnikam.

*Русанов А. В.,
МГУ имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет
Лаборатория экономики
народонаселения и демографии
(Москва, Россия)*

Демографические аспекты субурбанизации в Московском регионе

Аннотация

В работе рассматривается российская субурбанизация, принципиальное отличие которой от классического аналога состоит в сезонности пригородного жилья, представленного в основном дачами. Факторы субурбанизации обуславливают неоднородность этого процесса, формирование разных типов поселений и разных перспектив даже в районах с общими исходными характеристиками.

Для демографической характеристики субурбанизации в Московском регионе был выбран показатель возрастной структуры населения городов ближней и дальней пригородных зон, который показывает, что более молодая структура населения ха-

рактерна для городов ближней пригородной зоны, в которых наиболее высоки темпы нового жилищного строительства.

Ключевые слова: субурбанизация, второе жилье, рынок жилья, расселение населения, дачи, дачное расселение, Московская область

JEL код: J10

*Rusanov A. V.,
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Economics
Laboratory of Population Economics
and Demography (Moscow, Russia)*

Demographic aspects of suburbanization in the Moscow region

Abstract

The article is dedicated to suburbanization in Russia. The main distinctive feature of Russian suburbanization is a large amount of seasonal inhabited settlements — dachas. Influence of the factors of suburbanization effect on heterogeneity of this process and formation of different types of settlements and multiple opportunities even in districts with common basic features.

The comparison of the age structure of the population in the middle suburbs and in the far suburbs shows that percentage of the working-age population is higher in the closest to Moscow cities where is the highest rate of the new housing construction.

Key words: suburbanization, dachas, dachas settlement system, second home, housing market, factors of suburbanization, population geography, Moscow Region

JEL code: J10

Одна из основных проблем, связанных с изучением субурбанизации населения в России, заключается в его учете: в отличие от традиционного сельского и городского населения, жители дачных поселений практически не отражаются в официальной статистике. Лишь в 2016 г. Министерством имущественных отношений Московской области был выпущен реестр дачников Московской области, согласно которому численность населения дачных поселков в летний период можно оценить в районе 4 млн чел., что составляет более половины от официальной численности Московской области [1].

Действующие дачные поселения преобладают на северо-западе Московской области (рис. 1) за счет лучшей экологической обстановки, поскольку вредные выбросы, производимые Москвой, выносятся в основном в юго-восточном направлении, а также лучше развитой автодорожной инфраструктурой, которая на юго-востоке области испытывает критически нагрузки, по данным аналитического отчета портала Яндекс. Пробки — наиболее тяжелая дорожная ситуация характерна для Егорьевского и Носовихинского шоссе [2].

Одним из проявлений субурбанизации является новое жилищное строительство. В 1990-е гг. регионом — лидером по жилищному строи-

тельству в России была Москва, а уже в XXI в. акцент сместился в Московскую область, которая начиная с 2004 г. вышла на лидирующую позицию (рис. 2), что связано с постоянно растущей потребностью в расширении жилой зоны столицы из-за роста численности ее населения, а также более низкой стоимостью земли в области.

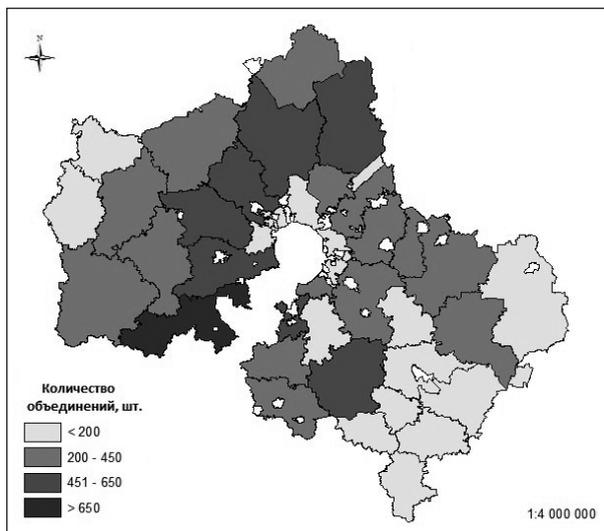

Рис. 1. Дачные поселения Московской области
 Источник: составлено автором по данным реестра дачников Московской области

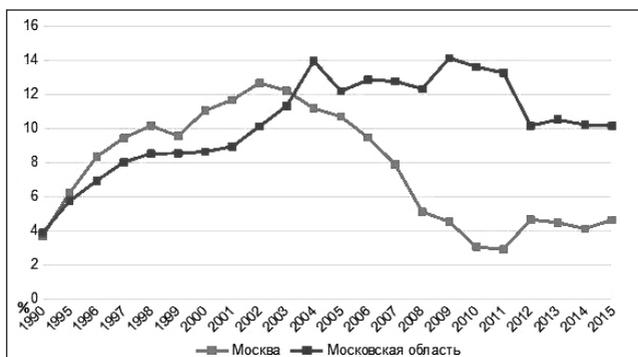

Рис. 2. Ввод жилья в Московском регионе.

Процент вводимых жилых домов по отношению ко всему объему ввода жилья в РФ
 Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели: статистический сборник. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156 (дата обращения: 05.05.2016)

Для анализа демографических аспектов субурбанизации была выбрана возрастная структура населения до пика жилищного строительства (2004 г.) и после него (2013 г.). Для сравнения были выбраны города ближней пригородной зоны: Балашиха (восточное направление), Мытищи (северо-восточное), Одинцово (западное), а также более удаленные города — Ногинск (35 км от МКАД), Электросталь (38 км от МКАД) и Коломна (100 км от МКАД).

Таблица 1

**Возрастная структура населения городов Московской области,
2004 и 2013 гг., %**

Города	Моложе трудоспособного возраста	Трудоспособного возраста	Старше трудоспособного возраста
2004 г.			
<i>Московская область</i>	14,2	62,9	22,9
Балашиха	13,8	64,8	21,4
Мытищи	14,4	62,6	23,0
Одинцово	13,8	65,4	20,8
Ногинск	15,1	63,2	22,7
Электросталь	13,7	62,7	23,0
Коломна	13,8	64,8	21,4
2013 г.			
<i>Московская область</i>	15	60,9	24,1
Балашиха	16,6	64,8	18,6
Мытищи	16,0	61,4	22,6
Одинцово	15,2	61,8	23,0
Ногинск	17,5	58,7	23,8
Электросталь	13,7	60,4	25,9
Коломна	14,7	58,3	27,0

Источник: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов, 2005; 2014.

Как видно из табл. 1, общим трендом для городов Московской области является сокращение доли трудоспособного населения. Исключение — г. Балашиха, где за рассматриваемый период его доля выросла на 0,4%. В целом города ближней пригородной зоны характеризуются более молодой структурой населения, чем в среднем по области.

В возрастной структуре населения более удаленных от Москвы городов, наоборот, значительно увеличилась доля населения старше трудоспособного возраста (1,1% в Ногинске, 2,5% в Электростали, и 3,5% в Коломне), что позволяет предположить, что часть трудоспособного населения этих городов переместилась ближе к Москве в анализируемый период.

Сравнительный анализ возрастной структуры населения городов Московской области показывает, что активное новое жилищное строительство, характерное в первую очередь для городов ближней пригородной зоны, способствует привлечению в эти города населения трудоспособного возраста, которое является основной категорией покупателей недвижимости в новостройках.

Литература

1. Реестр дачников Московской области. URL: <http://data.mosreg.ru/opendata/7725131814-reestr-dachnikov> (дата обращения: 15.05.2017).
2. Подмосковные пробки в дачный сезон. URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_dacha_msk (дата обращения: 15.05.2017).
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. Статистический сборник. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
4. Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656
1. Reestr dachnikov Moskovskoj oblasti. URL: <http://data.mosreg.ru/opendata/7725131814-reestr-dachnikov> (data obrashhenija 15.05.2017).
2. Podmoskovnye probki v dachnyj sezon. URL: https://yandex.ru/company/researches/2014/ya_dacha_msk (data obrashhenija 15.05.2017).
3. Regiony Rossii. Social'no-jekonomicheskie pokazateli. Statisticheskij sbornik. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156
4. Regiony Rossii. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli gorodov. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138631758656

Сафиуллина Р. М.,

канд. геогр. наук, доцент

Башкирский государственный университет

Географический факультет (Уфа, Россия)

Боголюбов А. В.,

магистр 1-го года обучения

Башкирский государственный университет

Географический факультет (Уфа, Россия)

Территориальные геодемографические прогнозы Республики Башкортостан

Аннотация

Республика Башкортостан является крупнейшей по численности населения республикой в Российской Федерации. Города как экономические центры играют важную

роль, и по динамике населения в них можно определить состояние экономики в целом. Современная демографическая ситуация в крупных городах и прилегающих к ним районах характеризуется в основном приростом населения за счет естественного и миграционного прироста и убылью населения в большинстве других городов и муниципальных районов. Для целей планирования социально-экономической ситуации был произведен прогноз численности населения городов и муниципальных районов методом экстраполяции данных до 2030 г. Прогноз показал, что при разных вариантах прогноза численность населения должна вырасти в восьми городах и прилегающих районах и уменьшиться в остальных городах и районах. Крупнейшие города республики будут концентрировать еще больше численности населения Башкортостана. В большинстве других городов и районов демографическая ситуация ухудшится.

Ключевые слова: территориальный геодемографический прогноз, Республика Башкортостан

JEL код: J11

Safullina R. M.,
Ph. D., associate Professor
Bashkir State University
Faculty of Geography (Ufa, Russia)

Bogolyubov A. V.,
master 1 year training
Bashkir State University
Faculty of Geography (Ufa, Russia)

Territorial geodemographic forecast for the Republic of Bashkortostan

Abstract

The Republic of Bashkortostan is the largest republic in the Russian Federation. Cities as economic centers play an important role, and the dynamics of the population in them can determine the state of the economy as a whole. The current demographic situation in large cities and adjacent areas is characterized, mainly, by population growth due to natural and migratory growth, and population decline in most other cities and municipal districts. The forecast was made for the population of cities and municipal districts by extrapolating the data to 2030 for the purpose of planning the socio-economic situation. The forecast showed that the population should grow in 8 cities and adjacent areas and decrease in other cities and regions in different variants of the forecast. The largest cities of the republic will concentrate even more population of Bashkortostan. In most other cities and districts, the demographic situation will worsen.

Key words: demographic forecast, Republic Bashkortostan

JEL code: J11

Города представляют собой эпицентры современной жизни. С экономико-географической точки зрения — это центры третичного и четвертичного секторов современной экономики, с социально-географической точки зрения — центры формирования определенного уровня и качества жизни населения. Развитие и становление городов как современных

географических опорных пунктов экономической, социальной, экологической, геополитической обстановки зависит от целого комплекса факторов и условий [5]. На первый план выступают особенности демографического развития городов. Они могут влиять на инновационный потенциал городов, на обострение проблемы низкой рождаемости, на принятие решения о миграционной политике, на возможность повышения возраста выхода на пенсию в связи с нарастанием геронтологических тенденций [3]. Города конкурируют за современные трудовые ресурсы, за человеческий капитал. Поэтому тема работы является актуальной. Это отражает перечень задач, которые поставлены автором.

По мнению Пола Кругмана, численность населения наряду с другими факторами определяет экономические возможности страны: растущее население создает спрос на новые дома, новые офисные здания, и наоборот, когда рост населения замедляется, спрос падает. Для стран с суженным типом воспроизводства возрастает роль миграционного прироста как источника восполнения человеческого ресурса развития [4].

Республика Башкортостан — это крупнейшая на сегодняшний день по населению республика в составе Российской Федерации [2]. Города как экономические центры играют важную роль, и по динамике населения в них можно определить состояние экономики в целом. Если в городе большое количество людей фертильного возраста, то при низкой смертности это приведет к естественному приросту населения. На его естественное движение может серьезно влиять национальный и религиозный состав населения городов. Кроме того, Башкортостан занимает одно из ведущих мест в республике по численности сельского населения, которое проживает в 54 муниципальных районах республики.

Демографическая ситуация в РБ неоднозначная. В последние годы здесь отмечался небольшой естественный прирост населения, и тем самым республику можно было отнести к немногим регионам России, где наблюдается данный процесс. Это можно объяснить, прежде всего, вхождением в фертильный возраст многочисленного поколения женщин, улучшением экономической ситуации в стране в 2000-е гг., поддержкой рождения второго и последующих детей, а также высокой долей мусульманского населения [1]. Но, с другой стороны, росту численности населения Башкортостана мешает миграционный отток населения. В некоторые годы естественному приросту удастся компенсировать его, но именно миграция из республики приводит к уменьшению численности населения РБ. Эмиграция происходит прежде всего из экономических и частично этнических причин. Также многие студенты из республики не возвращаются после окончания высших учебных заведений.

Для целей планирования был произведен расчет численности населения районов и городов Республики Башкортостан. Для расчетов были собраны сведения о текущей численности населения, рождаемости и смерт-

ности, естественном и миграционном движении. Собранные данные были экстраполированы для прогноза численности населения на 2020, 2025 и 2030 гг. при условии сохранения текущего уровня миграции населения.

Только в восьми районах, а именно: Уфимском, Иглинском, Стерлитамакском, Бурзянском, Абзелиловском, Чишминском, Дуванском и Учалинском согласно среднему варианту экстраполяционного метода прогнозируется увеличение численности населения (рис. 1). Это связано прежде всего с расположением данных районов вокруг крупных промышленных центров: Уфы и Стерлитамака (Уфимский, Стерлитамакский, Иглинский районы), а также с этническим и религиозным составом населения (в Бурзянском и Абзелиловском районах существенно преобладает башкирское население, естественный прирост у которого выше, чем в среднем по республике). В остальных районах численность населения может как вырасти, так и уменьшиться. Для того чтобы численность населения в других районах не сокращалась, необходима правильная демографическая, социальная и экономическая политика для сельской местности.

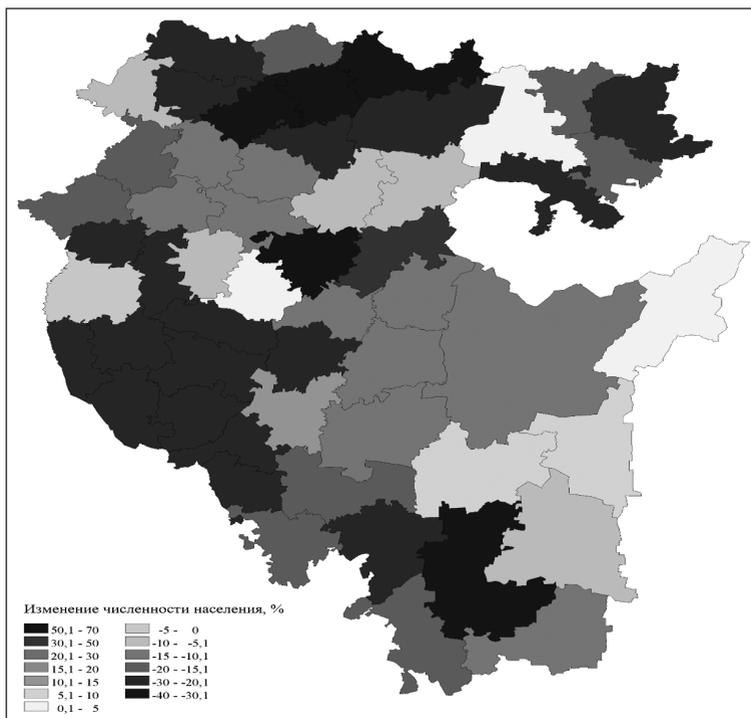

Рис. 1. Изменение численности населения районов РБ в 2010–2030 гг. (средний вариант прогноза экстраполяционным методом)

Источник: составлено автором

В таких городах, как Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Октябрьский, Бирск, Благовещенск, Октябрьский, Учалы, Сибай, Баймак, мы видим рост численности населения согласно среднему варианту экстраполяционного метода (рис. 2). Это связано с их ролью в экономике республики, данные города являются важными промышленными центрами, а также с этническим и религиозным составом населения в них. На города Бирск и Благовещенск также влияет близость с Уфой. В прочих городах в зависимости от сценария произойдет в разное время либо спад, либо рост численности населения (табл. 1).

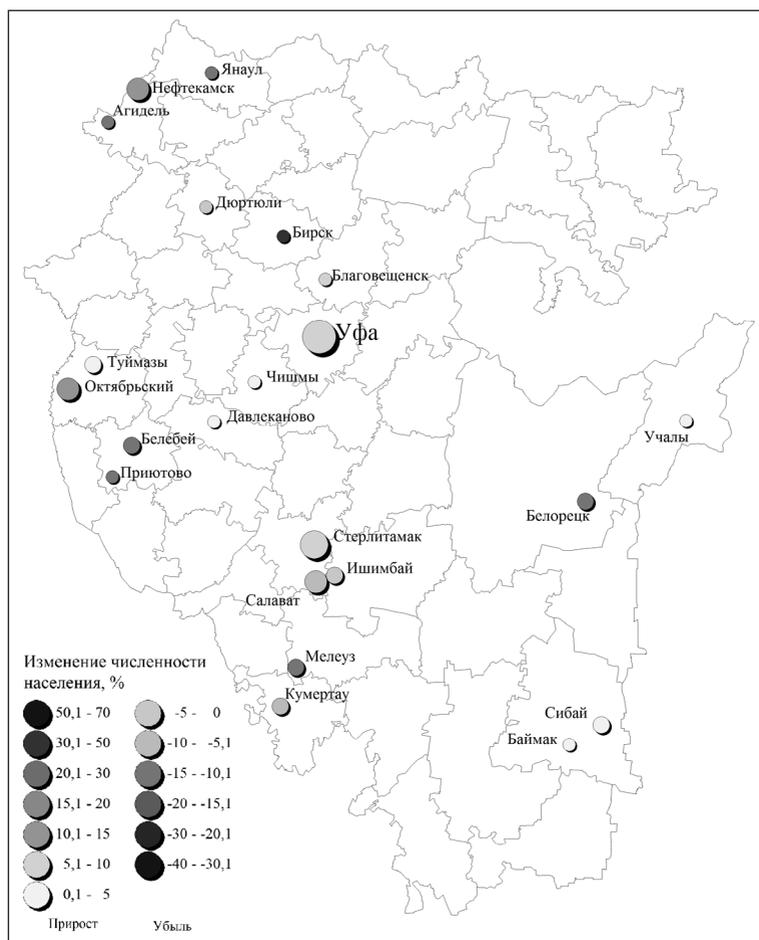

Рис. 2. Изменение численности населения городов РБ в 2010–2030 гг. (средний вариант прогноза экстраполяционным методом)

Источник: составлено автором

**Численность населения городов и пгт РБ
по среднему варианту прогноза экстраполяционным методом, чел.**

Город, пгт	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.	2030 г.
г. Уфа	1 071 334	1 101 493	1 129 126	1 151 705	1 175 906
г. Агидель	16 370	15 837	15 275	14 658	14 081
г. Баймак	17 704	17 874	17 992	18 020	18 067
г. Белебей	60 188	58 846	57 361	55 633	54 011
г. Белорецк	68 802	66 687	64 442	61 959	59 632
г. Бирск	43 572	46 820	50 162	53 478	57 069
г. Благовещенск	43 572	44 692	45 703	46 506	47 369
г. Давлеканово	24 059	24 316	24 503	24 567	24 657
г. Дюртюли	31 725	31 624	31 428	31 078	30 763
г. Ишимбай	66 258	66 321	66 185	65 719	65 322
г. Кумертау	67 074	66 131	65 005	63 578	62 245
г. Мелеуз	61 390	59 601	57 690	55 560	53 562
г. Нефтекамск	133 531	137 858	141 902	145 339	149 008
г. Октябрьский	109 401	112 696	115 744	118 285	121 001
г. Салават	156 040	153 739	151 017	147 601	144 406
г. Сибай	63 816	64 468	64 931	65 073	65 279
г. Стерлитамак	273 473	280 077	285 985	290 567	295 516
г. Туймазы	66 821	67 342	67 663	67 647	67 699
г. Учалы	37 783	38 098	38 300	38 311	38 361
г. Янаул	26 923	26 273	25 561	24 744	23 977
пгт Приютово	20 891	20 425	19 910	19 310	18 747
пгт Чишмы	21 196	21 319	21 379	21 331	21 305

Что касается численности населения республики в целом, то при сохранении текущей демографической ситуации она будет немного уменьшаться к 2030 г. до 4068 тыс. чел., при улучшении ситуации будет наблюдаться рост численности населения республики до 4288 тыс. чел., при негативном прогнозе к этому времени численность населения Башкортостана составит 3998 тыс. чел. С учетом роста численности населения в самых крупных населенных пунктах республики это будет приводить к росту доли городского населения в общей численности.

Если анализировать другие показатели населения, то в первую очередь в районах и городах Башкортостана с убылью населения возрастет демографическая нагрузка на экономически активное население. Также рост или убыль будут зависеть от увеличения или уменьшения ожидаемой продолжительности жизни. Кроме того, ожидается миграционный прирост населения по районам и городам в зависимости от вариантов прогноза. В случае некачественного состава прибывшего населения это может привести к ухудшению этнической и религиозной ситуации в стране.

В случае анализа всего населения республики в целом согласно всем трем вариантам прогноза численность населения к 2030 г. должна вырасти, но при этом рост этот не одинаков: он может составить от 4205 тыс. чел. в 2030 г. при низком варианте прогноза до 4377 тыс. чел. при высоком варианте.

Рост этот связан с вхождением в фертильный возраст многочисленных поколений и продолжается с 2007 г. В дальнейшем произойдет спад рождаемости из-за малочисленных поколений, что и приведет к уменьшению численности населения в период 2025–2030 гг. Таким образом, с учетом роста численности населения в большинстве городов это приведет к увеличению городского населения в общей численности населения.

Расчет по отдельным территориям показал, что к 2020, 2025 и 2030 гг. мы будем наблюдать разнонаправленную картину в изменении численности населения городов и районов Башкортостана. Прежде всего вырастет численность населения в самых крупных городах (Уфе и Стерлитамаке) и прилегающих к ним районах. Возможен рост в случае сохранения современной динамики в Бурзянском и Учалинском районах, а также в Нефтекамске, Октябрьском и некоторых других. На оставшейся территории в зависимости от демографической и социальной политики республики численность населения либо вырастет, либо произойдет его убыль, поэтому очень важным является правильное построение демографической политики региона, которая будет включать как экономические, так и социальные меры поддержки рождаемости и создание благоприятных условий для проживания и жизнедеятельности населения Башкортостана. Следует также учесть, что большое влияние на изменение численности населения будет оказывать миграция, которая может серьезно повлиять на качественный и количественный состав населения республики.

Литература

1. *Боголюбов А. В., Сафиуллина Р. М.* Эволюция демографической ситуации Республики Башкортостан: тенденции и региональные особенности // Актуальные проблемы экономической политики: материалы V Всероссийской научно-практической конференции. — Уфа: РИЦ БашГУ, 2014. — С. 12.
2. Население Республики Башкортостан. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/population/ (дата обращения: 02.05.2017).
3. *Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М., Фаронова Ю. В.* Геодемографическая ситуация в Республике Башкортостан: территориальная модель // Актуальные вопросы университетской науки: сборник научных трудов. — Уфа, 2016. — С. 410–420.

4. Сафиуллин Р. Г., Сафиуллина Р. М., Фаронова Ю. В. Геодемографическое развитие городов Республики Башкортостан: региональная диагностика // Успехи современного естествознания. — 2016. — № 5. — С. 158–162.
5. Сафиуллин Р. Г., Ибрагимова З. Ф. Проблемы эволюции города-миллионера и территориальные предпочтения населения (на примере г. Уфы) // Успехи современного естествознания. — 2017. — № 3. — С. 117–121.
1. Bogolyubov A. V., Safiullina R. M. Evolyutsiya demograficheskoy situatsii Respubliki Bashkortostan: tendentsii i regionalnyie osobennosti // Aktualnyie problemy ekonomicheskoy politiki: materialy V Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. — Ufa: RITs BashGU, 2014. — S. 12
2. Naselenie Respubliki Bashkortostan. URL: http://bashstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/bashstat/ru/statistics/population/ (data obrascheniya: 02.05.2017).
3. Safiullin R. G., Safiullina R. M., Faronova Yu. V. Geodemograficheskaya situatsiya v Respublike Bashkortostan: territorialnaya model // Aktualnye voprosy universitetskoy nauki. Sbornik nauchnyh trudov. — Ufa, 2016. — S. 410–420.
4. Safiullin R. G., Safiullina R. M., Faronova Yu. V. Geodemograficheskoe razvitie gorodov Respubliki Bashkortostan: regionalnaya diagnostika // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. — 2016. — № 5. — S. 158–162.
5. Safiullin R. G., Ibragimova Z. F. Problemy evolyucii goroda-millionera i territorialnye predpochteniya naseleniya (na primere g. Ufy) // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya. — 2017. — № 3. — S. 117–121.

Сетдарова Р. Р.,
студент Сибирского
института управления —
филиала Российской академии
народного хозяйства
и государственной службы
(Новосибирск, Россия)

Социально-демографические проблемы рынка труда Кемеровской области

Аннотация

Целью исследования является анализ влияния демографических факторов на рынок труда в Кемеровской области и разработка рекомендаций по улучшению демографической ситуации в регионе. Предметом исследования является динамика изменений демографических процессов Кемеровской области. В работе использовались следующие методы: анализ статистических данных и метод передвижки возрастов. В результате анализа демографической ситуации

в регионе были сделаны следующие выводы: в Кемеровской области возникает демографическая основа для дефицита рабочей силы в результате ухудшения половозрастной структуры населения региона, сокращения численности экономически активного населения и ухудшения воспроизводственных процессов. Для улучшения и стабилизации демографической и экономической ситуации в регионе следует проводить комплексную политику в сфере экономики, демографии, здравоохранения, образования и культуры, учитывая специфику региона, которая будет направлена на сокращение смертности населения, увеличение рождаемости, повышение благосостояния граждан, а вследствие этого на увеличение базы экономического роста региона.

Ключевые слова: миграция населения, рынок труда, региональная политика
JEL коды: J1, J2

Setdarova R. R.,
*Siberian Institute of Management —
 the branch of the Russian Presidential
 Academy of National Economy
 and Public Administration
 (Novosibirsk, Russian)*

Socio-demographic issues of the labour market of the Kemerovo region

Abstract

The aim of the study is to analyze the influence of demographic factors on the labor market in the Kemerovo region and development of recommendations on improvement of a demographic situation in the region. The subject of research is the dynamics of changes in demographic processes of the Kemerovo region. In the work the following methods were used: analysis of statistical data and the method of shifting ages. In the result of analysis of the demographic situation in the region was made the following conclusions: in the Kemerovo region occurs the demographic basis for a labor shortage in the result of the deterioration of the age structure of the population of the region, reduction in the number of economically active population and the deterioration of the reproduction processes population. To improve and stabilize the demographic and economic situation in region should be perform a comprehensive policy in the field of economics, demography, health, education and culture, taking into account the specificity of the region, which will be aimed at reducing mortality, increasing birth rates, improving the welfare of citizens, and consequently to increase the base of economic growth in the region.

Key words: migration, labor market, regional policy
JEL codes: J1, J2

Изучение влияния демографических факторов на функционирование рынка труда является в настоящее время одним из актуальных направлений, которое стоит перед региональной экономикой. Демо-

графические процессы оказывают существенное влияние на формирование предложения труда, а вследствие этого и на экономическое развитие региона. Проведение анализа демографической ситуации в регионе может быть направлено на определение тенденций в сфере занятости и перспективных направлений подготовки специалистов в образовательных учреждениях.

Актуальность предложенной тематики обусловлена необходимостью в условиях глобального изменения миграционных потоков проводить региональную демографическую политику, которая имела бы положительное влияние на социально-экономическое развитие региона. В связи с этим основной целью исследования является анализ влияния демографических факторов на рынок труда в Кемеровской области и разработка рекомендаций по улучшению демографической ситуации в регионе. Основные задачи исследования: проанализировать влияние демографических факторов на развитие Кемеровской области, выделить основные проблемы демографической ситуации в ней, построить демографический прогноз, разработать рекомендации по улучшению демографической ситуации.

В результате исследования можно сделать вывод, что в Кемеровской области возникают предпосылки для дефицита рабочей силы в результате ухудшения половозрастной структуры населения региона, сокращения численности экономически активного населения, ухудшения воспроизводственных процессов рабочей силы и формирования необходимости импорта рабочей силы. Численность жителей области не компенсируется ни за счет рождаемости, ни за счет миграции.

На протяжении последних лет Кемеровская область относится к группе субъектов РФ, в которых население сокращается за счет естественной убыли и миграционного оттока [1, с. 139].

Население региона ежегодно сокращается. Эта проблема носит устойчивый характер в последние годы. Автором был выполнен демографический прогноз численности населения Кемеровской области на 2016–2025 гг. методом передвижки возрастов. Согласно этому прогнозу ежегодно будет нарастать процесс депопуляции населения и за 10 лет оно сократится на 3,6% [2].

При этом особую тревогу вызывает снижение численности населения Кемеровской области в трудоспособном возрасте, что приводит к ограничению предложения на местном рынке труда. В дальнейшем будет происходить процесс ежегодного сокращения численности трудоспособного населения, и за 10 лет оно уменьшится на 9,9% (или на 154 665 чел. [3]), в связи с этим произойдет обострение проблем, связанных с рынком труда в Кемеровской области, — в частности, возникнет дефицит рабочей силы.

В настоящее время существует также неудовлетворенный спрос на отдельные категории специалистов при растущей безработице в большинстве профессиональных категорий рабочей силы. Очевидно, что в сложившейся ситуации необходимо принимать неотложные меры, направленные на компенсацию возможных потерь трудового потенциала. Если не будут разработаны комплексные меры по решению демографических проблем в Кемеровской области, то будет продолжаться процесс депопуляции, что приведет к истощению ресурсов социально-экономического развития региона. В 2016 г. Кемеровской областью была разработана программа «Улучшение демографической ситуации в Кемеровской области на 2016–2018 годы», в которой планировалось проведение комплекса мероприятий в сфере здравоохранения и социальной поддержки населения. Для улучшения ситуации в регионе необходимы разработка и проведение комплексных программ развития во всех сферах, чтобы стабилизировать ситуацию и повысить престиж региона в целом. В качестве источника решения проблемы дефицита рабочей силы возможно применить создание новых рабочих мест для формирования миграционной привлекательности региона, в том числе для трудоустройства инвалидов, создание условий для совмещения женщиной занятости в семье и на рынке труда, разработку и реализацию мероприятий по улучшению условий и охраны труда, а также улучшение жилищных условий, ввод в действие новых и усовершенствование действующих очистных сооружений с целью улучшения экологической обстановки в регионе.

Литература

1. *Корель И. И.* Современные контрасты межрегиональной миграции в России // Региональная экономика и социология. — 2014. — № 2. — С. 137–154.
2. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.02.2017).
3. Демографический ежегодник / Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Кемеровской области [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kemerovostat.ru/bgd/.html> (дата обращения 13.01.2017).
1. *Korel' I. I.* Sovremennye kontrasty mezhregional'noj migracii v Rossii // Regional'naja jekonomika i sociologija. — 2014. — № 2. — S. 137–154.
2. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru> (data obrashhenija: 08.02.2017).
3. Demograficheskiy ezhegodnik / Oficial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Kemerovskoj oblasti [Jelektron-

nyj resurs]. URL: <http://www.kemerovostat.ru/bgd.html> (data obrashheniya: 13.01.2017).

Соколов С. Н.,
д-р геогр. наук, профессор
Нижневартровский государственный университет
(Нижневартовск, Россия)

Статистический анализ динамики городского населения Югры

Аннотация

В статье рассмотрены статистические тренды, описывающие динамику численности населения городов, крупнейших поселков городского типа и агломераций Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, а также всего городского населения региона. С помощью уравнений тренда предложен прогноз людности населенных пунктов округа на 2020 г. С помощью кластерного анализа городские поселения группируются в несколько групп, выделяемых по показателям динамики численности населения. Кроме того, были рассчитаны некоторые показатели урбанизации региона (доля городского населения, индекс урбанизации, индекс главенства, уровень урбанистического развития и др.), исследована их динамика, а также построен прогноз. Полученные закономерности системы расселения и динамики городских поселений Югры могут являться приближением или исходной информацией для социально-экономического районирования округа.

Ключевые слова: статистический тренд, прогноз, динамика численности населения, система расселения, Югра

JEL коды: C22, C53, R12, R22

Sokolov S. N.,
PhD., Professor
Nizhnevartovsk State University
(Nizhnevartovsk, Russia)

Statistical analysis of urban population dynamics of Yugra

Abstract

The article considers statistical trends describing the population dynamics of cities, the largest urban-type settlements and agglomerations Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Yugra, and the total urban population of the region. Using the equations of the trend proposed forecast of populous settlements of Yugra for 2020. Using a cluster analysis of urban settlements of the district are grouped into several groups allocated to the indicators of the population dynamics. in addition, there were calculated some indicators of urbanization of the region (the share of urban population, urbanization index, the index of the rule, the level of urban development, etc.), and investigated their dynamics and also to build a forecast. The resulting patterns of settlement and dynamics of urban settlements of Yugra can be a approach or source of information for socio-economic zoning district.

Key words: statistical trend, forecast, dynamics of population, settlement system, the level of urbanization of the region, Yuga

JEL codes: C53, R23

В настоящее время на территории Югры расположено 16 городов и два крупных поселка, часть из них входит в две городские агломерации. Для каждого города подберем уравнение тренда, описывающее динамику численности их населения. Установлено, что наиболее приемлемым является уравнение тренда полинома 3-й степени:

$$Y_j = a_0 + a_1 t + a_2 t^2 + a_3 t^3 \pm u, \quad (1)$$

где t — год; a_0, a_1, a_2 и a_3 — параметры уравнения регрессии, подобранные методом наименьших квадратов (в 2005 г. $t = 0$); u — доверительный интервал прогноза.

Города можно сгруппировать в три кластера, используя знак параметров уравнения регрессии. В 1-й кластер отнесем города, для которых параметр a_3 — отрицательный, во 2-й кластер, если a_2 и a_3 — отрицательные, в 3-й кластер если a_2 — отрицательный. В табл. 1 приведены данные и результаты прогнозирования для каждого города (при уровне значимости 0,95).

Таблица 1

Динамика населения городов, доверительные интервалы прогноза (u), средняя относительная ошибка аппроксимации (E) и коэффициент детерминации (R^2)

Город	Год			Кластер	$E, \%$	R^2
	2016	2020	$\pm u$			
Белоярский	20,3	20,4	0,7	1	0,62	0,653
Когалым	63,3	78,4	1,4	1	0,59	0,954
Лангепас	43,4	47,8	0,8	1	0,41	0,953
Лянтор	40,0	40,8	0,6	1	0,34	0,989
Мегион	48,8	51,2	0,9	1	0,42	0,874
Нефтеюганск	125,4	105,3	3,0	2	0,51	0,977
Нижневартовск	270,8	265,0	2,9	3	0,24	0,994
Нягань	57,1	67,1	1,4	1	0,54	0,787
Покачи	17,9	18,8	0,3	1	0,45	0,946
Пыть-Ях	40,9	41,9	0,4	1	0,22	0,841
Радужный	43,0	52,8	3,0	1	1,27	0,867
Советский	29,2	32,5	0,3	1	0,24	0,996
Сургут	348,6	372,2	4,2	3	0,24	0,997
Урай	40,5	57,0	2,9	1	1,52	0,660
Ханты-Мансийск	96,9	86,2	4,0	2	0,93	0,994

Окончание табл. 1

Город	Год			Кластер	E, %	R ²
	2016	2020	±и			
Югорск	36,7	37,0	0,6	2	0,36	0,992
Пойковский	26,3	41,6	4,0	1	3,37	0,752
Федоровский	23,7	20,9	0,6	3	0,75	0,994
ХМАО, городское	1500,3	1685,6	20,9	2	0,42	0,989
Нижнеуртовская агломерация	461,3	474,4	3,4	2	0,26	0,993
Сургутско-Нефтеюганская агломерация	649,8	669,5	5,1	3	0,24	0,997

В ходе процесса урбанизации изменяется ее уровень, что можно выразить в следующих показателях (табл. 2).

Таблица 2

Динамика показателей урбанизации

Показатели	2016 г.	2020 г.
Доля городского населения, %	92,2	93,7
Индекс урбанизации по Арриаге, тыс. [2]	154,5	159,9
Индекс главенства [1]	0,627	0,696
Уровень урбанистического развития, % [3]	44,0	43,9

Полученные закономерности системы расселения и динамики городских поселений Югры могут являться приближением или исходной информацией для дальнейшего социально-экономического районирования округа.

Литература

1. *Медведков Ю. В.* О размерах городов, объединенных в системы // Количественные методы исследования в экономической географии. — М., 1964.
2. *Соколов С. Н.* Пространственно-временная организация производительных сил Азиатской России: монография. — Нижнеуртовск, 2006.
3. *Терещенко О. В.* Потенциал городов (Методы статистического изучения). — Новосибирск, 1991.
1. *Medvedkov Ju. V.* O razmerah gorodov, ob#edinennyh v sistemy // Kolichestvennyye metody issledovaniya v jekonomicheskoj geografii. — M., 1964.
2. *Sokolov S. N.* Prostranstvenno-vremennaja organizacija proizvoditel'nyh sil Aziatskoj Rossii: monografija. — Nizhneurtovsk, 2006.
3. *Tereshhenko O. V.* Potencial gorodov (Metody statisticheskogo izuchenija). — Novosibirsk, 1991.

*Шахаман З. Б.,
канд. истор. наук, декан
факультета дистанционного обучения
Костанайский государственный
педагогический институт
(Костанай, Республика Казахстан)*

Казахи Северного Казахстана в 1959–2017 гг.: от демографического меньшинства к паритету (на примере Костанайской области)

Аннотация

Цель работы — изучение изменения соотношения казахов и русских в структуре населения Северного Казахстана на основе статистических данных. Рассматривается период с 1959 по 2017 г. Методы — сравнительно-исторический, конкретно-исторический, анализ статистических данных, политологический анализ.

Результаты. Казахи стали меньшинством в КазССР к 1959 г., но за 30 лет численно переросли русских. В Северном Казахстане ситуация менялась медленнее. Только к 1999 г. в двух областях из четырех казахи стали демографическим большинством — в Акмолинской и Павлодарской. В наиболее крупной по численности населения Костанайской области русское и казахское население численно примерно сровнялось в 2016 г. И только в одной из 14 областей Республики Казахстан русские все еще в большинстве. Это Северо-Казахстанская область. Причины таких изменений — это массовая эмиграция славян в 1990-е гг., относительно высокая рождаемость казахов и успешная политика репатриации этнических казахов.

Область применения: при разработке региональных планов развития, особенно в плане межнационального согласия и политики в сфере образования.

Выводы. Удельный вес русских в национальном составе населения Казахстана продолжит снижаться, но государственная политика будет направлена на сохранение русского языка и русской культуры.

Ключевые слова: Северный Казахстан, казахи, русские, изменение национального состава, Костанайская область, 1959–2016 гг.

JEL код: J10

*Shakhman Z. B.,
professor of Kostanay State Pedagogical Institute
Dean of Faculty of Distance Learning
(Kostanai, Kazakhstan)*

Kazakhs of Northern Kazakhstan in 1959–2017: from demographic minority to parity (on by the example of the Kostanay region)

Abstract

The aim of the work is to study the change in the ratio of Kazakhs and Russians in the structure of the population of Northern Kazakhstan on the basis of statistical data. The

period from 1959 to 2017 is considered. Methods that used: comparative-historical, concrete-historical, analysis of statistical data, political analysis.

Results. Kazakhs became a minority in the KazSSR by 1959, but over the course of 30 years, Russians have been outgrown numerically. In Northern Kazakhstan the situation changed more slowly. Only by 1999 in two regions of four, the Kazakhs became the demographic majority — in Akmola and Pavlodar. In the largest population of the Kostanay region, the Russian and Kazakh population roughly equaled in 2016. And only in one of the four regions of the Republic of Kazakhstan, the Russians are still in the majority. This is the North-Kazakhstan region. The reasons for such changes are the mass emigration of the Slavs in the 1990s, the relatively high birth rate of Kazakhs and the successful policy of repatriation of ethnic Kazakhs.

The results of the research can be applied in the development of regional development plans, especially in terms of interethnic harmony and educational policy.

Conclusions. The proportion of Russians in the national composition of the population of Kazakhstan will continue to decline, but the state policy will be aimed at preserving the Russian language and Russian culture

Key words: Northern Kazakhstan, Kazakhs, Russians, change in national composition, Kostanay region, 1959–2016 years

JEL code: J10

Сегодня в составе Северного Казахстана четыре области — Акмолинская (бывшие Целиноградская и Кокчетавская области), Костанайская (в нее вошли также территории упраздненной в 1997 г. Тургайской области), Павлодарская и Северо-Казахстанская. Он охватывает четверть территории республики и 17% всего населения страны. Костанайская область по численности населения самая крупная на Севере, имеет аграрно-индустриальный профиль, граничит с тремя областями РФ и может служить своего рода примером этнодемографических сдвигов в регионе в целом.

Северный Казахстан в результате организованного массированного миграционного притока в «целинные» годы из РСФСР, УкрССР, БССР к 60-м гг. XX в. стал в союзной национальной республике своего рода «русским островом», цементирующими основами которого был русский язык и мощный пласт русской культуры. В целом по КазССР удельный вес казахов упал до исторического минимума — 30%, в Целинном крае этот показатель был еще ниже — 18,6% [1, с. 30–31]. Таким образом, казахи у себя на родине превратились в национальное меньшинство. Это было, скорее, исключением из общего правила. Например, в том же 1959 г. армяне в АрмССР составляли 88% населения, русские в РФ — 83,3%, белорусы в БССР — 81,1%, литовцы в ЛитССР — 79,8% и т. д. [8].

Только к концу 1980-х гг. в национальном составе населения КазССР ситуация изменилась, и численность казахского населения стала преобладать над русским: 6 496 019 и 6 062 019 чел. соответственно [2, с. 6]. Как видно из табл. 1 [3, с. 7; 11], с 1989 г. удельный вес казахов стал устойчиво увеличиваться, и, более того, данная тенденция имеет место в Казахстане и сегодня. Причинами были сохраняющаяся высокая рождаемость казахов и массовая эмиграция русских. Активно эмигрировали с открытием границ на историческую родину немцы, евреи, греки, турки.

Таблица 1

**Удельный вес русских и казахов
в населении Казахстана в 1970–2016 гг. (в %)**

	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Казахи	30,0	32,5	35,9	39,2	53,5	63,1	66,5
Русские	43,0	42,6	40,9	37,6	29,9	25	20,6

Однако в северном регионе ситуация была иной. Например, если к 1989 г. доля казахов в населении Казахстана составляла около 40%, то в северных областях доля казахского населения была в разы меньше и колебалась в пределах 15–22%, в частности, в Костанайской области — 22,8% [4, с. 12]. В целом же изменения демографической структуры Северного Казахстана в 1959–1989 гг. происходили под влиянием процесса демографического перехода славян от традиционного типа воспроизводства к рациональному планированию. Тип воспроизводства казахского населения в тот период изменялся гораздо медленнее [4, с. 78].

Таблица 2

**Удельный вес казахов и русских
в структуре населения Костанайской области в 1989–2016 гг.**

	1960 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2016 г.
Казахи	18,6	19,1	26,3	28,9	31,8	35,6	39,7
Русские	41	44,8	44,7	47,2	42,2	40,8	41,5

Социально-политические и экономические процессы 1990-х и «нулевых» годов сильно повлияли на демографическую картину, кардинально изменив соотношение двух суперэтносов (русских и казахов) как в Казахстане, так и в его северном регионе. Распад Советского Союза и самостоятельный вектор развития Казахстана в течение двух с половиной десятилетий изменили демографическую и социокультурную ситуацию как в республике, так и в северном ее регионе, в частности. В течение 20 лет после развала СССР для Казахстана была характерна тенденция уменьшения населения за счет снижения рождаемости и массовой эмиграции в 1990-е гг. В 1989 г. население Казахстана составляло 16,7 млн чел., а к 2003 г. сократилось до 14 668,8 млн чел. [9]. То же наблюдалось в регионе и области, что отражено в табл. 2 [6]. В те годы в республике сложилась устойчивая тенденция уменьшения доли славянских этносов, уменьшения среднего размера семьи, увеличения удельного веса казахов, узбеков и уйгуров, а также рост удельного веса казахов (до абсолютного) в детских, подростковых и молодежных возрастных группах.

С 1989 г. в Костанайской области два десятилетия устойчивой была тенденция снижения численности населения (1 226 740 чел.), в последние восемь лет эта цифра относительно стабильна и равна примерно

883 883 тыс. чел. (май 2017 г.) [7]. Государство пытается компенсировать утечку молодежи, направляя на Север молодежь из южных областей по программе «Серпін-2050» для получения ими высшего профессионального образования по государственным грантам, но это капля в море, и закрепляемость таких кадров невысока.

Мощная эмиграция «вымыла» из Казахстана в почти 2 млн чел. (11% населения) и поставила перед руководством республики новую задачу: выработать демографическую политику по стимулированию рождаемости и реализовать программу репатриации этнических казахов в Атамекен (на землю предков). Это удалось: рождаемость с 1999 г. неуклонно повышалась и в последние три года находится в районе 375–400 тыс. рождений в год [9]. Казахи-репатрианты в течение последних десятилетий по государственной программе «Нурлы кош» активно привлекались на родину. Им был дан статус оралмана (возвращенца на историческую родину) со всеми привилегиями: выдача земельных участков под строительство жилья, выделение квартир многодетным, льготы на обучение детей в высших учебных заведениях и т. д. Сегодня каждый двенадцатый казах в РК — оралман. Вследствие такой протекционистской политики Казахстан наряду с Германией и Израилем превратился в успешное государство-реципиент, с 1991 г. приняв и обустроив около 1 млн этнических казахов (точнее, 957 772 чел., или 261 104 семьи — на 1 января 2016 г.). Как правило, страны их выхода — Узбекистан (61,6%), Китай (14,2%), Монголия (9,2%), Туркменистан (6,8%), Россия (4,6%) [10].

За счет постоянной иммиграции оралманов и повышения рождаемости (с 2003 г.) неуклонно повышался удельный вес казахов в структуре населения республики. К 1999 г. из 14 областей республики только в пяти областях русское население численно доминировало над казахским. Это были северные Акмолинская, Костанайская, Павлодарская области, а также Восточно-Казахстанская и Карагандинская области. На сегодняшний день в Костанайской области достигнут примерный паритет с небольшим перевесом русского населения, хотя в городах Костанай и Рудный русские все еще составляют абсолютное большинство.

Единственная область в РК, где русские все еще существенно численно превышают казахов, — это приграничная с РФ Северо-Казахстанская область. Как видно из данных табл. 1 и 2, на начало 2016 г. в Костанайской области доля русских составила 41,5% (по республике — 20,6%), казахов — 39,7% (по республике — 66,48%). В Северо-Казахстанской области доля казахов почти вдвое ниже, чем в среднем по республике: 36,49%; доля русских более чем в два раза выше, чем по республике, — 49,76% [11]. Самый высокий индекс старения в Казахстане именно в Северо-Казахстанской области (53,1) и затем — в Костанайской области (51,1) [12].

Как правило, славянская молодежь (да и часть просто русскоязычной молодежи) после окончания школы нацелена получать высшее образование в РФ по причине более привлекательной ценовой политики в об-

ласти услуг, более широкого спектра специальностей и предоставления бюджетных мест, близости крупных российских городских центров — городов-миллионников с их «продвинутым» образом жизни. В 2015 г. в России обучались почти 39 тыс. казахстанцев [13]. И в том же 2015 г. около четверти выпускников школ Костанайской области выехали за пределы Казахстана. Выпускники школ, не набрав на ЕНТ одного или нескольких баллов до порогового уровня, поступали на платной основе, в частности, в вузы РФ и КНР. Социально значимые проблемы тоже имеют свое «этническое» лицо: у русских — геронтологического плана (размер пенсии, коммунальные платежи, квалифицированный уход и медицинское обслуживание престарелых и т. д.), у казахов — жилищная проблема, медицина (родовспоможение, педиатрия), нехватка мест в детских учреждениях, получение банковских кредитов на образование и жилье. Численность населения страны на 1 мая 2017 г. составила 17 994,2 тыс. чел., 57,5% — городское население [14].

Исходя из вышеизложенного следует, что тенденция возрастания доли казахского населения в структуре населения РК продолжится, просто может немного замедлиться, потому что резервы иммиграции репатриантов невелики: вероятность переезда представителей крупных казахских сообществ в Китае, России и Турции в РК маловероятна. Численность русских и славян будет сокращаться вследствие низкой рождаемости и эмиграции наиболее трудоспособных групп населения. Даже если в письменности казахов кириллицу сменит латиница, усилия руководства страны будут направлены на сохранение русского языка и русского мира как портала, выхода к мощной культуре и цивилизационным достижениям. На сегодняшний день большинство в контингенте групп и классов с русским языком обучения детских садов и школ составляют не русские, а дети казахской национальности.

Литература

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. — М.: Госстатиздат, 1962.
2. Национальный состав населения РК. Т. 1. Итоги переписи населения 1999 г. в РК: стат. сб. / под ред. А. Смаилова. — Алматы, 2000. — 199 с.
3. Национальный состав, вероисповедание и владение языками в Республике Казахстан. Итоги национальной переписи населения 2009 года в Республике Казахстан: стат. сб. / под ред. А.А. Смаилова. — Астана, 2010. — 297 с. — С. 7.
4. Шахаман З. Б. Социально-демографические процессы в Северном Казахстане в 1959–1989 гг.: автореф. на соискание уч. ст. канд. истор. наук. — Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК, 2002. — 30 с.
5. Шахаман З. Б. Социально-демографические процессы в Северном Казахстане в 1959–1989 гг. Дис... на соискание уч. ст. канд. истор. наук. — Алматы: Ин-т истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова МОН РК, 2002.

6. Составлено по: Целинный край. Краткие очерки о природе, населении и хозяйстве / общ. научн. ред. акад. Н. П. Пальгова. — Алма-Ата: Казахстан, 1962. — С. 44; данные за 1970–1999 гг. — Национальный состав населения РК // Итоги переписи населения 1999 г. в РК: стат. сб. В 3 т. / под ред. А. А. Смаилова. — Астана, 2000. — 199 с.; Т. 1. С. 132; данные за 2009 г. — Итоги национальной переписи населения РК 2009 г. Т. 2: стат. сб. / под ред. А. А. Смаилова. — Астана, 2011. — 148 с. С. 3; данные за 2016 г. — Национальный состав Казахстана и Костанайской области на начало 2016 года (в %) — сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afzLoop=3631110645078836#%40%3F_
 7. Костанайская область. Итоги национальной переписи населения РК 2009 г. Т. 2: Стат. сб. / под ред. А. А. Смаилова. — Астана, 2011. — 148 с. С. 4; данные за 2017 г.: Социально-экономическое развитие Костанайской области, 2017 год. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/kostanay/reg_main/regSocial?_afzLoop=1180931862672887#%40%3F_afzLoop%3D1180931862672887%26_adf.ctrl-state%3D19kmcgm76g_51
 8. Расчет по данным: Всесоюзная перепись населения СССР 1959 г. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп-weekly. Приложения. Эл. журнал Института демографии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». — № 703–704. — 31 октября — 13 ноября. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php
 9. Основные социально-экономические показатели Республики Казахстан. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli?_afzLoop=1097168036814547#%40%3F_afzLoop%3D1097168036814547%26_adf.ctrl-state%3Dly7sancgr_173
 10. За годы независимости в РК мигрировало около 1 млн этнических казахов. Новости Костаная и области. Международное информационное агентство Kazinform. URL: <http://www.inform.kz/ru/25-09-20161812>
 11. Об уточненной численности РК на начало 2016 г. — сайт Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: [http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afzLoop=5006123486445866#%40%3F_afzLoop%3D5006123486445866%26_adf.ctrl-state%3Dboxj8wg3b_\(30-07.10.2016\)](http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afzLoop=5006123486445866#%40%3F_afzLoop%3D5006123486445866%26_adf.ctrl-state%3Dboxj8wg3b_(30-07.10.2016))
 12. Индекс старения в регионах Республики Казахстан. Экспресс-информация № 37-7/342 от 28 сентября 2016 г. Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afzLoop=1178635007059269#%40%3F_afzLoop%3D1178635007059269%26_adf.ctrl-state%3Dpt3qylcc5_54
 13. Шуленова Л. Шанс повторно сдать ЕНТ теперь есть! // Костанай-АГРО. — 31 марта 2016. URL: <http://kagro.kz/stati/vypuski-gazety/11-325/shans-povtorno-sdat-ent-teper-est.html>
 14. О демографической ситуации в Республике Казахстан за январь–апрель 2017 года. URL: <https://www.zakon.kz/4862327-o-demograficheskoi-situacii-v.html#>
1. Itogi Vsesojuznoj perepisi naselenija 1959 goda. — М.: Gosstatizdat, 1962.
 2. Nacional'nyj sostav naselenija RK. Т. 1. Itogi perepisi naselenija 1999g. v RK: stat. sb. pod / red. A. Smailova. — Almaty, 2000. — 199 s.

3. Nacional'nyj sostav, veroispovedanie i vladenie jazykami v Respublike Kazahstan Itogi nacional'noj perepisi naselenija 2009 goda v Respublike Kazahstan: stat. sb. / pod red. A. A. Smailova. — Astana, 2010. — 297 s. — S. 7.
4. *Shahaman Z. B.* Social'no-demograficheskie processy v Severnom Kazahstane v 1959–1989 gg. — Avtoreferat na soiskanie uch. st. k.i.n. — Almaty: In-t istorii i jetnologii im. Ch. Ch. Valihanova MON RK, 2002. — 30 s.
5. *Shahaman Z. B.* Social'no-demograficheskie processy v Severnom Kazahstane v 1959–1989 gg. — rukopis' dissertacii na soiskanie uch. st. k.i.n. — Almaty: In-t istorii i jetnologii im. Ch. Ch. Valihanova MON RK, 2002.
6. Sostavleno po: Celinnyj kraj. Kratkie ocherki o prirode, naselenii i hozjajstve / obshhaja nauchn. red. akad. N. P. Pal'gova. — Alma-Ata: Kazahstan, 1962. — S. 44; dannye za 1970–1999 gg. — Nacional'nyj sostav naselenija RK // Itogi perepisi naselenija 1999 g. v RK: stat. sb. V 3-h t. / pod red. A. A. Smailova. — Astana, 2000. — 199 s. T. 1, s. 132; dannye za 2009 g. Itogi nacional'noj perepisi naselenija RK 2009 g. T. 2: stat. sb. / pod red. A. A. Smailova. — Astana, 2011. — 148 s. — S. 3; dannye za 2016 g. — Nacional'nyj sostav Kazahstana i Kostanajskoj oblasti na nachalo 2016 goda (v %). — Sajt Komiteta po statistike Ministerstva nacional'noj jekonomiki RK. URL: http://stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afLoop=3631110645078836#%40%3F
7. Kostanajskaja oblast'. Itogi nacional'noj perepisi naselenija RK 2009 g. T. 2: stat. sb. / pod red. A. A. Smailova. — Astana, 2011. — 148 s. — S. 4; dannye za 2017 g.: social'no-jekonomicheskoe razvitie Kostanajskoj oblasti, 2017 god. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/kostanay/reg_main/regSocial?_afLoop=1180931862672887#%40%3F_afLoop%3D1180931862672887%26_adf.ctrl-state%3D19kmcgm76g_51
8. Raschet po dannym: Vsesojuznaja perepis' naselenija SSSR 1959 g. Nacional'nyj sostav naselenija po respublikam SSSR // Demoskop-weekly. Prilozhenija. Jel. zhurnal Instituta demografii Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaja shkola jekonomiki». — № 703–704. — 31 oktjabrja — 13 nojabrja. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php
9. Osnovnye social'no-jekonomicheskie pokazateli Respubliki Kazahstan. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli?_afLoop=1097168036814547#%40%3F_afLoop%3D1097168036814547%26_adf.ctrl-state%3Dly7sancgr_173
10. Za gody nezavisimosti v RK migrirovalo okolo 1 mln jetnicheskikh kazahov. Novosti Kostanaja i oblasti Mezhdunarodnoe informacionnoe agentstvo Kazinform. URL: <http://www.inform.kz/ru/-09-2016 18:12>
11. Ob utochnennoj chislennosti RK na nachalo 2016 g. — Sajt komiteta po statistike Ministerstva nacional'noj jekonomiki RK. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afLoop=5006123486445866#%40%3F_afLoop%3D5006123486445866%26_adf.ctrl-state%3Dboxj8wg3b_30 — 7 oktjabrja 2016
12. Indeks starenija v regionah Respubliki Kazahstan. Jekspress-informacija № 37-7/342 ot 28 sentjabrja 2016 g. Komiteta po statistike Ministerstva nacional'noj jekonomiki RK. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/wcnav_externalId/homeNumbersPopulation?_afLoop=1178635007059269#%40%3F_afLoop%3D1178635007059269%26_adf.ctrl-state%3Dpt3qylcc5_54

13. *Shulenova L.* Shans povtorno sdat' ENT teper' est! — Kostanaj-AGRO. — 31 marta 2016. URL: <http://kagro.kz/stati/vypuski-gazety/11-325/shans-povtorno-sdat-ent-teper-est.html>
14. O demograficheskoy situacii v Respublike Kazahstan za janvar' -aprel' 2017 goda. URL: <https://www.zakon.kz/4862327-o-demograficheskoy-situacii-v.html#>

*Щукина А. С.,
канд. геогр. наук, доцент
Тверской государственной университет
(Тверь, Россия)*

Особенности географических исследований демографических процессов

Аннотация

Представлены результаты исследования демографических процессов на внутри-региональном уровне (в том числе по 298 сельским поселениям), которые позволяют прогнозировать развитие сельской поселенческой сети Тверской области.

Ключевые слова: территориальные различия, демографические процессы, типы демографической ситуации

JEL код: J10

*Shchukina A. S.,
candidate of geographical sciences,
associate professor, Tver State University
(Russia, Tver)*

Peculiarities of geographical research of demographic processes

Abstract

The results of the research of demographic processors at the intraregional level are presented (including 298 rural settlements), which allow us to forecast the development of rural settlement network of the Tver region.

Key words: territorial differences, demographic processes, types demographics

JEL code: J10

Особую практическую значимость демографические исследования имеют в регионах с наиболее сложной ситуацией, когда на депопуляционные процессы накладывается миграционный отток населения. Тверская область давно является одним из самых проблемных регионов страны, пространственное развитие которой тесно связано с демографическими процессами. Сокращение численности сельского населения определило значительные изменения в сельской поселенческой сети области. Во-первых, произошло сокращение сельских населенных пунктов (СНП) за последние 60 лет на одну треть с 14 354 СНП до 9532 СНП, при этом

2230 СНП (23,4%) из них не имеют постоянного населения. Во-вторых, наблюдается процесс почти абсолютного измельчения сельской поселенческой сети. В каждом четвертом населенном пункте менее 10 жителей.

Географов интересуют территориальные особенности демографических процессов, факторы, определяющие эти особенности и проявление их в системе расселения. Поэтому они часто в своих исследованиях переходят на внутрирегиональный уровень — муниципальных районов и сельских поселений.

Значительная внутрирегиональная дифференциация показателей рождаемости и смертности связана со сложившимися в течение десятилетий под влиянием миграционных процессов различиями в возрастной структуре населения. Общий показатель рождаемости сельского населения в 2015 г. варьировал от 6,5 до 13,2‰, смертности — от 33,9 до 14,4‰. В отличие от естественной убыли, наблюдающейся во всех сельских районах, положительное сальдо миграции было зафиксировано в каждом третьем районе. При этом пространственная картина показателей естественного и миграционного движения совпадает. Лучшие результаты характерны для районов юго-восточной части области, примыкающей к Москве, и районов, расположенных вдоль полимагистрали Москва — Санкт-Петербург (табл. 1).

Таблица 1

Параметры порайонных различий в основных показателях естественного движения сельского населения Тверской области, 2015 г., ‰

Показатели	В среднем по области	Максимальное значение	Минимальное значение	Размах вариации	
				абсолютный	относительный (макс./мин.)
Рождаемость	9,3	13,2	6,5	6,7	2,0
Смертность	19,5	33,9	14,4	19,5	2,6
Естественная убыль	-10,2	-25,7	-5,2	20,5	5,0

Источник: Естественное движение населения Тверской области в 2014 году. — Тверь, 2016.

Новые информационные возможности (база данных «Показатели муниципальных образований») впервые были использованы для анализа демографических процессов на уровне 298 сельских поселений Тверской области. Типы демографической ситуации были выделены на основе четырех рассчитанных показателей — динамики численности населения, коэффициента депопуляции (соотношение числа умерших и родившихся), коэффициента миграционного состояния (соотношение числа выехавших и прибывших) и доли лиц старше трудоспособного возраста. В связи с варьированием показателей по годам коэффициенты депопуляции и миграционного состояния получены путем деления данных за три года. На основе комплексной оценки были выделены четыре типа

сельских районов — с относительно благоприятной, неблагоприятной, кризисной и сверхкризисной демографической ситуацией (табл. 2).

Таблица 2

Демографическая ситуация в сельских поселениях Тверской области

	Типы демографической ситуации			
	относительно благоприятная	неблагоприятная	кризисная	сверхкризисная
Количество СП	20	162	109	7
Доля СП, в %	6,7	54,4	36,6	2,3

К факторам, дифференцирующим внутрирайонную демографическую ситуацию, относятся размеры и конфигурация территории сельских поселений, структура сельской поселенческой сети, экономико-географическое положение сельских поселений, прежде всего расстояние до районного и областного центров, транспортная доступность и т. д.

Bamidele Emmanuel Ola,

Master program in population and development

National Research University

Higher School of Economics

(Moscow, Russian Federation)

Inter-regional comparison of intimate partner violence (IPV) prevalence and its relative risk factors among women in Nigeria

Abstract

Intimate Partner Violence (IPV) is a major global public health problem and much prevalent in Africa, second only to South East Asia and WHO-Eastern Mediterranean Region (WHO, 2015). IPV constitutes a major set-back in the advancement of women's general wellbeing, undermines their fundamental human rights and generally conflicts with the 1st, 2nd, 3rd, 5th, 8th and 10th Sustainable Development Goals (SDGs) of the United Nations for 2015-2030 (UN, 2015). IPV refers to any form of violence perpetrated by either sex against a partner in an intimate relationship; it is usually measured using four, sometimes overlapping, indicators: physical violence (severe or less severe — slapping, kicking, beating, choking, burning, etc.), sexual violence (forced sexual acts or intercourse, etc.), emotional violence (threatening or humiliation, etc.) and controlling behavior (restricting movements and freedom of communication or association with others, etc.). Sadly, IPV is much prevalent in Nigeria, the most populous country in Africa with over 250 ethnic groups, strategically arranged into six administrative regions called geo-political zones (GPZs, for short). One thing is observable: attitude towards IPV and actual forms IPV prevalent seem to vary widely across the GPZs (NPC, 2003, 2008, 2014). However, most studies on IPV in Nigeria seem to have concentrated on estimating either national averages of IPV or some disjointed separate intra/inter-community levels, very little is known about the interregional specific dimensions and forms of IPV in Nigeria. I opine that such knowledge is needed for both academic and targeted policy-making decisions. In addition, I find more lacuna in knowledge: hardly any study exist on the possible role of spousal relative

status (measured here as spousal relative income) on IPV prevalence; also on possible relationship between attitude towards wife beating and the actual prevalence of IPV in Nigeria — most studies have hitherto focused solely on either attitude towards IPV (usually measured as acceptance of wife beating as justified) and its associated factors on the one hand, or, on actual prevalence of IPV and its possibly associated factors, on the other hand — it is difficult to find a study testing for possible relationship(s) between people's attitudes towards IPV and its actual prevalence among currently available literature on IPV in Nigeria. To this end, this paper attempts to bridge this lacuna in knowledge by asking specifically where, how, what forms and to what extent is IPV prevalent within and across each of the six geo-political zones in Nigeria? What are the spousal personal and relative socio-cultural, demographic and economic factors predisposing women aged 15–49 years to IPV exposure in Nigeria? And, what can be done to ameliorate the current prevalence of IPV against women in Nigeria?

To answer these fundamental questions, I employed the female version of the nationally representative 2013 Nigerian Demographic and Health Survey (NDHS) conducted by Nigerian National Population Commission (NPC) and ICF Macro and sponsored by the United States Agency for International Development (USAID). The 2013 NDHS microdata involved a total sample of 38,948 women aged 15–49 randomly selected across all the 6 GPZs. Among these, a subsample of 27,634 (71,0%) women successfully participated in the domestic violence module (one woman randomly selected per household), among whom 22,305 (80,7%) were ever-married.. Privacy was secured in all interviews; after informed consent had been elicited. Research instrument employed was an interviewer-administered questionnaire — a simplified and modified version of Strauss (1990) Tactic Conflict Scale (NPC and ICF Macro, 2014).

Key words: Intimate Partner Violence (IPV), Spousal Relative Income, Attitude Towards Wife Beating, Wife Beating Justification, Violence Against Women (VAW), Relative Risk Factors, Geo-Political Zones, Nigeria

JEL code: J10

I fitted five (5) binary logistic regression models and the results are presented in Odds Ratios. Mean age of the women stood at 29,2 years (standard deviation of 9,35), 60% and 40% of the women resided in rural and urban areas respectively; 24,13% from North West, 16,16% North East, 16,3% North Central, 16,2% South West, 15,78% South South, and 11,36% South East. By religious affiliation, 47% belonged to Islamic religious group, 41,3% to Other Christians (Protestants), 10,4% Catholic, 1,0% Traditionalist. I found that IPV is prevalent across all regions in Nigeria — in all, 25,8% of the women reported to have ever suffered from one form of IPV in an intimate relationship. On forms and prevalence of IPV across regions: emotional IPV is most reported and highest in South East Nigeria (28,85%), least in North West (7.2%), next prevalent is physical violence — less severe and severe are highest in South South GPZ (25,5% and 15,64%, respectively), but least in North West (3,95% and 0.89%, respectively), then, lastly, sexual violence is most prevalent in North East GPZ (15,24%) and least in North West (1,1%).

Multivariate regression analysis results show that women who earn income as husband/partner were less likely to be exposed to IPV¹ (OR 0.706, CI

¹ IPV employed for regression analysis involved the “Less Severe Violence”.

0.566 – 0.882, p-value 0.01) compared to their counterparts who earn less than husband/partner. Surprisingly, women who earn income more than husband were more likely to suffer from IPV (OR 1.248, CI 1.025 – 1.520, p-value 0.05), than women who earn less than husband in Nigeria. Likewise, attitude towards IPV is significant: women who agree that IPV is “Very justified” (OR 1.739, CI 1.524 – 1.985, p-value 0.000) or “Somewhat justified” (OR 1.646, CI 1.433 – 1.889, p-value 0.000) are more likely to be exposed to IPV than their counterparts who have “zero tolerance ” for IPV by refusing to justify it for any reason. More so, I found that that women who belong to Islam religion¹ have least likelihood (OR 0.248, CI 0.219 – 0.281, p-value 0.0000) of IPV exposure than women in any other religious group, but this should be viewed with caution. Similarly, women in rural areas (OR 0.820, CI 0.717 – 0.937, p-value 0.01) have higher likelihood of IPV exposure than women in urban areas, women with primary education (OR 1.653, CI 1.386 – 1.972, p-value 0.000) and women with secondary education (OR 1.580, CI 1.303-1.917, p-value 0.000) are more likely to experience IPV than their counterparts with no formal education; women whose husband has only primary education (OR 1.534, CI 1.266 – 1.860, p-value 0.000) or Secondary education (1.387, CI 1.140 – 1.688, p-value 0.000) have higher likelihood of experience IPV than women whose husbands/partners have no formal education; women’s whose husband consume alcohol were (OR 3.606, CI 1.266 – 1.860, p-value 0.000) in polygynous union (OR 1.172, CI 1.031 – 1.332, p-value 0.05).were more likely to be exposed to IPV than women whose husband do not take alcohol and are in monogamous unions, respectively, IPV experience is higher among women aged 30–34 years (OR 2.329, CI 1.920 – 2.825, p-value 0.000) than women aged 15–19; and, finally, women who have two or more dependent children are (OR 1.8999, CI 1.471 – 2,452, p-value 0.000) more likely to experience IPV than their counterparts who have no children. I found no statistically significant relationship between women’s or husband’s higher educational attainment, wealth index on IPV exposure in Nigeria. In summary, IPV is prevalent in Nigeria, across the regions in different forms and varied levels of relative risk factors².

To this end, nationwide programs oriented towards achieving positive value reorientation on the female gender are needed across the geo-political zones. Alcohol consumption should also be discouraged.

¹ Majority of the women who profess to belong to the Islamic religious group are in North West Nigeria.

² Good Universities for Demography (URL: <http://classroom.synonym.com/good-universities-demography-12568.html>).

СЕССИЯ 2

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПОДХОДЫ, МЕТОДИКИ, РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ (ПАМЯТИ Д. И. ВАЛЕНТЕЯ)

*Калабихина И. Е.,
д-р экон. наук, профессор
зав. кафедрой народонаселения
МГУ имени М. В. Ломоносова
Экономический факультет
(Москва, Россия)*

Междисциплинарный подход в преподавании демографических дисциплин

Ключевые слова: демография, высшее образование, междисциплинарный
подход

JEL код: J10

*Kalabikhina I. E.,
Professor, Head of Population Dep.
Lomonosov Moscow State University
Economics Faculty
(Moscow, Russia)*

Multidisciplinary approach in the teaching of demographic disciplines

Key words: demography, higher education, multidisciplinary approach

Демография — одна из наук с высоким потенциалом для проведения междисциплинарных исследований. Это обстоятельство должно отражаться и в учебном процессе, реализуемом на высших ступенях образования, где возможно и необходимо внедрение научных результатов

в образовательный процесс. Принцип междисциплинарности приветствуется и в международных стратегических документах о высшем образовании [1].

Связь науки и образования является базисом для реализации междисциплинарности в образовании. В противном случае мы получим набор курсов из разных наук, возложив на слушателей задачу соединения их в одно целое научное мировоззрение. Междисциплинарность обычно реализуется в решении конкретной исследовательской задачи.

Принцип междисциплинарности не только органичен для демографии, но и является способом сохранения и развития университетских школ в современном мире. В чистом виде существует не так много демографических программ, зачастую они сливаются со смежными отраслями — экономикой, биологией, социологией или географией.

Например, важным плюсом зарубежной магистратуры и аспирантуры является возможность включаться в исследовательские проекты научных центров, кооперирующихся с программами магистратуры и аспирантуры, большую часть времени студенты находятся в процессе выполнения различных проектов и собственных исследований. Несколько примеров ведущих вузов США, предоставляющих возможность учиться в магистратуре или аспирантуре по демографии и смежным дисциплинам (демография и здоровье, социальная демография, старение населения, миграционные исследования, прикладная демография, исследования домохозяйств, благосостояния социально-демографических групп), сотрудничающих со своими «кампусными» центрами по изучению населения: University of Pennsylvania (Population Studies Center, Population Aging Research Center), University of California Berkeley (The Center on the Economics and Demography of Aging, Berkeley Population Center), Bowling Green State University (Center for Family and Demographic Research, National Center for Family and Marriage Research), Princeton University (The Center for Migration and Development, Center for Research on Child Wellbeing, The Center for Health and Wellbeing)¹.

Методики внедрения междисциплинарного подхода в демографии, реализованные в настоящее время на экономическом факультете МГУ, представлены на схеме 1. Подробно данные методики описаны в [2].

Однако междисциплинарность в образовательных программах содержит в себе подводные камни: непонимание «языка», методов «другой» науки; ограниченность времени на постижение нескольких наук, а затем их синтеза в рамках формального курса. Этим объясняется скудное пока еще количество наработанных междисциплинарных образовательных

¹ Наиболее общее определение междисциплинарности: под междисциплинарным подходом к изучению определенного объекта понимается взаимодействие нескольких научных дисциплин при изучении данного объекта. См., например: [3, с. 4–21].

продуктов. Особенно остро чувствуется ограниченность времени длительности курса при планировании семинарских занятий, поскольку семинарист обязан, кроме обсуждения новых тем и задач, заниматься промежуточным контролем.

Бакалавриат	<ul style="list-style-type: none"> • Междисциплинарные темы и модули в основном курсе лекций • Междисциплинарные кейсы на семинаре основного курса • Междисциплинарные курсы по выбору и факультативы • Межфакультетские курсы (МФК)
Магистратура	<ul style="list-style-type: none"> • Трек/Программа с демографическим ядром и междисциплинарными «ветками» • Палитра инструментальных междисциплинарных мастер-классов и занятий в научном семинаре и акцент на анализе данных • Практики в междисциплинарных областях • Возможность слушать несколько курсов других программ и факультетов (МФК) • Включение студентов в междисциплинарные исследовательские и прикладные проекты
Аспирантура	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка междисциплинарных демографических семинаров для аспирантов-недемографов • Делегирование аспирантов-демографов на недемографические семинары • Научные группы по междисциплинарным исследованиям

Схема 1. Методики внедрения междисциплинарного подхода в демографии, реализованные на экономическом факультете МГУ

Источник: составлено автором

Дискуссии о возможных границах и пользе междисциплинарности, полидисциплинарности, наддисциплинарности связаны с рассуждениями о границах дисциплин и предметах конкретных наук, о парадигме научного знания, об институционализации научных сообществ [3]. Для демографии эти дискуссии до настоящего времени остры. Мы хотели также обсудить в рамках указанной темы и практические дискуссионные вопросы. Как преодолеть отсутствие синтеза в наборе курсов разных дисциплин в рамках одной междисциплинарной программы? Как выгадывать время для междисциплинарных тем в рамках жестко ограниченных размеров курсов? Ограничивается ли междисциплинарность только использованием методов «другой» науки в демографии (например, гравитационные модели миграции) или демографических методов в «других» науках (например, применение стабильного (стационарного) населения и функциональных прогнозов в задачах планирования на уровне государственных решений и бизнес-задач, метод APC-анализа

(age-parity-cohort analysis) о поколенческих эффектах в динамике продаж страховых продуктов, в продуктивности исследователей)? Каковы перспективы междисциплинарности в бакалавриате? Упрощают ли дистанционные технологии развитие междисциплинарности?

Литература

1. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры. Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. — Париж, 5–9 октября 1998 г.
 2. *Калабихина И. Е.* Междисциплинарный подход в преподавании демографии в вузах // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. — 2017. — № 1. — С. 169–173.
 3. «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции. Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / отв. ред. Г. Г. Ершова, Е. А. Долгова. — М.: Совпадение, 2012.
1. Vsemirnaja deklaracija o vysshem obrazovanii dlja XXI veka: podhody i prakticheskie mery. Organizacija Ob#edinennyh Nacij po voprosam obrazovanija, nauki i kul'tury. — Parizh, 5–9 oktjabrja 1998 g.
 2. *Kalabihina I. E.* Mezhdisciplinarnyj podhod v prepodavanii demografii v vuzah // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 6: Jekonomika. — 2017. — № 1. — S. 169–173.
 3. «Steny i mosty»: mezhdisciplinarnye podhody v istoricheskikh issledovanijah: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, RGGU, 13–14 ijunja 2012 g. / отв. red. G. G. Ershova, E. A. Dolgova. — M.: Sovpadenie, 2012.

*Михеева А. Р.,
д-р социол. наук, профессор
НГУ
Экономический факультет
(Новосибирск, Россия)*

Демография и социология семьи — поле междисциплинарного анализа

Ключевые слова: социология семьи, демография
JEL коды: J10, J12

Mikheeva A. R.

Demography and family sociology — a field for interdisciplinary analysis

Социальные институты брака, семьи, домохозяйства являются феноменами сферы частной жизни общества. Эти институты, а также вза-

имоотношения, взаимодействия включенных в них людей — женщин, мужчин, детей представляет собой объекты изучения многих социальных дисциплин. Это и философия, и антропология, и этнография, и микроэкономика (экономика домохозяйства), и история, и семейное право, и социальная психология, и социальная педагогика, и социальная работа. Это науки, которые изучают возникновение этих институтов, системы родства, уклады семейной жизни, узаконение семейных отношений, деятельность семьи/домохозяйства в сфере производства, потребления, быта, бюджеты семьи, поведение супругов, взрослых членов семьи, поведение детей и родителей, организацию помощи семьям, оказавшимся в трудных жизненных ситуациях, семейные обряды, обычаи, ритуалы в различных обществах, странах, а также их изменения с прошлых времен до наших дней.

Но среди многих дисциплин, изучающих брак и семью, две науки — социологию семьи и демографию, по-видимому, можно считать первостепенными в исследованиях трансформаций этих двух институтов (брака и семьи). Это следует из того, что, во-первых, основа институциональной сущности брака и семьи заключается в: а) физическом воспроизводстве новых поколений; б) их первичной социализации. Состояние и динамика этих институтирующих функций сказываются и на переменах во внутрисемейных структурах-отношениях: брачных, супружеских, детско-родительских, родственных. Во-вторых, сущностная близость социологии семьи и демографии следует из определения их предметов изучения:

- в рамках демографии изучаются закономерности формирования численности и состава населения — как результатов рождений и смертей, динамика показателей интенсивности этих событий во времени и в разных обществах;
- предметом социологии семьи является социальная обусловленность явлений, происходящих в брачной, супружеской, семейной жизни людей — на институциональном ли уровне или на уровне семьи как малой группы.

Но именно социология семьи изучает социальную обусловленность таких событий в жизни людей, как образование супружеской или брачной пары, рождение у нее детей, отношение к детям, уход за ними, внимание и забота о здоровье — своем и членов семьи сохранение здоровья и жизни — своей, детей, других членов семьи, и вообще — сохранение своей семьи. Но эти самые числа событий, изучаемых демографией, — браков, рождений, разводов, смертей — выступают как результаты демографического (семейного) поведения людей в частной сфере. В конце концов, эти числа и оказываются теми статистическими (макроуровневыми) показателями, которые характеризуют состояние и стабильность/нестабильность семьи как института возобновления поколений в обществе и в целом — его демографической сферы: численность населения,

состав по полу, возрасту, состоянию в браке, семейному и брачному положению, показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости и др. Но именно эти характеристики и закономерности их тенденций (роста, снижения, стабильности) являются предметами изучения демографии и социологии семьи [1, с. 7–16]. Так что практически одни и те же социальные процессы являются предметами изучения демографии и социологии семьи [8, с. 26–28].

Изменения, происходящие в институтах брака, семьи, были объектом социологического изучения практически на протяжении всего XX в. зарубежной и отечественной науки. Обширные материалы результатов социологических исследований семьи содержатся в работах В. Б. Голофаства, А. Г. Харчева, З. А. Янковой, Н. М. Римашевской, М. С. Мацковского, А. Г. Антонова, С. И. Голода, Т. А. Гурко и др. И практически в каждой обзорно-аналитической работе, в выводах по результатам эмпирических исследований констатируется, что семья как социальный феномен претерпевает кардинальные изменения, в основании которых лежит трансформация брачных, семейных ценностей, ценностей детей/ребенка, а также социальных норм, ориентаций, представлений.

Но и в работах демографов А. Г. Вишневского, А. Г. Волкова, Г. А. Бондарской, Л. Е. Дарского, С. В. Захарова, М. С. Тольца, А. А. Авдеева, О. Д. Захаровой, В. А. Борисова, А. Б. Синельникова и др. также исследуются закономерности социально-демографических изменений в обществе. И демографы также объясняют эти закономерности, демографические тенденции (рождаемости, брачности, разводимости) практически теми же самыми феноменами, т. е. процессами трансформации брачных, репродуктивных норм, ценностей, ориентаций в сфере брака и семьи.

Как видно, практически во всех исследованиях в рамках многих перечисленных выше и других научных дисциплин, изучающих семью XX — начала XXI в., источником объяснительных теоретических схем изменений семейных укладов, отношений, функций служат довольно схожие утверждения о том, что трансформации происходят в результате неких перемен в ценностно-нормативной структуре общества/группы/личности. Вот в этом сходстве структурных, объяснительных схем, их концептуальных составных частей в разных науках о семье, по-видимому, и проявляется междисциплинарность¹ исследований семьи. Но такая — результирующая — междисциплинарность имеет *формальный* характер, поскольку в интегральном, целостном знании о семье, причинах ее трансформаций обобщаются те результаты и выводы, которые были ранее получены и накоплены в разных (отдельных) научных дисциплинах о семье.

Онтологическую проблему интеграции именно социологического и демографического подходов как глубоко сущностных в исследованиях

¹ Researcher ID: Q-9323-2016.

семьи обозначил К. Дэвис в своей статье «Социология демографического поведения» [4, с. 343–371]. В этой работе отмечена необходимость специализации исследований, охватывающих весьма близкие предметные области. Например: а) демографическое изучение вопросов рождаемости более успешно могло бы сочетаться с социологическим изучением мнений, ориентаций, установок семьи в индустриальных и развивающихся обществах; б) анализ изменений численности населения в зависимости от социального и экономического состояния общества; в) изучение соотношения контингента рабочей силы с составом населения и социальной организацией общества; г) исследование семьи с точки зрения демографии.

Выделение этих четырех областей К. Дэвис объясняет рядом общих черт, но наиболее важными он считает, во-первых, то, что эти направления исследований «включают в себя сравнительный анализ различных обществ — в историческом плане, на современном этапе или же комбинированно. Все они имеют дело с двусторонним отношением между населением и социальной структурой; все они принимают во внимание мотивации и установки и тем не менее допускают использование демографических методов как одной из важнейших составных частей научного анализа» [4, с. 369]. Так что уже тогда, в 1950-е гг., было понятно, что изучение вопросов рождаемости как предмет демографии более успешно может сочетаться с социологическим изучением мнений, ориентаций, установок относительно числа детей и других аспектов жизнедеятельности семьи. И наоборот, социологи, разрабатывающие теорию семьи, как считал К. Дэвис, могли бы успешно пользоваться материалами, предоставленными в их распоряжение демографией и статистикой [4, с. 371]. В последующие годы — 1960-е, 1970-е, 1980-е гг. и до настоящего времени — именно в этих направлениях шли и идут социолого-демографические исследования «мнений о величине семьи», или, точнее, «мнений о числе детей в семье». Демографы во многих странах, включая СССР [6, с. 392–414], США, европейские страны, а потом и в азиатских странах, например, в Турции, проводили крупномасштабные обследования, нацеленные на выявления мнений о том или ином числе детей (идеальном, желаемом, планируемом). Социологи же своими методами проводили исследования этих же видов демографического поведения (брачного, репродуктивного, семейного), плюс еще «разводного», супружеского поведения [3, с. 34–96]. Такие исследования были нацелены на выявление причин, мотивов, факторов разводов, а также распространения незарегистрированных союзов, отказов от новорожденных детей, проблем социального сиротства и пр. Чаще всего такие исследования основываются на качественной, «понимающей» микроуровневой методологии — статистических данных для исследований этих феноменов практически нет. Тем не менее социологи — исследователи проблем современной

семьи в своих работах практически всегда используют как социально-демографические данные, так и социологические — материалы специальных исследований семьи и семейных отношений.

Выводы и результаты изучения семьи как в поле демографии, так и в поле социологии были и остаются противоречивыми. Демографы их обсуждают в терминах умеренности, толерантности (по отношению к «стабильному/стационарному/оптимальному» населению). Социологи, опирающиеся на системно-функциональный подход, считают положение в сфере семьи «деградацией», «продолжающимся кризисом» брака и семьи. Социологи, работающие в рамках этнометодологии, конструируют поведенческие модели и практики в сфере частной жизни как специфические «влечения», «желания» и пр., не придавая оценочный смысл индивидуальному действию (по Веберу).

Таким образом, дилемма специализации двух наук — социологии семьи и демографии, о которой писал К. Дэвис, нашла свое разрешение в современных исследованиях. Однако, как представляется, междисциплинарность этих работ имеет по-прежнему *формальный* характер. О *реальной* междисциплинарности можно рассуждать в отношении такого исследования, в котором сама его цель сформулирована как построение целостного представления об объекте изучения — семье, семейных отношениях (как индивидуальных действиях), т. е. исследовать семейные практики во взаимодействии с демографическими процессами (как базисных структурах). Предполагается, что такое целостное представление воплощается в конструкции исходной теоретической модели этого взаимодействия. Формирование структуры такого взаимодействия является не просто использованием или «накладыванием» социологических или демографических материалов, полученных в ходе параллельных исследований, а построение гомогенного (однородного) объекта исследования, который интегрирует рамки социологической и демографической наук. Изучение этого объекта ориентировано на получение знания в интересах предметного развития социологической науки, так как речь идет не о демографических закономерностях, а именно о трансформациях в одной из важнейших социальных структур — сфере частной жизни. Но поскольку в частной жизни происходят события, которые изменяют состояние демографической сферы общества, то становится весьма актуальным рассматривать социологические подходы к ее изучению.

Население, его численность и состав, или как теперь говорят — демографическая ситуация, стали неперенными «начальными» условиями практически всех социальных исследований. В начале XX в. (1909) Э. Дюркгейм, рассуждая о двух важнейших разновидностях «социальных фактов», выделяет «социально-морфологические факты» и «коллективные представления». Рассматривая *социально-морфологические факты*, он пишет: «Прежде всего, уместно исследовать общество в его внеш-

нем аспекте. Под этим углом зрения оно выступает как состоящее из массы людей, обладающей известной плотностью, расположенной на территории определенным образом, рассеянной по деревням или сконцентрированной в городах и т. д. Это территория, ее размеры, конфигурация, состав передвигающегося по ней населения — все это, естественно, важные факторы социальной жизни...» [5, с. 274–275]. «Социальные факты» такого рода — объективная надындивидуальная макроуровневая реальность, т. е. общество, существующее вне индивидов. Э. Дюркгейм, называя эти явления социально-морфологическими фактами, относит к ним весь комплекс структурно-вещественных (материальных) компонент социальной жизни: демографические параметры (рождаемость, смертность, половозрастная структура), миграционные потоки, процессы урбанизации и их последствия, территориальное распределение людских и материальных ресурсов, частоту социальных контактов [5, с. 276]. Методологически это означает, что те «социальные факты», которые отражены в материалах демографической статистики, в данных переписей населения, можно «рассматривать как вещи», изучать и анализировать математическими методами, выявлять устойчивые причинно-следственные связи и закономерности их изменений. Э. Дюркгейм считает, что социальная морфология как наука не должна ограничиваться описательным анализом, «она должна заниматься также и объяснением». В своей работе «Самоубийство» он досконально анализирует взаимосвязи поведения (девиантного) людей с их социальным статусом — полом, возрастом, брачным и семейным положением; причем анализ ведется на основе данных региональной и городской статистики.

К другой разновидности социальных фактов Дюркгейм относит «коллективные представления», т. е. факты особого рода, как бы «духовное» измерение общества, которое складывается из ментально-психологических фактов: в любом обществе «существует некоторое множество общих идей и чувств, которые передаются от поколения к поколению и обеспечивают одновременно единство и преемственность коллективной жизни. Таковы народные легенды, религиозные традиции, политические верования, язык и т. п.» [5, с. 190].

Междисциплинарный социолого-демографический анализ содержится и в трудах ученика и последователя Э. Дюркгейма Мориса Хальбвакса (1877–1945). Он, так же как и другие представители французской социологической школы, в своих исследованиях социальной реальности придавал «особое значение тому, что в обществе приобретает физический характер: площадь, численность населения, плотность, движение, количественные аспекты...» (цит. по: [9]). В своих работах М. Хальбвакс подчеркивает, что для установления значимых социальных отношений и их интерпретации недостаточно суммы индивидуальных случаев. Он предлагает следующую последовательность шагов для социологического

синтеза единичных фактов: 1) фиксация единичных фактов путем непрерывного наблюдения; 2) помещение их в социальные единства (институты, группы, представления, склонности); 3) помещение этих единств в более обширные единства (общества). В результате статистический материал может объяснить/описать социально значимые отношения, т. е. интерпретировать индивидуальные или групповые явления (феномены), в основе которых может быть субъективность. Этот логический поворот отражает глубокую сущность «социологического метода» М. Хальбвакса, предпринявшего очевидную попытку преодоления макро-, микродилеммы в социологии, а также объективности и субъективности социальной реальности [9, с. 155–180]. Идея «социального принуждения» Хальбвакса и тезис Дюркгейма о том, что люди не сами «творят» культурные формы, нормы и убеждения, а в своих индивидуальных поступках являются исполнителями «могущественной, онтологически суверенной общественной воли», являются едва ли не ключевыми для понимания процессов трансформации сферы частной жизни и демографической сферы общества.

Другим тезисом М. Хальбвакса, важным для понимания *реальной* междисциплинарности социологии семьи + демографии, является то, что необходимо придерживаться методического императива выявления множества причин (а не какой-то одной), которые определяют сложную социальную реальность современного общества. Эти идеи и ряд методических приемов, разработанные М. Хальбваксом в первой половине XX в., были использованы, развиты группой социологов во главе с П. Бурдьё в 1970–1990-х гг.

Таким образом, изучение и анализ объективных физических «социальных фактов», характеризующих население, Э. Дюркгейм, а потом и М. Хальбвакс относили к предмету науки «социальная морфология». При этом подчеркивали специфичность исследовательских методов, практически альтернативных демографическим, но и отличным от социологических. В дальнейшем состояние и характеристики населения рассматриваются социологами относительно изолированно от социологических проблем. Например, Ян Щепаньский называет такие явления, как рождаемость, естественный прирост, возрастание плотности населения, возрастной состав населения, «демографическими основами» общественной жизни наряду с биологическими, географическими, экономическими основами [10, с. 95–96]. Э. Гидденс пишет о народонаселении, о росте его численности как об одном из глобальных процессов, обуславливающих такие риски, как экологический кризис (состояние окружающей среды, глобальное потепление), нехватка продовольствия, ресурсов [2, с. 522–547]. При этом Э. Гидденс уделяет внимание теме демографического перехода, называя его «изменениями в соотношении рождений к смертям в индустриальных странах с XIX в.» [2, с. 525], но

не углубляется в сущностные социологические аспекты этой теории и не называет демографический переход глобальным явлением.

Здесь важно отметить, что, к сожалению, многие исследователи-социологи, как и Гидденс, рассматривая гендерные отношения, институты семьи, брака, не связывают трансформации в этих социальных феноменах (практиках, нормативности, ориентациях, предпочтениях, предрасположенностях и т. д.) с теми процессами, которые происходят в демографической сфере общества, в населении. То есть для них, по-видимому, пока остаются без внимания идеи К. Дэвиса о целесообразности взаимосвязанного социологического и демографического исследования тех сфер социальной реальности, в которых проявляются социально-морфологические факты (по Дюркгейму и др.), а также соответствующие им индивидуальные практики, действия, поведение людей в приватной сфере и виды отношений (по Веберу и др.).

Литература

1. *Волков А. Г., Вишневецкий А. Г.* Демографические процессы и социально-экономическое развитие // *Воспроизводство населения СССР* / под ред. А. Г. Волкова, А. Г. Вишневецкого. — М.: Финансы и статистика, 1983. — 303 с., ил.
2. *Гидденс Э.* (при участии *Бердсолл К.*). Социология / пер. с англ. — Изд. 2-е, полностью перераб. и доп. — М.: Едиториал УРСС, 2005. — 632 с.
3. *Голод С. И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. — Ленинград: Наука, 1984. — 136 с.
4. *Дэвис К.* Социология демографического поведения // *Социология сегодня. Проблемы и перспективы*: пер. с англ. — М.: Прогресс, 1965. — 684 с.
5. *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение: пер. с франц.; сост., послесл. и прим. А. Б. Гофман. — М.: Канон, 1995. — 349 с.
6. *Захарова О. Д.* Исследования демографических процессов и детерминация рождаемости (Глава 20) // *Социология в России* / ред. В. А. Ядов. — М., 1999.
7. *Мирский Э. М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. — М., 1980.
8. *Михеева А. Р.* Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. — 156 с.
9. *Хальбвакс М.* Индивидуальное сознание и коллективный разум // *Социальные классы и морфология*: пер. с франц. А. Т. Бикбова, Н. А. Шматко. — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2000. — С. 155–168.
10. *Шепаньский Я.* Элементарные понятия социологии / пер. с польск. В. Ф. Чесноковой. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1967. — 248 с.
11. *Stoetzel J.* Sociology and Demography // *Population-E.* — 2006. — Vol. 61. — No. 1–2. — P. 19–38.

1. Volkov A. G., Vishnevskij A. G. Demograficheskie processy i social'no-jekonomicheskoe razvitiye. V kn. Vosproizvodstvo naselenija SSSR / pod red. A. G. Volkova, A. G. Vishnevskogo. — M.: Finansy i statistika, 1983. — 303 s., il.
2. Giddens Je. (pri uchastii Berdsoill K.). Sociologija / per. s angl. Izd. 2-e, polnost'ju pererab. i dop. — M.: Editorial URSS, 2005. — 632 s.
3. Golod S. I. Stabil'nost' sem'i: sociologicheskij i demograficheskij aspekty. — Leningrad: Nauka, 1984. — 136 s.
4. Djevis K. Sociologija demograficheskogo povedenija // Sociologija segodnja. Problemy i perspektivy: per. s angl. — M.: Progress. 1965. — 684 s.
5. Djurkgejm Je. Sociologija. Ejo predmet, metod, prednaznachenie: per. s franc. / sostavlenie, posleslovie i primechanie A. B. Gofman. — M.: Kanon, 1995. — 349 s.
6. Zaharova O. D. Issledovanija demograficheskikh processov i determinacija rozhdajemosti (Glava 20). V kn.: Sociologija v Rossii / red. V. A. Jadov. — M., 1999.
7. Mirskij Je. M. Mezhdisciplinarnye issledovanija i disciplinarnaja organizacija nauki. — M., 1980.
8. Miheeva A. R. Chelovek v sfere chastnoj zhizni: vektory transformacii semejnyh otnoshenij. — Novosibirsk: IJeOPP SO RAN. 2012. — 156 s.
9. Hal'bvaks M. Individual'noe soznanie i kollektivnyj razum // Social'nye klassy i morfologija: per. s franc. A. T. Bikbova, N. A. Shmatko. — M.: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb.: Aletejja, 2000. — S. 155–168.
10. Shhepan'skij Jan. Jelementarnye ponjatija sociologii / per. s pol'sk. V. F. Chesnokovoj. — Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1967. — 248 s.

Сахвадзе А. Ш.,
канд. экон. наук, ассоц. профессор
ТГУ имени И. Джавахишвили
Факультет социальных
и политических наук
(Тбилиси, Грузия)

Демографическое образование и изучение народонаселения в университетах Грузии

Аннотация

В статье представлен краткий обзор изучения демографии и вопросов народонаселения в университетах Грузии. Отмечено, какие работы проводятся в стране для формирования полного цикла (бакалавриат, магистратура, докторантура) обучения демографии. Дана характеристика той «антидемографической» реформе, которая в течение девяти лет правления «национального движения» существенно препятствовала как развитию демографической науки в стране, так и в целом демографическому образованию широких масс населения. Представлены проведенные нынешним правительством мероприятия по решению острейших демографических проблем Грузии. Приводится характеристика существующей ныне в стране демографической инфраструктуры, а также публикации, которые, несомненно, положительно отразятся как на развитии демографического образования, так и на разработке

и, что самое главное, на реализации демографической политики, направленной на решение демографических проблем.

Ключевые слова: демографическое образование, университет

JEL код: J10

*Sakhvadze A. Sh.,
Ph.D., Professor TSU
Faculty of social and political sciences
(Tbilisi, Georgia)*

Demographic education and population study at the universities of Georgia

Abstract

The paper reviews study of demography and population issues in the universities of Georgia. The author mentions activities carried out in the country in order to from a full cycle of demography study (bachelor's degree program, master's degree program, doctoral program), examines "antidemographic" reform which took place during the nine-year period of "National movement's" rule in Georgia and considerably impeded both the development of demography as science and demographic education of great masses of population. The paper notes present Georgian government's activities aimed at resolving the most acute demographic issues, describes available demographic infrastructure in the country and publication which will undoubtedly greatly contribute to the development of demographic education as well as to the elaboration and implementation of demographic policy aimed at solving demographic problems.

Key words: demographic education, university

JEL code: J10

На современном этапе развития общества острота демографических проблем привлекает внимание все большего числа людей. Но часто к этим проблемам проявляется и упрощенное отношение, будто в них нет ничего сложного и они, так сказать, решаются сами по себе. Это в большинстве случаев происходит оттого, что в обществе отсутствует понимание необходимости демографического образования и остроты проблем развития населения. Поэтому важно, чтобы ученые-демографы простым и доходчивым языком объяснили широкой публике всю остроту сложившейся демографической ситуации и предложили конкретные мероприятия по ее улучшению. Тем более что демографические процессы (рождаемость, смертность, брачность, разводимость, миграция) по своей сути — такие массовые явления, которые касаются всего населения. Поэтому мы считаем, что знание тенденций демографического развития должно быть всеобщим, и только после этого можно надеяться, что мероприятия, необходимые для рационального управления демографическими явлениями, осуществляются успешно.

При этом отмеченная демографическо-просветительская работа должна проводиться систематически, и вести ее должны демографы соответствующей квалификации.

Со своей стороны, все это обуславливает необходимость более широкого изучения демографии как научной дисциплины, которое в первую очередь должно проводиться в университетах.

Как и для всех государств, имеющих демографические проблемы, вопрос демографического образования актуален и для Грузии, где за последние 25 лет существенно ухудшилось демографическое положение; например, в 1989–2014 гг. численность населения сократилась с 5400,8 тыс. до 3713,4 тыс. чел., т. е. уменьшилась на 31,2%. Таким образом, на фоне таких депопуляционных процессов не вызывает сомнения необходимость демографического образования и в целом изучения вопросов народонаселения в Грузии. Но, исходя из заглавия предложенной темы, очевидно, что в предлежащей статье речь о демографическом образовании может идти только с того времени, когда в Грузии открылся первый вуз (в 1918 г.) — Тбилисский государственный университет (ТГУ), который сегодня носит имя его учредителя и вдохновителя, выдающегося историка, академика И. Джавахишвили.

Хотя это не означает, что до 1918 г. демографическому образованию в Грузии вообще не уделялось внимание. Несмотря на то что до того времени (в XIX и в начале XX в.) демографическая наука еще не была структурирована в отдельную отрасль знания, в грузинской прессе печаталось много публикаций по отдельным проблемам демографии, что само по себе подразумевало и демографическое образование широких масс.

Но вернемся к предмету нашего исследования. В новооткрытом Тбилисском государственном университете, в соответствии с тогдашними традициями демографическая проблематика изучалась в рамках демографической статистики, и в 1955 г. вышел даже оригинальный грузинский учебник под таким же названием. Мы уже писали об этом в нашем докладе [3, с. 212–215], представленном на аналогичной конференции в 2002 г., где были рассмотрены практически все вопросы демографического образования и в целом демографической проблематики до начала XXI в.

Хотя в Грузии, как в одной из советских союзных республик, процесс развития и возрождения демографической науки в основном протекал в том же русле, что и в целом в бывшем СССР, что очень хорошо описано в прекрасной обзорной статье видного российского демографа проф. А. Г. Вишневого «Трудное возрождение демографии» [1, с. 93–116], для Грузии все же характерны определенные особенности.

Например, в отмеченном докладе, где рассматривались вопросы формирования так называемой институциональной структуры демографии, мы с гордостью отмечали, что в отличие от бывших советских республик в Грузии практически был создан полный спектр инфраструктуры демографии. В частности, в Парламенте Грузии рассмотрение демографических вопросов и дискуссии по этой проблематике проходили

в специальном подкомитете, а в структурах исполнительной власти — в Министерстве труда, здравоохранения и социальной защиты с 1998 г. существовал Департамент демографии (хотя и до того еще первое постсоветское правительство создало Министерство демографии и труда, которое, к сожалению, как и тогдашнее правительство, просуществовало недолго). В системе Академии наук на базе существовавшего Отдела демографии и социологических исследований в 1991 г. был создан Институт демографии и социологических исследований, который издавал сборники трудов. В этом институте функционировал и научный совет, где происходила защита как кандидатских, так и докторских диссертаций.

Кроме того, были предприняты соответствующие шаги в сторону непосредственно демографического образования. В частности, еще в 1999 г. в вышеупомянутом ТГУ, на факультете истории была сформирована Научно-учебная исследовательская лаборатория демографических проблем, которая с 2000 г. была преобразована в кафедру демографии и начала подготовку магистров демографии. В соответствии с существующей в других странах практикой здесь проходила специализация бакалавров различных специальностей в демографии.

Наряду с государственными структурами в Грузии создавались и неправительственные организации демографического профиля. В частности, еще в 1987 г. был создан Демографический фонд Грузии, который наряду с различного рода благотворительными мероприятиями для оказания помощи многодетным семьям издавал и ежемесячную газету «Эрисиони».

В тот же период была создана Ассоциация демографов Грузии, которая совместно с кафедрой демографии основала и издавала научный журнал «Демография», где на грузинском языке с русскими и английскими резюме печатались статьи на актуальные демографические проблемы.

К широкомасштабным публикациям демографического профиля того же периода относится также вышедшая в подготовительный период Первой национальной всеобщей переписи населения Грузии 2002 г. газета «Биография миллионов», в которой, кроме вопросов, непосредственно касающихся переписи, публиковались интересные данные и статьи о сложившейся в стране демографической обстановке, что, конечно, также служило повышению демографического образования широких слоев населения.

Что касается обучения демографии в университетах, можно сказать, что в отличие от западных стран, один из почетных представителей которых, известный демограф, проф. А. Сови в конце 1950-х гг. образно отмечал, что «демография, эта “дикая” наука, не имеющая ни учителей, ни учеников, должна получить свое развитие и определить свое место» [4, с. 40], в Грузии демография почти никогда не находилась в таком положении.

Более того, обучение демографии в ТГУ стало примером для других, как старых, так и новых частных вузов, где также начали преподавать курс демографии.

Что касается изучения проблем народонаселения в Грузии, этот вопрос имеет свою историю. После того как во Второй мировой войне Грузия среди бывших советских республик понесла самые большие потери по удельному весу (из 700 тыс. призванных на войну более 300 тыс. чел. не вернулись), тогдашняя интеллигенция, естественно, уделяла большое внимание необходимости углубленного исследования демографических проблем, для чего при Президиуме Академии наук республики был создан Координационный совет по изучению проблем народонаселения, который по линии Академии наук и Министерства высшего образования (тогдашнее название) координировал тематику исследований демографических проблем.

Такой подход способствовал развитию в стране социальных и гуманитарных наук, среди которых демографии принадлежала ведущая роль. Именно к этому случаю подходит тот эпиграф, с которого начинается вышеназванная статья А. Г. Вишневого: «На протяжении последних трех десятилетий демография играла роль ведущей дисциплины в концерте гуманитарных наук. Строгостью методов, богатством гипотез, глубиной полученных результатов она привлекла внимание всех специалистов, изучающих общество и человека. Своим примером она способствовала развитию многих смежных дисциплин и объединению их усилий» [1, с. 93] (следует тут же отметить, что, как выясняется из даты высказывания процитированной мысли, в 1950-х гг. отмеченные тенденции развития демографической науки проходили в том же русле, что и в западных странах).

Так что практически сформированная в Грузии к концу XX и началу XXI в. вся инфраструктура развития и распространения демографических знаний обнадеживала, позволяя разработать мероприятия, необходимые для вывода страны из демографического кризиса, и, что самое главное, реализовать их. Но, как говорится, «человек предполагает, а Бог располагает». Так и произошло с демографической наукой и со всей демографической инфраструктурой. В частности, в конце 2003 г. на волне цветных революций пришедшее к власти в результате «революции роз» «национальное движение» повернуло колесо истории вспять. Сразу же, в 2004 г. был упразднен Департамент демографии Министерства труда, здравоохранения и социальной защиты, а чуть позже, в 2006 г. — кафедра демографии ТГУ, вследствие чего фактически прекратилось как преподавание демографии, так и издание журнала «Демография».

Институт демографии и социологических исследований практически очистили от квалифицированных кадров и затем присоединили к ставшему рупором власти Университету им. Ильи.

Неприемлемые для руководства страны высококвалифицированные демографы, выдворенные из института и с кафедры демографии, вынуждены были зарабатывать на хлеб на различных непрофильных работах, а не на демографическом поприще.

Несмотря на тяжелейшие демографические проблемы, существовавшие в Грузии в условиях девятилетнего (2004—2012) режима «национального движения», практически прекратились как обучение демографии (т. е. в этом случае создалась точно такая ситуация, как отмечалась в вышеприведенном соображении А. Сови, — в демографии не было ни учеников, ни учителей), так и вообще широкие общественные дискуссии на демографические темы, не говоря уже о заботе по исправлению ситуации. Даже обсуждение демографических проблем считалось несвоевременным, так как правительство считало, что им «не до демографии».

Таково было следствие той «антидемографической» реформы, которую осуществило пришедшее в результате «революции роз» антинародное правительство.

Такой девятилетний провал в вопросах демографического образования и вообще в изучении вопросов народонаселения, естественно, наложил существенный отпечаток и на университетское обучение демографии, поскольку, как известно, «ничто не поддается с таким трудом преобразованию, как система преподавания; ни один организм не является более консервативным, чем университет...» [4, с. 41].

А демографические проблемы требовали безотлагательного решения. Поэтому отдельные демографы, обеспокоенные судьбой будущего страны, не просто ожидали наступления лучших времен, но, несмотря ни на что, все же старались донести до широких слоев населения результаты своих скромных исследований и убедить их в том, что решение демографических проблем является первейшей задачей страны.

Именно благодаря частым напоминаниям православная церковь Грузии (которая до сих пор пользуется высочайшим авторитетом в обществе) осознала основную национальную боль — сокращение численности населения и в конце 2007 г. озвучила призыв Патриарха о том, что он будет крестить каждого ребенка третьей очередности.

Этот, бесспорно, временный и действительно существенный патристический призыв быстро дал результаты: в какой-то мере увеличилось число детей третьей очередности. Хотя с самого начала было ясно, что этот процесс не мог продолжаться долго и необходимо было проведение более действенной демографической политики, которой, к сожалению, у государства не было. Поэтому можно приветствовать то, что пришедшее в результате парламентских выборов 2012 г. новое правительство, учитывая кризисное демографическое положение страны и ее плачевные перспективы, уделило большое внимание не только изучению этих проблем, но и реализации мероприятий по их практическому решению.

В частности, сразу же после прихода к власти «Грузинской мечты» были созданы Фонд демографического возрождения и Фонд демографического развития, которые приступили к разработке соответствующих демографических программ и их реализации на правительственном уровне.

По непосредственной инициативе Фонда демографического возрождения и при парламентской поддержке были реализованы такие мероприятия, которые и по сей день имеют большой демографический эффект: осуществляется финансирование родов (что до этого было очень дорогим удовольствием); с трех до пяти дней был увеличен период обдумывания, связанного с проведением аборта; с целью избавления от селекционных аборт (по причине которых в Грузии значительно было нарушено вторичное соотношение полов) было запрещено диагностирование пола зародыша на раннем этапе развития; в регионах депопуляции на каждого ребенка третьей очередности в течение двух лет выдается ежемесячное пособие: в низменных районах в размере 150 лари, в горных местностях — 200 лари (тогда как пенсия составляет 180 лари); увеличилась продолжительность и размер оплаты декретных отпусков; детские сады стали бесплатными; школьникам бесплатно выдаются учебники, на 16 специальностях вузов обучение также бесплатное. Эти и другие аналогичные мероприятия, бесспорно, способствовали стабилизации рождаемости и пробудили определенное позитивное ожидание у молодых людей в отношении своего демографического будущего (некоторые молодые люди воздерживались от создания семьи, а некоторые прибегали к откладыванию даже рождения первенца).

Что касается обучения демографии в университетах, необходимо отметить, что после 2012 г. много было сделано в этом направлении. В частности, вместо упраздненной кафедры демографии в 2014 г. в ТГУ вновь по инициативе и под руководством проф. В. Лорткипанидзе, на этот раз уже на факультете социальных и политических наук, была заново разработана и заработала программа подготовки магистров по специальности «Демография и география населения». В программе наряду с традиционными демографическими дисциплинами изучаются и такие предметы, как: демографические идеи и концепции, демографический анализ, математические методы и модели в демографии и др., которые ранее в Грузии не преподавались. Для этого с русского на грузинский язык были переведены соответствующие учебники (*Злотников А. Г. Демографические идеи и концепции. Минск, 2014; Вандескрик К. Демографический анализ. М., 2005*), которые ввиду отсутствия публикаций студентам пока еще предлагаются в форме рукописи (в электронном виде).

Кроме того, в ТГУ демография вновь входит в перечень дисциплин на выбор для бакалавров различных специальностей, которую студенты с удовольствием выбирают.

В связи с обучением демографии следует отметить, что, несмотря на режим «национального движения», некоторые университеты смогли сохранить демографию как учебную дисциплину. Таких университетов было немного, поэтому считаем нужным отметить их: это были Грузинский университет Патриархии Грузии имени Андрея Первозванного (где под руководством акад. Р. Метревели и проф. В. Лорткипанидзе с 2011 г. функционирует программа подготовки магистров по специальности «Историческая демография Кавказа») и Кавказский международный университет.

Хотя тон обучению демографии как науке задавал все же ТГУ, где наряду с магистрантской программой по демографии в начале 2017 г. была утверждена и с нового учебного года уже заработает докторская программа по демографии. Здесь же следует отметить, что для обеспечения независимости демографии как науки перед Министерством образования и науки Грузии поставлен и положительно решен вопрос о внесении поправки в квалификационный реестр высшего образования, согласно которой вместо ранее существовавшего положения ныне демография в «направление» социальных наук (шифр 07) входит как самостоятельная «отрасль/специальность» (шифр 0709), а не как «подотрасль/специализация», как это было до сих пор. Таким образом, будущие ученые-демографы получают степень доктора социальных наук по специальности «демография».

Вместе с тем для формирования полного цикла всех трех ступеней обучения (бакалавриат, магистратура, докторантура) разработана и бакалаврская программа по демографии, которая также заработает с осени 2017 г. в Грузинском университете Патриархии Грузии имени Андрея Первозванного. С формированием такого цикла желательно, чтобы завершилась довольно продолжительная и иногда не такая уж успешная эпоха так называемых «любителей» и демографов-«самоучек». Считаем, что заботу об острейших демографических проблемах, стоящих перед страной, должны возглавлять профессиональные демографы.

Но пока это произойдет, еще многое надо сделать. Поэтому можно только приветствовать, что в некоторых частных университетах, например, в Кавказском международном университете, во главе которого стоит озабоченный судьбой страны человек, создан Центр по исследованию демографических проблем, где успешно проводятся демографические исследования и публикация их результатов.

К чести того же университета надо сказать и то, что там существует заметная финансовая надбавка для своих сотрудников при рождении каждого ребенка, что уже в течение двух лет дало существенные результаты.

Здесь же хотим затронуть и те демографические публикации, которые используются как в процессе обучения демографов, так и для демографического образования широких масс населения. С этой целью на грузинском языке издана многочисленная оригинальная и переводная литература научного и научно-популярного характера демографического

содержания. Более того, некоторые работы грузинских демографов были опубликованы на русском и английском языках, например, в Санкт-Петербурге, в Лондоне, в Нью-Йорке и Баку. По своей тематике эти работы охватывают довольно широкий спектр демографических вопросов. Например, автором данных строк еще в 2001 г. был переведен и издан учебник по демографии известного русского демографа В. А. Борисова (после чего были изданы еще два учебника грузинских авторов), а также знаменитый труд М. В. Ломоносова «О размножении и сохранении Российского народа»; кроме того, в 2004 и 2005 гг. в нашем переводе в двух томах был издан труд Т. Р. Мальтуса «Опыт о законе народонаселения». Помимо переводов нами были опубликованы и оригинальные работы теоретического характера. Например, в 2003 г. — «Демографические воззрения Аристотеля», в 2008 г. — «Демографические воззрения Адама Смита», в 2009 г. — «Демографические воззрения Давида Рикардо». Подготовлены к печати также «Демографические воззрения Симона де Сисмонди» (следует отметить, что «демографические воззрения» этих авторов нами уже были опубликованы в сборнике материалов Шестой международной конференции Валентеевских чтений в 2010 г. [2]), в 2014 г. — «Вдовы в Грузии» и др.

В 2009 г. в Нью-Йорке на английском языке был опубликован совместный труд проф. В. Лорткипанидзе и проф. А. Тотадзе «Население Кавказа».

Как известно, для демографического развития Грузии характерны определенные региональные особенности, вследствие чего изучению их специфики уделяется большое внимание. Результаты именно такого изучения представлены в серии работ научно-популярного характера А. Тотадзе, которые относятся к изучению и характеристике почти всех регионов и в которых наряду с историческим экскурсом в каждый регион и с характером существующего положения даны и перспективы их развития.

Одним из источников демографического образования широких масс населения можно считать ныне издаваемую 32-страничную ежемесячную газету «Демография Грузии», в которой публикуется много интересных материалов и суждений по демографической тематике.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые грузинские демографы, которые свободно владеют английским языком (в том числе выпускники кафедры демографии ТГУ), успешно участвуют в международных конференциях по демографической тематике, поехать на которые иногда бывает проще, чем в Россию, к традиционному нашему соседу, так как в связи с известными политическими процессами здесь для нас установлен визовый режим, вследствие чего на несколько таких конференций мы не смогли приехать. Прерванные дипломатические отношения между Россией и Грузией очень осложняют столь важные для нас научные контакты. Тем более что у России уже накоплен позитивный

опыт проведения эффективной демографической политики, что и для нас на этом этапе очень важно. Поэтому, со своей стороны, мы готовы сотрудничать с российскими коллегами в рамках совместных научных проектов, принимать участие в различных мероприятиях учебно-педагогического характера.

Как известно, в конечном итоге университетское демографическое образование и вообще изучение народонаселения должны служить разработке и реализации эффективной демографической политики страны. Поэтому для преодоления демографического кризиса очень важна разработка соответствующих программ, вследствие чего считаем своим долгом упомянуть каждый шаг, сделанный в этом направлении.

Не упоминая о программах демографического развития страны, разработанных в 1990-е и 2000-е гг., которые из-за тогдашних социально-политических и плачевных экономических условий были обречены на забвение, отметим, что в 2016 г. по инициативе Комитета здравоохранения и социальных вопросов Парламента Грузии группа грузинских демографов под руководством проф. В. Лорткипанидзе разработала и Парламент утвердил концепцию демографической безопасности, на основе которой в ближайшее время должна быть разработана и представлена правительству программа демографического развития.

Кроме того, в прошедшем 2016 г. в Центре исследований демографических проблем Кавказского международного университета проф. А. Тотадзе разработал программу демографического развития Грузии, широкомасштабное обсуждение которой прошло в Академии наук Грузии, где было высказано мнение, чтобы на основе этих предложений правительство подготовило законопроект «о программе демографического развития Грузии».

Таким образом, на фоне такого отношения к демографическим проблемам, если учесть одно из высказываний А. Сови [4, с. 40] и слегка его перефразировать, то увидим, что проблема населения и вообще демографическая наука уже попали в центр интересов населения Грузии.

Мы также считаем, что демография для Грузии не такая уж «дикая» наука и хотя бы на этот раз найдет здесь реальные перспективы своего развития и займет достойное место среди других общественных наук, что положительно отразится на необходимом и неотложном деле демографического возрождения страны.

Литература

1. Вишневский А. Г. Трудное возрождение демографии // Социологический журнал. — 1996. — № 1–2. — С. 93–116.
2. Сахвадзе А. Ш. Демографические воззрения А. Смита, Д. Рикардо и С. де Сисмонди на фоне современного демографического развития // Проблемы народонаселения в зеркале истории. Шестые Валентеевские

- чтения: сборник материалов международной конференции (22–24 апреля 2010 г. Москва, Россия) / под ред. В. В. Елизарова, И. А. Троицкой. — М.: МАКС Пресс, 2010.
3. *Sahvadze A. Sh.* Демографическое образование в Грузии (история и современность) // Материалы международной конференции «Демографическое образование в XXI веке в странах СНГ, Балтии и Восточной Европы», посвященной 80-летию со дня рождения профессора Д. И. Валентея и 35-летию со дня основания кафедры народонаселения МГУ им. М. В. Ломоносова. 18–20 сентября 2002 г. Москва, Россия. — М.: МАКС Пресс, 2002. — С. 212–215.
 4. *Sovi A.* Общая теория населения. Т. 1. Экономика и рост населения: сокр. пер. с франц. Ф. Р. Окуневой; предисл. А. Я. Боярского. — М.: Прогресс, 1977. — С. 40.
 1. *Vishnevskij A. G.* Trudnoe vozrozhdenie demografii // Sociologicheskij zhurnal. — 1996. — № 1–2. — S. 93–116.
 2. *Sahvadze A. Sh.* Demograficheskie vozzrenija A. Smita, D. Rikardo i S. Desimoni na fone sovremennogo demograficheskogo razvitiya // Problemy narodonaselenija v zerkale istorii. Shestyje Valenteevskie chtenija: sbornik materialov mezhdunarodnoj konferencii (22–24 aprelja 2010 g. Moskva, Rossija). Sbornik dokladov / pod redakciej V. V. Elizarova, I. A. Troickoj. — М.: МАКС Пресс, 2010.
 3. *Sahvadze A. Sh.* Demograficheskoe obrazovanie v Gruzii (istorija i sovremennost') // Materialy mezhdunarodnoj konferencii «Demograficheskoe obrazovanie v XXI veke v stranah SNG, Baltii i Vostochnoj Evropu», posvjashhjonnoj 80-letiju so dnja rozhdenija professora D. I. Valenteja i 35-letiju so dnja osnovanija kafedry narodonaselenija MGU im. M. V. Lomonosova. 18–20 sentjabrja 2002 g. Moskva, Rossija. — М.: Maks Press, 2002. — S. 212–215.
 4. *Sovi A.* Obshhaja teorija naselenija. Tom pervyj. Jekonomika i rost naselenija. sokrashennyj perevod s francuzskogo F. R. Okunevoj. Predislovie A. Ja. Bояrskogo. — М.: Progress, 1977. — S. 40.

*Ткаченко А. А.,
д-р экон. наук, профессор,
зам. директора Института исследований МЭО
Финансовый университет
(Москва, Россия)*

История и современные проблемы преподавания курса «Демография»: российская специфика

Аннотация

В статье рассмотрена история преподавания демографических дисциплин на экономическом факультете МГУ, роль Д. И. Валентея как создателя новой системы обучения, соединившей преподавание и научные исследования; значение создания

Центра по изучению проблем народонаселения и его координирующая деятельность на советском пространстве, способствовавшая объединению демографического сообщества. Значительное внимание уделено Болонскому процессу и попыткам его внедрения в новую систему обучения в российской высшей школе; выделены три характерные для Болонской системы составляющие, и показано их превосхождение в деятельности Центра народонаселения и кафедры в 1970-е гг. Показана роль профессиональной библиотеки демографической литературы, созданной по инициативе Д. И. Валентея, в подготовке демографических кадров; обращено внимание на отсутствие курса о концепциях народонаселения, который способствовал бы более эффективному приобщению новых поколений демографов к западной демографической мысли. Сделан вывод о важности традиций междисциплинарного подхода, заложенного Центром народонаселения при исследовании проблем народонаселения более 40 лет назад.

Ключевые слова: демографическое образование, Д. И. Валентей, Болонский процесс, экономический факультет, кафедра народонаселения, учебные программы

JEL коды: A12, I28

*Tkachenko A. A.,
Professor, Doctor of Science (Economics)
Deputy Director Institute for Research
of International Economic Relations
Financial University
(Moscow, Russia)*

History and contemporary issues of teaching the “Demography” course: Russian specificity

Abstract

The article deals with the history of the teaching of demographic subjects at the Economics' Faculty of Moscow State University, Role D.I. Valentey as the creator of a new learning system, integrating teaching and research; the importance role of establishing the Center of Population Study and its coordinating activities in the Soviet space which contributed to the unification of the demographic community. Considerable attention is paid to the Bologna process and attempts to introduce it into the new system of education in the Russian higher school. The author identifies three important elements in the Bologna system, which were foreseeing in the activities of the Population Center and the Department in the 1970s. Special attention is paid to the role of the professional library of demographic literature, created at the Valentey's initiative in the preparation of demographic personnel. Attention is drawn to the lack of a course on population concepts which can contribute to more effective integration of new generations of Russian demographers to Western demographic thought.

The conclusion is made about the importance of the traditions of the interdisciplinary approach laid down by the Population Center in the study of population problems more than 40 years ago.

Key words: Demographic education, D.I. Valentey, Bologna Process, Faculty of Economics, Department of Population, curricula

JEL codes: A12, I28

Основной тезис, особенно уместный по случаю 50-летия кафедры народонаселения, состоит в том, что Дмитрий Игнатьевич Валентей сумел предвосхитить современные проблемы российского образования, связанные с переходом на Болонскую систему страны, в которой высшее образование четверть века до «валентеевской идеи» шло совершенно под иной идеологией и несло в себе все родимые пятна советской системы. А само пионерное начинание Валентея появилось тоже за четверть века до начала Болонского процесса. Мы оставляем в стороне ее количественные характеристики (деление высшего образования на две ступени, различия колледжей разного, подчас с безусловной разницей, уровня и университетов и т. п.), а обратимся к сути ее точек развития.

Прежде всего, мы имеем в виду три составляющие, характерные для Болонской системы. Во-первых, единое учебное пространство для ведущих европейских стран как одна из основных задач ее введения. Кафедра народонаселения экономического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова тоже стремилась объединить всех демографов в сообщество преподавателей и научных работников страны как единое целое, несмотря на огромные различия в потенциале и возможностях как республик, входящих в федеративное государство той эпохи, так и между регионами самой России, которая при векторе развития 1930–1960-х гг. состояла из двух малосвязанных частей: столичного центра и провинции. Связать их проще, но и эффективнее для самих людей (ученых, преподавателей) можно было именно в области науки и образования. Пусть это объединение происходило не столько силами самой кафедры, сколько на основе научно-технического Совета Минвуза СССР. Тогда это была единственно возможная форма объединения педагогических работников, так же как академическую науку объединял Научный совет «Социально-экономические проблемы народонаселения АН СССР». И политика кафедры, Д. И. Валентея и его сотрудников-соратников следовала именно современной идее Болонской системы — расширению возможностей для преподавателей и научных работников участвовать в общеевропейских исследованиях и обучении, в данном случае в общесоюзных — на базе МГУ им. М. В. Ломоносова.

Во-вторых, болонский посыл — это совершенствование и стабилизация интеллектуального, научного и всех других видов общественно-культурных потенциалов. Кафедра, как и факультет в целом, пыталась сосредоточивать этот внешний потенциал не привлечением лучших кадров в Москву, а координационной работой, вовлечением в совместные изыскания и обмен мнениями на конференциях, симпозиумах и т. д.

Но главное — это совершенствование на самом факультете университета: создание научно-учебного центра, которому в 2018 г. исполнится полвека, Центра по изучению проблем народонаселения МГУ, который,

несмотря на все перипетии нашей страны, вошел в историю высшего образования. Это, по существу, воплощение самой передовой идеи Болонской системы, конечно, имеющей много недостатков, во-первых, и не во всем применимой для имплементации в российскую высшую школу, во-вторых. Но это основная идея Валентея, которую Дмитрий Игнатьевич сумел сделать реальностью 50 лет назад и над которой сейчас работают все позиционирующие себя российские вузы, и часто, к сожалению, безуспешно.

В-третьих, цель Болонского процесса — в росте роли ведущих вузов в развитии общих культурных ценностей, среди которых университеты выступают как носители континентального сознания. Здесь заслуга состоит в том, что кафедра была организована именно на экономическом факультете МГУ, ведущем образовательном центре в области экономики той эпохи с самым лучшим профессорско-преподавательским составом, с либеральным мышлением, которое в других вузах в те «времена» не допускалось. Забыв о скромности, приведем пример, который характерен для времени и места кафедры в этом временном континууме. В диссертации, выполненной под руководством Д. И. Валентея, ставился вопрос о причине схожести характеристик естественного воспроизводства в разных по формационному признаку странах и обсуждалась идея конвергенции развития народонаселения в разных экономических системах. Когда же по рекомендации научного руководителя диссертация была переработана в монографию, то издательство весь этот опасный «бред» вырезало [4].

Учебный процесс невозможен на надлежащем уровне и неэффективен без соответствующей научной литературы, справочников и других профессиональных изданий. Сложности полноты книжного фонда по критерию важности работ видны на примере самого экономического факультета МГУ. При его специализации труд И. Г. Блюмина по истории экономической мысли [1] можно было читать только в библиотеке географического факультета. Но сколько студентов экономического факультета поедут для этого с Манежной площади на Ленинские горы? В той же библиотеке можно было прочесть стоящий в замкнутом шкафу, но выдаваемый при наличии справки, что студент занимается этой тематикой, труд Ота (Отто) Шика [6] «Экономика, интересы, политика», которого не было ни в библиотеке экономического факультета, ни в соседней с ним Научной библиотеке МГУ им. А. М. Горького. Поэтому Д. И. Валентей и Центр народонаселения создали, даже несмотря на малочисленность изданий по демографии в те времена, свою «профессиональную» библиотеку для сотрудников, студентов и аспирантов. Это тоже знаковое событие в истории любой организации. С того же начал Э. Энгель, возглавив в 1860 г. Королевское прусское статистическое бюро в Берлине, — с создания и постоянного расширения професси-

онально специализированной библиотеки для сотрудников своего ведомства, которая к 1882 г. насчитывала 82 тыс. томов, а к началу XX в. увеличила фонд еще в 2 раза [5]. Только в библиотеке Центра народонаселения в те годы (первая половина 1970-х гг.) можно было прочитать на русском языке полный перевод основного труда Т. Р. Мальтуса.

Процесс обучения демографической науке включает в себя и аспирантов, особенно в современных российских условиях, когда с дипломом юриста или историка можно учиться в аспирантуре, чтобы стать кандидатом экономических наук. Таким людям особенно нужны спецкурсы по узким предметам, знание которых поможет подготовиться к полноценной исследовательской работе¹. В 2004 г. в Бишкеке защищалась актуальная по теме исследования работа Л. Н. Недолужко «Взаимозависимость и взаимообусловленность экономических и демографических процессов», в автореферате которой перечислены труды зарубежных ученых по теме «Экономика — население». Но среди них нет знаменитого экономиста С. Кузнеця, который развивал теорию взаимосвязи динамики населения и экономических циклов, убежденного сторонника расширения показателей системы национальных счетов за счет включения дополнительных демографических показателей. Но можно ли упрекнуть в этом автора? Только частично, так как в системе демографических дисциплин, преподаваемых в вузах, нет курса о концепциях народонаселения, где бы освещались все вошедшие в историю развития науки концептуальные подходы к изучению населения, включая концепцию основателя кафедры народонаселения МГУ, где предложена система из трех уровней научных исследований [2, с. 393–394]. На самом деле это очень важный курс² для современных учащихся и преподавателей по двум причинам. Во-первых, он охватывает все направления мировой мысли, как отечественные, так и западные; во-вторых, он заставляет пересмотреть многие штампы, прочно вошедшие в сознание граждан страны, очень долго пребывавшей за идеологическим занавесом и подходившей ко всем теориям и предлагаемым решениям проблем населения страны, человечества с упрощенной меркой «свое, приемлемое» — «чужое, чуждое». Это завело гуманитарные науки, включая демографию, в дальний угол мирового мейнстрима, а учебный процесс — в прокрустово ложе идеологии. Тем ценнее поддерживать те ростки и концептуальные подходы, которые рождались в этих условиях и были интересны своей постановкой представителям разных обществ. Свидетельством того, что

¹ Мы опускаем случаи защиты «ради диплома», когда человек не собирается продолжать подобные исследования и нашел уже себя в жизни как бизнесмен, чиновник и т. д.

² Хотя для бакалавров экономического факультета предлагается весьма нетривиальная и сложная тема выпускных и магистерских работ — «Международная миграция в западных экономических теориях».

концептуальные идеи, высказанные Д. И. Валентеем, до сих пор в центре внимания, являются темы докладов на Девятых Валентеевских чтениях: «Междисциплинарный подход в преподавании демографических дисциплин» (И. Е. Калабихина), «Демография и социология семьи — поле междисциплинарного анализа» (А. Р. Михеева). Действительно, междисциплинарность стала не только весьма востребованным методом современных исследований на протяжении уже нескольких десятилетий, но, как нам кажется, и наиболее интересна для молодых поколений, получающих образование различных уровней. Но, конечно, ее воспринимают с тем большим интересом и более адекватно, чем выше уже достигнутый уровень образования данной личности.

Стремление зарабатывать собственные средства, к которому толкает государственная политика в лице Министерства образования и формирующего бюджет Министерства финансов, приводит и к явному смещению акцентов в подготовке кадров, например, экономического факультета МГУ. Прием на 2017 г. в магистратуру обозначен только по трем направлениям, первым из которых стоит «Менеджмент». Направление «Экономика», включающее три программы: фундаментальную экономику, состоящую из теории и математических методов, мировую экономику и экономическую политику, стоит на втором месте, вероятно, отражая приоритеты факультета в его образовательной деятельности. А третье направление «Финансы и кредит» состоит из трех основных программ, две из которых полностью дублируют программу специализированного на этом вуза, который занимается этим уже почти 100 лет, — Финансового университета. А каких магистрантов готовит кафедра с 50-летним стажем и заслугами в продвижении демографической науки и исследований по широкому кругу проблем народонаселения? Только в магистерской программе «Экономическая политика» присутствует курс «Экономическая политика и развитие человеческого капитала». А третий пакет по выбору называется «Социальная политика, рынок труда, демография» и объединяет хотя и взаимосвязанные, но очень специфичные предметы, которые невозможно глубоко изучить в одном курсе. Представляется, что программы экономического факультета, особенно по первому и второму направлениям, ближе к Копенгагенскому процессу построения Европейского пространства профессионального образования и обучения, чем к Болонскому процессу.

Недостаточность же демографических знаний видна везде: в неграмотных с точки зрения демографической науки статьях журналистов в средствах массовой информации, в просчетах в выступлениях, а самое неприятное — в выводах самих представителей власти. Министры берут на себя смелость прогнозировать рост суммарного коэффициента рождаемости на много лет вперед с точностью до тысячного знака после запятой, делать выводы о смене демографических трендов на основе квартальной статистики и т. д.

Какие же расходы несут студенты и вузы, государство на современные системы обучения, реально отвечающие требованиям нанимателей новой когорты занятых? Н. М. Розина и В. М. Зуев приводят такие данные: расходы на одного студента в Европе составляют от 8 до 16 тыс. долл. США, в России — около 3 тыс. долл. Поэтому эти авторы делают вполне правомерный вывод: финансовая база российского образования должна иметь вектор развития, отражающий его место в современном мировом цивилизационном развитии [3, с. 140], а отставание почти в 3 раза от минимальной точки Европы означает наращивание будущих провалов и закрепление за Россией звания «догоняющей экономики» без надежды догнать первые 50 стран мира по уровню образования. Это очень тревожный итог, который нам кажется вполне реальным без резкого изменения политики в отношении сферы образования.

Причин, толкающих учащихся в «котел занятости», вероятно, несколько, в том числе и необходимость найти работу в соответствии с желаниями, потребностями и интересами. Но одна из главных — это уровень стипендий и их роль по сравнению с аналогичной системой, например, европейских или североамериканских университетов.

Немецкие университеты взимают очень низкую плату за обучение, и часто ее совсем нет. Большинство университетов Германии субсидируются государством. По данным Евростата, в 2013 г. в 29 странах ЕС обучалось 19 632,3 тыс. чел., из них 60,7% на ступени бакалавра и 28,1% на магистра. Крупнейшими странами по числу студентов всех уровней обучения были Германия, Франция, Великобритания (табл. 1), Испания (1969,4) и Польша (1902,7). В России общее число студентов составило в 2013/2014 г. 5646,7 тыс. чел. по данным Росстата, в том числе в очной форме обучения — 2618,8 тыс. чел., таким образом, по очной системе обучения мы уступаем Германии. По данным Минобрнауки численность студентов высших учебных заведений меньше, но главное, что их численность с 2010/2011 учебного года сокращается.

В 2015 г. опубликован обзор «Европейское пространство высшего образования в 2015 году: доклад об осуществлении Болонского процесса». В Болонском процессе был проведен ряд реформ, чтобы сделать европейское высшее образование более совместимым, сопоставимым, конкурентоспособным и привлекательным для студентов, это всего лишь одна из сторон более широких усилий в отношении высшего образования. Европейская комиссия и государства — члены ЕС создали европейскую систему квалификаций для обучения на протяжении всей жизни (EQF). Стратегия «Европа 2020» для интеллектуального, устойчивого и всеобъемлющего роста поставила цель, согласно которой 40% людей в возрасте 30–34 лет в ЕС должны иметь высшее образование к 2020 г. К сожалению, многие policy-makers российской исполнительной власти из-за нехватки рабочих кадров высшей квалификации бросаются в другую крайность

и утверждают, что в России переизбыток лиц с высшим образованием и необходимо уменьшить контингенты, выпускающиеся из вузов страны¹.

Стратегические рамки европейского сотрудничества в области образования и профессиональной подготовки (так называемые ЕТ 2020) были приняты в 2009 г. Эта стратегия определила ряд критериев, которые должны быть достигнуты к 2020 г., а в мае 2012 г. к целям был добавлен еще один ориентир на возможности трудоустройства: к 2020 г. доля занятых среди выпускников в возрасте 20–34 лет, оставивших обучение не более чем за три года до отчетного года, должна быть не менее 82%. Значительную роль в обеспечении возможностей молодежи учиться в вузах Европы играют доступные для нее кредиты: как минимум 15 видов европейских кредитов.

В ЕС доля финансовых ресурсов, выделяемых на образование, является одним из ключевых вопросов для национальных правительств. Аналогичным образом предприятия, студенты и их семьи также принимают решения о финансовых ресурсах, которые они могут или хотят отложить для образования, как это было в отношении семьи показано в работах Г. Беккера еще в 1970-е гг. [Becker, 1991]. Колебания между странами ЕС существенны, но вклад государства везде значительно превосходит расходы домохозяйств, частных фондов и т. д. Доля правительства в общем объеме расходов на образование в 2012 г. колебалась от 69% в Португалии до почти 100% в Швеции, Финляндии и Люксембурге. Необразовательные частные источники внесли более 10% этой суммы в 16 из государств — членов ЕС. Сравним основные показатели высшего образования в трех ведущих экономиках Европы и в России.

Таблица 1

Основные показатели сферы высшего образования в ведущих странах Европы в 2012 г.

Страна	Доля бюджетных расходов на образование в ВВП, в %*	Число студентов		Число студентов на одного преподавателя
		тыс. чел.	В расчете на 100 лиц в возрасте 20–24 года	
Россия	2,0**	6075,4	67,6	19,4
Германия	4,8	2780,0	62,5	11,7
Великобритания	6,1	2386,2	56,1	18,0
Франция	5,7	2338,1	61,9	17,3

* Без учета дошкольного образования.

** 2016 г.

Источник: Российский статистический ежегодник. 2016. — М., 2016; Eurostat information: Educational expenditure statistics. Data extracted in February 2016. Main tables and Database. Planned article update: May 2017 и расчет автора.

¹ Мы не касаемся структуры выпускаемых специалистов и соответствия этой структуры потребностям экономики или рынка труда.

При столь значительном объеме студенческого контингента и высоком показателе получающих высшее образование в возрасте 20–24 лет в России источники финансирования со стороны правительства явно недостаточны, со стороны домашних хозяйств неизвестны. Бедственное положение очевидно и по размерам стипендий. Именные стипендии Минобрнауки составляют 400–2000 руб., размер стипендии Президента РФ по направлению «Развитие экономики» — 7000 руб.; размер социальных стипендий: для сирот 10 000 руб. и для остальных категорий 3000 руб. (доля этих студентов в 2016 г. составляла 0,42%); размер обычной государственной академической стипендии составляет 1485 руб. Вполне понятно, что размер студенческой стипендии не должен быть ниже прожиточного минимума трудоспособного населения, который в 2016 г. составлял 10 524 руб. Если обычная стипендия студента с хорошими отметками составляет 14,1% от прожиточного минимума, то почти все студенты очного обучения вынуждены работать. Но самое опасное — уменьшение их числа на 1 млн 856 тыс. чел. за 2005–2015 гг.

Литература

1. *Блюмин И. Г.* Критика буржуазной политической экономии. В 3 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1960–1962.
2. Демографическая энциклопедия / редкол. А. А. Ткаченко, А. В. Аношкин, М. В. Денисенко. — М.: Энциклопедия, 2013.
3. *Розина Н. М., Зув В. М.* О нормативном финансировании высшего образования: современное состояние и пути развития // Вестник Финансового университета. — 2017. — № 2.
4. *Ткаченко А. А.* Экономические последствия современных демографических процессов в СССР. — М.: Статистика, 1978.
5. *Ткаченко А. А.* Эпоха реформ германской статистики и Э. Энгель // Вопросы статистики. — 2017. — № 5.
6. *Шик О.* Экономика, интересы, политика / под ред. и вступ. ст. Я. А. Кронрода; пер. с чеш. — М.: Прогресс, 1964.
7. *Becker G. S.* A Treatise on the Family. Enlarged edition. — Cambridge (Mass.): London: Harvard University Press, 1991.
8. Educational expenditure statistics. Data extracted in February 2016. Most recent data: Further Eurostat information, Main tables and Database. Planned article update: May 2017.
1. *Bljumin I. G.* Kritika burzhuaznoj politicheskoj jekonomii. V 3-h t. — М.: Izd-vo AN SSSR, 1960–1962.
2. Demograficheskaja jenciklopedija / redkol. A. A. Tkachenko, A. V. Anoshkin, M. V. Denisenko. — М.: Jenciklopedija, 2013.
3. *Rozina N. M., Zuev V. M.* O normativnom finansirovanii vysshego obrazovanija: sovremennoe sostojanie i puti razvitija // Vestnik Finansovogo universiteta. — 2017. — № 2.

4. Tkachenko A. A. Jekonomicheskie posledstvija sovremennyh demograficheskikh processov v SSSR. — M.: Statistika, 1978.
5. Tkachenko A. A. Jepoha reform germanskoj statistiki i Je. Jengel' // Voprosy statistiki. — 2017. — № 5.
6. Shik O. Jekonomika, interesy, politika / pod red. i vstup. st. Ja. A. Kronroda; per. s chesh. — M.: Progress, 1964.

*Тожиева З. Н.,
канд. геогр. наук, доцент
Национальный университет
Узбекистана им. Мирза Улугбека
Географический факультет
(Ташкент, Узбекистан)
Алекперова Ш. Т.,
магистр
Высшая школа экономики,
управления и права
Северного арктического
федерального университета
Кафедра «Менеджмент»
(Архангельск, Россия)*

Демографическое образование Узбекистана: история и современность

Аннотация

Узбекистан среди стран СНГ отличается положительным демографическим развитием, точнее, высокой рождаемостью, брачностью, низкой смертностью и разводимостью. В Узбекистане в течение долгого периода уделяли особое внимание развитию предмета демографии, подготовке специалистов-демографов, а также изучению и анализу демографических процессов. Демографическое развитие Узбекистана исследуется по двум периодам: дореволюционному и советскому.

М. К. Караханов является основателем единственной научно-исследовательской лаборатории по народонаселению в Средней Азии при Ташкентском государственном университете (ныне Национальный университет Узбекистана). В 1986–1998 гг. научно-исследовательскую лабораторию после М. К. Караханова возглавляла его ученица, первая узбекская женщина-демограф М. Р. Буриева. По ее инициативе в 2000 г. создана единственная кафедра «Демография» в республике, на географическом факультете Национального университета Узбекистана. В настоящее время на нескольких гуманитарных факультетах университета читается курс «Демография».

Ключевые слова: демография, демографическое образование, геодемография, демографическая политика, рождаемость, смертность

JEL код: J10

Tojjeva Z. N.,
PhD, associate Professor
National University of Uzbekistan
named after Mirza Ulugbek
Faculty of Geography
(Tashkent, Uzbekistan)

Alekperova Sh. T.,
master
Higher school of Economics,
management and law
Northern Arctic Federal University
Department of management
(Arkhangelsk, Russia)

Demographic education of Uzbekistan: History and Modernity

Abstract

Uzbekistan among the CIS countries is characterized by positive demographic development, more precisely high birth rate, marriage rate, low mortality and divorce. In Uzbekistan, for a long period of time, they paid special attention to the development of the subject of demography, to the training of demographers, and also began to pay attention to the study and analysis of demographic processes. Demographic development of Uzbekistan is investigated for two periods: pre-revolutionary and Soviet.

M.K. Karakhanov is the founder of the only scientific research laboratory on population in Central Asia at the Tashkent State University (now the National University of Uzbekistan). 1986–1998, the research laboratory after M.K. Karakhanov is headed by his pupil, the first Uzbek woman demographer M.R. Buriyeva. At the initiative of M.R. Buriyeva in 2000, the only department was created “Demography” in the republic, with the geographical faculty of the National University of Uzbekistan. Currently, in several faculties of the university, the course “Demography” is being read.

Key words: demography, demographic formation, geodemography, demographic policy, birth rate, mortality

JEL code: J10

Уровень развития любой науки и ее престиж в первую очередь отражаются в ее новых направлениях, проводящихся фундаментальных исследованиях в научных школах и центрах и признанных научным сообществом, а также ведущими учеными и специалистами в этой области.

Узбекистан среди стран СНГ отличается положительным демографическим развитием, точнее, высокой рождаемостью, брачностью, низкой смертностью и разводимостью. Обычно демографическое развитие Узбекистана исследуется по двум периодам: дореволюционному и советскому. Однако после распада Советского Союза в демографической ситуации республики начался новый период.

Дореволюционный период характеризуется основными демографическими процессами, рождаемостью, смертностью, брачностью, разводами, не зарегистрированными нигде. Поэтому «первые попытки определения численности населения Туркестанского края, его половой и этнической структуры, экономического и социального положения, а также оценки некоторых демографических процессов и их отличительных особенностей в дореволюционный период были предприняты Туркестанским статистическим комитетом, выпускавшим ежегодники под редакцией Е. А. Маева, содержащие сведения о населении Сырдарьинской области и Зарафшанского округа» [2, с. 1–2].

Демографические исследования советского периода начинаются с 1920 г. Именно с этого года организован статистический учет населения страны и получены первые официальные данные о рождаемости населения. «Одним из первых исследователей естественного движения населения республики был Е. С. Тимм, изучивший естественное движение населения Ташкента по данным ЗАГСов за 1923–1927 гг.» [2, с. 7]. Основным исследованием демографических процессов в республике в конце XIX и начале XX в. являются работы Е. С. Тимма и А. А. Шороховой. Исследование Е. С. Тимма посвящается вопросам «движения населения города Ташкента за 5 лет (1923–1927 гг.)» и «опытам изучения естественного движения населения в кишлаках».

Одними из первых эффективных и образцовых работ 50–60-х гг. XX в. являются научные исследования, выполненные по отдельным направлениям развития демографии и народонаселения страны.

В Узбекистане на протяжении долгого времени уделяли особое внимание развитию предмета демографии, подготовке специалистов-демографов, а также изучению и анализу демографических процессов. В связи с этим будет уместным привести работы ученого М. К. Караханова и его учеников, которые сформировались в 1960-х гг. в Узбекистане. В настоящее время его школа является основателем развития и формирования науки народонаселения в Узбекистане.

М. К. Караханов является основателем единственной научно-исследовательской лаборатории по народонаселению в Средней Азии при Ташкентском государственном университете (ныне Национальный университет Узбекистана). Он руководил ею в 1962–1978 гг. В этот же период появляются монографические исследования демографической тематики по народонаселению Узбекистана, его рождаемости и смертности.

Первые официальные социолого-демографические исследования проводились в период до 1978 г. именно в этой лаборатории.

В 1986–1998 гг. научно-исследовательскую лабораторию после М. К. Караханова возглавляла его ученица, первая узбекская женщина-демограф М. Р. Буриева. В эти же годы М. Р. Буриева издает свои монографии «Рождаемость в Узбекистане» (Ташкент, 1991) «Демография

семьи в Узбекистане» (Ташкент, 1998). В 1998 г. на базе научно-исследовательской лаборатории народонаселения университета и кафедры психологии семьи при педагогическом институте республики создается центр «Семья». В системе центра «Семья» открывается отдел «Демография семьи», который до настоящего времени существует и активно исследует семейно-демографические проблемы населения республики.

По инициативе М. Р. Буриевой в 2000 г. создана единственная кафедра «Демография» в республике на географическом факультете Национального университета Узбекистана. Началась подготовка магистров по специальности «Геодемография» из выпускников разных направлений (социология, экономика, география, история и т. д.).

В данный момент в Узбекистане уделяется большое внимание профессиональному демографическому образованию, появились новые учебные программы и планы по магистратуре по специальности «Геодемография». Здесь нужно отметить, что в Узбекистане никогда не готовили кадров по специальности «Демография». Именно на этой кафедре разработаны первые учебные программы и учебные планы по магистратуре по специальности «Геодемография». Магистры Национального университета начали изучать учебные дисциплины «Демография», «Демографическая политика», «Миграция и урбанизация», «Теория народонаселения», «Экономическая и демографическая статистика», «Смертность и средняя продолжительность жизни населения». Из-за отсутствия учебных материалов на национальном языке в первое время при подготовке кадров больше времени уделяли изданию новых учебных пособий на узбекском языке (М. Р. Буриева «Основы демографии», З. Н. Тожиева «Экономическая и демографическая статистика», М. Р. Буриева, З. Н. Тожиева «География населения» и т. д.). Кроме учебных пособий, появились коллективное монографическое исследование «Демография сельских местностей», которая была издана в 2005 г., монография З. Н. Тожиевой «Население Узбекистана» (2010 г.).

В настоящее время на нескольких гуманитарных факультетах университета читается курс «Демография», но уже не готовят магистров по специальности «Геодемография». В экономическом университете Узбекистана начали готовить магистрантов по специальности «Демография» и создан отдел «Демография и занятость населения». Именно в экономическом университете создан специализированный научный совет по присвоению научных званий по народонаселению.

Несмотря на сокращение некоторых учебных курсов и специальностей по демографии, большое внимание уделяется исследованию демографических процессов республики.

Исходя из современной демографической ситуации Узбекистана необходимо развивать демографическое образование и демографические исследования в университетах. Поэтому со стороны государства нужно

уделять большое внимание тому, чтобы поднять уровень демографического образования, открыть новые направления, лаборатории по демографии.

Литература

1. *Буриева М. Р.* Рождаемость в Узбекистане. — Т.: Фан, 1991. — 100 с.
 2. *Камилова Ф. К.* Демографический потенциал Узбекистана. — Т.: Ўзбекистон, 1991. — 143 с.
 3. *Караханов М. К.* Некапиталистический путь развития и проблемы народонаселения. — Т.: Фан, 1983. — 239 с.
-
1. *Burieva M. R.* Rozhdaemost' v Uzbekistane. — T.: Fan, 1991. — 100 s.
 2. *Kamilova F. K.* Demograficheskiy potencial Uzbekistana. — T.: Ўzbekiston, 1991. — 143 s.
 3. *Karahanov M. K.* Nekapitalisticheskiy put' razvitija i problemy narodonase-lenija. — T.: Fan, 1983. — 239 s.

СЕССИЯ 3

РОЖДАЕМОСТЬ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

*Антонов А. И.,
д-р филос. наук, профессор
МГУ имени М. В. Ломоносова
Социологический факультет
(Москва, Россия)*

Динамика репродуктивных ориентаций и возможность реализации установок на число детей в случае активизации семейно-демографической политики (или отказа от этого) в 2018–2028 гг.

Аннотация

В данной статье представлены теоретические и эмпирические взгляды на репродуктивные установки и возможности их исследования. Статья включает некоторый обзор состояния исследований за период с 1976 до 2016 г. Рассматриваются конкретные аспекты отношения к размеру семьи и некоторые методологические вопросы, обсуждаемые в междисциплинарной перспективе социологии семьи и демографии. За последние 50 лет в РФ проведено около 1000 выборочных исследований установок на число детей во всех регионах страны. Зафиксировано, что по мере массового распространения малодетности, в первую очередь семей с одним ребенком (таковых сейчас среди семей с детьми примерно 67%), уменьшается и почти исчезает социальная дифференциация рождаемости по образованию, социальному статусу, месту жительства, доходу и т. д.

Ключевые слова: репродуктивные ориентации и установки, фамилистические ценности, предпочитаемые числа детей (идеальное, ожидаемое, желаемое)

JEL код: J13

*Antonov A. I.,
Ph.D., Professor
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Sociology
(Moscow, Russia)*

The dynamics of reproductive orientations and the possibility of implementing the attitudes for the number of children in the event of family-demographic policy implementation (or renunciation) in 2018–2028

Abstract

This article provides the theory dimension and research in the broad area of study labeled attitude change and attitude to number of children. Its includes a brief summary of the state of research at the 1976–2015s, examines specific aspects of attitudes toward the size of family and reviews several of the methodological issues which have been discussed in relation to the use method of semantic differential in interdisciplinary perspective (in sociology and demography studies). Over the past 50 years approximately 1000 sample surveys on attitudes towards number of children have been conducted in all regions of the Russian Federation. It was discovered that social differentiation of birth (based on education, social status, place of residence, income etc.) lowers or disappears completely as the number of small and families with one child increases.

Key words: reproductive orientations and attitude, familistic values, referred number of children (ideal, expected, desired)

JEL code: J13

Сегодняшние репродуктивные намерения россиян ниже прежних: в 1969 г. среднее идеальное число среди россиян было 2,69, а среднее ожидаемое число — 2,21, тогда как в 2009 г. желаемое число у женщин составило 2,28, а ожидаемое — 1,72 (у мужчин соответственно эти цифры 2,38 и 1,90) [7, с. 43]. По мере массового распространения малодетности (с конца 1960-х гг.) и семей с одним ребенком (таковых сейчас в семье-детной структуре примерно 67%) *уменьшается социальная дифференциация рождаемости по образованию, социальному статусу, месту жительства, доходу и т. д.* Особенно заметна эта тенденция по индексам желаемого числа детей (при всех необходимых условиях) и ожидаемого числа (в имеющихся условиях). Так, в исследовании Росстата в 30 субъектах РФ *желаемое число* у женщин и мужчин с минимальным доходом было соответственно 2,42 и 2,51, с самым высоким доходом — 2,22 и 2,17; *ожидаемое число*: 1,81 и 2,01 — с минимальным доходом, и 1,74 и 1,87 — с высоким доходом [7, с. 71]. Становится все более заметной взаимная зависимость фактической детности респондентов и предпочитаемого ими среднего числа детей. По данным В. Н. Архангельского, лишь четверть однодетных

намерена обзавестись вторым ребенком, т. е. реализовать декларируемую по желаемому и ожидаемому числу потребность в детях [4]. В одном из исследований кафедры социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ при опросе 1431 респондента с разным числом детей в 29 регионах («Россия 2000»), идеальное число у имеющих одного, двух, трех, четырех и более детей составило 2,06 — 2,42 — 2,66 — 3,00, желаемое число — 2,16 — 2,55 — 2,96 — 4,07, ожидаемое число — 1,49 — 2,04 — 2,96 — 4,37. Эти цифры свидетельствуют о снижении ориентаций при снижении имеющегося числа детей и соответственно об уменьшении фактического числа детей при уменьшении ориентаций и установок к числу детей.

Интересно, что разрыв между желаемым при всех необходимых условиях числом детей и ожидаемым числом в уже имеющихся условиях больше всего среди однодетных респондентов — 0,67, затем у двухдетных — 0,51 и минимальный — 0,15 у имеющих трех и более детей. Чем меньше этот разрыв, тем меньшее значение придается условиям жизни семьи как «помехам» к рождению, тем сильнее готовность к рождению, потребность в детях. Другими словами, эти цифры показывают, что рождение второго ребенка у однодетных респондентов менее вероятно, чем третьего у двухдетных. А имеющие уже трех и более детей обладают наиболее интенсивной потребностью в детях и стремятся к полной реализации своей потребности независимо от каких-либо условий жизни. В связи с этим обратное влияние дохода на дифференциацию индексов остается, но выражается менее заметно: у благополучных респондентов идеальное, желаемое и ожидаемое числа равнялись 2,16 — 2,38 — **1,94**, тогда как среди малообеспеченных были соответственно 2,33 — 2,48 — **1,93**.

Сопоставление разрыва между реальным и желаемым доходами семьи обнаруживает четкую обратную связь, но незначительную. В межрегиональном исследовании примерно тысячи сельских семей в 2005 г. (55% — двухдетных семей, 26% — однодетных и 19% — с тремя и более детьми) у тех 18% респондентов, кто желает иметь доход в 5 раз больше фактического, среднее желаемое число детей при всех необходимых для этого условиях было 2,28, а у тех, кто желает доход в 3 раза больше (таковых 25%), — 2,56 [3]. Следует отметить, что среднее желаемое число по всей выборке опрошенных равнялось 2,39 и отклонения от него были чуть больше (на 0,17) у желавших трехкратного роста дохода — 2,56 и были чуть меньше (на 0,11) у желавших пятикратного роста — 2,28. Различия мизерны, а для жаждущих десятикратного и более роста доходов семья и число детей вообще не рассматриваются в своем уровне притязаний на престижный образ современной жизни. Эти данные позволяют думать, что все необходимые условия для желаемого числа детей в семье

простираются не столь далеко и укладываются в пределы трехкратного увеличения уровня жизни, измеряемого по доходу семьи.

В исследованиях кафедры социологии семьи и демографии, проведенных совместно с Институтом социологии РАН и региональными организациями социологов в течение 2005–2016 гг., обнаружено некоторое увеличение рассматриваемых индексов предпочитаемого числа детей в семье в 2014–2015–2016 гг., возможно, под влиянием проводимой государством политики «материнского капитала» и детских пособий [1; 6; 8]. К примеру, в Уфе и в Московской области по опросу 813 чел. желаемое число было 2,48, а идеальное — 2,49. Выборочные опросы 2016 г. в Смоленске и Омске по ответам 377 женщин выявили, что идеальное число составило 2,36 и 2,48 — желаемое, при этом по ответам 336 мужчин эти цифры соответственно равнялись 2,41 и 2,55.

Негативная динамика установок детности была выявлена в осуществленных по единой методике кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ исследованиях респондентов репродуктивного возраста и подростков: «Россия 2000» (межрегиональный опрос 1500 женщин и мужчин), «Урал 2001» (экспериментальные многократные опросы 226 молодых людей), «ЯНАО 2004» (выборочный опрос 1700 старшеклассников и студентов); «Сельская семья 2004» (опрос 1000 семей, т. е. примерно по 1000 отцов, матерей и подростков); «Семья и вера 2006» (опрос 1100 верующих трех конфессий — православных христиан, мусульман и иудеев); «Россия 2007» (всероссийский репрезентативный опрос 1000 женщин 18–40 лет по проблемам репродуктивного здоровья); «Многодетная семья 2008» (межрегиональный опрос 947 матерей); «Семья и здоровье 2009–2011» (межрегиональный опрос примерно 1200 матерей, имеющих ребенка с тяжелым онкологическим заболеванием) [2; 3; 4; 5; 7; 9; 10].

Социологические измерения в течение 1976–2016 гг. репродуктивных ориентаций методом семантического дифференциала СД подтверждают снижение установок детности, измеренных посредством желаемого и ожидаемого числа детей (табл. 1 и 2). В опросах индивидов 1976, 2000 и 2015 гг. снижается семантическая дистанция (СД) между объектами «дети» и «бездетность» (величины СД 14,39 — 8,60 — 8,39) и усиливается установка на однодетность (величины СД между Дети-1 в 2000 и 2015 гг. 4,27 и 5,73, т. е. ниже, чем 8,15 в 1976 г.). Однако в парных опросах мужей и жен ориентация на одного ребенка усиливается лишь в 2014 г. — в начале экономического кризиса и сближается в 2016 г. с ориентацией 1978 г. Установка на двухдетность в одновременных опросах супругов СД 2,71 преобладает в 1976 г. над установкой 2014 г., хотя в 2016 г. намечается сближение с ориентацией 1976 г. По индивидуальным опросам одинаковые величины СД между Дети-2 в 1976 и 2000 гг. значительно ниже СД 4,51 в 2015 г., тогда как здесь

установка на трехдетность 4,29 интенсивнее, чем в 2000 г. 5,04 и тем более по сравнению со значением СД в 1976 г. (8,45). В парных опросах супругов этот тренд еще заметнее.

Таблица 1

**Различия установок детности
по семантическому дифференциалу в 1976–2016 гг.**

	1976 г.	1978 г. (парный)	2000 г.	2014 г. (парный)	2015 г.	2016 г. (парный)
Дети-0	14,39	—	8,60	6,69	8,39	10,05
Дети-1	8,15	5,63	4,27	3,93	5,73	5,83
Дети-2	5,45	2,71	5,49	4,87	4,51	3,90
Дети-3	8,45	4,72	5,04	4,94	4,29	3,13

По данным табл. 2 видно, как в сравнении с 2014 кризисным годом ослабляется ориентация на однодетность в 2015 и 2016 гг. и усиливаются ориентации на двухдетность и трехдетность. При этом чем больше фактическое число детей, тем заметнее эти тренды по последним столбцам табл. 2, где приведены сопоставления 1–2–3 детей с позитивным эталоном ДЕТИ и негативным эталоном 0 ДЕТЕЙ. Но важнее всего эта благоприятная тенденция проявляется при значительном росте семантической дистанции между позитивным и негативным эталонами оценки фамилистических объектов — в 2014 г. СД между ними был 6,69, в 2015 г. — 8,39, и в 2016 г. — уже 9,33. Эти цифры говорят о том, что в массовом сознании полюса детности и бездетности стали удаляться друг от друга, хотя с 1970-х гг. они постепенно сближались.

Таблица 2

**Величины семантического дифференциала
между числами детей в семье по опросу 2016 г.
в сравнении с исследованиями 2014–2015 гг.**

2014 г. (2169 анкет) 10 регионов	2015 г. (1002 анкеты) Уфа + Московская область	2016 г. (881 анкета) Смоленск, Омск	2016 г. (881 анкета) Смоленск, Омск	Число детей до 18 лет			
				0	1	2	3
6,69	8,39	9,33	ДЕТИ — 0 ДЕТЕЙ	9,19	9,51	10,28	11,66
3,93	5,73	5,63	ДЕТИ — 1 РЕБЕНОК	5,62	5,69	6,33	6,26
4,87	4,51	3,97	ДЕТИ — 2 ДЕТЕЙ	4,06	3,72	4,20	3,28
4,94	4,29	3,59	ДЕТИ — 3 ДЕТЕЙ	3,79	3,35	3,52	3,02
6,24	6,57	6,83	0 ДЕТЕЙ — 1 РЕБЕНОК	6,81	6,77	7,48	7,23
7,75	7,67	8,39	0 ДЕТЕЙ — 2 ДЕТЕЙ	8,36	8,47	9,14	10,22

2014 г. (2169 анкет) 10 регионов	2015 г. (1002 анкеты) Уфа + Московская область	2016 г. (881 анкета) Смоленск, Омск	2016 г. (881 анкета) Смоленск, Омск	Число детей до 18 лет			
				0	1	2	3
8,00	8,34	9,01	0 ДЕТЕЙ — 3 ДЕТЕЙ	8,93	8,99	10,13	11,30
3,90	4,86	4,82	1 РЕБЕНОК — 2 ДЕТЕЙ	4,9	4,83	5,54	4,05
5,00	5,45	5,45	1 РЕБЕНОК — 3 ДЕТЕЙ	5,45	5,47	6,13	5,62
3,00	3,89	3,57	2 ДЕТЕЙ — 3 ДЕТЕЙ	3,51	3,61	3,96	3,29

Необходимо поддержать эту неожиданную склонность россиян в регионах, вызванную, по-видимому, когнитивно-сенситивными взаимодействиями диспозиций репродуктивного поведения. Неконтролируемые при анкетных опросах взаимовлияния установок на число детей и установок на тайминг рождений, осложняемые непрогнозируемыми комбинациями сходства и несовпадения репродуктивных ориентаций мужей и жен, частично обнаруживаются в противоречивости данных, получаемых методом СД. Они отражают интенсивность установок детности, готовность к появлению определенного числа детей, но в сочетании со сроками их рождения. Тем не менее тенденция последних лет к усилению ориентаций на троих детей в семье на фоне постепенного (в течение десятилетий) снижения негативной оценки бездетности обещает, пусть и частичную, но реализацию этих повысившихся ориентаций. И надо воспользоваться этой ситуацией и не только не отменять в 2019 г. материнский капитал и пособия на детей, но и пойти на активизацию семейно-демографической политики по укреплению благополучия полной семьи с тремя и более детьми. Тем более что в предстоящее десятилетие в связи с сокращением наполовину репродуктивного контингента в возрастах 25–34 лет ожидается падение коэффициентов рождаемости и соответственно увеличение убыли населения.

Все это требует разработки новых социально-политических приоритетов, сфокусированных на семейном образе жизни и семейной социализации детей. В связи с этим перед наукой встает задача осмысления исторических уроков антисемейной экономики и внесемейной организации жизни. В демографии и в социологии населения требуется критический анализ постмодернистского релятивизма и феминистского нигилизма с их обвинениями демографической политики как якобы «вмешательства» в приватный мир, обвинения традиционной семьи в «деспотизме и репрессивной» социализации детей. Следует привлечь внимание к положению действительно дискриминируемого социального меньшинства — полных семей с тремя и более детьми. Требуется усилить социальную активность по разработке программ и проектов

семьецентристского преобразования общества, планов и нормативных прогнозов семейно-демографической политики по устранению депопуляции и уменьшению доли альтернативных семье форм сексуально-сожительских отношений.

Одной из важнейших задач семейно-демографической политики общества является конструирование новой и привлекательной для людей модели семьи в духе тоффлеровского семейного домохозяйства, базирующегося на компьютерной технологии и на интернет-сетевой коммуникации. Полифункциональность новой семьи позволит соединить труд родителей и детей в рамках совместного семейного производства и образования. Домашне-семейное образование и обучение детей самими родителями — новыми учителями — позволит серьезно продвинуться в направлении воссоздания семьи как совместной жизнедеятельности родителей и детей, нуждающихся друг в друге на всем протяжении семейного цикла жизни. Семейно-демографическая политика ДНК (доходов — налогов — кредитов), основанная на прочном фундаменте жилищного и материального благополучия, компенсирующего уменьшение дохода при рождении детей, направлена на обеспечение реального выбора между разными моделями семьи, между нынешней малодетностью (1–2 ребенка), среднететностью (3–4 ребенка) и многодетностью (5 и более детей). Главная цель политики ДНК — укрепление полной семьи с тремя детьми и постепенное массовое распространение этой модели семейно-детного образа жизни в противовес преобладающей ныне малодетной и многоразводной семье.

Литература

1. Антонов А. И. Об опыте применения метода семантического дифференциала в массовых социологических и демографических опросах 1976–2015 гг. // Социология. — 2016. — № 2.
2. Антонов А. И., Карпова В. М., Медков В. М., Синельников А. Б. Мониторинг демографической ситуации в Российской Федерации. — М.: КДУ, 2008.
3. Антонов А. И. Семейный образ жизни в сельской России. — М.: Ключ-С, 2007.
4. Архангельский В. Н. Факторы рождаемости. — М.: ТЕИС, 2006.
5. Демографические исследования. — М.: КДУ, 2009.
6. Семьецентризм: миф или реальность? / отв. ред. А. И. Антонов. — М.: МАКС Пресс, 2016.
7. Семья и рождаемость. Основные результаты выборочного обследования. 2009 год. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2010.
8. Семья, дети — жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России / под ред. А. И. Антонова. — М.: ФАП и ЦНС, 2015.
9. Синельников А. Б. и др. Семья и вера в социологическом измерении (результаты межрегионального и межконфессионального исследования). — М.: КДУ, 2009.

10. **Фамилистические исследования. Миллион мнений о семье и о себе. Т. 2.** — М.: КДУ, 2009.
1. *Antonov A. I.* Ob opyte primenenija metoda semanticheskogo differenciala v massovyh sociologicheskikh i demograficheskikh oprosah 1976–2015 gg. // Sociologija. — 2016. — № 2.
2. *Antonov A. I., Karpova V. M., Medkov V. M., Sinel'nikov A. B.* Monitoring demograficheskoy situacii v Rossijskoj Federacii. — М.: КДУ, 2008.
3. *Antonov A. I.* Semejnij obraz zhizni v sel'skoj Rossii. — М.: Kljuch-S, 2007.
4. *Arhangel'skij V. N.* Faktory rozhdaemosti. — М.: TEIS, 2006.
5. Demograficheskie issledovanija. — М.: КДУ, 2009.
6. Sem'ecentrizm: mif ili real'nost'? / otv. red. A. I. Antonov. — М.: MAKS Press, 2016.
7. Sem'ja i rozhdaemost'. Osnovnye rezul'taty vyborochnogo obsledovanija. 2009 god. — М.: ИС «Statistika Rossii», 2010.
8. Sem'ja, deti — zhiznennye cennosti i ustanovki: itogi sociologicheskogo oprosa naselenija v regionah Rossii / pod red. A. I. Antonova. — М.: FAP i CNS, 2015.
9. *Sinel'nikov A. B.* i dr. Sem'ja i vera v sociologicheskome izmerenii (rezul'taty mezhhregional'nogo i mezkhkonnessional'nogo issledovanija). — М.: КДУ, 2009.
10. Familisticheskie issledovanija. Million mnenij o sem'e i o sebe. Tom 2. — М.: КДУ, 2009.

Багирова А. П.,

д-р экон. наук, профессор

УрФУ им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Быкова Д. Г.,

канд. экон. наук

УрФУ им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Ильвес Э. В.,

УрФУ им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина

(Екатеринбург, Россия)

Учет результатов родительского труда в пенсионной системе РФ как инструмент снижения уровня его прекаризации

Аннотация

В данной статье предметом исследования является учет результатов родительского труда в пенсионной системе РФ. Организация такого учета создает условия для достижения цели работы, которая состоит в снижении уровня прекаризации родительского труда. В качестве методологических основ исследования выступают-

ют концепция человеческого капитала, концепция родительского труда, подходы к проблеме реформирования пенсионной системы. Опора на эти методологические основы позволяет говорить о том, что результатом родительского труда является человеческий капитал, сформированный в результате особого вида инвестирования, осуществляемого родителями в процессе этого вида труда. В результате разработаны три варианта механизма учета результатов родительского труда в пенсионной системе, использование которых приводит к снижению неопределенности при достижении родителями пенсионного возраста и обеспечению им определенного уровня гарантий и защищенности.

Ключевые слова: родительский труд, прекаризация, пенсионная система, методика оценки результатов родительского труда, механизм учета

JEL коды: J13, J26

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (проект «Интеграция результатов родительского труда в пенсионную систему РФ» № 16-32-00020).

Bagirova A. P.,

*Doctor of economic sciences, Professor
Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russia)*

Bykova D. G.,

*Candidate of economic sciences
Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russia)*

Ilyes E. V.,

*Ural Federal University
(Yekaterinburg, Russia)*

Accounting of the result of parental work in the pension system of the RF as an instrument for reducing the level of precarization

Abstract

In this article, the subject of the study is accounting for parental labor results in pension system of RF. The organization of such accounting creates conditions for the achievement of the goal of work, which consists in reducing the level of the parental labor precarization. Methodological bases for the study are the concept of human capital, the concept of parental labor, approaches to the problem of pension system reforming. The reliance on these methodological bases allows us to speak about parental labor results as human capital, formed as a result of a special type of investment carried out by parents in the process of this type of labor. As a result, three versions of the mechanism for accounting for parental labor results in pension system have been developed; their use reduces uncertainty when parents reach retirement age and provides them certain level of guarantees and security.

Key words: parental work, precarization, pension system, evaluation of the parental work results, accounting mechanism

JEL codes: J13, J26

Существование сферы родительского труда сегодня признается далеко не всеми экономистами и представителями других наук. Между тем этот вид деятельности соответствует всем признакам трудовой деятельности, что делает возможным, а в условиях негативных демографических тенденций — и крайне актуальным — его исследование в рамках экономики труда.

Постановка вопросов интеграции родительского труда в пенсионную систему для российской науки является новой. В то же время в работах зарубежных авторов данная проблема периодически поднимается и решается с учетом специфики сложившихся систем социального обеспечения [3; 4; 5].

Нами предпринята попытка соотнести проблемы результативности родительского труда и пенсионной системы РФ. Такой подход преследует несколько целей: 1) разработка мер, направленных одновременно на решение глубинных проблем пенсионной системы и на повышение качества будущего человеческого капитала; 2) поиск механизмов, обеспечивающих компенсацию ресурсов родителей, затраченных в процессе рождения, воспитания и ухода за детьми; 3) создание условий для повышения уровня жизни субъектов родительского труда после выхода на пенсию.

Для оценки результатов родительского труда нами предложены три принципа: 1) принцип стадийности оценки. Это связано с тем, что каждая стадия родительского труда характеризуется своим набором трудовых функций, содержанием труда, периодом его осуществления; 2) принцип использования совокупности источников информации о результатах родительского труда. Показатели, характеризующие результаты родительского труда, могут быть зафиксированы в различных источниках, которые позволят оценить разные аспекты качества сформированного человеческого капитала; 3) принцип выделения на каждой стадии двух групп показателей результатов родительского труда — медицинских и социальных. К группе медицинских показателей относятся те, которые характеризуют физическое и психическое здоровье как элемент человеческого капитала, а к группе социальных — показатели, связанные с полученным образованием и приобретенными знаниями, умениями и навыками в ходе социальной жизнедеятельности [Быкова, с. 6–8].

Предложенная система оценки результатов родительского труда предполагает последовательную разработку системы показателей формирования результатов родительского труда, унификацию и формализацию источников информации, назначение администраторов перечня показателей результатов родительского труда, расчет групповых, а затем интегральных показателей на каждой стадии, расчет итогового показателя результата родительского труда и передачу данных в Пенсионный фонд РФ. Проведена апробация методики для оценки результатов родительского труда на трех стадиях.

В зависимости от экономической ситуации и нагрузки на трудоспособное население предложены три варианта механизма интеграции ре-

зультатов родительского труда в пенсионную систему РФ: 1) установление процента отчисления на дополнительную пенсию в пределах максимальной взносооблагаемой базы; 2) установление процента отчисления на дополнительную пенсию сверх максимальной взносооблагаемой базы; 3) частичное перераспределение сумм, отчисляемых в систему обязательного пенсионного страхования, на дополнительные пенсии родителей. Предложенные варианты механизма интеграции результатов родительского труда в пенсионной системе РФ различаются в зависимости от того, как будет распределена основная финансовая нагрузка между работником и работодателем. Первый вариант механизма предполагает возложение дополнительных расходов на работодателя, второй — распределение финансовой нагрузки между работником и работодателем, третий — перераспределение части страховых взносов (пенсионных баллов), поступающих на индивидуальный пенсионный счет субъекта профессиональной деятельности, в пользу его родителей [Родительский труд, с. 148].

Успешная интеграция предложенных механизмов в пенсионную систему связана с решением проблем организационного, экономического, нормативно-правового и технологического характера, изменением методики отчислений в государственные внебюджетные фонды, модификацией информационного сопровождения бухгалтерского и налогового учета и включением в них разделов, предусматривающих расчет размера взноса на дополнительную репродуктивно-трудовую пенсию. В перспективе предложенный механизм интеграции результатов родительского труда в пенсионную систему создает условия для стимулирования осознанного родительства, улучшения качества человеческого капитала страны, индивидуализации системы пенсионного страхования, а также в первую очередь снижения уровня прекаризации этого вида трудовой деятельности.

Литература

1. Багирова А. П., Быкова Д. Г. Оценка результатов родительского труда: методические принципы и система показателей // Экономический анализ: теория и практика. — 2015. — № 27 (426). — С. 2–13.
2. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты: монография / А. П. Багирова и [др.]; под общ. ред. проф. А. П. Багировой; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург: Изд-во Уральск. ун-та, 2015. — 171 с.
3. Folbre N. Who pays for the kids? Gender and the structures of constraint. — Routledge, London and New York, 2003. — 335 p.
4. Lathrop J. C. Laws relating to “mothers’ pensions” in the United States, Denmark and New Zealand // U.S.A. Department of Labor, Children’s bureau. Dependent children series. — № 1. — Washington Government printing office, 1914. — 102 p.
5. Reid M. G. Economics of household production. — New York: Wiley and Sons, 1934. — 326 p.

1. *Bagirova A. P., Bykova D. G. Ocenka rezul'tatov roditel'skogo truda: metodicheskie principy i sistema pokazatelej / A. P. Bagirova, D. G. Bykova // Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika. — 2015. — № 27 (426). — S. 2–13.*
2. *Roditel'skij trud: uslovija realizacii, motivy i rezul'taty: monografija / A. P. Bagirova i [dr.]; pod obshh. red. prof. A. P. Bagirovoj; M-vo obrazovanija i nauki Ros. Federacii, Ural. federal. un-t. — Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2015. — 171 s.*

*Бирюкова С. С.,
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник
Институт социальной политики НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

*Макаренцева А. О.,
канд. экон. наук,
заведующая Лабораторией исследований
демографии и миграции ИнСАП РАНХиГС
(Москва, Россия)*

Эволюция «штрафа за материнство» в доходах российских женщин

Ключевые слова: штраф за материнство, оплата труда женщин
JEL код: J13

*Biryukova S. S.,
Cand. Sci. (Econ.), Leading Researcher
Institute for Social Policy at NRU HSE
(Moscow, Russia)*

*Makarentseva A. O.,
Cand. Sci. (Econ.),
Head of the Demographic and Migration
Studies Laboratory at Institute for Social
analysis and Forecasting, RANEPА
(Moscow, Russia)*

Evolution of the “penalty for motherhood” in income of Russian women

«Штраф за материнство» — это разница в уровнях доходов или, в более узком понимании, заработной платы у женщин с детьми и бездетных женщин, которая не объясняется другими их социально-демографическими характеристиками. Это явление одновременно находится в фокусе демографии и экономики рынка труда.

Выявлению и оценке «штрафа за материнство» посвящено множество эмпирических работ в России и за рубежом (например, [3; 4] и многие

другие). В чем причины возникновения такого «штрафа»? Работодатели ожидают от женщин с детьми более низкой продуктивности работы (в том числе частых больничных) и дискриминируют их при приеме на работу или при продвижении. Сказываются и реальные различия в производительности, обусловленные высокой нагрузкой матерей в домохозяйстве. Наконец, наблюдаемый «штраф» связывают также с селективностью вступления в материнство по уровню человеческого капитала женщины [5 и др.].

Российских исследований на тему «штрафа за материнство» к настоящему моменту существует не так много. Как показывают результаты одной из наиболее ранних работ по этому вопросу, в 2003 г. разрыв в оплате труда женщин с детьми до 18 лет и без них составлял около 12% [2; данные НОБУС]. Расчеты на панельной выборке Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) за 2003–2005 гг. показали штраф в размере 8,1%, а также его увеличение с ростом уровня образования [3; 4].

Задачи данного исследования состоят не только в оценке непосредственного размера «штрафа за материнство», но и в ответах на следующие вопросы:

- а) накладывается ли «штраф за материнство» на всю профессиональную биографию женщины или это временный эффект, возникающий в связи с временной утерей квалификации и временным нарушением баланса семья — работа;
- б) есть ли значимая дифференциация размеров «штрафа» по количеству детей?

Представленные в работе оценки основываются на репрезентативной выборке 23-й волны обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ (2014). Из нее отобраны занятые женщины в возрасте 20–44 лет. Размер целевой подвыборки составляет 1425 наблюдений.

Авторы используют двухступенчатую модель оценки размеров «штрафа», на первом этапе реализации которой строится бинарная логистическая регрессия. Она позволяет оценить связь таких факторов, как возраст респондентки, место ее проживания, образование и партнерский статус со статусом материнства, и использовать полученные оценки коэффициентов для предсказания условной вероятности быть матерью. Полученные вероятности затем используются для расчета весов для контроля возможной селекции в материнство. На втором этапе реализации модели оценка размеров «штрафа за материнство» проводится на основе взвешенной лог-линейной регрессии, в которой зависимой переменной является логарифм среднемесячной заработной платы женщины.

Результаты оценки модели указывают на «штраф» в размере около 4% от заработной платы в среднем для всех женщин с несовершеннолетними детьми, с существенной дифференциацией по уровню образования. В работе показано, что женщины с высшим образованием получают

в 1,5 раза более высокий «штраф», и, кроме того, в этой группе он проявляется раньше: разница в оплате труда бездетных женщин и матерей с высшим образованием проявляется уже после рождения первого ребенка, в то время как среди женщин без него — только начиная со второго. В перспективе работа будет дополнена оценками за 1994–2013 гг. для выяснения эволюции «штрафа» с течением времени.

Литература

3. Арженовский С. В., Артамонова Д. В. Оценка потерь в зарплате женщин с детьми // Прикладная эконометрика. — 2007. — № 7(3). — С. 66–79.
4. Ниворожкина Л. И., Ниворожкин А. М., Арженовский С. В. «Цена» материнства: эконометрическая оценка // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2008. — № 1.
5. Harkness S., Waldfogel J. The family gap in pay: evidence from seven industrialised countries. Centre for Analysis of Social Exclusion. — London School of Economics and Political Science, 1999.
6. Lundberg S., Rose E. (2000) Parenthood and the earnings of married men and women // Labour Economics. — 2000. — No. 7(6). — P. 689–710.
7. Wetzels C., Zorlu A. Wage effects of motherhood: a double selection approach, 2003.
4. Arzhenovskij S. V., Artamonova D. V. Ocenka poter' v zarplate zhenshhin s det'mi // Prikladnaja jekonometrika. — 2007. — № 7(3). — С. 66–79.
5. Nivorozhkina L. I., Nivorozhkin A. M., Arzhenovskij S. V. «Cena» materinstva: jekonometricheskaja ocenka // Vestnik Taganrogsokogo instituta upravlenija i jekonomiki. — 2008. — № 1.

Вишневский А. Г.,

*д-р экон. наук, директор
Институт демографии НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

Денисов Б. П.,

*канд. экон. наук, ст. научн. сотр.
МГУ им. М. В. Ломоносова
Экономический факультет
(Москва, Россия)*

Сакевич В. И.,

*канд. экон. наук, ст. научн. сотр.
Институт демографии НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

Контрацептивная революция в России

Ключевые слова: контроль рождаемости, планирование семьи, контрацепция, контрацептивная революция, аборты, рождаемость

JEL код: J13

*Vishnevsky A. G.,
Denis B. P.,
Sakevich V. I.*

The contraceptive revolution in Russia

К середине 1960-х гг. рождаемость в России упала до уровня простого воспроизводства и продолжала снижаться. В Европе она была выше (TFR = 2,49–2,89), и ее очень низкий уровень был еще впереди (*Ливу-Баччи М.* Демографическая история Европы, 2010. Табл. 7.3. Среднее число детей на одну женщину в некоторых европейских странах в период с 1921 по 1995 г.). Тем не менее способы достижения приблизительно одинакового размера семьи отличались, а с середины 1960-х гг., по всей видимости, различия стали еще больше — в Европе произошла контрацептивная революция, в России она задержалась на 30 лет. Причина задержки — отсутствие государственной поддержки идей планирования семьи. Контрацептивная революция в нашей стране произошла только после отказа от административного управления народным хозяйством (конец 1980-х — начало 1990-х гг.) и появления рынка и рыночных отношений, в частности фармацевтического рынка и рынка контрацепции.

Заметное (зафиксированное статистикой) и даже доминирующее присутствие аборта среди методов регулирования числа рождений в семье, наблюдавшееся в РФ и СССР, заставляет предположить, что аналогичная ситуация могла наблюдаться также в Европе и США, но не наблюдалась по причине отсутствия системы наблюдения (статистики).

С другой стороны, по-видимому, роль аборта в западных странах всегда оставалась второстепенной, основным инструментом регулирования рождаемости действительно стали различные методы предотвращения беременности и их эффективное использование как результат более высокого уровня культурного развития, а ее прерывание не получило массового распространения. Об этом можно судить по статистике легальных аборт после того, как в 1960–1970-е гг. аборт во многих западных странах был разрешен. Аборт вышел из подполья, стал доступен, и статистика свидетельствовала о некотором расширении практики легального прерывания беременности. Но никакого «взрыва» числа аборт не произошло даже на пике роста интенсивности аборт, она была несопоставимо ниже, чем в России в то время. Например, в США после решения Верховного суда, отменившего в 1973 г. запрет аборт, их число повысилось до 43–44 на 100 родов в 1979–1984 гг., после чего показатель пошел на убыль. Во Франции, несмотря на декриминализацию аборт в 1975 г., их число на 100 родов впоследствии почти никогда не превышало 30. В России же при примерно таком же уровне рождаемости, как в названных странах, на протяжении 1960–1970-х гг. число аборт на 100 родов превышало 200, а иногда и 250. Вместе с тем наблюдавшееся (зафиксированное ста-

тистикой) в демографическом переходе снижение рождаемости в США и Европе не может быть интерпретировано как контрацептивная революция, несмотря на расширявшееся использование различных, но, как правило, не очень эффективных методов предотвращения зачатия.

Прорыв был совершен, когда появились гормональные и внутриматочные контрацептивы. Поиски заняли несколько десятилетий. Первый образец внутриматочного средства был создан в 1909 г., а идея гормональной контрацепции появилась в начале 1930-х гг. Но и то и другое достигло необходимых стандартов надежности и безопасности только к началу 1960-х гг. В 1960 г. в США, а потом и в Европе были разрешены для повсеместного применения противозачаточные таблетки на основе синтетических гормонов, примерно тогда же началось широкое распространение внутриматочных противозачаточных средств, изготавливаемых из инертных пластических материалов. Третьим надежным методом предотвращения зачатия стала хирургическая стерилизация, которая также получила широкое распространение с 1970 г. благодаря введению в хирургическую практику методов мини-лапаротомии и лапароскопии.

Новые технологии регулирования рождаемости, ознаменовавшие контрацептивную революцию, до России дошли нескоро. Новые противозачаточные средства, распространявшиеся на Западе, в СССР воспринимали с подозрением. Отношение к ним Минздрава СССР было противоречивым, а его политика — вялой, непоследовательной, а временами контрпродуктивной. В 1970 г. в Москве прошел Симпозиум по гормональной контрацепции, в итоговых документах которого был отмечен высокий противозачаточный эффект гормональных контрацептивов. Собственного производства гормональных контрацептивов в России нет до сих пор. В 1974 г. Министерство здравоохранения разослало письмо, в котором побочные эффекты применения оральных контрацептивов были настолько преувеличены, что само дальнейшее их использование оказалось под вопросом.

В условиях конкурентной рыночной экономики западные страны шли по пути постоянного развития и совершенствования противозачаточных средств, уменьшения риска их использования. А Минздрав СССР продолжал акцентировать внимание на анализе осложнений, связанных с приемом гормональных контрацептивов. В 1981 г. было издано новое информационное письмо Минздрава, в котором прямо говорилось: «Трудно согласиться с мнением... что положительные медицинские и социальные последствия применения оральных контрацептивов превышают их риск». Позиция руководителей здравоохранения не могла не вызвать почти враждебного отношения населения к гормональной контрацепции (Кон И. Клубничка на березке: сексуальная культура в России, 1997). Борьба с высоким уровнем абортaв правительство предполагало в основном двумя путями: запугиванием женщин с помощью информации

о вреде и опасности прерывания беременности для здоровья и пропагандой материнства и отцовства (Полчанова С. Анализ методических ошибок противонаборной пропаганды, 1973). Однако контрацептивная революция в России идет довольно высокими темпами, равнодушие государства не способствует ее ускорению, но и не может ее остановить.

Карпова В. М.,
канд. социол. наук, ст. преподаватель
МГУ им. М. В. Ломоносова
Социологический факультет
(Москва, Россия)

Особенности репродуктивного поведения женщин и выбор стратегии решения проблемных ситуаций

Аннотация

В рамках данной работы осуществлен анализ трех исследований, проведенных на кафедре социологии семьи и демографии Социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в период с 2000 по 2010 г. (всего 2935 репродуктивных историй женщин различного возраста, семейного положения и с различным числом детей), а также проводится сравнение с аналогичными исследованиями, выполняемыми за рубежом. Исследованы все комбинации репродуктивных событий с учетом их последовательности и исходов, выявлены стратегии репродуктивного поведения, соответствующего различным репродуктивным ориентациям, проведена оценка влияния социально-демографических характеристик респондентов и их семей на принятие тех или иных репродуктивных решений в случае возникновения проблемных репродуктивных ситуаций.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, исходы беременности, репродуктивные события

JEL код: J13

Karpova V. M.,
k.s.n., senior lecturer
Lomonosov Moscow State University
Sociology faculty
(Moscow, Russia)

The characteristics of women's reproductive behavior and the choice of a strategy to address problem situations

Abstract

This article presents analysis of three surveys, conducted based on sociology of family department of sociology faculty of Lomonosov MSU in period from 2000 to 2010 (a total of 2935 reproductive histories of women of different age, family status and different number of children), and there is a comparison made with similar surveys conducted abroad. All combinations of reproductive events are investigated taking into account their sequence and

outcomes, the impact of respondents' and their families socio-demographical characteristics have on decision making in case of problematic reproductive situations is also investigated.

Key words: reproductive behavior, pregnancy outcomes, reproductive events

JEL code: J13

Введение

Статистика динамики численности населения России в последние годы показывает в целом постоянные и в большинстве положительные тенденции, однако анализ причин, обеспечивающих положительную динамику, показывает, что она в наибольшей степени обусловлена благоприятным влиянием половозрастной структуры населения и изменением тайминга рождений, проинициированного демографической политикой, проводимой в России в последнее десятилетие [2]. В то время как более пристальное изучение отдельных демографических показателей, например, сравнение коэффициентов рождаемости и доли абортс среди всех беременностей показывает, что, несмотря на наметившиеся положительные изменения, их уровень еще далек от показателей европейских стран. Так в соответствии с данными ООН в период 2010–2013 гг. Россия лидировала по показателю числа абортс на 1000 женщин возраста 15–44 лет среди всех европейских стран: в России в 2010 г. этот показатель составил 37,4, что было наибольшим даже среди стран Восточной Европы и значительно превышало показатели Западной Европы [8]. В последние годы доля абортс ежегодно сокращается, и, по данным Федеральной службы государственной статистики, в 2014 г. на 1000 женщин в возрасте 15–49 лет приходится уже 25,9 искусственного прерывания беременности, а в пересчете на 100 рождений совершается 48,1 абортс [3, с. 72]. Однако нельзя недооценивать значение данного показателя, так как его величина означает, что до сих пор почти треть беременностей были прерваны искусственно.

Приведенные данные показывают актуальность и важность изучения репродуктивного поведения женщин, особенно в вопросах прерывания беременности.

Для анализа репродуктивного поведения матерей, проводимого в данной работе, необходимо дать ряд определений понятий, которые будут использоваться в дальнейшем описании полученных результатов. Это исследование проводится в рамках парадигмы кризиса семьи и опирается на понимание репродуктивного поведения, разработанное профессором А. И. Антоновым. Так, под репродуктивным поведением мы будем понимать «систему действий и отношений, опосредующих рождение определенного числа детей в семье (а также вне брака)» [1, с. 328].

Для анализа репродуктивной истории матерей необходимо определение репродуктивного процесса как «последовательности репродуктивных событий на протяжении всей жизни индивида или семьи, связанных с рождением детей и являющихся результатом совместного действия физиологических предпосылок и социокультурного контроля

репродуктивного поведения» [1, с. 329]. Основным объектом исследования, приводимого в данной работе, являются последовательности репродуктивных событий на протяжении всей жизни женщины, поэтому для краткости и отражения исследуемого объекта в дальнейшем изложении будет использовано словосочетание «репродуктивная история» как синоним репродуктивного процесса.

База исследований и методология

В качестве основной базы для анализа, описываемого в данной работе, использовались три базы данных исследований, проведенных на кафедре социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова под руководством А. И. Антонова. Исследования отбирались по следующим критериям: они должны были содержать блок вопросов об истории исходов беременностей женщины и должны были быть достаточно близки по времени проведения. В результате были отобраны три исследования, описания которых приводятся в табл. 1. Общая выборка совокупной базы данных составила 2935 женщин, которые предоставили ответы о своей репродуктивной истории, т. е. имели хотя бы одну беременность (независимо от ее исхода).

Для осуществления международных сравнений было использовано «Национальное исследование роста семьи», проводимое Национальным центром по статистике здравоохранения США с 1973 г. [6]. В данной работе использовались данные шестой волны исследования, проведенной в 2006–2010 гг., что в целом сопоставимо с результатами используемых российских исследований. В данном исследовании принимали участие $N = 12\,279$ женщин в возрасте 15–45 лет, однако данные об исходах беременности были отмечены только у 7538 женщин, которые хотя бы один раз были беременны. Главным критерием выбора именно этого исследования является наличие в нем вопросов об исходах всех беременностей и сопоставимые по отношению к отечественным исследованиям варианты ответов. Таким образом, можно проводить корректный сравнительный анализ репродуктивных историй женщин двух стран.

Таблица 1

Обзор исследований, используемых для анализа

Название исследования	Описание выборки
Россия 2000/2001	$N = 925 / 506$ Мужчины и женщины в возрасте от 18 лет и старше, большинство состоит в браке и имеют хотя бы одного ребенка
Образ жизни многодетных семей в России и задачи демографической политики	$N = 913$ Женщины в возрасте от 20 лет и старше, имеющие трех и более детей

Название исследования	Описание выборки
Репродуктивное здоровье (2007)	<i>N</i> = 1002 Женщины в возрасте 18 лет и старше
Национальное исследование роста семьи (США, 2006–2010)	<i>N</i> = 7538 Женщины в возрасте 15–45 лет

При изучении репродуктивного цикла семьи и репродуктивной истории женщины разнообразие возможных репродуктивных событий было ограничено теми вариантами ответов, которые были представлены во всех базах отобранных исследований. Таким образом, пришлось объединить группы ответов о причинах совершения искусственного аборта (ИА): по рекомендации врача или без нее в один ответ «совершен ИА», так как детальный вопрос был задан только в одном исследовании. Однако данная работа, будучи первым шагом на пути изучения репродуктивного поведения как цепи репродуктивных событий и исследования причин принятия тех или иных репродуктивных решений с социологической, а не с медицинской точки зрения, даже на основе имеющихся данных позволила сделать ряд интересных выводов.

Результаты исследования

На основе ответов респондентов об исходах беременности были выявлены основные этапы, события репродуктивной истории, которые послужили базой для дальнейшего анализа (рис. 1).

Особенности выборки российских исследований обуславливают высокую долю женщин, в репродуктивной истории которых есть хотя бы одно рождение ребенка (96,0%), однако среди американских женщин, имеющих хотя бы одну беременность, 88,7% также имеют хотя бы одного ребенка. Вторым по частоте репродуктивным событием среди российских женщин ожидаемо оказался ИА (48,6%), в то время как среди американских женщин его совершали лишь 19,6% респондентов. Такое различие является логичным следствием вдвое более низкого уровня распространения абортов в США по сравнению с Россией. Так, по данным ООН, показатели уровня абортов в США в 2007 г. были более чем в два раза ниже, чем в России (20,8 аборта на 1000 женщин в возрасте 15–44 лет против 53,7 в России) [7, с. 1].

Любопытным является различие в количестве отмеченных выкидышей, которое среди респонденток США на 10 процентных пунктов выше, чем в России (28,2% по сравнению с 18,0%). Одним из возможных объяснений такого различия может быть отмечаемое в литературе занижение доли совершенных абортов среди женщин, а также тенденция отмечать ИА как выкидыш, произошедший в первом триместре [5]. В целом вероятность того, что беременность закончится выкидышем, оценивает-

ся в 17–22% [4], таким образом данные, полученные среди российских женщин, в большей степени соответствуют указанным рамкам, нежели ответы респонденток из США.

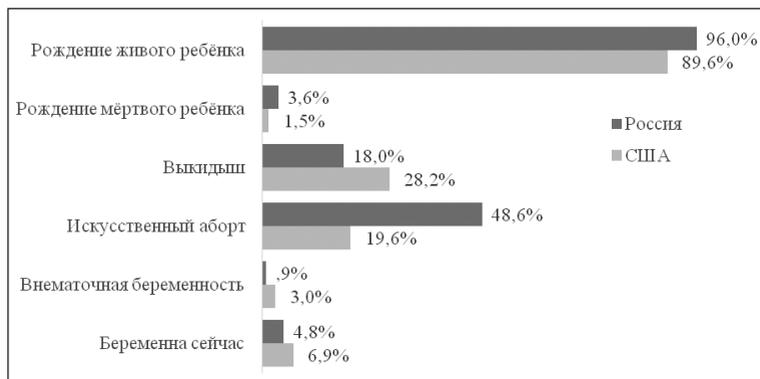

Рис. 1. Основные события репродуктивного цикла (по данным исследований кафедры социологии семьи и демографии, 2000–2010 гг. и National Survey of Family Growth, 2006–2010)

Интересной сферой анализа является изучение репродуктивного поведения женщины, выбора ею того или иного репродуктивного решения в зависимости от ее социодемографических характеристик. Наиболее полную картину можно получить, если проводить анализ исходов каждой беременности в зависимости от статуса женщины, однако в данных исследованиях только в одном был вопрос о возрасте женщины и лишь в исследовании США были приведены данные о ее брачном положении и возрасте. Однако имеющихся данных достаточно, чтобы провести сравнение репродуктивных историй женщин в зависимости от их статуса на момент проведения интервью.

В первую очередь был проведен анализ среднего числа репродуктивных событий в зависимости от имеющегося числа детей (на момент интервью). Данные представлены на рис. 2. Как показали результаты анализа, в среднем репродуктивная история женщин, принимавших участие в исследованиях, составляет 3,4 события для россиянок и 2,7 события для респонденток из США. Любопытно провести анализ среднего числа репродуктивных событий, которые произошли в жизни респонденток с различным числом детей — соотношение этих двух показателей можно назвать «эффективностью» репродуктивной истории. Как показывают данные исследований, в среднем для достижения одного и того же числа детей жительницам России нужно пережить в 1,1–1,3 раза больше репродуктивных событий, чем жительницам США. Наибольшая разница отмечается среди тех, у кого есть два ребенка: двухдетные россиянки от-

мечают в своей репродуктивной истории 3,39 репродуктивного события, т. е. в среднем им потребовалось 3–4 беременности, чтобы родить двоих детей, в то время как среди представительниц США этот показатель составляет 2,68. Иными словами, у россиянок происходит от 0,95 до 1,39 «лишней» беременности, не заканчивающейся рождением ребенка, в то время как среди представительниц США эта доля колеблется в пределах 0,64–0,72 беременности. Еще одним любопытным фактом является практически полное совпадение длины репродуктивной истории бездетных респондентов — около 1,4 репродуктивного события в каждой из стран.

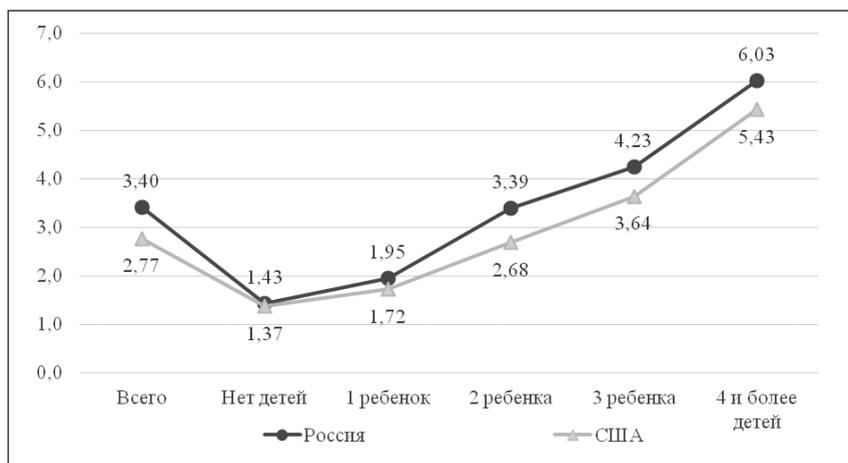

Рис. 2. Репродуктивный цикл в зависимости от числа детей — число событий

Детальный анализ репродуктивных историй проводился в первую очередь для России, и именно его результаты представлены далее. Были проанализированы последовательность и сочетания всех репродуктивных событий в жизни респондентов. Одной из целей данного анализа было желание ответить на вопрос: является ли рождение трех и более детей, многодетность, по современной классификации, отказом от совершения искусственных абортов? Среди базы данных российских исследований было выявлено 532 различные комбинации репродуктивных событий (РС). В первую очередь были проанализированы репродуктивные истории (РИ) различной длины (табл. 2).

Результаты анализа показали, что чем больше длина репродуктивной истории, тем меньше ее эффективность. Так, среди женщин, отметивших две беременности, почти половина (48,2%) имеют двоих детей, среди тех, у кого было три беременности, лишь 41,5% имеют троих детей, а дальше доля тех, у кого число детей совпадает с числом беременностей, снижа-

ется существенным образом до 16,0% в случае четырех беременностей и до 9% в случае пяти беременностей и более. В ходе анализа были выявлены самые различные комбинации репродуктивных событий: так, у 179 (9%) респондентов в их репродуктивной истории есть и рождение детей, и выкидыши, и искусственные аборт, причем в самом различном порядке. В целом доля тех, у кого число рожденных детей совпадает с числом беременностей, колеблется в пределах 35–45%, и не отмечается тенденции снижения с числом рожденных детей. То есть многодетность не связана с отказом от совершения абортов.

Таблица 2

**Обзор репродуктивных историй
по длине и комбинации репродуктивных событий (РС)**

Длина РИ	Доля среди РИ, %	Наиболее распространенные комбинации РС (доля среди РИ заданной длины)			
Одно событие	17,8	83,7% рождение детей (РД)			
Два события	21,3	2 РД (48,2%)	Р + ИА (26,3%)		
Три события	20,4	3 РД (41,5%)	2РД + 1ИА (10,3%)	РД + ИА + РД (14,7%)	РД + 2ИА (8,8%)
Четыре события	16,2	4 РД (16,0%)	комбинации РД и ИА (29,0%)		
Пять и более событий	24,3	5+ РД (9,0%)	различные комбинации РД и ИА (42,7%)		

Для более наглядной иллюстрации этого вывода все репродуктивные истории были сгруппированы в два типа: с естественным ходом, т. е. состоящие только из рождения детей, самопроизвольных абортов или мертворождений, и неестественным ходом, включающие в себя искусственные аборты (рис. 3). Сравнение долей репродуктивных историй каждого типа среди респондентов с различным числом детей позволило выявить статистически значимые отличия только среди женщин, имеющих двух детей, по сравнению с однодетными, трехдетными и четырехдетными — среди двухдетных значимо ниже доля репродуктивных историй с естественным ходом и соответственно значимо выше доля репродуктивных историй с ИА. В целом лишь среди двухдетных респонденток доля РУ с совершением ИА выше, чем доля РУ с естественным ходом. Поиск факторов, повлиявших на это отличие, и его причин является перспективой дальнейшего исследования. Однако полученные результаты наглядно подтверждают, что многодетность не связана с отказом от ИА, так как доля РУ с неестественным ходом, хоть и снижается с ростом числа детей, все равно остается достаточно большой (41,1% среди женщин с четырьмя и более детьми) и не наблюдается стабильной тенденции изменения этой доли с ростом числа рожденных детей. По всей видимости, принятие решения о совершении аборта не зависит от числа имеющихся детей,

и, как показывает анализ репродуктивных историй, оно может быть принято на любом ее этапе.

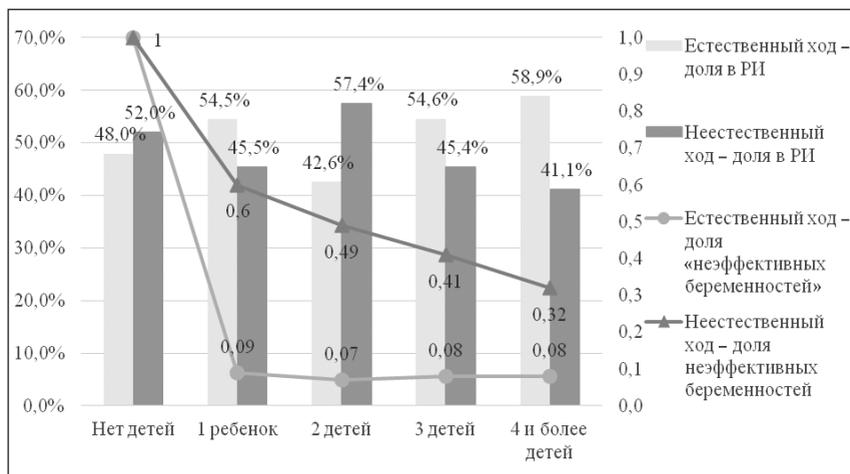

Рис. 3. Зависимость репродуктивной истории от числа рожденных детей

Для более точного выявления взаимосвязи хода репродуктивной истории и имеющегося числа детей была проведена оценка доли «непродуктивных» (не закончившихся рождением ребенка) беременностей среди всех беременностей (линии на рис. 3). Очевидно, что в случае «естественного хода» репродуктивной истории доля неэффективных беременностей обуславливается состоянием здоровья матерей, и поэтому ее достаточно постоянный уровень говорит о стабильной низкой доле невынашивания и мертворождения среди всех беременностей. С другой стороны, доля неэффективных беременностей среди всех беременностей снижается с ростом числа детей, т. е., предполагая относительно постоянную долю естественных причин прерывания беременности, можно говорить о снижении доли неэффективных беременностей именно за счет снижения доли ИА. Результаты попарных сравнений средних на основе теста Стьюдента, рассчитанного с поправкой Бонферони на множественные сравнения, показывает статистическую значимость отличий ($p < 0,05$), что говорит о значимости тенденции снижения доли неэффективных беременностей в репродуктивной истории.

Выводы и перспективы дальнейшего развития

Данное исследование является первым шагом на пути детального изучения репродуктивного процесса. Полученные результаты позволяют сделать вывод о сложности и неоднозначности процесса принятия ре-

продуктивных решений, в первую очередь решения о совершении ИА. Даже анализ только взаимосвязи репродуктивной истории с имеющимся числом детей показывает неоднозначность: с одной стороны, искусственные абортс отмечаются среди всех групп респондентов по числу детей, с другой стороны, отмечено значимое снижение числа неэффективных беременностей с ростом числа детей. В дальнейшем планируется проведение более детального анализа полученных взаимосвязей с целью выявления факторов, оказывающих влияние на принятие решения о рождении ребенка или совершении аборта, в том числе изучение вероятности различных репродуктивных исходов в зависимости от числа детей, имеющихс на момент беременности.

В качестве более далеких, но не менее важных перспектив исследования можно отметить следующие шаги, которые видятся наиболее логичными в ближайшей перспективе:

- получение более полной информации о репродуктивной истории (возраст, семейное положение, число детей, применение контрацепции для каждой из регистрируемых беременностей);
- исследование причин принятия репродуктивных решений в каждой из проблемных ситуаций для всей репродуктивной истории;
- анализ способов совладания с проблемными ситуациями в ходе репродуктивной истории;
- оценка влияния семьи на принятие тех или иных репродуктивных решений в различных ситуациях;
- анализ влияния прошлой репродуктивной истории на принятие репродуктивных решений;
- сравнительный анализ РИ и факторов, ее определяющих, в России с другими странами.

Однако большинство из данных задач не может быть решено на основе данных имеющихся исследований, так как вопросы об исходах беременности не были связаны с вопросами о социально-демографическом статусе респондентов. Таким образом, для их решения необходимо проведение дополнительных исследований с более подробным блоком вопросов об исходах беременности среди различных групп респондентов.

Литература

1. Антонов А. И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): учебн. пособие для вузов. — М.: Издательский дом «Nota Bene», 1998.
2. Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л. Результативность демографической политики России. — М.: Экон-Информ, 2016.
3. Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2015.

4. *García-Enguánidos A., Calle M. E., Valero J., Luna S., Domínguez-Rojas V.* Risk factors in miscarriage: a review // *Eur J Obstet Gynecol Reprod Biol.* — 2002. — May 10; 102(2):111-9. Review. PubMed PMID: 11950476.
 5. *Jones R. K. and Kost K.* (2007), Underreporting of Induced and Spontaneous Abortion in the United States: An Analysis of the 2002 National Survey of Family Growth // *Studies in Family Planning.* — 2007. — No. 38. — P. 187–197. doi:10.1111/j.1728-4465.2007.00130.x
 6. NCHS, National Survey of Family Growth, 2006–2010. URL: https://www.cdc.gov/nchs/nsfg/nsfg_products.htm
 7. World Abortion Policies 2007. URL: http://www.un.org/esa/population/publications/2007_Abortion_Policies_Chart/2007_WallChart.pdf
 8. World Abortion Policies 2013. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/policy/WorldAbortionPolicies2013/WorldAbortionPolicies2013_WallChart.pdf
1. *Antonov A. I.* Mikrosociologija sem'i (metodologija issledovanija struktur i processov): uchebn. posobie dlja vuzov. — M.: Izdatel'skij dom «Nota Bene», 1998.
 2. *Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E., Rybakovskij L. L.* Rezul'tativnost' demograficheskoj politiki Rossii. — Jekon-Inform Moskva, 2016.
 3. *Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2015: stat. sb. / Rosstat.* — M., 2015.

*Ляликова С. В.,
МГУ имени М. В. Ломоносова
Социологический факультет
(Москва, Россия)*

Особенности семейно-детных ориентаций и установок женщин репродуктивного возраста

Ключевые слова: репродуктивный возраст, институт семьи, семейные ценности

JEL код: J13

Lyalikova S. V.

Specific features of family-child orientations and the attitudes of women of reproductive age

Кризисное состояние института семьи, вызванное невыполнением репродуктивной функции, приводит к деформации казавшейся ранее «нерушимой основы общества... сохраняя внешнюю оболочку», семья «быстро утрачивает прежнее содержание» [5, с. 75]. Зачатки этого процесса связаны с развитием индустриального общества, с распространением «индивидуального промышленного труда вне семьи с индивидуальной заработной платой» [2, с. 183], изменением форм производства

и потребления духовных и материальных благ, урбанизацией, а также эмансипацией женщин и вовлечением их в производственный процесс. Всеобщая ориентированность на индивида, а не семью повлекла за собой изменения в системе ценностных ориентаций индивидов, все чаще отдающих предпочтение удовлетворению своих личных потребностей и придерживающихся внесемейных ценностей.

Сравнительный анализ ответов мужей и жен по результатам социолого-демографического опроса супружеских пар Москвы с двумя детьми «Семья и дети-1978», относительно ценности семейного образа жизни не дал статистически значимых результатов. Однако применение однофакторного дисперсионного анализа показало статистически значимое различие в единственном из суждений: «Рождение и воспитание детей — самое главное в жизни женщины». Так, женщины выше, чем мужчины, оценивают для себя само рождение и воспитание детей (4,49 балла в сравнении с 4,13 балла). Предположительно, это связано с тем, что мужчины менее вовлечены в процесс воспитания и ухода за ребенком.

По данным ФОМ [4], в ответе на вопрос: «...кто из членов Вашей семьи, с которыми Вы жили в детстве, проводил с Вами больше всего времени, занимался Вашим воспитанием?» — 57% респондентов отмечают роль матери, и лишь 22% говорят о равной роли родителей или отдают предпочтение отцу (7%). Что касается нормативных представлений о воспитании в идеальной семье, то большинство респондентов (82%) убеждены, что оба родителя должны в равной степени участвовать в воспитании детей. Однако традиционная модель главенства отца, господствовавшая в обществе долгое время, олицетворялась с высшей дисциплинирующей инстанцией наставника в вопросах семейной и общественной жизни. С начала 1980-х гг. эта модель начинает трансформироваться в связи с повышенной занятостью женщин во внесемейном производстве. Появляется качественно новый паттерн родительского поведения, что приводит к коренным изменениям «жизненных стратегий и положения в семье» [1, с. 104].

Большинство женщин (87,4%) одобряют участие мужа в воспитании детей и считают, что отцы недостаточно вовлечены в этот процесс. Однако, как утверждает американский профессор Сара Шоппе-Салливан, наличествует двойственное поведение матерей, которые, с одной стороны, хотят добиться от супруга соответствующей помощи, с другой стороны, желают сохранить за собой лидерство в воспитании детей.

Уменьшение фактической детности семьи очевидно, и в основе этой тенденции находится неблагоприятная динамика репродуктивных ориентаций и установок. Индекс ожидаемого числа детей наиболее показателен в этом отношении, именно его неполная реализация определяет фактическую детность семьи. Различия установок мужей и жен в 1978 г. незначительны, но важно отметить, что по всем индексам ориентации

мужей выше. Привлекает внимание большой разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей (0,88 по выборке в целом, 0,85 у жен и 0,90 у мужей). Увеличение этого разрыва характеризует скорее всего рост уровня притязаний супругов относительно дохода, а не установок детности самих по себе.

Мониторинг образа жизни супружеских пар с разным числом детей 2016 г. фиксирует повышение числа детей в родительских семьях супругов в сравнении с фактической детностью в репродуктивных семьях опрошенных (2,37 и 2,00 соответственно). При этом каждый из супругов завышает детность в семье своих собственных родителей и занижает детность в родительской семье супруга(и) — у мужей эти цифры 2,50 и 2,17, у жен — соответственно 2,45 и 2,36. Детность своей родительской семьи оценивается несколько выше (2,47), а супруга — ниже (2,27). Интересно, что своим детям супруги советуют иметь больше детей, чем имеют сами, причем мужья советуют 2,49, а жены — 2,32 ребенка.

Современное массовое сознание индивида сочетает в себе фамилистические ценности, берущие начало из русской традиции, особого менталитета и уклада жизни, а также антифамилистические, навеянные западными течениями, современным образом жизни, основывающиеся на ценностях индивидуалистического порядка. Трансформации, искажающие систему жизненных ценностей установками на индивидуализм, расшатывают вековые устои семьедетного образа жизни и неминуемо ведут к разрушению семьецентризма. Реализация потребности в детях зависит от комплекса диспозиций, включающего в себя не только установки детности, но также ценности семейного образа жизни и мотивы, наиболее действенным из которых оказывается психологический [3, с. 119].

Проблема воспроизводства населения ставит перед государством задачу ведения грамотной семейно-демографической политики с опорой не только на средства материального стимулирования, активизирующие установки на тайминг рождений и обеспечивающие более полную реализацию имеющейся у населения потребности в детях. Необходим комплексный, научно обоснованный подход к разработке мер семейно-демографической политики с опорой на данные социологических исследований.

Литература

1. *Авдеева Н. Н.* Роль матери и отца в развитии ребенка в раннем детстве // Дошкольное воспитание. — 2005. — № 3.
2. *Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. — М.: Статистика, 1976.
3. *Борисов В. А.* Демографическая дезорганизация России: 1897–2007. — М.: Note Bene, 2007.
4. Воспитание детей. Опрос ФОМ. 13.05.2004. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd041823> (дата обращения: 02.05.2017).

5. *Новоселова Е. Н.* Реалии современного мегаполиса и новые тенденции изменения института семьи в России и в мире // Социология. — 2014. — № 1.
1. *Avdeeva N. N.* Rol' materi i otca v razvitii rebenka v rannem detstve // Doshkol'noe vospitanie. — 2005. — № 3.
2. *Borisov V. A.* Perspektivy rozhdaimosti. — M.: Statistika, 1976.
3. *Borisov V. A.* Demograficheskaja dezorganizacija Rossii: 1897–2007. — M.: Note Bene, 2007.
4. Vospitanie detej. Opros FOM. 13.05.2004. URL: <http://bd.fom.ru/report/map/dd041823> (data obrashhenija: 02.05.2017).
5. *Novoselova E. N.* Realii sovremennogo megapolisa i novye tendencii izmenenija instituta sem'i v Rossii i v mire // Sociologija. — 2014. — № 1.

Макаренцева А. О.,
канд. экон. наук, зав. лабораторией
ИнСАП РАНХиГС,
(Москва, Россия)

Новые тенденции рождаемости в России

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное поведение
JEL код: J13

Makarentseva A. O.

New trends in fertility in Russia

Со второй половины 2016 г. Россия вступила в фазу новой демографической ямы на половозрастной пирамиде населения. О ее появлении говорили не один год: со времени Великой Отечественной войны они повторяются примерно раз в 25 лет. Последнее из таких поколений родилось в 1990-х гг., и было особенно малочисленным. Согласно прогнозам Росстата ожидается, что в ближайшее десятилетие будет идти почти непрерывное снижение числа родившихся. Только примерно к 2030 г. ежегодное число родившихся стабилизируется на уровне 1,5 млн чел. (для сравнения: в 2016 г. родилось почти 1,9 млн чел.), после чего начнется его длительный рост.

Вместе с тем заметных колебаний в интенсивности деторождения сегодня не наблюдается. Суммарный коэффициент рождаемости уже несколько лет стоит на уровне 1,75–1,78 ребенка в среднем на одну женщину. Текущая экономическая стагнация не сказалась на репродуктивном поведении населения. Стабильность этого показателя достигается за счет городского населения, тогда как среди жителей сельской местности он в последние три года несколько снизился.

В целом за динамикой результирующих показателей рождаемости скрывается ряд долгосрочных структурных изменений. Все больше свидетельств того, что среди поколений женщин начиная с 1970-х гг., уровень окончательной бездетности вырастет по сравнению с предыдущими поколениями. Наш прогноз потенциала роста бездетности совпадает с оценкой для всего региона Восточной и Центральной Европы: в пределах 15–20% (ранее она была на уровне 6–8%). Это действительно новое явление для России в отличие от, например, широко обсуждаемого ныне феномена откладывания деторождения. За последние два десятилетия средний возраст матери при рождении первенца довольно сильно вырос, но темпы роста уже невысоки, а он по-прежнему значительно ниже, чем во многих европейских странах. Главными двигателями здесь выступает население крупных городов. Однако это отнюдь не «новая демографическая реальность», так как если сравнивать средний возраст вступления в материнство не с началом 1990-х гг., а с началом 1960-х гг., его прирост составит лишь около одного года. Само по себе откладывание деторождения не ведет к снижению итогового числа рождений в поколении или к высокой доли бездетности. Есть примеры стран, в которых, несмотря на высокий возраст матери при первом рождении, бездетность остается низкой (например, Португалия), а коэффициент суммарной рождаемости высоким (например, Ирландия).

Сегодня обращает на себя внимание рост доли третьих и последующих рождений. Сейчас их вклад составляет около 18%, что внешне похоже на ситуацию середины 1980-х гг., но по-прежнему сильно ниже, например, уровня 1960-х гг. Изменение календаря рождений коснулось всех очередностей (прирост возраста матери при третьем рождении составил 2,5 года за период с 1993 по 2010 г., после чего он остался почти неизменным), в связи с этим на динамике общих и суммарных показателей по третьим рождением сказывается эффект календаря. Однако исследовательский интерес к многодетности обусловлен не только демографическими, но и социальными эффектами.

Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в 2017 г. были проведены количественные (опрос 9500 респондентов) и качественные (50 глубинных интервью) исследования, затрагивающие проблематику рождаемости и социального положения многодетных семей. Предварительный анализ результатов массового опроса показал, что при прочих равных на вероятность быть многодетным социально-экономические факторы оказывают более слабое влияние, чем ценностные. Первые итоги обработки глубинных интервью свидетельствуют, что стигматизация многодетной семьи как «неблагополучной» действительно сходит на нет, общество лучше относится к семьям с несколькими детьми по сравнению с 10–20–40-летней давностью.

В сумме рост доли бездетных и многодетных женщин говорит о том, что доминировавшая на протяжении пары десятилетий модель однодетной семьи перестает быть настолько массовой.

Скрябина Я. А.,
канд. экон. наук, доцент
кафедры экономической теории
и социально-экономической политики
ГБОУ ВО «БАГСУ»
(Уфа, Россия)

Реализация репродуктивности сельского населения в условиях повышенного риска сельской бедности

Аннотация

Одним из факторов бедности населения выступает наличие в семье детей, так как рождение ребенка увеличивает расходы семьи. Сложившаяся социально-экономическая ситуация в сельской местности повлияла на демографическое развитие сельского населения, что нашло отражение в высокой смертности селян, в трансформации семейно-брачных отношений, в демографическом старении, диспропорции полов, изменении миграционных процессов, ухудшении сельского расселения. Демографическое поведение сельского населения трансформируется, но при низком уровне и качестве жизни показатели рождаемости в сельской местности выше, чем в городской, хотя снижение рождаемости в сельской местности происходит более быстрыми темпами, чем в городской.

Ключевые слова: репродуктивность сельского населения, бедность, демографическая политика

JEL коды: J11, J13

Skryabina Y. A.,
Candidate of Economic Sciences,
associate Professor of economic theory
and socio-economic policy
Bashkir academy of public administration
and management under
the Head of Republic Bashkortostan
(Ufa city, Russia)

Implementation of reproductibility of the rural population under the conditions of high risk of rural poverty

Abstract

One of the factors of poverty is the availability of children in the family, as the birth of a child increases the family's expenses. The prevailing socio-economic situation in rural areas has influenced the demographic development of rural population, which is reflected in the high mortality of villagers in the transformation of family relations, population aging, the gender disproportion, the change of migration processes, the deterioration of the rural settlement. Demographic behavior of the rural population is transformed, but at a low level and quality of life fertility is higher in rural areas than in urban, although the decline in the birth rate in rural areas is more rapid than in urban.

Key words: the fertility of the rural population, poverty, population policy

JEL codes: J11, J13

В современных условиях демографическое развитие российского села формирует высокие риски как в целом для функционирования агропромышленного комплекса страны, так и непосредственно для жизнедеятельности сельского населения. Анализ демографической ситуации в сельской местности Республики Башкортостан (далее — РБ) показал, что к демографическим рискам можно отнести ухудшение половозрастной структуры селян, вызванное снижением численности сельских мужчин в трудоспособном возрасте, ростом численности сельских женщин в возрасте старше трудоспособного; высокий уровень смертности сельских жителей, особенно мужчин; более низкую по сравнению с городской местностью ожидаемую продолжительность жизни; сокращение сельской рождаемости более высокими темпами, чем городской; старение сельского населения; усиление миграции в более крупные сельские населенные пункты.

Башкортостан относится к низкоурбанизированным регионам России, на 1 января 2017 г. удельный вес сельских жителей республики составил 38,1%. Одна треть сельских жителей республики (30,2%) проживает в населенных пунктах с численностью от 1000 до 2000 чел., в самых малочисленных сельских населенных пунктах (до 500 чел.) проживает только 1,1% сельских жителей.

В результате складывающихся тенденций в уровне рождаемости и смертности сельского населения в возрастной структуре ожидается высокая доля старших возрастных групп.

По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. по РБ [2, с. 33], 71,3% многодетных семей проживают в сельской местности. По данным микропереписи-2015 по РБ, на 1000 всех семейных ячеек, имеющих детей моложе 18 лет, с одним ребенком в городской местности приходится 610 ячеек, в сельской — 492; с двумя детьми — в городе 340, на селе — 356 ячеек; с тремя и более детьми — соответственно 50 и 152 ячейки. Число сельских супружеских пар, имеющих пятерых и более детей, в пять раз выше, чем городских.

При этом снижение рождаемости в сельской местности республики под воздействием совокупности некоторых условий и обстоятельств, имеющих различную природу, происходит более быстрыми темпами, чем в городской. С одной стороны, в сельской семье среднее число детей выше, чем в городской, но, с другой стороны, тенденции снижения рождаемости свидетельствуют о подрыве традиций многодетности сельской семьи.

Основными причинами сокращения рождаемости сельского населения в РБ стали следующие: демографические — на селе идет процесс старения населения, уменьшается доля женщин в репродуктивном воз-

расте, наблюдается деформация полов в брачном возрасте, увеличивается средний возраст матери при рождении ребенка, социально-экономические — оптимизация объектов социальной инфраструктуры, развал сельскохозяйственного производства, низкий уровень жизни на селе, застойная безработица с высокой долей молодежи.

В настоящее время сельское население республики живет в непростых социально-экономических условиях, что в целом показывает общие тенденции развития современного российского села и что находит отражение в динамике демографических процессов на селе. Реализация репродуктивных установок в современных российских условиях больше всего мешают и даже очень мешают материальные трудности [1, с. 153–155]. Однако в условиях повышенного риска бедности показатели рождаемости в сельской местности республики выше, чем в городской. Среднее число рожденных детей составило в республике 2202 ребенка на 1000 сельских женщин (в городской местности — 1454) [3]. Реализация репродуктивного потенциала в сельской местности выше, чем в городской.

Как известно, результатом репродуктивного поведения выступает рождение определенного числа детей в семье, а также вне брака. Усилия по повышению уровня рождаемости необходимо направить одновременно на решение двух задач: первая задача — это создание благоприятных условий жизни семьям для рождения и воспитания желаемого числа детей путем общего социально-экономического развития страны; повышения уровня жизни; вторая задача — формирование потребности семей в трех и более детях путем повышения общественного престижа и значимости семьи с несколькими детьми.

Уровень доходов семьи выступает одним из определяющих факторов репродуктивного поведения. Текущий социально-экономический кризис привел к резкому падению реальных доходов населения в сельской местности и соответственно к повышению доли сельского населения, которое можно отнести к категории бедного. Можно предположить, что при принятии решения о рождении третьего и последующих детей сельские женщины исходят не из потребности в детях, а в большей степени ориентируются на меры социальной поддержки семьям с детьми. Законодательство РБ предусматривает множество мер социальной поддержки семей с детьми, в том числе дополнительные меры материальной поддержки многодетных семей, проживающих в сельской местности.

Для сельских женщин также характерен более слабый контроль за рождаемостью, связанный с низким уровнем использования средств контрацепции и трудностями в получении своевременной, бесплатной и качественной медицинской помощи. Чем беднее семья, тем больше она ограничена в доступе к высококачественным услугам здравоохранения и способам планирования числа детей, а значит, имеет больше детей.

К сожалению, реализация приоритетов в области стимулирования рождаемости и укрепления семьи направлена в основном на материальное стимулирование рождаемости. Отсутствует комплексный подход — одновременная реализация экономических, административно-правовых, воспитательно-пропагандистских мер. За период 2007—2015 гг. узконаправленно решалась задача материального стимулирования рождаемости в виде детских пособий многодетным малоимущим семьям. Вторая же задача — формирование потребности семей в трех и более детях — осталась в стороне.

Детские пособия, хоть и небольшого размера, становятся для сельских жителей еще одним, зачастую единственным, источником дохода. Нередко получаемые семьей «детские» деньги не доходят до детей и используются не по назначению. Рождение второго и последующих детей остается одним из основных факторов бедности и в сельской, и в городской местности. В поселенческом разрезе семьи с двумя детьми и многодетные семьи, проживающие в сельской местности, имеют повышенный риск бедности по сравнению с аналогичными по детности городскими семьями.

Микроперепись-2015 показала, что по значимости условий, которые могли бы способствовать рождению желаемого числа детей, сельские женщины в возрасте 18—44 лет наибольшее значение придали условию «возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья площадью в размере социальной нормы» (4,5 балла по 5-балльной шкале), городские — возможности получения федерального материнского (семейного) капитала (4,6 балла), наименьший средний балл у условия «возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до трех лет» (3,4 балла), для городских женщин — изменение личных обстоятельств (3,7 балла). По всем возрастным группам (18—24 лет, ..., 40—44 лет) у сельских женщин значимость условий практически совпадает: наиболее важные — возможность получения федерального материнского капитала, возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья, наименее — возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до трех лет.

Репродуктивное поведение сельского населения определяется системой действующих демографических, социальных, экономических факторов, которые либо ограничивают, либо усиливают реализацию сложившегося репродуктивного потенциала. Меры демографической политики на региональном уровне, направленные на стимулирование рождаемости, должны быть дифференцированы по возрастным группам женщин репродуктивного возраста, по типу поселений город — село. Поддержка семей с детьми может выражаться как в денежном (субсидии,

пособие по бедности, единовременная материальная помощь, компенсации и другие выплаты), так и в натуральном виде (продукты питания, топливо, одежда, обувь, медикаменты и т. д.), а также в виде бесплатных социальных услуг (бесплатные качественные образовательные, медицинские и прочие услуги).

Литература

1. *Скрябина Я. А.* Особенности репродуктивного населения в условиях трансформационной российской экономики. — Уфа, 2012.
 2. Число и состав домохозяйств Республики Башкортостан по данным Всероссийской переписи населения 2010 года: статистический сборник. — Уфа: Башкортостанстат, 2013.
 3. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html
1. *Skrjabina Ja. A.* Osobennosti reproduktivnogo naselenija v uslovijah transformacionnoj rossijskoj jekonomiki. — Ufa, 2012.
 2. Chislo i sostav domohozjajstv Respubliki Bashkortostan po dannym Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda: statisticheskiy sbornik. — Ufa: Bashkortostanstat, 2013.

*Сукнёва С. А.,
д-р экон. наук, гл. научн. сотр.
НИИ Региональной экономики Севера
СВФУ им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)*

Современные тенденции рождаемости в северном регионе

Аннотация

В статье рассмотрены тенденции рождаемости в Республике Саха (Якутия). Цель работы в оценке современных трендов рождаемости и выявлении причин изменения репродуктивного поведения. Проведен сравнительный анализ репродуктивного поведения населения с привлечением системы демографических коэффициентов, индексного метода демографического анализа, показателя итоговой рождаемости для условных поколений по очередности детей, материалов микропереписи населения 2015 г. о факторах успешной реализации мер демографической политики и оценки ее результативности. Показаны современные тренды в изменении модели рождаемости в Якутии, сохраняющей традиции многодетности. Проведена оценка вклада рождений различной очередности в показатели итоговой рождаемости. Проанализирована результативность мер демографической политики, рассмотрен вклад структурных компонентов и интенсивности рождений в изменение показателей рождаемости. Неблагоприятное влияние возрастной структуры фертильных контингентов становится причиной снижения рождаемости. Даже при дальнейшей активизации демографической политики предстоит длительный период снижения рождаемости

по причине сокращения числа потенциальных матерей. Поэтому при разработке новых мер демографической политики следует акцентировать особое внимание на улучшении качественной структуры рождаемости, укреплении института семьи, возрождении и усилении духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Ключевые слова: рождаемость, репродуктивное поведение, суммарный коэффициент рождаемости, очередность рождений, меры демографической политики, Республика Саха (Якутия)

JEL код: J13

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 17-02-00446.

Sukneva S. A.,
*Doctor of Economic Sciences,
Chief Researcher Scientific-Research Institute
of Regional Economy of the North
North-Eastern Federal University in Yakutsk
(Yakutsk, Russia)*

Current trends in fertility in the northern region

Abstract

The article discusses the features of birth rates of the population in the Republic of Sakha (Yakutia). The main purpose of the article is to consider tendencies of birth rate of the population and analyses a complex of indicators of fertility and reproductive behavior. A comparative analysis of the population's reproductive behavior was carried out using the system of demographic coefficients, the index method of demographic analysis, the rate of the completed fertility for conditional generations on sequence of children and materials of the population's micro-census in 2015 on the factors of successful implementation of demographic policy measures and evaluation of its effectiveness. The current trends of changes in fertility model in Yakutia, which preserves traditions of many children family are shown. An assessment of births contribution of various sequences to indicators of total birth rate is carried out. The effectiveness of demographic policy measures is analyzed, contribution of structural components and the intensity of births to changes in fertility rates is examined. The unfavorable influence of the age structure of fertile contingents will cause a decline in fertility. Even with the further intensification of the demographic policy, the country will face an extended period of declining fertility due to the reduction in the number of potential mothers. Therefore, when developing new measures of demographic policy, special attention should be paid to improving the qualitative structure of birth rate, strengthening the family institution, reviving and strengthening the spiritual and moral traditions of family relations.

Key words: fertility, reproductive behavior, total fertility rate, the order of birth, the measures of demographic policy, the Republic of Sakha (Yakutia)

JEL code: J13

Введение

На демографическую ситуацию и характер воспроизводства населения решающее воздействие оказывает рождаемость. Именно от нее

главным образом зависит процесс замещения поколений. Значимость исследования влияния структурных и поведенческих факторов на рождаемость в Республике Саха (Якутия) и его оценки определяется высокой миграционной убылью населения репродуктивных возрастов, нарастающим неблагоприятным воздействием на рождаемость изменений возрастной структуры, реализацией комплекса современных мероприятий демографической политики. Данные исследователей по экономическим мотивам и структурным факторам снижения рождаемости свидетельствуют о том, что рост интенсивности рождаемости связан с высокой потребностью семей с детьми в улучшении условий жизни, субъективная оценка которых в качестве неудовлетворительных становится фактором ограничения рождаемости [7; 9; 11]. Замедление роста рождаемости, и даже снижение в последние годы свидетельствуют о том, что действенность принимаемых мер снизилась [6]. Без изменения реальных материальных, социальных, а особенно жилищных условий полной реализации даже имеющихся репродуктивных планов ожидать не следует [4], при этом помощь, которая сегодня предоставляется семьям с детьми, является недостаточной [5, с. 70].

Республика традиционно относится к группе регионов России со стабильным положительным естественным приростом населения за счет сохранения относительно высоких показателей рождаемости по сравнению со среднероссийским уровнем и многими другими российскими субъектами. По итогам 2016 г., Якутия занимает 9-е место по общему коэффициенту рождаемости среди субъектов Российской Федерации [3, с. 260]. Высокие показатели рождаемости сохраняются в республике за счет значительной доли сельских жителей, где проживает преимущественно коренное население. По данным переписи 2010 г., 60,4% якутов, 73,9% эвенков и 66,5% эвенов проживало в сельской местности республики, составив 89,3% от всех жителей села [8]. Для сельского населения характерно поддержание традиционной модели рождаемости с высокой долей рождений в младших возрастных группах и высокой очередности. Вместе с тем наметилась тенденция к снижению числа рождений в республике, что привело к абсолютной убыли количества рождений в последние два года.

Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождений

Результативность мер демографической политики определяется изменением очередности рождений в семьях. Разложение суммарных коэффициентов рождаемости по очередности рождения выявило его снижение по первым рождениям, что свидетельствует об откладывании рождения первенца, в том числе и по причине более позднего вступления в брак (табл. 1).

Суммарный коэффициент рождаемости населения Республики Саха (Якутия) по очередности рождения, 1990–2015 гг.

Год	Суммарный коэффициент рождаемости	В том числе рождения:			
		первые	вторые	третьи	четвертые и последующие
1990	2,374	1,107	0,752	0,306	0,209
1995	1,993	0,909	0,613	0,27	0,201
1998	1,786	0,797	0,551	0,256	0,182
2007	1,911	0,817	0,650	0,273	0,171
2008	1,913	0,820	0,622	0,286	0,173
2009	1,988	0,854	0,650	0,302	0,178
2010	2,011	0,816	0,686	0,325	0,178
2011	2,065	0,796	0,702	0,340	0,181
2012	2,173	0,835	0,713	0,395	0,199
2013	2,175	0,808	0,722	0,399	0,230
2014	2,257	0,811	0,769	0,426	0,147
2015	2,163	0,759	0,755	0,415	0,145

Источник: рассчитано автором по данным ТО ФГС по РС(Я).

По рождениям более высокой очередности отмечается повышение суммарного коэффициента, что может свидетельствовать о росте рождаемости как отклике на меры демографической политики.

Существенные различия наблюдаются в динамике суммарного коэффициента рождаемости городского и сельского населения (рис. 1). В городской местности республики отчетлива тенденция к снижению суммарного коэффициента по первым рождениям. В сельской местности наблюдается устойчивый рост рождаемости всех очередностей, в результате чего суммарный коэффициент в 2015 г. составил около трех рождений в расчете на одну женщину репродуктивного возраста.

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости по очередности рождения в Республике Саха (Якутия), городское и сельское население, 1990–2015 гг.

Индексный анализ компонентов изменения рождаемости

Применение индексного метода позволило проанализировать причины ежегодных изменений абсолютного прироста (убыли) числа рождений и оценить влияние двух основных факторов — половозрастной структуры и возрастных интенсивностей рождений. Возрастно-половая структура населения сильно деформирована воздействием социально-экономических и политических факторов в прошлом, что сказывается и будет сказываться далее на воспроизводстве населения. Число детей, родившихся в республике в 1990 г., составило 21,7 тыс., к 1999 г. оно сократилось почти в 2 раза (табл. 2). На это снижение рождений неблагоприятным образом повлияли оба фактора — возрастные интенсивности деторождений и изменение половозрастной структуры населения. К 1990-м гг. сформировался неблагоприятный возрастной состав женского населения — в возрасте наибольшей репродуктивной активности находилось малочисленное поколение, родившихся в 1970-е гг., влияние которого дополнялось снижением интенсивности рождений. Сложная социально-экономическая ситуация в стране вынуждала семьи откладывать рождение детей, о чем свидетельствует отрицательный вклад интенсивности рождений на протяжении всех 1990-х гг.

Таблица 2

Число рождений в Республике Саха (Якутия) и компоненты его изменения, 1990–2015 гг., тыс. чел.

Год	Число рождений	Изменение за год	В том числе за счет изменения*	
			половозрастной структуры населения	возрастной интенсивности деторождения
1990	21,7	—	—	—
1991	19,8	-1,9	-0,7	-1,2
1992	17,8	-2,0	-0,7	-1,3
1993	16,8	-1,0	-0,4	-0,6
1994	16,4	-0,3	-0,4	+0,1
1995	15,7	-0,7	-0,3	-0,4
1996	14,6	-1,1	-0,2	-0,9
1997	13,9	-0,7	-0,2	-0,5
1998	13,6	-0,3	-0,2	-0,1
1999	12,7	-0,9	-0,1	-0,8
2000	13,1	+0,4	0,0	+0,4
2001	13,3	+0,1	0,0	+0,1
2002	13,9	+0,6	+0,1	+0,5
2003	14,2	+0,3	+0,1	+0,2
2004	14,7	+0,5	+0,2	+0,3
2005	13,6	-1,1	+0,4	-1,5
2006	13,7	+0,1	+0,2	-0,1

Год	Число рождений	Изменение за год	В том числе за счет изменения*	
			половозрастной структуры населения	возрастной интенсивности деторождения
2007	15,3	+1,6	+0,1	+1,5
2008	15,4	+0,1	+0,1	0,0
2009	16,0	+0,6	0,0	+0,6
2010	16,1	+0,1	0,0	+0,1
2011	16,4	+0,3	-0,1	+0,4
2012	17,0	+0,6	-0,3	+0,9
2013	16,7	-0,3	-0,4	+0,1
2014	17,0	+0,3	-0,6	+0,9
2015	16,3	-0,7	0,0	-0,7

* Индексное разложение годового прироста.

Источник: расчеты автора на основе данных Саха(Якутия)Стата.

В начале 2000-х гг. отмечается некоторое улучшение возрастного состава населения, а также вместе с улучшением социально-экономических условий в стране и республике происходит реализация отложенных рождений детей, более раннее появление которых было осложнено кризисными социально-экономическими условиями в стране. Отчетливо прослеживается повышение интенсивности рождений. В динамике данного компонента рождаемости отмечается резкий скачок в 2007 г., когда количество рождений в республике выросло более чем на 10%. При этом 90% данного прироста было обеспечено повышением возрастных интенсивностей рождений, определяемых новым комплексом мер поддержки семей с детьми и стимулирования рождений вторых и третьих детей в семьях (материнский капитал, увеличение размеров пособий, оплата пребывания детей в детских дошкольных учреждениях и пр.). Всплеск интенсивности рождений отмечается также и в 2012 г. после введения региональных мер демографической политики: республиканского материнского капитала «Семья», выделения земельных участков многодетным семьям.

Влияние брачного состояния на рождаемость населения

На изменения рождаемости оказывают влияние также происходящие трансформации брачного поведения населения [1]. В республике отмечается повышение среднего возраста вступления в брак, увеличивается число мужчин и женщин, никогда не состоявших в браке в наиболее активном репродуктивном возрасте 25–29 лет. Так, если по переписи 1989 г. их доля среди мужчин составляла 26,4 и 15,9% среди женщин, то к 2010 г. количество мужчин, никогда не состоявших в браке, к данному возрасту возросло до 37,6% и женщин — до 25,3%. По данному показателю республика приблизилась к среднероссийскому уровню, соста-

вившему в 2010 г. соответственно 38,9 и 25,4%. При этом в республике все больше становится незарегистрированных браков. Если по данным переписи 2002 г. их было 13,1%, то к 2010 г. доля незарегистрированных браков выросла до 17,8%, что почти на треть превышает среднероссийский уровень (13,3%) [2, с. 10, 460–461].

Данный факт отчасти объясняет рост внебрачных рождений. Их доля в республике увеличилась с 17,9% в 1990 г. до 34,4% в 2015 г., причем удельный вес внебрачных рождений неодинаков в городской и сельской местности (табл. 3).

Таблица 3

**Доля родившихся у женщин,
не состоявших в официально зарегистрированном браке, %**

Год	Все население		Городское население		Сельское население	
	РФ	РС(Я)	РФ	РС(Я)	РФ	РС(Я)
1990	14,6	17,9	13,8	17,6	16,5	18,3
1995	21,1	23,0	21,1	26,0	21,3	19,5
2000	28,0	32,7	27,2	35,7	29,8	28,7
2005	30,0	38,3	28,4	38,6	34,0	37,7
2010	24,9	37,6	23,3	36,2	28,6	39,9
2014	22,6	35,0	20,8	32,1	27,2	38,7
2015	Н.д.	34,4	Н.д.	32,1	Н.д.	40,0

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

В городской местности в последние годы наблюдается снижение доли внебрачных рождений до 31,3%, в то же время в сельской местности данный показатель увеличился до 40%. Превышение доли внебрачных рождений в сельской местности отмечается также и по Российской Федерации в целом, составив 27,2% от общего числа родившихся в 2014 г., соответствующий показатель в городской местности достиг 20,8%.

Вместе с тем результаты социологических опросов, проведенных в разные годы в республике, показывают, что в жизни населения Якутии семья продолжает сохранять приоритетное значение и имеет место явная детоцентристская направленность [10]. Следовательно, для повышения рождаемости необходимо не только создавать благоприятные условия для реализации имеющейся потребности в детях, но и повышать сами репродуктивные установки через формирование общественного мнения о семье с тремя детьми как общественно одобряемой модели.

Условия, способствующие реализации репродуктивных планов

Анализ значимости условий, которые могли бы способствовать рождению желаемого числа детей, по результатам микропереписи населения 2015 г. показал, что для городских и сельских жителей республики наибо-

лее важными условиями являются возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья и без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях (табл. 4).

Таблица 4

Значимость условий, которые могли бы способствовать рождению желаемого числа детей в Республике Саха (Якутия), баллы

Условия для рождения желаемого числа детей	Город		Село	
	женщины	мужчины	женщины	мужчины
Возможность при рождении второго или последующего ребенка получить беспроцентную ссуду на покупку жилья	4,8	4,7	4,6	4,6
Возможность без проблем получить место для ребенка в детском саду, яслях	4,7	4,6	4,7	4,5
Возможность получения федерального материнского (семейного) капитала	4,6	4,5	4,4	4,3
Возможность получения регионального материнского (семейного) капитала	4,6	4,4	4,6	4,5
Повышение уровня жизни семьи	4,5	4,5	4,5	4,3
Возможность получения ежемесячного денежного пособия по уходу за ребенком до трех лет	4,4	4,2	4,4	4,3
Возможность получения ежемесячной денежной выплаты на третьего ребенка в размере прожиточного минимума ребенка	4,3	4,2	4,4	4,5
Налоговые льготы работающим родителям	4,3	4,3	4,3	4,2
Предоставление семьям с тремя и более детьми земельных участков под строительство жилого дома	4,4	4,4	4,4	4,3
Возможность иметь гибкий график работы (или неполный рабочий день/неделю или дистанционно, на дому)	4,3	3,8	4,1	3,5
Возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до трех лет	4,0	3,6	3,9	3,6
Изменение личных обстоятельств	3,9	3,9	4,1	3,8

Источник: рассчитано автором по данным микропереписи населения 2015 г.

Средний балл по данным условиям колеблется от 4,8 и 4,6 в городской и сельской местности, при этом они являются более значимыми для городских женщин и одинаково значимыми для мужчин и женщин, проживающих в сельской местности республики. Возможность получения федерального и регионального материнского (семейного) капитала также высоко оценивается респондентами в реализации ре-

продуктивных планов. Предоставление оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до трех лет одинаково значимо для городских и сельских женщин. Иметь гибкий график работы более важно для городских женщин. Наименьшую оценку получила возможность профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до трех лет, независимо от территории проживания.

Заключение

В динамике рождаемости населения немаловажным фактором выступают структурные особенности и этническое своеобразие населения, которое сформировалось под влиянием миграции и высокой рождаемости при сохранении традиционной модели демографического поведения коренных народов, населяющих республику. На смену повышению общего уровня рождаемости, особенно заметному в сельской местности, пришло снижение числа рождений. В республике отчетливо видна одна из наиболее характерных черт современного демографического развития — различие рождаемости городского и сельского населения. Улучшение социально-экономического положения, реализация отложенных рождений, осуществление мер региональной и федеральной демографической политики по поддержке семей с детьми, а также благоприятные изменения в возрастной структуре женского населения явились значимым фактором увеличения рождаемости в последние 10 лет. Вместе с тем даже в условиях дальнейшей активизации демографической политики предстоит длительный период снижения рождаемости по причине сокращения числа потенциальных матерей, а также происходящих трансформаций брачного поведения населения. Сегодня следует акцентировать большее внимание на улучшении качественной структуры рождаемости, повышении рождений высоких порядков, укреплении института семьи, возрождении и усилении духовно-нравственных традиций семейных отношений.

Литература

1. *Барашкова А. С., Сукнёва С. А.* Конфликтогенные факторы брачного поведения населения Якутии // Регион: экономика и социология. — 2011. — № 4. — С. 116–132.
2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. Итоги ВПН 2010: в 11 т. Федер. служба гос. статистики. Т. 2. — М.: ИИЦ «Статистика России», 2012. — 482 с.
3. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник. — Якутск, 2016. — 265 с.
4. *Доброхлеб В. Г.* Динамика и структура населения России в будущем // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2010. — № 12. — С. 62–70.

5. *Елизаров В. В.* Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. — 2014. — № 1. — С. 57–72.
 6. *Калабихина И. Е.* О региональном материнском (семейном) капитале // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. — 2013. — № 2. — С. 62–70.
 7. *Калачикова О. Н., Шабунова А. А.* Возможности и резервы повышения рождаемости в России // Проблемы развития территории. — 2013. — Вып. 6 (68). — С. 66–72.
 8. Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги ВПН 2010. Т. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
 9. *Попова Л. А.* Современная российская демографическая политика в области рождаемости: результаты и направления совершенствования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 2 (44). — С. 79–93.
 10. *Сукнёва С. А., Барашкова А. С.* Семья и дети в системе жизненных ценностей населения Якутии // Регион: экономика и социология. — 2016. — № 3. — С. 98–117.
 11. *Шишкина М. А., Попова Л. А.* Влияние современной просемейной демографической политики на интенсивность рождаемости в северных регионах России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 161–177.
1. *Barashkova A. S., Sukneva S. A.* Konfliktogennye faktory brachnogo povedenija naselenija Jakutii // Region: jekonomika i sociologija. — 2011. — № 4. — S. 116–132.
 2. *Vozrastno-polovoj sostav i sostojanie v brake.* Itogi VPN 2010: v 11 t. Feder. sluzhba gos. statistiki. Tom 2. — М.: ИС «Statistika Rossii», 2012. — 482 s.
 3. *Demograficheskij ezhegodnik Respubliki Saha (Jakutija): statisticheskij sbornik.* — Jakutsk, 2016. — 265 s.
 4. *Dobrohleb V. G.* Dinamika i struktura naselenija Rossii v budushhem // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2010. — № 12. — S. 62–70.
 5. *Elizarov V. V.* Demograficheskoe razvitie Rossii i ee regionov: obshhee i osobennoe // Uroven' zhizni naselenija regionov Rossii. — 2014. — № 1. — S. 57–72.
 6. *Kalabihina I. E.* O regional'nom materinskom (semejnom) kapitale // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 6. Jekonomika. — 2013. — № 2. — S. 62–70.
 7. *Kalachikova O. N., Shabunova A. A.* Vozmozhnosti i rezervy povyshenija rozhdaemosti v Rossii // Problemy razvitija territorii. — 2013. — Vyp. 6 (68). — S. 66–72.
 8. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo.* Itogi VPN 2010. T. 4. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
 9. *Popova L. A.* Sovremennaja rossijskaja demograficheskaja politika v oblasti rozhdaemosti: rezul'taty i napravlenija sovershenstvovanija // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2016. — № 2 (44). — S. 79–93.
 10. *Sukneva S. A., Barashkova A. S.* Sem'ja i deti v sisteme zhiznennyh cennostej naselenija Jakutii // Region: jekonomika i sociologija. — 2016. — № 3. — S. 98–117.

11. *Shishkina M.A., Popova L.A.* Vlihanie sovremennoj prosemejnoj demograficheskoj politiki na intensivnost' rozhdaemosti v severnyh regionah Rossii // *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz.* — 2017. — Т. 10. — № 1. — С. 161–177.

Табакерова Ю. Н.,
стажер — мл. научн. сотр.
Учреждение «Научно-исследовательский
институт труда Министерства труда
и социальной защиты Республики Беларусь»
(Минск, Беларусь)

Родительский отпуск в Республике Беларусь и за рубежом: опыт эмпирического исследования

Аннотация

Данная статья знакомит с условиями, которые созданы для благополучного материнства, ухода за детьми и совмещения профессиональных и семейных обязанностей в Республике Беларусь и сопредельных государствах.

Предмет исследования — отпуск по уходу за ребенком, особенности его предоставления и оплаты в Республике Беларусь, Российской Федерации, Казахстане и Украине. Цель исследования — изучение опыта и оценка созданных условий для родительства в Республике Беларусь на фоне стран со схожими социально-экономическими и политическими условиями. Эмпирической основой для исследования послужили нормативные правовые акты государств. В ходе исследования использованы общенаучные методы и методы эмпирического анализа.

Ключевые слова: родительский отпуск, институт семьи, репродуктивные установки, социальная защита

JEL код: J13

Tabakerova J. N.,
Trainee of junior researcher
Research Institute of Labor by Ministry
of Labor and Social Protection
of Republic of Belarus
(Minsk, Belarus)

Parental leave in the Republic of Belarus and abroad: empirical research experience

Abstract

In this article the main conditions created for safe motherhood, caring for children and combining professional and family responsibilities in the Republic of Belarus and other countries were analyzed.

The subject of the study is the parental leave, features of its providing and payment in the Republic of Belarus, the Russian Federation, Kazakhstan and Ukraine. The aim of the

research is to study the experience of the Republic of Belarus and to estimate the conditions created for parent leave in the country using data from other countries with similar socio-economic and political conditions. As empirical base of the study the normative legal acts of countries were used. To conduct the study general scientific methods and methods of empirical analysis were applied.

Key words: parental leave, institute of family, reproductive attitudes, social protection

JEL code: J13

Важнейшим аспектом жизнедеятельности современной семьи является не только рождение детей, но и успешное совмещение семейных обязанностей с профессиональной деятельностью обоими родителями, а также паритетное распределение ответственности по уходу и воспитанию детей.

Родительство, особенно в первые годы жизни ребенка, является серьезным «риском» для участников рынка труда. Многие потенциальные родители опасаются потери рабочего места, снижения своей квалификации, уменьшения доходов и др. Родительский отпуск позволяет реализовать репродуктивные установки с гарантией сохранности рабочего места. Предоставление отпуска и пособия по уходу за малолетними детьми — одна из мер государственной семейной политики Республики Беларусь.

В национальном законодательстве понятие так называемого «родительского отпуска» отсутствует. Вместе с тем Трудовой кодекс Республики Беларусь в системе социальных отпусков выделяет отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет. Он предоставляется работникам в целях создания благоприятных условий для материнства, ухода за детьми, удовлетворения семейно-бытовых потребностей и для других социальных целей.

Право на отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет прежде всего принадлежит работающим женщинам. Вместе с тем развитие национального трудового законодательства привело к увеличению количества субъектов, которые могут воспользоваться таким отпуском. В настоящее время отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет предоставляется по усмотрению семьи работающим отцу или другому родственнику, члену семьи ребенка в случае выхода матери ребенка на работу, учебу, а также если она является индивидуальным предпринимателем, нотариусом, адвокатом, творческим работником, лицом, осуществляющим ремесленную деятельность, деятельность в сфере агротуризма.

Анализ действующей нормы показывает, что, по сути, этот отпуск можно рассматривать как родительский, поскольку, кроме работающей матери, этим правом могут воспользоваться работающие отец, бабушка, дедушка или другой родственник независимо от степени родства, фактически осуществляющий уход за ребенком, что делает также данное право гендерно-нейтральным. Следует, к сожалению, отметить, что пользователями такого вида отпусков в Беларуси являются преимущественно

женщины. Только примерно в одном случае из 100 отпуск оформляет мужчина.

Предоставление родительского отпуска связано с его материальным обеспечением. На протяжении всего времени нахождения родителя или другого родственника в отпуске им выплачивается ежемесячное пособие, размер которого зависит от СЗП¹ и очередности рождения ребенка.

Как и в Республике Беларусь, гендерная нейтральность в предоставлении родительского отпуска отмечается в Российской Федерации, Украине и Казахстане. Однако имеются отличия в размере и продолжительности его оплаты (табл. 1).

Таблица 1

**Характеристика условий выплат и размеров пособий²
по уходу за ребенком в возрасте до 3 лет (ежемесячно), [1–4]**

Страны	Продолжительность родительского отпуска, лет	Продолжительность оплаты родительского отпуска, лет	Особенности и размер выплат			
			Очередность детей	% от СЗП	Сумма	Сумма, евро
Республика Беларусь			Первый ребенок	35	261,38 руб.	127,4
			Второй и последующие дети	40	298,72 руб.	145,6
Российская Федерация	3	1,5	Для граждан, подлежащих обязательному соцстрахованию	40	Максимум — 23 089,00 руб.	363,38
			Для граждан, не подлежащих обязательному соцстрахованию		Минимум на первого ребенка — 3065,69 руб. Минимум на второго и последую- щих детей — 6131,37 руб.	48,25 96,5
Казахстан	3	1	Первый ребенок		13 069 тенге	37,39
			Второй ребенок		15 452 тенге	44,21
			Третий ребенок		17 812 тенге	50,96
			Четвертый и последующие дети		20 194 тенге	57,78

¹ Среднемесячная заработная плата работников в республике за квартал.

² По состоянию на 01.05.2017.

В Украине с 1 июля 2014 г. отменена выплата пособия по уходу за ребенком по достижении им трехлетнего возраста. При рождении ребенка предоставляется пособие в размере 41 280 гривен (около 1425 евро), но из данной суммы родители получают сразу 10 320 гривен (356 евро), остаток разбивается на 36 равных частей и выплачивается ежемесячно в размере 860 гривен (около 30 евро) [4].

В настоящее время в Республике Беларусь активно прорабатывается вопрос о введении отдельного отцовского отпуска. Отцовские отпуска — относительно молодая мера поддержки семей с детьми для большинства государств. Их предоставление не предусмотрено международными правовыми актами, в отличие от материнских отпусков по беременности и родам и уходу за ребенком. Они являются страновой инициативой и вводятся национальным законодательством. Отцовский отпуск — это непродолжительный отпуск для работающих отцов, но он является важнейшим шагом к признанию важности разделения обязанностей по уходу за детьми и значимым инструментом содействия гендерному равенству.

Литература

1. Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Минск, 2017. URL: <http://mintrud.gov.by/ru> (дата доступа: 25.04.2017).
 2. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Минск, 2017. URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/family/230> (дата доступа: 25.04.2017).
 3. Министерство труда и социальной защиты населения Республики Казахстан [Электронный ресурс]. — Минск, 2017. URL: <http://www.enbek.gov.kz/ru> (дата доступа: 25.04.2017).
 4. Министерство социальной политики Украины [Электронный ресурс]. — Минск, 2017. URL: <http://www.msp.gov.ua/> (дата доступа: 25.04.2017).
-
1. Ministerstvo truda i social'noj zashhity Respubliki Belarus' [Jelektronnyj resurs]. — Minsk, 2017. URL: <http://mintrud.gov.by/ru> (data dostupa: 25.04.2017).
 2. Ministerstvo truda i social'noj zashhity Rossijskoj Federacii [Jelektronnyj resurs]. — Minsk, 2017. URL: <http://www.rosmintrud.ru/social/family/230> (data dostupa: 25.04.2017).
 3. Ministerstvo truda i social'noj zashhity naselenija Respubliki Kazahstan [Jelektronnyj resurs]. — Minsk, 2017. URL: <http://www.enbek.gov.kz/ru> (data dostupa: 25.04.2017).
 4. Ministerstvo social'noj politiki Ukrainy [Jelektronnyj resurs]. — Minsk, 2017. URL: <http://www.msp.gov.ua/> (data dostupa: 25.04.2017).

Тельнов В. И.,
канд. мед. наук,
зам. директора по научной работе
Южно-уральский институт биофизики
(Озерск, Челябинская область, Россия)

Сравнительный анализ динамики и перспектив рождаемости в городе атомной промышленности Озерске и Российской Федерации

Ключевые слова: рождаемость, г. Озерск, Российская Федерация
JEL код: J13

Telnov V. I.,
Candidate of Medical Science,
Deputy Director for Research
Southern Urals Biophysics Institute,
(Ozyorsk, Chelyabinsk region,
Russian Federation)

Comparative analysis of the dynamics and prospects of fertility in the city of nuclear industry Ozyorsk, and the Russian Federation

Введение

Общеизвестно, что одним из ведущих показателей воспроизводства населения является рождаемость. Уровень рождаемости не остается постоянным, а меняется во времени и пространстве. Поэтому статистика населения призвана установить, как быстро происходит подобное изменение. Выявление тенденции рождаемости играет важную роль в исследовании закономерностей естественного движения и воспроизводства населения, разработке научно обоснованной демографической политики. Исходя из вышеизложенного, целью настоящей работы явилось продолжение оценки демографической ситуации в ЗАТО г. Озерск по показателям рождаемости и ее сравнительный анализ с данными Российской Федерации. При этом в большинстве случаев сравнения использовали сведения для городского населения, а при их отсутствии — для всего населения России.

Материалы и методы

Расчеты показателей рождаемости проводили по общепринятым методикам. Для сравнительной оценки динамики СКР в условных и реаль-

ных поколениях женщин проводили модельный анализ при одинаковых тенденциях рождаемости. Сведения о рождаемости в Озерске были получены в отделе статистики городской администрации. Соответствующие данные о городском населении России были получены из материалов официальной статистики [2]. Для сравнительной оценки динамики среднего возраста женщин при последовательных рождениях детей использовали материалы международной Базы данных по рождаемости [4]. Расчеты проводили в программе Excel 2013.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ данных свидетельствует о резком снижении общего и специального коэффициентов рождаемости в Озерске и России за 1960–2000 гг. При этом на протяжении 1960–1985 гг. рождаемость в Озерске была заметно выше, чем в России, что, очевидно, можно объяснить более молодым составом населения города, созданного в 1945 г. Резкое падение рождаемости в Озерске и России началось в начале 90-х гг. прошлого столетия, которое продолжалось до 2000 г. Сходная динамика показателей рождаемости характерна и для населения России в целом. Однако темпы роста рождаемости с 2005 г. в стране были выше, чем в Озерске. Оценка нетто-коэффициента в этом городе показала его снижение с 1,29 в 1959 г. до 0,52 в 2002 г. Величина нетто-коэффициента в России в 2002 г. оказалась выше, чем в Озерске, и составила 0,56. К 2010 г. нетто-коэффициент несколько повысился, составив 0,59 и 0,68 соответственно в Озерске и России. ВКР в Озерске были выше, чем в России до 1990 г., практически во всех возрастных группах женщин фертильного возраста. Пик рождаемости в порядке убывания приходился на возрастные группы 20–24 года и 25–29 лет (так же, как и в России). Можно заключить, что в г. Озерске до 1990 г. имело место расширенное воспроизводство населения (СКР составлял 2,17–3,77). Начиная с 1990 г. воспроизводство населения перешло на суженный режим, что в целом способствовало началу депопуляции населения. В России этот процесс начался значительно раньше, а именно с 1965 г.

Динамика реального СКР указывает на то, что условный СКР, не учитывающий сдвиг календаря, с одной стороны, преувеличивает падение рождаемости после 1990 г. и, с другой стороны, преувеличивает ее повышение в 2000-е гг. в Озерске и России. Кроме того, реальный СКР легко прогнозируется на ближайшие 10 лет (до 2023 г.) путем введения в ВКР для возраста 40–44 и 45+ лет значений предшествующего периода наблюдения. При этом ошибка прогноза не будет превышать 0,5% для 2018 г. и 2% для 2023 г. Ошибка прогноза условного СКР на 10-летний период составляла $\pm 17\%$ для Озерска и $\pm 7\%$ для России. Следует отметить, что наблюдающееся в последние годы увеличение

условного СКР (а также прогнозного) обусловлено главным образом повышением рождаемости в старших возрастных группах (≥ 25 лет), а уменьшение реального СКР — снижением рождаемости в младших возрастных группах (< 25 лет). При монотонной динамике ВКР значения СКР в условных и реальных поколениях женщин практически не отличаются и имеют практически одинаковые темпы прироста или понижения. В случаях же тайминговых изменений рождаемости в разных возрастных группах женщин СКР в условных и реальных поколениях будут иметь противоположные тенденции. Отсюда следует, что о долгосрочном повышении рождаемости можно говорить в случае одинаковых тенденций повышения СКР, как в условном, так и в реальном поколениях женщин.

В целом динамика ВКР в Озерске и России в возрастных группах женщин 15–24 лет характеризуется существенным снижением после 1990 г. и повышением в возрастных группах 25+ лет после 2000 г. В результате после 2000 г. как в Озерске, так и в России сумма ВКР у женщин старше 24 лет преобладала над суммой ВКР у женщин до 25 лет, т. е. наблюдался тайминговый переход рождаемости в более старшие возрастные группы.

Анализ динамики вклада очередности рождений в России в суммарный коэффициент рождаемости показал, что начиная с 2007 г. вклад вторых и последующих рождений был сопоставим, а после 2011 г. превосходил вклад первых рождений. В итоге средний возраст матерей при рождении всех детей с 1995 по 2010 г. повысился на 2,8 года. При этом повышение возраста матерей отмечалось при всех очередных рождениях детей: от 2,7 года при рождении 2-го ребенка до 0,8 года при рождении 5+ ребенка. В Озерске средний возраст матерей при рождении всех детей в соответствующий период времени повысился с 24,8 до 27,8 года, т. е. на три года, что практически совпадает с общероссийскими данными.

В целом снижение рождаемости в России и Озерске отражает общемировую тенденцию снижения числа детей в семье. В последние два десятилетия в России так же, как и в Озерске, условный СКР один из самых низких в мире. Условный СКР, который считается обобщающим показателем, сводящим разнонаправленные изменения возрастных коэффициентов к одной цифре, в последние годы демонстрирует заметный рост в России, что как будто говорит о росте рождаемости. С 2000 по 2013 г. условный СКР вырос на 0,63 ребенка в расчете на одну женщину в Озерске и на 0,48 ребенка — в России. Однако если условный СКР в Озерске к 2013 г. достиг значений данного показателя в советские годы (более 1,70 с 1960 по 1985 г.), то в России у городского населения (1,57) был все же ниже.

В литературе активно обсуждается вопрос о причинах повышения рождаемости, наблюдающегося в нашей стране в последние годы [3]. Демографы склонны в большей степени объяснять эту тенденцию тем, что в активную фазу деторождения вступили женщины, родившиеся в 80-е гг. прошлого столетия и особенно в их вторую половину, когда рождаемость в стране по известным причинам резко повысилась. Организаторы здравоохранения, в свою очередь, предпочитают ставить на первое место социально-экономическое стимулирование повышения рождаемости, начатое с 2007 г. [1]. Разумеется, обе эти причины внесли свой вклад в позитивную динамику рождаемости. Важно не это, а то, каковы дальнейшие перспективы рождаемости в стране и ее регионах. В этом отношении следует обратить особое внимание на то существенное демографическое обстоятельство, что в Озерске и России в целом в фертильный возраст в настоящее время вступают женщины 1990-х годов рождения, численность которых значительно меньше численности предыдущих поколений. Расчеты, выполненные по данным официальной статистики [2], показывают, что численность женщин в городском населении России, достигших возраста 15–19 лет, с 1989 по 2014 г. уменьшилась в 1,56 раза (во всем населении — в 1,43 и сельском — в 1,08 раза) и составила 64,1% от исходного уровня. В Озерске за этот же период времени численность данной группы женщин уменьшилась в 1,48 раза, составив 67,6%. Неутешительная картина в этом отношении наблюдается в России и особенно в Озерске для девочек потенциально фертильного возраста (0–14 лет). Следовательно, для сохранения численности населения страны на существующем уровне помимо прочих мероприятий необходимы дополнительные меры, направленные на повышение рождаемости, что, несомненно, потребует значительных усилий со стороны государства и общества.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей».
2. Демографический ежегодник России. 2014: стат. сб./ Росстат. — М., 2014.
3. Улумбекова Г. Э. Здравоохранение России. Что надо делать. — 2-е изд. — М.: ГЭОТАР-Медия, 2015. — 704 с.
4. The Human Fertility Database. URL: <http://www.humanfertility.org>
1. Federal'nyj zakon 256-FZ ot 29.12.2006 «O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imejushhih detej».
2. Demograficheskij ezhegodnik Rossii. 2014: stat. sb. / Rosstat. — М., 2014.
3. *Ulumbekova G. Je.* Zdravoohranenie Rossii. Chto nado delat'. 2-e izd. — М.: GJeOTAR-Medija, 2015. — 704 s.

*Трач Т. М.,
магистрант, НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

«Штраф за материнство» и социально-психологические проблемы трудоустройства и занятости женщин с детьми

Ключевые слова: штраф за материнство, оплата труда женщин, проблемы трудоустройства

JEL код: J13

Trach T. M.

Penalty for motherhood and psycho-social problems of employment and employment of women with children

Влияет ли материнство на заработную плату женщин? Эмпирические исследования показывают, что матери склонны зарабатывать меньше, чем женщины без детей (Ниворожкина и соавторы изучали «штраф за материнство» в России (2007), Нижалова, Слизаренко (2013) — в Украине, Waldfogel (1995, 1997, 1998 a, b) — в США и Великобритании). Это может быть объяснимо меньшей продуктивностью на работе, потерей опыта работы вследствие декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком, частыми пропусками работы по болезни ребенка, выбором занятости с гибким графиком [4; 5; 6]. Вследствие восприятия работодателем вышеупомянутых причин женщины с детьми входят в одну из наиболее уязвимых групп на рынке труда. Матери могут быть подвержены тревожности в связи с длительным перерывом в работе из-за рождения ребенка, что отчасти является причиной неуверенности в своих силах и, как следствие, менее оплачиваемой работы.

Цель данной работы — изучение «штрафа за материнство», который выражается в уменьшении доходов матерей по сравнению с бездетными женщинами, а также настроениях женщин относительно работы и их трудоустройства.

Основой для анализа послужили данные «Российского мониторинга экономического положения и здоровья НИУ ВШЭ» (РМЭЗ ВШЭ). Рассматриваются восьмилетние панельные данные из 15 волн: с 2000 по 2007 г., с 2001 по 2008 г. и т. д., до 2007–2014 гг. Женщины, включенные в выборку, находятся в фертильном возрасте: от 15 до 44 лет на момент рождения ребенка.

Рождение ребенка в третий год наблюдения определялось исходя из ответа на вопрос: «*Вы рожали в течение последних 12 месяцев?*» Статус

занятости устанавливался с помощью вопроса: «*Ваше основное занятие в настоящее время?*»

Для сравнения уровня заработных плат, субъективных оценок и настроений женщин относительно их профессиональной деятельности были выделены следующие типы:

- 1) женщины, которые родили только в третий год наблюдения. Был выбран третий год для того, чтобы отследить динамику как до рождения ребенка, так и в период декретного отпуска и отпуска по уходу за ребенком (329 наблюдений);
- 2) женщины, которые не рожали ребенка в рассматриваемый период, но имеющие детей (1003 наблюдения);
- 3) женщины без детей (2334 наблюдения).

Данное исследование построено на дескриптивном анализе доходов женщин, а также их ожиданий относительно работы на протяжении восьмилетнего периода, за два года до рождения ребенка и в течение нескольких лет после него. Номинальные размеры заработных плат были пересчитаны в реальные в ценах 2000 г. с использованием ИПЦ, опубликованных Росстатом¹. Субъективные оценки женщин относительно ожиданий потерять работу, найти новую и сменить рабочего места и/или профессии были получены на основе ответов респондентов на следующие вопросы:

- *Насколько Вас беспокоит то, что Вы можете потерять работу?*
- *Представьте себе не очень приятную картину: предприятие, где Вы работаете, по каким-то причинам закрывается, и все работники уволены. Насколько Вы уверены в том, что сможете найти работу не хуже той, на которой работаете сейчас?*
- *Вы сменили место работы или профессию по сравнению с ноябрем предыдущего года, или все осталось по-прежнему?*

Анализ проводился в разрезе социально-демографических характеристик женщины, а именно ее возраста и уровня образования, типа населенного пункта и отрасли экономики.

Результаты анализа показывают, что уровень занятости рожавших женщин в городе и селе значительно различается: доля городских женщин, находящихся в декретном отпуске, выше; они находятся в нем дольше, чем в сельской местности. Выявлена зависимость длительности декретного отпуска от уровня образования: чем выше уровень образования, тем более длительным является декретный отпуск и отпуск по уходу за ребенком.

Если посмотреть динамику заработной платы в относительных показателях, то за год до рождения появляется скачок зарплаты среди женщин, родивших в период наблюдения. Это может быть частично объяснено тем, что женщины, планируя свою беременность, переходят на более оплачиваемую работу или должность. Такое предположение

¹ URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#

подтверждается высокой долей родивших в третий год женщин, которые сменили место работы и/или профессию (20,7% за год до рождения ребенка) (рис. 1). Далее в третий и четвертый годы наблюдения средний показатель заработной платы снижается примерно на 36% по сравнению с годом до родов. К шестому году наблюдения (третий год после рождения ребенка) темпы роста заработной платы достигают уровня нерожавших женщин и даже превышают его (рис. 2).

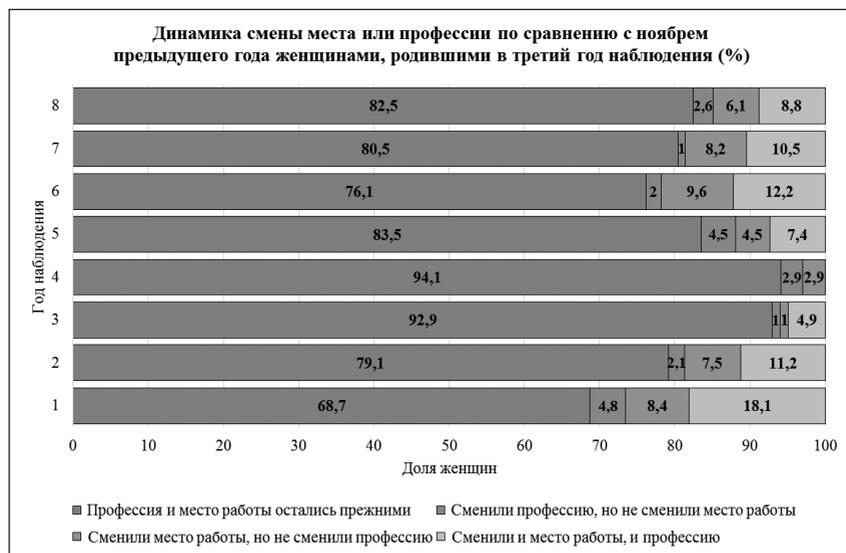

Рис. 1. Динамика смены места или профессии по сравнению с ноябрем предыдущего года женщинами, родившими в третий год наблюдения, в %

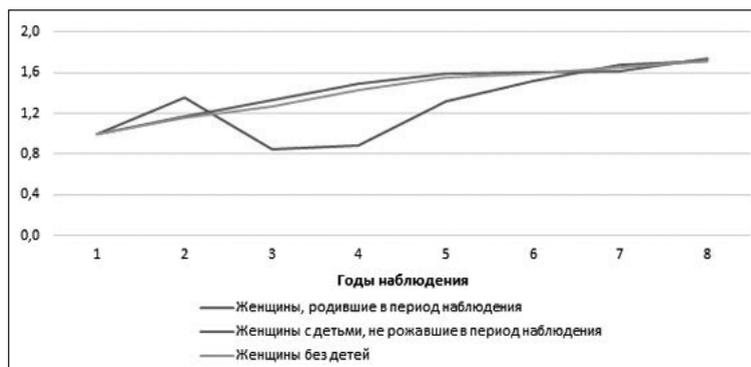

Рис. 2. Динамика темпов роста средней заработной платы, в разах к первому году наблюдения

Стоит отметить, что, начиная со второго (т. е. за год до рождения) и до восьмого года наблюдения, темпы роста заработной платы женщин в группе 20–29 лет так и не доходят до уровня зарплаты нерожавших женщин.

Однако конвергенция темпов роста заработной платы между рожавшими и нерожавшими женщинами в возрасте 30–39 лет по состоянию на год, предшествующий появлению ребенка, наступает к шестому году наблюдения. Таким образом, разница составляет шесть лет против четырех лет. Наибольший «штраф за материнство» прослеживается во внебюджетной сфере экономики. Что касается науки, культуры, образования и здравоохранения, то в данном случае наблюдается наименьшее снижение заработной платы.

По данным репрезентативных выборок, существует положительная динамика степени уверенности в возможности трудоустройства не хуже в случае потери работы среди женщин с детьми и без детей. Постепенно повышается доля женщин с детьми, которые уверены, что смогут найти работу не хуже текущей, и снижается доля не уверенных в данном вопросе. В 2000 г. 63,2% женщин с детьми были обеспокоены возможной неудачей в нахождении работы не хуже настоящей, в то время как лишь 27,6% чувствовали себя уверенно (рис. 3). В 2013–2014 гг. доля пессимистов увеличилась почти до уровня кризиса 2008 г., когда она составляла 60,1% (см. рис. 3). В связи с неустойчивостью российской экономики увеличивается уровень волнения среди населения, к тому же матери являются наиболее уязвимой группой на рынке труда.

Рис. 3. Динамика степени обеспокоенности потерять работу среди женщин с детьми, 2000–2014 гг., в %

В течение всего восьмилетнего интервала бóльшая часть женщин, родивших в третий год наблюдения, уверены в том, что смогут найти работу не хуже настоящей. Стоит отметить, что в год рождения доля уверенных возрастает. Такая положительная тенденция прослеживается в течение первого года жизни ребенка. Например, доля очень обеспокоенных возрастает с 21,3% в четвертом году до 32,7% в пятом году наблюдения. Это может быть объяснено тем, что в первый год после рождения ребенка женщины больше заняты уходом за ним и меньше задумываются о карьере, но в дальнейшем свободного времени становится больше, и возрастает обеспокоенность. Также после окончания декретного отпуска (шестой год наблюдения) доля полностью уверенных значительно сокращается, около 60% женщин волнуются, что могут потерять работу, против 25% тех, кого это не тревожит.

Доля женщин, которые вышли на работу сразу после родов и не уверены, что могут найти работу не хуже имеющейся, составляет 50%, в то время как доля таких матерей в декрете составляет 39%. Это отчасти можно связать с более острой необходимостью в денежных средствах, что вынуждает женщин выходить на рынок труда.

Анализ репрезентативных выборок показал, что бóльшая часть женщин с детьми обеспокоены тем, что могут потерять работу, — на протяжении 2000–2015 гг. доля в той или иной степени беспокоящихся оставалась примерно постоянной — 55–59%. Далее перейдем к рассмотрению показателя среди женщин, родивших в течение восьмилетнего интервала. До родов доля матерей, обеспокоенных и не обеспокоенных потерей работы, примерно равная, однако после рождения ребенка доля обеспокоенных потерей работы существенно возрастает. Таким образом, процент тревожности возрастает на 15% с четвертого по восьмой год наблюдения среди женщин, родивших в третий год наблюдения. Это говорит нам, что после рождения ребенка женщины обеспокоены возможной потерей работы, что может быть связано с потерей профессиональной квалификации и снижением уверенности в своих силах.

Очевидно, что женщины во время декрета не склонны менять место работы и профессию. Можно предположить, что до рождения ребенка они меняют место работы или профессию, предпочитая более комфортные условия — официальное трудоустройство, 100%-ную белую и, возможно, более высокую зарплату, полный социальный пакет. Данные нашего исследования подтверждают указанную тенденцию: что за год до рождения ребенка доля сменивших профессию и (или) место работы выше по сравнению с декретным периодом (20,9% женщин сменили профессию и (или) место работы за год до рождения (второй год наблюдения) против 5,5% матерей, сменивших в первый год декретного отпуска (год рождения ребенка). В шестой год восьмилетнего периода наблюдения возрастает доля женщин, сменивших место работы и (или) профессию, до 23,9%, что можно связать с концом возможного декрет-

ного отпуска и получением места для ребенка в детском саду. Анализ репрезентативных выборок женщин с детьми показывает значительно меньшую долю тех, кто меняет работу и (или) профессию, по сравнению с бездетными коллегами.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что «штраф за материнство» в России существует и проявляется не только в виде снижения мобильности матерей на рынке труда и сокращения темпов роста их заработных плат, но и в виде роста обеспокоенности матерей относительно возможной потери работы, трудностей с поиском новой работы. Темпы роста заработных плат матерей и женщин без детей выравниваются через три–четыре года после рождения ребенка. Различия в оплате труда зависят от социально-демографических характеристик: в городах эффект снижения заработной платы наблюдается дольше, чем в селах; конвергенция заработной платы происходит быстрее среди образованных женщин после их возвращения на рынок труда. Анализ женщин с детьми показал, что на протяжении 15 лет более 30% уверены, что найдут работу не хуже текущей. Женщины с детьми больше подтверждены обеспокоенности по поводу своей работы, они реже меняют профессию и место работы. В целом женщины с детьми выбирают осторожную стратегию на рынке труда, они настроены более пессимистично по отношению к возможности найти работу не хуже нынешней, стараются не менять профессию.

Литература

1. *Ниворожкина Л. И., Ниворожкин А. М., Арженовский С. В.* Неравенство в заработках женщин: виноваты ли дети // Вестник Таганрогского института управления и экономики. — 2007. — № 2. — С. 11–14.
2. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ URL: <https://www.hse.ru/rlms/>
3. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/tariffs/#
4. *Anderson D., Blinder M., Krause K.* The Motherhood Wage Penalty: Which Mothers Pay It and Why? // *The American Economic Review*. — 2002. — No. 92 (2). — P. 354–358.
5. *Budig M. J. and England P.* The Wage Penalty for Motherhood // *American Sociological Review*. — 2001. — No. 66. — P. 204–225.
6. *Hochschild A.* *The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home*. — New York: Viking, 1989.
7. *Waldfoegel J.* The price of motherhood: Family status and women's pay in young British cohort // *Oxford Economic Papers*. — 1995. — No. 47. — P. 584–610.
8. *Waldfoegel J.* The effect of children on women's wages // *American Sociological Review*. — 1997. — No. 62 (2). — P. 209–217.
9. *Waldfoegel J.* Understanding the 'family gap' in pay for women with children // *Journal of Economic Perspectives*. — 1998a. — No. 12 (1). — P. 137–156.
10. *Waldfoegel J.* Family gap for Young women in United States and Britain: Can maternity leave make a difference? // *Journal of Labor Economics*. — 1998b. — No. 16 (3). — P. 505–545.

1. *Nivorozhkina L. I., Nivorozhkin A. M., Arzhenovskij S. V.* Neravenstvo v zarabotkah zhenshhin: vinovaty li deti // Vestnik Taganroгskого института управления i jekonomiki. — 2007. — No. 2. — S. 11–14.
2. Rossijskij monitoring jekonomicheskogo položenija i zdorov'ja naselenija NIU VShJe. URL: <https://www.hse.ru/rlms/>

Чернышева И. В.,
канд. истор. наук, доцент
Удмуртский государственный университет
Институт социальных коммуникаций
(Ижевск, Россия)

Запольских М. В.,
магистрант
Удмуртский государственный университет
Институт социальных коммуникаций
(Ижевск, Россия)

Отношение молодой семьи к материнскому капиталу

Аннотация

Цель исследования — изучение отношения молодой семьи к программе материнского капитала. Статья основывается на результатах глубинных интервью среди молодых семей Удмуртии, которые воспользовались или собираются воспользоваться материнским капиталом. Авторы приходят к выводу, что в целом молодые респонденты одобряют реализацию данной государственной меры. Сложно говорить о влиянии данной программы на увеличение рождаемости, но однозначно можно утверждать, что отношение молодых семей к ней положительное.

Ключевые слова: материнский капитал, рождаемость, молодая семья, демографическая политика

JEL код: J13

Chernisheva I. V.,
PhD, associate professor
of the Institute of Social Communications
of Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

Zapolskih M. V.,
Master of Arts of the Institute
of Social Communications
of Udmurt State University (Izhevsk, Russia)

The relationship of the young family to the Programme of maternal (family) capital

Abstract

The article deals with the ways of the family capital Programme realization. The results of survey among young families in Udmurt Republic who have used and who are going to use

family capital are also given in the article. The authors come to conclusion that the respondents approve this Programme on the whole. They also state that it is difficult to say whether the Programme influences on birth rate in the republic, but without any doubt it is possible to assume that young families feel positively concerning the use of the given Programme.

Key words: the Programme of maternal (family) capital, birth-rate, young families, population policy

JEL code: J13

В 2007 г. для преодоления демографического кризиса в России правительство ввело меру государственной поддержки семей при рождении или усыновлении второго, третьего или последующего ребенка — материнский капитал.

Эффективность данной программы до сих пор вызывает дискуссии среди ученых. Позиции исследователей по результатам материнского капитала неоднозначны. Так, В. Н. Архангельский, Л. Л. Рыбаковский, А. В. Коротаев, А. И. Антонов считают, что благодаря программе «Материнский капитал» рождаемость начала увеличиваться. Начиная именно с 2007 г. уровень рождаемости весьма значительно повысился, в то время как никаких кардинальных изменений в социально-экономической сфере, кроме введения материнского капитала, не произошло, также скачок был именно по вторым и третьим рождениям [1; 2].

В противовес данному мнению А. Г. Вишневский, Н. В. Зверева, С. В. Захаров, В. М. Медков считают, что скачок рождаемости, начиная с 2007 г. не заслуга материнского капитала, а совпадение с волной рождаемости, которая произошла за несколько поколений до него [3; 4].

По данным статистики в 2015 г., сертификат на федеральный материнский капитал в Удмуртии получили более 81 тыс. семейств с двумя или более детьми. Распорядиться капиталом, направив его на улучшение условий проживания, решили 56 тыс. семей. За счет полученных средств частично или полностью погасили кредиты 46 тыс. семей, на что ушло 16 млрд руб. 10,5 тыс. сертификатов было использовано на покупку или постройку нового жилья. На эти нужды потрачено 2,9 млрд руб. из федерального бюджета. На обучение одного из детей в семье подано около 1,9 тыс. заявок, что предусматривает расходы в размере 2,8 млн руб. Вложить средства МСК в пенсию решили всего 18 матерей. На пенсионные накопительные счета переведено 2 млн руб. 208 мужчин в регионе получили госсертификаты на материнский капитал вследствие прекращения прав на выплату у женщины, родившей ребенка. Из них половина уже использовала средства [5].

Для того чтобы выявить отношение молодых семей Удмуртии к материнскому капиталу, в 2016 г. нами было выполнено комплексное исследование. В ходе первого этапа исследования было проведено анкетирование среди молодых семей, всего заполнено 285 анкет.

Среди респондентов было 91,5% женщин и 8,5% мужчин, основную часть опрошенных (52,1%) составила возрастная группа от 25 до

30 лет. Проживающих в зарегистрированном браке оказалось большинство — 72,9%, в незарегистрированном браке — 18,6%, неполная семья (мать воспитывает одна детей) — 8,5%. 56,5% респондентов проживают в Ижевске, 31,9% — в городах Удмуртии, и 11,6% — в сельской местности.

Среди респондентов, которые желали бы иметь двоих детей, оказалось 49,3%, троих детей — 42%, больше трех детей — 5,8%, по 1,4% набрали ответы «хочу иметь одного ребенка» и «я не хочу иметь детей». В реальности же 49,3% респондентов имеют двух детей, 26,8% — одного ребенка, 8,5% — трех детей. 15,5% молодых людей детей не имеют. Таким образом, по данным результатам и в плане ожидания, и по факту среди молодых респондентов превалируют те, кто имеет и желает иметь двоих детей.

Доля молодых людей, которые собираются воспользоваться материнским капиталом, составила 64,2%, воспользовались данной мерой — 35,8%. 87% респондентов отметили, что распорядились или собираются распорядиться материнским капиталом на улучшение жилищных условий, 8,7% — обналичили или рассматривают такой вариант, однако стоит отметить, что это является незаконным. На третье и четвертое места вышли варианты на образование (2,9%) и пенсию (1,4%).

В целом анкетирование показало, что 93% знают о такой мере государственной поддержки. Большинство опрошенных (67%) считают материнский капитал серьезной мерой поддержки для семьи, но в то же время отмечают, что он не повлиял на решение о рождении второго/последующего ребенка (59,2%). 33% респондентов планировали завести ребенка в ближайшие годы, и материнский капитал укрепил их желание и лишь 8,2% опрошенных ответили, что хотят завести ребенка, именно пока действует данная программа.

На втором этапе исследования было проведено 41 глубинное интервью среди молодых семей старшей возрастной группы с двумя и более детьми Удмуртской Республики (33 женщины и 8 мужчин). По составу 32 семьи — полные (два родителя), 1 — неполная (женщина воспитывает двоих детей одна). По количеству детей в семье: у 29 пар — двое детей, у трех пар — три ребенка, и одна семья — в ожидании третьего ребенка. По месту проживания: 27 пар проживает в городах, и шесть пар переехали из сельской местности в город за счет средств материнского капитала. В зарегистрированном браке находится 30 пар, в сожительстве — три.

В рамках исследования нас прежде всего интересовало три вопроса: сколько еще детей хотела бы иметь молодая семья, влияет ли материнский капитал на решение о рождении второго/последующего ребенка; на что молодая семья направляет данные средства и в чем она нуждается; общее отношение молодой семьи к проводимым государством демографическим мерам.

В ходе интервью все респонденты знают о материнском капитале: 19 семей воспользовались, 14 — пока не воспользовались по разным при-

чинам. 19 молодых семей направили материнский капитал на улучшение жилищных условий с использованием накопленных средств, при помощи родных или ипотеки; они сменили дом в селе на однокомнатную квартиру в городе (пять семей), расширили свою жилплощадь, приобрели свое жилье взамен снимаемой квартиры.

На вопрос интервью «Собираетесь ли Вы или уже воспользовались материнским капиталом?» были получены следующие ответы. *«Материнский капитал, конечно, может облегчить, вот, например, выплату ипотеки, все-таки есть разница... И его мы решили внести в счет ипотеки»* (Алена, 28 лет, двое детей). *«Мы копили денежные средства конкретно для приобретения недвижимости с использованием материнского капитала»* (Екатерина, 30 лет, трое детей). *«Материнский капитал пошел на погашение остатка по ипотечному кредиту»* (Мария, 30 лет, двое детей). *«Мы приобрели квартиру на материнский капитал»* (Екатерина, 30 лет, двое детей).

14 молодых семей пока не воспользовались данным предложением. 11 семей нуждаются в жилье, из них только собираются направить средства на жилье семь семей, четыре семьи не имеют денежных средств для выплаты ипотеки. Три молодых семьи в жилье не нуждаются и обдумывают варианты использования.

«Мы еще не воспользовались, но сертификат получили. Пока думаем, брать ипотеку или накопить свои средства, чтобы не переплачивать проценты» (Ирина, 30 лет, двое детей). *«Мы еще никак им не воспользовались. Скорее всего, используем его для расширения жилплощади»* (Лолита, 26 лет, двое детей). *«Пока не воспользовались им. Потому что пока не решили, куда его направить. Хотелось бы потратить на жилье, новую квартиру в новостройке, но залезать в ипотеку мы пока не потянем»* (Людмила, 30 лет, двое детей).

В условиях ограниченных финансовых ресурсов, невозможности оформить ипотеку материнский капитал для некоторых семей становится практически бесполезным. Респонденты отмечают высокие цены на жилье, низкий уровень зарплат. При наличии минимум двух детей направление средств на образование и пенсию не является для молодой семьи актуальным. *«Сертификатом мы пока не воспользовались, потому что не знаем, как распорядиться средствами. Выплачивать ипотеку мы не потянем с двумя детьми, я их воспитываю — не работаю. Пенсия, образование — не знаю, несерьезно как-то кажется»* (Мария, 27 лет, двое детей). *«Денег нет, на ипотеки все эти. Думаем, на образование тогда, не знаю, получим сертификат, и пусть пока лежит до лучших времен»* (Артем, 30 лет, двое детей). *«Сертификат получила, не знаю, что с ним и делать. Хотела купить жилье на материнский капитал, но у меня, естественно, не то, что не хватает, денег совсем нет»* (Алена, 29 лет, двое детей (воспитывает детей одна).

Какие нужды имеет молодая семья? На что молодые родители желают направлять средства материнского капитала? Практически все

респонденты предлагали свои идеи в отношении, на что стоило бы направить данные средства. Достаточно часто в ответах респондентов поднимается тема автомобиля как крайне необходимой вещи в семье, где есть дети. *«Мужики сетуют, что на автомобиль нельзя потратить. Да, хорошо бы было. Вот мы со взглядом на будущее квартиру хотим взять, а так абсолютно не раздумывая автомобиль бы приобрели»* (Роман, 28 лет, двое детей). *«На машину. С детьми, тем более с двумя, тяжело на транспорте ездить. А ведь надо и в больницу, и туда, и сюда, сумки. Машина облегчила бы жизнь»* (Алена, 28 лет, двое детей). *«На покупку автомобиля»* (Гульнара, 30 лет, трое детей). *«На машину. У нас пока нет машины, а она очень нужна. Очень бы облегчила жизнь»* (Анастасия, 24 года, двое детей).

В целом информанты отмечают, что материнский капитал не повлиял на рождение в их семьях вторых/последующих детей. Среди людей присутствует негативная установка восприятия материнского капитала — «ребенок за деньги». Даже если программа прямо или косвенно повлияла на решение семьи о рождении второго и последующих детей, откровенно признаться в этом не очень прилично. Однако при этом информанты отмечают о смещении тайминга рождения под воздействием программы «Материнский капитал». Этот вопрос требует дополнительного самостоятельного изучения.

«Нет, материнский капитал не повлиял. Вообще не думали о материнском капитале» (Алена, 28, двое детей). *«Абсолютно никак не повлиял. Рожать ради денег — ну это уж совсем»* (Анастасия, 24 года, двое детей). *«Ну, ребенка, понятное дело, не из-за капитала рожали. Мне не совсем понятно, как он должен регулировать рождаемость. Вот даже если бы миллион давали — из-за миллиона рожать? Это же ребенок, а не вещь — его воспитывать надо, внимание уделять, учить, чтобы человеком стал. А потом ему что говорить — мы тебя из-за денег родили»* (Петр, 34 года, двое детей).

Вопрос, на который были получены, пожалуй, самые противоречивые и эмоциональные (прежде всего от женщин) ответы, — это: «Считаете ли Вы материнский капитал серьезной поддержкой для семьи?» Несмотря на то что сумма материнского капитала не сопоставима с рыночными ценами на жилье и с затратами на воспитание ребенка, она все же облегчает материальное положение семьи. Большинство информантов отмечают, что рады его получению и облегчению материального бремени при выплате ипотеки или покупке жилья. Отношение к материнскому капиталу положительное среди тех респондентов, которые воспользовались данным предложением. В некоторых случаях материнский капитал помогает решить такие важные вопросы, как оплата образования, детского сада, дополнительных кружков и т. д. *«Мы считаем, что это хорошая помощь от государства. По крайней мере, беря квартиру в ипотеку, точно знаешь, что 450 тыс. руб. у тебя есть, — уже хорошо»* (Ольга, 29 лет, двое

детей). *«Да, поддержка ощутимая, так как есть достаточно хорошие возможности для его использования, в том числе с пользой для самого ребенка в будущем»* (Екатерина, 30 лет, трое детей). *«Ну, конечно, это помощь. Раньше же не давали ничего»* (Екатерина, 28 лет, двое детей). *«Нормальное. На однокомнатную собираем плюс материнский капитал. Как первый взнос хорошо. Недостаточно продуман, но дают — хорошо, хоть как-то помогают»* (Роман, 28 лет, двое детей). *«Положительно, мы ипотеку погасили. Как хорошо-то тогда стало. Счастливы были несказанно»* (Петр, 34 года, двое детей). *«Хорошо, что дают. Мы в трехку средства направили в новостройке»* (Айдар, 33 года, трое детей).

Проведенное исследование также позволило выявить отношение молодых респондентов к демографической политике в целом. Многие из них достаточно критично оценивают меры современной демографической политики в отношении молодых семей. Особой критике со стороны молодых мам, что вполне естественно, подвергаются детские пособия, когда ребенку исполняется 1,5 года. Резкое сокращение финансовой помощи со стороны государства после достижения ребенком данного возраста при невозможности выйти молодой маме на работу в условиях дефицита мест в детских яслях весьма ощутимо для бюджета.

Для молодой семьи, еще полностью не реализовавшей свою репродуктивную функцию, экономические факторы являются наиболее влияющими. Если первого ребенка пара заведет «в любом случае», желая перейти в другой статус и реализовать свою репродуктивную функцию, почувствовать себя родителями, то на рождение второго уже будут влиять не только желание и личные мотивы, но и материальная обеспеченность, стабильность с работой и ситуацией в стране.

В понимании респондентов отчетливо прослеживается два аспекта: относительно положительное отношение к материнскому капиталу (критика все же присутствует) и абсолютно негативное отношение к остальным мерам демографической политики в области рождаемости. В подтверждение читаем следующие отрывки из интервью: *«Детские до трех лет — 50 руб., и на них надо собирать кучу бумаг. Это до сих пор не укладывается в моей голове. 50 руб. — детские — это позор для государства. Необходимо обеспечивать женщине достойную жизнь с ребенком, чтобы она не думала, как его кормить будет, чтобы она могла спокойно сидеть в отпуске и не думать, как бы быстрее из него выйти... Чтобы были условия для женщин с детьми, гибкие графики, ясли и так далее. Материнский капитал, на мой взгляд, не способен решить демографическую проблему»* (Ирина, 30 лет, двое детей). *«Думаю, что меры в регионах недостаточны. Материнский капитал не является мотиватором сам по себе, а лишь поддержкой. Те семьи, которые хотят иметь больше одного ребенка, будут рожать, несмотря ни на что»* (Екатерина, 30 лет, трое детей). *«Те копейки, которые выплачиваются государством в виде всяких детских пособий,*

уж точно никак не могут служить мотиватором. Мамам приходится на работу выходить, ребенка на бабушек, дедушек вешать, муж на двух работах, дома только вечером появляется. В таком случае о каком здоровом, полном, достойном воспитании идет речь? Нет, государство наше совсем не мотивирует создавать большие, многодетные семьи. Нужно увеличивать зарплаты» (Мария, 30 лет, двое детей). «Помощь от государства предоставляется, и я считаю, весьма неплохая, но она, как бы ни хотелось, не покрывает всех расходов на ребенка. Поэтому мотивом она не выступает» (Ольга, 29 лет, двое детей). «У меня неоднозначное отношение к нему. Ну, кто, скажите мне, отложит эти деньги себе на пенсию? Все считают, что она за большими, далекими горами, да и я считаю, народ все равно в государстве не уверен» (Людмила, 30 лет, двое детей). «“Денег нет, но вы держитесь”, — так вроде сейчас нам говорят. Держимся, как можем» (Артем, 30 лет, двое детей). «Государство дает рыбу, а надо бы дать удочку народу, а удочка — это высокая зарплата, стабильность в стране, стабильность в ценах, доступность жилья и автотранспорта — и все это не в рамках какой-то программы, а всегда» (Максим, 32 года, двое детей).

Стоит заметить, что МРОТ в России с 1 июля 2016 г. составлял 7500 руб. (с 1 января 2016 г. МРОТ составлял 6204 руб.), прожиточный минимум — 9452 руб. в среднем на душу населения. Средняя зарплата по Удмуртии, по статистике, составляет от 20 до 30 тыс. руб.

В целом меры поддержки молодой семьи в области стимулирования рождаемости не в полной мере отвечают реалиям жизни общества. Материнский капитал воспринимается либо как поддержка, либо как просто существующая формальность. Для одних семей это действительно существенная помощь, прежде всего в расширении и улучшении жилплощади (при наличии «стартового капитала»). Однако финансовые ограничения в использовании материнского капитала поставили в тупик те молодые семьи, которые не могут позволить себе взять квартиру с использованием ипотеки. Материнский капитал они воспринимают не как реальную помощь, а просто «сертификат» («пусть пока лежит», «что делать с ним, не знаем», «бумажка, что делать с ней, не знаем, денег на покупку жилья нет»). Неудивительно, что в данных условиях возникают мысли об обналичивании материнского капитала, при этом респонденты понимают, что это незаконно, и осознают возможный финансовый риск «остаться ни с чем». В ходе интервью опыт обналичивания средств материнского капитала не был зарегистрирован.

Использование средств материнского капитала как инвестиции в накопительную часть будущей пенсии матери не вызывает доверия у респондентов. В нашем исследовании таких случаев мы не зарегистрировали. В качестве причин респонденты отмечали неуверенность в завтрашнем дне, нестабильную экономику, кроме того, при таких условиях срок использования материнского капитала отодвигается на

20–30 лет. Как отметила одна из молодых женщин, «откладывать на пенсию, которая еще не скоро, не вижу смысла, как дела государственные повернутся в ближайшие 20–30 лет, с точностью никто сказать не может. Поэтому на такой долгосрочный срок откладывать я боюсь». К сожалению, в этих ответах проявляется недоверие к долгосрочным государственным проектам, отсутствие взаимопонимания между нуждами молодой семьи на данном этапе и интересами государства.

В целом мера государственной поддержки — материнский капитал была оценена в ходе проведенного исследования молодыми семьями достаточно положительно. Сложно говорить о влиянии данной программы на увеличение рождаемости, но однозначно можно утверждать, что отношение молодых семей к ней положительное.

Литература

1. *Архангельский В. Н.* Анализ рождаемости в реальных поколениях в современной России: подходы к оценке итогов и перспектив // Междисциплинарные исследования населения: 50 лет университетской демографической школе: Восьмые Валентеевские чтения: сборник докладов. — М.: Проспект, 2015. — Т. 1. — С. 9–33.
 2. *Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л.* Результативность демографической политики России / под ред. Л. Л. Рыбаковского. — М.: Экон-Информ, 2016. — 307 с.
 3. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/12/09/10415831.shtml#page1>
 4. URL: <https://iq.hse.ru/news/177670505.html>
 5. Материнский капитал в Ижевске и Республике Удмуртия. URL: <http://pro-materinskiy-kapital.ru/regionalniy/v-izhevske-i-respublike-udmurtiya/>
 6. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. URL: <http://udmstat.gks.ru>
-
1. *Arhangel'skij V. N.* Analiz rozhdaemosti v real'nyh pokolenijah v sovremennoj Rossii: podhody k ocenke itogov i perspektiv// Mezhdisciplinarnye issledovaniya naselenija: 50 let universitetskoj demograficheskoj shkole: Vos'mye Valenteevskie chtenija: sbornik dokladov. — M.: Prospekt, 2015. — T. 1. — S. 9–33.
 2. *Arhangel'skij V. N., Ivanova A. E., Rybakovskij L. L.* Rezul'tativnost' demograficheskoj politiki Rossii / pod red. L. L. Rybakovskogo. — M.: Jekon-Inform, 2016. — 307 s.
 3. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2016/12/09/10415831.shtml#page1>
 4. URL: <https://iq.hse.ru/news/177670505.html>
 5. Materinskij kapital v Izhevske i Respublike Udmurtija. URL: <http://pro-materinskiy-kapital.ru/regionalniy/v-izhevske-i-respublike-udmurtiya/>
 6. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistika po Udmurtskoj Respublike. URL: <http://udmstat.gks.ru>

СЕССИЯ 4

ЗДОРОВЬЕ, ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ЖИЗНИ, СМЕРТНОСТЬ: МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ, МИРОВЫЕ И ЛОКАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ, РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Будилова Е. В.,

д-р биол. наук, ст. научн. сотр.

МГУ имени М. В. Ломоносова

Биологический факультет

(Москва, Россия)

Лагутин М. Б.,

ассистент

МГУ имени М. В. Ломоносова

Механико-математический факультет

(Москва, Россия)

Мигранова Л. А.,

канд. экон. наук, гл. научн. сотр.

Институт социально-экономических проблем

народонаселения РАН

(Москва, Россия)

Здоровье населения как фактор демографического развития

Аннотация

В статье представлены результаты исследования взаимосвязи между характеристиками демографического развития (ожидаемой продолжительностью жизни и демографическим старением населения) и показателями заболеваемости по основным классам болезней. Информационной базой служили данные Росстата по 82 субъектам РФ за 2005–2013 гг. Рассмотрены временные тренды демографических показателей и заболеваемости населения, исследовано влияние территориального

фактора на заболеваемость населения, приведена статистическая оценка связи демографических характеристик населения с показателями заболеваемости по основным классам болезней. Результаты исследования показали, что наиболее высокие коэффициенты корреляции наблюдаются между ожидаемой продолжительностью жизни и алкоголизмом. Выявлено значимое различие по заболеваемости между регионами с высоким и низким индексами старения: в регионах с высоким индексом старения заболеваемость новообразованиями выше, чем в регионах с низким; наоборот, болезни эндокринной системы чаще встречаются в регионах с более молодым населением. Показано также, что в регионах с высокой скоростью старения наблюдается более высокая заболеваемость инфекционными и паразитарными болезнями и болезнями эндокринной системы.

Ключевые слова: ожидаемая продолжительность жизни, заболеваемость, многомерный статистический анализ

JEL коды: I100, J100

Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант 14-06-00159).

***Budilova E. V.,**
D. Sc., Senior researcher
The Lomonosov Moscow State University
Faculty of Biology
(Moscow, Russia)*

***Lagutin M. B.,**
Assistant professor
The Lomonosov Moscow State University
Faculty of Mechanics and Mathematics
(Moscow, Russia)*

***Migranova L. A.,**
PhD in Economics, Chief Scientific Officer
Institute of Social and Economic Studies
of Population RAS
(Moscow, Russia)*

Population health as a factor of demographic development

Abstract

The article presents the results of a study of the relationship between the characteristics of demographic development (life expectancy and demographic aging of the population) and morbidity rates for the main classes of diseases. The information base was provided by Rosstat data on 82 subjects of the Russian Federation for 2005–2013. The temporal trends of demographic indicators and incidence of the population are considered, the influence of the territorial factor on the incidence of the population is studied, the statistical estimation of the connection between the demographic characteristics of the population and the incidence rates for the main classes of diseases is given. The results of the study showed that the highest correlation coefficients are observed between expected life expectancy and

alcoholism. A significant difference in morbidity between regions with high and low aging indices has been revealed: in regions with a high aging index, the incidence of neoplasms is higher than in regions with a low level; On the contrary, diseases of the endocrine system are more common in regions with a younger population. It is also shown that in regions with a high rate of aging, a higher incidence of infectious and parasitic diseases and diseases of the endocrine system is observed.

Key words: life expectancy at birth, illness, multivariate statistical analysis

JEL codes: I100, J100

К важнейшим характеристикам демографического развития относится показатель ожидаемой продолжительности жизни. В свою очередь, рост продолжительности жизни сопровождается процессом старения населения.

Увеличение продолжительности жизни населения начиная с XVIII в. наблюдается во всем мире, хотя этот процесс идет неравномерно. Объяснение этому дано А. Омраном в 1971 г. в виде концепции эпидемиологического перехода (epidemiologic transition) [8]. Основой для разработки концепции послужила наблюдавшаяся эволюция смертности (изменение структуры смертности по причинам) в европейских странах. А. Омран выделил три стадии эпидемиологического перехода, позднее они были дополнены еще одной стадией, четвертой [14]. В настоящее время эта концепция считается общепринятой и имеет высокую прогностическую значимость [11].

Концепция рассматривает четыре этапа эпидемиологического перехода:

- первый — период эпидемий и голода — смертность высокая, средняя продолжительность жизни не превышает 40 лет;
- второй — период снижающейся пандемии — постепенное снижение смертности, продолжительность жизни возрастает до 50 лет;
- третий — период дегенеративных и профессиональных заболеваний — дальнейшее снижение смертности, и ее стабилизация на сравнительно низком уровне, продолжительность жизни возрастает до 70 лет;
- четвертый — период отложенных (отсроченных) дегенеративных заболеваний, смертность в молодых возрастах становится низкой, в пожилых — наблюдается ее быстрое снижение, массовые смерти переносятся в самые старшие возраста, продолжительность жизни продолжает расти, но не так быстро, как на ранних стадиях эпидемиологического перехода.

На уровень смертности и продолжительность жизни оказывают влияние многие факторы. А. Омран выделяет несколько их групп: экобиологические (состояние окружающей среды, наличие инфекционного пресса, особенности иммунной системы человека), социокультурные

(экономика, образ жизни, питание, гигиена и др.) и медицинские (санитария, лечебные и профилактические мероприятия). На разных этапах эпидемиологического перехода преобладает влияние той или другой группы факторов.

Так, например, на втором этапе преобладающее влияние на сокращение смертности оказывали социальные факторы, а на третьем — ведущей силой эпидемиологического перехода становятся медицинские, связанные с деятельностью здравоохранения как социального института [11].

Однако в связи с возрастающей индустриализацией существенное отрицательное влияние на здоровье населения стали оказывать экологические факторы, особенно связанные с загрязнением окружающей среды [например, 1; 2; 6; 12]. Актуальными становятся также вопросы, связанные с климатом и его изменением [9; 13; 15]. Определенное влияние оказывают также факторы, связанные с психоэмоциональным стрессом [16]. Именно эти факторы в России оказались одними из главных, когда в результате «шоковой терапии» продолжительность жизни в 1995 г. по сравнению с 1990 г. в среднем снизилась на 4,67 года, а у мужчин — на 5,61 года. Только в 2011 г. эти показатели достигли (и даже несколько превысили) уровень 1990 г. — в среднем по населению ожидаемая продолжительность жизни составляла 69,83 года, мужчин — 64,04 года, женщин — 75,61 года.

В 2007 г. Указом Президента РФ была утверждена¹ «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года», целями которой являются «стабилизация численности населения к 2015 г. на уровне 142–143 млн чел. и создание условий для ее роста к 2025 г. до 145 млн человек, а также увеличение ожидаемой продолжительности жизни к 2015 г. до 70 лет, к 2025 г. — до 75 лет». По данным Росстата, средняя продолжительность жизни в России в 2013 г. составляла 70,76 года и в 2015 г. — 71,39 года.

Данная работа посвящена статистической оценке связей демографических характеристик населения (средней ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ), ожидаемой продолжительности жизни мужчин (ОПЖм) и женщин (ОПЖж), индекса демографического старения) с показателями заболеваемости по основным классам болезней (инфекционные и паразитарные болезни; новообразования; болезни кровообращения, эндокринной системы, нервной системы, органов дыхания, органов пищеварения; врожденные аномалии; травмы, отравления и другие последствия воздействия внешних причин) и с численностью больных алкоголизмом и алкогольным психозом, стоящих на учете в ЛПУ. Для

¹ Указ Президента РФ от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года».

расчетов были использованы данные Росстата по 82 регионам России за 2005–2013 гг. [Регионы России, 2006–2014]. Индекс старения рассчитывался как отношение удельного веса лиц старше трудоспособного возраста к удельному весу детей (0–16 лет) в общей численности населения, умноженное на 100.

Динамика показателей демографического развития в 2005–2013 гг.

За период с 2005 по 2013 г. ожидаемая продолжительность жизни в целом по стране существенно выросла с 65,37 до 70,76 года, т. е. на 8,2%. Рост ОПЖ наблюдался во всех регионах страны, но по-прежнему фиксировалась ее высокая дифференциация. Так, например, самая высокая ожидаемая продолжительность жизни сохранялась в Республике Ингушетия (2005 г. — 73,45 года; 2013 г. — 78,84 года; рост на 7,3%), а самая низкая — в Чукотском АО (2005 г. — 58,48; 2013 г. — 62,11; рост на 6,2%), различие составляет 1,3 раза. Наиболее быстрыми темпами ОПЖ росла в Калининградской области (14,7%), Забайкальском крае (13,1%), Псковской и Ленинградской областях (на 12,7%), Архангельской области (11,4%), Сахалинской области (11,8%), Республике Тыва (10,7%), Мурманской (10,4%), Рязанской (10,3%) и Ярославской (10,2%) областях.

Наряду с увеличением продолжительности жизни довольно быстрыми темпами шел процесс демографического старения населения. В 2013 г. индекс старения (ИС) в среднем по стране составлял 136,6, и за восемь лет он вырос на 10,8%. В России процесс демографического старения носит ярко выраженный региональный характер. В 2013 г. по субъектам РФ он варьировал от 210,9 в Тульской области до 25,6 в Чеченской Республике. В 49 территориях ИС был выше среднероссийского уровня [3]. На рис. 1 показано изменение ИС по округам в 2005, 2009 и 2013 гг. Самый высокий ИС в 2013 г. сохраняется в ЦФО (176,4). На втором месте — СЗФО (165,5), на третьем — ЮФО (147,9), затем идут ПФО (142,6), СФО (117,6), ДФО (116), УФО (108) и, наконец, СКФО (76,1). В 2009–2013 гг. наблюдается некоторая стабилизация этого показателя во всех округах, кроме ДФО.

Регионы России отличаются не только по величине ИС, но также и по скорости его изменения. Наибольший прирост за 2005–2013 гг. отмечается в ДФО и составляет 23,9%. Наименьший — в ЦФО — 4,4%, но в этом округе достигнут и самый высокий ИС — около 180. Небольшой прирост при низком значении ИС сохраняется в СКФО: ИС меньше 80, а прирост составляет 6%.

Динамика других характеристик демографического развития населения России за 2005–2013 гг. подробно описана в [3].

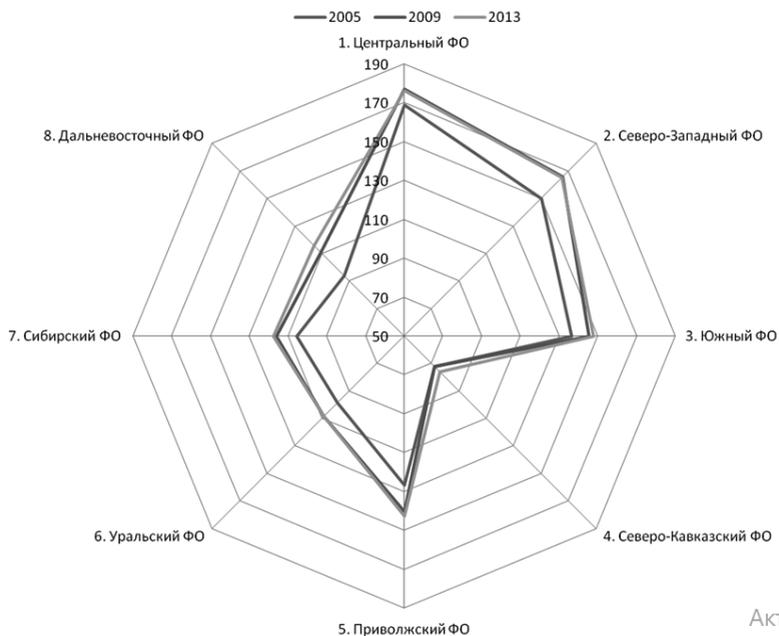

Рис. 1. Индекс старения населения в федеральных округах России (2005, 2009, 2013 гг.)

Динамика заболеваемости по классам болезней в 2005–2013 гг.

Анализ динамики заболеваемости населения России по основным классам болезней показал следующее. Плавное уменьшение заболеваемости в этот период отмечалось только по инфекционным и паразитарным болезням (на 16,7%) и заболеваемости алкоголизмом и алкогольным психозом (на 19,3%). Рост заболеваемости наблюдался по новообразованиям (на 22,8%), болезням органов кровообращения (на 30,7%), органов дыхания (на 17%) и по врожденным аномалиям (на 27,8%). Заболеваемость эндокринной и нервной систем, органов пищеварения, а также от внешних причин имели разнонаправленную динамику. Заболеваемость болезнями эндокринной системы росла до 2006 г., затем наблюдался спад до 2009 г. и затем вновь медленный рост. Заболеваемость болезнями нервной системы росла до 2008 г., затем наблюдался спад. Заболеваемость болезнями органов пищеварения до 2011 г. плавно снижалась (примерно на 9%), затем резко выросла. Заболеваемость от внешних причин резко снизилась в 2006 г., резко выросла в 2007 г., затем плавно снижалась до 2009 г. и потом медленно росла (рис. 2).

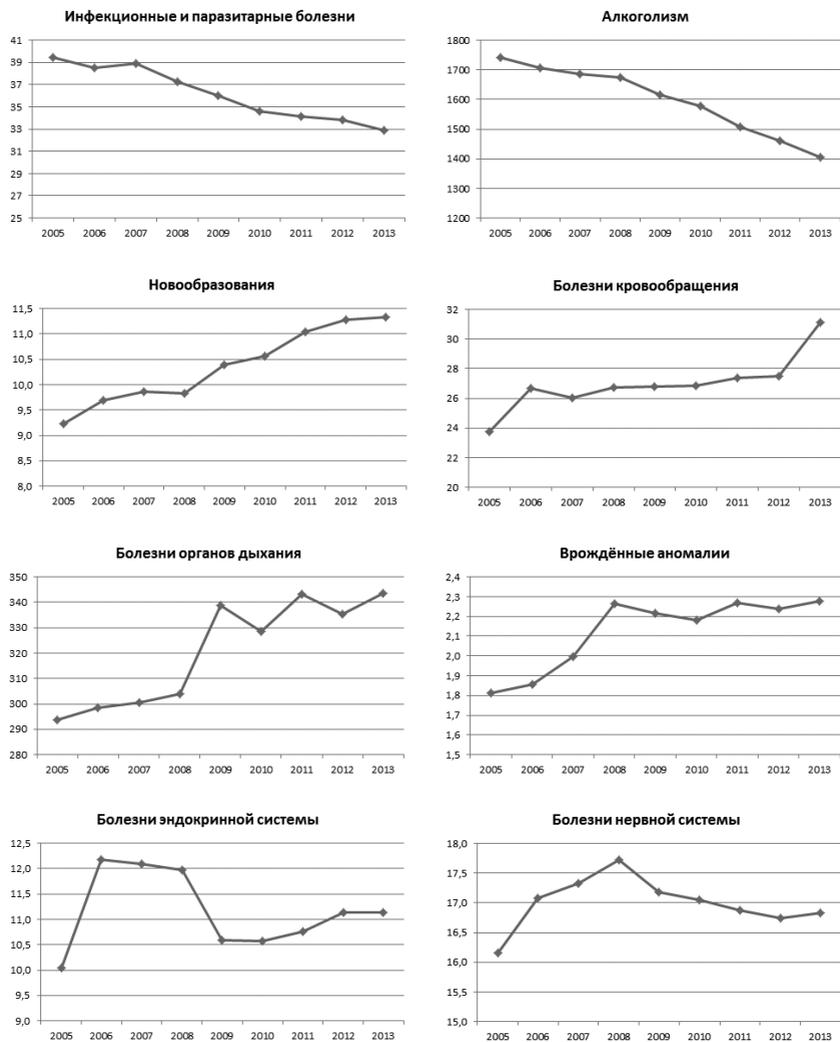

Рис. 2. Динамика заболеваемости населения России по классам болезней, 2005–2013 гг.

Для оценки влияния на заболеваемость населения территориального фактора «округ» был использован однофакторный непараметрический дисперсионный анализ. Однородность групп проверялась по критерию Краскела–Уоллиса. Расчеты показали, что федеральные округа по заболеваемости населения по всем классам болезней значимо (на уровне 0,05) различаются между собой.

Наименьшие различия между федеральными округами наблюдаются по заболеваемости болезнями кровообращения, эндокринной системы и органов пищеварения.

Заболеваемость инфекционными и паразитарными болезнями заметно выше в Дальневосточном и Уральском федеральных округах. Новообразования чаще отмечаются в Приволжском федеральном округе, а врожденные аномалии — в Дальневосточном ФО. Болезни нервной системы, органов дыхания и заболеваемость от внешних причин чаще встречаются в Северо-Западном ФО. Заболеваемость по многим классам болезней существенно ниже в Северо-Кавказском ФО.

Связь характеристик демографического развития с показателями заболеваемости

Поскольку характеристики демографического развития и заболеваемость по классам болезней имеют сильно асимметричное распределение, для оценки меры (тесноты) связи между ними использовался ранговый коэффициент корреляции Спирмена.

Учитывая, что исследуемые показатели имеют временной тренд, коэффициенты корреляции вычислялись за каждый год отдельно. Результаты расчетов представлены в табл. 1 и 2. Значимые (на уровне 0,05) коэффициенты выделены жирным шрифтом.

Таблица 1

Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена между заболеваниями и ожидаемой продолжительностью жизни (ОПЖ)

Заболевания	Год								
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Инфекционные и паразитарные	-0,316	-0,255	-0,259	-0,184	-0,349	-0,306	-0,371	-0,312	-0,456
Новообразования	0,111	0,108	0,040	-0,047	-0,090	-0,122	-0,191	-0,084	-0,199
Болезни органов кровообращения	0,110	0,097	0,130	0,211	0,164	0,020	0,025	0,031	0,036
Болезни эндокринной системы	-0,093	-0,082	-0,126	-0,176	-0,216	-0,277	-0,290	-0,241	-0,256
Болезни нервной системы	0,277	0,325	0,230	0,245	0,227	0,141	0,164	0,150	0,136
Болезни органов дыхания	-0,165	-0,196	-0,163	-0,226	-0,388	-0,389	-0,326	-0,320	-0,321
Болезни органов пищеварения	-0,037	-0,065	-0,065	-0,073	-0,163	-0,186	-0,247	-0,181	-0,144
Врожденные аномалии	-0,277	-0,167	-0,226	-0,237	-0,245	-0,368	-0,256	-0,257	-0,195

Окончание табл. 1

Заболевания	Год								
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Внешние причины	-0,263	-0,195	-0,238	-0,260	-0,294	-0,356	-0,384	-0,384	-0,385
Алкоголизм	-0,468	-0,492	-0,492	-0,562	-0,576	-0,614	-0,560	-0,530	-0,491

Таблица 2

**Коэффициенты ранговой корреляции Спирмена
между заболеваниями и индексом старения (ИС)**

Заболевания	Год								
	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Инфекционные и паразитарные	-0,406	-0,317	-0,362	-0,270	-0,217	-0,311	-0,309	-0,266	-0,221
Новообразования	0,332	0,297	0,275	0,359	0,457	0,349	0,309	0,343	0,221
Болезни органов кровообращения	0,049	0,004	0,036	0,060	0,122	0,063	0,053	0,048	-0,060
Болезни эндокринной системы	-0,267	-0,268	-0,314	-0,298	-0,150	-0,256	-0,342	-0,341	-0,313
Болезни нервной системы	-0,240	-0,206	-0,251	-0,249	-0,204	-0,188	-0,237	-0,287	-0,268
Болезни органов дыхания	0,120	0,127	0,105	0,158	0,205	0,088	0,089	0,079	0,065
Болезни органов пищеварения	-0,468	-0,363	-0,342	-0,310	-0,240	-0,315	-0,324	-0,334	-0,405
Врожденные anomalies	-0,235	-0,153	-0,101	-0,106	0,017	-0,010	-0,078	-0,072	-0,081
Внешние причины	-0,129	-0,131	-0,094	-0,081	0,001	-0,118	-0,084	-0,011	-0,045
Алкоголизм	0,192	0,245	0,263	0,258	0,307	0,271	0,261	0,280	0,298

Исследование показало, что характеристики демографического развития имеют разную степень связи с заболеваемостью по классам болезней.

Ожидаемая продолжительность жизни (см. табл. 1) имела значимую отрицательную связь с инфекционными и паразитарными болезнями, болезнями эндокринной системы, болезнями органов дыхания, врожденными anomalies, заболеваемостью от внешних причин и алкоголизмом. Наиболее высокие коэффициенты корреляции наблюдаются между ожидаемой продолжительностью жизни и алкоголизмом. И это закономерно, так как алкоголизм служит одной из причин, вызывающих не только другие заболевания, но и смерть человека [7].

Проведенный корреляционный анализ между ожидаемой продолжительностью жизни отдельно для мужчин и женщин и заболеваемостью по

классам болезней значительных гендерных различий не выявил. Можно, однако, отметить более высокие коэффициенты корреляции между ОПЖ мужчин и заболеваемостью алкоголизмом по сравнению с женщинами.

Демографический индекс старения (см. табл. 2) имеет значимую положительную связь с новообразованиями и алкоголизмом и, наоборот, значимую отрицательную связь с инфекционными и паразитарными болезнями, болезнями эндокринной и нервной систем, а также органов пищеварения.

Для более подробного исследования связи индекса старения с заболеваниями все регионы были разделены на три группы. В первую группу вошли регионы, где ИС не превышал 93. Это в основном республики Северо-Кавказского ФО, некоторые субъекты Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, всего — 16 регионов. Вторую группу — составили 15 регионов с ИС более 169 (табл. 3). Остальные (51 регион) вошли в среднюю группу.

Таблица 3

Индексы демографического старения в регионах РФ (средние за 2005–2013 гг.)

Первая группа регионов: ИС < 93	Вторая группа регионов: ИС > 169
Чеченская Республика — 24,1	Калужская область — 170,0
Республика Ингушетия — 28,1	Смоленская область — 172,8
Республика Тыва — 31,8	Владимирская область — 174,4
Ямало-Ненецкий АО — 34,3	Пензенская область — 175,9
Республика Дагестан — 41,3	Ярославская область — 175,9
Чукотский АО — 43,4	Ленинградская область — 177,6
Ханты-Мансийский АО — 48,7	Тверская область — 177,9
Республика Саха (Якутия) — 52,2	Псковская область — 179,5
Республика Алтай — 57,8	Ивановская область — 180,0
Тюменская область — 65,1	Москва — 182,5
Республика Калмыкия — 75,7	Тамбовская область — 185,2
Республика Бурятия — 77,1	Воронежская область — 185,2
Забайкальский край — 79,2	Рязанская область — 193,6
Кабардино-Балкарская Республика — 81,0	Санкт-Петербург — 201,1
Карачаево-Черкесская Республика — 90,5	Тульская область — 206,5
Магаданская область — 92,3	

Первую и вторую группы сравнили по заболеваемости основными классами болезней с помощью рангового критерия Уилкоксона–Манна–Уитни [5]. Эти группы значимо различались по заболеваемости новообразованиями (уровень значимости 0,006), болезнями эндокринной системы (уровень значимости 0,038), и можно предположить, что есть некоторое различие по болезням нервной системы (уровень значимости 0,070), органов пищеварения (уровень значимости 0,058) и алкоголизму (уровень значимости 0,114).

На рис. 3 представлены для этих двух групп диаграммы размахов заболеваемости новообразованиями и болезнями эндокринной системы.

Видно, что в регионах с высоким ИС заболеваемость новообразованиями выше, чем в регионах с низким ИС. Наоборот, болезни эндокринной системы чаще встречаются в регионах с низким ИС, т. е. в регионах с более молодым населением.

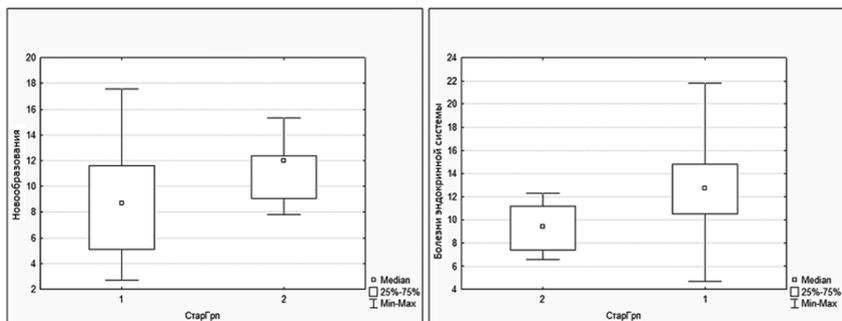

Рис. 3. Диаграммы размахов заболеваемости новообразованиями и болезнями эндокринной системы в регионах с низким ИС (1) и высоким ИС (2), 2013 г.

Также регионы анализировались с точки зрения скорости происходящих процессов старения. Как правило, более высокие скорости старения населения отмечаются в регионах с более низким ИС. Самая высокая скорость старения наблюдается в Чукотском АО, высоки эти скорости и в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, в Магаданской области (табл. 4).

Таблица 4

Скорость демографического старения в регионах РФ (относительный прирост индекса старения к 2005 г.)

Первая группа регионов, относительный прирост ИС < 6,4%	Вторая группа регионов относительный прирост ИС > 22,1%
Республика Тыва — 0,4	Амурская область — 22,6
Санкт-Петербург — 1,0	Ульяновская область — 22,8
Республика Северная Осетия — 2,7	Еврейская АО — 23,0
Москва — 2,8	Тюменская область — 24,1
Ярославская область — 3,5	Республика Коми — 28,2
Ивановская область — 3,7	Сахалинская область — 28,4
Костромская область — 4,4	Мурманская область — 29,2
Московская область — 5,0	Республика Ингушетия — 31,1
Республика Адыгея — 5,2	Камчатский край — 32,1
Тверская область — 5,3	Республика Калмыкия — 32,7
Нижегородская область — 5,7	Республика Саха (Якутия) — 37,4
Краснодарский край — 5,8	Ямало-Ненецкий АО — 38,0
Ставропольский край — 5,9	Магаданская область — 44,6
Свердловская область — 5,9	Ханты-Мансийский АО — 48,3
Липецкая область — 6,3	Чукотский АО — 60,1

Низкую скорость старения населения сохраняет Республика Тыва (0,4%), невелика скорость старения в последние восемь лет в Санкт-Петербурге (1%).

Для более подробного исследования связи скорости старения с заболеваниями все регионы были разделены на три группы. В первую группу вошли регионы, где скорость старения не превышала 6,4%. Это в основном субъекты Центрального, некоторые субъекты Южного, Северо-Кавказского, Приволжского, Уральского и Сибирского федеральных округов, всего — 15 регионов. Вторую группу составили 15 регионов с высокой скоростью старения (более 22,1%), остальные 52 региона вошли в среднюю группу.

Первую и вторую группы мы также сравнили на заболеваемость по основным классам болезней. Сравнение проводили по ранговому критерию Уилкоксона–Манна–Уитни. Эти группы значительно различались по заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями (уровень значимости 0,002), болезнями эндокринной системы (уровень значимости 0,036) и органов пищеварения (уровень значимости 0,001). В регионах с высокой скоростью старения наблюдается более высокая заболеваемость инфекционными и паразитарными болезнями, болезнями эндокринной системы и органов пищеварения. В частности, на рис. 4 представлены диаграммы размахов удельного числа заболеваний (инфекционные и паразитарные болезни, болезни эндокринной системы) в группах с разной скоростью старения. В регионах с высокой скоростью старения наблюдается более высокая заболеваемость инфекционными и паразитарными болезнями и болезнями эндокринной системы.

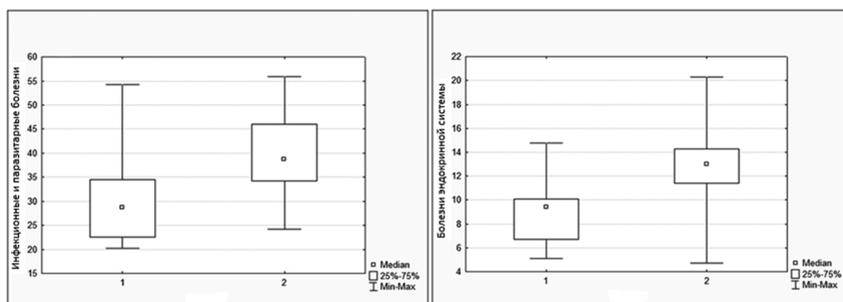

Рис. 4. Диаграммы размахов заболеваемости инфекционными и паразитарными болезнями и болезнями эндокринной системы в регионах с низкой скоростью старения (1) и высокой скоростью старения (2), 2013 г.

Заключение

Проведенное исследование имеет не только чисто научное, но и практическое значение. И в первую очередь это касается системы управления здравоохранением в регионах. Однако последнее требует более деталь-

ного изучения связи демографических характеристик с заболеваемостью населения, в том числе на более длинном отрезке времени.

Литература

1. *Авицын А. П.* Введение в географическую патологию. — М.: Медицина, 1972. — 328 с.
2. *Агаджанян Н. А., Торшин В. И.* Экология человека. — М.: Экоцентр, 1994. — 256 с.
3. *Будилова Е. В., Лагутин М. Б., Мигранова Л. А.* Демографическое старение как фактор состояния здоровья населения // Клиническая геронтология. — 2015. — Т. 21. — № 9–10. — С. 27–28.
4. *Будилова Е. В., Лагутин М. Б., Мигранова Л. А.* Динамика популяционного здоровья населения России (2005–2013 гг.) // Народонаселение. — 2015. — № 3. — С. 99–100.
5. *Лагутин М. Б.* Наглядная математическая статистика: учебное пособие. — М.: Бином, Лаборатория знаний, 2011. — 472 с.
6. *Машинцов Е. А., Кузнецов А. А., Лебедев А. М., Новосельцев В. Н.* Математические модели и методы оценки экологического состояния территорий. — М.: Из-во физико-математической литературы, 2010.
7. *Немцов А. В.* Алкогольная история России: новейший период. — М.: Книжный дом «Либроком», 2009.
8. *Омран А.* Эпидемиологический аспект теории естественного движения населения // Проблемы народонаселения. О демографических проблемах стран Запада. — М.: Прогресс, 1977. — С. 57–91.
9. *Ревич Б. А., Малеев В. В.* Изменения климата и здоровье населения России: анализ ситуации и прогнозные оценки. — М.: Ленанд, 2011. — 208 с.
10. Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. Статистические сборники за 2001–2009 гг. / Росстат. — М.: Росстат, 2001–2009.
11. *Семенова В. Г.* Обратный эпидемиологический переход в России. — М.: ЦСП, 2005. — 235 с.
12. *Яблоков А. В.* Здоровье человека и окружающая среда. — М., 2007.
13. *Martens P. M., McMichael A. J.* Environmental Change, Climate and Health: issues and research methods. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
14. *Olshansky S. J., Ault A. B.* The fourth stage of the epidemiologic transition: the age of delayed degenerative diseases // *Milbank Quarterly*. — 1986. — Vol. 64. — No. 3. — P. 355–391.
15. *Patz J. A., Campbell-Lendrum D., Holloway T., Foley J. A.* Impact of regional climate change on human health // *Nature*. — 2005. — Vol. 438. — P. 310–317. doi:10.1038/nature04188
16. *Stuckler D., King L., McKee M.* Mass privatisation and the post-communist mortality crisis: a cross-national analysis // *The Lancet*. — 2009. — Vol. 373. — Is. 9661. — P. 399–407.
1. *Авсун А. П.* Введение в географическую патологию. — М.: Медицина, 1972. — 328 с.

2. *Agadzhanjan N. A.* Jekologija cheloveka / N. A. Agadzhanjan, V. I. Torshin. — М.: Jekocentr, 1994. — 256 s.
3. *Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A.* Demograficheskoe starenie kak faktor sostojanija zdorov'ja naselenija // Klinicheskaja gerontologija. — 2015. — Т. 21. — № 9–10. — С. 27–28.
4. *Budilova E. V., Lagutin M. B., Migranova L. A.* Dinamika populjacionnogo zdorov'ja naselenija Rossii (2005–2013 gg.) // Narodonaselenie. — 2015. — № 3. — С. 99–100.
5. *Lagutin M. B.* Nagljadnaja matematicheskaja statistika: uchebnoe posobie. — М.: Binom. Laboratorija znanij. 2011. — 472 s.
6. *Mashincov E. A., Kuznecov A. A., Lebedev A. M., Novosel'cev V. N.* Matematicheskie modeli i metody ocenki jekologicheskogo sostojanija territorij. — М.: Iz-vo fiziko-matematicheskoy literatury, 2010.
7. *Nemcov A. V.* Alkogol'naja istorija Rossii: novejsnij period. — М.: Knizhnyj dom «Librokom», 2009.
8. *Omran A.* Jepidemiologicheskij aspekt teorii estestvennogo dvizhenija nasele-nija // V kn.: Problemy narodonaselenija. O demograficheskikh problemah stran Zapada. — М.: Progress, 1977. — С. 57–91.
9. *Revich B. A., Maleev V. V.* Izmenenija klimata i zdorov'e naselenija Rossii: analiz situacii i prognoznye ocenki. — М.: Lenand, 2011. — 208 s.
10. Regiony Rossii. Osnovnye harakteristiki sub#ektov Rossijskoj Federacii. Statisticheskie sborniki za 2001–2009 gg. / Rosstat. — М.: Rosstat, 2001–2009.
11. *Semenova V. G.* Obratnyj jepidemiologicheskij perehod v Rossii. — М.: CSP, 2005. — 235 s.
12. *Jablokov A. V.* Zdorov'e cheloveka i okruzhajushhaja sreda. — М.: 2007.

Иванова А. Е.,

*д-р экон. наук, профессор
ФГБУ ЦНИИОИЗ Минздрава РФ
(Москва, Россия)*

Лопиков К. В.,

*канд. мед. наук
ФГБУ ЦНИИОИЗ Минздрава РФ
(Москва, Россия)*

Различия смертности в городах-миллионниках России

Аннотация

Цель: выявить различия смертности в городах-миллионниках России. Использованы данные Росстата о смертности в 11 городах (более 1 млн по переписи 2010 г.) по причинам за 2014–2015 г., а также о численности и половозрастном составе населения на 1 января 2015 г. Москва выделяется более низкой смертностью, которая определяется населением старше 45 лет. Географическое положение города играет существенную роль в формировании уровней и структуры причин смерти проживающего там населения. Факторы социально-экономического неравенства

вливают на формирование повышенных уровней смертности от отдельных причин: инфекций, болезней органов дыхания и внешних причин.

Ключевые слова: города-миллионники, смертность, причины смерти

JEL код: J10

*Ivanova A. E.,
Lopakov K. V.*

Differences in mortality in the million plus cities of Russia

Abstract

The purpose: to research the differences in mortality in the cities of Russia with a population of more than 1 million people. Official Rosstat data on mortality for 2014–2015 were used, as well as on the population as of 01.01.2015 (11 cities with a population of more than 1 million by the 2010 census). Moscow stands lower mortality. The advantage of the capital is formed by the population over 45 years old and grows with age. The geographical position of the city is important for the level and structure of the causes of death of the population living there. Factors of socioeconomic inequality affect the increased levels of mortality from infections, respiratory diseases and injuries.

Key words: cities with a population of more than 1 million people, mortality, causes of death

JEL code: J10

В России крайне велики региональные различия смертности, что определяется географическими масштабами страны и разнообразием условий и образа жизни населения. Можно ожидать, что при сравнении однородных типов поселений значительная часть вариации будет устранена. Цель: выявить различия смертности в городах России с численностью населения более 1 млн человек. Используются официальные данные Росстата о смертности населения 11 городов (более 1 млн по переписи 2010 г.) по причинам за 2014–2015 г., а также о численности и половозрастном составе населения на 1 января 2015 г.

Различия смертности в крупных городах достигают 1,8 раза для мужчин и 1,4 раза для женщин. Наименьшие уровни отмечены в Москве, наибольшие — в Новосибирске. В распределении смертности прослеживается общий вектор нарастания показателей в северо-восточном направлении. Таким образом, климато-географическое положение города играет значимую роль в формировании уровней смертности проживающего там населения. Вместе с тем имеют значение и другие факторы. Так, среди городов с минимальными уровнями смертности в Санкт-Петербурге показатели для мужчин близки, а для женщин ниже таковых в Ростове-на-Дону. В свою очередь, среди городов с максимальными уровнями смертности показатели для населения Нижнего Новгорода близки к таковым в Новосибирске.

Лидерство Москвы по продолжительности жизни населения формируется за счет возрастных групп старше 45 лет, при этом чем старше возрастная группа, тем больше отрыв столицы от уровней смертности в других городах-миллионниках.

Наиболее однородная ситуация складывается в отношении смертности от новообразований (у мужчин различия — 1,5 раза, у женщин — 1,2 раза). Более того, у женщин 5 из 11 рассматриваемых городов имеют показатели смертности от новообразований близкие или даже ниже уровня Москвы. Самые существенные различия в смертности отмечены для инфекций (до 4,2 и 3,5 раза для мужчин и женщин), болезней органов дыхания (до 3,1 и 2,5 раза соответственно) и внешних причин (до 2,7 и 2,1 раза соответственно). Главным источником повышенных уровней смертности от инфекций является распространенность ВИЧ и смертность от него. Неблагополучие в отношении болезней органов дыхания обусловлено более высокой смертностью от пневмонии. Повышенные уровни смертности от внешних причин формируются за счет повреждений с неопределенными намерениями. Эти факты свидетельствуют о неоднородности населения крупных городов, присутствии в их составе значительных групп населения, находящихся в маргинальном положении, для которых характерны перечисленные причины смерти.

Преимущество Москвы в отношении более низких уровней смертности прежде всего от социально обусловленных причин ставится под сомнение крайне высокой смертностью от неточно обозначенных состояний, на которые приходится 10,3% всей мужской и 5,1% женской смертности в столице.

Выводы

Среди крупных городов России с численностью населения более 1 млн чел. Москва выделяется более низкой смертностью. Преимущество столицы формируется населением старше 45 лет и нарастает с возрастом. В распределении смертности по крупным городам прослеживается общий вектор нарастания показателей в северо-восточном направлении. Факторы социально-экономического неравенства влияют на формирование повышенных уровней смертности от отдельных причин.

*Короленко А. В.,
младший научный сотрудник
Институт социально-экономического
развития территорий РАН
(Вологда, Россия)*

Смертность населения Вологодской области: анализ потерь и поведенческих факторов риска

Аннотация

В статье представлен обзор ключевых показателей смертности населения России и Вологодской области с учетом гендерной и территориальной специфики.

Автором осуществлена оценка наносимого смертностью демографического и экономического ущерба посредством расчета потерянных лет потенциальной жизни и элиминированных резервов смертности. Выявлено, что наибольший демографический и экономический ущерб наносят такие классы причин смерти, как болезни системы кровообращения, новообразования и внешние причины. Установлено, что вклад разных причин смерти в размер обусловленных ими потерь обнаруживает существенные половозрастные и территориальные различия.

По данным социологического мониторинга физического здоровья населения Вологодской области (ИСЭРТ РАН) осуществлено исследование самосохранительных установок жителей региона с учетом половозрастной и территориальной специфики. Определены факторы риска здоровья разных социально-демографических групп на основании выявленных особенностей их здоровьесберегательного поведения. С учетом полученных результатов сформулированы направления по преодолению негативного воздействия факторов риска на здоровье населения, имеющие целевую направленность по отношению к разным категориям населения, в частности к группам риска.

Ключевые слова: смертность, демографические и экономические потери, самосохранительное поведение, поведенческие факторы риска

JEL коды: J11, J17, I12

Исследование выполнено за счет гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект № 16-02-00301, «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы»).

*Korolenko A. V.,
junior researcher
Institute of socio-economic
development of territories of RAS
(Vologda, Russia)*

Mortality of the population of the Vologda region: analysis of losses and behavioural risk factors

Abstract

The article presents an overview of key death-indicators in Russia and in the Vologda oblast in gender and territorial terms. The author carried out an assessment of the demographic and economic damage caused by mortality by calculating potential years of life lost and eliminated mortality reserves. It was established that the most significant demographic and economic damage is caused by such classes of causes of death as diseases of the circulatory system, neoplasms and external causes. It was revealed that the contribution of different causes of death to the size of the losses has significant age, gender and territorial differences.

The research of the health-saving behavior of the population of the region was carried out according to the sociological monitoring of the physical health of the population of the Vologda oblast (ISEDТ RAS) taking into account the age, gender and territorial specifics. It was identified the risk factors of health for different socio-demographic groups which are determined on the basis of the revealed features of their health-saving behavior. Taking into account the obtained results it was formulated specific measures for overcoming the negative

impact of risk factors on the population health, which have a targeted orientation towards different categories of the population, in particular, to risk groups.

Key words: mortality, demographic and economic losses, health-saving behavior, behavioral risk factors

JEL codes: J11, J17, I12

Введение

Снижение смертности и повышение продолжительности жизни населения являются приоритетными задачами государственной социально-демографической политики. Так, согласно государственной программе Российской Федерации «Развитие здравоохранения» ожидаемая продолжительность жизни при рождении (ОПЖ) населения России к 2020 г. должна увеличиться до 74,3 года, в аналогичном документе Вологодской области целевой ориентир составляет 74 года. Вместе с тем подобные нормативные акты, содержащие индикаторы смертности и продолжительности жизни, не учитывают различия в их параметрах в зависимости от половой, возрастной и территориальной принадлежности.

Акцентирование внимания на Вологодской области обусловлено сложившейся в регионе неблагоприятной ситуацией по параметрам смертности населения. На протяжении 2000–2015 гг. общий коэффициент смертности населения региона испытывал значительные колебания: пик его пришелся на 2003 г. (19,8‰), после чего начал постепенно сокращаться, к 2015 г. достигнув значения 14,8‰. Однако уровень смертности в Вологодской области продолжает превышать аналогичный показатель как в среднем по миру (в 2 раза) и странам Евросоюза (на 44%), так и в среднем по России (на 14%).

За период с 2000 по 2015 г. ОПЖ населения России в целом и Вологодской области в частности выросла на шесть и пять лет соответственно. Вместе с тем по ее уровню в настоящее время и страна, и регион более чем на 10 лет отстают от экономически развитых государств мира. Кроме того, на первый план выходит проблема существования серьезного разрыва в величине продолжительности жизни российских мужчин и женщин: в целом по России он достигает 10 лет (66 против 77 лет), в Вологодской области — 12 лет (64 против 76 лет). Для сравнения: в странах ЕС этот показатель не превышает четырех-шести лет. При этом если по величине ОПЖ женского населения регион близок к среднероссийскому значению, то по продолжительности жизни мужчин «отстает» от общестранового на 1,5 года.

Для определения причин, обуславливающих сверхсмертность мужчин и неблагоприятные параметры продолжительности жизни населения, особое внимание следует уделять изучению структуры причин смерти. В структуре смертности населения Вологодской области от наиболее распространенных классов причин, как и в целом по стране, ведущее место устойчиво занимают болезни системы кровообращения (БСК) — более 50% случаев.

На втором месте находятся новообразования (НО) — 16% смертей среди мужского и женского населения. Третью позицию удерживают внешние причины (ВП) — 13% смертей среди мужчин, 7% — среди женщин. Особые опасения вызывает факт превышения стандартизованных коэффициентов смертности среди мужского населения Вологодской области по сравнению с аналогичными среди женского: от БСК, НО и болезней органов пищеварения (БОП) — в 2 раза, от ВП и инфекционных и паразитарных заболеваний (ИПЗ) — в 4 раза, от болезней органов дыхания (БОД) — в 5 раз.

Помимо проблемы сверхсмертности мужского населения обнаруживает себя существенная разница в показателях смертности сельских и городских жителей. Так, в целом по стране уровень смертности среди сельского населения выше, чем среди городского, по таким классам причин смерти, как БОД (на 64%), ВП (на 35%) и БСК (на 8%). В Вологодской области крестьяне значительно чаще по сравнению с горожанами умирают от БСК (на 47%), ВП (на 36%) и ИПЗ (на 32%).

Цель данного исследования заключалась в оценке демографических потерь, обусловленных смертностью населения Вологодской области, и анализе ее поведенческих факторов риска с учетом территориальной и половозрастной специфики.

Методология исследования

Поскольку основной вклад в смертность населения страны и региона в настоящее время вносят три основных класса причин смерти, совокупный удельный вес которых составляет более 70% в общей структуре смертности: БСК, НО и ВП, — то при анализе наносимых смертностью демографических и экономических потерь мы будем останавливаться на них наиболее подробно.

Оценка **демографических потерь** производилась по **методике расчета элиминированных резервов смертности (ЭРС)** [1, с. 19], представляющих собой разницу между ОПЖ, рассчитанной по общим коэффициентам смертности, и рассчитанной по коэффициентам смертности без учета изучаемого класса причин смерти и по **методике расчета потерянных лет потенциальной жизни (ПГПЖ)** [3, с. 250; 4, с. 124–125], которые вычисляются как сумма произведений числа умерших в каждой возрастной группе на количество лет, не дожитых ими до некоторого предельного возраста. Первый показатель отражает вклад разных причин смерти в величину ОПЖ, а второй — масштабы преждевременной смертности населения. В отличие от традиционных медико-демографических индикаторов смертности ПГПЖ не сдвигает ущерб в сторону старших возрастных групп, а, напротив, повышает значимость причин, присущих более молодым возрастным когортам [2, с. 74]. Расчеты ЭРС и ПГПЖ осуществлялись по данным региональной статистики о половозрастной структуре смертности населения за 2014 г.

Для выражения ущерба ПГПЖ в экономических единицах каждый потерянный год жизни умножался на среднедушевой ВРП изучаемого года, т. е. осуществлялась оценка недопроизведенного ВРП вследствие преждевременной смертности населения [5, с. 131; 6, с. 56].

С целью изучения поведенческих факторов риска в самосохранительных установках населения в работе был использован субъективный подход, опирающийся на результаты очередного этапа *социологического мониторинга общественного здоровья населения Вологодской области*, проведенного Институтом социально-экономического развития территорий РАН в 2016 г. Метод исследования — раздаточное анкетирование на территории крупных областных городов Вологды и Череповца, а также в восьми муниципальных районах. Объем выборки составил 1500 респондентов. Выборка целенаправленная, квотная, репрезентативная. Ошибка выборки не превышала 5%.

Результаты исследования

Произведенные вычисления ЭРС показали, что на первом месте по уровню наносимых потерь ОПЖ городского и сельского населения находятся БСК (рис. 1). Наибольший урон данный класс причин смерти наносит продолжительности жизни женщин в городской местности (17,3 года).

Ущерб ОПЖ вследствие смертности от НО у городского населения в среднем составляет 2 года, у сельского — 1,6 года. Урон продолжительности жизни от ВП у сельского населения региона достигает 1,8 года, у городского — 1,3 года.

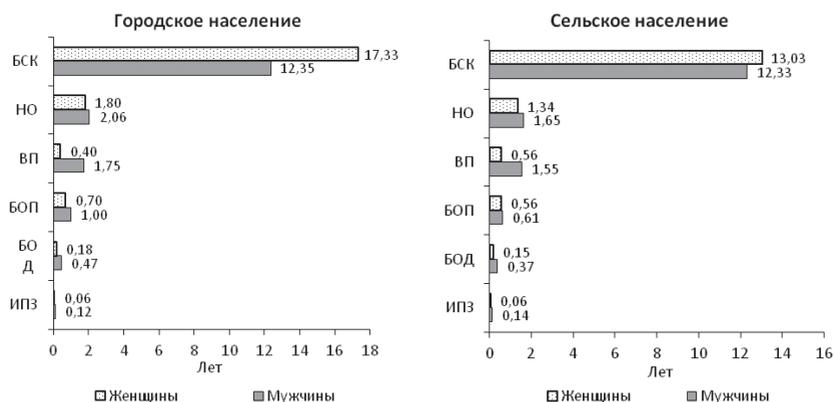

Рис. 1. Элиминированные резервы смертности населения Вологодской области по классам причин смерти (лет)

Источник: рассчитано автором

Пик ущерба от БСК среди городского населения приходится на пенсионный возраст, однако у женщин данной возрастной группы потери

ОПЖ заметно выше — 17,6 против 12,8 года (табл. 1). В сельской местности максимальные потери продолжительности жизни от данного класса причин смещены на более младшие возраста — 35–59 лет.

Наибольший урон ОПЖ вследствие смертности от НО у городского населения мужского пола в возрасте от 5 до 35 лет. И у городского, и у сельского женского населения пик ущерба от НО приходится на возрастные группы от 5 до 24 лет, однако у первых он значительнее (2,3 против 1,8 года). Максимальные потери вследствие смертности от ВП отмечаются среди сельского населения мужского пола в возрасте 20–24 лет.

Таблица 1

Элиминированные резервы смертности населения Вологодской области по половозрастным группам и классам причин смерти (лет)

Классы причин смерти	Городское население											
	Мужчины						Женщины					
	До 4	5–19	20–24	25–34	35–59	>60	До 4	5–19	20–24	25–34	35–54	>60
БСК	11,83	11,90	11,95	12,05	12,51	12,78	16,90	17,02	17,04	17,12	17,41	17,63
НО	2,35	2,37	2,37	2,37	2,45	1,34	2,33	2,34	2,34	2,31	2,13	1,02
ВП	3,39	3,29	3,07	2,66	1,39	0,20	3,68	2,16	1,09	0,91	0,60	0,14
БОП	1,56	1,57	1,58	1,55	1,00	0,25	1,09	1,09	1,09	1,06	0,77	0,23
БОД	0,67	0,64	0,63	0,61	0,48	0,25	0,25	0,24	0,25	0,23	0,18	0,10
ИПЗ	0,22	0,22	0,22	0,20	0,09	0,01	0,11	0,10	0,10	0,10	0,05	0,00
Классы причин смерти	Сельское население											
	Мужчины						Женщины					
	До 4 лет	5–19	20–24	25–34	35–59	>60	До 4	5–19	20–24	25–34	35–54	>60
БСК	12,29	12,38	12,52	12,80	13,18	11,41	13,43	13,47	13,49	13,63	13,64	12,15
НО	1,96	1,96	1,94	2,00	1,99	0,95	1,82	1,83	1,83	1,77	1,58	0,66
ВП	0,16	3,10	4,47	3,33	1,58	0,23	3,34	3,45	1,38	0,99	0,58	0,10
БОП	0,91	0,91	0,90	0,89	0,66	0,19	0,89	0,89	0,89	0,84	0,57	0,18
БОД	0,46	0,45	0,46	0,47	0,41	0,23	0,26	0,20	0,20	0,20	0,13	0,07
ИПЗ	0,25	0,25	0,22	0,23	0,13	0,02	0,11	0,11	0,11	0,12	0,05	0,01

Источник: рассчитано автором.

Произведенные вычисления потерянных лет потенциальной жизни позволили установить, что размер потерь вследствие преждевременной смертности мужского населения заметно выше, чем женского: от ВП — в 3,2 и 2,9 раза в городской и сельской местности соответственно, БОД — в 2,8 и 1,5 раза, ИПЗ — в 2,1 и 2,4 раза, от БСК — в 1,5 и 1,4 раза (рис. 2). На 1-м месте по величине ППЖ в результате смертности городских и сельских мужчин находятся ВП, тогда как вследствие смертности женщин лидируют потери от БСК. Примечательно, что ППЖ вследствие БСК и ВП у сельских жителей существенно превышают аналогичные

у городского населения: среди мужчин — в 1,5 и 1,4 раза соответственно, среди женщин — в 1,6 и 1,3 раза соответственно.

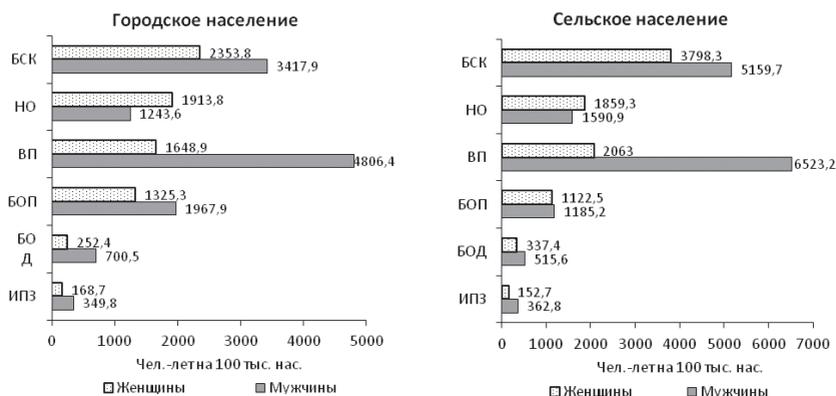

Рис. 2. Потери ПППЖ вследствие смертности населения Вологодской области по классам причин смерти (человеко-лет на 100 тыс. нас.)

Источник: рассчитано автором

Расчет недопроизведенного ВРП вследствие преждевременной смертности показал, что как среди городского, так и сельского населения наибольшие экономические потери влечет смертность мужчин от ВП (5599,3 и 3075,1 млн руб., или 34 и 37% в общей структуре потерь соответственно). Среди потерь ВРП вследствие смертности женского населения — наиболее существенны наносимые БСК (3299,3 и 1896,1 млн руб., или 26 и 37% в общей структуре потерь соответственно).

Пик потерь ПППЖ в результате смертности от БСК приходится на городское население мужского пола 35–59 лет (табл. 2). Максимальный ущерб вследствие смертности от НО наблюдается в городской местности у женщин пенсионного возраста. Что касается потерь ПППЖ, обусловленных смертностью от ВП, то наибольшего значения они достигают у сельского населения мужского пола в возрасте 20–24 лет. Примечательно, что размер ПППЖ от ВП сельских мужчин в возрасте 20–24 лет в 3,5 раза превышает аналогичный показатель среди городских мужчин и в 3 раза среди сельских женщин данного возраста.

Таким образом, расчет потерь ЭРС и ПППЖ вследствие смертности жителей области позволил выделить категории населения, находящиеся в группе риска: по классу причин смерти «болезни системы кровообращения» — женщины в возрасте 55 лет и старше, проживающие в городской местности, и сельские мужчины в возрасте 35–59 лет, по классу «новообразования» — городское население мужского и женского пола в возрасте от 5 до 35 лет и женщины пенсионного возраста, проживающие в городах; по классу «внешние причины смерти» — сельские мужчины в возрасте 20–24 года.

Таблица 2

**Потери ПГПЖ вследствие смертности населения Вологодской области
по половозрастным группам и классам причин смерти
(чел.-лет на 100 тыс. нас.)**

Классы причин смерти	Городское население											
	Мужчины						Женщины					
	До 4	5–19	20–24	25–34	35–59	>60	До 4	5–19	20–24	25–34	35–54	>55
БСК	219,6	227,9	771,9	1288,7	7058,2	5645,2	0,0	90,0	386,5	282,1	2432,5	6255,7
НО	0,0	71,0	617,5	510,7	2376,5	2822,6	0,0	90,0	579,8	681,0	2593,5	3944,5
ВП	1756,4	1786,1	5094,2	7334,6	6062,0	1140,2	2413,5	774,4	2705,7	1744,2	2217,9	963,6
БОП	0,0	0,0	154,4	2587,9	3553,8	917,7	0,0	105,5	193,3	1319,7	2263,6	1581,5
БОД	658,7	171,7	308,7	995,1	895,4	653,5	268,2	0,0	0,0	411,7	307,0	284,6
ИПЗ	0,0	0,0	154,4	641,1	515,0	97,3	268,2	0,0	0,0	171,9	352,8	67,6
Классы причин смерти	Сельское население											
	Мужчины						Женщины					
	До 4	5–19	20–24	25–34	35–59	>60	До 4	5–19	20–24	25–34	35–54	>55
БСК	0,0	0,0	2204,6	2551,0	8941,3	6973,2	0,0	299,8	0,0	1125,9	4008,7	7880,2
НО	0,0	439,2	0,0	564,6	2712,8	2400,2	0,0	0,0	1661,4	430,3	2642,3	3049,4
ВП	560,9	2291,5	17636,5	12309,9	6586,3	1288,5	2045,8	1366,5	5815,0	3212,6	2497,0	941,8
БОП	0,0	219,6	551,1	993,2	1960,5	808,5	0,0	0,0	830,7	1986,6	1484,3	1228,9
БОД	560,9	0,0	0,0	292,6	871,7	353,7	2045,8	0,0	0,0	430,3	256,9	195,8
ИПЗ	0,0	198,9	0,0	408,0	573,5	25,3	0,0	0,0	0,0	430,3	256,9	56,6

Источник: рассчитано автором.

Факторы риска здоровья в самосохранительных установках населения

Самосохранительное поведение подразумевает систему действий индивида по сбережению и укреплению состояния собственного здоровья. Надежным инструментом при исследовании поведенческих факторов риска здоровья выступают социологические опросы населения. В данной работе мы опирались на результаты очередного этапа социологического мониторинга общественного здоровья, проведенного ИСЭРТ РАН на территории Вологодской области в 2016 г.

Как показывают последние данные крупных медико-социологических обследований населения, ключевыми поведенческими факторами риска преждевременной смертности служат вредные привычки (курение, алкоголь), низкая физическая активность и плохое питание [8]. В свою очередь, подобные деструктивные практики во многом определяются местом здоровья в системе ценностей населения [7].

Ценность здоровья. Как показывают результаты опроса, в настоящее время здоровье занимает лидирующее место в системе ключевых ценностей населения региона (78% ответов) наряду со счастливой и дружной семьей (73%) и материнством/отцовством (42%). Вместе с тем в большей

степени ценят собственное здоровье женщины пенсионного возраста, проживающие на территории районных городов области (94% ответов), тогда как в меньшей — сельские мужчины в возрасте от 18 до 24 лет (55%).

Заботиться о своем здоровье респондентов чаще всего сподвигают потребность в хорошем самочувствии (46% ответов), стремление хорошо выглядеть (32%) и нежелание доставлять неудобства близким (32%). Примечательно, что больше всего тех, кто совсем не заботится о своем здоровье, оказалось среди мужского населения в возрасте 18–24 лет, проживающего в сельской местности региона (55%), тогда как меньше всего — среди женщин пенсионного возраста из районных городов области (1%).

Здоровьесберегающие практики. Наиболее распространенными мерами, предпринимаемыми населением региона для сохранения и укрепления своего здоровья, являются отказ от курения (46% ответов), посещение сауны и бани (31% ответов), ограничение употребления алкоголя (30% ответов), стремление употреблять чистую питьевую воду (29%). Для сельского населения по сравнению с городским в меньшей степени характерно применение каких-либо здоровьесберегающих практик. Респонденты из сельской местности, особенно мужчины в возрасте от 35 до 59 лет, намного чаще по сравнению с городскими признавались в том, что ничего специально не предпринимают для укрепления своего здоровья. Наиболее часто какие-либо практики в области здоровьесбережения применяют женщины из районных и крупных городов области как молодого возраста (18–24 лет), так и пенсионного.

Такие меры, как отказ от курения, контроль психического состояния и своевременное обращение к врачу, наибольшее распространение получили среди представительниц женского пола пенсионного возраста, проживающих в районных городах области (табл. 3). Активные занятия физкультурой и закаливанием организма чаще практикуют мужчины 18–24 лет и пенсионного возраста из крупных городов области. Умеренность в употреблении алкогольных напитков в большей степени характерна для женщин 25–34 лет, проживающих крупных городах. Примечательно, что мужское население сельской местности по сравнению с остальными жителями региона демонстрирует значительно более низкую медицинскую активность и заинтересованность в контроле состояния своего психического здоровья.

Остановимся подробнее на ключевых здоровьесберегающих практиках населения.

Вредные привычки. По данным опроса 2016 г., 1/3 жителей Вологодской области в возрасте старше 18 лет являются курильщиками. Наибольшая доля курильщиков наблюдается среди сельских мужчин в возрасте от 35 до 59 лет (69%). В наименьшей степени данная пагубная привычка характерна для женщин пенсионного возраста, проживающих на территории сельской местности (6%).

Таблица 3

**Население Вологодской области по применению
здоровьесберегающих практик (по данным ответов на вопрос:
«Что Вы лично предпринимаете для сохранения и укрепления
своего здоровья?»; в % от числа ответивших)**

Некоторые здоровьесберегающие практики*	Мужчины				Женщины			
	18–24	25– 34	35– 59	>60	18– 24	25– 34	35– 54	>55
Крупные города (Вологда и Череповец)								
Не курю	48,6	27,6	41,7	55,4	60,8	53,4	43,9	60,1
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	14,3	30,5	32,4	32,1	43,1	45,7	34,1	36,6
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	34,3	26,7	21,6	33,9	19,6	19,0	18,9	20,3
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	17,1	12,4	20,9	21,4	33,3	27,6	27,3	34,0
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	11,4	15,2	18,0	8,9	25,5	24,1	22,7	35,9
<i>Ничего специально не предпринимают</i>	<i>37,1</i>	<i>29,5</i>	<i>25,2</i>	<i>17,9</i>	<i>11,8</i>	<i>23,3</i>	<i>21,2</i>	<i>11,1</i>
Районные города								
Не курю	53,8	27,5	30,6	58,8	62,5	55,9	61,3	70,8
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	38,5	17,5	33,3	35,3	37,5	29,4	32,3	43,1
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	30,8	5,0	9,7	5,9	25,0	2,9	3,2	4,2
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	15,4	20,0	23,6	20,6	12,5	29,4	32,3	40,3
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	0,0	7,5	4,2	8,8	12,5	5,9	14,5	12,5
<i>Ничего специально не предпринимают</i>	<i>30,8</i>	<i>47,5</i>	<i>41,7</i>	<i>29,4</i>	<i>12,5</i>	<i>38,2</i>	<i>27,4</i>	<i>11,1</i>
Сельская местность районов								
Не курю	18,2	35,7	19,5	38,9	57,1	44,4	46,2	37,0
Соблюдаю умеренность в потреблении алкоголя	18,2	19,0	10,3	19,4	35,7	25,0	11,5	18,0
Активно занимаюсь физической культурой, закаливанием организма	27,3	7,1	9,2	0,0	21,4	5,6	3,8	7,0
Обращаюсь к врачу при первых признаках болезни, регулярно прохожу медицинский осмотр	0,0	0,0	8,0	8,3	21,4	22,2	11,5	38,0

Окончание табл. 3

Некоторые здоровьесберегающие практики*	Мужчины				Женщины			
	18–24	25–34	35–59	>60	18–24	25–34	35–54	>55
Сельская местность районов								
Стараюсь контролировать свое психическое состояние	0,0	7,1	5,7	11,1	21,4	5,6	5,8	16,0
<i>Ничего специально не предпринимают</i>	<i>54,5</i>	<i>54,8</i>	<i>60,9</i>	<i>41,7</i>	<i>21,4</i>	<i>36,1</i>	<i>46,2</i>	<i>28,0</i>

* В таблицу включены не все варианты ответа, так как, на наш взгляд, перечисленные практики являются ключевыми в здоровьесбережении.

Источник: мониторинг общественного здоровья населения Вологодской области.

По аналогии с распространением курения самая высокая доля тех, кто употребляет спиртные напитки, оказалась среди респондентов мужского пола в возрасте от 35 до 59 лет (84%) из сельской местности, тогда как наименьшая — среди сельских женщин 55 лет и старше (38%).

Физическая активность. Как показали результаты опроса, самая низкая физическая активность наблюдается у сельских жителей: мужчин в возрасте 60 лет и старше и женщин в возрасте от 35 до 54 лет (46 и 48% ответов). Больше всего тех, кто занимается каким-либо видом физической активности, оказалось среди женщин из районных городов области в возрасте 18–24 лет (65%).

Питание. Проведенный опрос показал, что в подавляющем большинстве (более 80%) население региона считает свое питание полноценным и нормальным. В меньшей степени удовлетворены своим питанием мужчины пенсионного возраста, проживающие в крупных областных городах Вологде и Череповце, — доля ответов «неудовлетворительное» среди них составила 23%. Наиболее позитивные оценки своему питанию давали молодые люди в возрасте от 18 до 24 лет из сельской местности районов области.

Самыми популярными мерами для поддержания правильного питания среди жителей региона являются такие, как «стараюсь не переесть» (40% ответов), «слежу за качеством продуктов питания» (38%), «не ем фастфуд» (33%). В меньшей степени респонденты соблюдают режим питания (29%), стараются употреблять больше овощей и фруктов (22%), следят за количеством потребляемого сахара (20%) и соли (14%).

Наибольшую приверженность практикам правильного питания продемонстрировали молодые женщины 18–24 лет, проживающие в крупных городах региона (86% соблюдают те или иные практики). Доля тех, кто ничего не предпринимает для организации правильного питания, оказалась максимальной среди сельских мужчин в возрасте 18–24 лет (64%).

Таким образом, анализ ключевых параметров самосохранительного поведения по данным социологического опроса позволил выявить группы риска «нездоровья» среди населения региона:

- **риск низкой ценности здоровья и неправильного питания** — сельские мужчины в возрасте от 18 до 24;

- **риск распространения вредных привычек и попустительского отношения к здоровью** — сельские мужчины в возрасте от 35 до 59 лет;
- **риск низкой физической активности** — мужчины пенсионного возраста и женщины 35–54 лет, проживающие в сельской местности.

Выводы

Анализ демографического ущерба вследствие смертности населения Вологодской области показал, что основным ресурсом повышения продолжительности жизни жителей региона может служить снижение смертности, главным образом от БСК среди женского населения в возрасте 55 лет и старше, от НО — среди городского населения от 5 до 35 лет и пенсионного возраста, от ВП — среди сельских мужчин в возрасте 20–24 года.

Самые позитивные самосохранительные установки продемонстрировали респонденты женского пола в возрасте 18–24 года, проживающие в районных городах области. Факт более низкой ценности здоровья в системе жизненных приоритетов молодежи, особенно в сельской местности, свидетельствует о необходимости построения целенаправленной работы с данной категорией для укрепления их ценностных установок и расширения здоровьесберегающих практик. Неблагоприятные параметры самосохранительного поведения в большей степени выражены у сельских мужчин, как молодых, так и пенсионного возраста.

Исходя из этого, основными направлениями для преодоления негативного воздействия факторов риска преждевременной смертности могут выступить меры профилактической направленности:

- работа с установками, мотивами и ценностями населения (дифференцированная по целевым группам, в том числе группам риска);
- активная пропаганда, просвещение с целью повышения медико-гигиенической грамотности;
- продолжение работы по повышению доступности услуг медицины, физкультуры, туризма, активного досуга в сельской местности;
- продолжение работы по развитию системы медико-психологического консультирования населения;
- научное сопровождение, мониторинг результативности мероприятий по укреплению общественного здоровья и распространения здорового образа жизни.

Литература

1. Вальчук Э. А., Гулицкая Н. И., Антипов В. В. Заболеваемость населения: методы изучения. — Минск, 2000.
2. Новгородова А. В. Потерянные годы жизни — индикатор здоровья населения // Народонаселение. — 2015. — № 2.
3. Общественное здоровье и экономика / Б. Б. Прохоров, И. В. Горшкова, Д. И. Шамаков, Е. В. Тарасова. — М.: МАКС Пресс, 2007.
4. Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. — М.: ЦСП, 2005.

5. Прохоров Б. Б., Шмаков Д. И. Оценка стоимости статистической жизни и экономического ущерба от потерь здоровья // Проблемы прогнозирования. — 2002. — № 3.
 6. Шабунова А. А., Калашников К. Н. Экономическая оценка потерь трудового потенциала населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2008. — № 4 (4).
 7. Юмагузин В. В., Винник М. В. Факторы смертности от внешних причин и пути ее снижения: опыт экспертного интервью // Социальные аспекты здоровья населения. — 2014. — № 4 (38). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/30/>
 8. Low aerobic capacity in middle-aged men associated with increased mortality rates during 45 years of follow-up / P. Ladenvall, C. U. Persson, Z. Mandalena-kis, L. Wilhelmsen, G. Grimby, K. Svärdsudd, P.-O. Hansson // European Journal of Preventive Cardiology. — 2016. — Vol. 23. — Issue 14.
 9. <http://cbsd.gks.ru/>
 10. <http://databank.worldbank.org/data/views/reports/tableview.aspx>
1. Val'chuk Je. A., Gulickaja N. I., Antipov V. V. Zaboлеваemost' naselenija: metody izuchenija. — Minsk, 2000.
 2. Novgorodova A. V. Poterjannye gody zhizni — indikator zdorov'ja naselenija // Narodonaselenie. — 2015. — № 2.
 3. Obshhestvennoe zdorov'e i jekonomika / B. B. Prohorov, I. V. Gorshkova, D. I. Shmakov, E. V. Tarasova. — M.: MAKS Press, 2007.
 4. Prakticheskaja demografija/ pod red. L. L. Rybakovskogo. — M.: CSP, 2005.
 5. Prohorov B. B., Shmakov D. I. Ocenka stoimosti statisticheskoj zhizni i jekonomicheskogo ushherba ot poter' zdorov'ja // Problemy prognozirovaniya. — 2002. — № 3.
 6. Shabunova A. A., Kalashnikov K. N. Jekonomicheskaja ocenka poter' trudovogo potenciala naselenija // Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2008. — № 4 (4).
 7. Jumaguzin V. V., Vinnik M. V. Faktory smertnosti ot vneshnih prichin i puti ee snizhenija: opyt jekspertnogo interv'ju // Social'nye aspekty zdorov'ja nasele-nija. 2014. № 4 (38). URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/595/30/>

Новоселова Е. Н.,
канд. социол. наук, доцент
МГУ имени М. В. Ломоносова
Социологический факультет
(Москва, Россия)

Роль социолого-демографических исследований в оценке здоровья, смертности и продолжительности жизни населения России

Ключевые слова: здоровье, смертность, продолжительность жизни, социолого-демографический подход

JEL код: J10

*Novoselova E. N.,
Associate Professor, PhD in Sociology
Lomonosov Moscow State University
Faculty of Sociology (Moscow, Russia)*

The role of socio-demographic research in the assessing of health, mortality and life expectancy of the Russian population

В условиях сокращения общей численности трудоспособного населения России состояние здоровья граждан является крайне важным фактором национальной безопасности и экономической стабильности. На этом фоне исследования здоровья, продолжительности и качества жизни населения нашей страны становятся особенно актуальными.

Состояние здоровье и продолжительность жизни человека представляет собой результат воздействия целого ряда факторов — социальных, экологических, генетических. Социолого-демографический подход к здоровью состоит в первую очередь в его понимании как сложного феномена, который отражает качество адаптации организма человека к условиям природной и социальной среды, а также позволяет оценить роль, значение и особенности взаимодействия различных демографических факторов (пол, возраст, уровень образования, брачный статус, социально-экономическое положение) и социальных институтов (семья, образование и здравоохранение, средства массовой информации и др.) в формировании у населения ориентаций на здоровый образ жизни и увеличения продолжительности жизни.

Жить долго и быть здоровым — это естественное и необходимое для выживания человека желание. По данным ФОМ, 34% россиян собираются жить, «сколько Бог даст», при этом, надеясь на Бога, мало заботятся о том, чтобы прожить дольше, и считают, что этого не делают и их соотечественники, — 51%. Согласно этому же опросу, чуть больше 80 лет хотел бы прожить среднестатистический россиянин при всех необходимых условиях, т. е. амбиции крайне скромны [3].

Согласно проведенному кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ в 2016 г. опросу в Москве притязания несколько выше. Так, пятая часть москвичей (20,7%) считают, что наилучшая продолжительность жизни 80 лет, 21% — 90 лет, 19,4% — 100 лет, при этом прожить 100 лет хотели бы 24,3% москвичей, 90 лет — 18,5%, 80 лет — 19,9%, почти 15% жителей столицы не только мечтают, но и рассчитывают прожить целый век.

Данные другого исследования кафедры социологии семьи и демографии, Института социологии РАН и Научно-исследовательского центра ФАП и ЦНС подтверждают тот факт, что здоровье является основопо-

лагающей жизненной ценностью, как общечеловеческой, так и индивидуальной, с этим согласны 47,7% опрошенных.

Ценность здоровья существенным образом зависит от социально-демографических факторов, таких как пол, возраст, брачный статус, социально-экономическое положение, уровень образования. Попробуем проследить влияние некоторых из этих факторов на то, как сами респонденты оценивают состояние своего здоровья.

По данным ФОМ, лишь 31% женщин оценивают свое здоровье как хорошее, в то время как среди мужчин этот показатель — 47%, при этом плохим свое здоровье считают 10% мужчин и 16% женщин [2]. В реальности продолжительность предстоящей жизни у российских мужчин (65,1 года на 2015 г.) значительно ниже, чем у женщин (76,5 года).

Существование «гендерного парадокса» здоровья подтверждают и данные комплексного наблюдения условий жизни населения в 2014 г. (рис. 1).

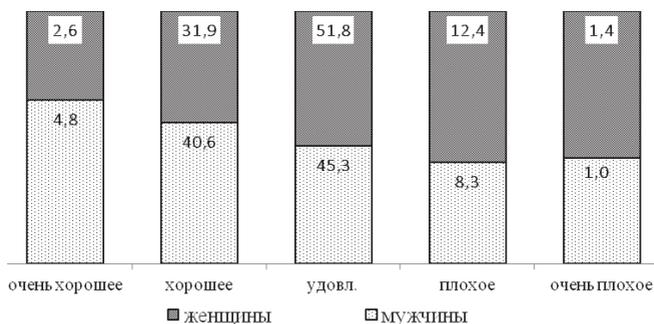

Рис. 1. Оценка состояния своего здоровья лицами в возрасте 15 лет и более в 2014 г., в %

Источник: Здравоохранение в России. 2015: стат. сб. / Росстат. — М., 2015.

Возраст и самооценка здоровья находятся в обратной зависимости, количество негативных самооценок с возрастом увеличивается, а положительных уменьшается [1].

Матери в неполных семьях оценивают свое здоровье хуже женщин, имеющих мужей. 37,9% замужних оценили свое здоровье как хорошее, среди разведенных и разошедшихся — 25%.

Подтверждается наличие прямой зависимости между уровнем образования и социально-экономическим положением и здоровьем. 43% имеющих высшее образование оценивают состояние своего здоровья как хорошее, среди имеющих среднее общее образование таких 25%, среднее специальное и незаконченное высшее — по 29%, почти половина (43,8%) оценивающих свои доходы как «выше среднего» считают, что обладают хорошим здоровьем, респонденты с доходом «ниже среднего» в 20,2% случаев считают, что обладают хорошим здоровьем.

На сегодняшний день важность социолого-демографических методов исследования и конструирования здоровья очевидна. Здесь необходимо объединение усилий социологов, демографов, медиков, работников сферы образования, которые совместными усилиями по пропаганде здорового образа жизни могли бы серьезно помочь увеличению продолжительности здоровой жизни человека и снижению смертности.

Литература

1. Мониторинг образа жизни населения России: социолого-демографический опрос. 2015.
2. Отношение к здоровью // ФОМнибус. — 2015. — 11–12 июля. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>
3. Продолжительность жизни россиян // ФОМнибус. — 2010. — 2–3 октября. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d39pzhr10.pdf>
1. Monitoring obraza zhizni naselenija Rossii: sociologo-demograficheskij opros. 2015.
2. Otnoshenie k zdorov'ju // FOMnibus. — 2015. — 11–12 ijulja. URL: <http://fom.ru/Zdorove-i-sport/12324>
3. Prodolzhitel'nost' zhizni rossijan // FOMnibus. — 2010. — 2–3 oktjabrja. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/d39pzhr10.pdf>.

Сафиуллина Р. М.,
канд. геогр. наук, доцент
Башкирский государственный университет
Географический факультет
(Уфа, Россия)

Насырова Э. В.,
магистр 1-го года обучения
Башкирский государственный университет
Географический факультет
(Уфа, Россия)

Территориально-структурная дифференциация смертности и заболеваемости населения Республики Башкортостан

Аннотация

Заболеваемость населения — это показатель, который помогает нам оценить состояние здоровья людей, показывает распространенность той или иной болезни, а также отражает ее динамику. Предметом исследования выступают динамика, тенденции, территориальные особенности заболеваемости и смертности населения в РБ. Цель работы: проанализировать общую характеристику заболеваемости и смертности населения РБ. Основной метод изучения заболеваемости населения —

это изучение заболеваемости по данным обращаемости населения за медицинской помощью. Этот метод дает возможность выявить острые и хронические заболевания на стадии обострения. В структуре общей заболеваемости населения республики ранговые места первых трех классов заболеваний распределились следующим образом: среди взрослого населения — заболевания системы кровообращения (18,6%), органов дыхания (12,2%), органов пищеварения (9,5%); среди детей от 0–14 лет — болезни органов дыхания (50,9%), органов пищеварения (7,9%), болезни глаза и его придаточного аппарата (5,8%); среди подростков — болезни органов дыхания (26,8%), пищеварения (11,4%), болезни глаза и его придаточного аппарата (11,1%). Высокая смертность является еще одной проблемой, причем основная особенность заключается в сверхсмертности трудоспособного населения (среди мужчин смертность от общего количества составляет 43%, среди женщин 13%). Основными причинами смертности являются: болезни системы кровообращения (41,8%), старость (17,5%), новообразования (11,6%), внешние причины (11,2%).

Ключевые слова: заболеваемость, естественное движение, смертность, структура смертности

JEL код: J11

*Saifullina R. M.,
Ph. D., associate Professor
Bashkir State University
Faculty of Geography
(Ufa, Russia)*

*Nasyrova E. V.,
master 1year training
Bashkir State University
Faculty of Geography
(Ufa, Russia)*

Territorial and structural differentiation of mortality and morbidity of the population of the Republic of Bashkortostan

Abstract

The incidence of the population is an indicator that helps us assess the health of people, shows the prevalence of a disease, and also reflects its dynamics. The subject of the study: dynamics, trends, territorial features of morbidity and mortality in the Republic of Belarus. Objective: to analyze the general characteristics of morbidity and mortality of the population. The main method of studying the incidence of the population is the incidence according to the population's access to medical care. This method makes it possible to identify acute and chronic diseases at the stage of exacerbation. In the structure of the general morbidity of the population of the republic, the rankings of the first three classes of diseases were distributed as follows: among the adult population — circulatory system diseases (18.6%), respiratory organs (12.2%), digestive organs (9.5%); Among children from 0–14 years old — respiratory diseases (50.9%), digestive organs (7.9%), diseases of the eye and its adnexa (5.8%); Among adolescents, respiratory diseases (26.8%), digestion (11.4%), diseases of the eye and its adnexa (11.1%). High mortality is another problem, the main feature being its high level

among the able-bodied population (among men, the death rate from the total is 43%, among women 13%). The main causes of death are: diseases of the circulatory system (41.8%), old age (17.5%), neoplasms (11.6%), external causes (11.2%).

Key words: morbidity, natural movement, mortality, mortality structure

JEL code: J11

На 1 января 2016 г. население Республики Башкортостан насчитывало 4 071 181 человека, что составляет около 2,8% населения Российской Федерации, или 13,7% населения Приволжского федерального округа. Динамика численности населения показывает, что наибольшая численность в Республике Башкортостан в XX–XXI вв. была в 2000 г. и составляла 4 119 810 чел. (рис. 1).

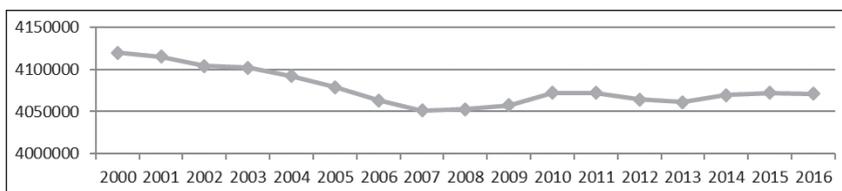

Рис. 1. Динамика численности населения Республики Башкортостан за 2000–2016 гг.

С этого момента и до 2007 г. наблюдается постоянное сокращение численности, за это время республика потеряла около 69 тыс. чел. Для получения более полной демографической картины нам необходимо рассмотреть естественное движение населения (рис. 2). Рост рождаемости с 2000 г. определяется увеличением численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста (20–29 лет).

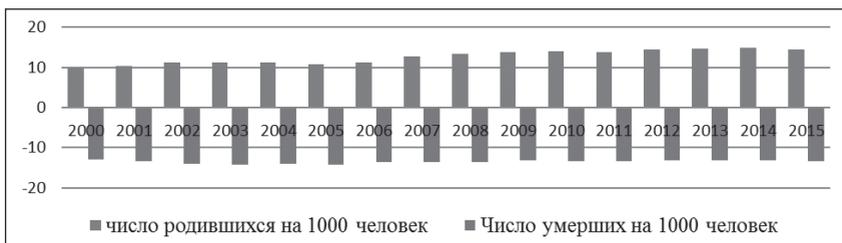

Рис. 2. Естественное движение населения Республики Башкортостан за 2000–2015 гг.

На рождаемость также влияет тенденция увеличения возраста, в котором женщина впервые становится матерью. В 2015 г. средний возраст матери при рождении первенца в Башкортостане составил почти 26 лет (для сравнения: в 1990 г. — 23,1 года). Высокая смертность является еще

одной проблемой, причем основная особенность заключается в ее высоком уровне среди трудоспособного населения (среди мужчин смертность от общего количества составляет 43%, среди женщин 13%). Основными причинами смертности являются: болезни системы кровообращения (41,8%), старость (17,5%), новообразования (11,6%), внешние причины (11,2%).

Среди социально значимых заболеваний большое место занимает заболеваемость населения психическими расстройствами и расстройствами поведения. Они включают в себя целый ряд заболеваний. Рассмотрим только часть из них, связанных с употреблением психоактивных веществ. Можно сделать некоторые выводы. Во-первых, исходный уровень заболеваемости населения Башкортостана был ниже общероссийского показателя более чем вдвое. Во-вторых, темпы роста заболеваемости в республике заметно превышали темпы по России. В-третьих, максимальная заболеваемость населения в Башкортостане пришлось на 2000 г., тогда как в России она достигла пика в 1995 г. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика показателей первичной заболеваемости населения Республики Башкортостан социально значимыми заболеваниями за 2006–2015 гг.

Год	Туберкулез с учетом больных ГУФСИН и УСО	Онкологическая заболеваемость	Алкоголизм, алкогольные психозы	Синдром зависимости от наркотических веществ	Синдром зависимости от ненаркотических веществ	Сифилис
2006	54,9	272,3	130,2	9,7	0,7	77,5
2007	52,2	272	122,8	12,3	0,7	62,9
2008	48,7	277,9	113,5	9,4	0,5	53,4
2009	47,8	275,7	106,2	11,9	0,6	47,3
2010	47	279,5	104,1	13,5	0,4	39,8
2011	46,6	278,5	93,8	12,3	0,4	32,8
2012	46,1	287,8	88,5	9,4	0,3	26,6
2013	44,8	287,8	88,7	8,9	0,4	23,4
2014	43,5	320,4	77,1	6,7	0,2	21,7
2015	42,5	321,4	78,5	6,1	0,1	23,2

В структуре общей заболеваемости населения республики ранговые места первых трех классов заболеваний распределились следующим образом: среди взрослого населения — заболевания системы кровообращения (18,6%), органов дыхания (12,2%), органов пищеварения (9,5%); среди детей от 0–14 лет — болезни органов дыхания (50,9%), органов пищеварения (7,9%), болезни глаза и его придаточного аппарата (5,8%);

среди подростков — болезни органов дыхания (26,8%), пищеварения (11,4%), болезни глаза и его придаточного аппарата (11,1%).

В РБ по онкологической заболеваемости населения на 1-м месте обозначился рак молочной железы. За период 2010–2015 гг. показатель рака молочной железы увеличился на 12,4%. На 2-м месте — рак трахеи, бронхов, легкого — увеличение произошло на 11,3%. На 3-м месте расположился рак кожи — 9,6%. На 4-м месте — рак предстательной железы — увеличение на 8,4%.

Заболеваемость злокачественными новообразованиями в РБ в 2015 г. возросла на 0,3% и составила 321,4 на 100 000 населения. Среди городов РБ по первичной заболеваемости с наибольшими показателями обозначились г. Кумертау (415,9 случая в расчете на 100 000 населения), затем г. Салават (393,2) и г. Уфа (357,0) (рис. 3).

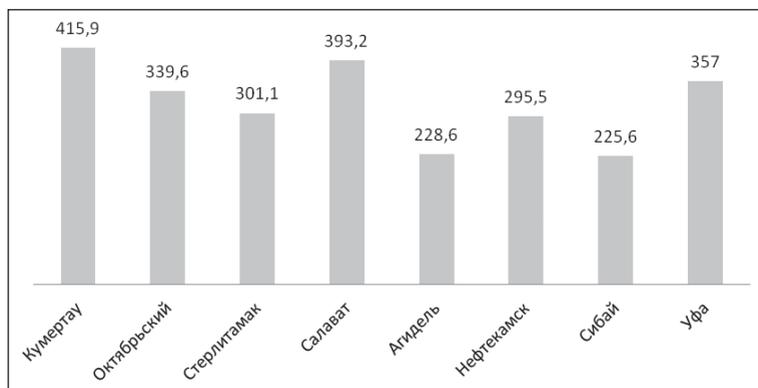

Рис. 3. Первичная онкологическая заболеваемость городского населения РБ в 2015 г. (на 100 000 населения)

В 2016 г. все основные параметры структурного распределения смертности остались без изменений: достаточно высокая смертность среди сельского населения, значительное превышение смертности мужчин над уровнем смертности женщин (рис. 4). Среди причин смерти наиболее распространены заболевания сердечно-сосудистой системы — 41,6%, новообразования — 11,8%, внешние причины — 11,4% [2].

При анализе данных федеральной службы государственной статистики выяснилось, что по сравнению с предыдущим годом уровень рождаемости в РБ снизился на 3%, а смертность увеличилась на 2,5% (рис. 5). Снижение рождаемости населения связано с сокращением числа женщин детородного возраста: их число уменьшилось на 17,6 тыс. чел. и в настоящее время составляет 987 тыс. женщин. Так, в среднем 1000 женщин детородного возраста в 2014 г. имели 60 рождений, а в 2015 г. — 59. Также в РБ ежегодно сокращается число женщин активного детородного воз-

раста (от 20 до 29 лет) в среднем на 13 тыс., и в ближайшее время эта тенденция сохранится.

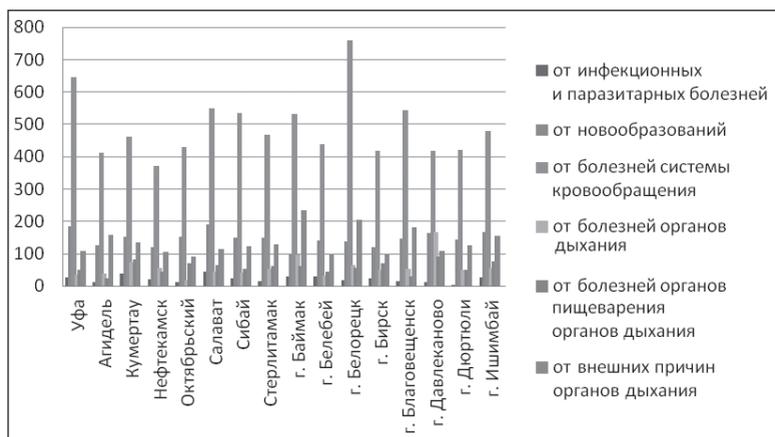

Рис. 4. Смертность городского населения РБ по причинам смерти в 2016 г. (в расчете на 100 000 чел. населения)

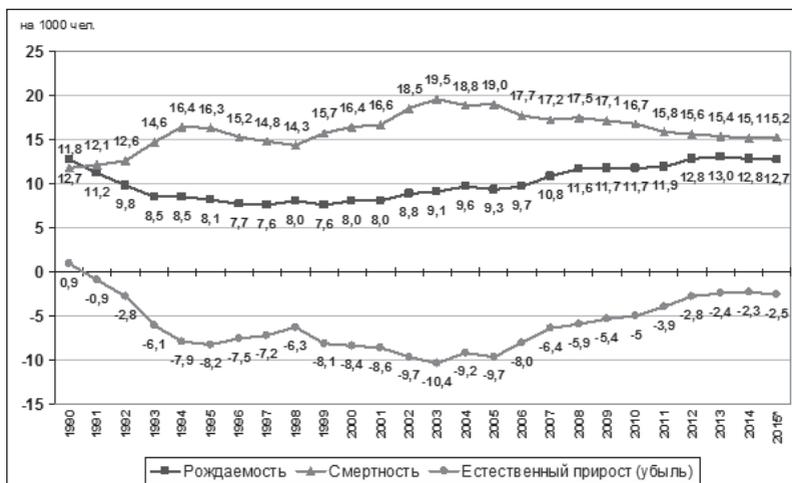

Рис. 5. Естественное движение населения РБ с 1990 по 2015 г. [2]

Следует отметить, что смертность от новообразований увеличивается ежегодно. Повлиять на смертность от рака может раннее выявление и своевременное обращение в специализированную медицинскую организацию. Необходимо провести более тщательные скрининговые программы, в том числе по онкоконтролю. В 2016 г. на базе Онкологического

центра был успешно завершён проект по внедрению дистанционного консультационного центра с использованием технологий телемедицины. Это позволило сократить время диагностики и оперативно назначать лечение. В целях дальнейшего совершенствования онкологической помощи была проведена работа по разработке расширения хирургического корпуса Онкологического центра, где будет располагаться поликлиника на 450 посещений и палаты на 240 мест.

Рисунки 6 и 7 отражают территориальные различия в заболеваемости населения по городам и районам РБ в 2010 и 2016 гг. соответственно.

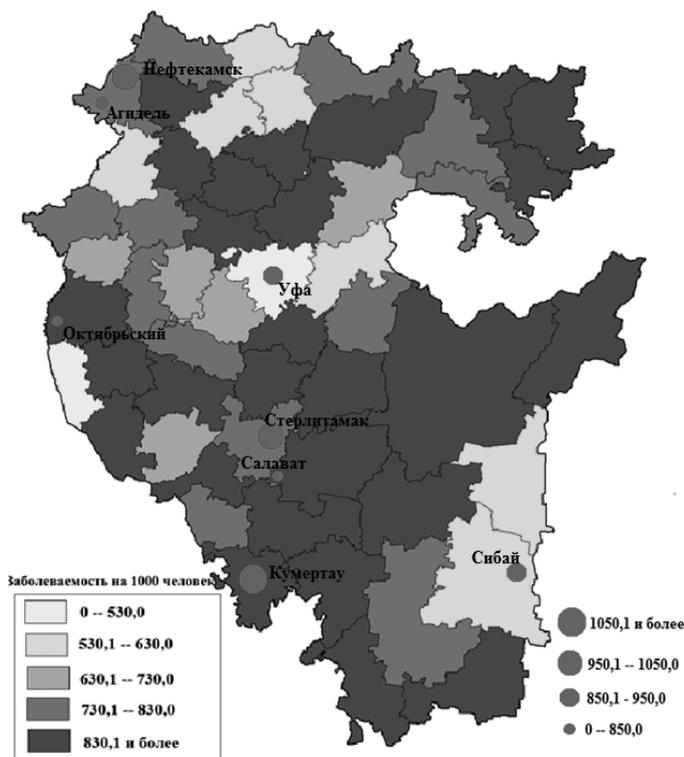

Рис. 6. Заболеваемость населения по городам и районам РБ в 2010 г. (с диагнозом, установленным впервые в жизни; на 1000 чел. населения)

С 2010 г. уровень смертности остался на том же уровне. Показатель составляет 13,1 на 1000 жителей. Тем не менее общая смертность за первые 9 месяцев этого года, по данным Башкортостана, составила 13,5 на 1000 жителей. Среди 85 субъектов Российской Федерации республика занимает 39-е место, в Приволжском федеральном округе — четвертое [2].

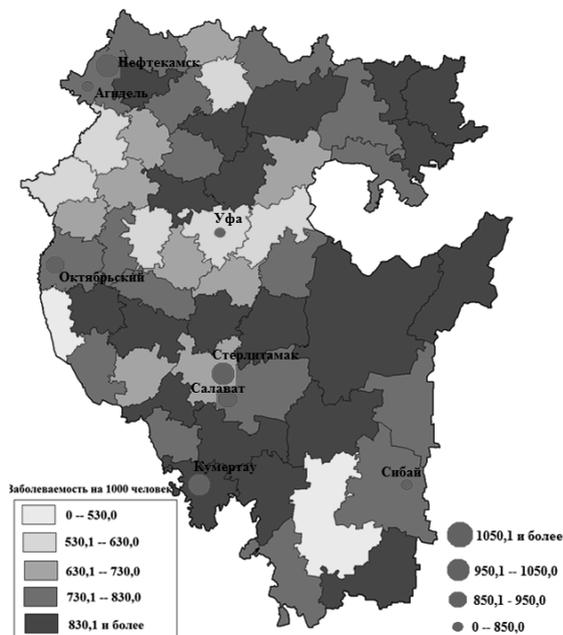

Рис. 7. Заболеемость населения по городам и районам РБ в 2016 г. (с диагнозом, установленным впервые в жизни; на 1000 чел. населения)

Основными причинами смертности являются младенческая смертность, смертность от заболеваний системы кровообращения, новообразований, туберкулеза и внешних причин, где решающую роль играют смертность от несчастных случаев и самоубийств (рис. 8). К сожалению, несмотря на большую работу, мы занимаем 61-е место в России и в Поволжье на предпоследнем уровне по показателям младенческой смертности.

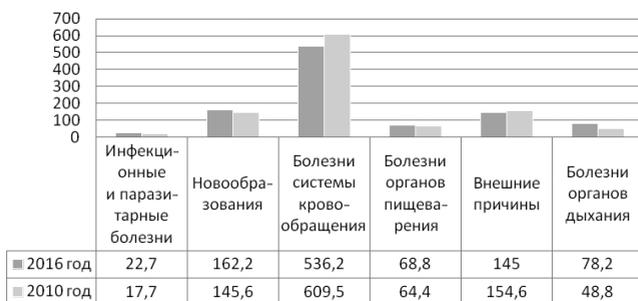

Рис. 8. Смертность населения РБ по основным классам причин смерти в 2010 и 2016 гг. (на 100 000 чел. населения) [1, 2]

Литература

1. Здравоохранение в Республике Башкортостан: стат. сб. — Уфа: Башкортостанстат, 2015. — С. 81–82.
 2. Здравоохранение в Республике Башкортостан: стат. сб./ Башстат. — Уфа, 2016. — С. 97–98.
 3. Здоровье населения и деятельность медицинских организаций в Республике Башкортостан: стат. сб. — Уфа: МИАЦ, 2014. — С. 6–7.
 4. Здоровье населения и деятельность медицинских организаций в Республике Башкортостан в 2015 году. — Уфа, 2016. — С. 17–18.
-
1. Zdravoohranenie v Respublike Bashkortostan: stat. sb. — Ufa: Bashkortostanstat, 2015. — S. 81–82.
 2. Zdravoohranenie v Respublike Bashkortostan: stat. sb. / Bashstat. — Ufa, 2016. — S. 97–98.
 3. Zdorovyie naseleniya i deyatelnost meditsinskikh organizatsiy v Respublike Bashkortostan: stat. sb. — Ufa: MIATs, 2014. — S. 6–7.
 4. Zdorovyie naseleniya i deyatelnost meditsinskikh organizatsiy v Respublike Bashkortostan v 2015 godu. — Ufa, 2016g. — S. 17–18.

Dalkhat M. Ediev,

Wittgenstein Centre for Demography

and Global Human Capital (IIASA, VID/ÖAW, WU),

International Institute for Applied Systems Analysis

(Laxenburg, Austria)

North-Caucasian State

Humanitarian-Technological Academy,

Institute for Applied Mathematics

and Information Technologies

(Cherkessk, Russia)

Estimates of the remaining life expectancy at old age: Revisiting Horiuchi, Coale and Mitra

Abstract

Horiuchi & Coale (1982) have suggested a simple formula to improve the estimates of the expectation of life at old age, a formula that was questioned as unrealistic by Mitra (1984; 1985), whose alternative approach was in return criticized for being prone to biases due to age exaggeration (Coale 1985). The discussion between the researchers have not been resolved. This lack of agreement and the simplifying assumptions behind both approaches prevented their integration in the practical toolkit of demographic analysis. This paper shows that both methods are useful in drastically reducing the estimation errors in life expectancy. The disputes were largely due to inconsistent inputs rather than methodological contradictions. Furthermore, the methods produce by far better results as compared to the popular

alternative, the extrapolation of the death rates. In combination the two alternative methods may even lead to a better outcome.

Key words: life expectancy at old age, the estimation errors in life expectancy

JEL code: J10

Acknowledgements. We thank Prof. Shiro Horiuchi, Dr. Patrick Gerland and participants of the Colloquium at the Vienna Institute of Demography for their valuable comments. The research leading to these results has received funding from the European Research Council under the European Union's Seventh Framework Programme (FP7/2007-2013) / ERC grant agreement no ERC2012-AdG 323947-Re-Ageing.

1. Introduction

The life table model, which describes the survival of individuals throughout their life course, is an important tool in studying mortality and its many implications such as insurance policies, social policies and population projections. It builds upon age-specific death rates and produces various indicators of mortality, survival and longevity for the age groups. A limitation of the model appears at the older age where data scarcity or deficiency forces statisticians to disregard age details and aggregate the available data into a single "open age interval".

Typical data problems that prevent the extension of the life table to an older age are age exaggeration and other types of age misreporting, such as poorly documented return migration following retirement and missing death records. Currently, different approaches come into operation to solve or circumvent this hitch. The World Health Organization (WHO) (Mathers & Ho 2014) used to extrapolate the death rates above the age of 85 by assuming a logistic mortality model. The United Nations (1982) construct life tables for developing countries by fitting the Gompertz-Makeham model at younger ages and closing at age 85+. The Human Mortality Database (HMD) (Wilmoth et al. 2007) also corrects the original data at ages 80+. A recent study by Randall and Coast (2016) suggests that the data quality at ages 60+ in low-income countries is yet "very rough" with only a limited improvement over time in African countries. Even in developed countries with generally good mortality data, incompleteness of migrant registration or misreported ages at death may bias the mortality estimates for the elderly (Preston et al. 1996; Khlát & Courbage 1996; Kibele et al. 2008). In regional demography and demography of social groups, small population size may be another source of data limitation that demands lowering the age at the start of the open age interval, so that to include at least some death events (Scherbov & Ediev 2011).

Choosing a broader open age interval that begins at younger age may help mitigate some of the data quality problems, including the problems of age exaggeration and small population size. Lowering the age at the beginning of the

open age interval, however, may itself have severe consequences for the quality of life table estimates because of departures from stationarity which is conventionally assumed for the age composition at the open age interval (Preston et al. 2001). In a stationary population, life expectancy at the beginning of the open age interval is inverse to the death rate:

$$e_a = M_{a+}^{-1}, \quad (1)$$

hereinafter, a denotes the starting age of the open age interval; e_a is the life expectancy at age a ; and M_{a+} is the death rate in the open age interval. In this paper, we call (1) *the classical estimate (approach)*.

The classical approach is not the only one available for cases with age reporting problems. The most common alternative method to calculate the last ‘problematic’ age range of the life table is *extrapolation* of death rates based on their change at younger ages in combination with a mortality model (United Nations 1982; Wilmoth et al. 2007; Mathers & Ho 2014; Missov et al. 2016). Extrapolation does not assume population stationarity or any other population model. Such extrapolation, however, ignores the original empirical data pertaining to the open age interval. Furthermore, as we demonstrate in this paper, the extrapolation method tends to be less accurate in terms of life expectancy than the other methods considered here.

Two other alternatives to the classical approach also work with the open age interval, just like the classical method, but relax the stationarity assumption presumed in (1). Indeed, populations are rarely stationary. Improving survival, changing fertility and immigration modify the population age composition. Growing populations are typically of younger age composition, with more weight on younger ages with lower mortality (Preston et al. 2001); their death rate in the open age interval is lower than in a stationary population with similar mortality. As a result, the classical method is prone to overestimate life expectancies for such populations. A step forward as compared to the zero-growth stationary population model is the stable population model that assumes, generally speaking, that allows for population growth and produces population structures younger or older than the corresponding stationary populations (Preston et al. 2001). This model — in combination with the Gompertz mortality model — was used by Horiuchi and Coale (1982) to develop the following simple formula to improve the classical estimate:

$$e_a = M_{a+}^{-1} e^{-\beta_a r M_{a+}^{-\alpha_a}}, \quad (2)$$

here, r is the annual growth rate of the population in the open age interval; α_a and β_a are the model parameters (for numerical values, see Horiuchi & Coale 1982 or Table 1).

Adjustment (2) was challenged by Mitra (1984; 1985) who also assumed population stability and derived a closed form solution:

$$e_a = M_{a+}^{-1} e^{-r[M_{a+}^{-1} - (1 + rM_{a+}^{-1})(\bar{x} - a)]}, \quad (3)$$

where \bar{x} stands for the mean age of the population in the open age interval. Using his method, Mitra came to estimates fairly close to the classical ones and suggested that the adjustment by Horiuchi-Coale was unrealistic. Mitra's approach was, however, criticised for being prone to biases due to age exaggeration (Coale 1985). Indeed, having age exaggeration as a problem in the first place, one would cautiously use the empirical mean population age \bar{x} in an adjustment procedure.

Partly because the discussion between Horiuchi-Coale and Mitra was never resolved, but also due to the strong assumptions used in both approaches, their methods have not made it to a wider practical use by demographers and population statisticians.

Two developments since the time of discussion between Horiuchi-Coale and Mitra call for revisiting their results. First, the empirical basis for mortality studies and computational resources have advanced substantially, as it is reflected in the rich collection of high quality data in the HMD (2016). This enables the development and testing of methods on a sounder empirical base, and relaxes some of the original assumptions. Second, life expectancy in many countries has systematically advanced since 1980. On the one hand, better survival to old age boosts the importance of the open age interval for life table estimates. On the other hand, higher (and improving) life expectancies call for testing if the old methodology works well on current data. Our paper is a response to these needs and introduces some useful modifications to the original adjustment formulas. We also aim at reconciling the dispute between Horiuchi-Coale and Mitra and combining both alternative methods for a better outcome.

2. Testing the models of expectation of life at old age on empirical data

To examine the biases in estimated life expectancy for selected estimation methods at different open age intervals, we use all period life tables, single-year mortality data, and population exposures contained in the HMD (2016)¹. Altogether, the database (data downloaded on 12.02.2016) contains 4436 country-calendar years for each gender (males, females, total), for 46 countries/populations, spans over the years 1751 to 2014, and life expectancies at birth from 16.7 to 86.4 years. For each of the 3x4436 database entries we recalculate its life table assuming alternative open age intervals (the threshold age a spanning from 55 to 95 years) and various estimation methods.

¹ HMD modifies (smooths and extrapolates) the original data at some ages above age 80 using the logistic model. This might have distorted our findings for the highest open age intervals, especially for the extrapolation method. Yet, after re-running our calculations on the raw, not modified, death rates also provided in the HMD, we came to results similar to those presented in this paper. Root mean squared errors (RMSE) obtained on raw data differ only in the second digit after comma from the RMSEs presented in Table 2 for all methods, except for the extrapolation. Even for the extrapolation method, there was only one case when RMSE based on the raw data differed in the first digit after comma from the results presented in Table 2 and was substantial in relative terms: females, life expectancy at birth range 40–50 years, $a = 85$ (RMSE on the smoothed death rates: 0.04; RMSE on the raw data: 0.16).

For each open age interval, we calculate the aggregated death rate for the open age interval using the death rates and population exposures from the HMD:

$$M_{a+} = \frac{\sum_{x=a}^{\omega} M_x P_x}{\sum_{x=a}^{\omega} P_x}, \quad (4)$$

here M_x and P_x are the HMD death rate and the population exposure at age x ; and ω is the maximum attainable age group (110+ in HMD). After obtaining the death rate for the open age interval, we apply alternative life table methods and compare the results to the life table that is based on the full age scale spanning up to the age 110+.

First, we apply the classical life table method (1) and use estimates (4) and the death rates at ages below age a to calculate a new “truncated” life table for each HMD entry. Life expectancy from the truncated life table is compared to life expectancy from the full life table; where the “full” life table stands for the life table with the maximum possible, $a = 110$. The difference between the two gives the estimation error in the classical life table method due to the truncation of the data at the selected open age interval.

In a similar fashion, we examine the estimation errors in the methods of Horiuchi-Coale (2) and Mitra (3), and in the popular method where death rates are extrapolated into the open age interval based on their rate of increase at younger age. For extrapolations, we use the Gompertz model (Gompertz 1825; Doray 2008) where the force of mortality increases exponentially with age. After some experimentation, we opt for the marginally better extrapolation without jump of the death rate at age a ; with parameters fit on 20-years-of-age-long age intervals below the open age interval. This extrapolation is close to the common practices for low-quality data cases. The Gompertz model is also useful as a bridge to the work by Horiuchi-Coale who relied on the model in developing their own method.

Results for life expectancy at birth in the classical life table method for open age intervals 55+, 65+, 75+, 85+, and 95+ are presented in Figure 1 and Table 2. On the horizontal scale of the figure, we put the life expectancy at birth from the full life table, and the vertical scale represents the difference between life expectancies at birth in the truncated and full life tables.

The estimation errors in the classical method are predominantly positive because of the worldwide growth of elderly population in the course of demographic transition, which produced population age structures younger (of lower mortality) than the structure of stationary populations assumed in the method. The biases were relatively small (yet, quite substantial) for periods with shorter life expectancy at birth and soared to high levels as life expectancy grew. This comes well in agreement with the formal derivations by Horiuchi-Coale and Mitra. Currently, closing the life table at age 65, both sexes combined, would produce an upward bias in life expectancy at birth as high as 10 years in some countries and more than 2.5 years in many other cases. These errors, with the

secular trend of life expectancy increasing by about two years per decade (Oeppen & Vaupel 2002; White 2002), correspond to gains of life expectancy over 12–50 years. If data permits closing the life table at age 75 or 85, the estimation errors are down to under 4 or 0.5 years respectively. Closing the life tables at age 95 yields only minor errors in e_0 , while closing at age 55 drives the errors to unacceptably high levels. The errors are generally higher when considering only the female populations or both sexes together.

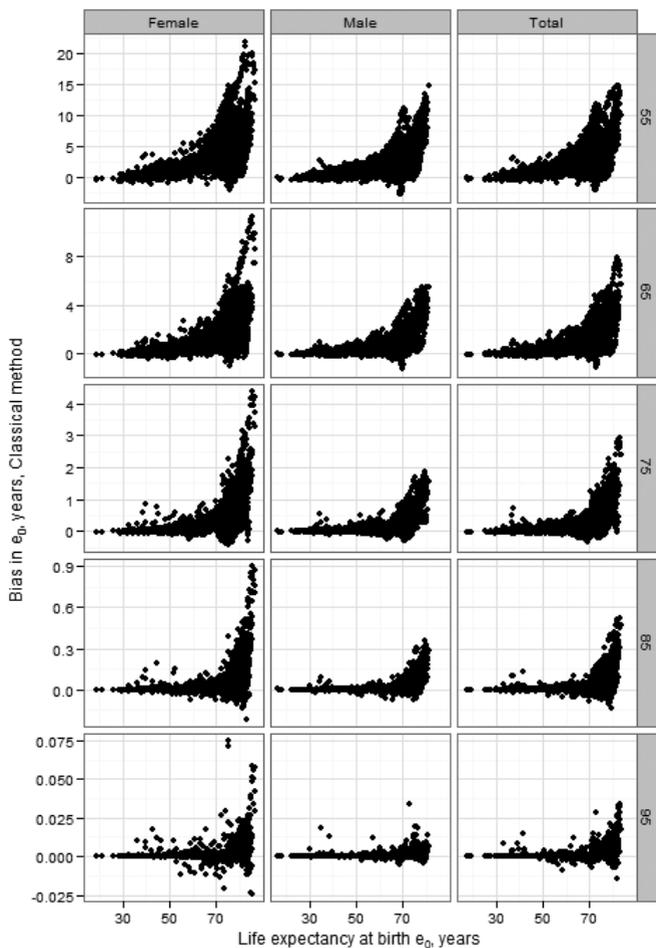

Figure 1. Estimation errors in life expectancy at birth obtained by the classical life table method for selected open age intervals (starting at ages shown in the right-hand side of the panes), men, women and both sexes combined (in years).

Author's calculations based on the Human Mortality Database (HMD 2016)

Table 1

**Original parameters of the Horiuchi-Coale model (Alfa, Beta),
the Beta-parameter of the model re-estimated on the Human Mortality
Database data (Beta.hmd), and the coefficients (estimated on HMD data)
of the regression model (5) for the mean population age
in the open age interval (C, k_1, k_2)**

Sex	a	Alfa	Beta	Beta.hmd	C	k_1	k_2
Female	40	1.0	0.283	0.321	50.045	0.241	-4.918
Female	55	1.1	0.207	0.241	61.025	0.303	-4.503
Female	65	1.4	0.095	0.100	69.200	0.335	-3.670
Female	75	1.4	0.095	0.109	77.701	0.380	-2.676
Female	85	1.4	0.095	0.104	86.460	0.470	-1.883
Female	95	1.4	0.095	0.062	95.591	0.626	-0.867
Male	40	1.0	0.283	0.330	50.924	0.196	-3.919
Male	55	1.1	0.207	0.236	61.406	0.269	-3.722
Male	65	1.4	0.095	0.102	69.229	0.318	-3.180
Male	75	1.4	0.095	0.108	77.563	0.379	-2.398
Male	85	1.4	0.095	0.102	86.355	0.482	-1.863
Male	95	1.4	0.095	0.058	95.633	0.609	-0.914
Total	40	1.0	0.283	0.308	50.839	0.206	-3.849
Total	55	1.1	0.207	0.234	61.115	0.293	-4.030
Total	65	1.4	0.095	0.099	69.117	0.335	-3.324
Total	75	1.4	0.095	0.108	77.583	0.387	-2.481
Total	85	1.4	0.095	0.102	86.405	0.477	-1.803
Total	95	1.4	0.095	0.061	95.518	0.658	-0.929

Notes: a = starting age of the open age interval.

In Figure 2 and Table 2, we show the estimation errors in life expectancy e_a at the beginning of the open age interval as percent of the life expectancy from the corresponding full life table. Our interest in this kind of estimation errors is driven by the usual practice in population projections, where the population of the open age interval is projected on the basis of the life table death rate for that age group (Preston et al. 2001). As Figure 2 illustrates, substituting the actual population change in the open age interval by its estimate, based on the life table death rate, may lead to annual downward biases of dozens of percent in the numbers of deaths in the open age interval.

Numerical results for the adjustments by Horiuchi-Coale and Mitra as well as the extrapolation method are presented in Figure 3 and Table 2 (as a reference, we also put the results for the classical method into Figure 3). We improved the stability of the Horiuchi-Coale and Mitra formulas by using the population growth rates averaged over 10-year periods prior to the estimation year. If we used the annual rates (results not presented here), the adjusted life expectancies would contain more outliers, especially in the Mitra method.

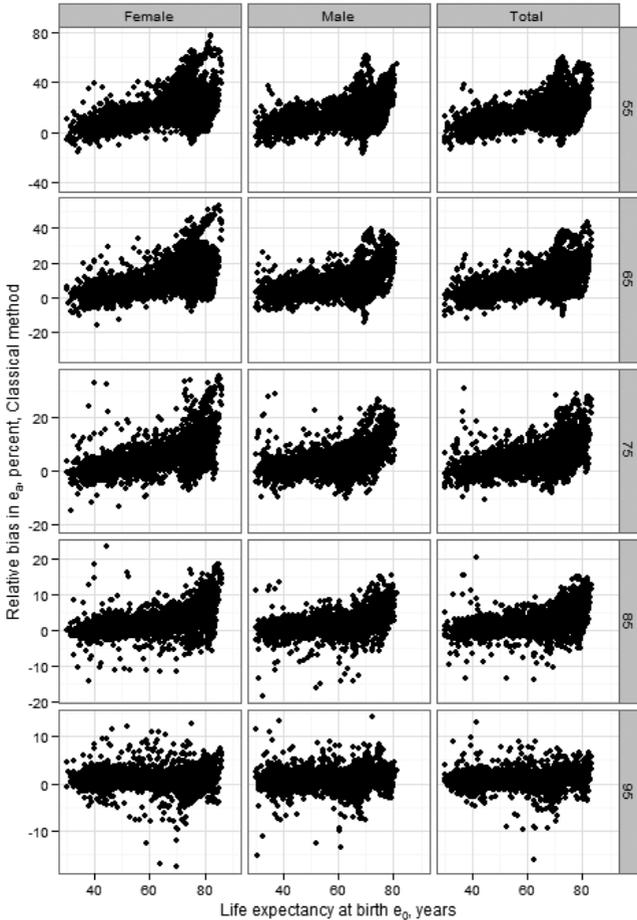

Figure 2. Estimation errors in life expectancy at the starting age of the open age interval for the classical life table method (starting ages of the selected open age intervals are shown in the right-hand side of the panes), men, women and both sexes combined (in percent). Author’s calculations based on the Human Mortality Database (HMD 2016)

In all procedures, errors tend to increase as life expectancy grows. Interestingly, all methods tend to err more often to the positive side, i.e. they overestimate life expectancy, although the non-classical methods are free from the classical method’s sources of error that is nested in the stationarity assumption. The reasons for the positive errors are different among the methods. The extrapolation method produces positive or negative errors depending on whether the death rates increase steeper above or below the minimal age of the open age interval. Mortality acceleration at younger old ages (Horiuchi 1997; Horiuchi &

Wilmoth 1997), which is more typical in female populations, explains positive biases in the extrapolation method as seen in Figure 3 (notice the stronger pattern of positive biases for females). At the same time, mortality deceleration at older ages (Horiuchi & Wilmoth 1997; Horiuchi & Wilmoth 1998; Horiuchi et al. 2003) may explain somewhat more prevalent negative biases of the extrapolation method at the open age interval 85+ and the tendency of the method to produce negative errors for the open age interval 95+ (results not shown here). The Horiuchi-Coale and Mitra methods, in their turn, tend to produce positive errors, because protracted periods of mortality decline at old age, as observed in many countries, produce population age structures even younger than the stable populations assumed in the two methods (Horiuchi & Preston 1988; Guillot 2003; Ediev 2014).

The Horiuchi-Coale formula provides a remarkable improvement over the classical method in terms of estimation errors, although the parameters for the formula were estimated back in the 1980s. The vast reduction of estimation errors, after applying the adjustment, indicates that the method is rather robust to violations of its underlying assumptions (the Gompertzian death rates and stable population age structure). Table 2 also includes results for the Horiuchi-Coale formula where we kept the original values for the parameter α_a but re-estimated the other parameter β_a based on our database (“H.-C. (hmd)” columns of Table 2; see Table 1 for the re-estimated parameter values). Updating the model parameters provides only a marginal improvement in terms of root-mean squared error (RMSE). The method’s RMSEs may perhaps be further reduced by fitting the model to more homogeneous data (to groups of populations with similar mortality dynamics and growth histories).

The Mitra formula is generally more accurate than the Horiuchi-Coale method (Table 2). However, the method appeared to be prone to produce outliers, especially overestimates of life expectancy (Figure 3; similar results for other open age intervals are not shown here). The formula involves the population mean age in the open age interval, \bar{x} , an indicator easy to calculate for populations with good-quality data, such as the HMD populations, but problematic for populations with age exaggeration. Hence, we checked, if the formula remains accurate after substituting \bar{x} by its prediction based on the regression involving the growth rate and the observed death rate:

$$\bar{x} = C + k_1 M_{a+}^{-1} + k_2 r M_{a+}^{-1} \quad (3)$$

(see Table 1 for model parameters estimated on HMD data). Absolute and percentage RMSEs of estimate (5) are presented in the last two columns of Table 2. Results for the Mitra formula with the approximate mean age (5) are shown in Table 2, in the “Mitra (regr.)” columns. Substituting the true mean age by its indirect estimate only marginally increases RMSEs. Even based on indirect mean age estimates, the method remains more accurate than the Horiuchi-Coale method. The differences between the two methods, however, are minor as compared to the errors in the classical method.

Table 2

**Root mean squared errors (RMSE) in life expectancy at birth e_0 ,
percentage of RMSEs in life expectancy in the open age interval e_a (by method)
and RMSEs in the mean population age in the open age interval (model (5)):
by sex, level of life expectancy at birth and open age interval (a+)**

Sex	e_0 range	a	RMSE in e_0 by method (years)						Percentage RMSE in e_a by method (percent)						RMSE in the mean pop. age, years		RMSE in the mean pop. age, percent	
			Classical	Extrapol.	H.-C. (hmd)	Mitra (regr.)	Mitra (regr.)	H.-C. (hmd)	Classical	Extrapol.	H.-C. (hmd)	H.-C. (hmd)	Mitra (regr.)	Mitra (regr.)	Mitra (regr.)			
Female	40-50	55	0.75	6.60	0.40	0.41	0.47	0.46	8.05	73.76	4.54	4.64	5.33	5.22		0.58		
Female	40-50	65	0.25	0.70	0.17	0.17	0.23	0.22	5.17	15.61	3.67	3.71	4.83	4.72		0.43		
Female	40-50	75	0.06	0.16	0.05	0.05	0.05	0.05	3.40	8.42	2.78	2.85	2.93	2.88		0.37		
Female	40-50	85	0.01	0.03	0.01	0.01	0.02	0.02	2.21	9.50	2.29	2.36	3.03	2.65		0.32		
Female	50-60	55	1.53	10.23	0.57	0.54	0.38	0.48	11.86	81.82	4.54	4.31	3.14	3.90		0.57		
Female	50-60	65	0.53	1.45	0.23	0.23	0.21	0.24	7.65	21.53	3.41	3.38	3.07	3.51		0.42		
Female	50-60	75	0.12	0.25	0.07	0.08	0.08	0.08	4.54	12.93	2.82	2.85	2.73	2.89		0.37		
Female	50-60	85	0.01	0.04	0.01	0.01	0.01	0.01	2.60	7.94	2.00	2.04	2.08	2.09		0.24		
Female	60-70	55	3.57	18.78	0.79	0.77	0.43	0.57	21.21	114.15	4.63	4.59	2.52	3.34		0.52		
Female	60-70	65	1.23	1.56	0.29	0.29	0.19	0.25	12.99	17.34	3.11	3.12	1.99	2.65		0.39		
Female	60-70	75	0.25	0.29	0.09	0.09	0.06	0.09	6.55	9.15	2.54	2.53	1.77	2.30		0.47		
Female	60-70	85	0.02	0.06	0.01	0.01	0.01	0.01	3.11	8.14	1.95	1.95	1.81	1.97		0.44		
Female	70-80	55	5.38	3.32	1.36	1.19	0.99	1.08	24.14	15.00	5.99	5.29	4.53	4.93		0.57		
Female	70-80	65	2.33	2.18	0.49	0.48	0.37	0.42	16.87	15.72	3.53	3.48	2.70	3.06		0.37		
Female	70-80	75	0.67	0.56	0.16	0.15	0.11	0.13	10.10	8.25	2.56	2.35	1.75	2.14		0.29		
Female	70-80	85	0.09	0.10	0.03	0.03	0.02	0.03	4.78	7.20	1.70	1.72	1.34	1.57		0.22		
Female	80-90	55	8.08	23.67	1.90	1.61	0.96	1.17	28.64	81.77	6.86	5.81	3.50	4.22		0.56		
Female	80-90	65	3.78	4.71	0.91	0.89	0.64	0.74	20.07	25.14	4.91	4.79	3.45	3.95		0.37		
Female	80-90	75	1.42	2.11	0.34	0.27	0.20	0.27	13.80	20.10	3.35	2.72	2.04	2.60		0.25		

Female	80-90	85	0.26	0.16	0.09	0.08	0.06	0.08	7.43	4.46	2.54	2.37	1.67	2.33	0.26	0.29
Male	40-50	55	0.71	3.47	0.26	0.24	0.20	0.24	8.26	45.83	3.27	3.07	2.59	3.01	0.45	0.70
Male	40-50	65	0.22	0.62	0.10	0.09	0.09	0.10	5.24	15.58	2.57	2.56	2.47	2.73	0.35	0.48
Male	40-50	75	0.04	0.09	0.02	0.02	0.02	0.02	3.05	7.71	2.05	2.04	1.89	2.12	0.29	0.37
Male	40-50	85	0.00	0.02	0.00	0.00	0.00	0.00	1.73	9.38	1.58	1.60	1.53	1.58	0.23	0.26
Male	50-60	55	1.49	4.23	0.46	0.43	0.32	0.39	12.30	34.85	4.03	3.80	2.71	3.38	0.47	0.72
Male	50-60	65	0.50	0.99	0.17	0.17	0.13	0.16	8.05	16.32	2.97	2.90	2.25	2.74	0.37	0.51
Male	50-60	75	0.10	0.18	0.05	0.05	0.04	0.05	4.65	9.42	2.56	2.51	2.13	2.51	0.38	0.47
Male	50-60	85	0.01	0.03	0.01	0.01	0.00	0.01	2.53	7.78	1.90	1.91	1.63	1.82	0.27	0.31
Male	60-70	55	2.45	2.76	0.55	0.58	0.47	0.48	15.32	17.23	3.49	3.71	3.00	3.06	0.43	0.66
Male	60-70	65	0.82	0.68	0.21	0.22	0.16	0.18	9.58	8.36	2.52	2.60	1.89	2.17	0.36	0.49
Male	60-70	75	0.17	0.20	0.06	0.06	0.05	0.06	5.43	7.20	2.07	2.12	1.63	1.92	0.32	0.39
Male	60-70	85	0.02	0.03	0.01	0.01	0.01	0.01	2.74	6.19	1.71	1.74	1.60	1.66	0.28	0.31
Male	70-80	55	5.34	3.02	1.30	1.06	0.66	0.77	24.10	13.85	6.00	4.95	3.17	3.62	0.43	0.64
Male	70-80	65	2.19	1.30	0.51	0.46	0.36	0.40	16.35	9.65	3.83	3.59	2.79	3.06	0.29	0.39
Male	70-80	75	0.66	0.53	0.16	0.13	0.11	0.13	10.44	8.39	2.66	2.23	1.81	2.09	0.22	0.28
Male	70-80	85	0.09	0.06	0.03	0.03	0.02	0.03	5.22	4.47	1.88	1.80	1.21	1.72	0.20	0.23
Total	40-50	55	11.01	9.56	1.91	1.75	0.65	1.00	41.98	36.36	7.34	6.73	2.48	3.82	0.49	0.72
Total	40-50	65	4.30	1.54	0.51	0.37	0.27	0.51	25.39	9.18	2.96	2.18	1.58	2.95	0.38	0.51
Total	40-50	75	1.06	1.97	0.33	0.25	0.19	0.22	12.10	21.67	3.82	2.90	2.24	2.51	0.17	0.21
Total	40-50	85	0.19	0.09	0.06	0.05	0.03	0.05	7.12	3.48	2.13	1.86	1.21	1.77	0.16	0.19
Total	50-60	55	0.72	4.80	0.33	0.31	0.32	0.34	8.09	57.95	3.83	3.76	3.89	4.02	0.52	0.79
Total	50-60	65	0.22	0.65	0.13	0.13	0.18	0.18	4.93	15.28	3.13	3.15	4.10	4.07	0.38	0.53
Total	50-60	75	0.05	0.09	0.03	0.03	0.03	0.03	3.05	6.24	2.24	2.27	2.14	2.28	0.32	0.40
Total	50-60	85	0.01	0.02	0.01	0.01	0.01	0.01	1.88	8.65	1.77	1.80	1.89	1.83	0.24	0.27
Total	60-70	55	1.47	5.74	0.48	0.45	0.30	0.39	11.81	47.86	4.00	3.78	2.53	3.26	0.47	0.72
Total	60-70	65	0.50	1.16	0.18	0.17	0.13	0.16	7.58	17.95	2.80	2.74	2.01	2.56	0.35	0.49

Окончание табл. 2

Sex	e ₀ range	a	RMSE in e ₀ by method (years)				Percentage RMSE in e, by method (percent)				RMSE in the mean pop. age, years		RMSE in the mean pop. age, percent			
			Classical	Extrapol.	H.-C.	H.-C. (hmd)	Mitra (regr.)	Mitra (regr.)	H.-C. (hmd)	H.-C.	Mitra (regr.)	Mitra (regr.)	RMSE in the mean pop. age, years	RMSE in the mean pop. age, percent		
Total	60-70	75	0.10	0.16	0.05	0.05	0.05	0.06	0.06	4.26	7.56	2.40	2.22	2.43	0.33	0.41
Total	60-70	85	0.01	0.03	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	2.31	6.72	1.58	1.60	1.58	0.22	0.25
Total	70-80	55	3.12	3.93	0.66	0.62	0.48	0.54	0.54	18.72	25.25	4.01	3.79	2.96	0.49	0.74
Total	70-80	65	1.08	0.94	0.25	0.25	0.18	0.22	0.22	11.69	10.59	2.78	2.79	2.02	0.36	0.49
Total	70-80	75	0.23	0.23	0.08	0.08	0.06	0.07	0.07	6.32	6.88	2.35	2.36	1.81	0.39	0.48
Total	70-80	85	0.02	0.04	0.01	0.01	0.01	0.01	0.01	2.87	6.50	1.76	1.79	1.77	0.35	0.39
Total	80-90	55	4.54	2.52	1.21	1.06	0.77	0.82	0.82	20.94	11.87	5.47	4.87	3.72	0.48	0.71
Total	80-90	65	1.95	1.25	0.45	0.44	0.34	0.37	0.37	14.76	9.39	3.40	3.31	2.56	0.34	0.45
Total	80-90	75	0.59	0.53	0.15	0.13	0.10	0.12	0.12	9.36	8.21	2.40	2.15	1.63	0.25	0.31
Total	80-90	85	0.08	0.07	0.03	0.03	0.02	0.03	0.03	4.76	4.88	1.66	1.65	1.18	0.21	0.24

Notes: e₀ = life expectancy at birth; a = starting age of the open age interval; "Classical" = classical life table method; "Extrapol." = extrapolation of the death rates using the Gompertz model; "H.-C." = Horiuchi-Coale formula; "H.-C. (hmd)" = Horiuchi-Coale formula with the Beta parameter re-estimated on the HMD data; "Mitra" = Mitra formula; "Mitra (regr.)" = Mitra formula with the mean population age in the open age interval substituted from the indirect estimate (5); "RMSE" = root-mean squared estimation errors; "Percentage RMSE" = root-mean squared estimation errors as percent of true values "mean pop. age" = mean population age in the open age interval indirectly estimated using model (5).

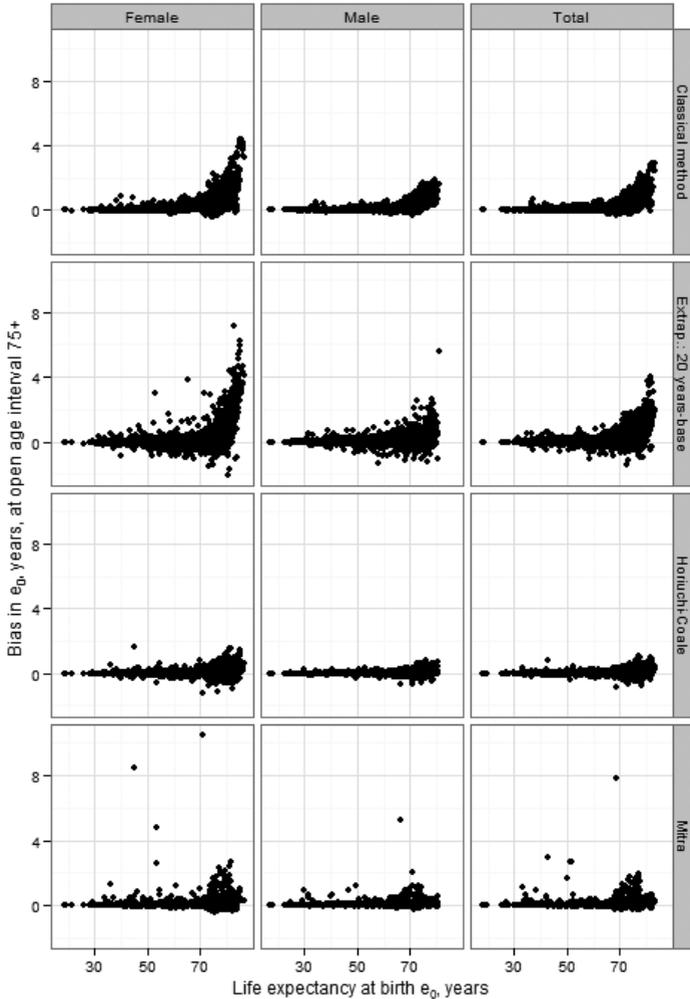

Figure 3. Estimation errors in life expectancy at birth obtained by selected methods (methods indicated in the right-hand side of the panes) for the open age interval 75+, men, women and both sexes combined (in years). Author's calculations based on the Human Mortality Database (HMD 2016)

The extrapolation method, surprisingly, does not improve over the classical method in terms of bias and is rather unstable. It shows higher RMSEs as compared to the classical life table method and is by far less accurate than both the Horiuchi-Coale and Mitra approaches. Note that we used the Gompertz model that assumes exponential growth of the death rates as a function of age. If we used a more optimistic logistic-type model (e.g., the Kannisto model

(Thatcher et al. 1998) fits better the pattern of mortality deceleration at oldest old age and is used by the WHO and the HMD), the upward biases in life expectancy estimates would be even higher (selected results for the Kannisto model are presented in section 3).

3. Reconciling Horiuchi-Coale and Mitra formulas: Conditioned extrapolation of death rates

Our above results show that both the Horiuchi-Coale and Mitra formulas perform well in reducing life expectancy estimation errors caused by aggregating data for the open age interval. The Mitra method is marginally more accurate but less stable. Its reliance on the possibly exaggerated mean population age may be overcome by using the indirect estimates of the mean age (5). Both methods are by far superior to the classical and the extrapolation methods. It is a pity that the two methods did not make it to a wider practical use and rather surprising that their authors came to contradicting results in their papers.

It is worthwhile to note, however, that a large part of numerical differences between Horiuchi-Coale and Mitra were, in fact, due to different inputs used in their calculations rather than methodological differences. In particular, the largest discrepancy in the original papers was for e_{65} for El Salvador in 1961: Mitra's estimates were larger by 3.12 years for women and 3.02 years for men. When we recalculated the life expectancies using similar inputs in both approaches (Mitra 1984, pp.11–12), we found that the two approaches are more consistent: Mitra's formula gives estimates by 1.69 and 1.27 years larger, respectively. After our recalculation, the estimates become much closer also for Canada, Japan, Switzerland, UK, Mexico, and Malaysia. Altogether, the two methods differ by more than one year in only two cases, El Salvador and Puerto Rico, out of 13. If one takes into account that the Mitra method was relying on potentially biased official estimates of the mean population age in the open age interval, it becomes clear that the authors were more consistent than they concluded.

One way of utilising both approaches might be to use the Horiuchi-Coale method to adjust the conventional life expectancy estimates as a first step and, in the second step, use the Mitra formula to obtain the estimate of the mean population age in the open age interval (deriving from Eq. (3)):

$$\bar{x} = a + \frac{1 + \frac{M_{a+}}{r} \ln(e_a M_{a+})}{M_{a+} + r} . \quad (6)$$

Here, life expectancy e_a may be substituted by the Horiuchi-Coale estimate (2). This way, it might be possible not only to compensate the estimates of life expectancy for biases caused by data aggregation but also to assess the magnitude

of age exaggeration in the data (an approach alternative to our estimate (5)). Testing model (6) on HMD data (detailed results not shown here), we found that the method is inferior to the regression method (5). RMSEs of estimates (6) were, in principle, acceptably low (shorter than one year) but much higher (by up to several times) as compared to the RMSE of the regression approach. Nonetheless, one should be encouraged to check, which approach of assessing the mean age is better fitted to a specific country case.

Another way of combining the two approaches might be to implement them in parallel (substituting the indirectly estimated mean age (5) into the Mitra formula) and use the difference between the two estimates in a rough check for possible outliers.

Our results show that the extrapolation of death rates using a mortality model does not improve much over the classical model in terms of the life expectancy estimation bias. However, one may combine the more accurate adjusted estimates of life expectancy e_a with the extrapolation model by constraining the parameters of the latter to fit the life expectancy estimate. For the Gompertz and Kannisto models that contain only two parameters, we suggest fixing the model's death rate to the original death rate at the age below the open age interval, M_{a-1} , and finding the other parameter of the model by fitting them to the life expectancy e_a from either the Horiuchi-Coale or Mitra formulas. In the Gompertz model,

$$M_x = Ce^{b(x-a+1)}, \quad (7)$$

one might set $C = M_{a-1}$ and fit b to the e_a estimate; while in the Kannisto model,

$$M_x = \frac{Ce^{b(x-a+1)}}{1 + Ce^{b(x-a+1)}}, \quad (8)$$

one would set $C = \frac{M_{a-1}}{1 - M_{a-1}}$ and fit b to the e_a estimate. In Figure 4 we present extrapolations (conventional and conditioned on e_a from the Horiuchi-Coale method) applying the two mortality models to the death rates in Japan in 2012, at selected open age intervals ($a = 65, 75, \text{ or } 85$ years). In all cases the constrained extrapolations fit the actual death rates better than the unconstrained ones, although the improvement was small in the case of males, open age interval 65+. In the worst case (females, younger open age interval), the conventional extrapolations may mislead producing the death rates by up to ten times lower than the actual rates at old age. Generally, the Kannisto model fits the age pattern of the death rates better than the Gompertz model, although the two models behave rather similar at younger ages. At open age interval starting at least at 75 years, the Kannisto model conditioned on the life expectancy estimate produces the best outcomes, staying very close to the empirical rates.

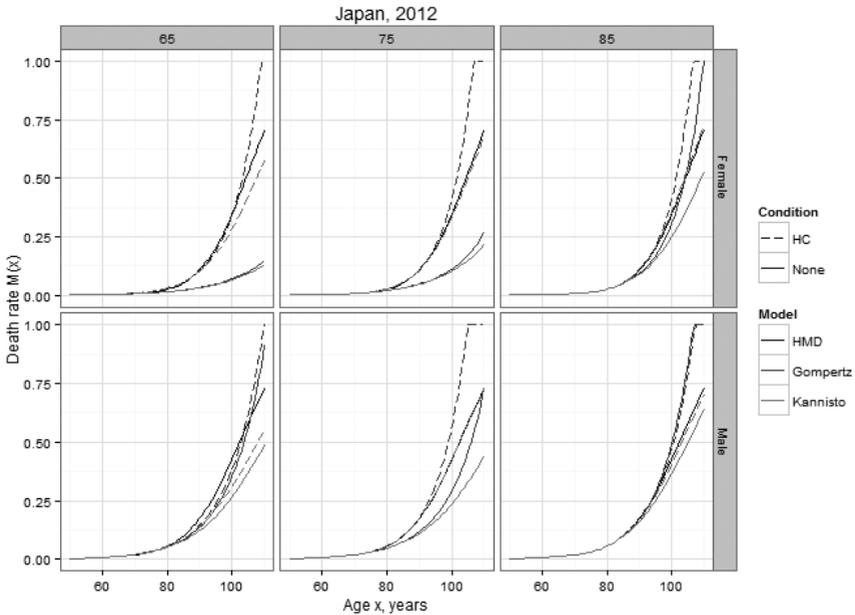

Figure 4. Constrained and unconstrained extrapolations of the death rates for Japan, 2012, men and women, at various ages at the start of the extrapolation ($a = 65, 75,$ or 85 years as shown in the upper parts of the panels). ‘HC’ = extrapolation constrained on the life expectancy e_a from the Horiuchi-Coale method; ‘None’ = no constraints imposed (model parameters are estimated on the death rates for 20-years-long age frame below age a); ‘HMD’ = original death rates from the Human Mortality Database (HMD 2016); ‘Gompertz’ = death rates extrapolated using the Gompertz model at ages $a+$; ‘Kannisto’ = death rates extrapolated using the Kannisto model at ages $a+$

4. Discussion

Our results show that the violation of the stationary population assumption of the classical life table method has strong consequences for the accuracy of life expectancy estimates. The errors in the classical method increase as mortality declines. For a currently low-mortality population, closing the life table at age 65 would produce an HMD-average upward bias of more than 3 years and even larger RMSEs in the life expectancy at birth calculated by the classical method. Continuing increases in life expectancy will drive the biases of the classical method to even higher levels.

The methods developed by Horiuchi-Coale and Mitra drastically reduce estimation errors in the expectation of life as compared to both the classical and the extrapolation methods. Wider usage of these methods should be encouraged for populations where data on old-age mortality are missing (for example, due to small population size) or corrupt by age exaggeration or age misreporting in general. The methods may also be combined to study the extent of age exaggeration within data, although our alternative (5) seems to provide a better service.

The Horiuchi-Coale and Mitra adjustments appear to be less sensitive to the specific features of the pattern of death rates at old age. We have checked the sensitivity of the methods by applying them to the raw death rates in the HMD that were not modified using a logistic model (according to the HMD protocol, the HMD death rates used in our calculations above are smoothed and modified at old age by applying a logistic model). Our results based on the raw death rates were similar to those based on the smoothed rates from HMD. In the context of sensitivity, the good performance of the Horiuchi-Coale method (with parameters estimated on Gompertz mortality schedules back in the 1980s) on the up-to-date empirical data is worthwhile noting. Departures from a stationary population age composition is the main driver of estimation biases and differences between the estimates of life expectancy. This does not come as a big surprise if one takes into account that for a stationary population, irrespective of the age pattern of mortality, both the classical and the adjusted life expectancies are identical and equal to the true life expectancy.

The lack of usage of the Horiuchi-Coale and Mitra methods in demographic analysis is even more surprising and upsetting if one notes their perfect fit to a number of popular indirect demographic methods. The Brass Growth Balance method, the Preston and Coale method, the Hill Generalized Growth Balance method, and the Bennett and Horiuchi Synthetic Extinct Generations method, all involve estimates of the population growth rate (Nations 1983; Moultrie et al. 2013). These methods provide ready inputs for the Horiuchi-Coale and Mitra formulas.

The method of extrapolating the death rates into the open age interval does not appear to work better than the classical method. The WHO and the HMD use an S-shaped model for extrapolating the death rates as alternative to the J-shaped Gompertz model used here. Indeed, logistic-type models were shown to better fit the deceleration of mortality at oldest old ages (Thatcher et al. 1998; Missov et al. 2016). However, our results for the younger open age intervals where all mortality models fit close to each other, suggest that the conclusion about the inferiority of extrapolation to the Horiuchi-Coale and Mitra methods is in general applicable to any mortality models other than the Gompertz model. In fact, a logistic-type model might even accentuate the upward biases in life expectancy estimates. In many applications, however, it is important to extend the age profile of the death rates into the open age interval. Although our results discourage from using the popular extrapolations, we suggest to improve those extrapolations by conditioning the life expectancy form on the more accurate Horiuchi-Coale and Mitra methods. Our preliminary results indicate prominence of the Kannisto model conditioned on the life expectancy estimate. Such improved extrapolations of the death rates into the older ages may be valuable for population projections and reconstructions.

As an important consequence of the discrepancy between death rate and life expectancy for the open age interval, the traditional approach of projecting the population in the open age interval (Preston et al. 2001) may lead to overestimates by dozens of percent of deaths in the open age interval. The adjustment formulas considered here as well as related conditioned extrapolations of the death rates may be used to compensate for this projection bias.

One may further improve life expectancy estimates by fitting the models on populations with closer history of growth and mortality reduction (e.g., of regions of a given country). Another direction of improvement might be considering population models more advanced than the stable population. For example, one may consider effects of the changing growth rate and mortality on the population age composition (Brouard 1986; Horiuchi & Preston 1988; Guillot 2003; Ediev 2014).

Life expectancy adjustments and conditioned mortality extrapolations may be useful in estimating multi-state life tables that would, typically, suffer from data quality issues. Another promising area for application might be the construction of life tables for cohorts that may depart from stationary age composition in the presence of migration, state transitions or other types of attrition. Indeed, growth rate and stable population concepts may not be directly applied to the birth cohort. Therefore, the Horiuchi-Coale method would be difficult to use in estimating the cohort life tables. However, one may consider using the Mitra formula where the growth parameter r is substituted by its approximation based on the observed death rate and the mean population age in the open age interval (an approach similar to Eq. (5)).

References

1. Brouard N. 1986. Structure et dynamique des populations. La pyramide des années à vivre, aspects nationaux et exemples régionaux. *Espace, Populations, Sociétés* 4(2): 157–168.
2. Coale A. J. 1985. Estimating the expectation of life at old ages: Comments on the article by Mitra. *Population Studies* 39(3): 507–509.
3. Doray L. G. 2008. *Inference for Logistic-type Models for the Force of Mortality*. Paper presented at the Living to 100 Symposium, January 7–9, 2008, Orlando, Fla. (USA): Society of Actuaries.
4. Ediev D. M. 2014. Why increasing longevity may favour a PAYG pension system over a funded system. *Population Studies* 68(1): 95–110.
5. Gompertz B. 1825. On the nature of the function expressive of the law of human mortality, and on a new mode of determining the value of life contingencies. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London* 115: 513–583.
6. Guillot M. 2003. The cross-sectional average length of life (CAL): A cross-sectional mortality measure that reflects the experience of cohorts. *Population Studies* 57(1): 41–54.
7. HMD. 2016. *Human Mortality Database*. Online database. University of California, Berkeley (USA), and Max Planck Institute for Demographic Research (Germany). <http://www.mortality.org/>

8. Horiuchi S. et al. 2003. Differential patterns of age-related mortality increase in middle age and old age. *Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences* 58(6): 495–507.
9. Horiuchi S. 1997. Postmenopausal acceleration of age-related mortality increase. *Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences* 52(1): B78–92.
10. Horiuchi S. and A. J. Coale. 1982. A Simple Equation for Estimating the Expectation of Life at Old Ages. *Population Studies* 36(2): 317.
11. Horiuchi S. and S. H. Preston. 1988. Age-Specific Growth Rates: The Legacy of Past Population Dynamics. *Demography* 25(3): 429.
12. Horiuchi S. and J. R. Wilmoth. 1998. Deceleration in the age pattern of mortality at older ages. *Demography* 35(4): 391–412.
13. Horiuchi S. and J. R. R. Wilmoth. 1997. Age patterns of the life table aging rate for major causes of death in Japan, 1951–1990. *Journals of Gerontology Series A: Biological Sciences and Medical Sciences* 52(1): B67–77.
14. Khlal M. and Y. Courbage. 1996. Mortality and causes of death of Moroccans in France, 1979–91. *Population* 8: 59–94.
15. Kibele E., R. Scholz, and V. M. Shkolnikov. 2008. Low migrant mortality in Germany for men aged 65 and older: Fact or artifact? *European Journal of Epidemiology* 23(6): 389–393.
16. Mathers C. and J. Ho. 2014. *WHO Methods for Life Expectancy and Healthy Life Expectancy*. Geneva, Switzerland: WHO Department of Health Statistics and Information Systems.
17. Missov T. I., L. Németh, and M. J. Daňko. 2016. How much can we trust life tables? Sensitivity of mortality measures to right-censoring treatment. *Palgrave Communications* 2: 15049.
18. Mitra S. 1984. Estimating the expectation of life at older ages. *Population Studies* 38(2): 313.
19. Mitra S. 1985. On estimating the expectation of life at old ages: Reply to Professor Coale. *Population Studies* 39(3): 511–512.
20. Moultrie T. et al. 2013. *Tools for Demographic Estimation*. Paris, France: International Union for the Scientific Study of Population.
21. Oeppen J. and J. W. Vaupel. 2002. Demography. Broken limits to life expectancy. *Science* 296(5570): 1029–1031.
22. Preston S. H. et al. 1996. African-American mortality at older ages: results of a matching study. *Demography* 33(2): 193–209.
23. Preston S. H., P. Heuveline, and M. Guillot. 2001. *Demography: Measuring and Modeling Population Processes*. Oxford, UK: Blackwell Publishers.
24. Randall S., E. Coast. 2016. The quality of demographic data on older Africans. *Demographic Research* 34: 143–174.
25. Scherbov S., D. Ediev. 2011. Significance of life table estimates for small populations: Simulation-based study of standard errors. *Demographic Research* 24: 527–550.
26. Thatcher A. R., V. Kannisto, and J. W. Vaupel. 1998. *The Force of Mortality at Ages 80–120. Monographs on Population Aging*. Odense, Denmark: Odense University Press.
27. United Nations. 1982. *Model Life Tables for Developing Countries*. Population Studies 77. New York, USA: United Nations Department of International Economic and Social Affairs.

28. United Nations. 1983. *Manual X: Indirect Techniques for Demographic Estimation*. Population Studies 81. New York, USA: United Nations Department of International Economic and Social Affairs.
29. White K. M. 2002. Longevity advances in high-income countries, 1955–96. *Population and Development Review* 28(1): 59–76.
30. Wilmoth J. R. et al. 2007. Methods Protocol for the Human Mortality Database. <http://www.mortality.org/Public/Docs/MethodsProtocol.pdf>

*Umesi Love Ugonna,
Masters Student of Population and Development
National Research University —
Higher School of Economics,
(Moscow)*

Effect of maternal micronutrients supplementation on infant mortality in Nigeria: using 2013 Nigeria demographic and health survey (NDHS) data

Key words: infant mortality, Nigeria, maternal micronutrients supplementation
JEL code: J13

Abstract

Background: This paper describes a study carried out to evaluate the combined role of maternal iron and vitamin A supplements taken by mothers during pregnancy and within two months after delivery on infant mortality. The main objective of this research is to find out some of the factors that influence infant mortality in Nigeria. More specifically, it brought out the direct effect of maternal micronutrients intake on infants. The results from this research are expected to provide information for policy makers and project implementers to enhance health care delivery to maternal mothers in Nigeria.

The high rate of infant mortality is a growing concern for Programmers and the Government of Nigeria. It is common knowledge that more than six million children die each year before age five and despite determined global progress, an increasing proportion of such deaths are in sub-Saharan Africa and Southern Asia. From the 2013 Nigeria Demographic and Health Survey report, Infant mortality rate in the past five years is 69 deaths per 1,000 live births. At this mortality level, one in every 15 Nigerian children are most likely to die before getting to age one.

Infant mortality estimates from the 1990 NDHS and 1999 NDHS were 87 and 75 deaths per 1,000 live births respectively. In the 2003 NDHS, infant mortality rate went up to 100 deaths per 1,000 live births. The infant mortality rate of 87 deaths per 1,000 live births from 1990 NDHS is clearly less than 100 deaths per 1,000 live births from 2003 NDHS, an indication of the worsening health state of the country during the 1990s.

In the Government's efforts to meet with the Millennium Development Goals, measures were set up to reduce infant mortality in the country, the rates reduced from 100 deaths in 2003 to 75 deaths in 2008 and then further down to 69 deaths per 1000 live births from the last one held in 2013. Also comparative analysis of 2013 NDHS reveal that North Central zone has 66 deaths per 1000 live births, while North East, North West, South East, South South and South West have infant mortality rates of 77, 89, 82, 58, and 61 deaths per 1000 live births respectively.

Infant mortality is a demanding demographic, health and development topic for a number of reasons.

- a) It is an important factor in the assessment of overall mortality since we have the highest risk of death and proportion of deaths occurring during infancy.
- b) It is one of the dynamics (along with fertility and migration) of population change, it is also used to measure age-sex distribution and the spatial coverage of the population.
- c) Most importantly, we all have rights to life and the extent to which those rights are enjoyed is summarized by measuring trends and differences in infant mortality.

Method: The data used for this analysis was gotten from the 2013 Nigeria Demographic and Health Survey (NDHS). Women numbering 20,467 with a child born in the previous five years, who received iron supplement during her last pregnancy and vitamin A supplement in the initial two months after the birth of her last child were used in the analysis. The outcome variable was information on death of last child born in the last five years. Intake of iron and vitamin A supplements by maternal women, which are the micronutrient indicators studied in the 2013 NDHS were used alongside some socio-demographic characteristics as independent variables for further analysis in a logistic multivariate model.

Conclusion: It was deduced from the findings that intake of micronutrients to the required dosage (i.e. 90 days and above for iron supplement and not less than 45 days for vitamin A) in the NDHS 2013 had strong negative significant impact on infant mortality, an indication that a combined intake of iron supplements during pregnancy and vitamin A within two months of birth (postpartum) are beneficial to the infant. The findings also buttressed that intake of just one micronutrient without the other is not a healthy practice, as it didn't have a significant relationship with infant mortality.

Being that the woman's nutritional status has serious consequences on her health and on that of her children, adequate supplementation with micronutrients will improve her productivity, reduce risk of negative pregnancy outcomes, improve immunity to infections for her and her children while enhancing speedy recovery from illness.

С Е С С И Я 5

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ: ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

*Барсуков В. Н.,
младший научный сотрудник
ИСЭРТ РАН
(Вологда, Россия)*

Факторы и особенности трудовой активности пожилых людей в городской и сельской местности

Аннотация

Старение населения выступает одним из главных демографических вызовов современности. Как процесс оно характеризуется тремя основными аспектами: глобальностью (все регионы мира, включая Африканский континент, «стареют»), необратимостью в условиях суженного воспроизводства населения и множественностью последствий. Каждая из перечисленных характеристик требует учета при формировании политики адаптации социально-экономического развития к последствиям старения населения. В то же время повышение эффективности системы реализации ресурсного потенциала старшего поколения — одна из наиболее важных мер, способствующих поддержанию устойчивого развития в условиях демографического старения, которая, однако, во многом зависит от территориальных особенностей населения. В данной статье представлены результаты исследования факторов и особенностей трудовой активности пожилых людей в городской и сельской местности Вологодской области в контексте изменения возрастной структуры населения.

Ключевые слова: старение населения, пожилые люди, трудовая активность
JEL код: J14

Исследование выполнено при поддержке РГНФ, проект № 16-02-00301/16 «Вторичная социализация пожилых людей как фактор качества жизни: тенденции, проблемы, механизмы».

*Barsukov V. N.,
Junior Research Associate
ISED T RAS
(Vologda, Russian Federation)*

Factors and features of older person working activities in urban and rural areas

Abstract

Population ageing constitutes one of the main demographic challenges. As a process it is characterized by three main aspects: global (all regions of the world including the African continent, "age"), the irreversibility in terms of the narrowed reproduction of the population and the multiplicity of consequences. Each of these characteristics requires consideration in the formation of adaptation policies on socio-economic development to the impacts of population ageing. At the same time, improving the efficiency of the system implementation of the resource potential of the older generation is one of the most important measures that contribute to maintaining sustainable development in the context of demographic ageing, which, however, depends largely on the regional characteristics of the population. This article presents the results of a study of factors and peculiarities of labor activity of elderly people in urban and rural areas of the Vologda region in the context of the changing age structure of the population.

Key words: population aging, elderly, labor activity

JEL code: J14

Введение

Проблема старения населения уже давно перешла из плоскости демографической в плоскость социально-экономическую. Доклады экспертов ООН свидетельствуют о том, что проблема имеет глобальный масштаб и оказывает непосредственное влияние на устойчивое развитие всей планеты [6]. «Стареющие» государства вынуждены вносить коррективы в уже разработанную социально-экономическую политику с учетом потенциальных последствий демографического старения. В условиях суженного воспроизводства населения процесс демографического старения является необратимым, что позволяет с высокой степенью достоверности прогнозировать и оценивать его последствия в кратко- и среднесрочной перспективе. При разработке реформ и корректировке проводимой социально-экономической политики важно учитывать тот факт, что гарантом поддержания темпов экономического роста и благосостояния «стареющих» государств является эффективная реализация ресурсного потенциала старшего поколения [10]. В то же время, несмотря на наличие единых тенденций в развитии процесса старения населения и изменения экономической активности пожилых людей в глобальном масштабе, оба эти явления могут заметно различаться в городской и сельской местности однородных с демографической точки зрения территорий.

Важно понимать, что политика адаптации социально-экономического развития к последствиям старения населения должна учитывать, в числе прочих, региональные особенности, так как меры, приносящие успех на одних территориях, могут стать провальными для других. Таким образом, целью данной статьи стала оценка последствий изменения возрастной структуры населения, а также факторов и особенностей реализации ресурсного потенциала пожилых людей на примере городского и сельского населения Вологодской области. Для достижения указанной цели были поставлены и решены следующие задачи: рассчитан прогноз изменения возрастной структуры населения Вологодской области, и выявлены особенности процесса демографического старения в городской и сельской местности; рассмотрены особенности трудовой активности пожилых людей как главного фактора реализации ресурсного потенциала данной социально-демографической группы в территориальном разрезе (по данным социологического опроса); выделены факторы принятия решения о продолжении трудовой деятельности на пенсии. Делается вывод, что для нивелирования негативных последствий старения населения необходимо создать обоснованную и детально проработанную систему реализации ресурсного потенциала старшего поколения, которая бы учитывала все институциональные, инфраструктурные и демографические особенности территории.

Методология

При составлении прогноза изменения возрастной структуры населения Вологодской области использовался метод передвижки возрастов. С учетом инерционной составляющей демографических процессов было сделано допущение, что основные показатели воспроизводства населения (половозрастная структура рождаемости и смертности) и миграции (половозрастная структура прибывших/выбывших) в регионе будут соответствовать уровню базового 2014 г. на весь период прогнозирования.

Оценка факторов и особенностей трудовой активности пожилых людей в городской и сельской местности производилась на основе анализа данных социологического опроса «Качество жизни пожилых людей в Вологодской области», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г. Опрос осуществлялся методом раздаточного анкетирования. Выборка квотная по полу и возрасту с пропорциональным размещением единиц наблюдения. Объем выборки — 1500 чел. старше 50 лет, ошибка выборки не превышает 5%. Анкета включала в себя восемь блоков вопросов, позволяющих оценить различные аспекты качества жизни пожилых людей, в том числе характеристики трудовой активности данной социально-демографической группы. Опрос проводился в двух крупных городах (Вологда и Череповец), а также в восьми районах Вологодской области. При анализе основных аспектов трудовой активности пожилых людей

мы сделали допущение, что все респонденты, опрошенные в районах области, являются представителями сельских поселений, так как доля городского населения в этой совокупности составляет только 30%, проживающих преимущественно в районных центрах, численность которых не превышает 15–20 тыс. чел.

Результаты исследования

Демографическое старение (увеличение доли пожилых людей в общей численности населения) является одним из главных вызовов современности для большинства развитых и развивающихся стран [9]. В научной литературе по отношению к старению населения часто используются такие термины, как, например, «тихая революция» [3], что подчеркивает неспешность и необратимость кардинальных изменений возрастной структуры. Помимо этого, старение населения рассматривается как один из главных факторов так называемой демографической зимы [5] — депопуляционных процессов в развитых и развивающихся странах в условиях суженного воспроизводства населения. Среди основных характеристик демографического старения (применительно к оценке социально-экономических последствий) выделяют его глобальность, необратимость, множественность последствий.

Правительствам «стареющих» государств необходимо учитывать все три перечисленных аспекта при формировании социально-экономической политики, используя, в том числе, методы прогнозирования. Необратимость старения населения, а также его инерционная составляющая позволяют строить достаточно реалистичные прогнозы на краткой и среднесрочную перспективу. Прогнозирование изменения возрастной структуры населения дает возможность оценить возможные риски экономических и социальных последствий демографического старения.

Россия относится к странам со «старой» возрастной структурой. Снижение рождаемости и смертности привело к тому, что в период с 1926 по 2015 г. доля россиян старше 60 лет увеличилась почти в 3 раза (7 и 20% соответственно). В рейтинге наиболее «старых стран мира» Российская Федерация в 2013 г. занимала 44-е место [2]. Возрастная структура населения Вологодской области с 1992 г. характеризуется очень высоким уровнем демографической старости (доля пожилых превышает 18%). В период с 2006 по 2009 г. этот показатель опустился ниже критической отметки (доля пожилых составила 17,6%), однако с 2010 г. рост возобновился, и, по данным на 2014 г., удельный вес пожилых людей в населении области составляет 20%. Старение населения Вологодской области проходило по характерному для европейской части России сценарию, со схожими трендами и значениями показателей (подробнее см.: [2]), что позволяет считать полученные в ходе исследований данные репрезентативными и экстраполировать их на большинство других регионов России.

Как показали расчеты, возрастная структура населения Вологодской области к 2035 г. претерпит значительные изменения: доля людей пенсионного возраста возрастет на 5% (с 24,2% в 2015 г. до 29,2% в 2035 г.), в то время как удельный вес трудоспособного населения снизится на 4,5% (рис. 1). Доля детей (от 0 до 14 лет) за этот же период сократится на 0,6%.

Рис. 1. Прогноз изменения возрастной структуры населения Вологодской области, %

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сб. / Вологдастат. — Вологда, 2015. — 96 с.; Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. — Вологда, 2015. — 81 с.; расчеты авторов

Как можно увидеть из рис. 1, доля трудоспособного населения будет уменьшаться примерно до 2025 г., после чего будет наблюдаться незначительный прирост в этой социально-демографической группе. Подобные изменения вызваны вступлением в трудоспособный возраст относительно многочисленных поколений детей, рожденных во второй половине 2000-х гг. Однако этого недостаточного для того, чтобы уменьшить темпы демографического старения: доля пожилых людей на протяжении всего рассматриваемого периода продолжит расти.

Важно понимать, что процесс трансформации возрастной структуры населения может быть территориально дифференцирован даже в таких относительно однородных с демографической точки зрения регионах, как Вологодская область. Как показал прогноз, изменение демографического баланса основных групп населения существенным образом будет отличаться в городской и сельской местности. В крупных городах (Вологда и Череповец) и районных центрах процесс старения будет проходить умеренными темпами (доля пожилых людей увеличится к 2035 г. на 3%), в то время как доля детей в возрасте от 0 до 14 лет сохранится примерно на том же уровне (рис. 2), что в перспективе будет способствовать сохранению демографического баланса на этих территориях.

Рис. 2. Прогноз изменения возрастной структуры городского населения Вологодской области, %

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сб. / Вологдастат. — Вологда, 2015. — 96 с.; Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. — Вологда, 2015. — 81 с.; расчеты авторов

Что касается сельских территорий Вологодской области, то здесь ситуация обстоит значительно хуже. При сохранении существующих тенденций доля пожилых людей в сельских поселениях увеличится к 2035 г. до 42% (прирост более чем на 13% за 20 лет), в то время как удельный вес трудоспособного населения снизится до 44% (рис. 3).

Рис. 3. Прогноз изменения возрастной структуры сельского населения Вологодской области, %

Источники: Возрастно-половой состав населения Вологодской области в 2014 году: стат. сб. / Вологдастат. — Вологда, 2015. — 96 с.; Демографический ежегодник Вологодской области: стат. сб. / Вологдастат. — Вологда, 2015. — 81 с.; расчеты авторов

Одним из наиболее эффективных (с точки зрения обеспечения благоприятного финансового эффекта в краткосрочной перспективе) инструментов нивелирования последствий демографического старения выступает реформа повышения пенсионного возраста. Однако ее проведение с большой долей вероятности повлечет за собой множество негативных демографических последствий (например, ухудшение здоровья населения старших возрастов, рост инвалидности [1; 7]), в связи с чем можно утверждать, что на текущий момент «фундамент» для данной реформы в нашей стране еще не подготовлен. Тем не менее, как показывает опыт «стареющих» государств, увеличение возраста выхода на пенсию — мера неминуемая. В связи с этим необходимо стимулирование занятости населения старших возрастов при текущем уровне возраста выхода на пенсию, что позволит постепенно подготовить население и рынок труда к данной реформе. Однако и в этом случае существует ряд очень важных проблем. Во-первых, необходимо выяснить потребности и готовность пожилых людей трудиться после выхода на пенсию. Во-вторых, возможности и мотивация пенсионеров к продолжению трудовой деятельности могут существенно различаться в зависимости от места проживания, социальной среды и институциональных возможностей территории обеспечить пенсионеров рабочими местами.

Данные социологического опроса свидетельствуют, что пожилые люди в крупных городах более склонны к продолжению трудовой деятельности на пенсии, чем в районах области (53,5 и 37,5% соответственно; табл. 1). Причины, по которым пенсионеры продолжают трудиться, также заметно отличаются: если на селе единственно значимым мотивом является потребность в заработке (83,5%; в то время как в городах — 78%), то среди горожан каждый четвертый (25%) отмечал значимость такого фактора, как потребность в общении.

Таблица 1

**Распределение ответов на вопрос
«После выхода на пенсию Вы продолжили работать?», %**

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Да	61,9	45,2	37,5	45,1
Нет	37,7	53,7	62,3	54,4
Нет ответа	0,4	1,1	0,2	0,5

Источник: здесь и далее, если не указано иное: данные опроса «Качество жизни пожилых людей», проведенного ИСЭРТ РАН в 2015 г. Объем выборки — 1500 чел. в возрасте 50 лет и старше.

В рамках исследования было выявлено, что средняя ожидаемая продолжительность работы на пенсии (с учетом планов на продолжение трудовой деятельности пенсионеров, работавших на момент опроса)

составляет порядка 5,6 года для жителей крупных городов и 5,3 года для представителей сельской местности.

Согласно полученным данным, каждый пятый пенсионер (21%) в области готов приступить к посильной работе, если ему поступит предложение. Причем доля таких людей в городах выше, чем в сельской местности (25 и 18% соответственно). Также важно отметить, что городские жители в большей степени заинтересованы в повышении своих профессиональных навыков.

Наиболее изученной является взаимосвязь трудовой активности пожилых людей с удовлетворенностью состоянием здоровья и уровнем образования [6; 14]. Результаты опроса свидетельствуют, что жители городов в большей степени удовлетворены состоянием своего здоровья (табл. 2). Доля пожилых людей с высшим образованием среди городского населения существенно выше, чем на селе (25 и 11% соответственно), что в целом объясняет более высокую трудовую активность пенсионеров в городах.

Таблица 2

**Распределение ответов на вопрос:
«Как бы Вы оценили состояние своего здоровья?», %**

Вариант ответа	Вологда	Череповец	Районы	Область
Отличное	3,1	2,8	0,3	1,5
Хорошее	21,5	24,6	18,5	20,7
Посредственное	50,1	54,1	55,0	53,7
Плохое	21,8	15,2	14,4	16,3
Затрудняюсь ответить	3,4	3,3	11,8	7,8

Оценивая ресурсный потенциал старшего поколения в будущем, важно понять, как настроены на продолжение трудовой деятельности граждане предпенсионного возраста (женщины 50–54 лет, мужчины 55–59 лет). 11% этой части населения в районах области не планируют оформлять пенсию сразу по достижении пенсионного возраста, в городах доля таких людей составляет порядка 34%. В то же время лишь каждый четвертый (27%) сельский житель предпенсионного возраста планирует трудиться после выхода на пенсию (в городе доля таких людей составляет порядка 45%).

Проведенный анализ и результаты других научных исследований [4; 8], позволяют выделить основные факторы, оказывающие влияние на решение о продолжении трудовой деятельности в пенсионном возрасте, а также их примерную последовательность (рис. 4). На индивидуальном уровне первичным фактором выступает состояние здоровья пожилого человека («Могу ли я сделать это физически?»). Далее последовательно оцениваются профессиональные компетенции («Умею ли я это делать?»), установки и мотивация («Для чего мне это нужно?») и непосредственно условия труда («Устраивает ли меня эта работа?»). Также существенное влияние

на продолжение трудовой деятельности пожилым человеком оказывают его ближайшее окружение (семья и друзья) и общественное восприятие.

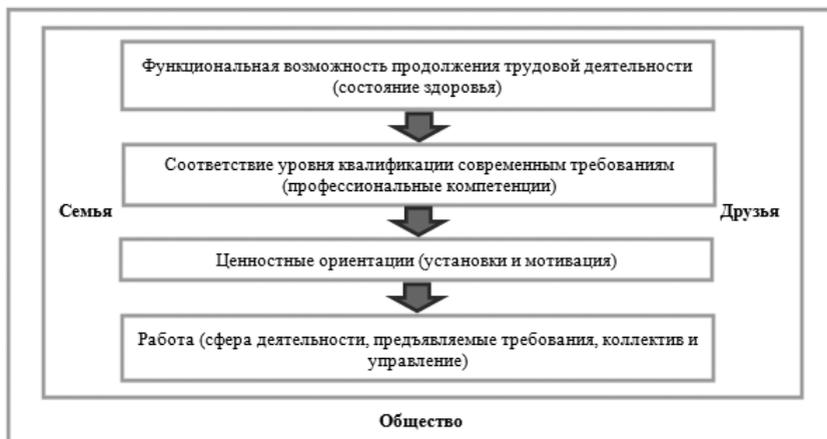

Рис. 4. Факторы, оказывающие влияние на принятие индивидом решения о продолжении трудовой деятельности на пенсии
 Источник: составлено автором

Можно констатировать, что представители старшего поколения, проживающие в городах, ведут себя значительно активнее на рынке труда. Связано это не только с индивидуальными характеристиками (состояние здоровья и уровень образования), но и с образом жизни пенсионеров в городе и на селе и многими другими социально-экономическими параметрами (разный уровень цен; комфортность проживания; наличие или отсутствие тех или иных товаров и услуг).

Заключение

Как показывает проведенное исследование, систематизация и классификация факторов трудовой активности, понимание психологии и мотивационной составляющей пожилых людей после выхода на пенсию позволяют получить более полное представление о мерах и направлениях по реализации ресурсного потенциала населения «третьего» возраста. Необходимо введение на федеральном и муниципальном уровнях программ здоровьесберегающего и самосохранительного поведения населения в целом, что потенциально может улучшить состояние здоровья в старших возрастах. Следует уделять больше внимания повышению квалификации сотрудников на протяжении всего периода трудовой деятельности, что упростит адаптацию к инновациям и нововведениям на поздних этапах карьеры. Требуется стимулировать работодателей и бизнес-структуры проводить более активную политику по совершенство-

ванию условий труда для представителей старшего поколения (гибкий график работы, создание адаптированных рабочих мест). При этом выявленные особенности в разнице трудового поведения пожилых людей в городе и селе должны учитываться при разработке политики по стимулированию занятости населения пенсионного возраста. Важно учитывать все прогнозируемые риски, связанные с трансформацией возрастной структуры населения. Это позволит нивелировать негативные последствия демографического старения и создать условия для поддержания устойчивого социально-экономического развития.

Литература

1. *Аганбегян А. Г.* О продолжительности здоровой жизни в пенсионном возрасте // ЭКО. — 2015. — № 9.
 2. *Барсуков В. Н.* Трудовая активность населения пенсионного возраста как фактор социально-экономического развития территории // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 1.
 3. *Вишневецкий А. Г.* Куда ведет демографический переход? // Вестник московской школы гражданского просвещения. — 2014. — № 2–3.
 4. *Даниелян В. А.* Индивидуальные детерминанты пенсионного возраста: обзор исследований // Вестник Института экономики Российской академии наук. — 2016. — № 3.
 5. *Зеликова Ю. А.* Стареющая Европа: демография, политика, социология. — СПб.: Норма, 2014.
 6. Развитие в условиях старения мира. Доклад Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. URL : http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
 7. *Соловьев А. К.* Актуарно-статистические условия регулирования пенсионного возраста в Российской Федерации // Вопросы статистики. — 2015. — № 7.
 8. Старшее поколение и будущее / под науч. ред. Н. М. Римашевской. — М.: Экономическое образование, 2014.
 9. *Шабунова А. А.* Общественное развитие и демографические вызовы // Проблемы развития территории. — 2014. — № 2.
 10. *Lee R.* Population aging, wealth, and economic growth: demographic dividends and public policy. — WESS background paper, 2015.
-
1. *Aganbegyan A. G.* O prodolzhitel'nosti zdorovoj zhizni v pensionnom vozraste // ЕНКО. — 2015. — № 9.
 2. *Barsukov V. N.* Trudovaya aktivnost' naseleniya pensionnogo vozrasta kak faktor social'no-ehkonomicheskogo razvitiya territorii // Ehkonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz. — 2016. — № 1.
 3. *Vishnevskij A. G.* Kuda vedet demograficheskij perekhod? // Vestnik moskovskoj shkoly grazhdanskogo prosveshcheniya. — 2014. — № 2–3.
 4. *Danielyan V. A.* Individual'nye determinanty pensionnogo vozrasta: obzor issledovanij // Vestnik Instituta ehkonomiki Rossijskoj akademii nauk. — 2016. — № 3.

5. *Zelikova Yu. A.* Stareyushchaya Evropa: demografiya, politika, sociologiya. — SPb.: Norma, 2014.
6. Razvitie v usloviyah stareniya mira. Doklad Departamenta po ehkonomicheskim i social'nym voprosam OON. URL: http://www.un.org/en/development/desa/policy/wess/wess_archive/2007wess_ru.pdf
7. *Solov'ev A. K.* Aktuarno-statisticheskie usloviya regulirovaniya pensionnogo vozrasta v Rossijskoj Federacii // Voprosy statistiki. — 2015. — № 7.
8. Starshhee pokolenie i budushchee / pod nauch. red. N. M. Rimashevskoj. — M.: Ehkonomicheskoe obrazovanie, 2014.
9. *Shabunova A. A.* Obshchestvennoe razvitie i demograficheskie vyzovy // Problemy razvitiya territorii. — 2014. — № 2.

Зорина Е. Н.,
научный сотрудник
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
НЦ УрО РАН
(Сыктывкар, Россия)

Изменения возрастной структуры населения Республики Коми и последствия его старения

Аннотация

В статье раскрыта специфика демографического старения северного региона страны, определенная изначально более молодой возрастной структурой населения, низкой продолжительностью жизни и масштабным миграционным оттоком населения на протяжении почти трех десятилетий. Рассмотрены экономические последствия старения населения. Обозначены основные социальные проблемы старости.

Ключевые слова: старение населения, пожилые люди, продолжительность жизни, средний возраст населения, возрастная дискриминация

JEL код: J14

Zorina E. N.,
Researcher
Institute of Socio-Economic and Energy
Problems of the North of the Komi Scientific
Center of the Ural Branch of the RAS
(Syktyvkar, Russia)

Changes in the age structure of the population of the Komi Republic and the consequences of its ageing

Abstract

The demographic aging specificity of the northern region is disclosed in the article. The Komi Republic has a younger age structure of the population, a low life expectancy

and a large-scale migration outflow of the population for almost three decades. Economic consequences of population aging are considered. The main social problems of ageing are identified.

Key words: population ageing, elderly people, life expectancy, average age of the population, age discrimination

JEL code: J14

Современная социально-экономическая ситуация складывается под влиянием ряда факторов, к числу которых следует отнести постарение возрастной структуры населения. Если население России еще в 2002 г. однозначно превысило 20%-ный порог старости, то более молодая возрастная структура населения Республики Коми только в 2016 г., на начало которого, по оценкам Росстата, доля населения старше трудоспособного возраста составила 21,2% [1], позволила отнести его к старым. В то же время республика, почти три десятилетия испытывающая устойчивую миграционную убыль населения, характеризуется значительно более высокими темпами постарения. В период между переписями 1979 и 1989 гг. темп прироста доли населения старше трудоспособного возраста в Республике Коми более чем в два раза превысил показатель по России в целом: соответственно 28,6 и 13,5% [1, 2]. В сельской местности республики доля населения пенсионного возраста (мужчины в возрасте 60 лет и старше и женщины в возрасте 55 лет и старше), которая на начало 2012 г. оценивается в 20,2% [2], уже превышает порог старости.

Следует подчеркнуть, что сельское население Республики Коми традиционно характеризуется повышенным удельным весом лиц моложе и старше трудоспособного возраста и пониженной долей трудоспособного населения. По данным переписи населения 2010 г., за счет миграционного оттока молодежи из сельской местности в городскую заметно уменьшились различия между городом и селом в удельном весе населения старше трудоспособного возраста (разница составляет около 2%). Как правило, в сельской местности доля пожилых людей больше на 4–5%, чем в городской. Так как городское население республики испытывает значительные темпы прироста удельного веса населения старше трудоспособного возраста по причине масштабного миграционного оттока городского населения рабочих возрастов за пределы республики, то в сельской местности этот фактор постарения является не столь действенным. Здесь, наоборот, более значимым фактором, оказывающим влияние на возрастную структуру населения, является повышенная преждевременная смертность, которая сильно сдерживает постарение сельского населения.

Другим показателем демографического старения населения является средний возраст, отражающий динамику рождаемости и динамику

смертности. Так, по данным Росстата, средний возраст населения России в 2016 г. составил 39,6 года, увеличившись по сравнению с 2006 г. на 1,2 года [1]. В Коми средний возраст составил 38,1 года. Однако за последние десять лет он увеличился на 2,5 года [2]. За период с 2000 по 2014 г. уровень рождаемости в республике возрастал, с 2015 г. мы наблюдаем снижение рождаемости. Суммарный коэффициент повысился с 1,12 ребенка на одну женщину в 1999 г. до 2,00 детей в 2015 г. [2]. Средняя продолжительность жизни в целом по России по итогам 2015 г. достигла исторического максимума и составила 71,4 года: у мужчин 65,9 года, у женщин 76,7 года [1]. Произошел резкий скачок продолжительности жизни мужчин. Начиная с 2005 г. они стали жить на семь лет дольше. Следует отметить, что в Коми значительно отстает показатель ожидаемой продолжительности жизни населения, а в 1990-е гг. разрыв с общероссийским уровнем показателя увеличивался до трех лет.

Процесс демографического старения имеет разнообразные аспекты и многочисленные социально-экономические, социально-психологические, медико-социальные, этические и другие последствия. В экономическом плане ускорение темпов постарения населения России не представляет собой особо серьезной угрозы. В настоящее время количественные характеристики трудовых ресурсов в России одни из лучших в мире. Динамика статистических показателей пенсионного обеспечения свидетельствует о повышении уровня жизни пенсионеров. В Коми пенсионное обеспечение населения более существенно, чем в среднем по стране. При этом и в республике, и в стране в целом наблюдается увеличение доли работающих пенсионеров. В 2000-х гг. доля работающих пенсионеров в общей их численности увеличилась в России с 16 до 39% [1], в Республике Коми — с 30 до 55% [2]. Тем не менее для России по-прежнему актуальной проблемой является дискриминация граждан по возрастному признаку не только в трудовой сфере, но и в социально-медицинском обслуживании, в образовании, на бытовом уровне, в семье. В условиях ускорения темпов постарения населения любые практики дискриминационного характера недопустимы в современном цивилизованном обществе. Одним из условий социально-экономического благополучия государства является развитие и использование потенциала населения «третьего» возраста.

Литература

1. Официальный сайт Росстата [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.gks.ru>
2. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Коми [Электронный ресурс]. URL: <http://www.komi.gks.ru>

1. Oficial'nyj sajt Rosstata [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.gks.ru>
2. Oficial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Komi [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.komi.gks.ru>

*Привалова Н. Н.,
канд. экон. наук, доцент
зав. отделом
НИЭИ Минэкономики РБ
(Минск, Беларусь)*

Демографические риски, обусловленные старением населения Беларуси

Аннотация

Основной целью работы является оценка влияния процесса старения населения на социально-экономическое развитие Беларуси до 2030 г., предметом — современные и перспективные тенденции старения населения республики. При проведении исследования использовались методы сравнительного анализа, структурных и территориальных группировок, географической типологии и др.

Проанализированы современные и перспективные тенденции старения населения, оказывающие влияние на социально-экономическое развитие республики. Особое внимание уделено процессу старения сельского населения, показатель старения которого в 1,8 раза выше городского и в 1,5 раза, чем в целом по республике. Выявлены особенности данного процесса на областном уровне, что позволило выделить самые молодые и самые старые регионы страны. Выявлены особенности старения трудоспособного населения Беларуси, в структуре которого увеличивается численность лиц в возрасте старше 55 лет.

Проведенное исследование позволило установить основные вызовы социально-экономическому развитию Беларуси в связи со старением населения, к которым относятся рост расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание, что потребует дополнительных источников финансирования. Особое внимание уделено предложениям по совершенствованию пенсионной системы. В частности, предлагается расширить границу пенсионного возраста (на три года); сократить число оснований для досрочного выхода на пенсию и принять меры для их рационализации, в том числе за счет переквалификации рабочих мест и др.

Область применения — результаты исследования могут быть использованы для обоснования показателей Государственной программы о социальной защите и содействия занятости населения на 2016–2020 гг.; Национальной программы «Здоровье народа и демографическая безопасность» на 2016–2020 гг.; перспектив развития здравоохранения и образования.

Ключевые слова: старение населения, демографический прогноз, нагрузка на трудоспособное население, половозрастная структура, коэффициент старения, средний возраст населения, коэффициент поддержки

JEL коды: J11; J14

*Privalova N. N.,
PhD in economics, associate Professor
Head of the department
Research institute of the Ministry of economy
of the Republic of Belarus
(Minsk, Belarus)*

Demographic risks arising from the ageing of the population of Belarus

Abstract

The main aim of the conducted work is to assess the impact of population ageing on socio-economic development of Belarus up to 2030; the subject of the work is modern and future trends of population ageing of the country. During the conducted research various methods were used such as comparative analysis, structural and territorial groups, geographical typology and others.

The article examines the current and prospective trends in the population ageing which influence socio-economic development of the Republic. Special attention is paid to the process of the population ageing in rural areas of the country, the ageing index of which is 1.8 times higher than urban and 1.5 times than in the whole country. The peculiarities of this process on the regional level were defined, which allowed to identify the youngest and oldest regions of the country. The main features of the working population ageing of Belarus, in which structure the number of persons over the age of 55 years increases are determined.

The conducted research allowed to identify the major challenges of socio-economic development of the Republic due to the population ageing, which include increased spending on pensions, health and social services that will require additional funding sources. Special attention is paid to the proposals for improving the pension system and healthcare in the conditions of the population ageing. In particular, it is proposed to extend the retirement age boundary (over three years); to reduce the number of causes for early retirement and to take measures for their rationalization, including the process of re-certification of jobs and others.

The field of application — the results of the study can be used for indicators substantiating of the State program on social protection and promoting employment for 2016–2020; the National program for the people's health and demographic security for 2016–2020; prospects of the healthcare and education development.

Key words: population ageing, demographic forecast, the load on the working population, sex-age structure, ageing coefficient, the average age of the population, support ratio

JEL codes: J11; J14

Республика Беларусь относится к группе стран, где процесс демографического старения приобрел устойчивую тенденцию. Еще в 50-е гг. XX в. удельный вес лиц старше 65 лет в структуре населения превысил 7%-ный уровень — именно с этого периода население страны, по методологии ООН, признается «стареющим». За прошедшие 65 лет процессы

демографического старения интенсифицировались: в 1990 г. коэффициент старения в целом по республике составлял 10,6%, в 2000 г. — 13,3, в 2015 г. — 14,2% [1, с. 49–51]. Существенные различия в динамике показателя старения наблюдаются в разрезе городской и сельской местности. При этом коэффициент старения сельского населения в 1,8 раза выше городского и в 1,5 раза, чем в целом по республике (рис. 1).

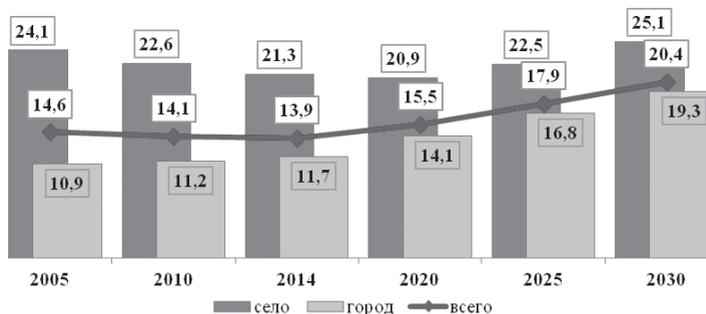

Рис. 1. Динамика коэффициента старения населения Республики Беларусь, в %

Старение населения Беларуси в большей степени характерно для женщин. На начало 2015 г. на долю женщин в возрасте 65 лет и старше приходилось 32,1%, а их коэффициент старения составил 18,1% (мужчин — 9,8%).

Одной из обобщающих характеристик возрастной структуры населения с точки зрения развития процесса старения является показатель среднего возраста населения, который за 2010–2015 гг. увеличился на 1,5 года и составил 40,1 года. Несмотря на более высокий показатель среднего возраста сельского населения (44,5 года), в настоящее время более высокими темпами стареет городское, возраст которого увеличился до 38,8 года [2, с. 37–39].

Как показывают расчеты, в перспективе процесс старения населения будет усиливаться как в целом по республике, так и в городах. В сельской местности некоторое увеличение показателя старения в дальнейшем сменится замедлением его роста. По расчетам, коэффициент старения населения республики в 2020 г. составит 15,5%, в 2030 г. — 20,4%. В городской местности этот показатель достигнет соответственно 19,3%, а в сельской — 25,1%.

Важной характеристикой изменения возрастной структуры населения является динамика показателя демографической нагрузки, т. е. отношения лиц в нетрудоспособных возрастах к численности трудоспособного населения. Если в 1990 г. на 1000 чел. трудоспособного возраста в республике приходилось 790 нетрудоспособных, в 2000 г. — 726, в 2015 г. —

705 чел. [1, с. 75]. В связи с сокращением численности населения трудоспособного возраста и детей демографическая нагрузка в перспективе будет увеличиваться и составит в 2020 г. 814 чел., в 2030 г. — 907 чел. Аналогичные тенденции прогнозируются в динамике нагрузки на трудоспособное население в городской и сельской местности — в течение всего прогнозного периода она будет увеличиваться (рис. 2).

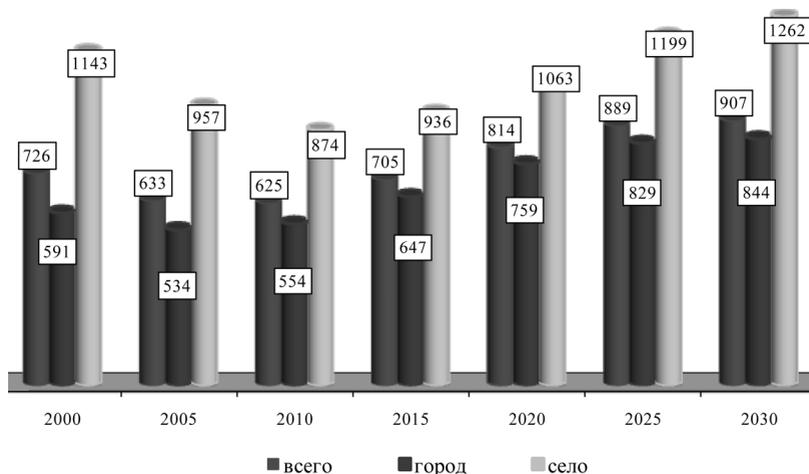

Рис. 2. Динамика коэффициента демографической нагрузки, на 1000 лиц трудоспособного возраста

Наряду с колебаниями общей нагрузки будет наблюдаться разнонаправленное изменение ее структуры: нагрузка детьми снижаться, а пожилыми — возрастать. При этом в сельской местности более 64% нагрузки приходится на лиц пенсионного возраста, в то время как городское население испытывает большую нагрузку за счет детей.

Старение всего населения республики сопровождается постарением его трудоспособной части, в которой увеличивается численность лиц в возрасте старше 55 лет. В перспективе в структуре трудоспособного населения сократится доля молодых возрастов (16–39 лет) и увеличится число лиц в возрасте 45–49 лет (рис. 3). Соответственно растет и средний возраст работающих в стране, который в 2015 г. составил 40,4 года (40,2 года — у женщин, 40,5 года — у мужчин).

В результате трансформации возрастной структуры трудоспособного населения усилится его постарение. Этот процесс идет давно, однако с начала 2000-х гг. он усилился, и в 2015 г. младшая и старшая группы населения в рабочих возрастах почти сравнялись, а затем группа 16–29 лет впервые уступила по численности старшей, и к 2030 г. их соотношение может составить 0,9 (рис. 4).

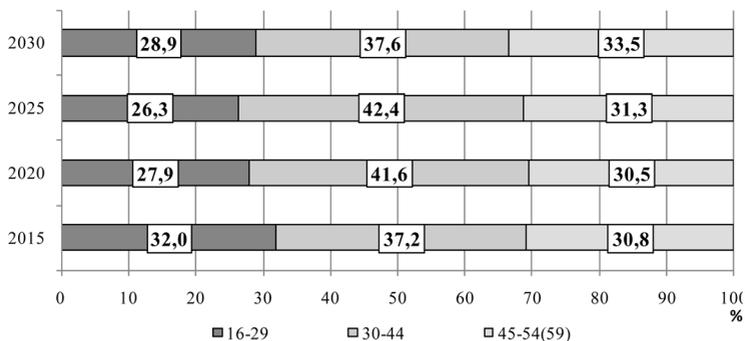

Рис. 3. Динамика возрастной структуры трудоспособного населения Республики Беларусь, в %

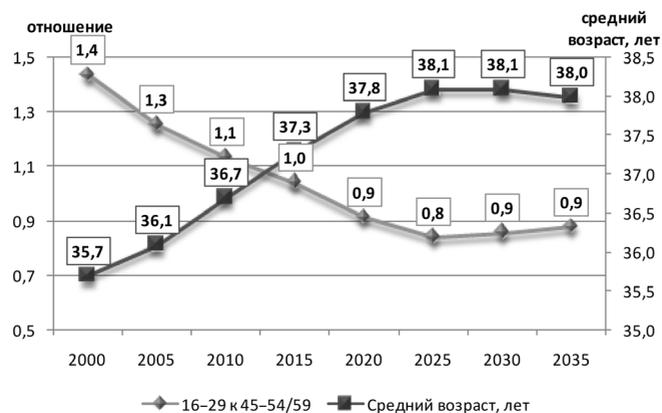

Рис. 4. Средний возраст трудоспособного населения и отношение численности населения в возрасте 16–29 лет к 45–54 (59)-летним

Наглядно иллюстрирует процесс старения трудоспособного населения рост среднего возраста потенциальных работников, который достигнет к 2030 г. 38,1 года против 37,3 года в 2015 г. Аналогичные тенденции прогнозируются в разрезе городской и сельской местности, однако более высокими темпами будет стареть трудоспособное городское население, средний возраст которого составит в 2030 г. почти 37,0 лет против 35,5 года в 2015 г.

Таким образом, население Беларуси достигло высокого уровня демографического старения, интенсивность которого в перспективе будет увеличиваться. Основными вызовами социально-экономическому развитию республики в связи со старением населения являются рост расходов на пенсионное обеспечение, медицинское и социальное обслуживание, что потребует дополнительных источников финансирования.

Как отмечалось выше, согласно международным критериям, пожилыми считаются люди в возрасте 65 лет и старше. В Беларуси пенсионный возраст, установленный еще в середине прошлого века, составляет 55 лет для женщин и 60 лет для мужчин. Численность пенсионеров в 2015 г. достигла 2727,9 тыс. чел., из них почти четверть (24,0%) продолжают трудиться [3, с. 113]. При этом значительные группы работников имеют право на досрочный выход на пенсию (занятые во вредных условиях труда и др.). В результате свыше 10% от всего числа пенсионеров — это люди, которые выходят на пенсию досрочно на 5–10 лет. Кроме того, в республике в 2015 г. было 266,2 тыс. получателей пенсий по инвалидности и 97,3 тыс. по случаю потери кормильца.

По прогнозу, численность трудоспособного населения сократится за 2016–2030 гг. на 567,9 тыс. чел., или на 10,3%. Особенно высокими темпами эта возрастная группа будет уменьшаться на селе, и к 2030 г. она снизится на треть. При этом численность населения старше трудоспособного возраста увеличится почти на 23,0% и составит к 2030 г. 2839,5 тыс. чел.

На начало 2015 г. пенсионеры составляли 27,0% от численности всего населения и 46,0% от трудоспособного. Согласно прогнозу, к 2020 г. доля пенсионеров может возрасти до 50,0%, а к 2030 г. — 60,0% от трудоспособного населения. По расчетам, в 2030 г. по сравнению с 2015 г. ожидается сокращение соотношения плательщиков пенсий и их возможных получателей более чем на 17%. В результате этих изменений в бюджете Фонда социальной защиты населения может сформироваться структурный дефицит (рис. 5). Для плательщиков это означает, что платить в фонд придется больше. Согласно расчетам, к 2030 г. сумма пенсионных выплат может возрасти почти на 20%.

Рис. 5. Динамика числа плательщиков пенсии и ее получателей в Беларуси до 2030 г., тыс. чел.

В 2015 г. расходы в республике на социальные выплаты (пенсии, пособия, стипендии) составляли 13,7% от ВВП, тогда как в России — 12,4%, Казахстане — 4,6%. В ЕС расходы на социальную защиту населения со-

ставляли в 2013 г. 19,6%, в Польше — 18,1%, Литве — 15,4%, Латвии — 14,1%. Самый высокий этот показатель среди стран ЕС в 2013 г. был во Франции — 34,6%, Австрии — 30,7, Германии — 29,9% [4].

Мировой опыт свидетельствует, что экономически активная часть населения может обеспечить содержание пожилых людей, если соотношение между работающими и пенсионерами составляет 3 : 1. В европейских странах средний возраст выхода на пенсию для женщин составляет около 62 лет, для мужчин — 64 года при ожидаемой продолжительности жизни 79 лет. В Беларуси пенсионный возраст 55 лет у женщин и 60 лет — у мужчин при ожидаемой продолжительности жизни населения 73,9 года (женщин — 78,9, мужчин — 68,6 года). По прогнозу, ожидается сокращение числа работников, приходящихся на одного пенсионера. Так, в 2010 г. на одного человека в пенсионном возрасте приходилось 2,7 человека в трудоспособном возрасте, 2020 г. — 1,9 и 2030 г. — 1,8. Таким образом, коэффициент поддержки сократится к концу прогнозного периода почти на треть.

Существенные различия отмечаются в динамике коэффициента поддержки пожилыми по полу: у мужчин он в 2,7 раза выше, чем у женщин. По расчетам, данный показатель для мужчин сократится в 2030 г. до 3 трудоспособных на одного пенсионера, для женщин — до 1,2 трудоспособного на одного пенсионера.

Сокращение численности населения в трудоспособном возрасте будет сопровождаться снижением его доли во всем населении и увеличением демографической нагрузки, что может привести к росту социальных расходов государства, значительную долю которых составляют расходы на пенсионное обеспечение. Это неизбежно потребует перераспределения ресурсов в пользу потребителей социальных расходов, приведет к увеличению налоговой нагрузки на население, ограничению инвестиционных возможностей экономики и замедлит рост производительности труда.

В среднесрочном периоде выходом из сложившейся ситуации является увеличение границ пенсионного возраста женщин и мужчин на три года, что уменьшит размер иждивенческой нагрузки и снизит расходы на пенсионное обеспечение (рис. 6).

Увеличение границ пенсионного возраста на три года к 2020 г. позволит сократить число выходящих на пенсию на 301 тыс. чел. В результате в 2020 г. уровень пенсионной нагрузки снизится до 499 чел. на 1000 трудоспособных против 529 чел. в 2015 г.

Как показывают расчеты, такой вариант реформирования пенсионной системы увеличит численность населения в трудоспособном возрасте в 2020 г. до 5505,8 тыс. чел. (5,8%). При этом прирост трудоспособного населения, занятого в экономике, составит за 2016–2020 гг. 75,3 тыс. чел. С учетом расширения границ пенсионного возраста численность занятых в экономике начиная с 2018 г. увеличится к 2020 г. до 4474 тыс. чел. и составит 99,6% от численности занятых в 2015 г.

Рис. 6. Динамика численности населения трудоспособного возраста и показателя демографической нагрузки до 2030 г. при условии повышения пенсионного возраста мужчин до 63 лет, женщин до 58 лет

Старение населения имеет значительные социальные последствия, ставит новые задачи перед системой здравоохранения. По мере роста заболеваемости, смертности и инвалидности, которая способствует старению, отодвигая болезни и смерть все дальше по шкале возраста («старение сверху»), все больше проблем, связанных со здоровьем, будут концентрироваться в старших возрастах. Одной из главных задач здравоохранения становится увеличение продолжительности здоровой жизни, т. е. сохранения человеком нормальных жизненных функций, работоспособности и способности обслуживать себя, так как в противном случае бремя материального обеспечения престарелых людей и ухода за ними ложится на общество. Это потребует значительной структурной перестройки системы здравоохранения, затронет структуру подготовки кадров для лечебных учреждений, организацию медицинской помощи и т. д. Соответственно увеличатся расходы на охрану здоровья. Доминирующим фактором, оказывающим влияние на рост этих расходов, будет выступать возрастающая стоимость новых медицинских технологий, фармацевтических препаратов, специальных товаров для пожилых людей.

Старение населения требует совершенствования организации не только медицинского, но и социального обслуживания. Необходимо совершенствовать систему и повысить качество домов-интернатов для пожилых людей. В республике должны получить развитие стационарные и нестационарные учреждения социального обслуживания нового типа — дома-интернаты повышенной комфортности, малой вместимости с более комфортными бытовыми условиями, с обеспечением ухода на

современном уровне, при желании — по индивидуальной программе, с учетом потребностей каждого человека.

Прогнозируемые изменения численности пожилых людей показывают, что потребность в долговременных формах предоставления такой помощи будет возрастать. При этом из медицинских услуг длительный уход будет наиболее востребован, он будет обеспечиваться в основном на базе больничных учреждений или членами семьи. Потребуется развитие социально ориентированных некоммерческих организаций и волонтерских объединений, которые могут предоставлять для престарелых реабилитационные услуги; обеспечивать длительный уход в центрах проживания. Особое внимание должно уделяться развитию программ государственно-частного партнерства в сфере социального обслуживания пожилых, чтобы инвесторы на определенных условиях участвовали в строительстве частных социальных учреждений для людей преклонного возраста.

Существуют различные подходы, основываясь на которых можно ослабить медицинские последствия старения населения. Одно из наиболее перспективных направлений — содействие здоровому старению, которое должно основываться на оказании доступной и качественной медицинской помощи, учитывающей особенности состояния здоровья пожилых и специфический характер их заболеваемости, что будет способствовать продлению их трудовой деятельности [5].

Социальная защита лиц пожилого возраста должна носить комплексный характер, включая меры не только материальной, медико-профилактической и психологической помощи, но и, прежде всего, должна быть направлена на социальную реабилитацию пожилых людей и их интеграцию в общество на основе создания условий для саморазвития их творческого потенциала, ориентацию пожилых людей на занятия, соответствующие их индивидуальным интересам и способностям. Необходимо шире использовать потенциал пожилых граждан с их богатым опытом и знаниями в сфере науки, здравоохранения, образования. В условиях инновационного развития социальных отраслей, безусловно, потребуются новые знания. В данном контексте эффективная реализация потенциала пожилых людей представляется возможной только на основе их профессиональной переподготовки и повышения квалификации.

Литература

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2016: стат. сб. — Минск: Нац. статкомитет Республики Беларусь, 2016.
2. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2016 года и среднегодовая численность населения за 2015 год: стат. бюллетень. — Минск: Нац. статкомитет Республики Беларусь, 2016.
3. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь, 2016: стат. сб. — Минск: Нац. статкомитет Республики Беларусь, 2016.

4. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Government_expenditure_on_social_protection
5. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2015/0653/demoscope653.pdf>
1. Демографический ежегодник Республики Беларусь', 2016: стат. сб. — Минск: Нас. статкомитет Республики Беларусь', 2016.
2. Половозрастная структура населения Республики Беларусь' на 1 января 2016 года и среднегодовая численность населения за 2015 год: стат. бюллетень'. — Минск: Нас. статкомитет Республики Беларусь', 2016.
3. Социальное положение и уровень жизни населения республики Беларусь', 2016: стат. сб. — Минск: Нас. статкомитет Республики Беларусь', 2016.

Сафарова Г. Л.,
зав. лабораторией
Санкт-Петербургский
экономико-математический институт РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Калмыкова Н. М.,
доцент
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Сафарова А. А.,
научный сотрудник
Санкт-Петербургский
экономико-математический институт РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Косолапенко Н. Г.,
научный сотрудник
Санкт-Петербургский
экономико-математический институт РАН
(Санкт-Петербург, Россия)

Сравнительный анализ динамики ряда показателей основных демографических процессов для Москвы и Санкт-Петербурга в контексте старения населения мегаполисов

Аннотация

В статье приводятся результаты сравнительного анализа динамики показателей основных демографических процессов и возрастной структуры населения для

Москвы и Санкт-Петербурга с 1990 г. по настоящее время в рамках проекта, направленного на исследование современного состояния, тенденций и среднесрочных перспектив процесса старения населения Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: старение населения, городское население

JEL код: J14

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 16-02-00595.

Safarova G. L.,
Head of department
St. Petersburg Economics
and mathematics Institute, RAS
(St. Petersburg, Russia)

Kalmykova N. M.,
Ass. Professor
Moscow State University Lomonossov
(Moscow, Russia)

Safarova A. A.,
researcher
St. Petersburg Economics
and mathematics Institute, RAS
(St. Petersburg, Russia)

Kosolapenko N. G.,
researcher
St. Petersburg Economics
and mathematics Institute, RAS
(St. Petersburg, Russia)

Comparative analysis of the dynamics of a number of indicators of major demographic processes for Moscow and St. Petersburg in the context of the ageing population of mega-cities

Abstract

The article presents some results of the comparative analysis of demographic dynamics and age structure of the population in Moscow and St. Petersburg from 1990 to the present time in the framework of a project aimed at the study of the current status, trends and medium-term population prospects of the aging process

Key words: population ageing, urban population

JEL code: J14

Процесс старения населения, развивающийся в России и ее регионах, как и во всем мире, уже не одно десятилетие, оказывает все возрастающее влияние не только на демографическое, но и на социально-экономическое развитие. Этот закономерный глобальный долгосрочный необрати-

мый процесс ставит перед обществом серьезные задачи и делает особенно важным структурный аспект демографического развития.

Москва и Санкт-Петербург являются крупнейшими по величине городами России. Совокупное население российских «столиц» составляет существенную часть (около 10%) общей численности населения страны. Эти города являются важными не только из-за их большого размера (и, следовательно, потенциального влияния на области, непосредственно их окружающие, а также более отдаленные регионы), но и потому, что они находятся в авангарде многих демографических изменений, которые произошли в России.

Целью работы является сравнительный анализ динамики показателей основных демографических процессов и возрастной структуры населения для Москвы и Санкт-Петербурга с 1990 г. по настоящее время, проводимый в рамках проекта, направленного на исследование современного состояния, тенденций и среднесрочных перспектив процесса старения населения этих городов.

Существует значительное количество работ, посвященных демографическому развитию Москвы и Санкт-Петербурга в отдельности. Среди них можно отметить работы Е. М. Андреева, Е. А. Кваши, Т. Л. Харьковской (2016); В. Архангельского, Н. Зверевой (2011); М. Б. Денисенко, А. В. Степановой (2013); Е. А. Кваши, Т. Л. Харьковской (2008); Ж. А. Зайончковской, Д. Полетаева, Ю. Ф. Флоринской и др. (2014); Г. Л. Сафаровой, Л. В. Козлова (2014) и др. В то же время, несмотря на то что сравнительные исследования очень актуальны и позволяют существенно повысить качество анализа, подобных исследований крайне мало.

Расчеты основаны на данных, предоставленных Федеральной службой государственной статистики (Росстат) и Управлением Федеральной службы государственной статистики по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области (Петростат), а также на данных Российской базы данных по рождаемости и смертности (РосБРИС) Центра демографических исследований Российской экономической школы.

Динамика ряда показателей основных демографических процессов для Москвы и Санкт-Петербурга

Движущими силами старения населения являются изменения в основных демографических процессах — рождаемости, смертности и миграции. Решающее значение в эволюции возрастной структуры имеют изменения рождаемости, которые оказывают на структуру наибольшее воздействие по сравнению с другими факторами. Рассматриваются динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР) для Санкт-Петербурга, Москвы и России в 1990–2014 гг. (рис. 1), а также возрастные профили рождаемости (рис. 2–4).

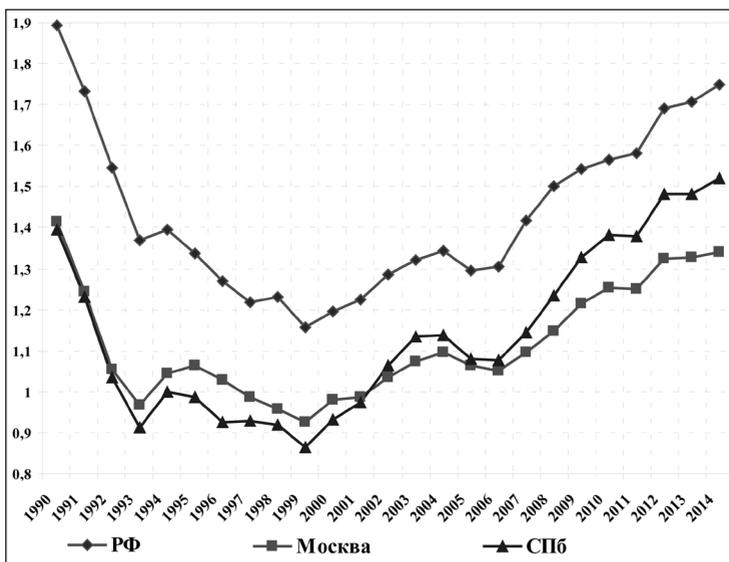

Рис. 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости (СКР), рождений на женщину, Санкт-Петербург, Москва и Россия, 1990–2014 гг.

Источники: Росстат, Петростат

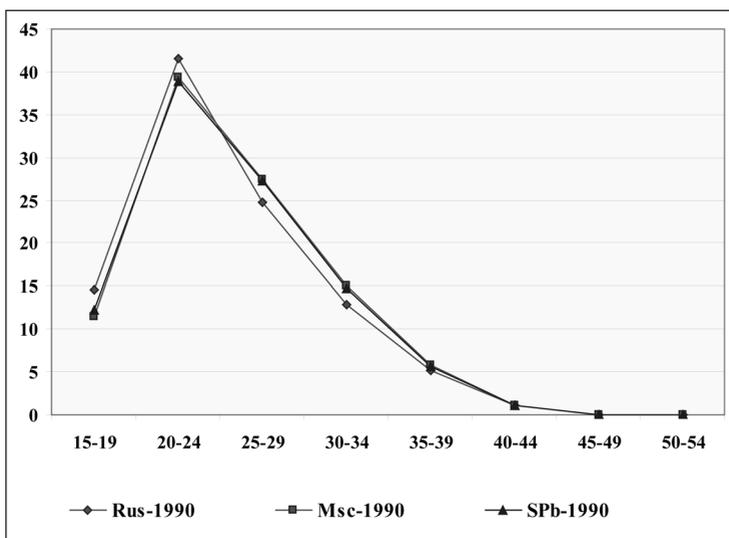

Рис. 2. Возрастные профили рождаемости, Санкт-Петербург, Москва и Россия, 1990 г., %

Источник: собственные расчеты на основе данных Росстата и Петростата

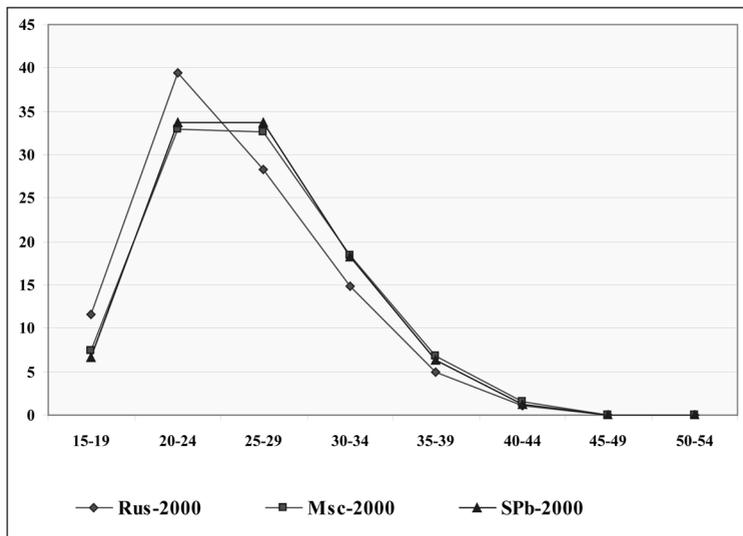

Рис. 3. Возрастные профили рождаемости, Санкт-Петербург, Москва и Россия, 2000 г., %

Источник: собственные расчеты на основе данных Росстата и Петростата

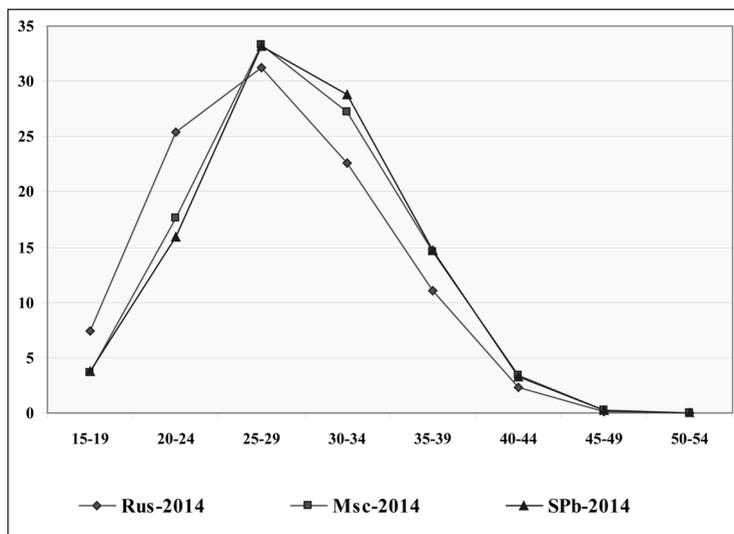

Рис. 4. Возрастные профили рождаемости, Санкт-Петербург, Москва и Россия, 2014 г., %

Источник: собственные расчеты на основе данных Росстата и Петростата

Естественно, СКР для мегаполисов был ниже, чем для России в целом. Начало 1990-х гг. отмечено резким падением СКР до уровней меньше 1, после чего имели место как рост, так и снижение этого показателя для Санкт-Петербурга и Москвы. С 2006 г. наблюдается почти монотонный рост этого показателя, при этом к концу рассматриваемого периода СКР для Санкт-Петербурга превысил значение 1990 г., составлявшее 1,395 рождения на женщину (в 2014 г. СКР был равен 1,522 рождения на женщину).

Однако СКР для Москвы, растущий медленнее, чем для Санкт-Петербурга, и в 2014 г. равный 1,341, не достиг уровня 1990 г., составившего 1,415 рождения на женщину и превосходившего значение для Санкт-Петербурга. С 2002 г. СКР для Санкт-Петербурга превосходит значения этого показателя для Москвы.

Для России и обеих столиц в течение рассматриваемого периода вклад возрастных групп моложе 25 лет в суммарный коэффициент рождаемости сократился, а старших возрастных групп репродуктивного возраста, напротив, — увеличился, сближаясь тем самым с западным возрастным профилем рождаемости. Так, в 1990 г. вклад возрастных групп моложе 25 лет в суммарный коэффициент рождаемости составлял для Москвы 50,8% (для Санкт-Петербурга 51,2%), а возрастов 25–39 лет — соответственно 48,1 и 47,7%. В 2000 г. вклад возрастных групп моложе 25 лет в суммарный коэффициент рождаемости снизился до 40,5% для Москвы и 40,4% для Санкт-Петербурга, а возрастов 25–39 лет — увеличился соответственно до 57,9% для Москвы и 58,3% для Санкт-Петербурга. К 2014 г. вклад возрастных групп моложе 25 лет в СКР снизился до 21,2% для Москвы и 19,7% для Санкт-Петербурга, тогда как вклад возрастов 25–39 лет достиг 75,0% для Москвы и 76,7% для Санкт-Петербурга. Рисунки 2–4 наглядно демонстрируют изменение возрастных профилей рождаемости в Москве, Санкт-Петербурге и стране в целом, при этом возрастные профили рождаемости в Москве и Санкт-Петербурге очень близки. Заметно также постарение рождаемости в двух городах по сравнению с российским населением в целом.

В области смертности рассмотрена динамика ожидаемой продолжительности жизни (ОПЖ) при рождении и в старших возрастах для мужчин, женщин и обоих полов. Произведена декомпозиция изменения ОПЖ за 1990–2010 гг. и за 2010–2014 гг. для Москвы и Санкт-Петербурга (для мужчин и для женщин) по вкладу возрастных групп в произошедшие изменения, а также декомпозиция разности ОПЖ для Москвы и для Санкт-Петербурга по вкладу возрастных групп в эту разность для 1990 и 2014 гг. (для мужского и для женского населения).

Рассмотрена динамика ОПЖ при рождении и в старших возрастах для мужчин, женщин и обоих полов. Изменение ОПЖ при рождении для мужчин и женщин для Санкт-Петербурга, Москвы и России в 1990–2014 гг. представлено на рис. 5 и 6. В целом тенденции этого показателя для Санкт-Петербурга и Москвы весьма похожи (для мужчин, женщин

и обоих полов). Практически для всего рассматриваемого периода ОПЖ при рождении в московском населении выше, чем в Санкт-Петербурге (исключения составляют ОПЖ для мужчин в 1995 и 1996 гг., для женщин в 1997 и 1998 гг. и для обоих полов в 1995–1997 гг.), причем с конца 1990-х гг. это расхождение увеличивается. Более высокие значения ОПЖ для Москвы по сравнению с Санкт-Петербургом отмечались, в частности, в работе [6].

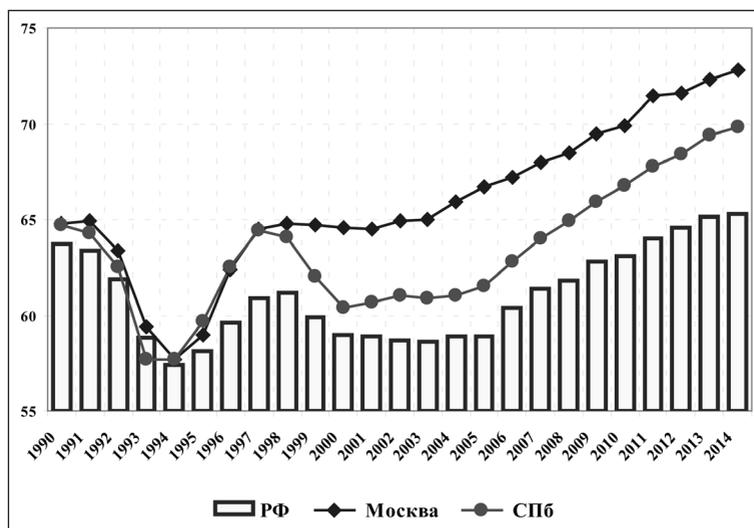

Рис. 5. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, мужчины (лет), Санкт-Петербург, Москва и Россия, 1990–2014 гг.

Источники: Росстат, Петростат

С 2001 г. наблюдается рост ОПЖ для мужчин, женщин и обоих полов, при этом ОПЖ мужчин растет быстрее, чем ОПЖ женщин. Так, к 2014 г. рост ОПЖ при рождении для мужчин по сравнению с 2001 г. составил для Санкт-Петербурга 15% (для Москвы — 12,9%), соответствующие значения ОПЖ при рождении для женщин составили 7,7 % для Санкт-Петербурга и 7,5% для Москвы.

Рассмотрена динамика стандартизованных коэффициентов смертности (СКС) пожилого населения (в возрасте 60+) для Москвы и Санкт-Петербурга в сопоставлении с Россией (для мужчин и женщин). За стандарт взята возрастная структура 1990 г. соответственно в Москве, Санкт-Петербурге и России, что дало возможность увидеть, как менялись бы общие коэффициенты смертности при неизменной возрастной структуре, т. е. если бы население городов не старело. Изменение СКС пожилых относительно начального года (1990 г.) для мужчин и женщин представлено на рис. 7 и 8.

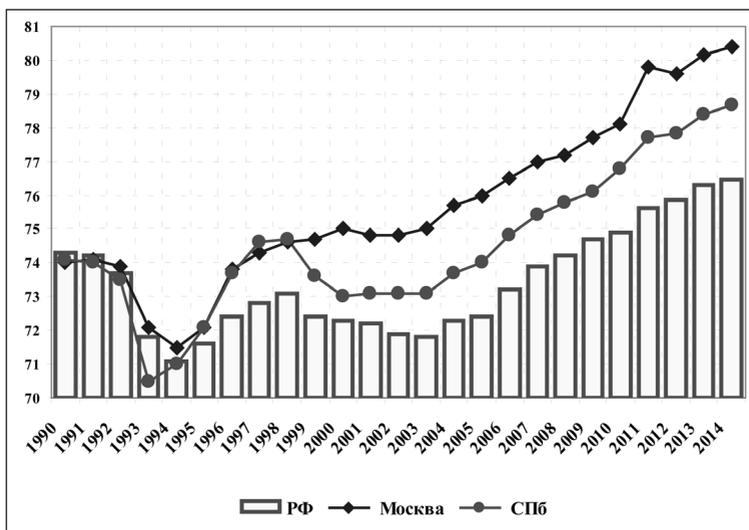

Рис. 6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, женщины (лет), Санкт-Петербург, Москва и Россия, 1990–2014 гг.

Источники: Росстат, Петростат

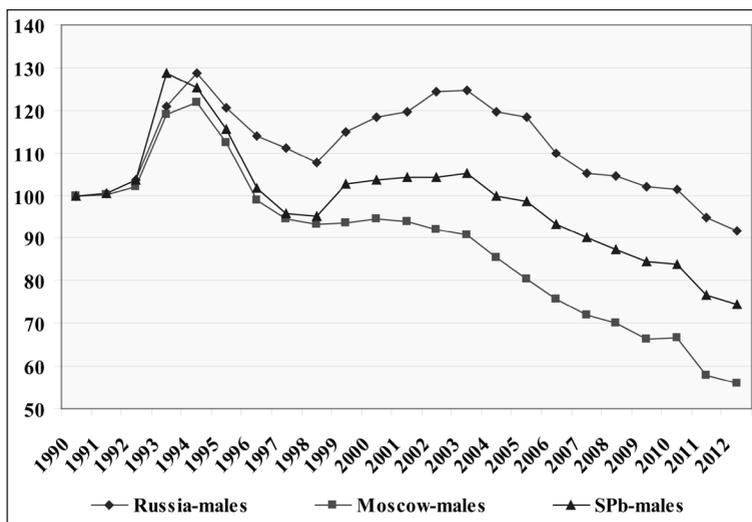

Рис. 7. Изменение стандартизованных коэффициентов смертности пожилого населения (относительно 1990 г.), мужчины (%), Санкт-Петербург, Москва и Россия, 1990–2014 гг.

Источник: собственные расчеты на основе данных РосБРИС

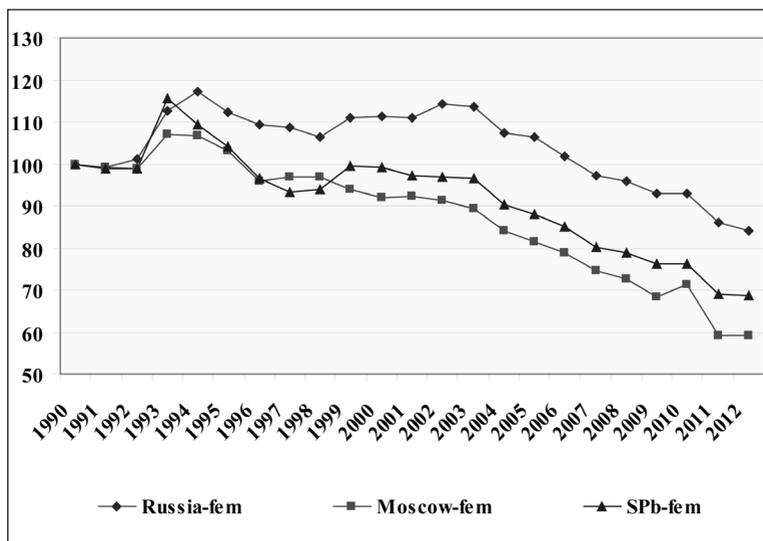

Рис. 8. Изменение стандартизованных коэффициентов смертности пожилого населения (относительно 1990 г.), женщины (%), Санкт-Петербург, Москва и Россия, 1990–2014 гг.

Источник: собственные расчеты на основе данных РосБРиС

В целом за рассматриваемый период СКС населения в возрасте 60+ для Санкт-Петербурга, Москвы и России снизились и для мужчин, и для женщин, в наибольшей степени — для мужского населения Москвы (почти на 45%). С начала 2000-х гг. снижение этого показателя носит почти линейный характер.

Проанализированы гендерные различия показателей смертности населения.

Сравнение показателей миграции затруднено постоянно меняющимся законодательством в этой сфере и особенностями регистрации мигрантов в Санкт-Петербурге и Москве.

Динамика возрастной структуры Москвы и Санкт-Петербурга

Рассмотрим динамику удельного веса основных групп населения — детей, населения трудоспособного возраста и пожилых (в соответствии с международной классификацией) для Москвы, Санкт-Петербурга и России в 1990–2015 гг. (рис. 9–11).

Лишь в первой половине 90-х гг. прошлого века удельный вес пожилых в общей численности населения (Prop. 60+) для Москвы был выше, чем для Санкт-Петербурга. Prop. 60+ для обоих мегаполисов был в течение всего рассматриваемого периода выше, чем для России в целом.

В начале XXI в. Prop. 60+ снижался, отражая последствия Великой Отечественной войны, а с середины первой декады начался его монотонный рост. В целом за четверть века Prop. 60+ возрос для Москвы с 18,6% в 1990 г. до 21,5% в 2015 г., для Санкт-Петербурга — с 17,5 до 21,8%, а для России — с 15,6 до 19,9%.

Следует отметить, что с середины первой декады XXI в. фиксируется рост доли детей, что связано с ростом рождаемости. На фоне роста долей детей и пожилых удельный вес населения трудоспособного возраста с середины первой декады XXI в. снижался.

Наглядную картину демографического старения Москвы и Санкт-Петербурга за последние четверть века дают рис. 12 и 13, представляющие возрастные пирамиды Санкт-Петербурга и Москвы в 1990 и 2015 гг.

Установлено, что направление общих тенденций естественного движения населения и изменения возрастной структуры Москвы и Санкт-Петербурга принципиально не отличаются, но существует разница в уровне процессов и рождаемости, и смертности. Это дает руководству мегаполисов веские основания для применения положительного опыта коллег в решении социально-демографических вопросов, включая старение населения.

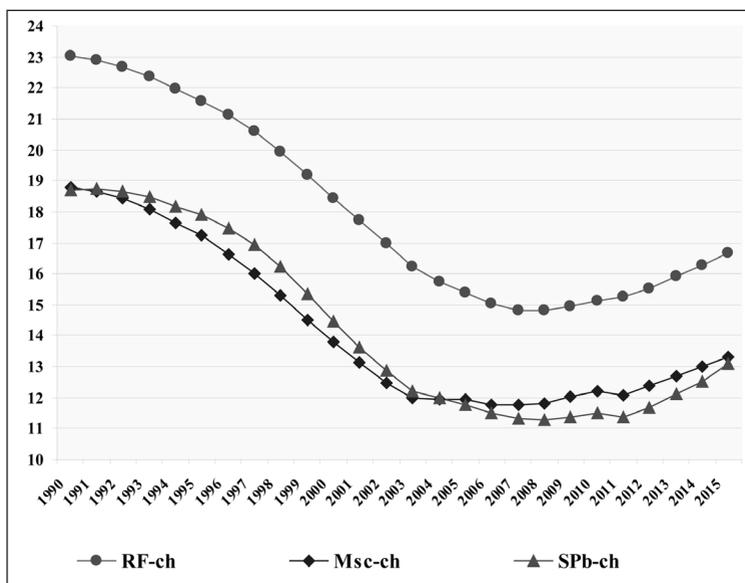

Рис. 9. Изменение удельного веса детей (ch) в общей численности населения, %, Москва, Санкт-Петербург, Россия, 1990–2015 гг.

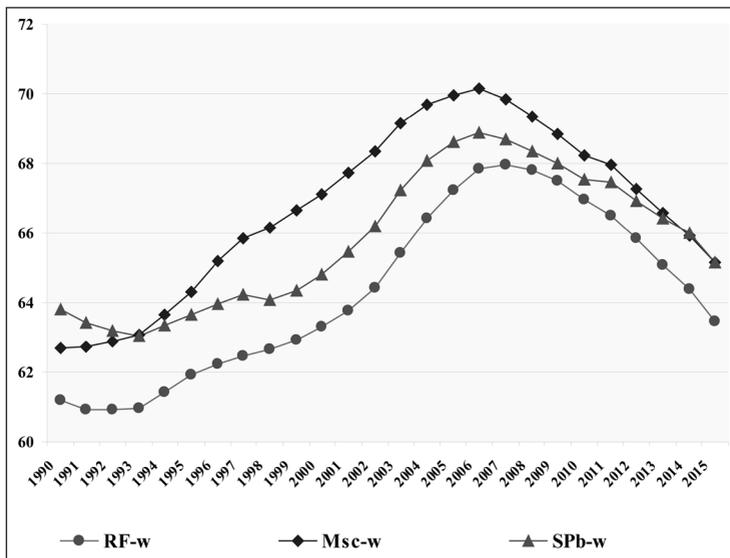

Рис. 10. Изменение удельного веса населения трудоспособного возраста в общей численности населения, %, Москва, Санкт-Петербург, Россия, 1990–2015 гг.

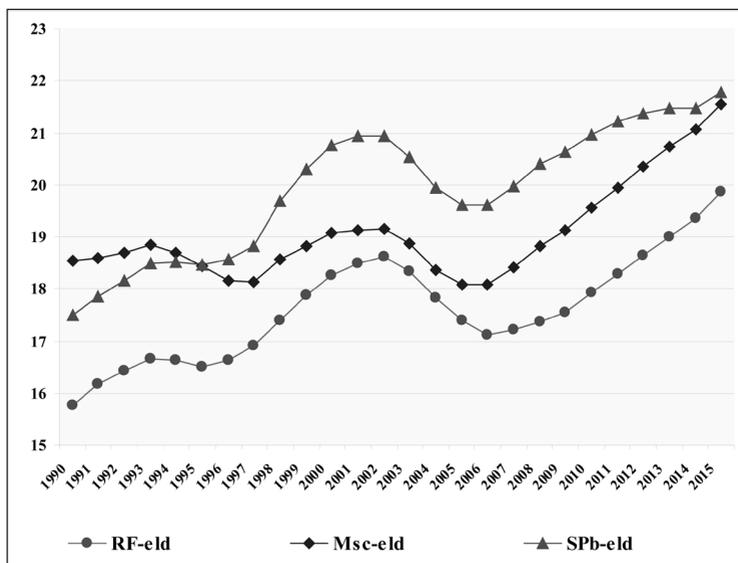

Рис. 11. Изменение удельного веса пожилых (eld) в общей численности населения, %, Москва, Санкт-Петербург, Россия, 1990–2015 гг.

Источник: собственные расчеты на основе данных Росстата и Петростата

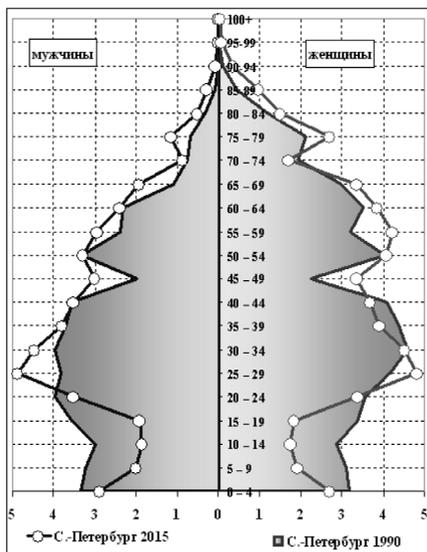

Рис. 12. Возрастные пирамиды, Санкт-Петербург, 1990 и 2015 г. (%)
Источники: Росстат, Петростат

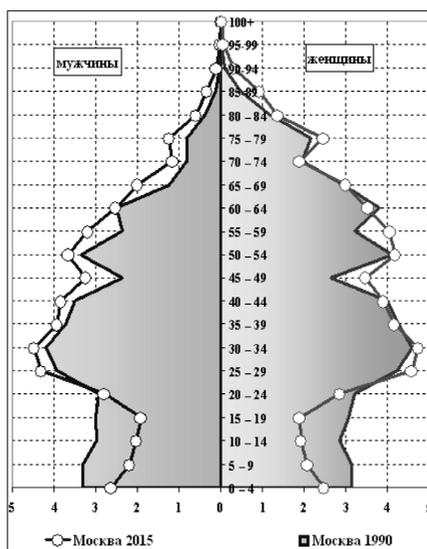

Рис. 13. Возрастные пирамиды, Москва, 1990 и 2015 г. (%)
Источники: Росстат, Петростат

Литература

1. *Абылгазиев И. И., Александрова А. Ю., Аleshковский И. А.* и др. Город в контексте глобальных процессов // Москва на пути демографической модернизации / под ред. И. И. Абылгазиева, И. В. Ильина, Н. А. Служи. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2011. — 448 с.
 2. *Андреев Е. М., Кваша Е. А., Харьковская Т. Л.* Смертность в Москве и других мегаполисах мира: сходства и различия // Демографическое обозрение. — 2016. — № 3. — С. 39–79.
 3. *Архангельский В., Зверева Н.* Рождаемость в Москве в 2000-е годы // Демоскоп Weekly. — 2011. — № 489–490. — С. 1–21.
 4. *Денисенко М. Б., Степанова А. В.* Динамика численности населения Москвы за 140 лет // Вестник Московского университета, серия 6. Экономика. — 2013. — № 6. — С. 88–97.
 5. *Зайончковская Ж. А., Поletaев Д., Флоринская Ю. Ф., Доронина К. А.* Мигранты глазами москвичей // Демоскоп Weekly. — 2014. — № 605–606. — С. 1–28.
 6. *Кваша Е. А., Харьковская Т. Л.* Московский феномен смертности — уроки для России // Вопросы статистики. — 2008. — № 9. — С. 6–17.
 7. Петростат. URL: www.petrostat.gks.ru
 8. Росстат. URL: <http://www.gks.ru>
 9. Российская база данных по рождаемости и смертности. Центр демографических исследований Российской экономической школы, Москва (Россия). URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data
 10. *Сафарова Г. Л., Козлов Л. В.* Демографический анализ смертности и продолжительности жизни пожилого населения Санкт-Петербурга: монография при участии А. А. Сафаровой и А. И. Лисененкова. — СПб.: Наука, 2014. — 108 с.
 11. Старение населения Санкт-Петербурга: социально-демографические аспекты / под ред. Г. Л. Сафаровой. — СПб.: Система, 2006. — 176 с.
1. *Abylgaziev I. I., Aleksandrova A. Ju., Aleshkovskij I. A.* i dr. Gorod v kontekste global'nyh processov // Moskva na puti demograficheskoy modernizacii / pod redakciej I. I. Abylgazieva, I. V. Il'ina, N. A. Sluzhi. — M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2011. — 448 s.
 2. *Andreev E. M., Kvasha E. A., Har'kova T. L.* Smernost' v Moskve i drugih megapolisah mira: shodstva i razlichija // Demograficheskoe obozrenie. — 2016. — № 3. — S. 39–79.
 3. *Arhangel'skij V., Zvereva N.* Rozhdaemost' v Moskve v 2000-e gody // Demoskop Weekly. — 2011. — № 489–490. — S. 1–21.
 4. *Denisenko M. B., Stepanova A. V.* Dinamika chislennosti naselenija Moskvy za 140 let // Vestnik Moskovskogo universiteta, serija 6. Jekonomika. — 2013. — № 6. — S. 88–97.
 5. *Zajonchkovskaja Zh. A., Poletaev D., Florinskaja Ju. F., Doronina K. A.* Migranty glazami moskvicej // Demoskop Weekly. — 2014. — № 605–606. — S. 1–28.
 6. *Kvasha E. A., Har'kova T. L.* Moskovskij fenomen smernosti — uroki dlja Rossii // Voprosy statistiki. — 2008. — № 9. — S. 6–17.
 7. Petrostat. URL: www.petrostat.gks.ru

8. Rosstat. URL: <http://www.gks.ru>
9. Rossijskaja baza dannyh po rozhdajemosti i smertnosti. Centr demograficheskikh issledovanij Rossijskoj jekonomicheskoj shkoly, Moskva (Rossija). URL: http://demogr.nes.ru/index.php/ru/demogr_indicat/data
10. *Safarova G. L., Kozlov L. V.* Demograficheskij analiz smertnosti i prodolzhitel'nosti zhizni pozhilogo naselenija Sankt-Peterburga: monografija, pri uchastii Safarovoj A. A. i Lisenenkova A. I. — SPb.: Nauka, 2014. 108 s.
11. Starenie naselenija Sankt-Peterburga: social'no-demograficheskie aspekty/ pod red. G. L. Safarovoj. — SPb: Sistema, 2006. — 176 s.

*Ткаченко Л. Г.,
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник
Института демографии
и социальных исследований
имени М. В. Птухи НАН Украины
(Киев, Украина)*

Пенсии в Украине: состояние, реформы, будущее

Ключевые слова: Украина, реформы, пенсии
JEL код: J14

Tkachenko L. G.

Pensions in the Ukraine: status, reforms, the future

Наиболее выраженными демографическими тенденциями в обозримом будущем для Украины остаются сокращение и старение населения. Согласно World Population Prospects 2017, Украина входит в десятку стран с наивысшими темпами сокращения населения. До 2060 г. его численность уменьшится почти на четверть, и почти исключительно за счет поколений трудоспособного возраста. Удельный вес людей в возрасте 60 лет и старше возрастет с нынешних 24 до 34%, а их соотношение с численностью населения 20–59 лет (фактические рамки экономически активного возраста) — с 39 до 75%. Неотвратимость этих демографических изменений ставит очень жесткие рамки для социальной политики, особенно в пенсионной сфере.

Старение населения является глобальным трендом, и пенсионные реформы в большинстве стран мира нацелены прежде всего на поддержку пропорциональности между количеством пенсионеров и плательщиков взносов. Наиболее распространенными мерами в этом направлении являются повышение установленного порога пенсионного возраста и ограничение возможностей досрочного выхода на пенсию, а также различные

непрямые методы, которые заставляют людей позже выходить на пенсию и дольше работать.

В Украине уже реализуются многие из этих мер. С октября 2011 г. идет постепенное повышение пенсионного возраста для женщин, в 2017 г. он составляет 58 лет, а в 2021 г. достигнет 60 лет. Это дало возможность приостановить рост численности пенсионеров, а также уменьшить гендерный разрыв в продолжительности стажа и в размерах новых пенсий.

С 2015 г. начато постепенное (на полгода ежегодно) повышение на пять лет общего страхового стажа, необходимого для раннего выхода на пенсию по возрасту, и специального страхового стажа, необходимого для выхода на пенсию за выслугу лет; для последних установлено также ограничение минимального возраста. В 2016 г. существенно сокращен перечень производств, работ, профессий и должностей, занятость в которых дает право на пенсию по возрасту на льготных условиях. В частности, исключены практически все руководящие должности, остались преимущественно рабочие профессии, основная деятельность которых подразумевает вредные и тяжелые условия труда (главным образом в промышленности).

К сожалению, в условиях острого экономического кризиса и политических потрясений эти реформы не могли результативаться в повышение уровня пенсий. В течение 2014–2016 гг. из-за высокой инфляции и отсутствия адекватной индексации реальный размер пенсий снизился на 40%. Поскольку уровень зарплат рос более динамично, соотношение средних размеров пенсии и заработной платы снизилось до 34% (на протяжении 2005–2013 гг. держалось на уровне около 50%). Пенсионные расходы в процентах к ВВП уменьшились с 16–17% в 2008–2013 гг. до менее 11% в 2016 г. При этом с 2016 г., якобы с целью стимулирования бизнеса к детенизации и развитию, резко уменьшен размер единого социального взноса для работодателей. Теперь больше половины поступлений в Пенсионный фонд составляют средства госбюджета, из которых половина идет на дополнительные пенсионные программы, а вторая половина — на покрытие дефицита страховой системы. Изменение ключевых соотношений в распределении и перераспределении доходов свидетельствует о том, что тяготы кризиса в значительной мере были возложены на пенсионеров и пожилых людей.

Поскольку дальнейшая заморозка пенсий просто физически невозможна (если сравнивать с фактической стоимостью прожиточного минимума, 85% пенсионеров находятся за чертой бедности), возникла острая необходимость искать новые источники экономии на пенсионных расходах. МВФ настойчиво предлагал повысить пенсионный возраст до 63 лет: мужчинам начать повышать с 2018 г. на 3–4 месяца ежегодно, а женщинам продолжить повышение после 2021 г., с темпом на полгода ежегодно. Однако наши политики выбрали не прямой путь повышения

эффективного пенсионного возраста — так называемый «коридор», когда возраст выхода на пенсию определяется по критериям стажа. С 2018 г. будет три возрастных порога 60/63/65 лет, причем критерии стажа будут повышаться в течение 10 лет. В 2028 г. выйти на пенсию в 60 лет смогут люди со стажем не менее 35 лет, в 63 года — со стажем от 25 до 35 лет, в 65 лет — со стажем от 15 до 25 лет.

По нашим оценкам, по сокращению притока новых пенсионеров эффект от «коридора» будет очень близок к прямому повышению установленного пенсионного возраста. Однако «коридор» имеет ряд недостатков. Во-первых, стаж — не такой объективный показатель, как возраст, очень сильно влияет порядок учета стажа. Во-вторых, люди далеко не всегда имеют возможность выбирать рабочее место, ответственность за распространение неформальной занятости несет в первую очередь государство. В-третьих, выход на пенсию в 60 лет воспринимается как вознаграждение, а на самом деле это означает более длительный период экономически неактивной жизни и высокие риски бедности.

Халявкин А. В.,

канд. биол. наук, ст. научн. сотр.

Институт биохимической физики РАН

Институт системного анализа ФИЦ ИУ РАН

Московское отделение

Геронтологического общества РАН

(Москва, Россия)

Демография — геронтологии. Как закономерности статистики смертности помогли прояснить первопричину старения

Аннотация

Последние полтора века наблюдается устойчивый рост ожидаемой продолжительности жизни новорожденных и, в меньшей степени, лиц преклонного возраста. Кривая дожития ректангуляризуется — становится более прямоугольной, стремясь приблизиться по форме к «магическому квадрату 100×100». То есть к идеалу, кажущемуся недостижимым, когда 100% новорожденных смогут дожить до условной видовой границы в 100 лет. Динамика этого процесса сейчас такова, что доля пожилых в популяции неуклонно растет, даже без учета снижения рождаемости, и демографическое постарение населения, присущее большинству развитых стран, приводит к увеличению нагрузки на трудоспособный сегмент общества и, кроме всего прочего, к дефициту Пенсионного фонда. При сохранении нынешней пенсионной системы этот рост является важным фактором дестабилизации социэкономки. С другой стороны, достижения и наблюдаемые тенденции в геронтологии, науке, изучающей причины и механизмы старения, позволяют наметить пути выхода из этого тупика. Причем, в свою очередь, с помощью демографии. Именно закономер-

ности кинетики выживания и статистики смертности помогли понять, почему стареют организмы, состоящие из потенциально не стареющих популяций клеток. Проблема биологического возраста выявила переменность темпа возрастных изменений, связанных со старением, и позволила оценить теоретически достижимый минимальный темп старения, реализующийся в условиях, побуждающих организмы к оптимальному функционированию. А анализ совокупности накопленных данных (как биологических, так и демографических) предсказал возможность существования режимов жизнедеятельности, способствующих значительному замедлению процесса старения у людей.

Ключевые слова: статистика смертности, закон Гомперца, корреляция Стрелера—Милдвана, первопричина старения, влияние среды, обратимость старения

JEL код: J14

Khalyavkin A. V.,

c. b. s., s. r. s.

*Institute of Biochemical Physics of RAS
Institute for Systems Analysis FRC CSC RAS
Gerontological Society of RAS, Moscow Branch
(Moscow, Russia)*

The Demographics of gerontology. How mortality statistics patterns helped to clarify the root cause of ageing

Abstract

It is known that recent decades are characterized (especially in developed countries) by an unprecedented increase in life expectancy of newborns and, to a lesser extent in the elderly. This means that the survival curve becomes more rectangular, trying to get close to “the magic square 100×100”. That is to the ideal, seemingly unattainable, when 100% of newborns will be able to live up to the so-called species-specific boundaries in 100 years. The dynamics of this process leads to a steady increase in the proportion of elderly in the population, even without taking into account the fertility decline, and the demographic ageing of the population, found in most developed countries, leads to increased burden on the working segment of society and, among other things, to the deficit of the Pension Fund. This growth is an important factor in the destabilization of the socio-economic background while maintaining the current pension system. On the other hand, achievements and trends in gerontology, the science that studies the causes and mechanisms of aging, help to outline the other ways out of this impasse and, in turn, by means of demography. That is the kinetics of survival and mortality statistics helped to understand why organisms age, consisting of a potentially ageless cell populations. The problem of biological age revealed a variability in the rate of age-related changes associated with aging and allowed us to estimate the theoretically achievable minimal rate of aging, realized in conditions that encourage the organisms to optimal functioning. And analysis of all accumulated data (both biological and demographic) predicted the possibility of existence of modes of life, contributing to a significant slowing of the aging process in humans.

Key words: mortality statistics, Gompertz law, Strehler — Mildvan correlation, primary cause of aging, environmental influence, reversibility of aging

JEL code: J14

Введение

Известно, что открытия часто делаются на стыке наук. В данной статье эта мысль будет проиллюстрирована на примере таких двух, довольно далеких друг от друга наук, как демография (главным образом ее раздел, связанный со статистикой смертности) и геронтология (в особенности биология старения). У каждой из этих наук, естественно, своя методология, свои цели и задачи, направленные на решение стоящих перед ними проблем. Например, в биogerонтологии одной из таких центральных и не решенных до настоящего времени проблем считается отсутствие ответа на вопрос, почему стареют организмы, состоящие из потенциально не стареющих клеточных популяций (например, [8; 10]), которые способны даже обращать свое старение вспять [15].

И действительно, некоторые проницательные геронтологи, понимая, что в самих клетках и многоклеточных организмах не заключено ничего такого, что препятствовало бы их неограниченно долгой жизнедеятельности, не могли понять, почему этого не происходит на самом деле. Почему после довольно сложного процесса развития организма от его зарождения до взрослого состояния он не способен решить более легкую задачу — просто сохранить и поддерживать то, что уже сформировалось.

В данной статье будет показано, как интерпретация меняющихся в ходе цивилизации паттернов статистики смертности может подсказать геронтологам, почему же стареют наши тела, до глубокой старости сохраняющие стволовые клетки взрослых, которые могут обновлять наши ткани и органы.

С другой стороны, демографы, познакомившись с достижениями биологии старения и тенденциями в этой области, смогут более осмысленно строить свои прогнозы, за что издавна ратовали некоторые демографы (например, [3; 7]). А исследователи, изучающие старение, все активней используют демографические данные в повседневной работе (например, [1; 2]).

Первая часть статьи посвящена биологическим данным, а вторая часть — некоторым закономерностям статистики смертности в контексте биологии старения.

Старение на разных уровнях организации живого

Старение загадочно не потому, что пока не выявлен его главный инициатор, а потому, что оно существует, несмотря на то что компоненты сложного организма способны к полному самообновлению [15].

Упомянутые сотни теорий (большинство из которых давно устарело), пытающихся объяснить происхождение старения, сводятся всего к двум концепциям — программированного и стохастического старения.

Апологеты первого подхода полагают, что старение является естественным продолжением генетической программы развития. Приверженцы второго подхода отрицают наличие программы старения. Для объяснения его возникновения они предполагают, что системы, отслеживающие и устраняющие всегда возникающие сбои, ошибки, отклонения и повреждения, работают не со 100%-ной точностью, что неизбежно должно приводить к старению. Сегодня есть веские основания считать, что оба этих подхода не вполне верны и что старение не неизбежно.

На макромолекулярном уровне старение проявляет себя, например, в нарастании поперечных сшивок в молекулах коллагена (около 30% от всех белков организма), что сказывается на ухудшении его свойств. Однако выяснилось, что в определенных физиологических условиях коллаген не накапливает поперечных сшивок, как бы не стареет.

На уровне органелл можно рассмотреть такие внутриклеточные элементы, как митохондрии — «силовые станции» клеток. С возрастом их активность снижается, что сказывается на энергетике клеток и всего организма. Предполагалось, что старение митохондрий связано с накоплением мутаций в их ДНК. Однако в определенных физиологических условиях их активность восстанавливалась до молодого уровня.

Клетки стареющего организма характеризуются ослаблением своих функций. После создания им адекватных условий клеточные функции восстанавливались.

В качестве примера обратимости старения на органном уровне можно взять старение яичников. Считается, что с возрастом они перестают функционировать из-за истощения пула яйцеклеток и накопления повреждений. Но когда такие неактивные яичники старой крысы помещали в организм молодой самки, они возобновляли нормальное функционирование.

На организменном уровне омолаживающее действие на старых грызунов (крыс, мышей) оказывала подсадка фетальных гипоталамусов или активация собственных гипоталамических структур.

Эти и подобные им примеры подробно разобраны в ряде работ (например, в [4; 5; 6; 11; 12; 13; 15]). Некоторые другие статьи на эту тему можно прочесть и скачать на [17].

Приведенные выше примеры и целый ряд других доказательств позволяют убедиться в управляемости и обратимости старения и вспомнить, что в природе есть нестареющие существа. Например, амёбы, гидры, планарии и даже млекопитающие (голый землекоп — африканский грызун *Heterocephalus glaber*). А остальные виды живых существ с повторными циклами размножения (в том числе и человек) вполне могут оказаться потенциально нестареющими, но испытывающими старение в неадекватных режимах жизнедеятельности, индуцированных внешней средой, как нестареющая гидра, которая начинает стареть в субоптималь-

ной среде. И старение ее протекает в соответствии с законом Гомперца, т. е. с экспоненциальным увеличением силы смертности с возрастом. Поэтому динамика паттернов смертности человека и животных может послужить критерием справедливости подобного подхода.

Закономерности статистики смертности в контексте биологии старения

Обычно биogerонтологи изучают старение на человеке, а также на лабораторных и домашних животных, т. е. на объектах, достаточно «экранированных» от природной среды обитания и с измененным образом жизни. Это сказывается на характере старения, что на популяционном уровне отражается в соответствующих изменениях силы смертности и ее возрастной динамики. Переход в более комфортные условия приводит к снижению стартовой силы смертности M_0 . Это увеличивает ожидаемую продолжительность жизни e_0 [14]. Но комфортные условия способствуют более быстрой дезадаптации организма с возрастом t , повышению частоты дегенеративных патологий и росту темпа возрастного увеличения силы смертности (кинетического параметра « a »). А это снижает рекорды сверхдолголетия, что и наблюдается последние десятилетия.

Поэтому на все тот же вопрос — почему же стареет организм, состоящий из потенциально бессмертных клеток [10], возможным ответом может послужить пара идеализированных закономерностей демографической статистики смертности — закон Гомперца $M(t) = M_0 e^{at}$, известный с позапрошлого века, и обратная зависимость между параметрами закона Гомперца, корреляция Стрелера–Милдвана $\ln M_0(a) = \ln M - aT$ с параметрами M и T [16]. Здесь параметр M — это сила смертности при кинетическом параметре $a = 0$ (отсутствие старения), а T — это возраст, в котором семейства экспонент с разными кинетическими параметрами, пересекаясь, достигают силы смертности величиной в M , после чего расходятся.

Известно, что стабильная надежность (нестарение) и плановая устойчивость систем и режимов возможна лишь в некотором, эволюционно выверенном, диапазоне совокупных внешних условий и реакций особей на эти условия. При выходе из зоны устойчивости система теряет надежность (стареет). И темп ее старения становится тем большим, чем дальше условия жизнедеятельности отстоят от границ зоны устойчивости. Поэтому изучение особенностей взаимодействия «организм — среда» может быть полезней поисков «внутренних механизмов старения». Ведь именно при выходе из зоны адекватных режимов функционирования, диктуемых внешней средой, даже такие нестареющие организмы, как амёбы и гидры, начинают стареть по Гомперцу, т. е. с ростом силы смертности

по экспоненте. В этой связи понятно, что старение должно возникать в условиях, препятствующих полному самоподдержанию.

Интересно сравнение возрастных зависимостей силы смертности в странах с разным уровнем жизни и различных климатических условиях или в одной стране в исторической ретроспективе. Такое сравнение подтверждает, что ход цивилизации удаляет человека от адекватных «самоподдерживающих» режимов жизнедеятельности, ускоряя темп старения, т. е. увеличивая кинетический параметр « a » в гомперцевском приближении возрастной зависимости силы смертности $M(t) = M_0 e^{at}$. При этом, несмотря на ускорение старения (снижающее рекорды сверхдолголетия), ожидаемая продолжительность жизни растет за счет цивилизационного уменьшения начальной интенсивности смертности $M_0 = M e^{-aT}$ в согласии с корреляцией Стрелера—Милдвана.

Заключение и выводы

Демография может помочь геронтологии наметить пути для разрешения загадки старения. Большие системы, к которым, несомненно, принадлежат живые организмы с их огромным диапазоном структурно-временных параметров, являются трудным объектом для изучения всех их особенностей. Однако зачастую чем сложнее исследуемые системы или явления, тем проще могут быть не имитационные, а качественные модели, описывающие их основные свойства. Ведь при большом числе степеней свободы и сложности системы возможно перейти к агрегации и усредненным данным.

Кроме того, в точных науках часто успешно используют идеализированные сущности, явления или понятия, заведомо отсутствующие в природе. Например, «точечный заряд», «идеальный газ», «абсолютно черное тело» и т. п. Применение подобных понятий и построение идеализированных моделей позволяют описать основные характеристики исследуемых систем. А введение «параметра возмущения» дает возможность приблизить их свойства к свойствам реальных систем.

В теоретической геронтологии таким идеализированным объектом мог бы быть «нестареющий организм». Это понятие не является синонимом бессмертного существа. Ведь в природе невозможно исключить риск гибели от той доли внешних воздействий и внутренних флуктуаций, которая превышает ограниченные резервные возможности устойчивости организмов. Однако в неизменных (в среднем) условиях этот усредненный риск оставался бы постоянным за счет того, что резерв сопротивляемости не уменьшался бы с возрастом, как у стареющих особей. Поэтому основное отличие нестареющих организмов от стареющих особей заключается в том, что для последних мгновенный риск гибели увеличивается с возрастом за счет неизбежного умень-

шения сопротивляемости организма из-за ухудшения его надежности в процессе старения.

Интересно, что «нестареющие организмы» не такие уж нереальные объекты, как это может показаться. Они описаны и у одноклеточных (например, у амёб, парамеций и т. д.), и у многоклеточных (например, у гидр, плоских червей, некоторых рыб и др.). Однако их неподверженность старению не абсолютна. Известно, что определенные сдвиги внешних условий запускают у них своеобразный «фазовый переход» из нестаряющего состояния в старение. Например, уменьшение ниже критической величины концентрации питательных веществ в среде обитания амёб или температуры воды в аквариуме с гидрами неизбежно приводит к старению этих потенциально нестаряющих существ. Причем до определенного момента к старению обратимо («программируемо или стохастично старение?») и учесть, что устойчивость реально «устойчивых» систем и режимов возможна только в определенном, расчетном диапазоне внешних условий. И тогда теории управления и системного подхода достаточно для того, чтобы и найти первопричину старения и понять основные механизмы его реализации.

Простая модель возникновения старения из нестаряющего состояния (например, [4; 5]) согласуется с данными, накопленными к настоящему времени. А искусственная совместимость в особях одной популяции наименьшего кинетического параметра с наименьшей стартовой силой смертности уже привела к десятикратному росту продолжительности жизни лабораторных объектов — круглых червей нематод *C. elegans* [9].

Литература

1. Гаврилов Л. А., Гаврилова Н. С. Биология продолжительности жизни. — М.: Наука, 1991.
2. Голубев А. Г. Биология старения и продолжительности жизни. — СПб.: Издательство Н-Л., 2015.
3. Россет Э. Продолжительность человеческой жизни: пер. с польск. — М.: Прогресс, 1981.
4. Халявкин А. В. Взаимодействие «организм — среда» и причины старения // Успехи геронтологии. — 1998. — Вып. 2. — С. 43–48.
5. Халявкин А. В., Яшин А. И. Старение: роль управляющих сигналов // Геронтология in silico: становление новой дисциплины. Математические модели, анализ данных и вычислительные эксперименты / ред. Г. И. Марчук и др. — М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2007. — С. 114–147.
6. Халявкин А. В., Крутько В. Н. Старение есть простой депривационный синдром, вызываемый предотвратимым и обратимым дрейфом уставок управляющих систем из-за несоответствующего взаимодействия «организм — среда» // Биохимия. — 2014. — Т. 79. — № 10. — С. 1392–1395.

7. *Урланис Б. Ц.* Эволюция продолжительности жизни. — М.: Статистика, 1978.
 8. *Фролькис В. В., Мурадян Х. К.* Старение, эволюция и продление жизни. — Киев: Наукова думка, 1992.
 9. *Ayyadevara S., Allen R., Thaden J. J., Shmookler-Reis R. J.* Remarkable longevity and stress resistance of nematode PI3K-null mutants // *Aging Cell*. — 2008. — Vol. 7. — No. 1. — P. 13–22.
 10. *Frolkis V. V., Muradian Kh. K.* Life span prolongation. — CRC Press, Boca Raton, FL, 1991.
 11. *Khaliavkin A. V.* Influence of environment on the mortality pattern of potentially non-senescent organisms. General approach and comparison with real populations // *Advances in Gerontology*. — 2001. — Vol. 7. — P. 46–49.
 12. *Khalyavkin A. V., Yashin A. I.* Nonpathological senescence arises from unsuitable external influences // *Annals of the New York Academy of Sciences*. — 2007. — Vol. 1119. — P. 306–309.
 13. *Khalyavkin A. V.* Phenoptosis as genetically determined ageing influenced by signals from environment // *Biochemistry (Moscow)*. — 2013. — Vol. 78. — No. 9. — P. 1001–1005.
 14. *Oeppen J., Vaupel J. W.* Broken limits to life expectancy // *Science*. — 2002. — Vol. 296. — No. 5570. — P. 1029–1031.
 15. *Rando T. A., Chang H. Y.* Aging, rejuvenation, and epigenetic reprogramming: resetting the aging clock // *Cell*. — 2012. — Vol. 148. — No. 1. — P. 46–57.
 16. *Strehler B. L., Mildvan A. S.* General theory of mortality and aging // *Science*. — 1960. — Vol. 132. — No. 3418. — P. 14–21.
 17. URL: http://www.researchgate.net/profile/Alexander_Khalyavkin/publications/
-
1. *Gavrilov L. A., Gavrilova N. S.* *Biologija prodolzhitel'nosti zhizni*. — М.: Nauka, 1991.
 2. *Golubev A. G.* *Biologija starenija i prodolzhitel'nosti zhizni*. — SPb.: Izdatel'stvo N-L., 2015.
 3. *Rosset Je.* *Prodolzhitel'nost' chelovecheskoj zhizni: per. s pol'sk.* — М.: Progress, 1981.
 4. *Haljavkin A. V.* Vzaimodejstvie «organizm-sreda» i prichiny starenija // *Uspehi gerontologii*. — 1998. — Vyp. 2. — S. 43–48.
 5. *Haljavkin A. V., Jashin A. I.* Starenie: rol' upravljajushhijh signalov. V kn.: *Gerontologija in silico: stanovlenie novej discipliny. Matematicheskie modeli, analiz dannyh i vychislitel'nye jeksperimenty / red. G. I. Marchuk i dr.* — М.: BINOM. Laboratorija znaniy, 2007. — S. 114–147.
 6. *Haljavkin A. V., Krut'ko V. N.* Starenie est' prostoj deprivacionnyj sindrom, vzyvaemyj predotvratimym i obratimym dreyfom ustavok upravljajushhijh sistem iz-za nesootvetstvujushhego vzaimodejstvija «organizm-sreda» // *Biohimija*. — 2014. — Т. 79. — № 10. — S. 1392–1395.
 7. *Uralnis B. C.* *Jevoljucija prodolzhitel'nosti zhizni*. — М.: Statistika, 1978.
 8. *Frol'kis V. V., Muradjan H. K.* *Starenie, jevoljucija i prodlenie zhizni*. — Киев: Naukova dumka, 1992.

*Warren C. Sanderson,
Stony Brook University
New York, USA*

*Sergei Scherbov,
International Institute
for Applied Systems Analysis
Vienna, Austria*

Gender Inequality in Survival at Older Ages

Key words: gender inequality, survival in older ages

JEL codes: J14, J16

The work was supported by the European Research Council under the European Union's Seventh Framework Programme (FP7/2007-2013) / ERC under Grant ERC2012-AdG 323947-Re-Ageing.

Gender gaps are typically measured by subtracting the survival rates for women from that of men. In most countries and at most ages, these gender gaps indicate a survival rate disadvantage for men. This method is not informative because it is unclear whether larger or smaller gaps would be more equitable.

Here we reconceptualize the gender gap in survival based on differences from gender specific best practice rates and express those gender gaps in the metric years of age. If the age-specific survival rates for women in a particular country are farther behind the best practice survival rates for women than the survival rates for men are behind their best practice rates, then there is a gender gap to the disadvantage of women. This facilitates the analysis of gender gaps over ages, time periods and countries.

In order to quantify deviations from best-practice survival rates in a form that is most informative in studying differences across ages, countries, time periods and genders, we translate those deviations into the number of years behind best practice. The number of years behind best practice at any specific age is the difference between the age in the best practice country with the same five-year survival rate and that specific age.

For example, if women of age 60 in 1985 in a particular country had the same five-year survival rate as 65-year-old women in the best practice country in 1985, then they would be five years behind best practice. Women in the best practice country lived five more years than the 60-year-olds before their five-year survival rate fell to the same level. This approach is based on Sanderson and Scherbov (2005, 2010, 2013, 2016). All data used in this paper have been published by the United Nations in connection with World Population Prospects, the 2015 Revision.

We find that there has not generally been a trend toward gender equality in survival when measured relative to gender-specific best practice. In some

countries, gender gaps in survival to the disadvantage of women existed in 1960 and have even grown larger over time.

The results are shown in Figure 1 for Japan, the Russian Federation, the UK, and the USA. Each figure has three panels and provides data for 1960, 1985, and 2010. The upper panel shows the number of years behind best practice for women. The middle panel shows the same thing for men, and the lower panel shows the gender gap, the values in the middle panel minus those in the upper panel. The best practice rates for women are those observed in Norway in 1960 and Japan in 1985 and 2010. The best practice rates for men are those observed in Norway in 1960, Japan in 1985, and Australia in 2010.

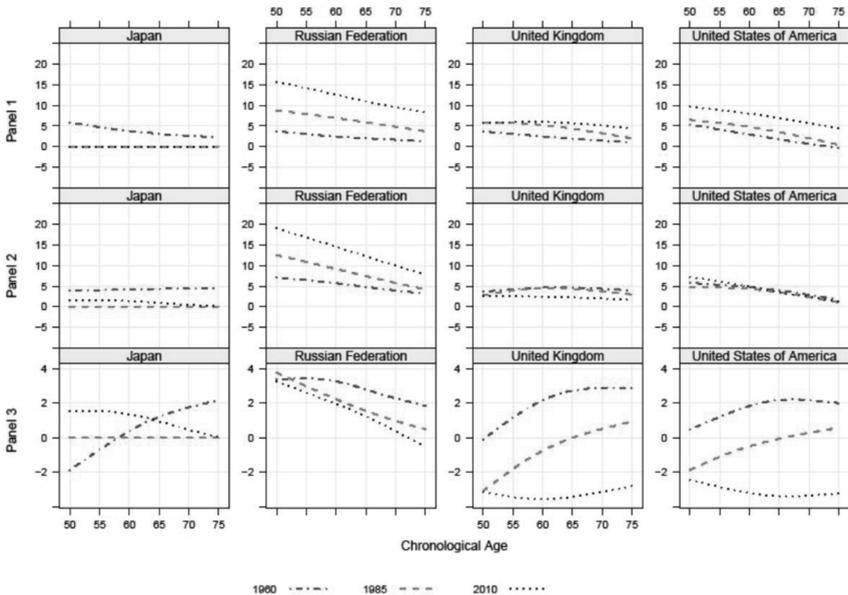

Figure 1. Gender Gaps in Survival for 50 to 75 Year Olds, Japan, Russian Federation, United Kingdom and United States of America, 1960, 1985, and 2010

In Figure 1, we show that 50-year-old UK women in 1960 were around 3 years behind their best practice counterparts in terms of survival rates in that year, while 50 year old UK women in 2010 were around 6 years behind their best-practice counterparts. Over the half century from 1960 to 2010, UK women fell further behind the 2 best practice leader. In 1960, 50-year-old UK men were around 3 years behind best practice and in 2010 they were still 3 years behind. The gender gap is the difference between how far men are behind best practice and how far behind women are.

The gender gap in survival at age 50 in the UK in 1960 was, therefore, zero. But this gender equality did not continue. In 2010, UK men at age 50 were

still around 3 years behind best-practice, while women at age 50 were around 6 years behind. The gender gap for UK 50 year olds in 2010 was, therefore, around -3 years ($= 3 - 6$). Over the period from 1960 to 2010, the gap between the survival rates for UK women and their best practice counterparts increased, while for men the gap remained about the same. The result was that, over time, the gender equality observed for 50 year olds in 1960 evolved into a survival rate disadvantage for women.

One motivation for using the number of years behind best practice is its interpretability. For example, 50-year-old UK women in 1960 had the same 5-year survival rates as 53-year-old women in the best practice population. This is easier to understand than if we were to report the corresponding survival rate differences or ratios by themselves.

The methodology employed here can be applied to quantify gender gaps in a variety of variables and help in the formulation of healthcare policies.

References

1. Sanderson W. C., & Scherbov S. (2005) Average remaining lifetimes can increase as human populations age. *Nature* 435 (7043): pp. 811–813. DOI: 10.1038/nature03593
2. Sanderson W. C., & Scherbov S. (2010) Remeasuring aging. *Science* 329 (5997): pp. 1287–1288. DOI: 10.1126/science.1193647
3. Sanderson W. C., & Scherbov S. (2013) The characteristics approach to the measurement of population aging. *Population and Development Review* 39 (4): pp. 673–685. DOI: 10.1111/j.1728-4457.2013.00633.x
4. Sanderson W. C., & Scherbov S. (2016) A new perspective on patterns of aging in Europe by education and gender. *Journal of Population Ageing* 9 (3): pp. 207–225. DOI: 10.1007/s12062-015-9125-z

СЕССИЯ 6

БРАЧНОСТЬ И БРАЧНО-СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

*Барашкова А. С.,
канд. экон. наук,
ведущий научный сотрудник
Северо-Восточный федеральный
университет имени М. К. Аммосова
Институт региональной
экономики Севера
(Якутск, Россия)*

Изменения брачного состояния якутов

Аннотация

Прослежена динамика брачного состояния якутов по материалам переписей населения 1897 и 2010 гг. Представлялось, что кардинальные перемены общественного обустройства, воспринимаемые как весьма важные внешние факторы заключения брака и его сохранения, инициируют позитивные сдвиги в брачной структуре якутов. Однако по данным переписи населения 2010 г. видно, что сохранились гендерные различия в уровне брачности якутов, возросла численность лиц, никогда не вступавших в брак. Многократно возросла неустойчивость браков. Указанные явления вследствие выраженного территориального разброса потребуют дифференцированного подхода при разработке дорожной карты в рамках Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.

Ключевые слова: переписи населения, категории брачного состояния населения, якуты

JEL код: J12

Доклад подготовлен в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России высшим учебным заведениям в части проведения научно-исследовательских работ по проекту № 26.8327.2017/8.9 и проекта Российского Фонда фундаментальных исследований № 17-02-00446_а.

*Barashkova A. S.,
Ph.D., Leading Researcher
North-East Federal University
in the name of M. K. Ammosov,
Institute of Regional Economics
of the North
(Yakutsk, Russia)*

Changes in the marital status of Yakuts

Abstract

The study of marital status of Yakuts is conducted based on 1897 and 2010 census data comparison. It seemed that a radical change of social arrangement that is perceived as rather important external factors to marriage conclusion and keeping would cause positive changes in spouse structure of Yakuts. However, according to 2010 census data, gender differences in marital level of Yakuts have been retained, the number of never married people has increased. The marital instability has grown up. The mentioned situations depend on local conditions implying differentiated approach to the development of the Road Map of basic directions realization of Far East Demographic policy concept up to 2025.

Key words: population census, population marital status categories, Yakuts

JEL code: J12

О брачном состоянии 136,0 тыс. якутов, проживающих весьма раздробленно в малонаселенных пунктах среднего течения р. Лена, можно судить по материалам переписи 1897 г. [5]. Тип брачности дореволюционной Якутии — традиционный, с присущими для этого типа чертами [3]. Однако обнаруживаются существенные гендерные различия, в частности: 1) численность (абсолютная и относительная) замужних женщин заметно превосходит численность женатых мужчин; 2) холостяков-мужчин более чем в 4 раза больше числа девиц; 3) вдовство женщин встречается 3 раза чаще, чем вдовство мужчин. Ситуацию с холостяками обычно связывают с экзогамными запретами [1, с. 89], а вдовство — с уровнем смертности от инфекционных заболеваний и туберкулеза [6, с. 33].

Анализ изменений брачной структуры якутов за 1897–2010 гг. выявляет рост абсолютного числа разведенных и разошедшихся (женщин — в 87,5 раза, мужчин — в 23,8 раза) [4, с. 210–211], причем и в последующем браки якутов не характеризуются устойчивостью [2, с. 179]. На этом фоне рост численности лиц, никогда не состоявших в браке (в 2,64 раза у мужчин и в 13,6 раза у женщин), уже не кажется столь критическим. Наряду с этим снизилась доля населения, состоящего в браке, причем для женщин это снижение оказалось более значимым.

Итак, брачность якутов, как и многих народов России, — процесс, весьма свободный от социального контроля, не влияет или мало влияет

на рождаемость, о чем свидетельствуют масштабы внебрачной рождаемости. Практически в течение четверти века почти каждый третий ребенок в республике рождается у матери-одиночки. Такая ситуация характерна и для большинства районов исторического проживания якутов. Территориальный разброс показателей брачного состояния якутов потребует дифференцированного подхода для разработки дорожной карты при реализации мер Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. [7].

Литература

1. *Гоголев А. К.* Социальная организация и традиционная семья якутов в XVII в. // *Семья у народов Северо-Востока СССР* / отв. ред. М. К. Панкратова. — Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1988. — С. 89–98.
 2. *Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): стат. сб.* — Якутск, 2015.
 3. *Калмыкова Н. М.* Демографическая составляющая развития семьи // *Домохозяйство, семья и семейная политика* / под ред. В. В. Елизарова, Н. В. Зверевой. — М.: Диалог-МГУ, 1997. — С. 58–72.
 4. Национальный состав и владение языками, гражданство населения Республики Саха (Якутия). *Итоги Всероссийской переписи населения 2010. Т. 4. Кн. 2: стат. сб.* — Якутск, 2013.
 5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. LXXX. Якутская область. Издание центрального статистического комитета Министерства внутренних дел под ред. Н. А. Тройницкого. — СПб., 1905.
 6. *Якутия: XX век в зеркале статистики: офиц. изд.* / редкол.: Т. А. Торговкина и др. — Якутск: Сахаполиграфиздат, 2001.
 7. URL: <http://base.garant.ru/71705978/>
1. *Gogolev A. K.* Sotsialnaya organizatsiya i traditsionnaya semia yakutov v XVII v. /Semia u narodov Severo-Vostoka SSSR / otv. red. M. K. Pankratova. — Yakutsk: YaF SO AN SSSR, 1988. — S. 89–98.
 2. Demograficheskiy ezhegodnik Respubliki Sakha (Yakutiya): stat. sb. — Yakutsk, 2015.
 3. *Kalmykova N. M.* Demograficheskaya sostavlyayushchaya razvitiya semi / Domokhozyaystvo. semia i semeynaya politika / pod red. V. V. Elizarova, N. V. Zverevoy. — M.: Dialog-MGU, 1997. — S. 58–72.
 4. Natsionalnyy sostav i vladeniye yazykami. grazhdanstvo naseleniya Respubliki Sakha (Yakutiya). Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2010. T. 4. Kn. 2: stat. sb. — Yakutsk, 2013.
 5. Pervaya vseobshchaya perepis naseleniya Rossiyskoy imperii 1897 g. LXXX. Yakutskaya oblast. Izdaniye tsentralnogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennikh del pod red. N. A. Troynitskogo. — Spb., 1905.
 6. Yakutiya: XX vek v zerkale statistiki: ofits. izd. / redkol.: T. A. Torgovkina i dr. — Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2001.

*Мамадалиева Х. Х.,
канд. экон. наук, руководитель
Республиканского научно-практического
центра «Оила» (Семья)
(Ташкент, Узбекистан)*

Особенности формирования семьи в Узбекистане в современных условиях

Аннотация

В настоящее время на процессы, включая состав и структуру семьи, большое воздействие оказывают современные глобальные тенденции, но при этом в значительной степени сохраняются национальные особенности и традиции. Следует отметить, что Узбекистан соответствует общемировым тенденциям, получившим развитие во многих странах мира. Фундаментальной моделью брачно-семейных отношений в Узбекистане продолжает оставаться пожизненный брак супругов, зарегистрированный в установленном порядке, и рожденные в законном браке дети.

Ключевые слова: семья, структура, супруги, брачный возраст, рождаемость
JEL код: J12

*Mamadaliyeva H. H.,
PhD, director of the Republican Scientific
and Practical Center "Oila" (Family)
of Republic of Uzbekistan
(Tashkent, Uzbekistan)*

Features of family formation in Uzbekistan under modern conditions

Abstract

Now processes, including structure and structure of a family, big impact current global trends make, but at the same time national peculiarities and traditions substantially remain. It should be noted that Uzbekistan corresponds to the universal tendencies which have gained development in many countries of the world. Fundamental model of the matrimonial relations in Uzbekistan continues to remain the lifelong marriage of spouses registered in accordance with the established procedure and the children born in a legal marriage.

Key words: family, structure, spouses, age of consent, birth rate
JEL code: J12

Узбекистан отличается значительными особенностями воспроизводства населения, определяющими основы и специфику формирования семьи. В настоящее время на эти процессы, включая состав и структуру семьи, большое воздействие оказывают современные глобальные тенденции, но при этом в значительной степени сохраняются национальные особенности и традиции. Следует отметить, что в вопросах динамики се-

мейной структуры Узбекистан соответствует общемировым тенденциям, получившим развитие во многих странах мира. Исследования экспертов ООН показали, что когда у людей есть выбор, они предпочитают иметь меньшую семью [3]. Основными факторами уменьшения размеров семей являются сокращение числа детей в семьях, дробление сложных семей на простые и, таким образом, упрощение семейной структуры населения [2].

Тенденции изменения в семейной структуре сопровождаются сокращением среднего размера семьи. В современном Узбекистане четко выраженной тенденцией динамики семейной структуры населения является уменьшение больших и сложных семей. Исследования показывают, что в современном мире главным фактором формирования среднего размера семей является уровень рождаемости. Так, в Узбекистане, как и в развивающихся странах Азии и Латинской Америки, снижение смертности, не сопровождающееся снижением рождаемости, привело не к сокращению, а к росту среднего размера семей. В соответствии с общемировыми закономерностями демографического развития все страны прошли через высокую рождаемость и многодетность. В настоящее время уменьшение сложных семей в Узбекистане происходит повсеместно. Это означает, что семья как важнейшая ячейка общества находится в постоянном движении и развитии. Как показывают исследования [1], в обобщенном виде демографическое развитие семьи проходит через следующие этапы:

- вступление в брак;
- обзаведение детьми, как правило, в молодых возрастах супругов;
- тенденция к нуклеаризации семей, т. е. к раздельному проживанию младшего и старшего поколений, при сохранении тесных связей между ними.

С обретением независимости отраслевая структура сельской экономики республики стала совершенствоваться. В настоящее время села имеют достаточно разнообразную инфраструктуру. Происходит ускоренное развитие частного и малого бизнеса, фермерских хозяйств с привлечением сельскохозяйственной техники и новых технологий, повышается материальный уровень, и улучшается образ жизни населения в городах и сельской местности. В соответствии с этим значительно сократилось число больших и сложных семей. В современном обществе стала все более проявляться тенденция жить в спокойных малых семьях, у людей пропадает желание возвращаться к прошлому, жить в больших и сложных семьях.

Современная семья в Узбекистане — это демократическая моногамная форма брака, основанная на равноправии мужчин и женщин. Добровольность вступления в брак закреплена в Конституции Республики Узбекистан (ст. 46), «только брак, зарегистрированный в органах ЗАГС, порождает права и обязанности супругов» [4]. Браки между близкими родственниками либо лицами, уже состоящими в браке, запрещены законом.

Узбекистан характеризуется высоким уровнем брачности. По данным советских переписей населения, самая высокая доля лиц, живущих в семьях, была в Узбекистане. Так, в 1989 г. она составила 95,3%, в то время как в республиках европейской части страны — 86–87%, а одинокие и отдельно проживающие члены семьи составляли не менее 13–14 против 4,7% в Узбекистане. Высокий уровень брачности сохраняется и в новейшее время. В республике ежегодно увеличивается численность населения, вступающего в брак. Одновременно с этим растет коэффициент брачности населения. Только за 2000–2016 гг. в республике было зарегистрировано 4,314 млн браков, т. е. молодоженами стали более 8 млн человек, из них около 3 млн — в городах, 5 млн — в сельской местности. В разные годы число регистрируемых браков в республике сильно различалось. В 1990-х гг. на протяжении длительного времени происходило снижение численности молодоженов. В первые годы независимого развития определенная часть молодежи предпочитала религиозную форму заключения брачного союза, и их брак не проходил через статистический учет. Недоучет численности населения, вступающего в брак, и другие негативные тенденции развития брачного рынка продолжались более 10 лет, охватывая городское и сельское население во всех регионах республики.

Эта неблагоприятная тенденция была преодолена к 2005 г., и с того времени число заключенных браков, прошедших официальную регистрацию, неуклонно возрастает. В 2007 г. молодоженами стали 508,4 тыс. чел., в 2016 г. — 550 тыс. чел. против 368 тыс. чел. в 2005 г. Следует отметить, что при сохранении традиций сватовства семья в Узбекистане строится прежде всего на любви, а в качестве основного критерия желаемых качеств потенциальных супругов выступают характеристики нравственности. При этом важно, что в узбекских семьях при вступлении в брак молодожены получают обязательное благословение обоих родителей.

Население республики предпочитает жить в официально зарегистрированном браке. Число и доля гражданских браков невелики и не имеют тенденции к росту. В республике сложилось в целом неодобрительное отношение населения к гражданским бракам, причем эта позиция из года в год укрепляется.

Фундаментальной моделью брачно-семейных отношений в Узбекистане продолжает оставаться пожизненный брак супругов, зарегистрированный в установленном порядке, и рожденные в законном браке дети. Такая форма брака существует много веков и является надежной базой качественного воспроизводства поколений. В республике преобладают полные семьи, состоящие в законном браке, основной ценностью семьи по-прежнему остаются дети.

По данным Госкомитета республики по статистике, ежегодно подавляющее число новобрачных составляют лица, впервые вступающие

в брак. Высокий уровень брачности при низкой разводимости населения выгодно отличает Узбекистан от многих стран мира.

Однако, несмотря на в целом благополучную ситуацию в сфере семейно-брачных отношений, современная семья в республике имеет и немало проблем. Среди них — экономические, социально-психологические, гендерные. В каждой семье в определенные периоды возникают проблемы материального обеспечения, качества жизни, поддержания здоровья, профессионального образования детей. Имеются проблемы и в трудовой сфере родителей и взрослых детей.

Одной из особенностей брачного рынка Узбекистана является относительно молодой возраст вступления в брак. В соответствии с законодательством, в Узбекистане он определен для девушек — 17 лет, для юношей — 18 лет. По данным Госкомитета республики по статистике, основная часть женщин республики (84%) создают семью в молодом возрасте — от 18 до 24 лет. Мужчины в основном вступают в брак на три-четыре года позже. В настоящее время общемировой тенденцией развития семейно-брачных отношений является повышение возраста вступления в брак. Эти процессы прослеживаются во многих странах Северной и Западной Европы, а также в СНГ.

Однако тенденция повышения брачного возраста уже наметилась и в Узбекистане. По данным Госкомитета республики по статистике, за 2000—2013 гг. средний возраст вступления в брак поднялся у мужчин с 24,2 до 25,9 года, у женщин — с 21,4 до 22,5 года. Эта тенденция особенно видна в анализе новобрачных по возрасту вступления в брак за последние годы. По этим данным, за 2000—2013 гг. доля новобрачных в самом молодом возрасте (до 20 лет) снизилась в республике у мужчин с 5,2 до 1,5%, у женщин — с 36,8 до 22,8%. Причем особенно заметные перемены произошли внутри этой возрастной группы: удельный вес 19-летних поднялся соответственно у мужчин с 68,1 до 77,3%, у женщин — с 47,8 до 59,1% при заметном снижении доли 17-летних.

Повышение возраста вступления в первый брак, особенно у девушек, оказывает определенное влияние на воспроизводственные процессы, содействует снижению рождаемости. Ведь чем позже женщина вступает в брак, тем меньше остается ее репродуктивного времени для рождения детей. Заметное влияние на эти процессы оказывает уровень образованности населения. Как правило, молодые люди с высшим образованием вступают в брак на два-три года позже, чем в среднем по республике.

Во многих развитых странах мира тенденция увеличения возраста вступления в брак выражена в большей мере, чем в Узбекистане. Такая динамика определяет современные западные тенденции воспроизводства населения. Поздние браки сокращают репродуктивный период женщин, увеличивают возрастной разрыв между родителями и детьми и удлиняют «расстояние» между поколениями.

Исследования показывают, что в целом состояние семьи и семейно-брачных отношений в Узбекистане является достаточно устойчивым, их можно оценивать как одну из наиболее успешных моделей брака, сочетающих современные положения и веками сложившиеся традиции и обычаи народа.

Литература

1. Волков А. Г. Семья — объект демографии. — М.: Мысль, 1986. — С. 240–241.
 2. Елизаров В. В. Демографическая ситуация и проблемы семейной политики // Социологические исследования. — 2002. — № 2. — С. 63.
 3. Народонаселение мира в 2014 году. Мощь 1,8 миллиарда. — Издание UNFPA, 2014. — С. 9–10.
 4. Семейный кодекс Республики Узбекистан. — Т., 1998. — 64 с.
1. Volkov A. G. Sem'ja — ob#ekt demografii. — M.: Mysl', 1986. — S. 240–241.
 2. Elizarov V. V. Demograficheskaaja situacija i problemy semejnoj politiki // Zhurnal «Sociologicheskie issledovanija». — 2002. — № 2. — S. 63.
 3. Narodonaselenie mira v 2014 godu. Moshh' 1,8 milliarda. — Izdanie UNFPA, 2014. — S. 9–10.
 4. Semejnij Kodeks Respubliki Uzbekistan. — T.: 1998. — 64 s.

Синельников А. Б.,
д-р социол. наук, доцент
МГУ имени М. В. Ломоносова
Социологический факультет
(Москва, Россия)

Динамика спроса и предложения на российском брачном рынке в демографическом измерении

Аннотация

Демографы изучают брачность мужчин и женщин как два параллельных процесса с двумя системами показателей без какого-либо обобщающего коэффициента. Автор предлагает сравнивать число браков не с числом неженатых мужчин или незамужних женщин, а с дополнительным брачным потенциалом, т. е. с максимально возможным числом браков при данном спросе и предложении на «брачном рынке». При расчете дополнительного брачного потенциала принимаются во внимание численность и возрастная структура неженатых мужчин и незамужних женщин, а также вероятность различных сочетаний возрастов жениха и невесты. Сравнение между фактическим и максимально возможным числом браков позволяет более адекватно изучать процесс образования супружеских пар с учетом спроса и предложения на брачном рынке.

Ключевые слова: брачность, брачный рынок, спрос, предложение, дополнительный брачный потенциал, реализация дополнительного брачного потенциала

JEL коды: J11, J12

*Sinelnikov A. B.,
Doctor of Sociology
Associate Professor of Faculty of Sociology
Moscow State Lomonosov University
(Moscow, Russia)*

The dynamics of demand and supply in the Russian marriage market in the demographic dimension

Abstract

Demographers are studying marriage rates of men and women as two parallel processes, two systems of indicators, without any synthesis ratio. The author proposes to compare the number of marriages is not with the number of unmarried men or unmarried women but with maximum number of possible marriages for a given demand and offer in the "marriage market" (additional mating potential). The calculation of additional mating potential is taking into account the number and age structure of unmarried men and women, as well as the probability of different combinations of ages of the bride and groom. The comparison between the actual and the maximum possible number of marriages allows more adequate to study the formation process of couples considering supply and demand in the marriage market.

Key words: marriage rate, marriage market, demand, supply, additional mating potential, realization of additional marriage potential

JEL code: J11, J12

Для изучения брачности в демографии применяется ряд показателей: средний возраст вступления в брак, уровень окончательного безбрачия (доля никогда не вступавших в брак до выхода из репродуктивного возраста), процент повторных браков, возрастные коэффициенты брачности и т. п. Каждый из них рассчитывается для мужчин и для женщин, словно речь идет о двух разных и якобы даже не связанных между собой процессах. Показатели «мужской» и «женской» брачности характеризуют две стороны брачности как единого для обоих полов процесса.

Общим для обоих полов является лишь общий коэффициент брачности.

**Общий
коэффициент
брачности**

$$\frac{\text{Число зарегистрированных браков (за год)}}{\text{Среднегодовая численность населения} \times 1000\text{‰}}$$

При этом расчете нарушается принцип соответствия между числителем дроби — числом браков — и ее знаменателем — среднегодовой численностью всего населения, включая женатых мужчин, замужних женщин, а также детей и подростков, которые не имеют права вступать в законный брак. Общий коэффициент не характеризует интенсивно-

сти процесса вступления в брак. Для этого используются специальные коэффициенты брачности, но это будут уже два разных показателя для мужчин и женщин:

Специальный
коэффициент
брачности мужчин

Число зарегистрированных браков
(за год или в среднем за год)

(Число мужчин старше 18 лет, не состоящих
в зарегистрированном браке) $\times 1000\%$

Специальный
коэффициент
брачности женщин

Число зарегистрированных браков
(за год или в среднем за год)

(Число женщин старше 18 лет, не состоящих
в зарегистрированном браке) $\times 1000\%$

Число браков в 2010 г. — 1 215 066, в 2011 г. — 1 316 011 [2, с. 50], в среднем за год — 1 265 539.

Число мужчин старше 18 лет, не состоящих в зарегистрированном браке, — 22 873 091.

Число женщин старше 18 лет, не состоящих в зарегистрированном браке, — 34 216 146.

(Рассчитано по: [5, с. 294–295].)

Специальный коэффициент брачности мужчин = $\frac{1\,265\,539}{22\,873\,091} \times 1000\% = 55\%$.

Специальный коэффициент брачности женщин = $\frac{1\,265\,539}{34\,216\,146} \times 1000\% = 37\%$ (рис. 1).

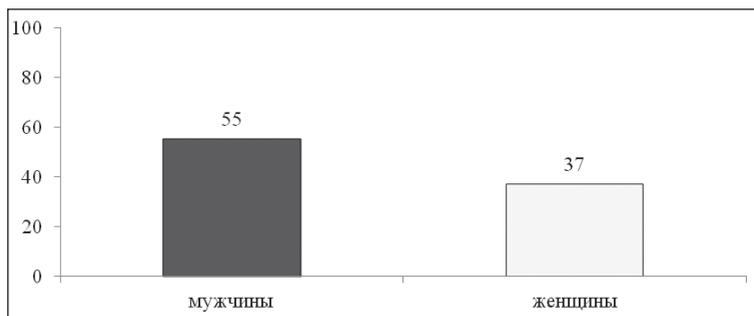

Рис. 1. Специальные коэффициенты брачности (число браков на 1000 совершеннолетних лиц данного пола, не состоящих в законном браке).

Российская Федерация, 2010–2011 гг.

Источник: рассчитано по: [5; 2]

Специальный коэффициент брачности у мужчин больше, чем у женщин, потому что неженатых мужчин меньше, чем незамужних женщин. Но не для всех мужчин хватает невест. По данным переписи 2010 г., в России насчитывалось 10,6 млн неженатых мужчин от 18 до 29 лет, а незамужних женщин этого возраста — только 8,9 млн. В возрастах 30–49 лет число «свободных» от брачных уз мужчин (7,2 млн) уже значительно меньше, чем женщин (8,5 млн). А среди населения старше 50 лет на 5,1 млн мужчин, не состоящих в законном браке, приходится 16,8 млн одиноких женщин (рис. 2).

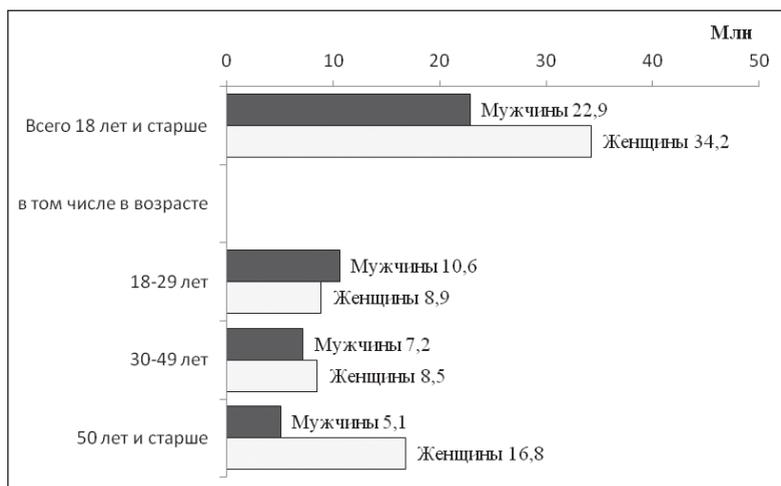

Рис. 2. Число лиц, не состоящих в зарегистрированном браке, по полу и возрасту, млн чел.

Источник: рассчитано по: [5, с. 294–295]

Специальные коэффициенты брачности характеризуют интенсивность вступления в брак, которая зависит от возможности брака и от степени ее реализации. Возможности у мужчин и женщин разные, но реализуются они не мужчинами и не женщинами в отдельности, а парами новобрачных. Реализация определяется путем сравнения числа браков, зарегистрированных за один год, с теоретическим максимумом для числа браков, которые могут быть заключены при данной численности и возрастном составе неженатых мужчин и незамужних женщин, с учетом частоты всех вариантов сочетания возрастов женихов и невест.

За 1994–2015 гг. увеличилась доля браков между ровесниками, увеличилась доля браков, в которых жених старше невесты на 1–2 возрастных класса, т. е. примерно на 5–10 лет, однако несколько более частыми стали браки с большой разницей в возрасте в пользу жениха — на 3 и более

возрастных класса, или на 15 и более лет. Участились случаи, когда невеста старше жениха (рис. 3).

Рис. 3. Распределение новобрачных по разнице возрастов жениха и невесты. РФ, 1994 и 2015 гг.
Источник: рассчитано по данным Росстата

Речь здесь идет не о разнице между точными возрастными, а о разнице между пятигодовыми возрастными классами (или группами). Например, если жених принадлежит к возрастной группе 30–34 года, а невеста — к группе 25–29 лет, то разница между их возрастными классами составляет один класс (примерно пять лет).

Способ расчета этого максимума и степени его реализации, а также производных от них показателей, был разработан автором этой статьи [8; 9] с учетом методики анализа ситуации на брачном рынке при нарушенном соотношении полов, предложенной Х. В. Мюзамом [13].

Чтобы определить максимально возможное число браков по данным переписи, проведенной в конце 2010 г. (октябрь), требуются данные о сочетании возрастов новобрачных за два смежных с переписью года (2010 и 2011-й). Но в 1997–2010 гг. эта форма статистической отчетности не разрабатывалась Росстатом. Лишь в 2011 г. она была восстановлена.

В 2011 г. в России было зарегистрировано 1 316 011 браков, в том числе женихов в возрасте до 24 лет — 381 545, невест того же возраста — 586 127. Число браков между женихами до 24 лет и невестами этой же возрастной группы — 312 281 [14, р. 600]. 82% среди всех женихов до

24 лет женились на невестах до 24 лет ($312\,281 / 381\,545 = 0,82$). Но среди невест до 24 лет лишь 53% вышли замуж за женихов, которым тоже исполнилось не более 24 лет ($312\,281 / 586\,127 = 0,53$).

В 2010 г. в России насчитывалось 7,2 млн мужчин и 6 млн женщин 18–24 лет, не состоящих в законном браке [5, с. 294–295]. Женщины вступают в брак в более молодом возрасте, чем мужчины, из-за чего в 18–24 года замужних больше, чем женатых, а незамужних меньше, чем неженатых. Так как 82% мужчин 18–24 лет женятся на ровесницах, то их «спрос» на ровесниц: $7,2 \text{ млн} \times 0,82 = 5,9 \text{ млн}$. Но среди женщин 18–24 лет лишь 53% выходят замуж за ровесников. «Предложение» невест 18–24 лет для женихов 18–24 лет: $6,0 \text{ млн} \times 0,53 = 3,2 \text{ млн}$. Это и есть **комбинационный брачный потенциал** для данной комбинации возрастов, т. е. минимум из двух величин — «предложения» и «спроса».

Таблица 1

**«Спрос» (С) и «предложение» (П) на брачном рынке,
РФ, 2010 г. (тыс. чел.)**

Возраст женщин		Возраст мужчин							
		18–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–59	>60
До 24 лет	С	5906,3	1691,4	504,1	165,6	60,2	28,8	18,5	7,6
	П	3213,3	2220,6	454,7	101,6	27,0	9,1	4,3	0,7
25–29	С	1090,7	1342,1	949,7	483,6	213,0	103,0	64,8	20,1
	П	458,4	1360,9	661,6	229,1	73,7	25,1	11,5	1,4
30–34	С	173,0	273,3	610,9	607,6	359,6	207,4	143,2	38,1
	П	131,8	502,3	771,3	521,5	225,4	91,4	46,1	4,8
35–39	С	34,8	59,6	182,7	425,7	422,3	311,2	240,9	65,2
	П	45,7	188,7	397,8	630,3	456,6	236,5	133,7	14,1
40–44	С	7,8	11,5	41,7	126,0	294,7	352,8	343,0	105,2
	П	17,3	62,1	154,1	316,6	540,8	455,0	323,2	38,5
45–49	С	2,2	2,5	11,2	35,7	106,0	342,1	554,0	207,5
	П	8,0	21,2	66,3	143,4	311,3	705,7	835,0	121,6
50–59	С	1,2	0,8	2,9	11,4	40,5	168,6	1037,6	983,9
	П	8,0	13,0	32,3	87,7	226,9	663,8	2984,7	1100,5
60 лет и больше	С	0,3	0,3	0,4	0,7	1,9	8,0	113,5	1152,3
	П	14,4	28,9	28,0	35,2	73,1	220,2	2289,9	9038,7
Мужской спрос превышает женское предложение: С > П									
Женское предложение превышает мужской спрос: С < П									

Источник: рассчитано по: [United Nations Demographic Yearbook, 2013, p. 600; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Т. 2..., 2012, с. 294–295].

Мужчинам 18–24 лет не хватает невест (ровесниц и старше себя), многие из которых считают их недостаточно «взрослыми» для брака.

Конъюнктура на «брачном рынке» выгоднее всего для мужчин 25–29 лет. Их «спрос» на невест любого возраста меньше «предложения».

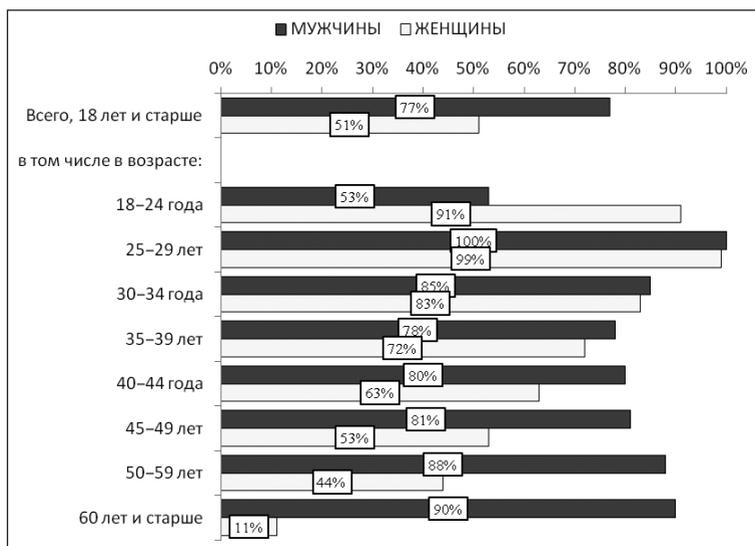

Рис. 4. Дополнительный брачный потенциал (в % к числу лиц данного пола и возраста, не состоящих в зарегистрированном браке)

Источник: рассчитано по тем же источникам, что и табл. 1

Среди 18–24-летних возможность вступить в брак есть примерно у половины неженатых мужчин и у 9 из 10 незамужних женщин. Среди 25–29-летних — у всех мужчин и у 99 из 100 женщин. После 30 лет возможности вступления в брак у женщин уменьшаются. Однако и среди 100 неженатых мужчин от 35 до 39 лет только 78 могут жениться. Невестовесниц и старше себя им хватает с избытком, но две трети мужчин этого возраста ориентированы на брак с женщинами на 5–10 и более лет моложе себя, многие из которых считают мужчин 35–39 лет слишком «старыми».

В возрасте от 40 до 44 лет шансов на создание семьи у женщин (63%) уже значительно меньше, чем у мужчин (80%). Еще более заметна эта разница в 45–49 лет (53 и 81%), в 50–59 лет (44 и 88%). После 60 лет возможность вступить в брак есть у девяти из десяти одиноких мужчин и лишь у одной из десяти одиноких женщин.

Мужчины могут легко найти жену своего возраста либо моложе себя на несколько лет. Но если разница в возрасте (в пользу мужчины) более 10 лет, то мужской спрос превышает женское предложение и часть мужчин не может жениться.

Если из двух цифр в каждой клетке табл. 1 выбрать наименьшую и просуммировать все эти минимумы, то окажется, что из 22,9 млн неженатых мужчин и 34 млн незамужних женщин может быть образовано не более 17,6 млн супружеских пар. Это и есть **дополнительный брачный потенциал** (в абсолютном выражении).

Тот же показатель в расчете на 1000 чел. населения — это **потенциал брачности**, т. е. максимально возможное значение общего коэффициента брачности.

Потенциал
брачности

$$\frac{\text{Дополнительный брачный потенциал}}{\text{Общая численность населения} \times 1000\text{‰}}$$

В 1993–1994 гг. потенциал брачности составлял 82‰. К 2010–2011 гг. он повысился на 41‰ и составил 123‰, так как увеличилось число взрослых мужчин и женщин, не состоящих в браке. Еще через пять лет — в 2015–2016 гг. показатель был равен 114‰, т. е. немного понизился (на 9‰), но не вернулся к уровню 1993–1994 гг. (рис. 5).

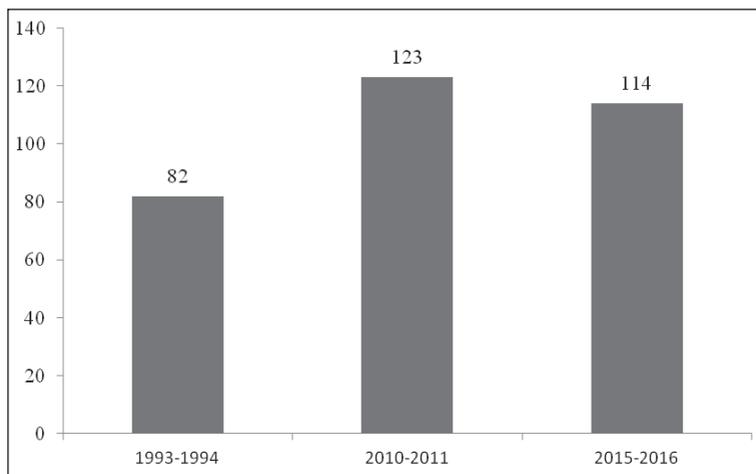

Рис. 5. Потенциал брачности (на 1000 населения) РФ, 1993–2016 гг.

Источник: рассчитано по данным Росстата [в том числе:

Демографический ежегодник России. 1994. — М.: 1995 (табл. 3.6);

Демографический ежегодник России. 2015, с. 50; Естественное движение населения..., 2017, с. 51–54; Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года.

Т. 2..., 2012, с. 294–295; Россия в цифрах. 2016, с. 76; Состояние в браке и рождаемость в России... 1995, с. 8–9; United Nations Demographic Yearbook. 2013, р. 600]; Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 г. (табл. 1.1 и 1.2) —

URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html

(дата обращения: 18.02.2017)]

Формула расчета реализации потенциала брачности:

$$\frac{\text{Реализация потенциала брачности}}{\frac{\text{Общий коэффициент брачности (на 1000 населения)}}{\text{Потенциал брачности (на 1000 населения)}}} \times 100\%$$

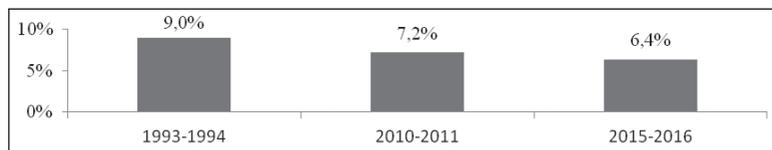

Рис. 6. Реализация потенциала брачности РФ, 1993–2016 гг. (в % к потенциалу)

Источник: рассчитано по тем же данным, что и рис. 5

В среднем за 1993–1994 гг. потенциал реализовывался на 9,0%, в 2010–2011 гг. — на 7,2, в 2015–2016 гг. — на 6,4% (рис. 6).

Общий коэффициент брачности декомпозируется на два компонента — потенциал брачности и реализацию потенциала брачности.

$$\text{Общий коэффициент брачности} = \text{Потенциал брачности} + \text{Реализация потенциала брачности.}$$

Общий коэффициент брачности повысился с 7,4 в 1993–1994 гг. до 8,9 в 2010–2011 гг., а затем понизился до 7,3 в 2015–2016 гг. (рис. 7). Это вызвано противоположными тенденциями в динамике двух компонентов, влияющих на общий коэффициент. Потенциал брачности резко повысился между 1993–1994 и 2010–2011 гг., а затем немного понизился. Однако второй компонент, т. е. степень реализации этого потенциала, все время уменьшается (см. рис. 5).

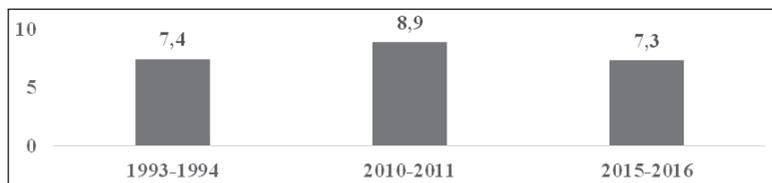

Рис. 7. Общие коэффициенты брачности

на 1000 населения РФ, 1993–1994, 2010–2011 и 2015–2016 гг.

Источник: рассчитано по данным Росстата [см. Демографический ежегодник России. 1994. — М.: Госкомстат России, 1995 (табл. 3.6); Демографический ежегодник России. 2015, с. 50; Естественное движение населения Российской Федерации, 2017, с. 51–54]

Некоторые демографы утверждают, что уменьшение числа законных браков компенсируется ростом числа «гражданских» браков, а число и доля людей, состоящих в каких-либо формах «брачно-партнерских союзов», не уменьшается [4].

Чтобы учесть «гражданские» браки, следует рассчитать общий брачный потенциал, т. е. суммарную численность мужчин (женщин), состоящих в браке либо имеющих возможность вступить в брак.

$$\text{Общий брачный потенциал} = \text{Число мужчин (женщин), состоящих в законном браке} + \text{Дополнительный брачный потенциал.}$$

Нетто-реализация общего брачного потенциала — это его часть, которая приходится на лиц, состоящих в законном браке.

$$\text{Нетто-реализация общего брачного потенциала} = \frac{\text{Число мужчин (женщин), состоящих в законном браке}}{\text{Общий брачный потенциал}} \times 100\%.$$

В 1994 г. она составляла 74%, в 2010 г. — 63, в 2015 г. — 65%.

Брутто-реализация общего брачного потенциала — это его часть, которая приходится на лиц, состоящих в любых формах «брачно-партнерских союзов», независимо от того, зарегистрированы ли они в ЗАГСе.

$$\text{Брутто-реализация общего брачного потенциала} = \frac{\text{Число мужчин (женщин), состоящих в законном или «гражданском» браке}}{\text{Общий брачный потенциал}} \times 100\%.$$

Брутто-реализация выше нетто-реализации, но также снизилась с 79% в 1994 г. до 72% в 2010 г. и немного увеличилась — до 74% в 2015 г. [рассчитано по тем же источникам, что и график на рис. 5]. Однако до возврата к показателям состояния в браке, имевшим место в 1994 г., еще очень далеко, а показатели вступления в брак продолжают снижаться.

Брутто- и нетто-реализации общего брачного потенциала характеризуют степень использования возможности состоять в браке, а реализация потенциала брачности — степень использования возможности вступить в брак. Все эти показатели уменьшаются, что отражает отношение населения к браку, а брутто-реализация общего брачного потенциала учитывает также и «гражданские» браки (рис. 8).

Растет число мужчин и женщин, согласных вступать в брак лишь с идеальными партнерами, которых почти невозможно найти, или они не отвечают взаимностью, или уже состоят в браке. Люди, не готовые скорректировать свои притязания ради создания семьи, не считают оди-

ночество трагедией. Многие отказываются не только от законного брака, но и от сожительства, поскольку при совместной жизни с партнером приходится считаться с его интересами. Те, кто стремится к полной свободе, предпочитают одиночество [12].

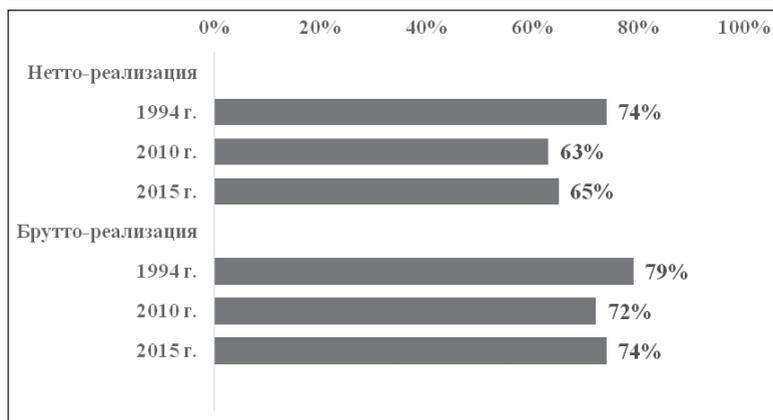

Рис. 8. Брутто- и нетто-реализации
общего брачного потенциала РФ, 1994, 2010 и 2015 гг.
Источник: рассчитано по тем же данным, что и рис. 5

Метод брачных потенциалов может применяться в перспективных расчетах брачно-семейной структуры населения, а также для разработки рекомендаций по демографической политике.

Литература

1. Демографический ежегодник России. 1994. — М.: Госкомстат России, 1995.
2. Демографический ежегодник России. 2015: стат. сб. / Росстат. [Электронное издание]. — М., 2015.
3. Естественное движение населения Российской Федерации за 2016 год: стат. бюллетень. — М.: Росстат, 2017.
4. Захаров С. В. Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под научн. ред. Т. М. Малевой, О. В. Сиянвской. — М.: НИСП, 2007. — С. 75–126.
5. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. В 11 т. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке. — М.: Статистика России, 2012.
6. Основные итоги микропереписи населения 1994 г. — М.: Госкомстат России, 1994.
7. Россия в цифрах. 2016: кратк. стат. сб. — М.: Росстат, 2016.
8. Синельников А. Б. Брачная ситуация в РСФСР // Тенденции развития современной семьи. — М.: Институт социологии РАН, 1992. — С. 9–28.

9. Синельников А. Б. Статистика брачности и «служба знакомств» // Стабильность семьи как социальная проблема. — М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1978. — С. 146–166.
 10. Состояние в браке и рождаемость в России (по данным микропереписи населения 1994 г.). — М.: Госкомстат России, 1995.
 11. Таблицы с итогами микропереписи населения 2015 года. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения: 18.02.2017).
 12. Klínenberg E. Going Solo. The Extraordinary Rise and Surprising Appeal of Living Alone. — New York, Penguin Hooks, 2012.
 13. Muhsam H. V. The marriage squeeze // Demography. — 1974. — № 11(2). — P. 291–299.
 14. United Nations Demographic Yearbook 2012. — Sixty-third issue. — New York, United Nations, 2013.
1. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 1994. — М.: Goskomstat Rossii, 1995.
 2. Demograficheskiy ezhegodnik Rossii. 2015: statisticheskij sbornik / Rosstat. [Elektronnoe izdanie]. — М., 2015.
 3. Estestvennoe dvizhenie naselenija Rossijskoj Federacii za 2016 god: statisticheskij bjulleten'. — М.: Rosstat, 2017.
 4. Zaharov S. V. Transformacija brachno-partnerskih otnoshenij v Rossii: «zolotoj vek» tradicionnogo braka blizitsja k zakatu? // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshhiny v sem'e i obshhestve / pod nauchnoj redakciej T. M. Malevoj, O. V. Sinjavskoj. — М.: NISP, 2007. — S. 75–126.
 5. Itogi Vserossijskoj perepisi naselenija 2010 goda. V 11 tomah. Tom 2. Vozrastno-polovoj sostav i sostojanie v brake. — М.: Statistika Rossii, 2012.
 6. Osnovnye itogi mikroperepisi naselenija 1994 g. — М.: Goskomstat Rossii, 1994.
 7. Rossija v cifrah. 2016: kratkij statisticheskij sbornik. — М.: Rosstat, 2016.
 8. Sinelnikov A. B. Brachnaja situacija v RSFSR // Tendencii razvitija sovremennoj sem'i. — М.: Institut sociologii RAN, 1992. — S. 9–28.
 9. Sinelnikov A. B. Statistika brachnosti i “sluzhba znakomstv” // Stabil'nost' sem'i kak social'naja problema. — М.: Institut sociologicheskikh issledovanij AN SSSR, 1978. — S. 146–166.
 10. Sostojanie v brake i rozhdajemost' v Rossii (po dannym mikroperepisi naselenija 1994 g.). — М.: Goskomstat Rossii, 1995.
 11. Tablicy s itogami mikroperepisi naselenija 2015 goda. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (data obrashhenija: 18.02.2017).

Слюсар Л. И.,

канд. экон. наук, вед. науч. сотр.

*Институт демографии и социальных исследований им. М. В. Птухи НАНУ
(Киев, Украина)*

Брачно-семейные процессы в современной Украине

Аннотация

Современный экономический кризис и военно-политическая нестабильность обострили проблемы украинской семьи, как экономические, так и социально-демо-

графические, в первую очередь проблему бедности. Однако в этих сложных условиях проявились устойчивость и «запас прочности» брачно-семейных процессов: в отличие от периода трансформационного кризиса 1990-х гг. не произошло ни снижения количества браков, ни роста числа разводов. Продолжает меняться возрастная модель брачности: возраст брака повышается. Семейная солидарность и взаимопомощь помогают преодолеть кризисные ситуации. Семья играет важную роль в механизме самосохранения населения в этот сложный период.

Ключевые слова: население, семья, брак, развод

JEL код: J12

*Slyusar L. I.,
Ph.D., Senior Scientific Researcher
M. Ptoukha Institute for Demography
and Social Studies of the NASU,
(Kyiv, Ukraine)*

Marriage and family processes in modern Ukraine

Abstract

The current economic crisis, military and political instability have exacerbated the economic and socio-demographic problems of the Ukrainian family, primarily the problem of poverty. However, under these difficult conditions, stability and the “safety margin” of marriage and family processes were manifested: unlike the period of the transformational crisis of the 1990s the number of marriages didn’t decrease and the number of divorces didn’t increase. The age model of the marriage continues to change: the age of marriage rises. Family solidarity and mutual assistance help to overcome crisis situations. The family plays an important role in the mechanism of self-preservation of the population in this difficult period.

Key words: population, family, marriage, divorce

JEL code: J12

Демографическое развитие Украины, в том числе в брачно-семейной сфере, происходит в соответствии с общеевропейскими цивилизационными закономерностями, вместе с тем, как и в каждой стране, оно является результатом (и составляющей) эволюции национальной социокультурной и институциональной системы. Социальная и политическая организация общества, социально-экономическая ситуация в стране также оказывают влияние на брачно-семейные процессы.

В современной Украине модернизация семьи и брака: повышение возраста вступления в брак и деторождения, разнообразие форм брачно-семейных союзов (незарегистрированное брачное сожительство, одноподдерживаемые и реструктурированные семьи, транснациональные семьи) — сочетается с традиционностью ряда характеристик украинской семьи: семейной солидарностью, взаимопомощью поколений в семье, высокой брачностью. Острота ряда социально-экономических проблем, бедность многих семей с детьми, негармоничность институциональной среды негативно влияют на систему семейных отношений, деформируя специфику

родительства в семьях разных типов, усиливая негативные моменты и увеличивая риски таких неоднозначных явлений, как нестабильность брака, распространение однородительских и транснациональных семей с детьми.

Экономический кризис и военно-политическая нестабильность в 2014–2015 гг. изменили условия жизнедеятельности населения Украины, создали новые ограничения и возможности для брака и семьи, повлияли на конфигурацию брачно-семейных процессов. Хотя возможности современной украинской демографической статистики ограничены — Украина не провела перепись населения раунда 2010 г., и нет достоверных данных о численности населения, проживающего на неподконтрольной части Донецкой и Луганской областей, — имеющиеся данные позволяют охарактеризовать основные тенденции развития брака и семьи в последние годы. Это является целью данной публикации.

Социально-демографическая ситуация в Украине в первое десятилетие XXI в. оставалась сложной вследствие как тех демографических проблем, которые страна получила в наследство от советского периода, так и болезненной общественно-экономической трансформации после провозглашения независимости. Несмотря на ряд положительных сдвигов в социально-демографическом развитии Украины: сокращение бедности, повышение рождаемости, некоторое снижение смертности и др., — в стране продолжалась депопуляция, слишком низкими как для европейской страны оставались показатели продолжительности жизни, здоровья и жизнеспособности населения, значительными — масштабы бедности и социального неравенства.

События последних лет: аннексия части территории страны, военные действия на востоке, разрыв экономического сотрудничества с Россией — обострили проблемы страны, привели к социально-экономической нестабильности и, хотя ускорили еще не завершенную трансформацию общественных институтов, сделали ее более сложной и болезненной. Снижение жизненного уровня населения, вынужденная миграция большого количества людей, человеческие потери из-за военных действий, значительные расходы на оборону — все это стало вызовом для страны и ее населения, в том числе оказало влияние и на брачно-семейные процессы.

Военный конфликт на Донбассе, а также социально-экономическая нестабильность значительно ухудшили условия жизнедеятельности и развития украинской семьи, возросло число семей, которым требуется помощь государства. Человеческие потери, по большей части мужчин репродуктивного возраста (в ходе военного конфликта погибло, по разным оценкам, до 10 тыс. человек, в том числе более 3 тыс. военнослужащих, почти 2 тыс. детей из разных регионов страны осиротели) — не могли не повлиять на брачно-семейную структуру населения: увеличилось число вдов и сирот, однородительских семей, одиноких пожилых людей, возрос риск разрыва родственных связей.

Однако в этих сложных условиях проявились устойчивость и «запас прочности» брачно-семейных процессов: в 2014–2015 гг. во всех областях Украины, за исключением Донецкой и Луганской, где сосредоточен военный конфликт, и в 2015 г. в Тернопольской области, увеличилось количество зарегистрированных браков. В целом по стране с 2014 г. количество браков сократилось за счет АР Крым, и если провести анализ без учета его территории, то в 2013 г. было зарегистрировано 290,9 тыс. браков, в 2014 г. — 295,0 тыс., в 2015 г. — 299,0 тыс. (рис. 1).

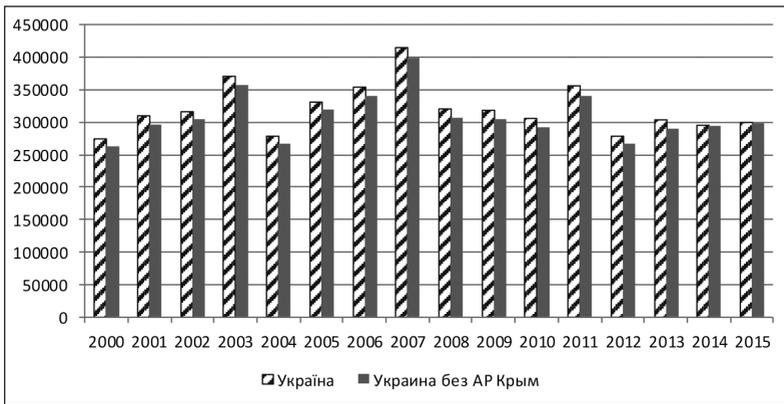

Рис. 1. Количество браков, зарегистрированных в Украине в 2000–2015 гг., с учетом и без учета АР Крым

Общий коэффициент брачности, по нашим расчетам, возрос с 6,7‰ в 2013 г. до 6,9‰ в 2014 г. и 7,0‰ в 2015 г.; суммарный коэффициент брачности в эти годы у мужчин был равен 0,90; 0,94; 0,97 у женщин — 0,95; 0,99; 1,04. В условиях экономического кризиса и военного конфликта украинцы не откладывали заключение брака, а военная угроза и мобилизация побудили пары, которые по определенным причинам не регистрировали брак, официально оформить свои отношения. В 2016 г. ожидалось традиционное для высокосного года снижение уровня брачности (по предварительным данным, 229,5 тыс. браков).

Продолжает меняться возрастная модель брачности — брак регистрируется во все более старшем возрасте. Средний возраст вступления в брак женщин увеличился с 26,5 в 2000 г. до 28,3–28,4 в 2014–2015 гг., медианный — с 25,3 до 25,6–25,7; у мужчин соответственно показатели среднего возраста увеличились с 29,4 до 31,1, медианного — с 22,6 до 28,1. Относительно среднего возраста регистрации первого брака, то у женщины он в 2014 г. составил 24,9, в 2015 г. — 25,1; у мужчин соответственно 27,4 и 27,6 (табл. 1).

**Средний и медианный возраст регистрации брака в Украине
в 2000–2015 гг.**

Год	Средний возраст				Медианный возраст, все браки	
	все браки		первые браки		мужчины	женщины
	мужчины	женщины	мужчины	женщины		
2000	29,36	26,52	25,23	22,62	25,27	22,61
2001	29,58	26,68	25,42	22,76	25,60	22,80
2002	29,54	26,57	25,54	22,81	25,75	22,85
2003	29,45	26,48	25,57	22,87	25,83	22,97
2004	30,06	27,08	25,80	23,10	26,11	23,24
2005	29,99	27,03	25,92	23,26	26,28	23,48
2006	29,75	26,82	25,91	23,33	26,22	23,49
2007	29,63	26,77	26,00	23,47	26,29	23,69
2008	30,18	27,31	26,27	23,69	26,62	24,03
2009	30,35	27,44	26,52	23,98	26,89	24,34
2010	30,32	27,43	26,69	24,17	27,03	24,54
2011	30,27	27,43	26,82	24,33	27,17	24,69
2012	30,62	27,82	27,03	24,57	27,47	25,00
2013	30,89	28,08	27,30	24,80	27,78	25,34
2014	31,06	28,29	27,40	24,90	28,01	25,57
2015	31,14	28,39	27,58	25,06	28,11	25,68

Источник: данные Государственной службы статистики Украины и расчеты по этим данным.

Меняется распределение браков по возрасту жениха и невесты. Среди женщин, вступающих в первый брак, уменьшается доля невест в возрасте до 20 лет (за 2000–2015 гг. с 34,4 до 12,8%, т. е. почти в 2,7 раза) и значительно увеличивается — 25–29-летних (с 11,3 до 27,2%) и 30–34 летних (с 2,8 до 8,7%). Если в 2000 г. 17,7% невест в первом браке были старше 24 лет, то в 2015 г. — 40,8%. Мужчины традиционно вступают в первый брак в более позднем возрасте, среди них увеличивается удельный вес лиц в возрасте 25 и старше: за 2000–2015 гг. с 36,7 до 63,5%.

Ранняя брачность становится все более нетипичной: в 2014–2015 гг. браков с невестой моложе 18 лет было менее 1%, а среди первых браков — чуть больше 1%: в 2014 г. — 1,2%, в 2015 г. — 1,1%.

Одной из наиболее острых проблем украинской семьи уже долгое время является нестабильность брачных отношений, высокий уровень разводимости населения. Эта проблема «досталась в наследство» еще с советских времен, и все годы независимости по количеству разводов на 1000 населения (общий коэффициент разводимости) Украина относилась к группе «стран-лидеров» в Европе. Однако с 2000 г. наметилась тенденция к некоторому снижению уровня разводимости, хотя и нечетко выраженная,

что обусловлено распространением незарегистрированного брачного партнерства (пара «испытывает» свои отношения перед принятием решения о регистрации брака), а также общностью экономических интересов супругов в условиях рыночной среды. Следует отметить, что в условиях военно-политической нестабильности 2014 г. во всех областях Украины уменьшилось количество разводов, и эта тенденция продолжилась частично в 2015 г.: количество разводов уменьшилось в 11 областях и г. Киеве. В целом по Украине без учета АР Крым в 2013 г. было зарегистрировано 157,7 тыс. разводов, в 2014 г. — 130,7 тыс., в 2015 г. — 129,4 тыс. (рис. 2), в 2016 г., по предварительным данным, — 130,0 тыс. Общий коэффициент разводимости составлял в 2013 г. 3,6‰, в 2014 и 2015 гг. — 3,0‰.

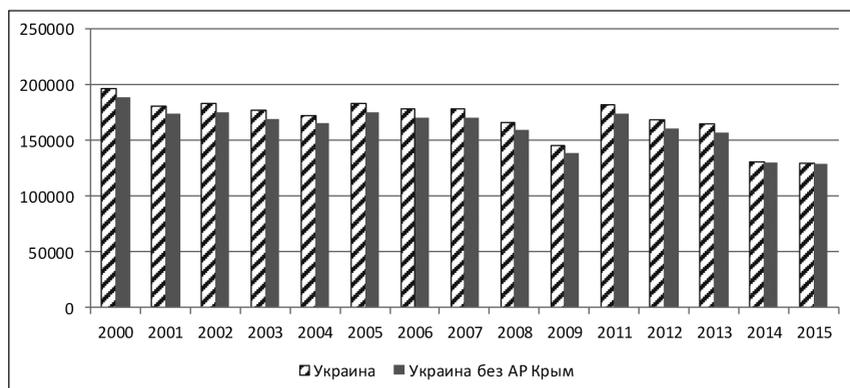

Рис. 2. Количество разводов, зарегистрированное в Украине в 2000–2015 гг., с учетом и без учета АР Крым¹

Очевидно, в условиях военной угрозы и социально-экономической нестабильности супружеские конфликты отошли на второй план, семейная солидарность и сплоченность стали цениться выше.

Благодаря позитивному процессу уменьшения количества разводов в последние два года Украина несколько улучшила свои позиции по сравнению с другими странами Европы, величина ее общего коэффициента разводимости больше приблизилась к среднеевропейскому уровню. Улучшилось соотношение количества зарегистрированных браков и разводов (коэффициент неустойчивости брака): один развод приходится на количество браков: в 2011 г. — 1,95; 2012 г. — 1,65; 2013 г. — 1,84; 2014 г. — 2,26; 2015 г. — 2,31.

В Украине семейные связи, семейная солидарность, внутрисемейная кооперация являются важной частью жизнедеятельности населения, что

¹ Данные за 2010 г. отсутствуют, что обусловлено изменением в июле этого года процедуры регистрации разводов.

обусловлено как национальными традициями, так и особенностями развития общества в «советский» период. В условиях подчинения большинства общественных институтов идеологическим догмам (образования, науки, искусства, права) семейная жизнь оставалась «сферой свободы» для развития личности. Соответственно сформировалась определенная «отстраненность» населения от государства в противовес доверию к семье и ее членам. По данным социальных исследований, и современные украинцы доверяют семье и родственникам гораздо больше, чем государственным институтам. В системе ценностных ориентаций украинской молодежи основным приоритетом остается семейное счастье (71,7% опрошенных), а затем уже возможность сделать карьеру, на третьем и четвертом местах — «быть свободным и независимым в своих решениях и поступках» и «реализовать свой талант и способности» [7, с. 6–7].

подавляющее большинство населения Украины проживает в составе семьи, обычно это нуклеарная семья или расширенная нуклеарная семья (с супружеской парой проживает один из родителей или другой родственник). По данным выборочных обследований Госкомстата Украины, средний размер домохозяйства в 2014–2016 гг. составлял 2,6 человека; в почти 80% домохозяйств проживало не более 3 человек; в 38% — дети в возрасте до 18 лет [6, с. 11–13]. Несмотря на повышение рождаемости в 2002–2012 гг., большинство семей остается однодетными. По состоянию на 2016 г., 76,4,6% семей с детьми были однодетными, и лишь в 3% семей воспитывалось трое и больше детей (табл. 2). По нашим расчетам, в 2015 г. в 100 семьях с детьми в сельской местности проживало 138 детей, в городах — 124.

Таблица 2

Распределение домохозяйств с детьми по количеству детей в Украине в 2004, 2006, 2010, 2014, 2015 и 2016 гг., %

	2004	2006	2010	2014	2015	2016
Один ребенок	65,7	65,6	73,7	76,0	75,6	76,4
Два ребенка	29,0	29,7	23,1	20,7	21,4	20,7
Три ребенка	3,8	3,7	2,8	3,0	2,4	2,6
Четыре и больше детей	1,5	1,0	0,4	0,3	0,6	0,3

Источник: Статистические сборники «Соціально-демографічні характеристики домогосподарств України» за 2004–2016 гг.

Военный конфликт на Донбассе стал тяжелым испытанием для украинских семей, в первую очередь для проживающих в зоне боевых действий. Следует отметить, что Донецкая и Луганская области всегда характеризовались особой остротой социально-демографических проблем на фоне более высокого уровня благосостояния населения. По большин-

ству социально-демографических показателей (масштабы депопуляции, уровень смертности, распространение сиротства среди детей и др.) эти области уже длительное время относятся к таким, где ситуация наиболее сложная, показатели воспроизводства населения «хуже», чем в среднем по Украине. Население этого региона отличалось высоким уровнем рождаемости, повторной брачности, распространением однородительских семей; меньшей долей семей с детьми и наибольшим распространением однодетности [3, с. 298–309]. Вынужденная миграция большого количества людей из Донецкой и Луганской областей как в другие регионы Украины, так и за ее пределы, ослабляла брачно-семейные связи: по данным социологических исследований, проведенных осенью 2014 г., 27% внутренне перемещенных лиц оставили в зоне боевых действий своего мужа или жену; более половины (68%) оставили других близких родственников. Вместе с тем семейная солидарность и взаимопомощь помогали в этой кризисной ситуации: половина переселенцев, которые вынуждены были быстро покинуть зону боевых действий, разместились у родственников, 23% родственники помогли переехать [4].

Семьи, пострадавшие от вооруженного конфликта, оказались в условиях внезапной бедности из-за потери имущества, работы, жилья, социальных связей и источников существования. Лишь около 10% семей из зоны АТО смогли сохранить относительно стабильное материальное положение, воспользовавшись сбережениями для выезда из зоны конфликта, зато подавляющее большинство семей стали бедными, а в определенных случаях очень бедными [5, с. 97–98]. По результатам опроса Харьковского института социологических исследований, после вынужденной миграции 63% опрошенных едва сводили концы с концами, денег им хватало только на продукты питания [2, с. 8].

По информации, содержащейся в Единой информационной базе данных Министерства социальной политики Украины, по состоянию на 8 декабря 2016 г. на учете состояло 1 654 845 внутренне перемещенных лиц (1 334 297 семей), из них 239 286 детей. Государство предоставляет семьям вынужденных переселенцев системную помощь: выплачивается ежемесячное пособие для покрытия расходов на проживание (по состоянию на 8 декабря 2016 г. это пособие получали 997,5 тыс. семей); помощь в трудоустройстве (через центры занятости оказывается помощь в поиске работы, даются консультации, упрощена процедура получения статуса безработного); предоставляется право на получение медицинской помощи, в том числе лекарственных средств бесплатно или на льготных условиях; обеспечивается право на образование и т. п. Однако, несмотря на приложенные усилия, решение многих проблем переселенцев остается актуальным.

В современной Украине в ситуации, когда семья, находясь в кризисном положении, не выполняет качественно свои функции, в том числе по содержанию и воспитанию детей, и требует помощи государства, на-

ходятся не только асоциальные семьи, но и семьи, условия жизни которых резко ухудшились. Это в первую очередь семьи, пострадавшие от военного конфликта на востоке страны (семьи вынужденных переселенцев и семьи, находящиеся на линии соприкосновения), а также часть экономически несостоятельных семей, количество которых увеличилось в условиях экономического кризиса, роста безработицы, инфляции. Это стало главной причиной увеличения в последние годы количества детей, проживающих в государственных институциональных учреждениях по заявлению родителей.

Заклучение

Неблагоприятные условия жизнедеятельности украинской семьи в последние годы обострили ряд ее социально-экономических проблем, в первую очередь проблему бедности. Однако семья как наиболее устойчивый традиционный институт общества играет важную роль в механизме самосохранения населения именно в этот сложный период. В условиях войны и экономических трудностей семейная солидарность, взаимопомощь, забота, обмен деятельностью и материальными ресурсами между членами семьи позволяют наладить жизнедеятельность. В период ухудшения условий развития населения и снижения его материального благосостояния срабатывает проверенный многолетним опытом семейный механизм жизнеобеспечения [1, с. 224–225], возрастает роль защитной функции семьи. Это «усиливает притяжение» населения к семейным союзам.

Литература

1. Демографічна криза в Україні. Проблеми дослідження, витоки, складові, напрями протидії. — К.: Інститут економіки НАН України, 2001.
2. Черноусов А. М., Щербань С. В. Забезпечення права на медичну допомогу внутрішньо переміщених осіб на прикладі Дніпропетровської та Харківської областей. — Харків: Харківський інститут соціальних досліджень, 2015.
3. Курило И., Аксёнова С., Слюсар Л. Социально-демографическая ситуация в Донецкой и Луганской областях в контексте факторов и последствий восточнуукраинского конфликта // Восточнуукраинский конфликт в контексте глобальных трансформаций. Украинский институт стратегий глобального развития и адаптации; Украинский культурологический центр; ТОВ «Восточный издательский дом». — Донецк, 2015.
4. Пинчук И. Я. Психосоциальные факторы и их влияние на психическое здоровье населения Украины: новые вызовы. URL: <http://www.idss.org.ua/stil.html>
5. Політика інтеграції українського суспільства в контексті викликів та загроз подій на Донбасі. Національна доповідь. — К.: НАН України, 2015.

6. Соціально-демографічні характеристики домогосподарств України у 2016 році. Статистичний збірник. — К.: 2016.
7. Цінності української молоді. Результати репрезентативного соціологічного дослідження становища молоді. — К.: 2016.
1. Demografichna kriza v Ukraïni. Problemi doslidzhennja, vitoki, skladovi, naprjami protidii. — K.: Institut ekonomiki NAN Ukraïni, 2001.
2. *Chernousov A. M., Shherban' S. V.* Zabezpechennja prava na medicynu dopomogu vnutrishn'о peremishhenih osib na prikladi Dnipropetrovs'koï ta Harkivs'koï oblastej. — Harkiv: Harkivs'kij institut social'nih doslidzen', 2015.
3. *Kurilo I., Aks'onova S., Sljusar L.* Social'no-demograficheska situacija v Doneckoj i Luganskoj oblastjah v kontekste faktorov i posledstvij vostochnoukrainskogo konfliktu // Vostochnoukrainskij konflikt v kontekste global'nyh transformacij / Ukrainkij institut strategij global'nogo razvitija i adaptacij; Ukrainkij kul'turologičeskij centr; TOV «Vostochnyj izdatel'skij dom». — Doneck, 2015.
4. *Pinchuk I. Ja.* Psihosocial'nye faktory i ih vlijanie na psihicheskoe zdorov'e naselenija Ukrainy: novye vyzovy. URL : <http://www.idss.org.ua/stil.html>
5. Politika integracii Ukraïns'kogo suspil'stva v konteksti viklikiv ta zagroz podij na Donbasi. Nacional'na dopovid'. — K.: NAN Ukraïni, 2015.
6. Social'nodemografichni harakteristiki domogospodarstv Ukraïni u 2016 roci. Statistichnij zbirnik. — K., 2016.
7. Cinnosti Ukraïns'koï molodi. Rezul'tati reprezentativnogo sociologičnogo doslidzhennja stanovishha molodi. — K., 2016.

Сороко Е. Л.,

канд. физ.-мат. наук, ст. научн. сотр.

Институт демографии НИУ ВШЭ

(Москва, Россия)

Новые методы в изучении этнически смешанных семей

Аннотация

Рассматриваются методы, разработанные в ходе продолжающейся работы по изучению этнически смешанных семей, первые результаты которых были опубликованы в 2014 г. в Демографическом обозрении и докладывались на предыдущей конференции в 2015 г. Основной источник — микроданные Всероссийской переписи населения 2010 г. Описаны: метод географической декомпозиции, уточненные алгоритмы расчета межэтнических расстояний и результаты анализа формирования смешанных семей с учетом региональных особенностей.

Для измерения влияния неравномерности расселения разных национальностей по территории страны предлагается модель для оценки шансов образования этнически смешанных семей, позволяющая произвести декомпозицию факторов формирования смешанных пар на «географическую» и чисто «этническую» компоненты. Представлены результаты расчетов условной «приведенной» распространенности этнически смешанных семей, позволяющей устранить влияние на этот показатель существенной неравномерности распределения этносов по территории страны.

Представлены оценки этнической близости русских и 32 национальностей, полученные с использованием уточненного алгоритма агрегирования межэтнической дистанции по полу и метода декомпозиции, устраняющего влияние «географического» фактора.

Иллюстрируются свойства «сильной» взаимной близости некоторых комбинаций этносов и ее симметрии по полу, для грузин и молдаван.

Ключевые слова: перепись населения, супружеские пары, национальность, этнически смешанные семьи, этническая близость

JEL код: J12

*Soroko E. L.,
Ph.D., senior researcher
Institute of Demography at NRU HSE
(Moscow, Russia)*

New methods in the study of ethnically mixed families

Abstract

The methods are considered that were developed in the continuing studies of ethnically mixed families. The first results were published in 2014 in Demographic Review and presented at the previous conference in 2015. The main source of information is microdata of the 2010 census of population. The method of geographical decomposition and algorithms of inter-ethnic distance calculation are described. The results of analysis of mixed family formation are presented with the account of population distribution by regions of the country.

The model for estimating the chances of mixed family formation is suggested for measuring the influence of non-uniform territorial distribution of different ethnicities. It allows producing decomposition of factors of mixed families into “geographical” and pure “ethnic” components. The results of calculation of the conditional “adjusted” incidence of mixed families are presented. This indicator eliminates the influence of inhomogeneity of ethnicity distribution by regions.

Estimates are given for the distance between the Russians and 32 ethnicities obtained using revised aggregation algorithm for interethnic distance by sex and application of “geographical” decomposition method.

The properties of “strong” mutual closeness for some combinations of ethnicities and its symmetry by sex are illustrated for the Georgians and Moldavians.

Key words: population census, marital couples, ethnicity, ethnically mixed families, interethnic distance

JEL code: J12

Исходная информация

Доклад основан на результатах расчетов, выполненных с использованием Базы данных индивидуальных сведений о лицах и домохозяйствах, полученных во Всероссийской переписи населения 2010 г. Табуляция демографических показателей по этой базе выполнялась с использованием системы [3] с доступом через интернет. Система позволяет выполнять

произвольные запросы пользователя без загрузки всего массива данных переписи населения (см., например, [4]).

Предмет исследования

В работе анализируются супружеские пары с детьми и без детей, в которых муж и жена относят себя к разным национальностям. Рассматриваются как народности Российской Федерации, так и национальности бывшего СССР. Предложенные ранее методы и модели могут быть непосредственно применены для относительно небольших стран, в отличие которых для России необходимо учесть огромную территорию, большое число этносов, неравномерность расселения многих этносов по территории страны и их проживание в национальных республиках.

Постановка задачи

Рассмотрим различия в распространенности этнически однородных и смешанных семей для 21 этноса, имеющего свои национальные республики и число семейных ячеек которого в России превышает 24 тыс. Мы видим высокую степень вариации доли смешанных семей от 1,9% у тувинцев до 49,4% у мордвы. Вполне естественным является предположение, что данный феномен может быть во многом объяснен различным расселением населения разных национальностей по регионам страны, прежде всего за счет различной концентрации их в национальных республиках.

Так, доля семей, проживающих в своей национальной республике, у тувинцев составляет 98,7%, а у мордвы — 41,2%. Качественно предположение о влиянии расселения для отдельного этноса представляется достаточно естественным, поскольку для упомянутых тувинцев, к примеру, найти супругу другой национальности оказывается для их подавляющей части крайне затруднительным.

Как указанные соображения реализовать количественно? С этой целью предлагается обобщение на региональном уровне достаточно простой модели для оценки шансов образования этнически смешанных семей, первоначально использованной в [1]. При этом соответствующие переменные и формулы приобретают индекс региона, а общее число смешанных пар для конкретной комбинации этносов для страны в целом рассчитывается путем суммирования региональных показателей.

Для иллюстрации влияния фактора расселения этносов по территории страны рассмотрим конкретный пример одной этнической комбинации. Это супружеские пары лезгина с удмурткой, число которых в 2010 г., по данным переписи, составило 50.

Оценим, сколько таких пар могло бы сформироваться, если бы эти два этноса были равномерно расселены по территории страны. Число лезгин в смешанных парах составило 23 477, или 0,87% всех мужчин

в смешанных парах, а удмурток — 46 709, или 1,74% женщин. Исходя из простой пропорциональности при формировании таких пар и полном отсутствии какого-либо влияния межэтнического взаимодействия на образование этих пар, их число могло бы составить 407 (общее число смешанных пар $2\,690\,523 \cdot 0,0087 \cdot 0,0174$), если применять пропорции для России в целом. В данном примере такое соотношение (в 8 раз!) может объясняться не столько каким-либо взаимным межэтническим предпочтением потенциальных супругов друг другу, а их географической разделенностью, вызванной тем, что существенная часть этих народностей проживают в разных регионах страны. За счет этого вероятности их потенциальной встречи, проживания в одном населенном пункте, совместной работы или учебы существенно снижается, а значит, существенно снижаются для них и шансы формирования новой семьи. Для того чтобы учесть этот фактор, предлагается модель «географической» декомпозиции.

Методология

Для формализации всех демографических переменных, описывающих этнически смешанные семьи, используются модели, позволяющие получить новые меры межэтнического взаимодействия, выполнить географическую декомпозицию с учетом распределения этносов по регионам страны. Эти модели были детально изложены в [1] и доложены на Апрельской конференции НИУ ВШЭ [2]. В нашем исследовании были реализованы следующие ключевые этапы обработки исходных микроданных переписи населения: 1) отбор списка национальностей; 2) выполнение серии запросов к системе [3] для получения векторов, двумерных и трехмерных матриц распределения семейных ячеек по регионам страны, национальности жены, национальности мужа и их комбинациям; 3) удаление малых значений редких смешанных семей; 4) удаление диагонали матрицы семейных ячеек по этносу мужа и жены, отвечающей за этнически однородные семьи; 5) расчет оценок числа смешанных семей по региону страны, потенциально возможных при полном отсутствии каких-либо этнических предпочтений; 6) расчет вклада географической компоненты; 7) расчет «чисто этнической» компоненты формирования смешанных семей; 8) определение межэтнической дистанции для всех комбинаций национальностей; 9) вычисление приведенных показателей распространенности смешанных семей по полу и национальности.

Приведенные показатели распространенности смешанных семей

Данный новый показатель относится к отдельной национальности и пытается дать ответ на вопрос о том, какой могла бы быть распро-

страненность этнически смешанных семей после полного устранения фактора неравномерности распределения этносов по территории страны. Другими словами, приведенные показатели дают оценку того, что может произойти в стране в том случае, если бы все этносы были равномерно распространены по регионам, а межэтнические дистанции остались неизменными. Результат может выглядеть следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

**Приведенные и наблюдаемые доли
смешанных семей по национальности, Россия, 2010, %**

Национальность	Приведенные		Наблюдаемые		Национальность	Приведенные		Наблюдаемые	
	муж.	жен.	муж.	жен.		муж.	жен.	муж.	жен.
Русские	8,09	10,94	5,90	7,82	Буряты	93,02	92,66	13,01	11,34
Цыгане	35,45	30,47	16,04	12,92	Аварцы	93,25	76,48	8,27	4,28
Армяне	55,02	29,39	29,28	12,29	Лакцы	93,51	86,20	15,21	12,74
Азербайджанцы	58,60	19,96	33,43	9,17	Якуты (саха)	94,04	95,99	8,60	10,12
Узбеки	61,95	38,94	56,18	33,65	Чеченцы	94,99	84,69	3,43	2,00
Таджики	67,03	25,29	58,16	19,10	Чуваши	95,82	96,12	28,95	30,40
Татары	78,87	79,12	31,64	30,94	Марийцы	96,17	97,23	25,46	32,84
Казахи	81,75	79,31	24,23	21,28	Немцы	96,82	96,26	90,20	88,36
Грузины	82,49	58,81	68,38	41,72	Кабардинцы	96,93	94,43	7,03	4,50
Даргинцы	83,17	57,07	7,70	5,45	Удмурты	97,33	97,76	37,07	40,67
Молдаване	85,05	78,18	77,20	67,94	Мордва	97,34	96,99	49,38	45,29
Табасараны	85,33	73,19	11,82	11,47	Тувинцы	97,73	99,33	1,93	3,39
Украинцы	85,65	83,61	80,16	77,22	Карачаевцы	97,78	95,71	9,03	4,92
Башкиры	87,28	89,09	30,11	33,39	Осетины	98,71	97,68	17,10	10,00
Кумыки	88,16	75,70	10,24	8,57	Ингуши	98,73	96,38	4,32	1,90
Лезгины	88,28	74,20	11,56	7,81	Коми	98,99	99,24	40,03	48,83
Белорусы	92,93	91,69	86,24	83,86	ВСЕ	19		12	

Как показывает эта таблица, устранение геофактора приводит для ряда национальностей к тому, что доля смешанных браков у них существенно увеличивается и у женщин, и у мужчин (у чеченцев, аварцев, даргинцев, тувинцев, ингушей и карачаевцев в 10 раз и более). Несмотря на сильное требование равномерности расселения этносов по регионам, оно приводит к увеличению общего показателя распространенности смешанных семей по стране в целом всего лишь в полтора раза (точнее, на 7 п.п.). Необходимо также сделать замечания по поводу русских. Поскольку они и так довольно равномерно распределены по территории страны, а большая их часть живет в областях с русским большинством, декомпозиция дает для них увеличение приведенной доли смешанных семей по сравнению с наблюдаемой по данным переписи всего на 2–3 п.п. (соответственно у мужчин и женщин).

Ранги этнической близости к русским для других национальностей

По сравнению с [1] оценки этнической близости были существенно обновлены и пересчитаны: 1) с использованием метода географической декомпозиции устранен фактор расселения разных национальностей по территории страны; 2) для агрегирования по полу межэтнической дистанции использовалось не среднее арифметическое, а среднее геометрическое как более точное и обоснованное (действительно, при А-В дистанции, равной 5 у мужчин и 0,2 у женщин, вариант суммарного мультипликативного показателя, равного 1, представляется более предпочтительным, чем простое среднее 2,6); 3) число введенных в рассмотрение этносов увеличено до 32. Результат представлен в табл. 2.

Таблица 2

32 национальности в порядке увеличения этнической дистанции от русских в смешанных семьях. Россия, 2010

1	Украинцы	9	Марийцы	17	Башкиры	25	Аварцы
2	Мордва	10	Молдаване	18	Чеченцы	26	Узбеки
3	Чуваши	11	Армяне	19	Ингуши	27	Кабардинцы
4	Немцы	12	Лезгины	20	Азербайджанцы	28	Таджики
5	Белорусы	13	Грузины	21	Кумыки	29	Казахи
6	Удмурты	14	Осетины	22	Табасараны	30	Буряты
7	Коми	15	Лакцы	23	Даргинцы	31	Карачаевцы
8	Татары	16	Цыгане	24	Якуты (саха)	32	Тувинцы

Необходимо отметить, что, несмотря на различные методики расчета этой дистанции в первоначальном варианте [1] и после декомпозиции и, что вполне естественно, различные значения оценок этой дистанции, взаимное положение многих этносов сохранились, например, украинцы — мордва — башкиры — чеченцы. Но, с другой стороны, не должны вызывать возражений или сомнений различия в рангах в этих двух ее версиях, поскольку в новой методике учтен новый существенный региональный фактор.

Симметрия межэтнических дистанций по полу у отдельных национальностей

Для иллюстрации данного свойства рассмотрим этнически смешанные семьи, в которых жена или муж — грузины. Их наиболее распространенные комбинации представлены в табл. 3.

Отметим, что абсолютное число пар для различных этнических комбинаций отличается более чем в 100 раз. Однако возможности непосред-

ственного выявления каких-либо особенностей этих десяти комбинаций достаточно затруднительны, поскольку пропорции участвующих национальностей различаются не только в населении страны, но и разным их участием в формировании смешанных семей.

Таблица 3

**Число этнически смешанных супружеских пар,
в которых муж — грузин или жена — грузинка, для пяти этносов,
Россия, 2010**

Национальная принадлежность мужа	Жена — грузинка	Национальная принадлежность жены	Муж — грузин
Армяне	750	Армяне	686
Азербайджанцы	174	Азербайджанцы	113
Русские	3881	Русские	16 754
Украинцы	174	Украинцы	516
Татары	91	Татары	379

В табл. 4 представлены результаты расчета межэтнических дистанций с учетом численности каждого из участвующих этносов после устранения влияния «географического» фактора, выполненного с использованием предложенного метода декомпозиции.

Таблица 4

**Межэтнические дистанции между грузинками/грузинами
и пятью этносами их супругов, Россия, 2010**

Национальная принадлежность мужа	Жена — грузинка	Национальная принадлежность жены	Муж — грузин
Армяне	0,36	Армяне	0,41
Азербайджанцы	0,55	Азербайджанцы	0,46
Русские	0,57	Русские	0,63
Украинцы	2,99	Украинцы	3,00
Татары	3,23	Татары	3,05

Этносы размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции.

Ранги пяти этносов у супругов совпадают в данной таблице, как для жен, так и мужей. Более того, сами дистанции оказываются достаточно близкими количественно. Такое яркое проявление данного свойства можно оценить как достаточно неожиданное. Тем более что такой результат крайне сложно предугадать только на основании сведений об абсолютном числе этнически смешанных пар.

Для наглядной иллюстрации обнаруженного свойства представляется оправданной постановка задачи визуализации показателей этнически смешанных семей. В качестве прообраза наиболее подходящей является традиционная возрастно-половая пирамида. Ее модификацией может

служить пирамида этнически смешанных семей по полу супругов для анализируемых этносов. На рис. 1 представлен один из вариантов такой пирамиды.

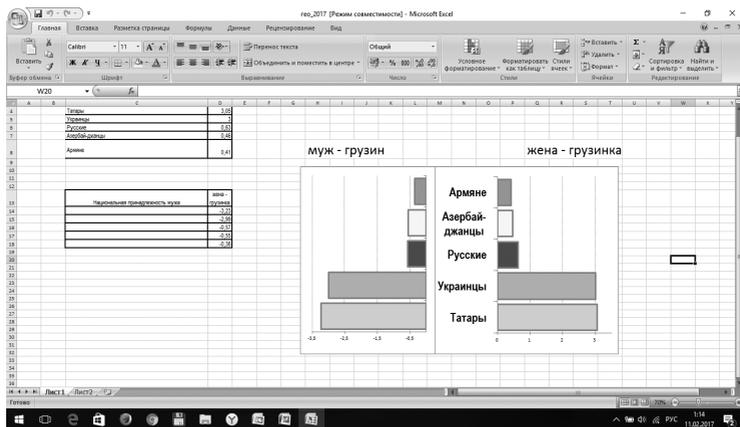

Рис. 1. Пирамида межэтнической близости по полу, Россия, грузины, 2010.
Этносы размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции

Данное свойство симметрии по полу наблюдается лишь для некоторых национальностей, проживающих в России. Еще один пример — молдаване.

Таблица 5

**Межэтнические дистанции между молдаванками/молдаванами
и семью этносами их супругов, Россия, 2010**

Национальная принадлежность мужа	Жена — молдаванка	Национальная принадлежность жены	Муж — молдаванин
Цыгане	0,16	Цыгане	0,14
Русские	0,50	Русские	0,64
Украинцы	1,60	Украинцы	1,91
Мордва	2,24	Башкиры	2,26
Башкиры	2,63	Мордва	2,49
Чуваши	2,87	Чуваши	2,59
Татары	3,77	Татары	3,26

Этносы размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции. Свойство симметрии, отмеченное у грузин, не выполняется у молдаван столь «строго», так как рейтинги разных этносов для супругов разного пола несколько различаются (у мордвы и башкир).

Наглядно данные отличия изображены на рис. 2 с помощью предложенной выше пирамиды, где оттенки цвета, использованные для разных

национальностей, позволяют отметить и обратить внимание на указанное различие рейтингов.

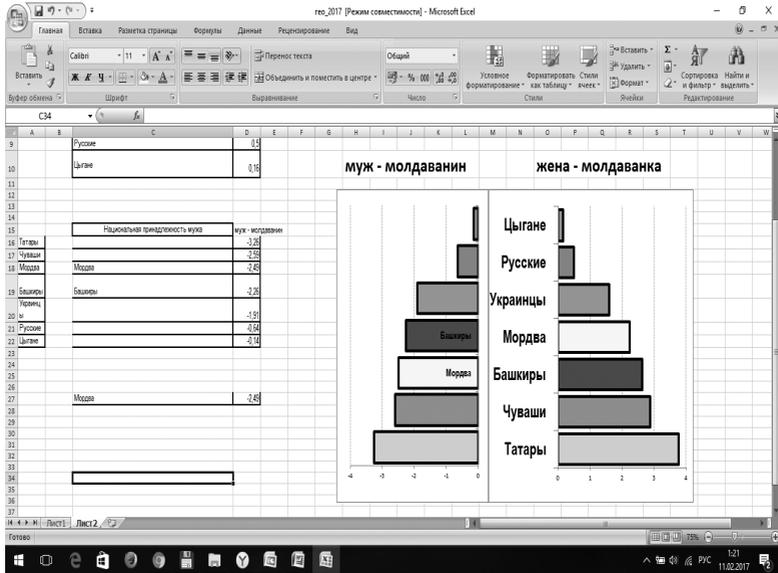

Рис. 2. Пирамида межэтнической близости по полу, Россия, молдаване, 2010. Этносы размещены в порядке увеличения межэтнической дистанции

Некоторые другие свойства

После применения метода декомпозиции и ранжирования межэтнической дистанции для разных национальностей появилась возможность выявить некоторые новые свойства. Среди них, например, «сильная» взаимная близость некоторых комбинаций этносов и ее симметрия по полу. Проявляется она в том, что при формировании смешанных семей между двумя этносами для первого этноса второй этнос является наиболее близким этнически, и такая близость имеет место как для мужчин, так и для женщин. При этом такая близость имеет место и в обратном отношении, когда первый этнос оказывается наиболее близким для второго, причем также у мужей и жен. «Близость» означает оценку взаимного положения национальностей в обобщенном многомерном пространстве этносов относительно друг друга в терминах межэтнической дистанции. Примеры таких комбинаций в смешанных семьях в 2010 г.: русские и украинцы, цыгане и молдаване, киргизы и таджики.

Еще одно свойство — наличие немалого числа национальностей, для которых в их смешанных браках наиболее близкими оказываются русские супруги.

Необходимо выделить три группы этносов: те, для которых мужьям наиболее близки русские жены; те, для которых женам в смешанных браках наиболее близки русские мужья; и, наконец, те этносы, у которых русские супруги близки как для мужей, так и для жен. Русские жены оказываются наиболее близкими для лакцев и табасаранов, а русские мужья — для татарок, мордочек, мариек, осетинок, лезгинок и коми. Для пяти этносов данное свойство обнаруживается для супругов любого пола — и мужей, и жен. К ним относятся: украинцы, чуваша, белорусы, удмурты и немцы.

Выводы

Результаты, которые получены с использованием предложенного метода декомпозиции и алгоритмов расчета межэтнических дистанций, демонстрируют возможности дальнейшего более детального анализа формирования этнически смешанных семей. Они позволяют существенно уточнить используемые показатели, обнаружить новые свойства и закономерности, приблизиться к более глубокому пониманию особенностей процессов межэтнического взаимодействия.

Литература

1. *Сороко Е.* Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. — 2014. — № 4. — С. 96–123.
 2. *Сороко Е. Л.* Метод декомпозиции при анализе этнически смешанных семей в многонациональной стране // XVIII Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. 11–14 апреля 2017. НИУ ВШЭ. Секция Р. Демография и рынки труда. Сессия Р-02. Проблемы учета и методы анализа данных о населении. Программа: URL: <https://conf.hse.ru/2017/program#11.04.2017>
 3. SuperWeb2. Всероссийские переписи населения 2002 и 2010 годов. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>
 4. *Soroko E., Voronin V.* New information technology in data processing of population census results, in: Innovative Information Technologies: Materials of the International scientific-practical conference. P. 3 / Ed. by Uvaysov S. U. P. 3. — М.: HSE, 2014. P. 430–434. URL: <https://publications.hse.ru/en/chapters/135969452>
-
1. *Soroko E.* Etnicheski smeshannyye supruzheskiye pary v Rossiiskoy Federacii // Demograficheskoe obozrenie. — 2014. — № 4. — S. 96–123.
 2. *Soroko E. L.* Metod dekompozicii pri analize etnicheski smeshannyh semei v mnogonacional'noi strane // XVIII Aprel'skaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya po problemam pazvitiya ekonomiki i obzchestva. 11–14 aprelya 2017. NIU VSHE. Sekciya R. Demografiya i rynki truda. Sessiya R-02. Problemy ucheta i metody analiza dannyh o naselenii. Programma: URL: <https://conf.hse.ru/2017/program#11.04.2017>
 3. SuperWeb2. Vserossiiskie perepisi naseleniya 2002 i 2010 godov. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>

*Третьякова Е. А.,
научный сотрудник
ИНСАП РАНХиГС
(Москва, Россия)*

Идеальный и реальный возрасты вступления в первый брак

Аннотация

Данная статья посвящена матримониальным планам, а также формирующим им факторам. Предметом исследования является идеальный и реальный возраст лиц при вступлении в первый брак, цель работы — выявление факторов, влияющих на различия между идеальным возрастом вступления в брак и возрастом реального заключения первого брака. В анализе используются данные обследования «Человек, семья, общество» 2015 г.

Согласно результатам исследования, в российском обществе сильны нормы для идеального возраста вступления в первый брак, которые практически не зависят от возраста, при этом важными факторами являются наличие детей и удовлетворенность самым браком. Данные общественные установки служат эффективным инструментом демографической политики, в том числе в сфере стимулирования формирования семьи.

Ключевые слова: брачность, вступление в первый брак, матримониальные планы

JEL код: J12

*Tretyakova E. A.,
research fellow
INSAP, RANEP
(Moscow, Russia)*

Ideal and real age at first marriage

Abstract

This article discusses the matrimonial plans and factors that define them. The subject of research is the ideal and the real age at the 1st marriage, the aim is to identify the factors influencing the differences between the ideal and the real age at the 1st marriage. The analysis bases on the data from the survey “Human, family, society — 2015”.

According to results of the study, there are strong social norms in Russia for ideal age of first marriage, which almost do not depend on the age of respondents, the main factors are children and satisfaction with marriage. This social attitude can be used as an effective tool in demographical policy, including the promotion of family creation.

Key words: nuptiality, first marriages, matrimonial plans

JEL code: J12

В настоящее время в России, как и в мире в целом, наблюдается тренд увеличения разнообразия форм брака, а также откладывание его официальной регистрации. Цель данной работы — выявление факторов, влияющих на различия между идеальным для респондентов возрастом вступления в брак и возрастом реального заключения первого брака.

Во второй половине XX в. и до 1990-х гг. в России наблюдалось снижение возраста вступления в первый брак [2], однако в дальнейшем этот

процесс пошел в обратном направлении путем откладывания даты регистрации браков и увеличения разнообразия его форм [3]. Отношение к браку и семье в целом во многом проявляется через определение идеального возраста для заключения первого брака [1].

В данной работе используются данные обследования «Человек, семья, общество» 2015 г., в котором приняли участие более 9 тыс. чел. Согласно результатам исследования, консервативные установки мужчин проявляются в том, что они, в отличие от женщин, считают, что выходить замуж нужно раньше, чем это происходит в действительности. При оценке идеального возраста вступления в брак возраст практически не играет роли для мужчин и влияет незначительно на ответы женщин, что отражает действие социальных норм для вступления в брак в обществе в целом. Важную роль в оценке идеального возраста для вступления в брак играет наличие детей, причем влияние его противоположно для лиц разных возрастных групп: если для зрелых пар отсутствие детей служит поводом для сожаления о раннем вступлении в брак, то молодые пары, имеющие детей, считают, что вступать в брак следует значительно позже, чем это сделали они сами. Также важным фактором является удовлетворенность распределением домашних обязанностей, отражающая удовлетворенность браком в целом, что выявляет сожаление о раннем вступлении в брак при низкой степени удовлетворенности им.

Данное исследование является подтверждением существования установок, предопределяющих соответствие норме жизненных путей членов общества и вызывающих осуждение при отклонении от них, в том числе со стороны самих субъектов действия. Одновременно выявлены сильные консервативные взгляды мужчин на заключение брака. Общественные установки являются эффективным инструментом демографической политики, в том числе в сфере стимулирования формирования семьи.

Литература

1. Жолудева С. В. Брачный возраст и психологическая готовность к вступлению в брак // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2008. — № 49. — С. 276–280.
2. Захаров С. В. Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. — 2007. — № 4. — С. 73–112.
3. Данные Российской государственной статистической службы.
1. Zholudeva S. V. Brachnyj vozrast i psihologicheskaja gotovnost' k vstupleniju v brak // Izvestija Rossijskogo Gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena. — 2008. — № 49. — S. 276–280.
2. Zaharov S. V. Novejšhie tendencii formirovanija sem'i v Rossii // Mir Rossii. — 2007. — № 4. — S. 73–112.
3. Dannye Rossijskoj gosudarstvennoj statističeskoj sluzhby.

СЕССИЯ 7

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕМОГРАФИЯ: ДАННЫЕ, МЕТОДОЛОГИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Бегасилова Ж. А.,
докторант
КазНПУ имени Абая
(Алматы, Казахстан)*

Вынужденные мигранты в Казахстане в 1930-е гг.: новые документы и материалы

Аннотация

В докладе на основе анализа документов, хранившихся в архиве Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, рассматриваются судьбы вынужденных мигрантов в Казахстане. На основе анализа обвинительных заключений прослеживаются судьбы людей, обвиненных в участии в «контрреволюционных организациях». Проанализированы методы борьбы с религиозными организациями в 1930-е гг., в результате которых были сломаны сотни и тысячи человеческих судеб.

Ключевые слова: миграция, баптисты, ссылка

JEL код: J15

*Begasilova Zh. A.,
Doctoral student
KazNPU named after Abay
(Almaty, Kazakhstan)*

Forced migrants in Kazakhstan in the 1930s: new documents and materials

Проблема принудительных миграций 1930-х гг. имеет на сегодняшний день значительную историографию. Общий взгляд на проблему представлен в работах В. Н. Земскова, Н. Ф. Бугая, П. М. Поляна, Э.-Б. Гучиновой и других авторов [7].

Вместе с тем имеется насущная необходимость исследования проблемы сохранения этнической идентичности в условиях депортации, анализа конфессионального состава мигрантов, их адаптации в условиях спецпоселений. При осуществлении политики принудительных переселений в 1930-х гг. Казахстан стал одним из регионов размещения разнообразных «спецконтингентов». По расчетам Б. Жангуттина, в 1930–1931 гг. в Казахстане насчитывалось 312,2 тыс. ссыльных (66,4 тыс. кулацких семей) первой и второй категорий, в том числе 282,4 тыс. чел. (60,1 тыс. семей), высланных из различных областей России и Средней Азии, и 29,8 тыс. (6,3 тыс. семей) — по внутрикраевому переселению; в 1932 г. были дополнительно направлены 11,6 тыс. чел. (2,3 тыс. семей) [8, с. 95–100].

Помимо «Кулацкой ссылки» в Казахстан были направлены значительные польский, немецкий, иранский «контингенты». Если численность этих и других депортированных поддается учету, по состоянию на 9 апреля 1949 г. она достигала цифры 828 264 чел., то достоверные сведения о конфессиональном составе отсутствуют. Известно, что абсолютное большинство вынужденных переселенцев составляли женщины (36,8%) и дети (39,8%) [9, с. 6].

Целью данной статьи является желание показать, как формировались механизмы давления на баптистов в Казахстане, как фабриковались дела на представителей баптистской общины.

Баптисты в Семиречье впервые появились в 1914 г. в результате ссылки в начале Первой мировой войны германских миссионеров в Копал (город в Аксуском районе Алма-Атинской области). Это были О. Хербольд, Р. Бон, П. Фольрат. В 1917 г. в городе Верный (ныне Алматы) группа верующих баптистов насчитывала около 10 человек, к началу 1923 г. ее численность составляла уже 100 человек. Из-за своей удаленности от центров духовной работы (Ташкента и Омска) ставился вопрос об организации самостоятельного отдела баптистов в Семиречье, но до организации отдела дело не дошло. В феврале 1926 г. в селе Андреевка Лепсинского уезда Джетысуйской губернии был созван съезд представителей окрестных общин. На нем был организован евангельский район протяженностью в 300 верст, объединяющий 15 общин общей численностью 480 членов, из которых 107 были приняты в 1925 г. [11].

По справедливому утверждению Штефана Плаггенборга, «после революции общая палитра религиозности стала намного пестрее. Значительным признаком религиозности на заре советской эпохи стала витальность религиозных меньшинств» [13, с. 313]. Жизненная сила, или витальность, религиозных меньшинств объяснялась изменениями в обществе, которые касались духовной сферы. Благодаря декрету об отделении церкви от государства баптисты, предлагавшие «верующим новое, реформированное исповедание, реализующееся в дружественной и нацеленной на взаимопомощь и хозяйственный успех жизни общины,

освобождение от военной службы и, наконец, стремление изолироваться от советского государства», были «привлекательной конфессией, особенно в среде крестьянства» [10, с. 2].

Баптистская община в Алма-Атинской области начала быстро пополняться в 1930–1931 гг., что было обусловлено приездом баптистов из разных районов СССР, а также приездом для отбывания ссылки идеолога баптистского движения П. В. Иванова-Клышников и видного баптистского проповедника К. А. Гартвика. Притягательность для баптистской общины Алма-Атинской области объяснялась тем, что она граничила с Китаем. Кроме того, Алма-Атинская община являлась авторитетной в связи с тем, что в ее состав входили крупные баптистские деятели, которые прибыли сюда для отбывания ссылки. Отсюда появление нескольких ячеек: в Алма-Ате, Талды-Кургане, Урджаре, Джаркенте. По показаниям обвиняемого В. Попова, проповедника рубцовской общины, следует, что «эмиграция баптистов из СССР в Китай за последние годы приняла довольно широкие размеры. Если в 1930 г. перешедших границу можно было считать на единицы, то сейчас (т. е. в 1932 г.) приходят десятки» [12, с. 8]. Объяснялось это тем, что в Советском Союзе ущемлялись права единоличников и не было стимула для ведения своего хозяйства, поскольку вторая пятилетка предусматривала построение бесклассового общества и социалистическое перевоспитание масс. Между тем в Китае имелись все условия для ведения индивидуального хозяйства, и не было ущемлений по религиозному признаку. «...Причинами, порождавшими эмиграцию, были: 1) распад баптизма и невозможность его дальнейшего существования в СССР; 2) классовая борьба, проводимая Советской властью, принципиальное участие в которой мы признаем для себя невозможным; 3) ликвидация классов и на этой основе социалистическое перевоспитание масс, включающее в себя также и ликвидацию религиозных течений в СССР, в том числе и баптизма» [14, с. 23].

Несмотря на численный прирост в баптистской общине (за счет ссыльных), количество верующих в регионе тем не менее сокращалось. П. В. Иванов-Клышников, являвшийся главным идеологом баптизма в СССР, вывел теорию «потухающей кривой», по которой прирост новых членов понизился почти до нуля. Объяснял он это следующим: «...экономические сдвиги и социалистическое переустройство не оставляют места для религиозных интересов. Переход на непрерывную, а затем на шестидневную неделю, фактически вытеснивший празднование воскресного дня. Печать, школы и искусство, выдвинувшие на первое место вопросы труда и взявшие под обстрел религию, наконец, прямая антирелигиозная борьба в виде применяющихся административных воздействий... эта последняя причина хотя и дает видимый эффект, но, с другой стороны, пробуждает героизм преследуемых и в то же время производит тяжелое впечатление на общество» [6, с. 10].

В 1932 г. члены Алма-Атинской общины баптистов были подвергнуты арестам. Поводом для арестов послужили, по версии следствия: «...1. Возбуждение недовольства политикой и мероприятиями Советской власти; 2. Провоцирование антисоветских настроений в связи с затруднениями, переживаемыми отдельными районами КазССР; 3. Пропагандирование провокационной идеи о гибели баптизма и гонении на религию в СССР; 4. Организации массовой эмиграции из СССР в Китай» [5, с. 1]. Социальный состав баптистской общины состоял из: «бывших помещиков — 4, служителей культа — 6, кулаков — 17, семиреченских казаков — 4, кустарей-предпринимателей — 5, контрабандистов-предпринимателей — 6, зажиточных крестьян — 3, середняков — 4, рабочих — 2. Идейным вождем организации был виднейший баптистский деятель, бывший член центрального совета баптистов СССР, руководитель библейских курсов в Москве, участник мировых конгрессов — административно-ссылный по статье 58-10-11 УК Павел Васильевич Иванов-Кльшников. Практическим руководителем и организатором был Мазаев Гавриил Иванович» [4, с. 6].

В вину общине было поставлено желание покинуть страну и организовать массовое эмиграционное движение из СССР в Китай, а также связь организации с белоэмигрантской «русской комиссией» в г. Кульдже. В основе этого процесса, несомненно, лежали непримиримые взгляды баптистов и власти в вопросах служения в армии, вступления в колхозы, отказ признавать госсимволы и т. д. Однако непосредственной угрозы безопасности Советского государства они не представляли, так как активного открытого призыва к изменению конституционного строя с их стороны не было. Кроме того, верующих не устраивали изменения в экономике СССР, в частности переход на коллективный тип хозяйствования и раскулачивание. По словам пресвитера Назарцева, «...большинство членов общины настроены на переселение в Китай, где существует свобода религии, можно найти работу или завести хозяйство без опасения быть раскулаченным и сносно жить» [4, с. 6]. Еще одним предлогом для арестов оказалось также наличие у верующих кассы взаимопомощи и постоянной материальной помощи репрессированным. Поскольку данных предлогов не было достаточно, верующим было также предъявлено обвинение и во вредительстве в колхозах, и антисоветская пропаганда, а также использование баптистов для белогвардейских воинских формирований.

В 1937 г. в Алма-Ате были арестованы другие члены баптистской общины. Оставшиеся на свободе вынуждены были скрываться, и до середины 1940-х гг. собраний общины в Алма-Ате не проводилось.

Литература

1. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 555, л. 6.
2. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 555, л. 10.

3. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 2, д. 554, л. 1.
 4. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 2, д. 554, л. 23.
 5. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 2, д. 556, л. 8.
 6. Богословия и Катехизации. История братства. К.и.н. А. И. Савин. Анти-религиозная комиссия при ЦК РКП(б) — ВКП(б) и евангельские церкви в 1922—1929 гг. URL: <http://baptist.org.ru/read/article/94398>
 7. *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». — М., 1995.
 8. *Бугай Н. Ф.* Финны-ингерманландцы. Трансформации этнической общности: забвение, возрождение, перспектива. — М.: Аквариус, 2017.
 9. *Гучинова Э.-Б.* Помнить нельзя забыть. Антология депортационной травмы. — Штутгарт, 2005.
 10. *Жангуттин Б.* Вынужденные мигранты в Казахстане в 1930-е годы: численность и состав // Отечественная история. — Алматы, 2001. — № 3. ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 482, л. 6.
 11. *Земсков В. Н.* Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. — М.: Наука, 2003.
 12. История Союза церквей ЕХБ Казахстана. URL: www.baptist.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=92&Itemid=61
 13. *Полян П. М.* Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. — М., 2001.
 14. *Plaggenborg S.* Revolutionskultur. Beitrage zur Geschichte Osteuropas, Boehlau, 1996, Band 21. — S. 313. URL: <http://baptist.org.ru/read/article/94398>
-
1. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 555, л. 6.
 2. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 1, д. 555, л. 10.
 3. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 2, д. 554, л. 1.
 4. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 2, д. 554, л. 23.
 5. Архив ДКНБ РК по г. Алматы, оп. 2, д. 556, л. 8.
 6. Bogoslovija i Katehizaciji. Istorija bratstva. K.i.n. A.I. Savin. Antireligioznaja komissija pri CK RKP(b) — VKP(b) i evangel'skie cerkvi v 1922—1929 gg. URL: <http://baptist.org.ru/read/article/94398>
 7. *Bugaj N. F. L.* Berija — I. Stalinu: «Soglasno Vashemu ukazanju...». — М., 1995.
 8. *Bugaj N. F.* Finny-ingermanlandcy. Transformacii jetnicheskoj obshhnosti: zabvenie, vozrozhdenie, perspektiva. — М.: Akvarius, 2017.
 9. *Guchinova Je.-B.* Pomnit' nel'zja zabyt'. Antologija deportacionnoj travmy. — Shtutgart, 2005.
 10. *Zhanguttin B.* Vynuzhdennye migranty v Kazahstane v 1930-e gody: chislenost' i sostav // Otechestvennaja istorija. — Алматы, 2001. — № 3. ГАРФ, ф. 9479, оп. 1, д. 482, л. 6.
 11. *Zemskov V. N.* Specposelency v SSSR, 1930—1960. — М.: Наука, 2003.
 12. Istorija Sojuza cerkvej EHB Kazahstana. URL: www.baptist.kz/index.php?option=com_content&view=article&id=92&Itemid=61
 13. *Poljan P. M.* Ne po svoej vole... Istorija i geografija prinuditel'nyh migracij v SSSR. — М., 2001.

*Журавлева В. А.,
д-р истор. наук, профессор
филиал Южно-Уральского
государственного университета
(национального исследовательского
университета)
(Златоуст, Россия)*

Миграции городского населения Урала в условиях промышленной модернизации края (конец 1920-х — 1930-е гг.)

Аннотация

В статье на основе архивных источников рассматривается миграционное движение городского населения в годы промышленной модернизации края. Исследование ведется в рамках Уральской, а с 1934 г. — Свердловской и Челябинской областей. Автор доказывает, что в условиях снижения воспроизводства населения быстрый рост численности горожан был возможен только за счет мигрантов. Выявляются основные направления миграции в города региона, при этом подчеркивается преобладание внутриобластной миграции. В рассматриваемый период контингенты горожан пополнялись в основном сельскими жителями. На Урале существовали различные формы пополнения городского населения, но особую роль играл стихийный приток рабочих в города. Для 1930-х гг. характерна не только добровольная, но и принудительная миграция. Делается вывод, что города Урала находились на второй фазе миграционного перехода.

Ключевые слова: историческая демография, промышленная модернизация, Урал, городское население, миграция

JEL коды: N300; R230

*Zhuravleva V. A.,
Ph.D, Professor
The Zlatoust branch of South Ural State
University (national research university)
(Zlatoust, Russia)*

Migrations of the urban population of the Urals in the context of industrial modernization of the province (late 1920s — 1930s)

Abstract

In the article, based on archival sources, the migration movement of the urban population is considered in the years of industrial modernization of the region. A study are conducted in the framework of the Urals region, and with 1934 — the Sverdlovsk and Chelyabinsk regions. The author proves that in the context of a decline in population reproduction, a rapid increase in the number of urban residents was possible only at the expense of migrants. It are identified the main directions of migration to the cities of the region are revealed, emphasize-

ing the predominance of intraregional migration. During the period under consideration, contingents of townspeople were replenished mainly by rural residents. In the Urals, there were various forms of replenishment of the urban population, but a special role was played by the spontaneous influx of workers to the cities. For the 1930s is characteristic not only voluntary, but also forced migration. It is concluded that the cities of the Urals were in the second phase of the migration transition.

Key words: historical demography, industrial modernization, Ural, urban population, migration

JEL codes: N300; R230

В XX в. рост городского населения осуществлялся не только за счет естественного прироста, но и вследствие миграционного движения масс. Проблема миграций на Урале получила освещение в работах современных историков Г. Е. Корнилова, Н. Н. Макаровой, О. В. Павловой, А. В. Чащина [5; 6; 8; 19] и др. Однако до сих пор нет обобщающей работы по миграциям в уральские города в условиях промышленной модернизации края. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел. Исследование ведется в рамках Уральской области, после ее раздела в 1934 г. — Свердловской и Челябинской областей.

Форсированная индустриализация, развернувшаяся с конца 1920-х гг., привела к резкому увеличению темпов роста городского населения Уральской области. За 1928–1932 гг. оно выросло почти в два раза. Такой рост численности горожан был невозможен только за счет естественного прироста, так как с 1929 г. в городах края проявился устойчивый тренд к его снижению, завершившийся естественной убылью населения в 1933 г. В 1931–1932 гг. пополнение городского населения Уральской области за счет мигрантов составило 634,8 тыс. чел. По этому показателю регион уступал в РСФСР только Москве (894,6 тыс. чел.) [10, с. 225–226].

В эти годы в города Урала прибыла масса приезжих. По расчетам А. В. Чащина, в 1930–1932 гг. коэффициенты миграционного прироста населения Свердловска достигли максимальных значений за годы индустриализации (соответственно — 198,2, 228,1 и 162,1^{0/00}) [18, с. 277]. За период с 1929 по 1934 г. в Челябинске в 1930 г. был зафиксирован самый большой прирост населения за счет мигрантов, доля оставшихся в городе приезжих среди его жителей составила 37,3%. В дальнейшем этот показатель снизился до 14,8% (1931 г.) и даже 1,6 (1933 г.), а в 1934 г. он вновь поднялся до 12,4% [рассчитано по: 17, с. 293; 12, оп. 4. д. 1125, л. 7–8; 13, оп. 1, д. 108, л. 2; д. 111, л. 13; оп. 2, д. 49, л. 28]. Население Магнитогорска все было пришлым. Все отмеченное было характерно и для других городов Урала.

В 1928–1934 гг. Челябинск отличался высокой оседаемостью пришло-го населения. Если в 1927 г. на 1000 мигрантов в городе осталось 136 чел., то в 1929 г. — 423, а в 1930–1932 гг. — в среднем 662 чел., в 1934 г. — 501 чел. В Златоусте приживаемость приезжих была ниже и составила

в 1929 г. 377 чел., 1930 г. — 413, 1932 г. — 489, 1934 г. — 427 чел. Только в 1933 г. этот показатель поднялся до 689 чел., а в голодном 1932 г. в Златоусте было зафиксировано отрицательное сальдо миграции [рассчитано по: 17, с. 293; 12, оп. 4, д. 1125, л. 7–8; 13, оп. 1, д. 108, л. 2; д. 111, л. 13; оп. 2, д. 49, л. 28].

В середине и второй половине 1930-х гг. сохранилось значение миграций в формировании городского населения Урала. Доля осевших в городах Свердловской области за 1935–1936 гг. составила 34,7%, Челябинской за 1936–1937 гг. — 32,4%. Однако в 1940 г. в городах Челябинского региона этот показатель снизился до 7,3% [рассчитано по: 2, оп. 1, д. 98, л. 17–18, 26, 28; д. 99, л. 2–5; д. 100, л. 13; 12, оп. 4, д. 1119, л. 3, 6, 18, 28, 63; оп. 5, д. 496, л. 1–2; оп. 17, д. 7, л. 1, 3–5]. Приживаемость горожан во многом зависела от условий труда и быта.

Статистические данные позволяют определить направления миграции в уральские города. В 1931–1934 гг. от 67,5% (1934 г.) до 69,5% (1931 г.) мигрантов, а в 1932 г. этот уровень поднялся до 74%, прибыло в города края в результате внутриобластных перемещений. Большинство внешних мигрантов были выходцами из Горьковского (бывшего Нижегородского) края (в 1931 г. — 8,7% новых пополнений горожан, 1932 г. — 5,2, 1933 г. — 3,5, 1934 г. — 6,7%). В 1931–1932 гг. на втором месте стояла Татарская АССР, откуда приехало 3,5–3,9% мигрантов, но в 1933–1934 гг. регион уступил свои позиции Башкирской АССР, выходцы из которой в эти годы составили соответственно 3,6 и 3% всех мигрантов. Доля приехавших на жительство в города Урала из Западно-Сибирского края не выходила за рамки 1,3% (1933 г.) — 2,1% (1932 и 1934 гг.) от нового пополнения городского населения региона [рассчитано по: 14, оп. 20, д. 34, л. 24].

В середине и второй половине 1930-х гг. ведущая роль в формировании городского населения Урала по-прежнему принадлежала внутриобластной миграции. На долю внутренних мигрантов в Свердловской области пришлось 53,3% всех новых пополнений городского населения за 1935–1937 гг., Челябинской — 45% за 1936–1937 гг. В гораздо меньшей степени эти уральские административно-территориальные образования обеспечивали мигрантами друг друга. За указанные три года доля прибывших в города Свердловской области из соседней Челябинской составила 6,4% и, наоборот, из Свердловского в Челябинский регион за два года — 7%.

Контингенты горожан пополнялись и выходцами из сопредельных территорий. Для Челябинской области особое значение имела Башкирская АССР, оттуда в 1936–1937 гг. прибыло 6% мигрантов; а для Свердловской — Кировский край, в 1935–1937 гг. удельный вес выходцев из этого региона составил 6,9% всех переселенцев. Городское население Челябинской области прирастало выходцами из Казахстана, доля которых

составила 2,1% всех прибывших, а в городах Свердловской области она равнялась всего 0,3%. Удельный вес перебравшихся из Сибири достигал в городах Свердловской области 3,4%, а Челябинской — 3,8%. В основном это были приезжие из Западной Сибири. Было много мигрантов из Поволжья. За указанные три года выходцы из этого региона составили 7,5% новых контингентов горожан Свердловской области, а Челябинской за два года — 5,7%. При этом жители Татарской АССР предпочитали переезжать в города Свердловской области.

В годы форсированной индустриализации уральские города активно пополнялись жителями западных территорий СССР. Удельный вес мигрировавших из Центрального района РСФСР в свердловские города в 1935—1937 гг. составил 3,3%, а в челябинские в 1936—1937 гг. — 4,8%. При этом доля москвичей среди них достигала в Свердловской области 42,3%, Челябинской — 35,5%. Из Северо-Западного района РСФСР на Урал переезжали в основном жители Ленинграда. Они составили за указанный период 55,5% всех мигрировавших с данной территории в города Свердловской и 68,4% — Челябинской области. Доля переехавших из УССР достигала в городах Свердловской области 1,1%, зато Челябинской — 1,6%. Остальные регионы СССР не играли существенной роли в формировании контингентов горожан Урала в 1930-е гг. [рассчитано по: 2, оп. 1, д. 98, л. 17—18, 26; д. 99, л. 2—3, 5; д. 100, л. 13; 12, оп. 4, д. 1119, л. 3, 6, 18, 28, 63; оп. 5, д. 496, л. 1].

Основным источником пополнения горожан были крестьяне. В разгар коллективизации деревни в 1931—1932 гг. их доля среди мигрантов достигала в среднем 71,5%, но в дальнейшем она начала снижаться, составив в 1933 г. 61,9%. В 1934 г., по отчетным данным, из 959,1 тыс. чел., прибывших в города Уральской области, выходцы из сельской местности насчитывали 549,7 тыс. чел., или 57,3%. В этот год в городах региона осело 325,3 тыс. бывших крестьян, или 59,2% от всех перебравшихся из деревни, в то время как на постоянное проживание осталось 16,6% мигрантов из городов (68,1 тыс. чел. из 409,4 тыс. чел., прибывших в уральские города из городской местности) [рассчитано по: 14, оп. 20, д. 34, л. 24, 36].

Во второй половине 1930-х гг. уральские города по-прежнему прирастали за счет выходцев из сельской местности. В Свердловской области в 1935—1937 гг. прибывшие из деревни составили 49%, из города — 44%, а 7% не указали, откуда они приехали. В Челябинском регионе только за два года (1937 и 1940 гг.) также большая часть мигрантов (50,6%) переселилась в города из сельской местности, а 43,8% — из городской [рассчитано по: 2, оп. 1, д. 98, л. 17—18, 26, 28; д. 99, д. 2—5; д. 100, л. 13; 12, оп. 5, д. 496, л. 2; оп. 17, д. 7, л. 1—5].

В 1920-е гг. основными формами комплектования производственных коллективов городов были биржи труда и «самотек», т. е. стихийный приток рабочей силы, причем последняя форма преобладала на Урале.

В 1931 г. 52% новых пополнений прибыло на Магнитострой «самотеком» и только 48% — по вербовке [7, с. 247]; в 1932 г. соответственно — 57,6 и 42,4%. Более половины рабочих Уралмашстроя и Челябинтракторостроя прибыли самостоятельно [5, с. 52–53]. Но быстрый рост промышленного производства при остром кадровом дефиците придал миграционному процессу важную особенность — он стал регулироваться государством. Поворотным пунктом в системе организованного набора рабочей силы из деревни явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 30 июня 1931 г. «Об отходничестве», категорически запрещавшее задерживать отходников и предусматривавшее меры по усилению материальной заинтересованности колхозников и единоличников, ухивших по договорам на работу в промышленность и строительство.

Организованный набор, или вербовка, имел особое значение при привлечении рабочей силы из отдаленных регионов страны. Так, в 1931 г. на Магнитострой по оргнабору прибыли из Уральской области 71,6% новых контингентов рабочих, Средне-Волжского края — 71,8, Башкирской АССР — 73,6, Татарской АССР — 84,5, Нижне-Волжского края — 85,3, Западной области — 92,6, Иваново-Вознесенской области — 95,3% [7, с. 248].

Вместе с тем система прямых договоров предприятий и строительств с колхозами имела и свои слабые стороны: для получения нужного количества рабочих приходилось заключать договоры с несколькими колхозами. Кроме того, надо было каждой сельскохозяйственной артели оказывать помощь в подъеме колхозного производства. Возможности новой системы комплектования рабочей силы были ограничены из-за трудностей бытового и производственного устройства больших партий завербованных рабочих. Все это приводило к тому, что постепенно устройство самостоятельно прибывших небольших групп и одиночек для предприятий и строительств стало более выгодно. За 11 месяцев 1932 г. на стройки Урала прибыло по оргнабору лишь 27,9% рабочих. Только на таких крупнейших новостройках, как Магнитострой, Тагилстрой и Синарстрой, доля оргнабора в пополнении рабочих достигала 40–50% [21, с. 50].

В 1932 г. отток рабочей силы из деревни усилился. Если в Уральской области в отходе числилось 178 607 чел. [21, с. 49], то в 1932 г. — уже 424 800 чел. [3, с. 214], т. е. в 2,4 раза больше, чем в предыдущем году. Как уже отмечалось, активно шел процесс перераспределения населения региона в пользу городских поселений. И в целом ликвидировать стихийный прилив кадров в уральские города в годы первой пятилетки не удалось.

Чтобы остановить неуправляемый отток селян в города, еще в конце первой пятилетки власти перешли к более жестким административно-полицейским методам по отношению к самовольным мигрантам. В 1933 г.

в СССР была введена паспортная система для горожан. Но остановить бегство селян в города было невозможно. 17 марта 1933 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О порядке отходничества из колхозов», по которому отходниками стали считаться только те лица, которые заключили специальные договоры с хозяйственными органами, зарегистрированные в правлении колхоза. При этом учитывались интересы как самого отходника, так и колхоза. Предусматривались льготы для колхозов, которые выделяли рабочую силу, и для колхозников, ушедших в город через систему оргнабора. Действие же Закона «Об отходничестве» от 30 июня 1931 г. отменялось. Таким образом, государство приняло меры по укреплению планового распределения трудовых ресурсов.

Во второй и третьей пятилетках сохранился такой источник роста городского населения Свердловской и Челябинской областей, как организованное привлечение сельских жителей в городские поселения, так как данные регионы по-прежнему относились к дефицитным по трудовым ресурсам районам СССР. Более того, Свердловская область наряду с Ленинградской и Московской была отнесена к районам, которые, несмотря на значительные трудовые резервы колхозного и, частично, городского населения, не могли полностью покрыть растущие потребности хозяйства за счет собственных ресурсов [16, с. 152].

Во второй половине 1930-х гг. проявились недостатки оргнабора. Районы набора рабочей силы планировались таким образом, что создавали неизбежные массовые, излишне дальние, а иногда и встречные железнодорожные перевозки рабочей силы. Так, в три крупных индустриальных центра Урала (Пермь, Свердловск, Челябинск) завоз рабочей силы производился из 20 автономных республик, краев и областей, в том числе и из таких дальних, как Смоленская область. Для преодоления отмеченных недостатков с октября 1939 г. вводилась в действие схема зонального закрепления областей для набора рабочих. За Пермской, Свердловской и Челябинской областями закреплялись Башкирская, Татарская, Мордовская и Чувашская АССР, Пензенская, Куйбышевская и Кировская области [1, с. 95–96].

Определенную роль в формировании контингентов горожан Урала в годы промышленной модернизации сыграло «раскулачивание». Специальная комиссия под руководством А. А. Андреева, созданная 11 марта 1931 г. ЦК ВКП (б) для координации действий по «раскулачиванию» и рационализации использования труда спецпереселенцев, идя навстречу запросам региональных властей на рабочую силу, 15 мая того же года решила перебросить на Урал 55 тыс. «кулацких» семей [15; 18; 20]. С мая 1931 г. на новостройки края начали прибывать спецпереселенцы из разных регионов СССР. К середине июля указанного года только Тагилстрой принял 6,5 тыс. спецпереселенцев, а Магнитострой до конца августа — 32,7 тыс. чел. [9, оп. 1, д. 12, л. 45]. К началу 1932 г. в Магнитогорске

их насчитывалось уже 50 тыс. чел. на 170 тыс. горожан [9, оп. 1, д. 12, л. 45]. В Нижнем Тагиле в конце 1936 г. существовало 10 спецпоселков, в них проживало свыше 15,5 тыс. чел. [4, с. 128–129]. Управление НКВД по Челябинской области в отчете о состоянии спецссылки за 1934 г., направленном в Главное управление лагерями и трудпоселениями НКВД СССР, указывало, что на начало 1935 г. в Челябинской области действовало 34 трудпоселка на 52 256 чел. В подавлявшем большинстве спецпереселенцы (их стали называть трудпоселенцами) использовались на промышленных объектах и рудниках Урала [20, с. 166, 271].

Таким образом, в конце 1920-х — 1930-е гг. в условиях обозначившегося тренда к снижению воспроизводства населения все большее значение в формировании контингентов горожан Урала приобретала миграция. Города региона находились на второй фазе миграционного перехода, миграции были тесно связаны с индустриализацией и коллективизацией, которые вызвали массовое движение сельского населения в города.

Литература

1. *Аристов Н.* Организованный набор рабочей силы // Плановое хозяйство. — 1939. — № 11. — С. 95–99.
2. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р–1813.
3. *Ефременков Н. В.* К вопросу о роли коллективизации в переходе к организованному набору рабочей силы для промышленности Урала // Из истории фабрик и заводов Урала: сборник научных трудов. — Свердловск: УрГУ, 1963. — С. 202–214.
4. *Кириллов В. М.* История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала в 1920-е — начале 50-х гг. — Нижний Тагил: УГПУ, НГПИ, 1996. — Ч. 1. — 232 с.
5. *Корнилов Г. Е.* Миграционное движение и формирование населения Урала в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. — 2012. — № 2 (35). — С. 48–57.
6. *Корнилов Г. Е., Павлова О. В.* Миграционные связи Уральской области (по материалам Всесоюзной переписи 1926 года) // Уральский исторический вестник. — 2003. — Вып. 9. — С. 210–226.
7. Магнитострой в цифрах. Статистический отчет за 1931 год. — Магнитогорск: Магнитострой, 1932. — 341 с.
8. *Макарова Н. Н.* Механизмы формирования населения нового города в условиях форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска) // Уральский исторический вестник. — 2011. — № 1 (30). — С. 71–76.
9. Муниципальное казенное учреждение «Городской архив г. Магнитогорска». Ф. 10.
10. Население России в XX веке. — М.: РОССПЭН, 2000. — Т. 1. — 463 с.
11. Население Урала. XX век. История демографического развития / отв. ред. В. В. Алексеев. — Екатеринбург: Екатеринбург, 1996. — 212 с.

12. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р–485.
13. ОГАЧО. Ф. Р–1055.
14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 1562.
15. Сулов А. В. Спецконтингент в Пермской области (1929–1953 гг.). — Екатеринбург; Пермь: УрГУ, ПГПУ, 2003. — 331 с.
16. Трубников С. Источники комплектования рабочей силы в СССР // Проблемы экономики. — 1939. — № 6. — С. 145–159.
17. Уральское хозяйство в цифрах. 1931–1932 гг. — Свердловск: Издание УралУНХУ, 1933. — 388 с.
18. Чащин А. В. Воспроизводство населения Свердловска в 1923–1940-х годах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». — 2010. — Т. 9. — Вып. 1. — С. 277–278.
19. Чащин А. В. Миграция в Свердловской области в 1935–1940 гг. // III Емельяновские чтения: Миграционные процессы и межэтнические взаимодействия в Урало-Сибирском регионе: материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Курган: КГУ, 2008. — С. 40–44.
20. Челябинская область. 1917–1945 гг.: сборник документов и материалов / под ред. П. Г. Агарышева. — Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1998. — 304 с.
21. Шербакова Н. М. Рабочий класс Урала в годы первой пятилетки // Рабочий класс Урала в период строительства социализма: сборник статей. — Свердловск: УНЦ АН СССР, 1982. — С. 43–56.
1. *Aristov N.* Organizovannyj nabor rabochej sily // Planovoe hozyajstvo. — 1939. — № 11. — S. 95–99.
2. Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO). F. R–1813.
3. *Efremenkov N. V.* K voprosu o roli kollektivizacii v perekhode k organizovannomu naboru rabochej sily dlya promyshlennosti Urala // Iz istorii fabrik i zavodov Urala: sbornik nauchnyh trudov. — Sverdlovsk: UrGU, 1963. — S. 202–214.
4. *Kirillov V. M.* Istoriya repressij v Nizhnetagil'skom regione Urala v 1920-e — nachalo 50-h gg. — Nizhnij Tagil: UGPU, NGPI, 1996. CHast' 1. — 232 s.
5. *Kornilov G. E.* Migracionnoe dvizhenie i formirovanie naseleniya Urala v pervoj polovine XX v. // Ural'skij istoricheskij vestnik. — 2012. — № 2 (35).
6. *Kornilov G. E., Pavlova O. V.* Migracionnye svyazi Ural'skoj oblasti (po materialam Vsesoyuznoj perepisi 1926 goda) // Ural'skij istoricheskij vestnik. — 2003. — Vypusk 9. — S. 210–226.
7. Magnitostroj v cifrah. Statisticheskij otchet za 1931 god. — Magnitogorsk: Magnitostroj, 1932. — 341 s.
8. *Makarova N. N.* Mekhanizmy formirovaniya naseleniya novogo goroda v usloviyah forsirovannoj industrializacii (po materialam Magnitogorska) // Ural'skij istoricheskij vestnik. — 2011. — № 1 (30). — S. 71–76.
9. Municipal'noe kazennoe uchrezhdenie «Gorodskoj arhiv g. Magnitogorska». F. 10.
10. Naselenie Rossii v XX veke. — M.: ROSSPEHN, 2000. — T. 1. — 463 s.
11. Naselenie Urala. XX vek. Istoriya demograficheskogo razvitiya / otvetstvennyj redaktor V. V. Alekseev. — Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1996. — 212 s.

12. Ob"edinennyj gosudarstvennyj arhiv CHelyabinskoy oblasti (OGACHO). F. R—485.
13. OGACHO. F. R—1055.
14. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv ehkonomiki (RGAEH). F. 1562.
15. *Suslov A. V.* Speckontingent v Permskoj oblasti (1929—1953 gg.). — Ekaterinburg; Perm': UrGU, PGPU, 2003. — 331 s.
16. *Trubnikov S.* Istochniki komplektovaniya rabochej sily v SSSR // Problemy ehkonomiki. — 1939. — № 6. — S. 145—159.
17. Ural'skoe hozyajstvo v cifrah. 1931—1932 gg. — Sverdlovsk: Izdanie UralUN-HU, 1933. — 388 s.
18. *Chashchin A. V.* Vosproizvodstvo naseleniya Sverdlovskaja v 1923—1940-h godah // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Istoriya, filologiya». — 2010. — Т. 9. — Вып. 1. — S. 277—278.
19. *Chashchin A. V.* Migraciya v Sverdlovskoj oblasti v 1935—1940 gg. // III Emeľ'yanovskie chteniya: Migracionnye processy i mezhehtnicheskie vzaimodejstviya v Uralo-Sibirskom regione: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. — Kurgan: KGU, 2008. — S. 40—44.
20. Chelyabinskaya oblast'. 1917—1945 gg.: sbornik dokumentov i materialov / pod redakciej P. G. Agarysheva. — Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1998. — 304 s.
21. *Shcherbakova N. M.* Rabochij klass Urala v gody pervoj pyatiletki // Rabochij klass Urala v period stroitel'stva socializma: sbornik statej. — Sverdlovsk: UNC AN SSSR, 1982. — S. 43—56.

*Мирошниченко М. И.,
канд. истор. наук, доцент
Южно-Уральский государственный университет
Исторический факультет
(Челябинск, Россия)*

Возрастная структура женского населения Уральской области в 1926 г.

Аннотация

Анализ возрастной структуры представляет собой важный фактор социально-экономического прогнозирования. Проводимая в СССР в конце восстановительного периода всесоюзная перепись 1926 г., призванная установить социальный состав населения страны после окончания Гражданской войны и завершения восстановительного периода в преддверии реализации социальных планов общественного воспитания детей и разработки первого плана социально-экономического развития наряду с устойчивым «женским перевесом» во всех возрастных группах показала, что более половины женского населения Урала составляли трудоспособные женщины, более трети — дети, почти две трети — молодежь от 14 до 35 лет.

Ключевые слова: женщины, возрастная структура, историческая демография

JEL коды: J11, O15

*Miroshnichenko M. I.,
Ph.D., Associate Professor
South Ural State University
History department
(Chelyabinsk, Russia)*

Age structure of the female population of the Ural region in 1926

Abstract

Analysis of the age structure is an important factor in socio-economic forecasting. The All-Union Census of 1926, conducted in the USSR at the end of the recovery period, designed to determine the social composition of the country's population after the end of the civil war and the completion of the recovery period in anticipation of the implementation of social plans for public education of children and developing a first plan for socioeconomic Development, along with a steady "female preponderance" in all age groups showed that more than half of the female population of the Urals More than a third — children, almost two thirds — youth from 14 to 35 years.

Key words: women, age structure, historical demography

JEL codes: J11, O15

Изучение возрастной структуры женского населения, установление доли женщин, составлявших трудоспособный, репродуктивный, пенсионный и т. д. возрастные контингенты, представляет интерес для выявления роли возрастных групп как важного фактора социально-экономических процессов. При всем многообразии в 1990–2010-е гг. исследовательского интереса к женскому населению [1; 6] число историко-демографических исследований невелико [3; 4; 5].

Среди женского населения Уральской области, как показало проведение Всесоюзной переписи 1926 г., дети в возрасте до одного года по 14 лет включительно составили 1 243 614 чел.; трудоспособное население от 15 до 54 лет — 1 965 956 чел.; пожилых и старых женщин в возрасте от 55 до 100 лет и более насчитывалось 406 383 чел. Для сравнения приведем соответствующие показатели для мужского населения: 1 206 738 чел., 1 648 249 чел. (или с учетом группы в 55–59 лет численностью 90 011 чел. — 1 738 289 чел.) и 219 517 чел. В процентном соотношении к общей численности женского населения Уральской области (в 3 618 576 чел., а точнее, за вычетом 2621 респондентки, не указавшей возраст, в 3 615 955 чел.), они составили соответственно 34,4, 54,4 и 11,2%. Из них 741 939 чел. проживали в городских поселениях, 2 874 016 чел. — в сельской местности [подсчитано автором по: 2, с. 142].

Дети, трудоспособные женщины, женщины пожилого и старческого возраста в структуре женского населения городских и сельских поселений Уральской области в соотношении к их общей численности состави-

ли соответственно 32,2, 57,9, 9,9 и 34,9, 53,5, 11,6%. Таким образом, при значительном (в 3,8 раза) превышении численности женского сельского населения над численностью женского городского населения в пропорциональном отношении разброс традиционных возрастных групп оказался относительно небольшим. Старого женского населения (в возрасте от 60 лет и старше) насчитывалось на Урале в 1926 г. 182 994 чел. (5,06%). Трудоспособные женщины составляли более половины женского населения. Значительной была доля молодежи среди женщин (если относить к ней девушек и женщин в возрасте от 15 до 35 лет) — 1 298 052 чел. (или 66,02%) [подсчитано автором по: 2, с. 142], что обусловило внимание к данной группе при решении проблемы обеспечения экономики трудовыми ресурсами. Расчеты на понижение рождаемости (на меньшее количество рождений при большей жизнеспособности рожденных детей) и широкое вовлечение женщин в общественное производство обеспечивались данными об устойчивом «женском перевесе».

Литература

1. *Алферова И. В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. — Брянск: Курсив, 2011.
 2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Уральская область. Башкирская АССР. Отдел II: Занятия. — М.: ЦСУ Союза СССР, 1929.
 3. *Жиромская В. Б.* После революционных бурь: население России в первой половине 20-х годов. — М.: Наука, 1996.
 4. *Журавлева В. А.* Городское население Урала в 1920–1930-е гг. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013.
 5. *Исупов В. А.* Демографическое развитие Сибири в 1920-е гг. // Историческая демография. — 2012. — № 2(10). — С. 30–35.
 6. *Сулейманова Р. Н.* Женщины в общественно-политической жизни Башкирии в XX в. — Уфа: Гилем; Башкирская энциклопедия, 2014.
 7. *Шербинин П. П., Лапочкин Е. В., Шукин Ю. К.* История сестринского дела на Тамбовщине (XVII–XXI вв.). — Тамбов: Бизнес-Наука-Общество, 2013.
1. *Alferova I. V.* «Zhenskij vopros» v teorii i praktike bol'shevizma. — Brjansk: Kursiv, 2011.
 2. Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda. Ural'skaja oblast'. Bashkirskaja ASSR. Otdel II: Zanjatija. — M.: CSU Sojuza SSSR, 1929.
 3. *Zhiromskaja V. B.* Posle revoljucionnyh bur': Naselenie Rossii v pervoj polovine 20-h godov. — M.: Nauka, 1996.
 4. *Zhuravleva V. A.* Gorodskoe naselenie Urala v 1920–1930-e gg. — Cheljabinsk: Izdatel'skij centr JuUrGU, 2013.
 5. *Isupov V. A.* Demograficheskoe razvitie Sibiri v 1920-e gg. // Istoricheskaja demografija. — 2012. — № 2(10). — S. 30–35.
 6. *Sulejmanova R. N.* Zhenshiny v obshhestvenno-politicheskoj zhizni Bashkirii v HH v. — Ufa: Gilem; Bashkirskaja jenciklopedija, 2014.

7. *Shherbinin P. P., Lapochkin E. V., Shhukin Ju. K. Istorija sestrinskogo dela na Tambovshhine (XVII–XXI vv.).* — Tambov: Bizness–Nauka–Obshhestvo, 2013.

Ракачев В. Н.,
канд. истор. наук, доцент
Кубанский государственный университет
Кафедра социологии
(Краснодар, Россия)

Советские компенсационные миграции 1930-х гг. и их влияние на процессы социального взаимодействия на Северо-Западном Кавказе

Аннотация

В статье рассматриваются особенности социального взаимодействия местного и пришлого населения на Северо-Западном Кавказе в 1930-е гг., когда в ходе проводившихся мероприятий по коллективизации и хлебозаготовкам часть местного населения, признанного социально опасным, была выселена с территорий своего проживания. Опустевшие территории в организованном порядке заселялись лояльным Советской власти населением — демобилизованными красноармейцами. Следствием компенсационных миграций стали рост социальной напряженности и конфликтное противостояние местного и пришлого населения. В работе использованы материалы центральных и региональных архивов, значительная часть из которых введена в научный оборот впервые.

Ключевые слова: компенсационные миграции, Северо-Западный Кавказ, местное население, мигранты, социальное взаимодействие, адаптация

JEL коды: B24, B25

Rakachev V. N.,
Candidate of Science, Associate Professor
Kuban State University
Department of Sociology
(Krasnodar, Russia)

Soviet compensatory migrations of the 1930s and their impact on social interaction processes in the North-Western Caucasus

Abstract

The article examines the peculiarities of social interaction of local and newcomers in the North-Western Caucasus in the 1930s, when part of the local population, recognized as socially dangerous, was evicted from the territories of their residence during the collectivization and grain procurement activities. The empty territories were organized in an organized manner by the population loyal to the Soviet government — demobilized Red Army men. The consequence of compensatory migration was the growth of social tension and conflict

confrontation between local and alien populations. The work uses materials from central and regional archives, most of which were introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: compensatory migrations, North-West Caucasus, local population, migrants, social interaction, adaptation

JEL codes: B24, B25

Взаимодействие мигрантов и местного населения представляет значительный интерес для социологии. Особую актуальность эта проблема приобретает на территориях культурного и социального пограничья, в так называемых «фронтирных зонах», к числу которых относится и Северный Кавказ.

Первые научные работы в русле данной проблематики появляются еще в XIX в., в период закрепления России на Кавказе. Советский и современный период ознаменовались изданием фундаментальных трудов по вопросам взаимоотношения мигрантов и местного населения. Исследования в этом направлении в большинстве своем носили междисциплинарный характер, привлекая внимание социологов, историков, психологов, этнографов, экономистов и представителей других наук.

Однако ряд аспектов все еще либо вовсе остается за рамками научного анализа, либо слабо разработан с фактической и теоретической точек зрения. Один из таких вопросов, практически не затронутый в исследованиях, — взаимоотношение местного и пришлого населения в результате принудительных миграций «сталинского» периода.

Для понимания процессов взаимодействия мигрантов и местных жителей в 1930-е гг. важное значение имеет исторический контекст. В ходе реализации программ коллективизации и хлебозаготовок 1930–1932 гг. большое внимание уделялось южным регионам, важным с точки зрения экономической (как хлебные регионы) и военно-стратегической (находящиеся близко к границе). К числу таких территорий относились Кубань и Ставрополье — историко-географические регионы, которые в административном делении первой половины 1930-х гг. входили в Азово-Черноморский и Северо-Кавказский края. Совокупность этих территорий с историко-географической точки зрения представляется как единый регион — Северо-Западный Кавказ.

Действовавшая здесь в 1932 г. государственная комиссия по организации хлебозаготовок под руководством Л. М. Кагановича применяла жесткие меры, приведшие к массовому голоду и депортации части местного, по преимуществу казачьего населения за пределы Северо-Западного Кавказа.

Выселение ряда станиц, занесенных на «черную доску» как не выполнивших планы хлебозаготовок, было важным пропагандистским шагом советской власти, предупреждением тем, кто не понимал серьезность и важность государственной программы. Суть позорной «черной доски» заключалась в запрещении контактов с «провинившейся» станицей, пре-

крашении завоза товара, выселении так называемого «контрреволюционного населения» и других репрессивных мерах, а вывешивание черной доски или черного флага выстраивало четкие параллели с эпидемиологическими заболеваниями (черный флаг вывешивали во время чумы или других эпидемий, и доступ в данный населенный пункт был запрещен до полной ликвидации болезни).

Помимо выселения начинается бегство населения из станиц: «Домов пустых становилось все больше и больше. Удирали из села уже и те, кому не грозила высылка... на дорогах стояли милицейские посты, но беглецы обходили их по глухим зимним степям, по бездорожью. Цеплялись на товарные поезда и уезжали, кто куда смог...» [14].

Вследствие высылки населения, голода 1932–1933 гг., бегства населения опустели значительные территории. Это могло существенно повлиять на производство товарного зерна, большая часть которого шла на продажу и обеспечивала нужды индустриализации. Теперь перед властью стояла важная стратегическая задача — восполнение демографического баланса на опустевших территориях за счет политически лояльного населения.

Одним из основных контингентов, использовавшихся в ходе освоения территорий, в том числе и на Северном Кавказе, являлась армия. Используя армию при заселении и освоении новых территорий, правительство, с одной стороны, получало легко управляемых в административном отношении переселенцев, а с другой — лояльных в политическом и идеологическом плане: «Переселяется наиболее активная часть крестьян... еще будучи в рядах Красной Армии, многие из них становятся пионерами новой, не только хозяйственной, но и бытовой жизни» [1, с. 69].

Вопрос о переселении поднимали и сами военные. Заместитель командующего Северо-Кавказским военным округом В. М. Примаков в октябре 1932 г. высказывал предложение заселения пустующих земель Дона и Кубани демобилизованными красноармейцами: «...и земли перестанут пустовать, будут хорошо обработаны, и политическое лицо этих станиц изменится» [4].

11 сентября 1933 г. утверждается в Москве предполагаемая начальная разрядка переселяемых красноармейских семейств по районам и станицам Азово-Черноморского края — 12 000 чел. [5]. С целью закрепления красноармейцев-переселенцев на новом месте им выделялось жилье, в основном дома и хозяйство репрессированных жителей станиц, местным партийным органам ставилась задача: «...обеспечить ремонт жилья для вселяемых, кухонными плитками, гвоздями, стеклом. Также поставить вопрос о долгосрочных кредитах для вселяющихся на хозяйственное обзаведение». Уделялось большое внимание продовольственному и хозяйственному вопросам обеспечения переселенцев: «В колхозе обязать МТС первоочередным обслуживанием красноармейских бригад для того, чтобы эти бригады находились в наиболее благоприятных ус-

ловиях в колхозах. Колхозы обеспечивают вселяющихся овощами, картофелем, подсолнечным маслом» [6].

Соответствующей была и идеологическая подготовка. Среди переселенцев распространялись брошюры, которые должны были показать, что выселение местных жителей связано с их враждебной и вредительской работой.

Все эти мероприятия выстраивали определенный барьер между местными жителями и переселенцами-красноармейцами, затрудняя процессы социальной адаптации. Строгая централизация, мощный идеологический контроль существенно снижали роль естественных социокультурных процессов общественной жизни.

Установлению нормальных отношений между переселенцами и местными жителями в значительной степени мешала идеологическая пропаганда, которая с целью обоснования проводимых в регионе мероприятий представляла казаков как ярких противников советской власти, идеологических врагов, по отношению к которым невозможен компромисс. Переселенцы-красноармейцы, напротив, были поставлены в привилегированное по отношению к местным жителям положение с помощью различных льгот и тем самым опять же противопоставлялись им. Это значительно осложняло процессы взаимодействия и адаптации. Результатом идеологической пропаганды стало формирование в сознании двух взаимодействующих сторон соответствующих стереотипов, которые в значительной степени способны определять и направлять процессы социального взаимодействия. А конфликтность и противоборство во взаимодействии, в свою очередь, осложняли процессы адаптации и в ряде случаев приводили к бегству переселенцев.

Адаптацию на новом месте можно считать успешной, когда переселенец и местный житель смотрят друг на друга как на индивидов, а не представителей некой социальной группы. Но в условиях Северо-Западного Кавказа этот процесс осложнялся исторически сложившимся здесь противостоянием: «казаки — иногородние», «казаки — кацапы» и т. п.

В итоге переселенцы воспринимаются местными жителями не только как чужаки, прибывшие по решению и при поддержке власти, но прежде всего как «неказаки», «кацапы», носители иных культурных норм и ценностей: «...а северный народ выпивать любит, и вместо того, чтобы жить культурно, люди в свободную минутку пьяны и драки происходят. Есть случаи, когда один убит, когда зять шурина убил во время пьянки. Живут они вместе, поссорились, а он его убил насмерть» [7].

Такое восприятие наглядно демонстрируют и материалы полевых исследований РГГУ под руководством Д. Н. Хубовой. Интервью станичников — местных жителей четко воспроизводят эти стереотипы: «У нас их (переселенцев. — *Авт.*) называли кацапы. Они, я не знаю уж, как, что, почему, сами по себе грязные. В комнатах у них тоже: и свинья в ком-

нате, может, и теленок в комнате, все это, в общем, там... тут живут, тут и поросята. А дом... Будут жить до тех пор, покуда он до такой степени не развалится, что уже в нем жить нельзя» [13, с. 85].

Переселенцы, в свою очередь, оказавшись в напряженной ситуации и встретив неприязнь со стороны местных жителей, так же формируют и воспроизводят негативный образ казака. «Во двор детей мы первое время боялись пускать. Сидели дома: местные — казаки мастерили капканы и ставили их у наших дверей, в траве, вокруг дома, у колодца... Саботаж устроили...». «Плохо жить было, очень плохо. Как услышат, что мы по-русски говорим: “А-а! Кацапки!” И нас матом гонят с очереди. Ну, а потом немножко лучше, лучше, разогнали их, увезли их всех, куда — не знаю...» [13, с. 85]. Местные жители — казаки наделялись такими негативными качествами, как лень, бесхозяйственность, безынициативность.

Но адаптация переселенцев осложнялась не только за счет субъективных, но и вследствие объективных причин, многие из них столкнулись с хозяйственными проблемами. Недостатки в устройстве и снабжении зачастую вызывали у переселенцев отрицательные настроения и как следствие приводили к случаям бегства. В документах отмечают, что почти все красноармейцы-одиночки ушли обратно. Среди переселенцев не редкими были такие разговоры: «Если на Кубани будет плохо, то сбежим, а там что будет». «При вербовке нам обещали полное обеспечение на месте. Гарантировали свободное возвращение по домам, в случае если не понравятся станицы. Здесь нам ничего не дают, станицы заросли бурьяном, колхозы неблагоустроены. Отправляйте нас обратно» [8].

Со временем в настроениях переселенцев появляются сомнения в правильности самой политики. В спецсообщениях ОГПУ отмечаются случаи антисоветских выступлений среди переселенцев: «...Нас сюда прислали, как баранов на убой. Высуют из нас все лучшее и привезут других, а через несколько лет и нас выселят, как кубанских кулаков». «...Мы не крепостные, не захотим работать, силой не заставите. Нам будет то же, что и местным жителям. Их морят голодом». «...Не намерены здесь голодать и кормить вшей. Если колхозникам зимой не дадут хлеба, то они сложат знамена и пойдут по другому пути развития» [8].

В отдельных случаях ситуация действительно была критической, переселенцы уже не просто жалуются, но обвиняют власти в сложившейся ситуации. Показательными являются письма красноармейцев из станицы Уманской: «Живем очень плохо, почти по суткам живем голодные. Сейчас сеем, сеять не на ком, лошадей в бригаде 17, посеяли 60 га, лошади стали, не ходят, приходится пахать и сеять на людской силе. Хлеба дают, что корм, 400 г на день. Эх, знал бы, что я помру здесь от голода и скоро, то покончил бы сам себя. За что нас сюда выгнали... Вот какая нам пошла жизнь, что от голода десятки помирают каждый день» [2, с. 472–474].

Однако и местное население, негативно настроенное против переселенцев развернуло активные практики запугивания и деморализации, которые лишь подстегивали бегство. Переселенцам угрожали, подбрасывали записки, известны случаи нападения и насилия по отношению к ним. В записках и разговорах их пытались убедить, что жизни на новом месте им не будет: «...Вы занимаете дома высланных, они возвратятся и выгонят вас отсюда силой». «...Вы приехали на голодную смерть, с казаками не уживетесь, уезжайте обратно и т. п.». «Хорошей жизни вам на Кубани не будет, придется умирать от голода и малярии, выезжайте обратно» [9]. «Мы тут подыхаем с голода и от малярии, и с вами то будет» [15].

Политдонесения изобилуют перечислением подобных случаев: «...переселенцу Юновалову была подброшена анонимка следующего содержания: если будешь жить тут, то приду и убью»; «...возле дома переселенца Артеменко был произведен выстрел» [10].

С ухудшением положения нарастают недовольство и волна беглецов. Появляется такой феномен, как «обратничество» (социальная практика возвращения/бегства переселенцев с новых мест проживания на территорию исхода), которое принимает масштабные формы. В 1933 г. с мест переселения бежало 1084 чел., из них 90,5% — одиночки и 9,5% — семейные переселенцы. Предупреждены 554 побега [11]. Согласно сведениям контрольных органов, за 1936 г. в целом по районам Азово-Черноморского края «возвратники» составили 55% [12].

Осознавая сложность сложившейся ситуации, власть начинает разработку комплекса мер по борьбе с бегством переселенцев с мест расселения и хозяйственного закрепления их в колхозах и МТС, включающих в себя: а) конкретную информацию-сигнализацию и постановку перед партийными организациями и Политотделами вопросов об усилении массово-разъяснительной работы среди переселенцев и более внимательного отношения к их нуждам; б) обеспечение всесторонне чекистско-оперативного обслуживания переселенцев, своевременное изучение и устранение причин бегства, усиление обработки отдельных переселенцев, пытающихся бежать и т. д.; в) освещение политических настроений переселенцев, изучение происходящих политических процессов среди них и своевременная сигнализация партийным органам и Политотделам на местах; г) использование возвращающихся из побегов переселенцев, своевременное развертывание вокруг этого политмассовой работы; д) борьба с действиями а/с кулацкого элемента, пытающегося деморализовать переселенцев» [12].

Однако постепенно местное население смиряется с необходимостью присутствия мигрантов, в условиях запустения и хозяйственной разрухи они начинают восприниматься как неизбежность и даже как некоторая необходимость. По воспоминаниям И.Л. Полежаева, жителя станицы Уманской, приезд переселенцев спас станицу от гибели. «Станица не-

много ожила. Правда, здесь главную роль играют теперь переселенцы — белорусы, народ крепкий, надежный, трудолюбивый и симпатичный. Для станицы их приезд равносителен вливанию крови в организм умирающего человека, что его и спасает в конечном счете» [3, с. 55].

Постепенно внешние проявления неприязни между переселенцами и местными жителями сходят на нет. Это заметно по газетным публикациям, по сводкам и донесениям. Краевые газеты за 1934—1935 гг. практически не упоминают о конфликтах между казаками и переселенцами-красноармейцами, большая часть материалов сообщает о выполнении планов красноармейскими колхозами, выдвижении бывших переселенцев на руководящие должности и т. д.

Анализируя сложившуюся ситуацию, можно охарактеризовать ее как чрезвычайную, неэффективность административного подхода к переселению и закреплению мигрантов была очевидна. Задача восстановления демографического баланса в регионе путем плановых переселений в полной мере не была реализована. Несмотря на компенсационные миграции, численность населения региона существенно сократилась. Кризис и противоречия во взаимодействиях местного населения и переселенцев также осложняли и хозяйственно-экономическую ситуацию в регионе. В целом стабилизация социально-политической и экономической ситуации на Северо-Западном Кавказе хотя и была достигнута, но путем значительных жертв и лишений.

Литература

1. Баранов М. Э. Переселение и коллективизация. — М.: Книгосоюз, 1929.
2. Голод в СССР. 1929—1934: В 3 т. Т. 2: Июль 1932 — июль 1933 / отв. составитель В. В. Кондрашин. № 359. — М.: МФД, 2012.
3. Дневники Ивана Лазаревича Полежаева (30-е годы ст-ца Уманская) // Родная Кубань (литературно-исторический журнал). — 2002. — № 3. — С. 51—61.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 214. Л. 213.
5. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13.
6. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 39. Л. 13—14.
7. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 76. Л. 15.
8. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 20—23.
9. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.
10. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 24.
11. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 95. Л. 53—54.
12. РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 43. Л. 23—24.
13. Хубова Д. Н. Черные доски: tabula rasa: Голод 1932—1933 годов в устных свидетельствах — Голод 1932—1933 годов: сб. статей (отв. ред., вступит. статья Ю. Н. Афанасьев). — М.: РГГУ, 1995. — С. 67—88.

14. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 1774-Р. Оп. 2. Д. 1225. Л. 34–39.
 15. ЦДНИКК. Ф. 8069. Оп. 1. Д. 4. Л. 280.
1. *Baranov M. Je.* Pereselenie i kollektivizacija. — М.: Knigosozuz, 1929.
 2. Golod v SSSR. 1929–1934: V 3 t. T. 2: Ijul' 1932 — ijul' 1933 / otv. sostavitel' V. V. Kondrashin. № 359. — М.: MFD, 2012.
 3. Dnevniky Ivana Lazarevicha Polezhaeva (30-e gody st-ca Umanskaja) // Rodnaja Kuban' (literaturno-istoricheskij zhurnal). — 2002. — № 3. — S. 51–61.
 4. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (RGASPI). F. 81. Op. 3. D. 214. L. 213.
 5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAJe). F. 5675. Op. 1. D. 39. L. 13.
 6. RGAJe. F. 5675. Op. 1. D. 39. L. 13–14.
 7. RGAJe. F. 5675. Op. 1. D. 76. L. 15.
 8. RGAJe. F. 5675. Op. 1. D. 43. L. 20–23.
 9. RGAJe. F. 5675. Op. 1. D. 32. L. 37.
 10. RGAJe. F. 5675. Op. 1. D. 43. L. 24.
 11. RGAJe. F. 5675. Op. 1. D. 95. L. 53–54.
 12. RGAJe. F. 5675. Op. 1. D. 43. L. 23–24.
 13. *Hubova D. N.* Chernye doski: tabula rasa: Golod 1932–1933 godov v ustnyh svidetel'stvah — Golod 1932–1933 godov: sb. statej / otv. red., vstupit. stat'ja Ju. N. Afanas'ev. — М.: RGGU, 1995. — S. 67–88.
 14. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja (CDNIKК). F. 1774-R. Op. 2. D. 1225. L. 34–39.
 15. CDNIKК. F. 8069. Op. 1. D. 4. L. 280.

Уваров С. Н.,
канд. истор. наук, заведующий кафедрой
Ижевская ГСХА
(Ижевск, Россия)

Статистические источники изучения региональной этнической миграции во второй половине XX в. (на примере Удмуртии)

Аннотация

В статье рассматривается источниковедческая проблема исследований региональной этнической миграции. До настоящего времени специалисты основывались в большинстве на опубликованных материалах переписей населения. Но по ним она плохо прослеживается. На примере Удмуртии показано, какую информацию, характеризующую этнической миграции, можно извлечь из неопубликованных материалов переписей и данных текущей статистики. В материалах переписей населения 1970, 1979, 1989 гг. был вопрос о месте рождения, входивший в программу выборочного наблюдения, в которое попадало каждое 4-е домохозяйство. Кроме того, в программе переписей населения 1979 и 1989 гг. также присутствовал вопрос о продолжительности непрерывного проживания опрашиваемых в данном населенном пункте. Текущая

статистика в Удмуртии территориальные этнические перемещения стала фиксировать сначала по городским поселениям (за 1975, 1979–1980 гг.), а с 1988 г. — и по сельской местности. По некоторым другим регионам ЦСУ СССР собирало такие сведения и за 1968–1970, 1976 гг.

Ключевые слова: этническая миграция, источники, население, переписи, текущая статистика, Удмуртия

JEL код: J10

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект «Исследование этнодемографического развития Удмуртии в XX — начале XXI в. в целях сохранения полиэтнического многообразия и этнополитической стабильности» № 16-11-18005.

*Uvarov S. N.,
Candidate of historical sciences,
head of the Department
Izhevsk state agricultural Academy
(Izhevsk, Russia)*

Statistical sources for the study of regional ethnic migration in the second half of the XX century (by example of Udmurtia)

Abstract

The article considers the problem of source studies, regional ethnic migration. To date, the experts were based largely on the published censuses. But she had seen. On the example of the Udmurt Republic shows what information characterizing ethnic migration, you can extract from unpublished census data and current statistics. In the censuses of 1970, 1979 and 1989 was the question on place of birth, a part of the sample observations that fall every 4th household. In addition, the program of population censuses 1979 and 1989 was also present the question of the duration of continuous residence of the respondents in this village. Current statistics in Udmurtia territorial ethnic move was to fix the first urban settlements (1975, 1979–1980), and since 1988 — and in the countryside. Some other regions of the Central statistical management of the USSR has collected such data for 1968–1970, 1976.

Key words: ethnic migration, sources, population, census, current statistics, Udmurtia

JEL code: J10

Изучение миграционного движения у народов России, выявление факторов, повлиявших на него, может помочь сформировать грамотную национальную политику, призванную сохранить этнокультурное многообразие в нашей стране и гармонизировать межнациональные отношения. Однако исследование этнодемографических процессов в России, активизировавшееся с конца 1950-х гг., сопряжено с рядом трудностей, в силу которых в данной области знаний все еще остается немало «белых пятен». В основном они связаны с недостатком источников. Если для изучения территориальных перемещений всего населения привлекаются главным образом статистические источники, возможности которых при

этом хорошо показаны в ряде работ [см. например: 1; 3; 5; 6], то для изучения этнической миграции их потенциал раскрывается далеко не полностью. Это можно показать на примере такого региона, как Удмуртия.

Анализ историографии этнической миграции в Удмуртии во второй половине XX в. позволяет утверждать, что исследователи [см. например: 2; 7; 8; 9, 10] привлекают в основном опубликованные материалы переписей населения, однако по ним этническая составляющая миграции прослеживается плохо. С. Лаллукка даже заявил следующее: «Имеющиеся данные не позволяют на должном уровне рассмотреть вопрос о внутрисубъектской миграции. Несколько по-иному обстоят дела с оценкой внешней миграции; но надо заметить, что даже здесь определение размеров сальдо миграции обычно возможно осуществить только косвенным путем, используя для расчета данные о естественном движении и приросте численности населения» [4, с. 158]. В качестве источников этнической миграции исследователи привлекают данные опросов. В частности, в Удмуртии в 1968 г. и 1979/1980 гг. были проведены массовые этносоциологические обследования, позволяющие, в том числе, сделать выводы о переселениях.

Поэтому поиск и введение в научный оборот новых источников, характеризующих этническую миграцию, являются актуальнейшей задачей. На наш взгляд, большой потенциал, не использованный пока в полной мере, имеют статистические данные, содержащиеся в материалах переписей, которые пока не все опубликованы, и текущей статистики, которые в своем большинстве еще хранятся в архивах. Рассмотрим возможности их использования для изучения этнической миграции на примере Удмуртии и начнем с переписей. В опубликованных материалах переписей можно найти информацию о национальном составе населения республики, распределенном по городским поселениям и сельской местности. Эти данные исследователи и анализируют, сравнивая их изменения.

Неопубликованные материалы переписей дают возможность составить большее представление об этнодемографических процессах, в частности, о территориальных передвижениях различных этнических групп. Вопросы, на основе которых получались сведения о миграции населения, входили в программу выборочного наблюдения, в которое попадало каждое 4-е домохозяйство (или 25%). Но при разработке материалов переписи данные выборочного опроса были распространены на все население.

В переписи населения 1959 г., как и 1937 и 1939 гг., вопрос о миграции отсутствовал в значительной степени из-за недооценки роли миграции, ее функций и причин. Возросший в последующие годы интерес к миграции населения сделал необходимым получение данных о миграции населения в ходе переписи населения 1970 г. и последующих. Прежде всего, в них вновь, как и в первых переписях, присутствовал вопрос о месте рождения.

В 1970 г. к мигрирующему населению относились лица, прожившие непрерывно на постоянном месте жительства менее двух лет, и при пе-

реписи им записывался адрес предыдущего места жительства, что позволило получить сведения о миграционных потоках. С точки зрения статистических органов непрерывность проживания не нарушалась, если опрашиваемый менял место жительства в пределах городского поселения или сельской местности административного района, а также если выезжал на срок менее шести месяцев (исключением являлся выезд для прохождения срочной военной службы или за границу).

В программе переписей населения 1979 и 1989 гг. также присутствовал вопрос о продолжительности непрерывного проживания опрашиваемых в данном населенном пункте, тем самым был получен материал для изучения генетической структуры населения, т. е. структуры населения по продолжительности проживания в данной местности [5, с. 184–187].

Материалы переписей населения Удмуртии хранятся в Центральном государственном архиве Удмуртской Республики (далее — ЦГА УР), в фонде Р-845 Статистического управления УАССР (Государственного комитета Удмуртской Республики по статистике). По данным переписи 1970 г. им были составлены сводные статистические таблицы о распределении населения Удмуртской АССР, живущего в данном месте менее двух лет, по национальности. Правда, были выделены лишь прибывшие в республику из других республик, областей, краев, округов русские, удмурты, татары, марийцы и украинцы. Представители этих национальностей были распределены не только о полу, но и по направлению миграции. Всего среди прибывших в Удмуртию выделено четыре потока: из города в город, из города в сельскую местность, из сельской местности в города, из сельской местности в сельскую местность.

За 1979 г. в архивохранилищах отложилась информация о распределении населения по национальности, продолжительности проживания в месте постоянного жительства, полу, возрасту, правда, лишь в отношении русской и удмуртской национальностей. Эти данные позволяют сделать выводы о механическом движении двух крупнейших этнических групп населения Удмуртии за определенный период.

Самое полное представление об этнической миграции дают материалы переписи 1989 г. (материалы переписи за 2002 г. на хранение в ЦГА УР еще не поступили). Как и материалы предыдущей переписи, они содержат информацию о распределении населения по национальности, продолжительности проживания в месте постоянного жительства, полу, возрасту в отношении русской и удмуртской национальностей. Кроме того, в них имеются данные о месте рождения и поле прибывших в республику из-за ее пределов русских, удмуртов, татар, украинцев и марийцев. Они же показывают, в города или сельские поселения прибыли мигранты, из городских поселений или из сельской местности.

Чтобы выяснить, столько представителей той или иной национальности, родившихся в Удмуртии, переехало в другие республики и обла-

сти страны, необходимо исследовать аналогичные материалы в других региональных архивах. В таком случае материалы переписей позволят установить размеры и направления внешней этнической миграции.

Что касается данных текущей статистики, то в Удмуртии материалы о территориальных этнических перемещениях стали составляться сначала по городским поселениям (за 1975, 1979–1980 гг.), а с 1988 г. — и по сельской местности. По некоторым другим регионам ЦСУ СССР собирало такие сведения и за 1968–1970, 1976 гг. В ЦГА УР пока отложились материалы до 1996 г. включительно. Текущая статистика также не опубликована.

В материалах текущей статистики, характеризующих этническую миграцию, большой удельный вес до 1980 г. занимала категория «неизвестных». Согласно инструкциям, статистические органы в нее включали лиц, призванных на срочную военную службу или осужденных и направленных в места лишения свободы (кроме условно осужденных), демобилизованных из армии по окончании срока службы или освобожденных из мест заключения. Кроме того, в графу «неизвестно» записывались прибывшие из-за границы или выбывшие за границу, а также те, в отрывных талонах которых не было указано, из города или села они прибыли или выбыли.

В реальности абсолютное большинство прибывших «неизвестно» откуда или убывших «неизвестно» куда — это ушедшие служить в армию или вернувшиеся со службы из нее. Поэтому «неизвестных» можно практически полностью относить к внешним мигрантам. За 1980 г. среди них определялась этническая принадлежность лишь эмигрантов и иммигрантов, а начиная с 1988 г. распределение по национальности в отношении «неизвестных» не производилось полностью.

Трудности использования материалов текущей статистики заключаются в том, что в них не указывалось географическое направление этнической миграции. К примеру, если имеется информация о количестве мигрантов, прибывших в городские поселения Удмуртии, то при этом нельзя узнать откуда: из городов, расположенных в республике, или из городов, находящихся за ее пределами; из сельской местности республики или других регионов. То же самое относится к выбывшим. Аналогичная картина — по сельской местности Удмуртии.

С 1989 г. территория прибытия или убытия в разрезе национальностей стала указываться, но лишь по союзным республикам (отдельно также вычленялась заграница). Однако основные потоки приходились на РСФСР, а этническая составляющая ни по УАССР, ни по другим российским регионам в них отдельно не выделялась.

Поэтому для того, чтобы определить сальдо этнической внешней миграции, необходимо суммировать итоги миграции по городским поселениям и ее итоги по сельской местности. Получившаяся разница в результате обмена населением между городами и сельской местностью внутри республики и будет означать баланс прибывших в Удмуртию и выбывших из нее.

Это подтверждают и следующие расчеты. Для городских поселений Удмуртии графа «Городские поселения» означает внешнюю миграцию с городами других регионов, поскольку включает разницу между прибывшими в города Удмуртии из городских поселений (не только республики) и выбывшими из городов республики в городские поселения (не только Удмуртии). Для сельской местности Удмуртии графа «Сельская местность» означает внешнюю миграцию по отношению к селам других республик и областей, поскольку является балансом миграции сельских жителей республики в села и деревни других регионов. Графа «Сельские поселения» для городских поселений Удмуртии является сальдо миграции с сельской местностью (не только Удмуртии). Графа «Городские поселения» для сельской местности означает сальдо миграции с городскими поселениями (не только Удмуртии). Сумма двух последних цифр будет означать количество мигрантов, пересекших не только границы республики, но и сменивших при этом место жительства с села на город или с города на село.

К сожалению, узнать, каковы были размеры внешней этнической миграции до 1988 г., по материалам текущей статистики не получится, поскольку при этом нужны сведения как о миграции по городским поселениям, так и по сельской местности. Экстраполировать показатели этнической внешней миграции за 1988–1989 гг. на предшествующий период вряд ли возможно, поскольку ее динамика была скачкообразной. К тому же в 1988–1989 гг. распределение в отношении «неизвестных» по национальности не производилось, поэтому неучтенными остались очень многие мигранты. Узнать о внешней миграции за 1975, 1979–1980 гг. по Удмуртской АССР можно лишь в отношении городов.

Таким образом, имеющиеся в распоряжении историков статистические источники позволяют сделать вполне определенные выводы об этнической миграции в Удмуртии во второй половине XX в., хотя следует признать, что переселения русских и удмуртов освещены полнее, чем остальных национальностей в республике.

Литература

1. Воробьева О. Д., Топилин А. В. Миграция населения России — по данным советских переписей 1970, 1979, 1989 годов // Вопросы статистики. — 2014. — № 12. — С. 62–79.
2. Глухарев Д. С. Этнодемографическое развитие Урала в 1960–1980-е годы: дисс. ... канд. ист. наук. — Челябинск, 2006. — 208 с.
3. Горбачев О. В. Миграционная статистика второй половины XX в. как исторический источник: проблемы использования // Историческая демография. — 2011. — № 1. — С. 75–77.
4. Лаллукка С. Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов / пер. с англ. Л. И. Леденовой, С. В. Голованова при содействии автора С. Лаллукка. — СПб.: Европейский Дом, 2007. — 391 с.

5. *Мкртчян Н. В.* Статистические источники информации о миграции населения в России // *Методология и методы изучения миграционных процессов* / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. — М.: Адамант#, 2007. — С. 184–211.
 6. *Моисеенко В. М.* Миграция населения в переписях России и СССР // *Вопросы статистики*. — 1997. — № 3. — С. 30–37.
 7. *Сумачева М. В.* Этнические процессы на Урале во второй половине XX века: монография. — Екатеринбург: ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009. — 257 с.
 8. Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В. В. Пименов. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. — 392 с.
 9. *Чернышева И. В.* Этнодемографические процессы в Удмуртской Республике, 1989–1999 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2001. — 247 с.
 10. *Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (историко-социологический подход)*. — Екатеринбург: Екатеринбург, 2000. — 104 с.
1. *Vorob'eva O. D., Topilin A. V.* Migracija naselenija Rossii — po dannym sovetskih perepisej 1970, 1979, 1989 godov // *Voprosy statistiki*. — 2014. — № 12. — S. 62–79.
 2. *Gluharev D. S.* Jetnodemograficheskoe razvitie Urala v 1960–1980-e gody: diss. ... kand. ist. nauk. — Cheljabinsk, 2006. — 208 s.
 3. *Gorbachev O. V.* Migracionnaja statistika vtoroj poloviny XX v. kak istoricheskij istochnik: problemy ispol'zovanija // *Istoricheskaja demografija*. — 2011. — № 1. — S. 75–77.
 4. *Lallukka S.* Vostochno-finskie narody Rossii: analiz jetnodemograficheskikh processov / per. s angl. L. I. Ledenevoj, S. V. Golovanova pri sodejstvii avtora S. Lallukka. — SPb.: Evropejskij Dom, 2007. — 391 s.
 5. *Мкртчян Н. В.* Статистические источники информации о миграции населения в России // *Методология и методы изучения миграционных процессов* / под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомеля. — М.: Адамант#, 2007. — С. 184–211.
 6. *Моисеенко В. М.* Миграция населения в переписях России и СССР // *Вопросы статистики*. — 1997. — № 3. — С. 30–37.
 7. *Сумачева М. В.* Этнические процессы на Урале во второй половине XX века: монография. — Екатеринбург: ГОУ ВПО «Российский государственный профессионально-педагогический университет», 2009. — 257 с.
 8. Удмурты: историко-этнографические очерки / науч. ред. В. В. Пименов. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1993. — 392 с.
 9. *Чернышева И. В.* Этнические процессы в Удмуртской Республике, 1989–1999 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. — Ижевск, 2001. — 247 с.
 10. *Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (историко-социологический подход)*. — Екатеринбург: Екатеринбург, 2000. — 104 с.

СЕССИЯ 8

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

*Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И.,
канд. экон. наук, ФГБУН ИСПИ РАН
(Москва, Россия)*

Миграционные процессы в координатах ЕАЭС (некоторые теоретические аспекты)

Аннотация

Для типа межгосударственных миграций на постсоветском пространстве, где сформировались крупные миграционные коридоры и мосты, включающие посылающие и принимающие страны, характерно влияние экономического развития. Для России особый интерес представляет крупнейший миграционный мост «Страны бывшего СССР — Российская Федерация». Сформировавшийся в условиях экономического кризиса на постсоветском пространстве после распада Союза ССР, этот мост постоянно трансформируется. Причем зачастую не в желательном для России направлении, поскольку эти трансформации происходят под влиянием не только и даже на сегодняшний день — не столько экономических, сколько политических факторов.

Ключевые слова: социально-политические аспекты, миграционные процессы, миграционная политика

JEL код: J10

Подготовлено при поддержке гранта РФФИ, проект № 17-22-01001.

*Grishanova A. G., Kozhevnikova N. I.,
PhD, FGBUN ISPI RAS
(Moscow, Russia)*

Migration processes at the coordinates of EAEC (some theoretical aspects)

Abstract

For the type of interstate migration in the post-Soviet space, where large migratory corridors and bridges have formed, including the sending and receiving countries are character-

ized by the impact of economic development. For Russia, the largest migration bridge “The countries of the former USSR — the Russian Federation” is of particular interest. Formed in the conditions of the economic crisis in the post-Soviet space after the collapse of the USSR, this bridge is constantly being transformed. And, often, not in the direction that is desirable for Russia, because these transformations are influenced not only and even today — not so much economic, as — political factors.

Key words: socio-political aspects, migration processes, migration policy

JEL code: J10

1. Общеизвестно, что мотивация миграционных процессов, как правило, прямо и непосредственно определяется дифференциацией экономических, а опосредованно — как следствие экономического развития, на этой основе уже и социальных условий в поселениях различных территорий. Для различных проявлений миграции, при всем их многообразии, важность экономических интересов является фактически универсальной для всех типов, видов и форм. Особенно наглядно это видно для типа межгосударственных миграций на постсоветском пространстве, где в настоящее время достаточно определенно сформировались крупные миграционные коридоры и мосты, включающие посылающие и принимающие страны. Для России особый интерес представляет крупнейший миграционный мост «Страны бывшего СССР — Российская Федерация». Сформировавшийся в условиях экономического кризиса на постсоветском пространстве после распада Союза ССР (когда Россия, в силу ее относительно более развитого социально-экономического комплекса стала центром притяжения на нем фактически для всех новых независимых государств), он постоянно трансформируется. Причем зачастую не в желательном для России направлении, поскольку эти трансформации происходят под влиянием не только и даже на сегодняшний день не столько экономических, сколько политических факторов. Так, страны Балтии вошли в НАТО и «поделили» уже постсоветское пространство на два с социально-политической точки зрения противоположных лагеря. Поэтому для анализа перспектив развития межгосударственной миграции на постсоветском пространстве, в том числе для ЕАЭС, социально-политические аспекты на сегодняшний день должны занять если не первостепенное, то особо важное место. Об этом свидетельствует проведенная нами статистическая и экспертная оценка миграционного потенциала стран так называемого «нового зарубежья». В том числе — отдельно для его этнической составляющей — в лице русского населения [3, с. 28].

2. «Обоснование и реализация мер миграционной политики в настоящее время могут придать миграции более регулируемый и контролируемый характер, но не смогут изменить сути этих процессов, в которых одним из определяющих факторов является обострение межнациональных отношений» [1]. Даже с позиций сегодняшнего дня

(господства рыночных отношений) провозглашенная В. И. Лениным и проведенная в жизнь под руководством И. В. Сталина национальная политика Союза ССР, которая определялась как взаимная поддержка более развитыми в социально-экономическом отношении республиками и их титульным этносом наций, республик, относительно менее развитых, не может быть ни объективно, ни субъективно признана негуманной. Более того, именно этот (не будет преувеличением назвать — концептуальный) принцип национальной политики советского государства нашел отражение и в миграционной политике. Нельзя забывать, что именно Россия как донор отдала через механизм внутрисоюзной миграции на оказание интернациональной помощи около 5 млн своих граждан. Зачастую многими руководителями ныне независимых государств — бывших российских миграционных реципиентов, — на сегодняшний день это не просто игнорируется, оценивается не как помощь, а наоборот, как оккупация. На наш взгляд, даже такая не просто негативная, а, представляется, просто чудовищная переоценка прошлого не только не должна способствовать усложнению межгосударственных отношений РФ с возглавляемыми такими лжеполитиками государствами, а, наоборот, должна способствовать поиску компромиссов, в первую очередь именно с этими государствами. Нельзя забывать, что в их населении пока еще живы свидетели событий предвоенных и военных лет, которые могут опровергнуть извращенные доводы.

3. Для успешного прогноза высокоэффективных межгосударственных миграционных взаимосвязей, как общемировых, так и в рамках союзов (в том числе — ЕАЭС, ШОС, БРИКС и т. д.), для России огромное значение имеет не только обеспечение взаимовыгодных экономических взаимосвязей между непосредственными участниками, но и налаживание социально-политических взаимосвязей с другими государствами. В том числе с Украиной — в особенности. Факт, что с 1 января 2015 г. заработал Евразийский экономический союз, можно и нужно рассматривать как предвестник того, что «Россия возродится, только осознав себя евразийской державой, и объединение вокруг России самостоятельных евразийских государств даст новый импульс развитию евразийской цивилизации, переживающему второй за столетие тяжелейший кризис» [2, с. 25].

Литература

1. Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И., Рыбаковский Л. Л. Миграционный потенциал России в новом зарубежье. — М.: Экон-информ, 2016.
2. Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. — М.: НОРМА, 1998.
3. Рыбаковский Л. Л., Гришанова А. Г., Кожевникова Н. И. Проблемы новой миграционной политики в России. — М.: ИСПИ РАН, 1995.

1. *Grishanova A. G., Kozhevnikova N. I., Rybakovskij L. L.* Migracionnyj potencial Rossii v novom zarubezh'e. — М.: Jekon-inform, 2016.
2. *Orlova I. B.* Evrazijskaja civilizacija. Social'no-istoricheskaja retrospektiva i perspektiva. — М.: NORMA, 1998.
3. *Rybakovskij L. L., Grishanova A. G., Kozhevnikova N. I.* Problemy novej migracionnoj politiki v Rossii. — М.: ISPI RAN, 1995.

*Игнатъева Л. Н.,
канд. истор. нук
УСЗН Нижегородского района
Нижегного Новгорода
(Нижний Новгород, Россия)*

Миграция русских из Казахстана: причины, динамика, последствия

Аннотация

Активная миграция русских из Казахстана приходится на 90-е гг. XX в. Причины, толкавшие людей на отъезд, были обусловлены распадом Советского Союза, неуверенностью в завтрашнем дне, экономическим развалом, разрывом всех связей единой страны. В начале XXI в. ситуация начала стабилизироваться и вместе с этим стала уменьшаться миграционная активность русских и других этносов, проживающих в республике. Снижение числа эмигрантов в 10-е гг. XXI в. связано с уменьшением миграционной ниши у русских. Но, судя по оценкам специалистов и сложившейся ситуации в стране, миграция русских из Казахстана останется на прежнем уровне, так как миграционные настроения русских с большой вероятностью не изменятся. Для республики складывающаяся ситуация оборачивается дефицитом квалифицированных кадров, так как въезжающие в страну оралманы не являются полноценной заменой выехавших специалистов.

Ключевые слова: иммигранты, эмигранты, сальдо миграции, национальный состав населения

JEL код: J10

*Ignatieva L. N.,
the candidate of historical Sciences
USZN of the Nizhny Novgorod area
Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)*

Migration of Russians from Kazakhstan: causes, dynamics, consequences

Abstract

Active migration of Russians from Kazakhstan accounts for the 90-ies of XX century the Reasons pushing people to check out, was due to the collapse of the Soviet Union, the insecurity, economic collapse, severing all ties of a single country. In the beginning of XXI century the situation began to stabilize and with it began to decrease migration activity of Russians

and other ethnic groups living in the Republic. The decline in the number of immigrants in the 10-ies of the XXI century is associated with a decrease in emigration from the Russian niche. But according to experts and the prevailing situation in the country, migration of Russians from Kazakhstan will remain at the same level as emigration moods of Russians likely will not change. For the Republic of the current situation turns out to be a shortage of qualified personnel, as entering the country repatriates are not a replacement for departing professionals.

Key words: immigrants, emigrants, net migration, national composition of the population

JEL code: J10

После развала СССР остро встала проблема этносов, оказавшихся за пределами исторической родины. На территории Казахстана осталось более 6 млн этнических русских. По переписи 1989 г. они составляли 37,8% от общей численности населения республики.

В 90-е гг. XX в., на фоне экономического, политического развала и возрастающего национального самосознания казахов, Казахстан начинают покидать нетитульные этносы (русские, немцы, украинцы, белорусы и т. д.). В результате население республики сократилось почти на 1,5 млн чел. с 16 464 500 чел. в 1989 г. до 14 953 126 чел. в 1999 г. [3, с. 7–70; 2, с. 6].

Причинами, побуждающими русских (и другие этносы) к отъезду в 1990-е гг., были: экономическая нестабильность, неуверенность в завтрашнем дне, неопределенность в том, какое место русские будут занимать в независимом Казахстане (статус русского языка, возможность участия в политической, общественной жизни, получение образования детьми, взаимодействие с Россией). В этот период республику покинуло наибольшее число русских — 1 747 882 чел. И русские в 1999 г. стали составлять 29,95% от общей численности населения Казахстана.

В начале XXI в. миграционная активность всех этносов, населяющих Казахстан, начинает снижаться. Связано это со стабилизацией в экономике и относительной ясностью политической ситуации. При этом миграционный поток не иссякает до настоящего времени. Но в отличие от общих тенденций миграции, когда с 2004 по 2011 г. сальдо миграции было положительным, у русских оно всегда было отрицательным. Хотя многих останавливала проблема приобретения российского гражданства. Эта проблема частично была решена после принятия Государственной программы добровольного переселения соотечественников. Но эта программа не решала всех проблем. В частности, она ограничивала территорию вселения, что многих потенциальных переселенцев не устраивало. В 2012 г. программа претерпела изменения, что позволило расширить круг потенциальных переселенцев. В Казахстане был открыт новый пункт для принятия документов ее участников. Именно после 2012 г. русские более активно стали использовать для переезда в Россию возможности, предоставляемые данной программой.

В целом по Казахстану число иммигрантов сокращается с 1999 по 2015 г. на 69,1%, русских на 88,9%, а численность эмигрантов всего — на 87,3%, русских — 83,8%. Со странами СНГ число иммигрантов в целом уменьшается на 73,0%, русских — на 89,4%, численность эмигрантов всего по республике — на 84,3%, русских — на 82,7%. Динамика численности иммигрантов со странами вне СНГ по Казахстану отличается от показателей в целом и со странами СНГ. В данном случае с 1999 по 2008 г. их число возрастает на 87,6%, а с 2009 по 2015 г. сокращается на 77,6%. А численность эмигрантов со странами вне СНГ в целом по Казахстану сокращается на 95,4%. У русских со странами вне СНГ с 1999 по 2004 г. число иммигрантов увеличивается на 33,5%, а с 2005 по 2015 г. уменьшается на 62,7%. Численность эмигрантов со странами вне СНГ сокращается на 92,8%.

Как видно из табл. 1–4, хотя число эмигрантов русских из Казахстана снижается, но не иссякает. Каждый год республика теряет в результате эмиграции в среднем от 12 до 20 тыс. только русских. При этом в составе эмигрантов на протяжении всего рассматриваемого периода более половины составляют именно русские. Большинство из них (почти 90%) переезжают в страны СНГ, предпочтение отдается России. Лишь небольшая их часть выбирает страны вне СНГ, здесь большинство выезжает в Германию.

За первые три месяца 2016 г. данные по миграции русских следующие: всего — иммигранты — 597 чел., эмигранты — 3812 чел., сальдо миграции — -3215; страны СНГ — иммигранты — 569 чел., эмигранты — 3585 чел., сальдо миграции — -3016; другие страны — иммигранты — 28 чел., эмигранты — 227 чел., сальдо миграции — -199 чел. [1, л. 37–42].

Самый большой отток русских идет из Восточно-Казахстанской, Павлодарской, Карагандинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской областей, т. е. это области, где они составляли, а кое-где и составляют большинство населения, особенно в городах. Итогом данных миграционных процессов является потеря квалифицированных специалистов, о чем представители профильных департаментов и министерств начали говорить еще в 2014 г.

С 1999 по 2016 г. численность населения Казахстана возросла почти на 3 млн чел., при этом численность русских сократилась на 845 176 чел. В целом за период независимости Казахстана число русских сократилось более чем на 2,5 млн чел. Русские продолжают уезжать из республики, и многие эксперты задаются вопросом, что же будет представлять собой население Казахстана в ближайшее время. Еще в 90-е гг. XX в. казахские демографы предполагали, что к 2020 г. 90% населения будут составлять казахи. Казахские эксперты дают следующие прогнозы на ближайшие 10 лет.

Таблица 1

Внешняя миграция

	Иммигранты																
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	41 320	47 442	53 548	58 211	65 548	68 319	74 807	66 731	53 397	46 404	41 458	42 057	38 016	28 296	24 105	16 784	12 757
Русские	20 076	18 540	16 999	15 145	15 036	12 412	9805	9335	6658	6268	6013	5660	4644	3497	2974	2815	2225
	Эмигранты																
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	164 947	155 749	141 710	120 223	73 890	65 530	52 139	33 690	42 435	45 287	33 983	26 541	32 920	29 722	24 384	28 946	20 965
Русские	91 489	91 324	81 970	70 207	40 998	39 125	32 245	22 708	29 492	31 631	23 451	18 745	23 666	22 047	17 072	20 287	14 798
	Сальдо																
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	-123 627	-108 307	-88 162	-62 012	-8 306	2789	22 668	33 041	10 962	1 117	7502	15 516	5096	-1426	-279	-12 162	-8208
Русские	-71 413	-72 784	-64 971	-55 062	-25 962	-26 713	-22 740	-13 373	-22 834	-25 363	-17 438	-13 086	-19 022	-18 550	-14 058	-17 472	-12 573

Таблица 2

Внешняя миграция страны СНГ

	Иммигранты																
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	39 461	43 460	49 932	54 206	60 781	61 831	65 829	56 635	42 613	31 425	32 075	33 916	30996	23 889	20 331	14 833	10 650
Русские	19 796	18 232	16 736	14 824	14 631	11 991	9491	9033	6308	6033	5800	5464	4485	3363	2836	2690	2108
	Эмигранты																
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	120 240	116 707	101 009	85 317	49 260	46 929	40 698	30 271	39 767	42 908	31 725	24 956	31 303	28 274	22 565	26 098	18 915
Русские	81 020	81 814	72 053	60 865	34 215	33 593	28 070	21 462	28 657	30 775	22 579	18 112	23 024	21 427	16 376	19 263	14 045
	Сальдо																
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	-80 779	-73 247	-51 077	-31 111	11 521	14 902	25 131	26 364	2846	-11 483	350	8960	-307	-4385	-2234	-11 265	-8265
Русские	-61 224	-63 575	-55 317	-46 041	-19 584	-21 602	-19 579	-12 429	-22 349	-24 742	-16 779	-12 648	-18 539	-18 069	-13 540	-16 573	-11 937

Источники табл. 1 и 2: Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. — Алматы, 2006. — С. 371–376; Демографический ежегодник Казахстана, 2007. — Астана, 2008. — С. 313–314; Демографический ежегодник Казахстана, 2008. — Астана, 2009. — С. 853; Демографический ежегодник Казахстана. — Астана, 2011. — С. 541; Демографический ежегодник Казахстана, 2014. — Астана, 2015. — С. 243; Итоги миграции населения Казахстана за 2015 год. Серия 23. Демография. Л. 37–42.

Таблица 3

Внешняя миграция вне стран СНГ

	Иммигранты																
	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Всего	1859	3982	3616	4005	4803	6488	8978	10 096	10 784	14 979	9410	8141	7020	4407	3774	1951	2107
Русские	280	301	263	321	405	421	314	302	350	235	213	196	159	134	138	125	117
	Эмигранты																
Всего	44 707	39 042	40 701	34 906	24 630	18 601	11 441	34 19	2668	2379	2238	1585	1617	1448	1819	2848	2050
Русские	10 469	9510	9917	9342	6783	5532	3475	1246	835	856	872	634	642	620	696	1024	753
	Сальдо																
Всего	-42 848	-35 060	-37 085	-30 901	-19 827	-12 113	-2463	6677	8116	12 600	7152	6556	5403	2959	1955	-897	57
Русские	-10 189	-9209	-9654	-9021	-6378	-5111	-3161	-944	-485	-621	-659	-438	-483	-486	-558	-899	-636

Источники: Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. — Алматы, 2006. — С. 371–376; Демографический ежегодник Казахстана, 2007. — Астана, 2008. — С. 313–314; Демографический ежегодник Казахстана, 2008. — Астана, 2009. — С. 853; Демографический ежегодник Казахстана. — Астана, 2011. — С. 541; Демографический ежегодник Казахстана, 2014. — Астана, 2015. — С. 243; Итоги миграции населения Казахстана за 2015 год. Серия 23. Демография. Л. 37–42.

Таблица 4

Динамика численности населения Казахстана

	1999	2003	2006	2009	2012	2016
Всего	14 955 106	14 866 837	15 219 291	15 982 370	16 673 077	17 670 579
Русские	4 489 705	4 123 237	3 979 322	3 797 394	3 726 722	3 644 529

Источники: Этнодемографический ежегодник Казахстана: стат. сб. — Алматы, 2006. — С. 11–12; Демографический ежегодник Казахстана, 2007. — Астана, 2008. — С. 26; Демографический ежегодник Казахстана, 2008. — Астана, 2009. — С. 26; Демографический ежегодник Казахстана. — Астана, 2011. — С. 33; Демографический ежегодник Казахстана, 2014. — Астана, 2015. — С. 243; Численность населения РК по отдельным этносам на начало 2016 года. Серия 23. Демография. Л. 3.

Один из них, Талгат Мамашев, заместитель председателя Всемирной ассоциации казахов, предполагает, что через десять лет казахи будут составлять 75% населения. Свой прогноз он основывает на том, что за последние десять лет в страну вернулось почти миллион этнических казахов (оралманов). Это, по его мнению, может решить проблему языка, так как будет существовать среда и язык не умрет. «И сам язык, и титульная нация станут больше объединяющим фактором, нежели разобщающим», — утверждает Талгат Мамашев¹.

Другой эксперт Юрий Бунаков, глава Русской общины, член Ассамблеи народа Казахстана, в определенной мере солидарен с Мамашевым. Отмечая, что русские покидают Казахстан, поэтому там будут жить казахи, он отмечает, что из числа тех, кто переселился в Россию из других республик, Казахстан на первом месте: 36% — граждане Казахстана, 22% — граждане Узбекистана, от 5–7% — граждане других республик. По его мнению, дальнейшая ситуация будет зависеть от политики, которая будет проводиться, и как население будет ее воспринимать. «Если будет жестко сказано, что необходим полный переход на казахский язык, то, безусловно, через 10 лет в нашей стране совсем не останется русских», — предполагает Юрий Бунаков².

Оптимистическую точку зрения представляет Владимир Нехорошев, казахстанский общественный деятель, депутат мажилиса парламента Республики Казахстан. Он считает, что в ближайшие 10 лет никаких изменений в национальном составе республики не произойдет. Парламентарий считает, что причин для изменения количественного состава нет и политика, проводимая государством, правильная, и она будет превалировать на протяжении следующего десятилетия. «Безусловно, будет рост, особенно коренного населения, за счет миграции оралманов из Китая, Узбекистана и Монголии. Но причин для уменьшения русскоязычного или славянского населения я не вижу. Наша нынешняя национальная политика очень глубоко продуманная, она будет сохранена и даст свои хорошие результаты. Никакой угрозы экспансии ни со стороны Китая, ни с чьей другой стороны я не вижу», — утверждает Владимир Нехорошев³.

Анализируя динамику численности населения Казахстана и миграционные процессы в целом и в частности у русских, можно предположить, что ситуация скорее будет развиваться, как предполагает Юрий Бунаков. И возможно, даже оправдается прогноз казахских демографов о 90% казахов в составе населения Казахстана. Благо ли это для Казахстана? Вопрос спорный, потому что уезжают высококвалифицированные специалисты, а приезжают люди, которые не обладают необходимыми

¹ URL: <http://www.zakon.kz/4463221-kak-izmenitsja-nacionalnyjj-sostav.html>

² Там же.

³ Там же.

знаниями и не социализированные в казахстанское общество, что создает дополнительные проблемы для местных властей.

Литература

1. Итоги миграции населения Казахстана за 2015 год. Серия 23. Демография, 2016.
 2. Краткие итоги переписи населения 1999 года в Республике Казахстан. — Алматы, 1999.
 3. Статистический сборник по отдельным показателям всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. — Алма-Ата, 1991.
-
1. Itogi migracii naselenija Kazahstana za 2015 god. Serija 23. Demografija, 2016.
 2. Kratkie itogi perepisi naselenija 1999 goda v Respublike Kazahstan. Almaty, 1999.
 3. Statisticheskij sbornik po otdel'nym pokazateljam vsesojuznyh perepisej naselenija 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg. Alma-Ata, 1991.

Коровкин А. Г.,
д-р экон. наук, зав. лаб., ИНП РАН
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
Экономический факультет
(Москва, Россия)

Единак Е. А.,
канд. экон. наук,
научн. сотр., ИНП РАН
(Москва, Россия)

Королев И. Б.,
канд. экон. наук,
ст. научн. сотр., ИНП РАН
(Москва, Россия)

Использование балансового метода в анализе и прогнозировании миграции при изучении динамики сферы занятости РФ

Аннотация

На базе балансов территориального движения занятого населения, построенных в разрезе федеральных округов РФ и рассчитанных на их основе показателей модели движения населения и трудовых ресурсов, учитывающих неоднократные переходы людей, анализируются современная структура и динамика внутривнутригосударственной трудовой миграции. Исследуются сдвиги в структуре занятости, произошедшие в годы межбалансового периода. Дается оценка влиянию факторов движения и сдвигов в системе рабочих мест на изменение региональной численности и структуры занятости населения. Расчеты показали, что фактор движения занятого населения

является существенным в изменении его численности в региональном разрезе. Это, в свою очередь, требует учета этого фактора при разработке прогноза динамики занятости и рынка труда.

Ключевые слова: прогнозирование, население, моделирование, территориальное движение, баланс, рабочая сила, занятое население

JEL коды: J21, J22, J61, J63

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 16-06-00347 «Прогнозно-аналитическое исследование межрегионального движения населения и рабочей силы на основе балансовых построений».

Korovkin A. G.,

*Doctor of Economic sciences,
head of the laboratory, IEF RAS
Professor of Lomonosov Moscow
State University
Faculty of Economic
(Moscow, Russia)*

Edinak E. A.,

*Candidate of Economic Sciences,
researcher, IEF RAS
(Moscow, Russia)*

Korolev I. B.,

*Candidate of Economic Sciences,
senior researcher, IEF RAS
(Moscow, Russia)*

The use of the balance method in the analysis and forecasting of migration when studying the dynamics of employment in the Russian Federation

Abstract

Based on the balance of territorial mobility of the employed population, constructed in the context of the RF federal districts, and based on them the indicators of The model of the population and workforce mobility taking into account repeated motions made by people, modern structure and dynamics of in-country labor migration are analyzed. The shifts in the employment structure that occurred during the years of the inter-balance period are investigated. The estimation of influence of factors of movement and shifts in the workplaces system on the regional number and structure of employment population change is given. Calculations showed that the employed population mobility is significant in the change of its size in the regional context. This, in turn, requires taking this factor into account when developing a forecast of the employment and the labor market dynamics.

Key words: forecasting, population, modeling, territorial movement, balance, labor force, employed population

JEL codes: J21, J22, J61, J63

Текущее состояние российского и региональных рынков труда характеризуется наличием различных дисбалансов, в том числе в объемах и качественных характеристиках спроса и предложения рабочей силы. Возможности минимизации этих несоответствий во многом определяют текущие и перспективные тенденции перераспределения населения и рабочей силы из одних сфер в другие. Однако, вопреки ожиданиям, рыночные механизмы не всегда приводят к достижению некоего равновесного с точки зрения решения приоритетных государственных задач и масштабов дисбалансов состояния, а иногда и отдаляют от него. Это требует, в свою очередь, регулирования интенсивности и структуры движения населения и рабочей силы на региональных рынках труда, в отраслевой, образовательной сферах в целях снижения структурных несоответствий и достижения поставленных государством целей и задач в экономической и социальной сферах.

Внутристрановое территориальное движение населения и рабочей силы оказывает воздействие на их численность и структуру (образовательную, половозрастную, профессионально-квалификационную и др.) в региональном разрезе. Возникает задача определения масштабов и региональной специфики этого воздействия. Для ее решения может быть применен прогнозно-аналитический инструментарий на базе балансов территориального движения населения и занятого населения [1–3]. Эти балансы являются удобным инструментарием для анализа не только текущих, но и перспективных тенденций процессов движения населения и рабочей силы, полученных на их основе.

Баланс территориального движения занятого населения. По данным обследования рабочей силы, численность занятых, которые работали за пределами субъекта РФ, в котором они проживают, в среднем за 2016 г. составила 2,7 млн чел., за 2015 г. — 2,5 млн чел. Сравнение с данными 2005 г. (первым годом публикации данных о межрегиональной трудовой миграции на временной основе) выявляет трехкратный рост ее масштабов. Кроме того, изменение методологии учета внутренних мигрантов после 2010 г. в рамках текущего учета позволило выявить дополнительную группу людей, временных мигрантов, которые регистрируются по месту пребывания на срок девять месяцев и более. Вследствие этого значительно выросли фиксируемые объемы потоков внутренних мигрантов (в большей мере прибывших). Можно предположить, что большую долю среди лиц, регистрирующихся по месту пребывания на срок девять месяцев и более, составляют трудовые мигранты. Таким образом, влияние перераспределения внутренних как временных, так и долгосрочных трудовых мигрантов на региональные рынки труда усиливается, что требует учета фактора движения рабочей силы при анализе и прогнозировании основных параметров занятости и рынка труда.

Подход, основанный на балансовом принципе, позволяет исследовать объемы, структуру и динамику миграционных потоков и изучать их влияние на численность и структуру населения и отдельных его категорий. Для решения этой задачи может быть предложен баланс территориального движения занятого населения (БТДЗН) [1]. Центральная его часть (первый квадрант) отражает структуру и объемы потоков межрегионального движения занятого населения, под которым понимается территориальное перемещение внутри страны людей, имеющих статус «занятый» на начало и конец отчетного (прогнозного) периода (как правило, года), в течение периода этот статус может меняться. Элементы второго и третьего квадрантов отражают потоки движения занятого населения во внешние состояния и из них. Величина этих потоков определяет изменение (рост или снижение) численности и территориальной структуры занятого населения в течение периода, в то время как внутреннее движение оказывает воздействие на его территориальную структуру на конец периода.

В качестве внешних (относительно рассматриваемой системы) источников поступления в сферу занятости в БТДЗН отражены: переход из состава безработного населения; круга лиц, не входящих в состав рабочей силы, а также внешняя трудовая иммиграция. Внешние направления выбытия группируются в четыре блока: переход из сферы занятости в состав безработного населения и круга лиц, не входящих в состав рабочей силы, внешняя трудовая эмиграция, смерть.

При этом источником информации для построения БТДЗН за отчетный период могут быть либо данные официальной статистики, либо специальные обследования в отношении территориального движения занятого населения, либо интеграция данных нескольких источников. В том случае, если построение баланса затруднено в связи с отсутствием требуемых данных, актуальна разработка подходов к косвенной оценке его элементов (в том числе показателей первого квадранта баланса, характеризующих объемы и структуру межрегионального движения занятого населения).

Так, принцип оценки элементов балансов, построенных для различных групп населения, может быть следующим. Для группы населения, входящей в состав более укрупненной группы, начальным приближением структуры ее межрегионального движения может служить соответствующая матрица миграционных потоков укрупненной группы населения [1]. Так, известная структура территориального движения населения в целом может являться начальным приближением для оценки элементов матрицы межрегиональных потоков населения в трудоспособном возрасте. После проведения балансировки элементов вновь оцененной матрицы ее структура, в свою очередь, может лечь в основу оценки матрицы межрегиональных потоков экономически активного населения. В дальнейшем на базе этой информации может быть про-

ведена оценка элементов баланса территориального движения занятого (безработного) населения и т. д.

На базе БТДЗН получены оценки системы структурных параметров модели движения населения и трудовых ресурсов, учитывающих неоднократные переходы людей (модель А. Коровкина — Ю. Штерна), характеризующих в динамике движение занятого населения.

Анализ интенсивности, структуры и динамики межрегиональной миграции занятого населения. Оценки показателей выполнены на базе построенных на уровне федеральных округов БТДЗН за 2005–2015 гг. Представление об изменении вероятностей сохранить в течение года статус занятого можно получить на основе анализа динамики коэффициента закрепления населения (рис. 1).

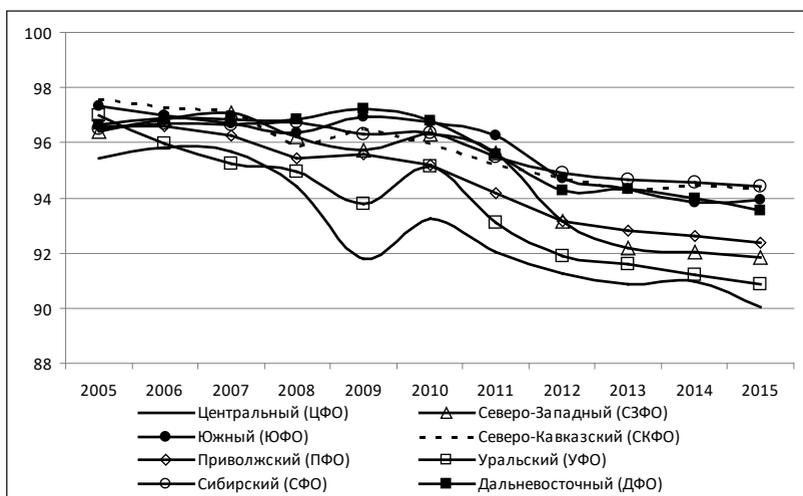

Рис. 1. Коэффициент закрепления занятого населения по федеральным округам РФ

В целом динамика соответствующих коэффициентов характеризуется планомерным снижением во всех федеральных округах, что говорит о росте подвижности занятого населения на региональных рынках труда. Наиболее низкой вероятностью сохранить в течение года статус «занятый» стабильно характеризуются региональные рынки труда ЦФО, УФО и ПФО. Рынок труда ЦФО является крупным потребителем рабочей силы других регионов, что порождает в нем высокую подвижность занятого населения. УФО является крупным центром промышленного производства, что служит причиной аккумуляции занятых, приезжающих туда не только на постоянное место жительства, но и на подработку, т. е. на временной основе.

Для определения особенностей движения занятого населения на базе построенных БТДЗН было рассчитано отношение объемов межрегиональных потоков занятых к соответствующим потокам населения (табл. 1).

Рассчитанная доля потоков внутренних трудовых мигрантов в соответствующих потоках населения имеет значительную вариацию. Совокупность направлений можно разделить на две группы, в зависимости от того, меньше трудовой поток населенческого или превышает его. Во второй группе в исследуемый период четыре являются входящими в ЦФО, УФО и ДФО, два располагаются в столбце у СЗФО. Согласно данным, предоставляемым Обследованием рабочей силы Росстата, ДФО является субъектом с положительным сальдо временной трудовой миграции на всем периоде начиная с 2005 г.; в 2016 г. дополнительное предложение рабочей силы в регионе составило 47 тыс. чел. Наибольший удельный вес временных трудовых мигрантов наблюдается в направлении движения из ПФО в УФО: их поток, согласно расчетам, превышает поток населения в 3 раза (в 2005 г. — в 2,3 раза).

Таблица 1

**Отношение рассчитанных объемов межрегиональных потоков
занятого населения к соответствующим потокам населения в целом,
ФО РФ, 2011–2015 гг., %**

Прибытие Выбытие	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
ЦФО	193,1	82,9	174,8	108,8	64,1	55,7	51,1	57,6
СЗФО	69,2	99,4	50,5	51,9	52,5	68,6	53,5	52,2
ЮФО	225,5	113,5	60,4	59,0	72,4	170,5	77,2	107,1
СКФО	210,9	80,9	86,3	40,3	63,5	125,9	77,7	126,5
ПФО	354,9	113,0	77,6	58,9	60,2	295,7	111,3	169,0
УФО	59,7	56,7	50,0	50,1	56,4	69,7	57,8	79,0
СФО	54,9	51,8	56,1	50,2	59,9	223,1	55,2	170,4
ДФО	52,7	57,0	51,5	52,2	56,2	46,8	58,2	65,2

Другими показателями модели являются оценки вероятностей переезда населения из региона в регион на каждом шаге движения, задаваемые элементами матрицы $M(t)$, которые позволяют выявить наиболее вероятные направления переездов в отчетном году [3]. Регионы, характеризующиеся в отчетном году наибольшими оценками вероятностей переходов по сравнению с другими регионами, являются «потребителями» населения. Результаты подобного анализа необходимо учитывать при проведении прогнозных расчетов внутренней миграции населения и ее итогов, для того чтобы особое внимание уделить потокам, наиболее вероятным в отчетном году и на протяжении рассматриваемого временного периода.

Анализ таблиц оценок вероятностей перехода m_{ij} на каждом шаге движения между регионами РФ в 2011–2015 гг. (табл. 2) позволяет сформулировать ряд выводов для этого периода. Как видно из данных, наиболее заметным потоком во всех регионах является внутрирегиональный оборот, кроме того, можно сделать выводы об основных регионах-поставщиках и регионах — потребителях миграционных потоков. Например, видно, что высокая вероятность переезда характерна для потоков населения в ЦФО, а также ряд потоков между соседними округами (УФО и ПФО, ДФО и СФО, причем поток, направленный на запад, интенсивнее встречного). Анализ наиболее вероятных направлений межрегионального движения показывает, что их набор ограничен как с точки зрения количества таких потоков, так и с позиций их «адресности», т. е. круга регионов, связанных с этими потоками.

Таблица 2

**Оценки вероятностей перехода населения ($m_{ij} \times 100$)
на каждом шаге движения между федеральными округами РФ
в 2011–2015 гг.**

Прибытие \ Выбытие	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
ЦФО	21,92	0,66	0,95	0,28	0,47	0,15	0,13	0,10
СЗФО	1,96	16,30	0,42	0,17	0,60	0,28	0,22	0,14
ЮФО	6,67	1,27	7,63	0,67	0,59	1,19	0,44	0,41
СКФО	7,35	1,09	2,65	5,60	0,43	1,84	0,41	0,34
ПФО	8,24	0,96	0,38	0,07	8,91	4,96	0,28	0,27
УФО	0,86	0,41	0,48	0,22	1,35	10,54	0,52	0,12
СФО	0,83	0,41	0,52	0,09	0,31	3,04	11,19	1,12
ДФО	1,36	0,86	0,94	0,14	0,52	0,23	1,18	12,00

Модели баланса движения населения и отдельных его категорий являются эффективным инструментом изучения механизма распределения и перераспределения рабочей силы, сложившегося в годы составления отчетных балансов. Они позволяют также исследовать сдвиги в структуре занятости, произошедшие в годы межбалансового периода. Для этого может быть использован, например, опыт применения модели межотраслевого баланса производства и распределения продукции к изучению структурных сдвигов в экономике.

Сдвиги в региональной структуре занятости населения определяются воздействием двух основных процессов: 1) изменениями в структуре территориального движения занятого населения под влиянием меняющихся социально-экономических факторов; 2) сдвигами в системе рабочих мест под влиянием инвестиционных и других процессов. Влияние каждого из названных процессов на изменение региональной структуры занятости

за период времени $[0, t]$ с известной долей условности может быть установлено с помощью следующего соотношения:

$$\begin{aligned} N(t+1) - N(t) &= P(t)N(t) - P(0)N(0) = \\ &= P(t)(N(t) - N(0)) + (P(t) - P(0))N(0), \end{aligned}$$

где $N(t)$ — вектор численности занятых в регионах и группах населения, осуществляющих обмен занятыми в регионах; $P(t)$ — матрица оценок вероятностей межрегиональных переходов занятого населения, характеризующая структуру его территориального движения.

Таким образом, прирост численности занятого населения в рамках балансовой модели может происходить в результате как изменений в структуре его движения, так и сдвигов в структуре рабочих мест (прирост числа рабочих мест и снижение масштабов неудовлетворенного спроса на труд).

В табл. 3 представлена декомпозиция влияния этих факторов на общее изменение численности занятых в разрезе федеральных округов РФ на примере 2013–2015 гг. В таблице знак общего изменения показывает направление изменения численности занятых (выросла или сократилась). Как правило, речь идет именно о сокращении численности занятого населения, за исключением ЦФО и СКФО, в которых наблюдался на протяжении этого периода стабильный прирост занятых. Отрицательное значение вклада фактора означает, что он действует в сторону сокращения численности занятых.

Таблица 3

**Вклад факторов в изменение численности занятых по ФО РФ
в отдельные годы, %**

Фактор	2013	2014	2015	2013	2014	2015
	ЦФО			ПФО		
Изменение, всего	100	100	100	-100	-100	-100
Структура движения	-6	0	27	-1660	-24	-16
Рабочие места	106	100	73	1560	-76	-84
	СЗФО			УФО		
Изменение, всего	100	-100	-100	-100	-100	-100
Структура движения	-83	18	-95	-413	-6	-54
Рабочие места	183	-118	-5	313	-94	-46
	ЮФО			СФО		
Изменение, всего	100	-100	-100	100	-100	-100
Структура движения	26	-1760	-106	37	-256	-67
Рабочие места	74	1660	6	63	156	-33
	СКФО			ДФО		
Изменение, всего	100	100	100	-100	-100	-100
Структура движения	-258	101	21	-150	114	-47
Рабочие места	358	-1	79	50	-214	-53

Как показали расчеты, изменения в структуре движения и сдвиги в системе рабочих мест с точки зрения влияния на региональную численность занятого населения часто находятся в противофазе. Кроме того, с течением времени менялся абсолютный вклад факторов, факторы менялись местами по степени своего доминирования, а также по направлению своего воздействия.

Для рынка труда ЦФО в рассмотренные три года изменение в структуре движения занятого населения оказывало минимальное влияние на изменение его численности. Прирост занятости в этом округе, возможно, объяснялся тем, что часть вакансий заполнялась работниками. Для остальных регионов характерно влияние одновременно двух факторов, причем в отдельные годы — разнонаправленное. Сокращение занятости в СЗФО в последние два года происходило под воздействием изменений как в структуре движения (2015 г. — на 17 тыс. чел.), так и рабочих мест (в 2014 г. — 7,3 тыс. чел.). Сокращение занятости в ЮФО в последние два года происходило в результате изменения структуры движения занятого населения (на 58 и 38 тыс. чел. соответственно). В ПФО и УФО из 228,7 и 27,3 тыс. чел. общего сокращения численности занятых за последние три года на долю фактора движения пришлось 161,6 и 18,4 тыс. чел. соответственно. В СФО и ДФО численность занятых за счет изменения структуры движения сокращалась два года из трех.

Можно сказать, что реакция региональных рынков труда на изменение рассмотренных двух факторов, опосредующих процессы согласования спроса и предложения рабочей силы, различна и разнонаправлена, что, возможно, объясняется временными кризисными явлениями. Для выявления устойчивых закономерностей требуется анализ более длительных временных периодов. Однако даже такой короткий временной интервал показал, что фактор движения является существенным в изменении численности занятого населения в региональном разрезе. Это, в свою очередь, требует учета этого фактора при разработке прогноза динамики занятости и рынка труда.

Предлагаемый инструмент БТДЗН, а также рассчитываемая на его основе система показателей являются адекватной базой для разработки прогнозных балансов. Первый шаг в разработке прогнозного баланса территориального движения занятого населения — его построение на основе методов пассивного прогнозирования.

Пассивный (трендовый) прогноз позволяет дать оценку возможного диапазона изменений численности занятого населения в экономике РФ и ее регионах с учетом тенденций его межрегионального движения. В рамках пассивного прогноза межрегиональные потоки экстраполируются на n периодов вперед на основе анализа предшествующих прогнозному периоду лет. При этом подразумевается, что в прогнозном периоде тенденции предыдущих лет и характер влияния факторов на миграционную

активность населения останутся прежними. Это допущение, во-первых, делает прогнозные оценки малонадежными, во-вторых, исключает возможность строить сценарные прогнозы межрегиональных потоков.

Для установления причинно-следственных связей миграционных процессов балансовый подход должен сочетаться с факторными моделями. В этом случае искомые оценки объемов потоков на n периодов вперед определяются на основе прогнозных оценок объясняющих переменных, что позволяет учесть в модели различные социально-экономические сценарии развития регионов.

Результаты разработки факторного прогноза движения населения и рабочей силы России с использованием социально-экономического расстояния в качестве объясняющего фактора представлены, например, в [4; 5].

БТДЗН значительно расширяет возможности анализа и макроэкономического прогнозирования состояния и развития локальных рынков труда. Анализ интенсивности, основных направлений движения занятого населения и его влияния на численность занятых является важной компонентой при разработке регулирующих мер, направленных на упорядочение взаимосвязей региональных рынков труда. Оценка потенциала миграционных перемещений одновременно с демографическими прогнозами особенно важна при исследовании структурных проблем рынка труда, связанных с исторически сложившимся территориальным распределением спроса и предложения труда.

Литература

1. *Единак Е. А., Коровкин А. Г.* Вопросы построения баланса территориального движения занятого населения (на примере федеральных округов РФ) // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 3. — С. 72–86.
 2. *Коровкин А. Г.* Движение трудовых ресурсов: анализ и прогнозирование. — М.: Наука, 1990. — 207 с.
 3. *Коровкин А. Г.* Динамика занятости и рынка труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. — М.: МАКС Пресс, 2001. — 319 с.
 4. *Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б., Полежаев А. В.* Подходы к факторному прогнозированию внутренней миграции населения и рабочей силы в России // Научные труды: Ин-т народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М.: МАКС-Пресс, 2009.
 5. *Коровкин А. Г., Королев И. Б., Единак Е. А.* Социально-экономическое расстояние как фактор межрегионального движения населения и рабочей силы // Уровень жизни населения регионов России. — 2011. — № 8. — С. 54–63.
1. *Edinak E. A., Korovkin A. G.* Voprosy postroenija balansa territorial'nogo dvizhenija zanjatogo naselenija (na primere federal'nyh okrugov RF) // Problemy prognozirovanija. — 2014. — № 3. — S. 72–86.

2. Korovkin A. G. Dvizhenie trudovyh resursov: analiz i prognozirovaniye. — M.: Nauka. 1990. — 207 s.
3. Korovkin A. G. Dinamika zanjatosti i rynka truda: voprosy makroekonomicheskogo analiza i prognozirovaniya. — M.: MAKS Press, 2001. — 319 s.
4. Korovkin A. G., Dolgova I. N., Korolev I. B., Polezhaev A. V. Podhody k faktor-nomu prognozirovaniyu vnutrennej migratsii naseleniya i rabochej sily v Rossii // Nauchnye trudy: In-t narodnohozhajstvennogo prognozirovaniya RAN. — M.: MAKS-Press, 2009.
5. Korovkin A. G., Korolev I. B., Edinak E. A. Social'no-jekonomicheskoe rass-tojanie kak faktor mezhregional'nogo dvizheniya naseleniya i rabochej sily // Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii. — 2011. — № 8. — S. 54–63.

Лифшиц М.Л.,

аспирант

Институт экономики

Уральского отделения РАН

(Екатеринбург, Россия)

Миграционная ситуация в России и перспективы до 2025 г.

Аннотация

Только при сопоставлении данных из различных источников можно составить адекватное представление о миграционной ситуации в России. С этой целью в представленной работе использованы данные Росстата, миграционной службы и ЦБ России. В 2007–2016 гг. в основном преобладала тенденция к снижению нетто-миграции. Отклонения от этой тенденции чаще всего были следствием либо изменений правил миграционного учета, либо экстраординарных событий (война в Украине), либо пробелов в статистике (недоучет выбытия в Казахстан). Одна из причин нисходящей тенденции — отставание России по темпам роста подушевого ВВП от своих основных миграционных партнеров. Таким образом, цель по численности населения из «Концепции демографического развития до 2025 г.» (145 млн чел. без Крыма) достигнута не будет.

Ключевые слова: международная миграция, демографический прогноз

JEL коды: J11, J61

Lifshits M. L.,

post-graduate student

Institute of economics,

the Ural branch of RAS

(Ekaterinburg, Russia)

Migration situation in Russia and prospects up to 2025

Abstract

An adequate understanding of the migration situation in Russia can be achieved only when comparing data from various sources. For this purpose, this work uses data from the

Rosstat, the migration service, and the Central Bank of Russia. In 2007–2016 years, in general, the trend towards a decrease of net migration prevailed. Deviations from this trend were, most often, the result of either changes in the rules of migration accounting, or extraordinary events (the war in Ukraine), or gaps in statistics (underestimation of departure to Kazakhstan). One of the reasons for the downward trend is Russia's lagging behind in terms of GDP per capita growth rates compared its main migration partners. Thus, the population target from the "Concept of Demographic Development until 2025" (145 million people without the Crimea) will not be achieved.

Key words: international migration, demographic forecast

JEL codes: J11, J61

Введение

Лишь сопоставление всей имеющейся статистической информации по всем источникам дает возможность составить адекватное представление о миграционной ситуации в России. В данной работе показаны основные тенденции миграции за 2007–2016 гг., а также сделаны предположения о развитии миграционной ситуации на основе экономической динамики. Используются данные Росстата, миграционной службы (ФМС, затем ГУВМ МВД), ЦБ России, Всемирного банка и ООН.

Тенденции в 2007–2016 гг. и перспективы

Согласно данным Росстата о прибытии и выбытии по месту жительства, основными миграционными донорами России в 2007–2016 гг. были (по убыванию среднегодового чистого прибытия, тыс. чел.): Украина (52,4), Узбекистан (38,2), Казахстан (33,5), Армения (27,1), Таджикистан (23,8), Киргизия (21,1), Азербайджан (16,7), Молдова (16,3), Грузия (6,0), Беларусь (4,3), Туркменистан (3,3) и Китай (1,6).

В целом данные Росстата свидетельствуют о снижении миграционного прироста населения России. Каждый раз после того, как расширялись категории мигрантов, подлежащих статистическому учету (в 2007 и 2011 гг.), это приводило к тому, что в течение трех-четырёх лет показатели нетто-миграции получались завышенными, так как происходила компенсация недоучета, накопленного за предыдущие годы. Но затем возвращался тренд на снижение нетто-миграции (рис. 1).

Сведения о поквартальной динамике нетто-миграции из восьми основных миграционных доноров России взяты из ежемесячного доклада Росстата «Социально-экономическое положение России», № 1, 4, 7 и 10 за 2007–2017 гг. [6]. В этих же выпусках имеются данные о легально работающих в РФ иностранных гражданах. Для рис. 2 выбраны страны и период, когда можно говорить о сопоставимости данных.

Снижение административных барьеров благодаря распространению патентов привело к значительному росту легальной занятости, причем

у граждан Узбекистана это происходило в 2015 г., несмотря на чистый отток мигрантов, по данным Росстата. Выросла и доля легально занятых (имеющих разрешение на работу или патент) среди находящихся в стране иностранцев (рис. 3).

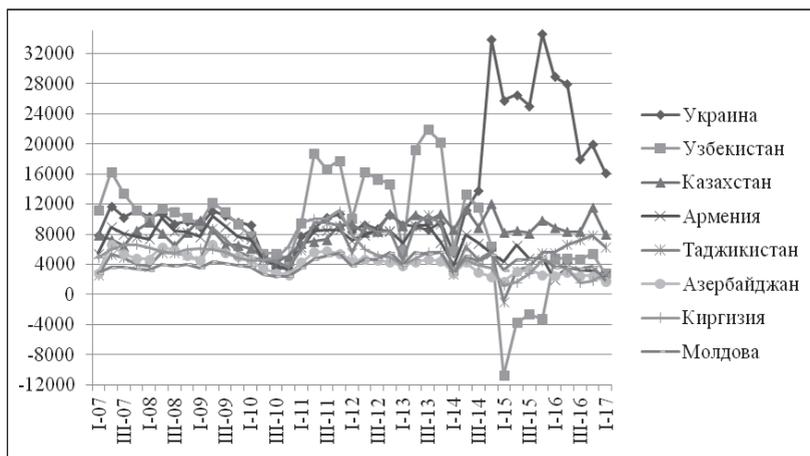

Рис. 1. Чистое прибытие в РФ из ее восьми основных миграционных доноров
Источник: данные [6]

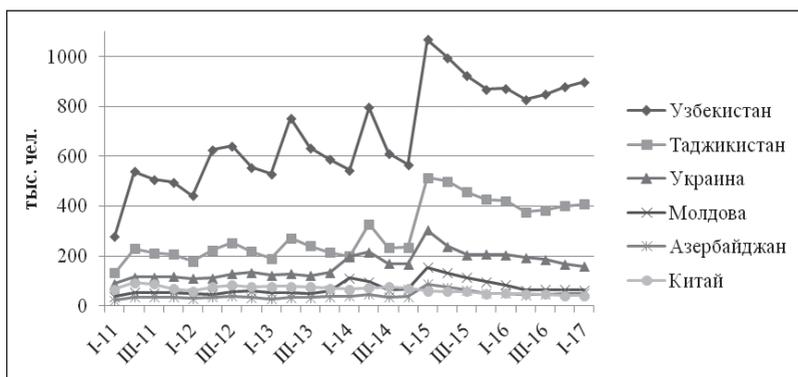

Рис. 2. Легально работающие в РФ иностранцы по странам гражданства на конец квартала, тыс. чел.
Источник: данные [6]

Чистое прибытие, по данным Росстата, в значительной мере представляет собой постепенное проявление в статистике иностранцев, уже некоторое время находящихся в России. Поэтому снижение числа на-

ходящихся в стране иностранцев говорит о снижении потенциала нетто-миграции. Данные миграционной службы о присутствии в России иностранных граждан свидетельствуют, что тенденция к снижению общего числа находящихся в РФ иностранцев началась с октября 2014 г., а если не учитывать граждан Украины, то уже с ноября 2013 г. (рис. 4).

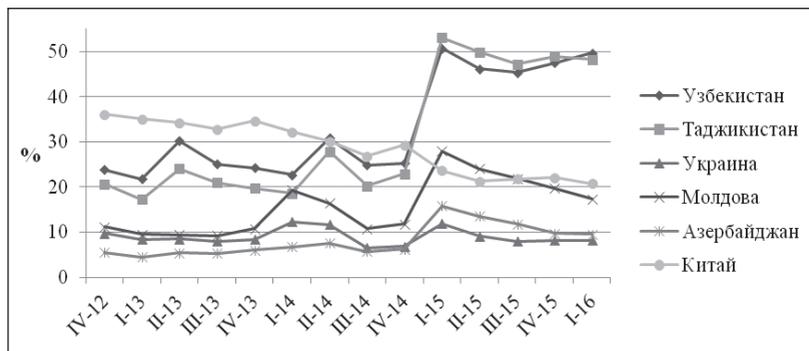

Рис. 3. Доля имеющих разрешение на работу или патент среди находящихся в стране иностранцев на конец квартала, %

Источник: рассчитано по данным [4] и [6]

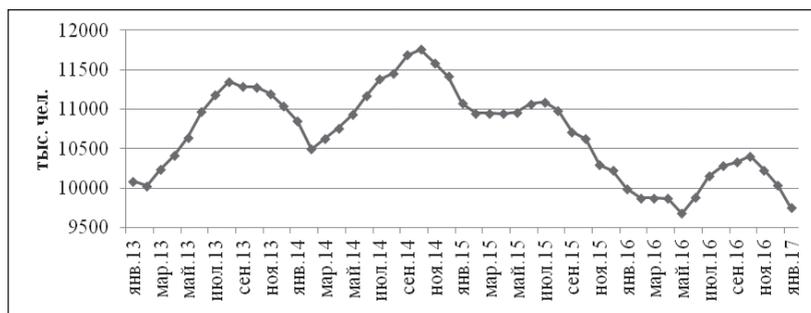

Рис. 4. Численность находящихся в РФ иностранцев на начало месяца, тыс. чел.

Источник: данные [4] и [7]

О снижении числа присутствующих в РФ трудовых мигрантов говорят и данные ЦБ России. Сравнение данных Росстата и ЦБ указывает на то, что показатели нетто-миграции из Казахстана в РФ сильно завышены (рис. 5).

Прогнозные модели нетто-миграции, построенные по данным с 2007 г., могут дать приблизительную оценку развития миграционной ситуации до 2030 г. На точность негативно влияет искажение данных по Украине и Казахстану. Одним из факторов снижения нетто-миграции

является рост подушевого ВВП в большинстве стран исхода по отношению к уровню РФ (рис. 6).

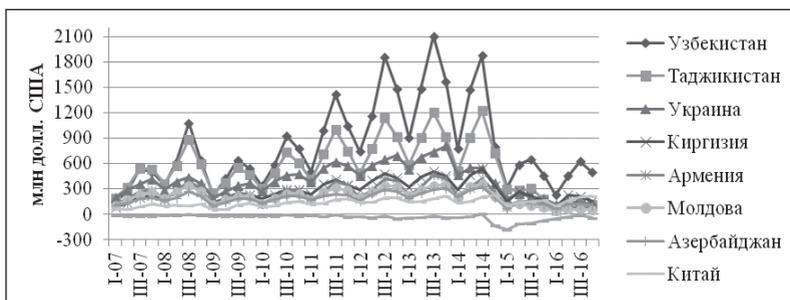

Рис. 5. Сальдо личных денежных переводов из РФ, млн долл. США

Источник: данные [3]

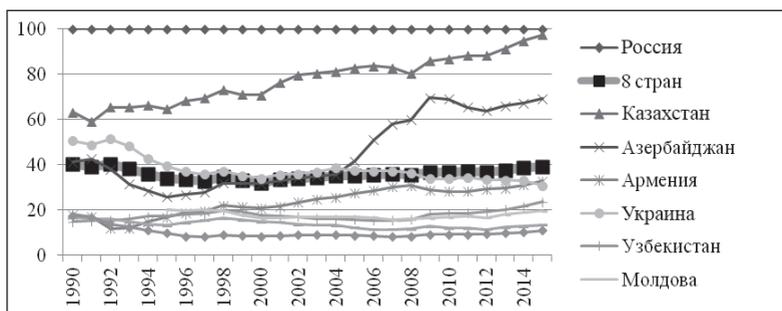

Рис. 6. Отношение подушевого ВВП в восьми странах к уровню РФ

Источник: [2]

Заключение

На основании проведенных расчетов можно уверенно утверждать, что из вариантов прогноза Росстата по нетто-миграции в Россию в 2017–2030 гг. наиболее реалистичен самый низкий.

На рис. 7 показаны по три варианта прогноза численности населения: Росстата (2013) [5], ООН (2015) и автора. Надписи в легенде расположены по убыванию значения в 2031 г. Низкий вариант ООН совпадает с низким Росстата, высокий вариант ООН близок к среднему Росстата, а средний ООН — к среднему автора.

Цель по численности населения, обозначенная в Концепции демографического развития на 2025 г., достигнута не будет. Планируемый в Концепции миграционный прирост свыше 300 тыс. чел. в год в 2015–2024 гг. также является нереалистичным.

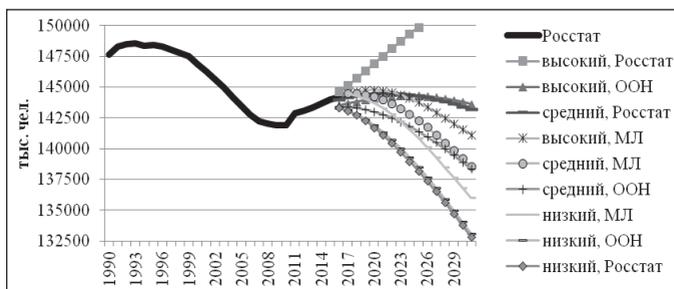

Рис. 7. Численность населения России на начало года: по 2016 г. данные Росстата, далее прогнозы Росстата [5], ООН [1] и автора

Литература

1. United Nations. World Population Prospects: The 2015 Revision, DVD Edition. 2015.
2. World Bank, World Development Indicators.
3. URL: http://www.cbr.ru/statistics/?Prtid=tg&pid=svs&sid=ITM_53569
4. URL: <http://www.fms.gov.ru> (1.12.2012–10.04.2016).
5. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B13_16/Main.htm
6. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1140086922125
7. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya> (since 10.04.2016).

*Нефедова Т. Г.,
д-р геогр. наук, вед. научн. сотр.
Институт географии РАН
(Москва, Россия)*

Причины и пространственная структура возвратных трудовых миграций из сельской местности России

Ключевые слова: сельская местность, сельское хозяйство, поляризация пространства, занятость, трудовые миграции

JEL код: J10

Работа выполнена в Институте географии РАН в рамках проекта Российского научного фонда № 14-18-00083 «География возвратной мобильности населения в сельско-городском континууме».

Nefedova T. G.

Causes and spatial structure of return labour migrations from the countryside of Russia

Key words: countryside, agriculture, space polarization, employment, labour migration

Отток в советское время сельского населения во многом был связан с процессом урбанизации. В постсоветское время стали все отчетливее сказываться его накопленные последствия. С 1959 по 2015 г. население в сельской местности уменьшилось на 19 млн чел. В Нечерноземье оно сократилось вдвое, а во многих периферийных районах осталось менее 20%. Это породило представление о дефиците трудовых ресурсов в сельской местности.

Тем не менее с середины 1990-х гг. все большее распространение приобретают трудовые миграции из сельской местности в крупные города и агломерации с недельным и месячным циклом (отходничество). Они стали характерны как для депрессивных районов, потерявших значительную часть населения, так и для успешных, где выявилось сильное сельское перенаселение. Во многом это связано с организационно-экономическими преобразованиями агропромышленного комплекса.

Аграрная монопрофильность советской сельской местности, ее инфраструктурная и социальная необустроенность во многом повлияли на современную интенсивность миграций сельского населения в города. Подъем сельского хозяйства в 2000–2010 гг. происходил в отдельных очагах и ареалах при его стагнации и депрессии на значительных территориях, что привело к усилению его пространственной поляризации. «Уход» сельского хозяйства из районов со сложными природными условиями и сильной депопуляцией стал отражением нормального для рыночных институтов территориального разделения труда — производство стремится в регионы, лучше обеспеченные природными и трудовыми ресурсами, туда же стягиваются и капиталы [5]. На состояние сельского хозяйства заметно влияют и большие города, стягивая в пригороды и население, и инвестиции [2; 4–6].

Специфика агропроизводства в последние годы заключалась также в том, что оно все больше концентрировалось в крупных сельскохозяйственных организациях [7; 8; 10; 11], что позволило отчасти решить проблемы снабжения городов. Агрохолдинги, производя конечную продукцию часто ближе к потребителю, выращивают корма для скота и зерно на экспорт в южных районах. Они создают рабочие места для местного населения, но при этом им требуется гораздо меньше работников, чем прежним колхозам. Это наряду с закрытием многих предприятий обостряет проблемы безработицы в сельской местности. Агрохолдинги часто вытесняют не только малых производителей, в том числе фермеров, но и предприятия среднего звена и не взаимодействуют с ними. При этом их городские менеджеры не заинтересованы в развитии сельской местности. Выбирая для инвестиций более жизнеспособные хозяйства, они усиливают пространственную поляризацию. Важным фактором послужила также смена специализации сельского хозяйства на менее трудоемкое растениеводство, что привело к значительным потерям поголовья

скота. Молочное стадо на предприятиях за 1990-е гг. сократилось на 40%, в 2000-х гг. — еще на 35%.

Сокращение занятости привело к тому, что в сельском хозяйстве работало к 2015 г. лишь 20% всех официально занятых в сельской местности. Доля неработающих, самозанятых и работающих на отходе в других регионах в разных сельских районах колеблется от 30 до 55% населения в трудоспособном возрасте [1; 3]. Почти 2/3 официально занятых сельских жителей старше 40 лет, а 40% — старше 50 лет [9].

Причины отходничества связаны не только с уменьшением числа местных вакансий, отвечающих запросам современных сельских жителей, и ростом потребности в неквалифицированных работниках в агломерациях. Его стимулирует переход от «трудоемкой» модели занятости в сельском хозяйстве при низкой производительности труда к занятости с более высокой производительностью, а также усиление градиента зарплат в крупных городах и сельской местности.

Особенно велика относительная доля отходников из сельской местности в областях, окружающих Московскую агломерацию. Отход поглощает в них от 7 до 20% сельского населения в трудоспособном возрасте. Все это создает своеобразный парадокс: в регионах с повышенной долей отходников вакантные места в бюджетной сфере и в сельском хозяйстве остаются незанятыми [3, с. 162–173].

Важным фактором отходничества стала также неготовность населения к малому бизнесу. Самозанятость связана преимущественно с личным подсобным хозяйством, сбором даров леса, обслуживанием дачников. Но с уходом старшего поколения и отъездом молодежи роль своего хозяйства в самообеспечении постепенно спадает.

В докладе, помимо территориальной дифференциации причин отходничества сельских жителей, рассматриваются его основные направления на основе материалов Всероссийской переписи населения, обследования населения по проблемам занятости и собственных исследований автора в разных регионах России.

Литература

1. *Аверкиева К. В.* Современная структура занятости сельского населения Нечерноземья и роль отходничества в занятости сельских жителей // Изв. РАН. Сер. Геогр. — 2016. — № 1. — С. 25–37.
2. *Иоффе Г. В.* Сельское хозяйство Нечерноземья: территориальные проблемы. — М.: Наука, 1990.
3. Между домом и... домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровой. — М.: Новый хронограф. 2016. — 504 с.
4. *Мкртчян Н. В., Кашицкий И. С.* Стягивание населения с периферии в региональные центры: Россия и Европейский Север // Потенциал Ближне-

- го Севера: экономика, экология, сельские поселения. К 15-летию Угорского проекта. — М.: Логос, 2014. — С. 123–140.
5. *Нефедова Т. Г.* Основные тенденции изменения сельского пространства России // Изв. РАН, сер. Геогр. — 2012. — № 3. — С. 7–23.
 6. *Нефедова Т. Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: ответы географа. — М.: URSS-ЛЕНАНД, 2013 (доп. изд. 2014, 2017). — 456 с.
 7. *Нефедова Т. Г.* Агропромышленная концентрация в российских регионах // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. — 2014. — № 4(478). — С. 64–83.
 8. *Никулин А. М.* Новейшая гигантомания // Политический журнал. — 2005. — № 12 (63). — С. 7–12.
 9. *Смыслы сельской жизни (опыт социологического анализа)* / ред. Ж. Т. Тощенко. — М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2016. — 368 с.
 10. *Фадеева О. П.* Сельские сообщества и хозяйственные уклады: от выживания к развитию. — Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. — 262 с.
 11. *Шагайда Н. И., Узун В. Я.* Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. — М.: Издательский дом «Дело», РАНХиГС, 2015. — 110 с.
1. *Averkieva K. V.* Sovremennaja struktura zanjatosti sel'skogo naselenija Nechernozem'ja i rol' othodnichestva v zanjatosti sel'skih zhitelej // Izv. RAN. Ser. Geogr. — 2016. — № 1. — С. 25–37.
 2. *Ioffe G. V.* Sel'skoe hozjajstvo Nechernozem'ja: Territorial'nye problemy. — М.: Nauka, 1990.
 3. *Mezhdum domom i... domom. Vozvratnaja prostranstvennaja mobil'nost' naselenija Rossii* / ред. Т. Г. Нефедовой, К. В. Аверкиевой, А. Г. Махровој. — М.: Novyj hronograf, 2016. — 504 s.
 4. *Mkrtchjan N. V., Kashnickij I. S.* Stjagivanie naselenija s periferii v regional'nye centry: Rossija i Evropejskij Sever // Potencial Blizhnego Severa: jekonomika, jekologija, sel'skie poselenija. K 15-letiju Ugorskogo proekta. — М.: Logos, 2014. — С. 123–140.
 5. *Nefedova T. G.* Osnovnye tendencii izmenenija sel'skogo prostranstva Rossii // Izv. RAN, ser. Geogr. — 2012. — № 3. — С. 7–23.
 6. *Nefedova T. G.* Desjat' aktual'nyh voprosov o sel'skoj Rossii: otvety geografa. — М.: URSS-ЛЕНАНД, 2013 (доп. Изд. 2014, 2017). — 456 с.
 7. *Nefedova T. G.* Agropromyslennaja koncentracija v rossijskih regionah // JeKO. Vserossijskij jekonomicheskij zhurnal. — 2014. — № 4 (478). — С. 64–83.
 8. *Nikulina A. M.* Novejšhaja gigantomanija // Politicheskij zhurnal. — 2005. — № 12 (63). — С. 7–12.
 9. *Smysly sel'skoj zhizni (opyt sociologicheskogo analiza)* / ред. Zh. T. Toshhenko. — М.: Centr social'nogo prognozirovaniya i marketinga, 2016. — 368 s.
 10. *Fadeeva O. P.* Sel'skie soobshhestva i hozjajstvennye układy: ot vyzhivaniya k razvitiju. — Novosibirsk: IJeOPP SO RAN, 2015. — 262 s.
 11. *Shagajda N. I., Uzun V. Ja.* Prodovol'stvennaja bezopasnost' v Rossii: monitoring, tendencii i ugrozy — М.: Izdatel'skij dom «Delo», RANHiGS, 2015. — 110 с.

Поletaев Д. В.,
канд. экон. наук, вед. науч. сотр.
Лаборатория анализа
и прогнозирования миграции
Института народнохозяйственного
прогнозирования РАН
(Москва, Россия)

Адаптация и интеграция детей трудовых мигрантов из Средней Азии в РФ

Аннотация

На основе анкетного исследования, которое было проведено в России в 2015 г. и в ходе которого было опрошено 1239 трудовых мигранток из Таджикистана и Кыргызстана в России (имеющих гражданство этих государств) от 15 до 60 лет в пяти городах (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург), анализируется современная ситуация с интеграцией детей трудовых мигрантов из Средней Азии в РФ, включая вопросы доступа к образованию и здравоохранению. Учитывая темпы феминизации трудовой миграции в Россию из Средней Азии, складывающаяся ситуация ведет к возникновению целого слоя молодых мигрантов, оказавшихся вне «детских» государственных сервисов. Такие дети-мигранты, не прошедшие сквозь интеграционные механизмы российских школ, работающие без документов, в будущем образуют группу трудящихся-мигрантов или молодых россиян, склонную к работе в теневой экономике и плохо интегрированную в российское общество.

Ключевые слова: трудовая миграция в Россию, дети мигрантов, интеграция
JEL коды: F22, I26

Poletaev D. V.,
Ph.D., Cand. Sci. (Econ),
Leading Researcher, Laboratory of Migration
Institute of Economic Forecasting
of Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Adaptation and integration of labour migrant children from Central Asia to the RF

Abstract

Based on questionnaire studies were conducted. in Russia in 2015, which surveyed 1239 of labor migrants from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia (having citizenship of these States) from 15 to 60 years in 5 cities (Moscow, Saint-Petersburg, Nizhny Novgorod, Kazan, Ekaterinburg), analyzes the current situation of integration of children of migrant workers from Central Asia in Russia, including issues of access to education and health care. Given the pace of the feminization of labour migration to Russia from Central Asia, the current situation leads to the emergence of a layer of young migrants who find themselves outside

the “children’s” state services. Such migrant children who have not passed through the integrating mechanisms of Russian schools, working without documents in the future form a group of migrant workers or young Russians, tend to work in the informal economy and poorly integrated into Russian society.

Key words: labour migration to Russia, children of migrants, integration

JEL codes: F22, I26

Миграция трудовых мигрантов из Средней Азии в Россию постепенно стала превышать по своей численности долю мигрантов из других стран [4]. За последние 10–12 лет этот поток серьезно изменился и по структуре: в нем стало больше сельских жителей и больше женщин. Сферы занятости этих мигрантов дифференцировались. В связи с феминизацией этой миграции, в том числе увеличением семейной миграции, в России появились дети мигрантов из Средней Азии, и их число постепенно растет. Для изучения положения детей мигрантов из Средней Азии с марта по июль 2015 г. автором этой статьи в России (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород, Казань, Екатеринбург) было проведено анкетное социологическое исследование, в ходе которого было опрошено 1239 трудовых мигранток от 15 до 60 лет из Таджикистана и Киргизии (имеющих гражданство этих государств), работающих в России.

Миграция с детьми или без?

В целом по всей выборке женщин из Таджикистана и Киргизии у 59% опрошенных женщин есть дети до 17 лет, и вопрос о том, брать ли их с собой в миграцию или оставить дома, был для этих женщин очень важным. Половина женщин, имеющих детей до 17 лет, оставила их дома, на родине, а 39% женщин взяли всех детей с собой (рис. 1). Предыдущее исследование ЦМИ показало, что в 2010 г. этот показатель в среднем по женщинам из всех стран СНГ, взявших с собой в миграцию всех своих детей, составлял 31% [1].

Существует среди среднеазиатских мигранток стратегия миграции, когда с собой в Россию берут не всех детей. Такую стратегию выбрала каждая десятая женщина, имеющая детей до 17 лет.

При анализе в разрезе стран мы видим, что женщины из Киргизии в целом реже, чем женщины из Таджикистана, берут в Россию своих детей. Связано это, безусловно, с тем, что среди женщин из Таджикистана больше тех, что едут в РФ с мужем, а среди женщин из Киргизии больше одиноких женщин, мигрирующих самостоятельно.

Среди главных причин для миграции без детей (рис. 2) женщины назвали: большие сложности, создаваемые детьми в жизни трудящейся-мигрантки (30%), невозможность обеспечить детям надлежащий уход за ними (29%) и дороговизна их содержания в России (20%). Причем для

женщин из Таджикистана дороговизна содержания в РФ детей более значима, чем для мигранток из Киргизии (28 против 15%). А для женщин из Киргизии более значимо то, что за детьми в России им сложно обеспечивать уход (37 против 20%). Такая разница еще раз подчеркивает несхожесть женской миграции из этих двух стран по структуре: женщины из Таджикистана, как правило, пребывают в России полной семьей и чаще могут обеспечить уход за детьми, тогда как мигранткам из Киргизии, среди которых больше мигрирующих самостоятельно, это сделать сложнее.

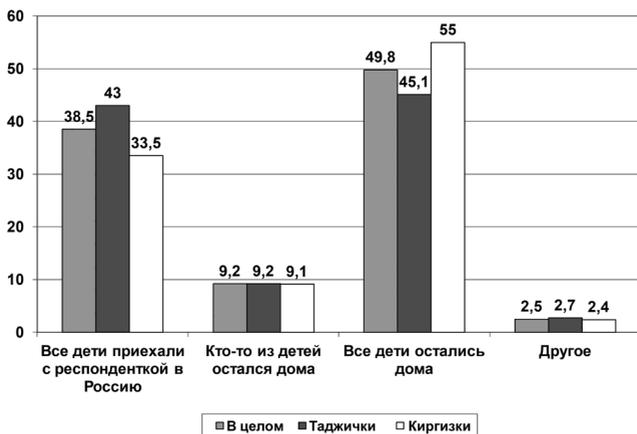

Рис. 1. Распределение респонденток по местонахождению детей, %

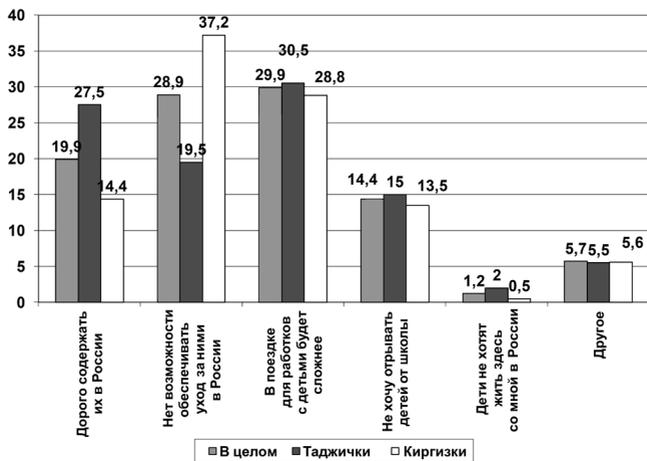

Рис. 2. Распределение респонденток по причинам раздельного проживания с детьми (в России), %

Имеющиеся в России сервисы для ухода за детьми (за исключением бесплатной школы) оказываются для мигранток слишком дорогими при их скромных заработках (например, няни) и могут поставить поездку на грань экономической целесообразности.

Доступ детей к образованию

Доступность детских садов для мигранток (впрочем, как и для местных жителей России) ограничена (рис. 3). Так, около четверти (26%) мигранток не смогли устроить своих детей в детский сад, но при этом еще у четверти женщин дети ходят в детский сад (24%). Интересно, что мигрантки из Киргизии чаще пользуются услугами детского сада, чем мигрантки из Таджикистана (31 против 19%). По-видимому, у многих из них просто нет другого выбора, так как они чаще находятся в России без мужа, чем таджички.

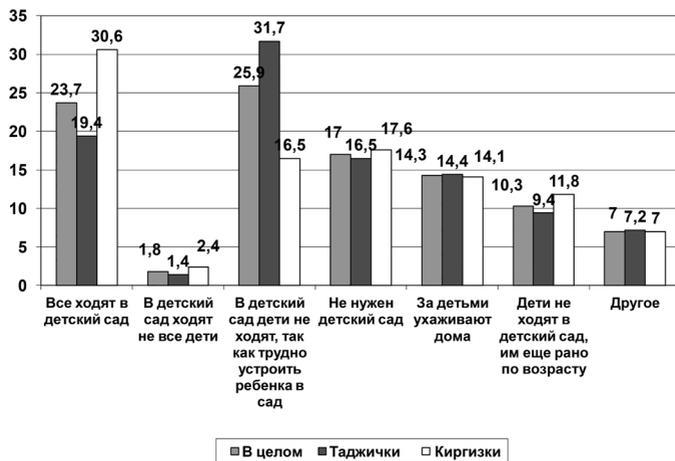

Рис. 3. Распределение респонденток по посещению детьми-дошкольниками в России детского сада, %

Востребованность школ и доступ к ним у детей-мигрантов школьного возраста намного выше, чем у детей-мигрантов — дошкольников. Так, 82% детей-мигрантов школьного возраста посещают школу, около 7% детей не ходят и не ходили в школу в России, а 4% ранее ходили в школу, но позже перестали в нее ходить по разным причинам. По этому вопросу особых различий у мам-мигранток из Киргизии и Таджикистана не возникает. Примерно у четверти опрошенных женщин возникали проблемы при устройстве детей в школы (рис. 5). Как правило, такие проблемы возникают из-за отсутствия у родителей временной регистрации, отсутствия медицинской страховки у ребенка. Кроме того, серьезной

проблемой может стать слабое знание ребенком русского языка, из-за чего его могут взять не в тот класс, что соответствует его возрасту, а на класс (или несколько классов) ниже. Кроме того, его могут взять в ту школу района проживания, которая испытывает сложности с набором учеников и имеет не самый высокий рейтинг по качеству и престижности у местных жителей [3].

Рис. 4. Распределение респонденток по посещению детьми-школьниками в России школы, %

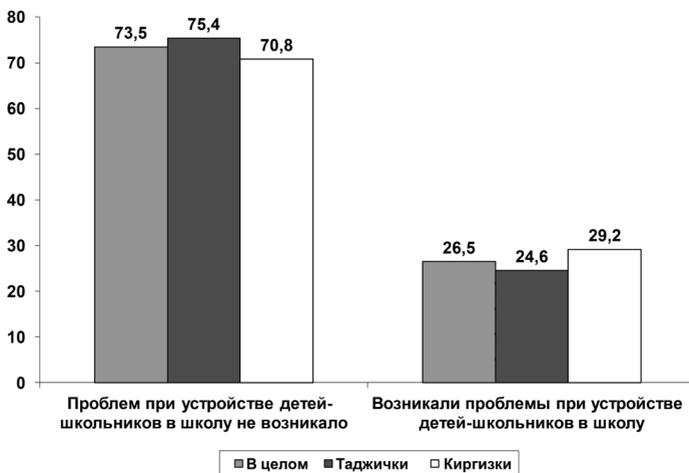

Рис. 5. Распределение респонденток по проблемам, возникающим у детей-школьников при их устройстве в школу, %

Взаимоотношения детей-мигрантов в школах с местными детьми

В основном в школе к детям мигрантов относятся доброжелательно (рис. 6) — об этом свидетельствуют 65% опрошенных женщин, и по этому вопросу нет особых различий у мигранток из Киргизии и Таджикистана. Но 14% женщин говорили о недоброжелательном отношении к их детям в школе и 2% — о плохом, враждебном отношении.

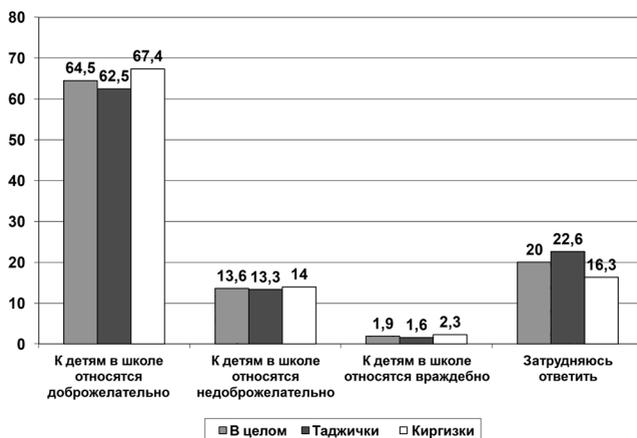

Рис. 6. Распределение респонденток по отношению к их детям-школьникам в школе, %

Каждая пятая опрошенная женщина, имеющая детей-школьников, посещающих в России школу, затруднилась ответить на этот вопрос. Если учитывать только мам-мигранток, определившихся с мнением об отношении к их детям в школе, то доброжелательное отношение составит 80,7%, недоброжелательное — 17%, а враждебное — 2,3%.

Серьезной проблемой (рис. 7) для опрошенных женщин является уход за детьми в то время, когда они находятся на работе. Даже если дети учатся в школе, то в дневное время они нуждаются в присмотре. Главная помощь в такой ситуации бывает со стороны родственников: об этом заявила почти половина опрошенных женщин (49%), и вот здесь уже женщины их Таджикистана активнее прибегают к помощи родственников (54 против 41% у мигранток из Киргизии). Дополнительные занятия в школе («продленка») или нахождение ребенка в течение дня в детском саду становятся выходом для 18% опрошенных мигранток-мам, причем именно для мигранток из Киргизии это бывает особенно важным — 24% из них используют «продленку» в отличие от мигранток из Таджикистана, среди которых только 14% используют такую возможность. Няню могут себе позволить 0,6% мигранток. У четверти мигранток дети во время

их работы находятся дома одни — также чаще у киргизок (29%), чем у таджичек (24%).

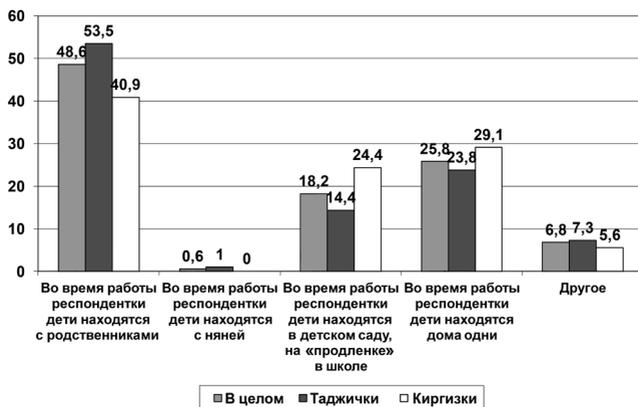

Рис. 7. Распределение респонденток по присмотру за детьми во время работы респонденток, %

Доступ детей-мигрантов к медицине

Лечение детей у врача — это проблема, которую большинство мам-мигранток решают при острой необходимости, — 56% заявили об этом (рис. 8). Тем не менее треть мигранток (33%) практикуют меры профилактического характера: периодически водят детей к врачам и выполняют их рекомендации.

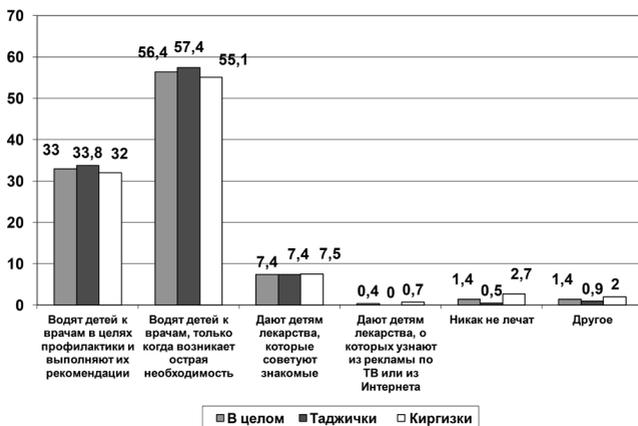

Рис. 8. Распределение респонденток по стратегиям лечения детей в России, %

Все мигранты экономят на своем здоровье, но когда дело касается детей, то мамы-мигрантки более тщательно смотрят за их здоровьем, чем за своим. Все дети, обучающиеся в российской школе, должны иметь медицинский полис, и поэтому возможностей для профилактических мер у них больше.

* * *

Феминизация трудовой миграции в Россию и увеличение масштабов семейной миграции неизбежно ставят вопросы об успешности интеграции в России детей-мигрантов, приезжающих в РФ с родителями или уже рожденных во время миграции.

Сегодня российские школы довольно успешно справляются с адаптацией и интеграцией детей-мигрантов, даже из такой беспокоящей россиян группы стран, как Средняя Азия [2]. Исследования показывают, что в основном в российских школах к таким детям относятся доброжелательно. Но те барьеры в доступе к детским садам и школам, которые выявило исследование, а также ограниченный доступ детей-мигрантов к медуслугам при увеличении количества детей-мигрантов вызывают обеспокоенность. Учитывая темпы феминизации трудовой миграции в Россию из Средней Азии, складывающаяся ситуация может привести к возникновению целого слоя молодых мигрантов, оказавшихся вне государственной системы и «детских» государственных сервисов. Такие дети-мигранты, не прошедшие сквозь интеграционные механизмы российских школ, работающие без документов (трудовые контракты и патенты возможно регистрировать только для иностранцев старше 18 лет), в будущем образуют группу трудящихся-мигрантов или молодых россиян (в случае получения ими гражданства), склонную к работе в теневой экономике (опыт работы в которой они приобретают с детства) и плохо интегрированную в российское общество. Пока такая тенденция только наметилась, и ее легче изменить сейчас, чем позже работать с ее негативными последствиями.

Литература

1. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. — М.: МАКС Пресс, 2011.
2. *Зайончковская Ж. А., Полетаев Д. В., Флоринская Ю. Ф., Мкртчян Н. В., Доронина К. А.* Защита прав москвичей в условиях массовой миграции. — М.: Уполномоченный по правам человека в городе Москве, РОО «Центр миграционных исследований», 2014.
3. *Троицкий К. Е.* Всеобщее право не для каждого. Доступ к школьному образованию для детей беженцев и трудовых мигрантов в России. Доклад Комитета «Гражданское содействие». — М., 2017. URL: <http://refugee.ru/wp-content/uploads/2017/05/Doklad-o-dostupe-k-obrazovaniyu.pdf>

4. *Шербакова Е.* Число иностранных граждан, имевших действующее разрешение на работу в России, снизилось до 144 тысяч человек, действующий патент — до 1543 тысяч чел. на конец 2016 года // Демоскоп-weekly. — 2017. — № 719–720. — 6–19 марта. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0719/barom05.php>
1. Zhenshiny-migranty iz stran SNG v Rossii / pod red. E. V. Tjurjukanovoj. — М.: MAKS Press, 2011.
2. *Zajonchkovskaja Zh. A., Poletaev D. V., Florinskaja Ju. F., Mktrechjan N. V., Doronina K. A.* Zashhita prav moskvicej v uslovijah massovoj migracii. — М.: Upolnomochennyj po pravam cheloveka v gorode Moskve, ROO «Centr migracionnyh issledovanij», 2014.
3. *Troickij K. E.* Vseobshhee pravo ne dlja kazhdogo. Dostup k shkol'nomu obrazovaniju dlja detej bezhencev i trudovyh migrantov v Rossii. Doklad Komiteta «Grazhdanskoe sodejstvie». — М., 2017. URL: <http://refugee.ru/wp-content/uploads/2017/05/Doklad-o-dostupe-k-obrazovaniju.pdf>
4. *Shherbakova E.* Chislo inostrannyh grazhdan, imevshih dejstvujushhee razreshenie na rabotu v Rossii, snizilos' do 144 tysjach chelovek, dejstvujushhij patent — do 1543 tysjach chelovek na konec 2016 goda // Demoskop-weekly. — 2017. — № 719–720. — 6–19 марта. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0719/barom05.php>

Садовская Е. Ю.,
канд. филос. наук,
международный консультант
по миграции и миграционной политике
(Алма-Ата, Казахстан)

Роль миграции в этнодемографическом и социально-экономическом развитии Казахстана в XXI в.: новейшие тенденции и проблемы исследования

Аннотация

В Республике Казахстан миграция в последние 25 лет приобрела значительные масштабы, динамику и быстро диверсифицировалась, включив такие виды, как стихийная эмиграция, «утечка умов», трудовая миграция, репатриация (организованное переселение) этнических казахов в Казахстан, нелегальная миграция и др. В статье ставится задача проанализировать самые массовые потоки и их влияние на социально-экономическое и этнодемографическое развитие страны. На основе анализа официальной статистики, результатов социологических опросов, экспертных интервью и вторичной информации определены основные характеристики и противоречивое влияние каждого из видов миграций — вынужденной эмиграции, «утечки умов», репатриации этнических казахов. Среди из них: рост народонаселения, значительное изменение этнической и социальной структуры, в частности, увеличение доли казахов и сокращение доли русских и других этнических меньшинств, с одной стороны,

а с другой — потеря этнического многообразия населения, ухудшение качества трудового и человеческого капитала и др. Результаты исследования могут применяться при анализе и прогнозе миграционных процессов, разработке концептуальных основ миграционной политики, а также для формирования информационно-аналитической базы при принятии политических решений и для последующих сравнительных научных исследований.

Ключевые слова: Казахстан, эмиграция, «утечка умов», репатриация, население, этнический состав, человеческое развитие

JEL коды: J15, O15

*Sadovskaya E. J.,
PhD, International Consultant
on Migration and Migration Policies
(Almaty, Kazakhstan)*

The role of migration in ethnodemographic and socioeconomic development of Kazakhstan in the XXI century: the latest trends and issues of study

Abstract

The article overviews patterns of international migration in Kazakhstan since 1991, including such diverse flows as spontaneous emigration, brain drain, repatriation (organized resettlement) of ethnic Kazakhs. The author analyzes the characteristics and impact of the largest-scale migration flows, using a range of sources including official statistics, sociological surveys, expert interviews, as well as secondary sources. Some of the key impacts of migration on socio-economic and ethno-demographic development of the country are, on the one hand — population growth, significant changes in the ethnic and social structure of the population (particularly increase of the Kazakhs and decrease of the Russians and other ethnic minorities in the total population), and on the other hand, loss of ethnic diversity, decrease in the quality of labor and human capital, etc. The article highlights these controversial impacts of migration and migration policy, and further addresses most recent tendencies, prospects and challenges within international migration studies. The article contributes to the analysis and forecasting of migration movements, development of new conceptual approaches to migration policy, setting up information and analytical databases for policy makers, as well as for further comparative studies.

Key words: Kazakhstan, emigration, brain drain, repatriation, impact, population, ethnic structure, human development

JEL codes: J15, O15

Введение

Республика Казахстан (РК) является страной, в которой новые и масштабные миграционные движения динамично менялись в течение 25 лет со дня приобретения суверенитета. В 1990-е гг. республика стала страной массовой вынужденной эмиграции, в 2000-е гг. — преимущественно трудовой иммиграции, а во втором десятилетии XXI в. наблюдаются все

типы и виды миграций: эмиграция, «утечка умов», трудовая эмиграция и иммиграция. Сохраняется нелегальный поток мигрантов, и продолжается начавшаяся в 1991 г. репатриация (организованное переселение) этнических казахов в Казахстан.

Миграция оказывает значительное влияние на этнодемографические, социальные, экономические процессы, но оно изучено недостаточно или однобоко. Например, подчеркивается роль репатриации в изменении этнического баланса в РК, но слабо изучаются другие, довольно противоречивые последствия, в частности проблемы адаптации большого числа иностранных граждан, за короткий исторический период переселившихся в Казахстан.

В контексте изложенного автор ставит целью выявить наиболее массовые потоки последних 25 лет и оценить их влияние на социально-экономическое и этнодемографическое развитие Казахстана. На основе анализа официальной статистики, результатов социологических опросов, экспертных интервью и вторичной информации автор ставит задачи определить основные виды, масштабы, динамику, характеристики, а также дать оценку положительных и отрицательных последствий таких видов миграционных движений, как эмиграция, «утечка умов», репатриация казахов, оценить их роль в социально-демографическом развитии Казахстана и, в частности, в развитии человеческого капитала в РК, а также предложить некоторые выводы и рекомендации.

Статья следует логике развития различных видов миграций в РК на протяжении последних 25 лет и состоит из введения, трех частей и заключения. Во введении ставятся исследовательские проблемы, цели и задачи, определяется методология. В первой части «Международная миграция и ее изучение в Казахстане» предлагается обзор состояния миграционных исследований в РК и предлагаются направления дальнейших научных изысканий в этой области. Во второй, третьей и четвертой частях анализируются следующие виды миграций — эмиграция, «утечка умов», репатриация соответственно и определяются основные характеристики, социальные и экономические эффекты. В заключении приводятся краткие выводы и рекомендации.

Международная миграция и ее изучение в Казахстане

Несмотря на масштабность миграционных процессов в 1990-е гг., системные исследования миграций в Казахстане не проводились из-за недофинансирования науки в период кризиса. Миграционные проблемы изучались отдельными учеными и эпизодически — научными учреждениями, сохранившимися с советских времен, или центрами, учрежденными в транзитный период. Исследования проводились в основном в эт-

нодемографическом и этнополитическом либо историческом аспектах. Были востребованы прогнозные исследования для обоснования демографической политики в ситуации неопределенности и непредсказуемости транзитного периода.

В 2000-е гг., на фоне экономического роста и увеличения трудовой иммиграции в Казахстан, тематический спектр исследований расширился, стали проводиться прикладные исследования. Постепенно формировался массив эмпирических исследований и новые тематические направления в изучении миграций: международная, внутренняя, трудовая, этническая (об этнических диаспорах и миграциях), статистика и прогноз миграций, миграционная политика и миграционное законодательство и др.

Продолжались исторические исследования миграций (на основе предшествующих переписей населения и архивных данных), предпринимались первые попытки теоретических обобщений накопленного эмпирического материала. В указанных и других смежных направлениях проводили исследования такие известные демографы, социологи, философы, историки, экономисты, как А. Алексеенко, М. Асылбеков, А. Галиев, С. Джусупов, Б. Жагуттин, Л. Квон, В. Козина, В. Курганская, Н. Масанов, Г. Москвина, Е. Мусабек, Н. Мустафаев, Е. Садовская, Е. Тарасова, Б. Татибеков, М. Татимов, Ю. Шокаманов и многие другие. Большую роль в продвижении исследований в области миграции сыграли специализированные международные организации, финансировавшие многие прикладные исследования в РК и регионе [см. обзор: 6; 13, с. 23–81].

На основе анализа публикаций по миграционной проблематике за 25 лет можно говорить, с одной стороны, об определенном накоплении массива данных, а с другой — о формировании устойчивых недостатков в исследованиях. Общим недостатком некоторых публикаций являются их компилятивность, периферийность, отсутствие эмпирической базы для обоснования выводов. В миграционных исследованиях очевиден недостаток репрезентативных, лонгитюдных и мониторинговых (продолжающихся) исследований, глубокого и неангажированного анализа, теоретико-методологических разработок. Несмотря на большое количество публикаций, уровень научного теоретизирования остается слабым, западные теории и концепции международной миграции малоизвестны казахстанским исследователям, которые находятся на периферии мировой теоретической мысли.

Помимо эмпирической проверки многих западных теоретических построений и разработки собственных концептуальных подходов, соединение науки с управленческой практикой будет одной из самых важных задач, которые стоят перед учеными-социологами РК в предстоящие годы.

Результаты и выводы исследований, принятые на их основе рекомендации должны лечь в основу политических решений: концептуальных, программных, законодательных, практических. Пока подобного массива не накоплено, многие политические решения принимаются ситуативно, без необходимой научно-аналитической базы.

Ключевые тенденции 1990-х гг.: эмиграция

Эмиграция из Казахстана в 1990-е гг. носила вынужденный характер и была обусловлена сложной совокупностью факторов. Особенно сильное влияние на эмиграционные настроения населения оказали экономический кризис, безработица, падение уровня жизни, а также политика нациестроительства, дискриминационная в отношении этнических меньшинств. В 1990-е гг. абсолютно преобладала широко-масштабная эмиграция славянского населения и немцев, но она сократилась в 2000-е гг. на фоне экономической стабилизации и роста. Основные страны достижения — Россия, Украина и страны вне СНГ: Германия, Израиль, Канада, США.

За период 1991–2016 гг. из Казахстана, только по официальным данным, эмигрировало 3,6 млн чел., из них более 2 млн — безвозвратно. Казахстан потерял значительный человеческий капитал. К 2002 г. численность народонаселения сократилась до 14,851 млн, или на 10,2% по сравнению с переписью 1989 г. и на 9,2% — по сравнению с 1991 г. [4; 11; 17].

В 2000-е гг. миграционный оборот (сумма прибывших и выбывших) значительно сократился по сравнению с 1990-ми гг.: например, в 2016 г. — в 11,4 раза по сравнению с пиковым 1994 г. (48,3 и 551 тыс. чел., соответственно) (рис. 1).

Испытав серьезные потери населения в 1990-е гг., в 2000-е гг., Казахстан восстановил благополучные показатели естественного прироста и за последние 15 лет значительно увеличил численность населения. На 1 января 2017 г., по данным государственной статистики, численность населения составила 17,671 млн чел. [11]. Демографические потери удалось преодолеть за счет повышения уровня рождаемости (за счет комплекса благоприятных факторов, в первую очередь социально-экономических), снижения уровня смертности с 2008 г., сокращения эмиграции из РК (на фоне улучшения экономической ситуации), а также за счет репатриации этнических казахов из-за рубежа (см. подробнее ниже). В последние пять лет вновь наблюдается отрицательное сальдо миграции, которое увеличилось в 2014–2016 гг.

В итоге разнонаправленных потоков эмиграции (славянских групп и немцев) и иммиграции (репатриации казахов) в последние 27 лет этнодемографическая структура населения в РК значительным образом

изменилась. По данным переписи населения 2009 г. казахи составляли 63,1% населения, русские – 23,7, другие – 13,2% [3]. Это важное изменение этнического баланса в пользу коренного населения Казахстана, которое началось в середине 1980-х гг., когда впервые доля казахов превысила долю русских в составе населения. За период 1989–2016 гг. доля казахов увеличилась на 26,8% (с 39,7 до 66,5%), доля русских снизилась на 17,2% (с 37,8 до 20,6%), доля представителей других национальностей сократилась на 9,6% (с 22,5 до 12,9%) [4, с. 10; 10] (табл. 1).

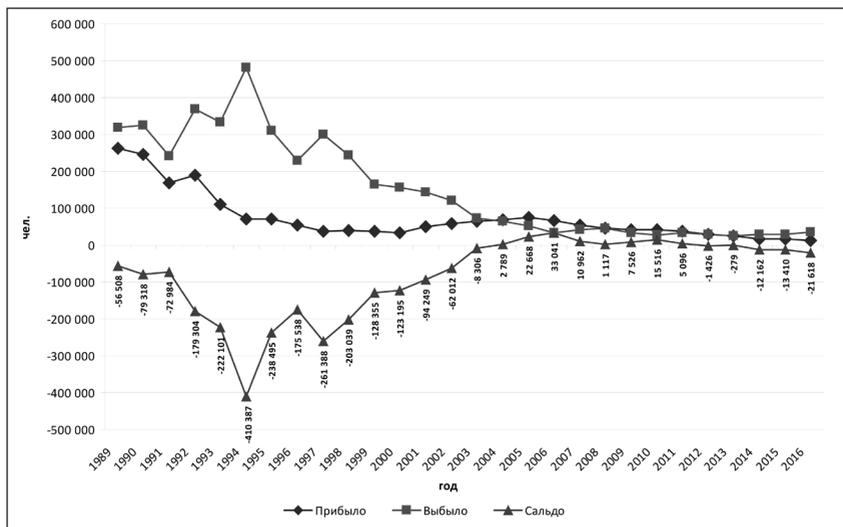

Рис. 1. Международная миграция населения в Республике Казахстан в 1989–2016 гг. (чел.)

Таблица 1

Этнический состав Казахстана по переписи населения СССР на начало 1989 г., Национальной переписи населения 2009 г. (на 25.02.2009) и по данным текущей статистики (на 01.01.2009 и на 01.01.2016) (чел.)

Национальность	Перепись населения на начало 1989 г.	%	Текущая перепись, оценка на 01.01.2009*	%	Перепись населения 2009 г., на 25.02.2009*	%	Текущая перепись, оценка на 01.01.2016	%
Всего	16 537 000	100,0	15 776 492	100,0	16 009 597	100,0	17 670 579	100,0
Казахи	6 535 000	39,5	9 540 806	60,5	10 096 763	63,1	11 748 179	66,5
Русские	6 227 000	37,7	3 869 661	24,5	3 793 764	23,7	3 644 529	20,6
Узбеки	332 017	2,0	463 381	2,9	456 997	2,9	548 841	3,1
Украинцы	896 240	5,4	422 680	2,7	333 031	2,1	289 724	1,6

Окончание табл. 1

Национальность	Перепись населения на начало 1989 г.	%	Текущая перепись, оценка на 01.01.2009*	%	Перепись населения 2009 г., на 25.02.2009*	%	Текущая перепись, оценка на 01.01.2016	%
Уйгуры	185 301	1,1	241 946	1,5	224 713	1,4	256 295	1,5
Татары	327 982	2,0	226 803	1,4	204 229	1,3	202 934	1,1
Немцы	957 518	5,8	220 975	1,4	178 409	1,1	181 754	1,0
Другие	1 075 942	6,5	790 240	5,0	721 691	4,5	798 323	4,5

* Данные по этническому составу РК в 2009 г. по данным текущей статистики (на 01.01.2009) и 2-й национальной переписи населения 2009 г. (на 25.02.2009) отражают искажения, допущенные во время 2-й переписи [16]. Оценка численности по текущей переписи 2016 г. базируется на требующих дополнительной верификации данных национальной переписи 2009 г.

Вместе с безвозвратной миграцией немцев, украинцев, белорусов, поляков, греков и других народов Казахстан потерял часть своего этнического многообразия, которое было его несомненным достоянием и достоинством, несмотря на всю драматическую историю формирования полиэтничного состава населения РК. Вследствие эмиграции немцев, например, Казахстан потерял не только часть полиэтничного населения, но и индустриальный отряд сельского рабочего класса и потенциальный отряд фермеров, агентов рыночной экономики, а также политически лояльный компонент населения [5].

«Утечка умов» из Казахстана: вчера, сегодня, завтра

Масштабная эмиграция 1990-х гг. сопровождалась значительной безвозвратной интеллектуальной эмиграцией, или «утечкой умов», страна потеряла сотни тысяч специалистов с высшим образованием. По оценке автора, на основе одной из западных методик оценки ущерба от «утечки умов», общие потери от выезда специалистов с высшим и незаконченным высшим образованием из РК за период в 1990–2000-е гг. можно оценить в 100–125 млрд долл. Эмиграция привела к дефициту кадров в промышленности, сельском хозяйстве, образовании, здравоохранении, других секторах; снижению качества образования и здравоохранения; ухудшению качества и эффективности труда, снижению показателей производства и т. д. Ни одна из принятых государственных программ, включая Программу индустриального и инновационного развития РК с 2003 по 2014 г., а также Программу форсированного индустриально-инновационного развития РК на 2010–2014 гг., не была выполнена.

«Утечка умов» продолжается и сегодня. По данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики (МНЭ) РК, за период 2013–2015 гг. из Казахстана эмигрировало 24 тыс. чел. с высшим и незаконченным высшим образованием [9]. Общая численность специ-

алистов с высшим, незаконченным высшим и средним — в основном техническим, экономическим, педагогическим и медицинским образованием (среди лиц старше 15 лет) за указанные три года составила 47,4 тыс. чел. [9].

Бывшая столица Алма-Ата несет самые большие потери в безвозвратной интеллектуальной эмиграции. Так, в 2015 г. среди выбывших в страны СНГ 61,7% имели высшее и незаконченное высшее образование, в страны вне СНГ — 78,3% (среди лиц старше 15 лет). Выезжают в основном лица трудоспособного (16–62 (57) лет) — 69,8% и ниже трудоспособного возраста (0–15 лет) — 22,7%; доля лиц старше трудоспособного — 7,5% [9].

Результаты социологических исследований показывают, что эмиграционные настроения сохраняются как в форме непосредственного желания эмигрировать, так и в форме отложенной миграции [7]. В случае отложенной миграции родители планируют отправить детей на постоянное место жительства в другую страну либо обучать детей за рубежом с последующей их натурализацией в стране обучения и воссоединением семьи в новой стране в будущем. Эмиграционные настроения наблюдаются у 25% опрошенных, столько же респондентов хотели бы направить детей жить в другую страну, и эти настроения наиболее сильны в Алма-Ате, северных и центральных областях, где превалирует русское и «русскоязычное» население. Среди причин эмиграции первенствуют: материально-экономические условия жизни (30,5%), невозможность дать качественное образование (26,6), отсутствие перспектив занятости и профессиональной карьеры (25,5), ухудшение межнационального климата (19,2), низкие зарплаты (12,2%) [7].

Подтверждением этих миграционных настроений являются данные регистрации МВД РФ: 77,8 тыс. молодых людей из Казахстана находились на обучении (на всех формах) в учебных заведениях России в 2016 г. [8]. Эта временная миграция имеет тенденцию со временем превращаться в постоянную. Несмотря на эти риски, правительство РК еще не проделало оценки ущерба от «утечки умов» и не предприняло мер по сокращению интеллектуальной эмиграции. Меры по возвращению уехавших специалистов пока не дали результатов.

В последние годы страну покидают не только русские и «русскоязычные» граждане, но и этнические казахи — профессионалы. Таким образом, Казахстан находится на пороге новой волны интеллектуальной эмиграции и «утечки умов» и, следовательно, новых рисков и угроз человеческому капиталу и устойчивому социально-экономическому развитию страны.

Репатриация этнических казахов — главное направление миграционной политики

Репатриация этнических казахов (оралманов) — это основное направление государственной миграционной политики РК. По данным Мини-

стерства труда и социальной защиты населения (МТЦЗН) РК, с 1991 г. по 1 апреля 2017 г. свыше 1 млн этнических казахов переселились в Казахстан, что составляет 6% от общей численности населения республики. Большинство оралманов — 61,6% прибыли из Узбекистана, 12,1% — из Китая, 11,7% — из Монголии, 7,1% — из Туркменистана, 3,8% — из России и 3,7% — из других стран. В 2016 г. прибыло 33 754 человека, за I квартал 2017 г. — 4,9 тыс. репатриантов [12].

Репатриация позволила увеличить народонаселение республики, повысить численность и долю казахского населения в нем. Однако качественные характеристики переселенцев — образовательные, профессионально-квалификационные — более низкие по сравнению с принимающим населением РК. Так, среди переселенцев лица трудоспособного возраста составляют 56,1%, дети до 18 лет — 39,3% и пенсионеры — 4,6%. Из числа оралманов трудоспособного возраста только 8,9% имеют высшее образование, 20,5% — среднее специальное образование, 61,1% — общее среднее образование, 9,5% — не имеют образования [15]. Не имеет образования значительная доля пожилых переселенцев. Это негативно влияет не только на качественные характеристики рабочей силы, но и населения в целом. Это подтверждают сами чиновники, например, вице-министр национальной экономики М. Абылкасымова указывает, что сейчас на казахстанском рынке труда «наблюдаются чистый отток квалифицированной рабочей силы... и чистый приток неквалифицированной рабочей силы, не имеющей профессионального образования. На этом фоне растут издержки государства: на подготовку замены выезжающим специалистам, на профессиональное обучение и переподготовку выезжающей неквалифицированной рабочей силы» [2].

Помимо средств на переобучение оралманов, государство предлагает многочисленные оплачиваемые из государственного бюджета льготы и привилегии. Изначально, еще в 1990-е гг., репатриантам предоставлялись льготные условия перемещения через границу без взимания таможенных платежей, бесплатный проезд и провоз имущества, выделение средств на приобретение жилья и земельных участков, выплата пенсий и пособий, отсрочка от армии для молодых людей, достигших призывного возраста, помощь в трудоустройстве и социальная защита вернувшимся по квоте оралманам наравне с гражданами РК [1].

Кроме того, согласно изменениям в законе РК «О гражданстве» от 2002 г., оралманы имеют право на получение гражданства РК в упрощенном (регистрационном) порядке. При въезде на территорию РК этнические казахи и члены их семей, в отличие от иностранных граждан, представителей других этнических групп, освобождаются от необходимости подтверждать свою платежеспособность, не требуется предварительного

выхода из гражданства страны исхода, для них нет срока натурализации продолжительностью в пять лет.

Подобные льготы и преференции для репатриантов (некоторые из них сохраняют гражданство страны исхода и годами живут с видом на жительство в РК) законодательно закрепляют дискриминирующие нормы не только в отношении других иностранных граждан, пребывающих в РК, но и самих граждан Казахстана, в том числе его коренного населения — казахов. Это привело к формированию настороженного, а нередко и негативного отношения к переселенцам, которые воспринимаются, как правило, в качестве носителей «традиционной» патриархальной культуры и религиозных ценностей. «Оралманофобия» вызывает социальное напряжение в принимающих сообществах. В условиях национального государства вопрос о противоречивых последствиях репатриации оралманов является политически чувствительным и глубоко не изучен, что лишь усугубляет ситуацию.

Некоторые казахстанские эксперты высказывают опасения в том, что процесс репатриации создает много угроз социетальной безопасности Казахстана, так как иммиграция этнических казахов из-за рубежа меняет не только численность и удельный вес этносов в структуре населения, но и саму социальную структуру, негативно влияет на экономический рост и качество управления [15]. Некоторые политологи в РК не исключают, что среди 100 тыс. казахских переселенцев из конфликтного Синьцзяна (соседний с РК восточный район Китая) могут быть «неустойчивыми элементами» и даже «завербованными», которые сформируют в республике «пятую колонну», и тогда не избежать провокаций и конфликтов [14]. Эта неясность по поводу состава репатриантов порождает в обществе опасения по поводу последствий столь быстрой (в исторической перспективе) массовой иммиграции из-за рубежа.

Заключение

На основе анализа ключевых видов миграций можно сделать вывод о том, что Казахстан является страной, в которой миграция в течение 25 лет оказывает значительное воздействие на этнодемографические, социальные, экономические, этнокультурные, социально-психологические и другие процессы. В результате масштабной эмиграции и «утечки умов» из Казахстана сложилась основная современная проблема РК, а именно дефицит высококвалифицированных специалистов и квалифицированных рабочих. Потеря «человеческого капитала», как никакой другой фактор, негативно повлияла на все стороны общественной жизни республики и еще длительное время будет сказываться на перспективах ее экономического роста, индустриального и инновационно-технологического развития и социальной модернизации в целом.

Риски новой волны безвозвратной интеллектуальной эмиграции, в которой участвуют не только русские и «русскоязычные», но и казахи, пока не нашли отражения в политических решениях по ее сокращению или предупреждению.

Миграционное законодательство, институты, политика демонстрируют отставание в разработке, несоответствие международным стандартам, разрыв между законодательным регулированием и правоприменительной практикой. Ни одна из принятых с 1990-х гг. концепций миграционной политики и разработанных на ее основе государственных программ не была выполнена.

Из-за ограничений объема статьи мы не анализируем все мультипликативные эффекты миграций, однако очевидно, что необходимо изучать и определять не только кратко-, но и средне- и долгосрочные, положительные и отрицательные последствия, что до настоящего времени редко становилось предметом исследования, но важно для анализа влияния на человеческий капитал РК, для прогноза и планирования.

В контексте противоречивых последствий и рисков, которые возникают в процессе миграций (мы указали лишь некоторые), возрастает роль междисциплинарных исследований, в том числе репрезентативных социологических опросов по поводу причин и последствий миграции. Государственные органы не проводили подобных опросов с начала 1990-х гг. Важно также изучать не только сложившиеся, но и формирующиеся тенденции и потоки (например, «китайский фактор» и китайская миграция), что потребует внимания законодательных и исполнительных органов для упорядочения и регулирования. Результаты этих исследований могут применяться при анализе и прогнозе миграционных процессов, разработке концептуальных основ миграционной политики, а также для формирования информационно-аналитической базы при принятии политических решений и последующих сравнительных научных — прикладных и теоретических исследований.

Литература

1. Закон РК от 22 июля 2011 г. № 477-IV «О миграции населения» (с изм. и доп.). URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (дата доступа: 01.06.2017).
2. *Абылкасымова М.* Политика привлечения в страну этнических казахов позволила улучшить демографическую ситуацию и увеличить численность населения страны. — Мадина Абылкасымова. 12 ноября 2014. URL: http://economy.gov.kz/ru/press-sluzhba/detail.php?ELEMENT_ID=59537&phrase_id=7835076 (дата доступа: 03.04.2016).
3. Агентство РК по статистике. Перепись населения 2009 года. — Астана, 2010. URL: <http://www.stat.gov.kz> (дата доступа: 25.08.2015).

4. Госкомитет РК по статистике и анализу. Об основных показателях Всесоюзных переписей населения 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. — Алматы, 1991.
5. *Дедерер А.* Экспертное интервью автора с руководителем АООНК. Февраль 2012.
6. *Зайончковская Ж.* Миграция в трансформирующемся обществе: Аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ в 1992–1999 гг. — М.: Комплекс Прогресс. 2000.
7. КИПР. Казахстанский институт политических решений. Социологическое исследование, раздел «Потенциал внутренней и внешней миграции». Май 2010.
8. МВД РФ. Статистические сведения по миграционной ситуации в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 г. URL: chrome-extension://ilhardfjlmhfdgdbefpinebijmhjjpn/https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/359/228/stat_2016.pdf (дата доступа: 19.03.2017).
9. МНЭ РК, 2016. Министерство национальной экономики РК, Комитет по статистике. Архив по миграции населения Республики Казахстан за 2013, 2014 и 2015 гг. URL: <http://www.stat.gov.kz> (дата доступа: 05.04.2016).
10. МНЭ РК, 2016б. Комитет по статистике. Численность населения Республики Казахстан по отдельным этносам на начало 2016 года. URL: <http://www.stat.gov.kz> (дата доступа: 05.04.2016).
11. МНЭ РК, 2017. Комитет по статистике. Динамика основных социально-экономических показателей. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazateli?_afzLoop=407371902775051#%40%3F_afzLoop%3D407371902775051%26_adf.ctrl-state%3D2vb7usjmx_17. Размещено 26.04.2017 (дата доступа: 05.06.2017).
12. МТСЗН РК, 2017. Министерство труда и социальной защиты РК. Разъяснительные материалы в сфере миграции населения. URL: <http://www.epbek.gov.kz/gu/node/344761> Размещено 07.06, изменено 08.06.2017 (дата доступа: 18.06.2017).
13. *Садовская Е. Ю.* Международная трудовая миграция в Центральной Азии в начале XXI века (на примере Республики Казахстан). — М.: Восточная книга, 2013.
14. *Сыроежкин К. Л.* Экспертное интервью автора с докт. полит. наук, гл. научн. сотрудником КИСИ. — Алматы, март и июнь, 2014.
15. *Черных И. А.* Экспертное интервью автора с докт. истор. наук, гл. научн. сотрудником КИСИ. — Алматы, март, 2014.
16. Liter.kz, 2009. Казахстанская перепись населения: кража денег и сомнительные результаты. URL: <http://web.archive.org/web/20090630163636/http://www.russians.kz/opinion/993887-kazakhstanskaja-perepis-naselenija-krazha-deneg-i.html> (дата доступа: 18.06.2017).
17. Tengrinews.kz. Сколько казахстанцев покинуло страну в 2016 году. URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/skolko-kazahstantsev-pokinulo-stranu-v-2016-godu-313188/ 28.02.2017 (дата доступа: 20.03.2017).
1. *Zakon RK «O migracii naselenija»*. 2011. Zakon ot 22 ijulja 2011 goda № 477-IV «O migracii naselenija» (s izm. i dop.). URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000477> (дата доступа: 5 июня 2017).

2. *Abylkasymova M.* Politika privlechenija v stranu jetnicheskikh kazahov pozvolila uluchshit' demograficheskiju situaciju i uvelichit' chislennost' naselenija strany — Madina Abylkasymova. 12 nojabrja 2014. URL: http://economy.gov.kz/ru/press-sluzhba/detail.php?ELEMENT_ID=59537&sphrase_id=7835076 (data dostupa: 3 aprolja 2016).
3. Agentstvo RK po statistike. Perepis' naselenija 2009 goda. — Astana, 2010. URL: <http://www.stat.gov.kz> (data dostupa: 25 avgusta 2015).
4. Goskomitet RK po statistike i analizu. Ob osnovnyh pokazateljah Vsesojuznyh perepisej naselenija 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg. — Almaty, 1991.
5. *Dederer A.* Jekspertnoe interv'ju avtora s rukovoditelem AOONK, fevral' 2012.
6. *Zajonchkovskaja Zh.* Migracija v transformirujushhemsja obshhestve: Annotirovannyj bibliograficheskij ukazatel' literatury, izdannoj v stranah SNG v 1992—1999 gg. — M.: Kompleks Progress, 2000.
7. KIPR. Kazahstanskij institut politicheskikh reshenij. Sociologicheskoe issledovanie, razdel «Potencial vnutrennej i vneshnej migracii». Maj 2010.
8. MVD RF. Statisticheskie svedenija po migracionnoj situacii v Rossijskoj Federacii za 12 mesjacev 2016 goda. URL: chrome-extension://ilhpdfjlmhfdgdbefpinebijmhjipn/https://xn--b1aew.xn--plai/upload/site1/document_news/009/359/228/stat_2016.pdf (data dostupa: 19 marta 2017).
9. MNJe RK, 2016. Ministerstvo nacional'noj jekonomiki RK, Komitet po statistike. Arhiv po migracii naselenija Respubliki Kazahstan za 2013, 2014 i 2015 gg. URL: <http://www.stat.gov.kz> (data dostupa: 5 aprolja 2016).
10. MNJe RK, 2016b. Komitet po statistike. Chislennost' naselenija Respubliki Kazahstan po otdel'nym jetnosam na nachalo 2016 goda. URL: <http://www.stat.gov.kz> (data dostupa: 5 aprolja 2016).
11. MNJe RK, 2017. Komitet po statistike. Dinamika osnovnyh social'no-jekonomicheskikh pokazatelej. URL: http://www.stat.gov.kz/faces/homePage/homeDinamika.pokazately?_afLoop=407371902775051#%40%3F_afLoop%3D407371902775051%26_adf.ctrl-state%3D2vb7usjmx_17 Razmeshheno 26 aprolja 2017 (data dostupa: 5 ijunja 2017).
12. MTSZ RK, 2017. Ministerstvo truda i social'noj zashhity RK. Raz#jasnitel'nye materialy v sfere migracii naselenija. URL: <http://www.enbek.gov.kz/ru/node/344761> Razmeshheno 7 ijunja, izmeneno 8 ijunja 2017 g. (Dostup 18 ijunja 2017).
13. *Sadovskaja E. Ju.* Mezhdunarodnaja trudovaja migracija v Central'noj Azii v nachale XXI veka (na primere Respubliki Kazahstan). — M.: Vostochnaja kniga, 2013.
14. *Syroezhkin K. L.* Jekspertnoe interv'ju avtora s dokt. polit. nauk, gl. nauchn. sotrudnikom KISI. — Almaty, mart i ijun', 2014.
15. *Chernyh I. A.* Jekspertnoe interv'ju avtora s dokt. istor. nauk, gl. nauchn. sotrudnikom KISI. — Almaty, mart, 2014.
16. Liter.kz, 2009. Kazahstanskaja perepis' naselenija: krazha deneg i somnitel'nye rezul'taty. URL: <http://web.archive.org/web/20090630163636/http://www.russians.kz/opinion/993887-kazahstanskaja-perepis-naselenija-krazha-deneg-i.html> (data dostupa: 18 ijunja 2017).
17. Tengrinews.kz. Skol'ko kazahstancev pokinulo stranu v 2016 godu. URL: https://tengrinews.kz/kazahstan_news/skolko-kazahstantsev-pokinulo-stranu-v-2016-godu-313188/ 28.02.2017 (data dostupa: 20 marta 2017).

Тарасова Е. В.,
канд. истор. наук,
доцент кафедры документоведения,
архивоведения и исторической информатики
Алтайский государственный университет
(Барнаул, Россия)

Тарасова Н. В.,
социолог
КГБУЗ «Медицинский центр —
управляющая компания
Алтайского медицинского кластера»
(Барнаул, Россия)

Межмуниципальные миграционные связи в Алтайском крае

Аннотация

Предметом анализа является миграционный обмен между муниципальными образованиями Алтайского края. Источниковую базу исследования составили данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай о внутрирегиональной миграции населения по территориям прибытия и выбытия.

Муниципальные образования Алтайского края имеют неоднородные результаты миграционных процессов, что обусловлено множеством факторов: географическое положение, состав населения, развитость инфраструктуры, текущая социально-экономическая ситуация и связанная с ней динамика индивидуальных потребностей. Наиболее многочисленной является группа территорий, для которой характерна миграционная убыль за счет превышения миграционной убыли во внутрирегиональной и межрегиональной миграции над миграционным приростом в международном обмене. В нее вошли более трети муниципальных образований региона.

Миграционная активность населения Алтайского края во внутрирегиональных перемещениях уменьшается. Для процессов внутрирегиональной миграции в рассматриваемый период характерно снижение миграционных потерь сельских поселений в обмене с городами.

Муниципальные образования Алтайского края в значительной степени дифференцируются по доле внутрикраевой миграции в структуре прибытия и выбытия. В число территорий с повышенной долей внутрикраевых мигрантов в числе прибывших и выбывших входят преимущественно муниципальные районы, а не городские округа, что свидетельствует о большей значимости внутрирегиональной миграции для сельских территорий. Преобладают «соседские» миграции.

Межмуниципальная миграция существенно влияет на численность и возрастно-половой состав населения территорий Алтайского края, обостряя их экономико-демографическое неравенство. Анализ характера и устойчивости связей между внутрирегиональной миграцией и показателями социально-экономического развития муниципальных образований имеет большую научную и практическую значимость.

Ключевые слова: миграция, муниципальные образования, Алтайский край
JEL коды: R23, R58

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 15-02-00367 «Внутрирегиональная миграция как фактор социально-экономической дифференциации муниципальных образований Алтайского края».

*Tarasova E. V.,
candidate of Historical Sciences,
associate professor,
department of document science,
archival science and historical informatics
Altai State University
(Barnaul, Russia)*

*Tarasova N. V.,
sociologist
KGBUZ (Regional state budgetary health
care institution) "Medical Center —
Management Company
of the Altai Medical Cluster"
(Barnaul, Russia)*

Inter-municipal migration links in the Altai Krai

Abstract

The subject of the analysis represents the migration exchange between municipalities in the Altai Region. The source base of the research is performed by the data of the Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Region and the Republic of Altai on intraregional migration of the population in the territories of arrival and departure.

Municipalities of the Altai Region have heterogeneous results of migration processes, which is caused by a variety of factors: geographical position, population composition, infrastructure development, current socio-economic situation and connected with it dynamics of individual needs. The most numerous is a group of territories characterized by migration loss due to the excess of migration loss in intraregional and interregional migration over migration growth in international exchange. It includes more than half of the region municipalities.

Migratory activity of the Altai Region population decreases in intraregional movements. In the period under consideration the processes of intraregional migration are characterized by the reduction of the migration losses of rural settlements in exchange with cities.

Municipalities of the Altai Region are largely differentiated by the share of intraregional migration in the structure of arrival and departure. Among the territories with an increased share of intraregional migrants in the number of the arrivals and departures are predominantly municipal, rather than urban districts, what indicates the greater importance of intraregional migration for rural areas. "Neighboring" migrations prevail.

Intermunicipal migration significantly affects the number and age and sex composition of the population in the territories of the Altai Region, exacerbating their economic and demographic inequality. The analysis of the character and stability of the links between

intra-regional migration and socio-economic development indicators of the municipalities has great scientific and practical significance.

Key words: migration, municipalities, Altai Region

JEL codes: R23, R58

В современных условиях, характеризующихся сокращением возможностей привлечения внешних ресурсов и углублением территориальной асимметрии в регионах Российской Федерации, возросла актуальность научного анализа причинно-факторных механизмов социально-экономической дифференциации и разработки механизмов саморазвития муниципальных образований. Приоритет опоры на внутренние ресурсы, малобюджетные и безбюджетные пути решения социально-экономических проблем обусловил рост научного интереса к муниципальным образованиям как объекту анализа и управленческого воздействия.

Смещение центра тяжести реализации социально-экономической политики на муниципальный уровень обнажило недостаточную теоретическую проработанность вопросов анализа внутрирегиональной миграции, отсутствие адекватных методик оценки ее направлений, масштабов и многообразия последствий. Актуальность проблемы обусловлена необходимостью совершенствования научно-методического аппарата оценки и прогнозирования социально-экономического развития муниципальных образований, корректного учета тенденций демографического развития малых территорий при планировании развития сети объектов социальной инфраструктуры и инвестиционных проектов.

Предметом анализа является миграционный обмен между муниципальными образованиями Алтайского края. В рамках данного исследования рассматривались общие характеристики миграционной ситуации в регионе, специфика внутрикраевой миграции, направления и интенсивность миграционных связей городских округов и муниципальных районов региона.

Источниковую базу исследования составили данные Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Хронологические рамки анализа основных характеристик миграционных процессов в Алтайском крае в данной статье ограничены преимущественно 2011–2016 гг., поскольку этот период отличается методическим единством принципов учета миграции. Для анализа направлений и интенсивности миграционных связей между муниципальными образованиями использованы данные по форме РТ2 «Внутрирегиональная миграция населения по территориям прибытия и выбытия» за 2014–2016 гг. Интенсивность миграционных связей между территориями оценивалась на основе значений КИМС, рассчитанных по прибытию и выбытию для всех муниципальных образований Алтайского края за 2014–2016 гг.

Внутрирегиональная миграция, доминирующая в структуре миграционного оборота большинства субъектов Российской Федерации, редко становилась предметом научных исследований. Долгое время приоритет отдавался изучению различных видов международных миграций — вынужденных, трудовых, учебных. Внутренняя миграция населения России оставалась в тени международной проблематики и лишь в последнее время стала занимать заслуженное место. В отечественной науке сложилась ситуация, когда большинство научных исследований и предлагаемых моделей управленческих решений ориентированы на внешне по отношению к субъекту РФ миграции — международные и межрегиональные.

Работы, посвященные миграционному обмену между муниципальными образованиями субъектов РФ, крайне немногочисленны. Анализ миграционной ситуации в отдельных регионах страны с включением внутрирегионального блока представлен в публикациях П. В. Василенко, Е. С. Вакуленко, Н. В. Мкртчяна, Е. Л. Мотрич, Л. А. Молодковец [1; 3; 5; 9]. Значительный интерес для исследователей представляет опыт осуществленного Е. С. Вакуленко, Н. В. Мкртчяном и К. К. Фурмановым моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований [2].

Особую группу исследований представляют работы, направленные на оценку различных аспектов влияния миграции на социально-экономическое развитие муниципальных образований, а также использование показателей межмуниципальной миграции в комплексном анализе экономического развития территории. Среди них необходимо отметить труды Л. Б. Карачуриной, Н. В. Мкртчяна, И. С. Симаровой [4; 6; 7; 10].

Разнонаправленная динамика демографического развития городов и районов Алтайского края является одним из ведущих факторов углубления неравномерности их социально-экономического развития. Значительную роль в этой ситуации играют внутрирегиональные агломерационные процессы.

Численность населения Алтайского края начала сокращаться с 1995 г. вследствие превышения естественной убыли над миграционным приростом. С 2001 г. в связи с частичным исчерпанием потенциала переселения из стран СНГ миграционный прирост принял отрицательное значение, миграция стала одним из компонентов сокращения численности населения региона.

Снижение миграционной активности населения наблюдалось в регионе с 1997 г. В 2009 г. объем миграции достиг минимальных значений, затем последовал его кратковременный подъем и очередное снижение в 2014–2016 гг. Это коснулось как постоянного населения региона, так и мигрантов, зарегистрированных по месту пребывания на длительный срок.

В рассматриваемый период максимальные значения числа выбытий и прибытий зарегистрированы в 2013 г., в последние три года наблюдается их последовательное снижение. Миграционная убыль за 2016 г. несколько превзошла значение 2013 г., что связано с неблагоприятным балансом в международном обмене.

Коэффициент миграционного оборота населения Алтайского края в 2013–2016 гг. демонстрирует последовательное снижение. Наибольшие значения коэффициента миграционного оборота, свидетельствующие о высокой степени включенности населения в миграционные процессы, в 2016 г. отмечались в Алейском, Рубцовском, Егорьевском, Ельцовском и Бурлинском районах. Низкие значения коэффициента миграционного оборота и соответственно невысокая миграционная мобильность населения зафиксированы в Волчихинском, Курьинском, Каменском, Тюменцевском и Поспелихинском районах.

Коэффициент миграционного прироста имел в рассматриваемый период более сложную динамику. Как и абсолютные значения миграционной убыли, он увеличивался до 2013 г., в 2014–2015 гг. зафиксировано его существенное сокращение, а в 2016 г. значение коэффициента миграционной убыли достигло уровня 2013 г. (–2,7 промилле).

По состоянию на 01.01.2017 по рангу коэффициентов миграционного прироста Алтайский край занимал 7-е место среди субъектов Сибирского федерального округа и 52-е место среди субъектов Российской Федерации [12].

Среди территорий Алтайского края максимальные положительные значения коэффициента миграционного прироста в 2016 г. имели Ельцовский район, г. Яровое, Крутихинский, Первомайский районы, г. Белокуриха, г. Алейск. Максимальные отрицательные значения зафиксированы в Заринском, Смоленском, Табунском, Солтонском и Рубцовском районах.

Наибольшие значения коэффициента интенсивности миграции по прибытию зафиксированы в Алейском, Ельцовском и Егорьевском районах, г. Алейске, Солонешенском районе. Минимальные значения показателя наблюдались в Курьинском, Каменском, Волчихинском, Тюменцевском и Хабарском районах.

Максимальные значения коэффициента интенсивности миграции по выбытию в 2016 г. отмечены в Алейском, Рубцовском, Бурлинском, Солтонском и Егорьевском районах. Наименьших значений этот показатель достиг в Волчихинском районе, г. Новоалтайске, г. Бийске, Усть-Калманском и Крутихинском районах.

Большое значение для оценки миграционной ситуации имеет структура миграционного оборота. Анализ удельного веса отдельных направлений миграции показал, что доля внутрорегиональной миграции снизилась за 2011–2016 гг. с 67,7 до 55,1%, при этом доля внешней для края

миграции — межрегиональной и международной — поступательно увеличивается. В рассматриваемый период доля межрегиональной миграции увеличилась с 26,7 до 33,5%, международной — с 5,6 до 11,4% (рис. 1).

Рис. 1. Структура миграционного оборота населения Алтайского края в 2011–2016 гг., %

Необходимо отметить, что выгоды и потери от миграции неравномерно распределяются между городским и сельским населением края. Городские поселения в 2011–2016 гг. имели больший (хоть и сокращающийся) по сравнению с сельскими территориями миграционный прирост в международной миграции, неустойчивый баланс во внутрироссийской миграции и в рассматриваемый период лишь в 2015–2016 гг. столкнулись с общей миграционной убылью. При этом в 2016 г. миграционная убыль городских поселений на 23% превзошла убыль сельских поселений.

Муниципальные образования Алтайского края имеют неоднородные результаты миграционных процессов, что обусловлено множеством факторов: географическое положение, состав населения, развитость инфраструктуры, текущая социально-экономическая ситуация и связанная с ней динамика индивидуальных потребностей.

По итогам 2016 г. лишь 21 территория региона из 69 имела миграционный прирост. Поскольку прирост населения муниципального образования складывается как результат внутрикраевой, межрегиональной и международной миграции, сходные показатели миграционного прироста могут быть следствием различных сочетаний показателей трех направлений миграции. По итогам внутрикраевой и международной ми-

грации муниципальные образования Алтайского края имеют как положительные, так и отрицательные значения миграционного прироста, в то время как в межрегиональных перемещениях большинство территорий несут значительные миграционные потери.

Для типологического анализа демографического развития Федеральная служба государственной статистики делит территории на шесть групп на основе показателей естественного и миграционного прироста и характера изменения численности населения [8; 12]. Применение типологического подхода к анализу особенностей демографического развития муниципальных образований имеет как научную, так и управленческую ценность, поскольку позволяет рассмотреть вклад отдельных территорий в изменение демографического портрета региона, пространственные особенности и долгосрочные тенденции развития народонаселения. По аналогии может быть предложена типология территорий в зависимости от значений и компонентов миграционного прироста (табл. 1).

Таблица 1

**Типология территорий Алтайского края
по показателям миграции в 2016 г.**

Сочетание компонентов миграционного прироста	Число территорий в группе	Перечень муниципальных образований
Территории с положительными значениями миграционного прироста		
Миграционный прирост за счет всех направлений миграции	7	г. Алейск, г. Яровое, Ельцовский, Завьяловский, Крутихинский, Топчихинский и Троицкий районы
Миграционный прирост за счет превышения прироста во внутрирегиональной и межрегиональной миграции над убылью в международном обмене	7	Шелаболихинский район
Миграционный прирост за счет превышения прироста во внутрирегиональном обмене над убылью в межрегиональной и международной миграции	2	Кытмановский и Усть-Калманский районы
Миграционный прирост за счет превышения прироста во внутрирегиональном и международном обмене над убылью в межрегиональной миграции	11	г. Белокуриха, г. Новоалтайск, г. Рубцовск, г. Славгород, Залесовский, Мамонтовский, Зональный, Первомайский, Петропавловский, Ребрихинский и Тальменский районы
Миграционный прирост за счет превышения прироста в межрегиональном и международном обмене над убылью во внутрирегиональной миграции	1	Шипуновский район

Продолжение табл. 1

Сочетание компонентов миграционного прироста	Число территорий в группе	Перечень муниципальных образований
Миграционный прирост за счет превышения прироста в межрегиональном обмене над убылью во внутрирегиональной и международной миграции	0	
Миграционный прирост за счет превышения прироста в международном обмене над убылью во внутрирегиональной и межрегиональной миграции	1	Родинский район
Территории с отрицательными значениями миграционного прироста (убылью)		
Миграционная убыль за счет всех направлений миграции	7	Волчихинский, Каменский, Краснощековский, Рубцовский, Смоленский, Хабарский и Целинный районы
Миграционная убыль за счет превышения миграционной убыли во внутрирегиональной и межрегиональной миграции над миграционным приростом в международном обмене	26	г. Барнаул, Алейский, Баевский, Бийский, Бурлинский, Заринский, Калманский, Ключевский, Косихинский, Кулундинский, Курьинский, Локтевский, Новичихинский, Поспелихинский, Суетский, Советский, Солонешенский, Солтонский, Табунский, Тогульский, Третьяковский, Тюменцевский, Угловский, Хабарский, Чарышский и Немецкий национальный районы
Миграционная убыль за счет превышения миграционной убыли во внутрикраевой миграции над миграционным приростом в межрегиональном и международном обмене	3	Алтайский, Быстроистокский и Красногорский районы
Миграционная убыль за счет превышения миграционной убыли во внутрирегиональной и международной миграции над миграционным приростом в межрегиональном обмене	0	
Миграционная убыль за счет превышения миграционной убыли в межрегиональной и международной миграции над миграционным приростом во внутрирегиональном обмене	2	Егорьевский и Панкрушихинский районы

Сочетание компонентов миграционного прироста	Число территорий в группе	Перечень муниципальных образований
Миграционная убыль за счет превышения миграционной убыли в международном обмене над приростом во внутрирегиональной и межрегиональной миграции	0	
Миграционная убыль за счет превышения убыли в межрегиональном обмене над приростом во внутрирегиональной и международной миграции	7	г. Бийск, Заринск, Благовещенский, Змеиногорский, Михайловский, Павловский и Романовский районы

Наиболее многочисленной является группа территорий, для которой характерна миграционная убыль за счет превышения миграционной убыли во внутрирегиональной и межрегиональной миграции над миграционным приростом в международном обмене. В нее вошли более трети муниципальных образований региона.

Необходимо отметить, что многие муниципальные районы и городские округа Алтайского края имеют неустойчивый тип демографического развития, поэтому в ближайшие годы могут перейти в другие группы территорий по показателям миграции.

Миграционная активность во внутрирегиональных перемещениях заметно уменьшилась, что выразилось в снижении доли этого направления в миграционном обороте с 67,7% в 2011 г. до 55,1% в 2016 г. [8]. Для процессов внутрирегиональной миграции в рассматриваемый период характерно снижение миграционных потерь сельских поселений в обмене с городами (с 6,7 тыс. чел. в 2011 г. до 1,1 тыс. чел. в 2016 г.).

Муниципальные образования Алтайского края в значительной степени дифференцируются по доле внутрикраевой миграции в структуре прибытия и выбытия [11, с. 42–43]. Повышенная доля внутрикраевых мигрантов в числе прибывших (более 70%) характерна для сельского населения 17 муниципальных районов. В число территорий с повышенной долей внутрикраевых мигрантов в числе выбывших вошли 23 муниципальных района и также ни одного городского округа, что свидетельствует о большей значимости внутрирегиональной миграции для сельских территорий.

Внутрикраевая миграция складывается из двух компонентов: миграционного обмена между городскими округами и муниципальными районами (межрайонная миграция) и миграции между населенными пунктами внутри муниципальных районов и городских округов (внутрирайонная миграция).

В группе территорий с высокой (85% и более) долей межрайонной миграции представлены как небольшие городские округа, состоящие

из одного населенного пункта, так и ряд муниципальных районов с низкой внутрирайонной мобильностью (Алтайский, Бийский, Волчихинский, Красногорский, Романовский, Тюменцевский, Хабарский) [11, с. 45].

Для всех территорий региона характерны преимущественно «соседские» миграции.

Межмуниципальная миграция существенно влияет на численность и возрастно-половую структуру населения территорий, обостряя их демографическое неравенство. Неравенство демографических потенциалов выступает, с одной стороны, как следствие неоднородности экономико-географических условий развития локальных социумов, с другой — как фактор, создающий предпосылки для экономического роста либо ограничивающий его возможности. Анализ характера и устойчивости связей между внутрорегиональной миграцией и показателями социально-экономического развития муниципальных образований имеет большую научную и практическую значимость, поскольку обусловленные межмуниципальной миграцией изменения численности, структуры и размещения населения способны существенно повлиять на темпы экономического роста территории, условия реализации долгосрочных проектов и программ, финансовую обеспеченность муниципалитетов.

Литература

1. *Вакуленко Е. С.* Миграционные процессы в городах Центральной России и Сибири // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. В 4 кн. Кн. 3. / отв. ред. Е. Г. Ясин. Кн. 3. — М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 103–112.
2. *Вакуленко Е. С., Мкртчян Н. В., Фурманов К. К.* Опыт моделирования миграционных потоков на уровне регионов и муниципальных образований РФ // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2011. — № 1. — С. 431–450.
3. *Василенко П. В.* Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей // Псковский регионологический журнал. — 2013. — № 15. — С. 83–90.
4. *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Роль миграции в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. — 2016. — № 5. — С. 46–59.
5. *Мкртчян Н. В.* Миграция в Москве и Московской области: региональные и структурные особенности // Региональные исследования. — 2015. — № 3. — С. 107–116.
6. *Мкртчян Н. В.* Миграция молодежи из малых городов России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2017. — С. 225–242.

7. *Мкртчян Н. В.* Пространственные особенности внутрироссийской миграции в постсоветский период // Современные исследования миграции населения. — М.: Экономический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 2015. — С. 94–111.
 8. Миграция населения Алтайского края в 2016 году: стат. бюллетень. — Барнаул, 2017.
 9. *Мотрич Е. Л., Молодковец Л. А.* Трансформация миграционных процессов в Хабаровском крае // Вопросы статистики. — 2015. — № 1. — С. 54–64.
 10. *Симарова И. С.* Миграционный обмен как фактор внутрирегиональной связанности // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 3. — С. 298–301.
 11. *Тарасова Е. В., Ерохин А. В., Сбитнева Н. А.* Внутрирегиональная миграция в Алтайском крае. — Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2015.
 12. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году: стат. бюллетень. — М., 2017.
-
1. *Vakulenko E. S.* Migracionnye processy v gorodah Central'noj Rossii i Sibiri // XIII Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija po problemam razvitiya jekonomiki i obshhestva. V 4 kn. Kn. 3. / otv. red. E. G. Jasin. Kn. 3. — М.: Izdatel'skij dom NIU VShJe, 2012. — С. 103–112.
 2. *Vakulenko E. S., Mkrтчjan N. V., Furmanov K. K.* Opyt modelirovaniya migracionnyh potokov na urovne regionov i municipal'nyh obrazovanij RF // Nauchnye trudy: Institut narodnohozjajstvennogo prognozirovaniya RAN. — 2011. — № 1. — С. 431–450.
 3. *Vasilenko P. V.* Primenenie gravitacionnoj modeli dlja analiza vnutrioblastnyh migracij na primere Novgorodskoj i Pskovskoj oblastej // Pskovskij regionologicheskij zhurnal. — 2013. — № 15. — С. 83–90.
 4. *Karachurina L. B., Mkrтчjan N. V.* Rol' migracij v usilenii kontrastov rasselenija na municipal'nom urovne v Rossii // Izvestija Rossijskoj akademii nauk. Serija geograficheskaja. — 2016. — № 5. — С. 46–59.
 5. *Mkrтчjan N. V.* Migracija v Moskve i Moskovskoj oblasti: regional'nye i strukturnye osobennosti // Regional'nye issledovanija. — 2015. — № 3. — С. 107–116.
 6. *Mkrтчjan N. V.* Migracija molodezhi iz malyh gorodov Rossii // Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny. — 2017. — С. 225–242.
 7. *Mkrтчjan N. V.* Prostranstvennye osobennosti vnutrirossijskoj migracij v post-sovetskij period // Sovremennye issledovanija migracii naselenija. — М.: Jekonomicheskij fakul'tet MGU im. M. V. Lomonosova, 2015. — С. 94–111.
 8. Миграция населения Алтайского края в 2016 году (статистический бюллетень). — Барнаул, 2017.
 9. *Мотрич Е. Л., Молодковец Л. А.* Трансформация миграционных процессов в Хабаровском крае // Вопросы статистики. — 2015. — № 1. — С. 54–64.
 10. *Симарова И. С.* Миграционный обмен как фактор внутрирегиональной связанности // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 3. — С. 298–301.
 11. *Тарасова Е. В., Ерохин А. В., Сбитнева Н. А.* Внутрирегиональная миграция в Алтайском крае. — Барнаул: ИП Колмогоров И. А., 2015.
 12. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2016 году (статистический бюллетень). — М., 2017.

Терентьева М. А.,
канд. экон. наук, научн. сотр.
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
научного центра Уральского отделения РАН
(Сыктывкар, Россия)

Влияние миграции на рынок труда в северных регионах России

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния миграции на рынок труда в северных регионах России. Предметом исследования является рынок труда северных регионов России. Целью исследования стало изучение особенностей и характера влияния социально-экономических факторов на существующий рынок труда. В фокусе внимания — северные регионы с сырьевой направленностью экономики, снижением трудового потенциала населения. На базе статистических данных и некоторых экономических расчетов показывается, что развитие экономики Северов идет по экстенсивному пути. Вследствие чего продолжает усиливаться «ресурсообремененность» Российского Севера. Показано, что снижение темпов заработной платы в будущем приведет к снижению мотивационной составляющей для решения о миграции индивидуумами в северные регионы. Данная статья предназначена для специалистов в области экономики труда.

Ключевые слова: рынок труда, миграция, заработная плата, северный регион
JEL коды: J10, J21

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Демографический и трудовой факторы устойчивого развития северных регионов России» (№ ГР АААА-А16-116021210329-2, 2016–2018 гг.).

Terentyeva M. A.,
Researcher
ISE&EPN
(Syktyvkar, Russia)

The impact of migration on the labour market in the northern regions of Russia

Abstract

The article is devoted to the study of the impact of migration on the labor market in the northern regions of Russia. The subject of the study is the labor market in the northern regions of Russia. The purpose of the study was to study the characteristics and nature of the impact of socio-economic factors on the existing labor market. The northern regions are in the focus of attention, which are characterized by the raw material orientation of the economy, the reduction of the labor potential of the population. Using statistical data and some economic calculations it is shown that the development of the North's economy goes along an extensive path. As a consequence, the "resource-demand" of the Russian North continues to grow. It is shown that a decrease in the wage rates in the future will lead to a decrease in the motivational

component for the decision on migration by individuals to the northern regions. This article is intended for specialists in the field of labor economics.

Key words: labor market, migration, wage, northern regions

JEL codes: J10, J21

Вопрос о влиянии миграции на рынок труда, безусловно, является «наболевшим» для современности. Трудно не заметить это влияние во всем мире в последние десятилетия. В России влияние миграции на рынок труда исследуется демографами и социологами. При этом для демографов в основном представляет интерес трудовая миграция как ресурс замещения убывающего трудоспособного населения [9]. Социологи фокусируют внимание в своих исследованиях на социальной составляющей жизни мигранта в России [11]. Исследования, посвященные влиянию миграции на рынок труда, с экономической точки зрения, представлены в отечественной экономической литературе в гораздо меньшей степени [8].

В России за последние годы возрос исследовательский интерес к внутренним миграциям. В 1990-х гг. в центре внимания находился значительный отток населения из районов Севера. В 2000-х гг. его интенсивность заметно ослабла, и интерес к проблеме миграционного оттока населения Севера иссяк. В последние годы интерес к изучению Севера возрос благодаря Арктике, вновь актуализировались исследования миграции населения в регионах Севера. Север России, несмотря на относительно малочисленное население, имеет огромное значение для стабильности и благополучия страны. Миграционные процессы в регионах Севера могут оказывать и положительное, и отрицательное влияние на рынок труда. Отмечается, что уроженцы Российского Севера обладают большим человеческим капиталом [7]. Все больше с Севера уезжают специалисты высокой квалификации, приезжают менее «образованные» [1]. Все это обуславливает необходимость более глубокого исследования регионов Российского Севера.

Проблемы экономического роста и демографическая ситуация в стране актуализируют проблему возможного дефицита рабочей силы. Потребность в рабочей силе, как известно, определяется соотношением роста производительности труда и ВРП. Если темпы роста ВРП превышают темпы роста производительности труда, то имеет место ситуация экстенсивного экономического роста и увеличения спроса на рабочую силу [2], что и наблюдается в течение последних лет в экономике северных регионов (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика ВРП и производительности труда
на Российском Севере, %**

Показатель	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
ВРП	106,2	108,0	101,8	101,0	101,2	101,2	100,6	100,7	102,6
Производительность*	104,5	107,0	102,9	102,3	100,9	101,6	101,1	101,4	103,8

*Данные по НАО, ХМАО, ЯНАО включены с 2011 г.

При таком типе экономического роста в экономику должны вливаться трудовые ресурсы с низкой квалификацией, спрос на которые обеспечивается мигрантами как из регионов России, так из стран Средней Азии и Закавказья. Основными причинами привлечения мигрантов на Север России является нехватка рабочих по отдельным профессиям и специальностям. Такая ситуация характерна чаще всего для предприятий добывающей промышленности, строительства, которые являются основными видами экономической деятельности на Севере России.

Параллельно с этим Север России значительно теряет население в течение последних десятилетий. Причем происходит отток квалифицированных и экономически активных индивидов [10]. В результате усиливается еще больше «ресурсообремененность» Российского Севера, усложняя «интериоризацию» интенсивного развития.

Приезжающие на Север ориентированы прежде всего на получение высоких заработков, которые обеспечиваются трудоустройством в одной из самых привлекательных для мигрантов отраслей экономики — в добывающем секторе. Условия труда в этой отрасли одни из самых тяжелых, при этом уровень заработной платы здесь достаточно высокий. Данные табл. 2 показывают, что во второй половине 2000-х гг. средняя заработная плата занятых в добывающем секторе была на 70–74% выше, чем средняя по стране.

Таблица 2

**Динамика средней заработной платы в добывающем секторе
среди северных регионов России, руб.**

Показатель	1995	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Средняя заработная плата								
В экономике России	1043,5	4510,6	15 170,6	32 742,5	36 602,7	41 534,4	46 354,8	50 510,5
В добывающем секторе*			25 775,0	54 938,9	63 178,9	71 020,4	75 547,6	82 495,9
Соотношение средней заработной платы в добывающем секторе и в экономике России			1,70	1,68	1,73	1,71	1,63	1,63

*Представлены данные с 2005 г. в связи с переходом на международный классификатор занятий.

Источник: Труд и занятость в России (электронный статистический сборник).

Стоит заметить, что в последние годы темпы роста заработной платы в добыче начинают отставать относительно аналогичного показателя в среднем по стране, и к 2014 г. они составили 63%. Если снижение продолжится и в дальнейшем, то это будет способствовать росту непривлекательности Севера России для мигрантов. Привлекательность Севера

для трудоспособного населения должна обеспечиваться компенсацией за неблагоприятные условия проживания и труда, низкое качество жизни в заработной плате. Ряд исследований [3; 4; 5; 6] свидетельствуют о том, что такие компенсирующие прибавки действительно объясняют различия в региональных заработных платах по стране. Поэтому работники принимают решения о миграции в северные регионы, ожидая получить более высокий трудовой доход. Снижение темпов роста заработной платы показывает, что жизнь на Севере дорожает (рост цен на товары и услуги). Таким образом, индивидуумы при решении о миграции, занятости и проживании в регионах с неблагоприятными условиями жизни все больше будут склоняться к отрицательному варианту.

Литература

1. *Коровкин А. Г.* Макроэкономическая оценка состояния региональных рынков труда в европейской части Российской Арктики // Проблемы прогнозирования. — 2016. — № 1. — С. 74–89.
2. *Коровкин А. Г., Долгова И. Н., Королев И. Б.* Дефицит рабочей силы в экономике России: макроэкономическая оценка // Проблемы прогнозирования. — 2006. — № 4. — С. 34–51.
3. *Коровкин А. Г., Подорванова Ю. А., Долгова И. Н.* Взаимосвязь номинальной заработной платы и безработицы: региональные особенности // Проблемы прогнозирования. — 2003. — № 6. — С. 78–93.
4. *Крюков В. А.* Арктическая экономика — в основе социально-экономическая отдача // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Supplement. — 2015. — Т. 8. — С. 21–43.
5. *Крюков В. А.* Сибирь — между центром и человеком? // ЭКО. — 2013. — № 1 (463). — С. 2–4.
6. *Крюков В. А.* Экономика пространства не приемлет пространную экономику // ЭКО. — 2015. — № 7 (493). — С. 2–4.
7. *Кузнецова С. А.* Исследование жизненных стратегий населения региона в современной социально-экономической ситуации // Вестник Северо-Восточного государственного университета. — № 13. Спецвыпуск. — Магадан: Изд-во СВГУ, 2010. — С. 14–18.
8. *Локшин М. М., Чернина Е. М.* Мигранты на российском рынке труда: портрет и заработная плата // Экономический журнал ВШЭ. — 2013. — № 1. — Т. 17. — С. 42–43.
9. Население России-2009: Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский. — М.: НИУ ВШЭ, 2011.
10. *Паникар М. М., Шапаров А. Е.* Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // Вестник северного (Арктического) федерального университета. — 2016. — № 6. — С. 33–44.
11. *Abdulloev I., Gang I., Landon-Lane J.* Migration as a Substitute for Informal Activities: Evidence from Tajikistan // CReAM Discussion Paper Series. — 2011. — № 1124.

1. *Korovkin A. G.* Makrojekonomicheskaja ocenka sostojanija regional'nyh rynkov truda v evropejskoj chasti Rossijskoj Arktiki // Problemy prognozirovaniya. — 2016. — № 1. — S. 74–89.
2. *Korovkin A. G., Dolgova I. N., Korolev I. B.* Deficit rabochej sily v jekonomike Rossii: makrojekonomicheskaja ocenka // Problemy prognozirovaniya. — 2006. — № 4. — S. 34–51.
3. *Korovkin A. G., Podorvanova Ju. A., Dolgova I. N.* Vzaimosvjaz' nominal'noj zarabotnoj platy i bezraboticy: regional'nye osobennosti // Problemy prognozirovaniya. — 2003. — № 6. — S. 78–93.
4. *Krjukov V. A.* Arkticheskaja jekonomika — v osnove social'no-jekonomicheskaja ot-dacha // Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Supplement. — 2015. — T. 8. — S. 21–43.
5. *Krjukov V. A.* Sibir' — mezhdru centrom i chelovekom? // JeKO. — 2013. — № 1 (463). — S. 2–4.
6. *Krjukov V. A.* Jekonomika prostranstva ne priemlet prostrannuju jekonomiku // JeKO. — 2015. — № 7 (493). — S. 2–4.
7. *Kuznecova S. A.* Issledovanie zhiznennyh strategij naselenija regiona v sovremennoj social'no-jekonomicheskoi situacii // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. — № 13. Specvypusk. — Magadan: Izd-vo SVGU, 2010. — S. 14–18.
8. *Lokshin M. M., Chernina E. M.* Migranty na rossijskom rynke truda: portret i zarabotnaja plata // Jekonomicheskij zhurnal VShJe. — 2013. — № 1. — T. 17. — S. 42–43.
9. Naselenie Rossii-2009: Semnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad / otv. red. A. G. Vishnevskij. — M.: NIU VShJe, 2011.
10. *Panikar M. M., Shaparov A. E.* Imperativy sovremennoj gosudarstvennoj politiki stran Arkticheskogo regiona po osvoeniju territorij Krajnego Severa // Vestnik severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. — 2016. — № 6. — S. 33–44.

*Тихонова Л. Е.,
д-р экон. наук, профессор,
профессор кафедры международного
менеджмента экономического факультета
Белорусский государственный университет
(Минск, Республика Беларусь)*

*Масленкова Е. В.,
старший преподаватель кафедры маркетинга
Международный университет «МИТСО»
(Минск, Республика Беларусь)*

Социально-демографический профиль трудовой миграции в Республике Беларусь

Ключевые слова: Беларусь, трудовая миграция

JEL код: J10

Socio-demographic profile of labour migration in the Republic of Belarus

Важнейшей характеристикой внешней трудовой миграции является социально-демографический портрет трудовых мигрантов. Его можно составить на основе данных трудовых договоров, зарегистрированных в подразделениях по гражданству и миграции, по таким критериям, как пол и возраст трудящегося-эмигранта, место жительства, страна выезда, род деятельности и срок действия трудовых договоров [2]. Более подробную информацию по социально-демографическому профилю трудовой миграции можно получить, анализируя результаты трех квартальных выборочных обследований домашних хозяйств, проведенных Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь в 2015 г. [1]. Изучив и обобщив эти данные, можно сделать следующие выводы.

Основная доля (91,3%) всех выезжающих на работу за рубеж трудовых мигрантов — это мужчины трудоспособного возраста. В основном выезжают за границу лица в возрасте 20–49 лет (86%), т. е. представители наиболее экономически активных возрастных групп. При этом, как показал наш анализ, почти каждый пятый трудящийся-мигрант (21,8%) — в возрасте 25–39 лет. В целом средний возраст трудовых мигрантов 35,5 года, в то время как средний возраст всего занятого населения республики — 40,3 года.

У лиц, не имеющих высшего образования, больше возможностей найти работу за рубежом, в то время как лица с высшим образованием и высокой квалификацией менее заинтересованы в работе за границей из-за лучших возможностей трудоустройства в своей республике. По данным обследования, большинство трудящихся-эмигрантов имеют профессионально-техническое образование (47,3% общей численности внешних трудовых мигрантов), 21,7% — базовое и общее среднее образование и только 13,7% — высшее.

Поток трудовых мигрантов из Беларуси имеет четкую направленность — это в основном близлежащие страны, имеющие более хорошие условия оплаты труда: Россия, Казахстан и Литва. Из стран дальнего зарубежья — Норвегия, Польша, США, Объединенные Арабские Эмираты, Финляндия.

Численность внешних трудовых мигрантов по видам экономической деятельности варьируется в зависимости от пола и страны пребывания. Так, мужчины в основном заняты в строительстве (69,5%), женщины — в торговле (24,7%). В России белорусы трудоустраиваются

в строительстве (70,5% от общей численности работающих там мигрантов), в то время как в Литве и Польше — на транспорте (соответственно 94,1 и 54,3%). На международном рынке труда в большей степени востребованы работники из Беларуси рабочих специальностей (73,3%), рабочие сферы обслуживания и торговли (20,7%), работники, занятые в сельском хозяйстве (4,9%), квалифицированные рабочие и специалисты (0,7%). На руководящие должности за рубежом в 2016 г. выехало всего 20 чел. — 0,3% всех выехавших из страны с целью трудоустройства на основе подписанных договоров и контрактов. Более половины (56,5%) краткосрочных мигрантов работали за рубежом в соответствии со своей квалификацией, а 40,2% — имели работу ниже своей квалификации или не по специальности.

По данным выборочного обследования Национального статистического комитета Республики Беларусь, среднемесячный заработок одного трудящегося-мигранта составил 858,7 долл. США. Более половины (52,8%) мигрантов, которые сообщили о своем доходе, в среднем получали от 501 до 1000 долл. США. Самый высокий доход имели мигранты, работающие в США, наименьший — в Литве. По видам экономической деятельности лидируют работники промышленности и строительства. Наименьшие средние доходы имели работающие в сельском хозяйстве и образовании. Часть заработанных денег трудовые мигранты тратят в стране пребывания на ежедневные нужды, остальное привозят на родину. Подавляющее большинство (88,2%) предпочитает лично привозить деньги, 7,2% пользуется услугами банковских счетов и быстрых денежных переводов, 3,9% передают деньги через друзей, родственников или курьеров.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно составить обобщенный миграционный профиль белорусского трудящегося-эмигранта. Это молодой мужчина, занятый преимущественно физическим трудом, имеющий профессионально-техническое образование, выезжающий в краткосрочные трудовые поездки в страны ближнего зарубежья, желающий заработать или получить новую профессию и навыки, увидеть мир и готовый вернуться в свою страну при условии наличия на родине подходящего ему по условиям и оплате труда рабочего места.

Литература

1. Внешняя трудовая миграция Республики Беларусь. 2015 г.: стат. бюллетень. — Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2016.
2. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=16721>
1. Vneshnjaja trudovaja migracija Respubliki Belarus'. 2015 g.: stat. bjulleten'. — Minsk: Nacional'nyj statisticheskiy komitet Respubliki Belarus', 2016.

Чудиновских О. С.,
канд. экон. наук,
и.о. зав. лабораторией экономики народонаселения
и демографии экономического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Есть ли прогресс в российской статистике миграции?

Ключевые слова: статистика миграции, Российская Федерация
JEL код: J10

Chudinovskih O. S.

Is there progress in Russian migration statistics?

Вопросы наличия и качества статистических данных по миграции в России не теряют своей актуальности на протяжении как минимум 25 лет после распада Союза. В начале этого периода стоял вопрос выработки новых подходов к учету миграции, которая из внутренней стала международной, к регистрации не существовавших ранее явлений (вынужденной и трудовой миграции) и пр. В 1990-х гг. появились новые формы административного учета мигрантов, при проведении микропереписи населения 1994 г. Росстат впервые применил расширенный вопросник о причинах переезда, увеличился набор переменных, собираемых в рамках текущего учета миграционных потоков. Тем не менее в начале 2000-х гг. разнообразие статистики миграции и ее доступность оставляли желать лучшего. Прорыв в этой области начался в конце первого десятилетия XXI в. С развитием информационных технологий также стали развиваться новые формы сбора, хранения и обработки информации о мигрантах, изменилась государственная позиция к открытости данных, постепенно все новые источники и виды статистики стали доступны пользователям. Федеральная миграционная служба начала развивать Центральный банк данных по учету иностранных граждан, приступила к созданию других автоматизированных систем учета населения. Росстат обеспечил доступ к базе данных всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг., Микропереписи 2015 г., Обследования рабочей силы.

Для понимания того, в каком состоянии сейчас находится сфера миграционной статистики в России, и оценки ее перспектив необходимо рассмотреть ситуацию с двух точек зрения — во-первых, наличия статистики по основным видам миграции и связанных с миграцией явлений и, во-вторых, использования потенциала разных источников данных. Эти вопросы в докладе будет уделено основное внимание.

Для описания миграционной ситуации в стране требуется не так уж и много видов данных. Нам необходимо знать объемы и структуру пото-

ков международной и внутренней миграции на постоянное жительство, численность и состав иностранного населения и населения, родившегося в других странах. Для изучения трудовой миграции нужна информация о потоках и численности трудовых мигрантов с выделением их базовых характеристик, образовательную миграцию позволяют оценить данные о численности (а также приеме и выпуске) иностранных студентов в учебных заведениях страны. Вынужденная миграция (которая может быть значительной или затухать до мизерных значений) также должна быть отражена в статистике. Можно сказать, что эта информация в России имеется и в целом доступна. Но для анализа и понимания более тонких аспектов миграции требуются данные другого порядка. Нужна информация о положении мигрантов и их потомков на национальном рынке труда, в сфере получения образования, об их демографическом поведении, экономическом положении и т. д. Причем важно использовать широкие определения мигрантов и относить к ним не только иностранцев (имеющих разные статусы), но и лиц, получивших гражданство России.

Все эти сведения можно было бы получить из регистра населения, если бы таковой имелся в Российской Федерации. Но нашим пользователям приходится лавировать между несколькими источниками, пытаясь выбрать информацию, наиболее подходящую для целей исследования. В России основными источниками статистики миграции являются административные источники, переписи населения и (в некоторой степени) обследования домашних хозяйств.

В эру развития информационных технологий значение административных источников возрастает. После реформы миграционной службы и придания ей статуса самостоятельного ведомства (2004–2016) началось динамичное развитие административной статистики миграции. В сферу ответственности ФМС входил учет всех форм территориального движения иностранных граждан в России, изменения их статуса (получения вида на жительство, разрешения на временное проживание), допуск к российскому рынку труда, вопросы гражданства. Кроме того, ФМС отвечала за регистрационный учет граждан России. К середине второго десятилетия XXI в. ФМС стала главным производителем административной статистики миграции в России, намного опередив большинство стран СНГ в этой области. Несмотря на отсутствие как такового регистра населения, у Службы имелась возможность разрабатывать достаточно разнообразную статистику миграции и смежных с ней явлений, были созданы формы агрегированной ведомственной отчетности 1 и 2 РД, стало возможным по запросу получать сведения о половозрастном и профессиональном составе временных и долгосрочных мигрантов — иностранных граждан. Началась работа по внедрению программного обеспечения, способного полностью автоматизировать регистрационный учет граждан

России. Это позволило бы решить проблему передачи в Росстат первичной информации о потоках мигрантов в электронном виде. Несмотря на недостатки, присущие всем новым системам учета населения, ресурсы ФМС России имели отличный потенциал. У российских (и не только) пользователей появился шанс в ближайшем будущем получить статистику, отвечающую стандартам, применяемым в лучших зарубежных практиках. Но этого не произошло. Передача весной 2016 г. функций ФМС Министерству внутренних дел оказала негативное влияние на состояние и перспективы этих ресурсов. Помимо проблемы замены компетентных кадров новым составом из числа сотрудников МВД, не знакомых с принципами ведения статистической отчетности и не слишком вникающих в смысл административной статистики, возникла проблема сохранения накопленного потенциала информационных систем ФМС. К настоящему времени стало ясно, что они не только не получили развития, но, напротив, ряд проектов остался незавершенным, а имеющимся системам грозит перспектива упрощения, что существенно обеднит хранящуюся в них информацию. По оценке специалистов нового миграционного ведомства, современное состояние в сфере автоматизации систем учета мигрантов и производства статистики вернулось на уровень 2009 г. Усложнился процесс получения данных даже по официальному запросу. Надежды Росстата на перевод текущего учета миграции в электронный формат остаются призрачными, поскольку новое миграционное ведомство пока не может обеспечить необходимый формат данных и разнообразие переменных.

Сохраняются проблемы и в области ресурсов Федеральной службы государственной статистики. Основная претензия к материалам переписи — недоохват части населения с миграционными характеристиками (большое число не ответивших на вопросы о месте рождения, гражданстве, этнической принадлежности). Во всех прочих аспектах переписи как 2002, так и 2010 г. собрали достаточно интересную информацию, а их программы соответствовали международным стандартам. Этого нельзя сказать о выборочных обследованиях, ресурсы которых явно недоиспользуются для сбора сведений о миграции. Отсутствие в анкете Обследования рабочей силы вопросов о месте рождения, времени переезда и получения гражданства, усеченный вопрос о гражданской принадлежности (Россия / другие страны), не позволяют проводить полноценное изучение интеграции мигрантов и их экономического поведения.

Таким образом, текущее состояние статистики миграции в нашей стране характеризуется, скорее, застойными явлениями, нежели признаками прогресса. В заключительной части доклада будут предложены основные рекомендации по улучшению положения дел и сформулированы необходимые для этого условия.

*Шамурзаева А. С.,
канд. экон. наук, преподаватель
МУАА
(Бишкек, Кыргызская Республика)*

Население, урбанизация и миграция в Кыргызской Республике

Ключевые слова: урбанизация, миграция, Кыргызская Республика
JEL код: J10

Shamurzaeva A. S.

Population, urbanization and migration in the Kyrgyz Republic

Введение

В современном Кыргызстане миграция населения была вызвана причинами и факторами, анализу которых посвящено довольно много исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, что неудивительно, учитывая довольно внушительные масштабы как внешней, так и внутренней миграции, наблюдавшиеся в Кыргызстане с начала 1990-х гг., но немало пошедшие на убыль в последние годы. Миграционная активность населения оказала значительное влияние на параметры демографического, социально-экономического развития регионов. Одной из задач настоящей статьи является поиск ответа на вопрос: усиливает или смягчает миграция населения неравенство в развитии регионов Кыргызстана?

Особенностью данной статьи является использование полного массива данных, имеющихся на данный момент, анализ миграции населения за период с 1960 по 2015 г., а также изучение миграционных процессов во взаимосвязи с демографическими, социально-экономическими, урбанистическими аспектами.

Методология исследования

В основе настоящего исследования лежит применение статистического и исторического подходов, позволяющих провести анализ динамических изменений в структуре и уровне миграции населения, а также осуществить межстрановые, межобластные сопоставления демографических и других релевантных для настоящего исследования показателей.

Настоящая статья подчинена определенной логике и последовательности изложения материала, что позволяет в полной мере выполнить поставленную исследовательскую задачу. Статья начинается с исследова-

ния динамики роста численности населения и факторов, определяющих его прирост. Основной задачей в данном случае является выявление роли миграции в обеспечении роста/убыли населения в разные временные промежутки развития Кыргызской Республики с 1960 по 2015 г. Следующим шагом в нашем исследовании явилось изучение процессов урбанизации в Кыргызстане и влияние на них миграции населения, как внутренней, так и внешней. Мы выяснили, что в течение рассматриваемого периода изменились как количество городов, так и численность городского населения, однако тем не менее в 2015 г. по сравнению с 1960 г. доля городского населения в Кыргызской Республике значительных изменений не претерпела. Заканчивается статья изучением профиля мигрантов и направлений миграционных потоков в Кыргызстане. Ввиду доступности в большей степени данных о населении, сменившем постоянное место жительства, мы в своем анализе в меньшей степени затронули миграцию трудовую. Данные о последней были собраны только во второй национальной переписи населения в 2009 г., поэтому проследить изменения в динамике трудовой миграции населения не представляется возможным, учитывая отсутствие такой информации и в ежегодных статистических сборниках. Таким образом, мы полагаем, что изучению трудовой миграции, не только внешней, но и внутренней, а также ее влияния на социально-экономические показатели следует уделить большее внимание в последующем. Наше исследование подтвердило гипотезу многих ученых о наличии «женского лица» у миграции, однако в основе данного явления лежат не только проблемы экономического характера, но и семейные обстоятельства, в частности замужество, вынуждающее девушку последовать за мужем. Утверждать и доказать нашу гипотезу мы не можем ввиду отсутствия данных: ни в одной переписи населения в модуле «Миграция» не содержится информация о причинах смены места жительства. Гендерные аспекты миграции населения, по нашему мнению, заслуживают более глубокого всестороннего изучения, но они выходят за рамки настоящей статьи. Таким образом, имеющиеся макроданные позволяют проследить только самые общие тенденции, однако они не позволяют понять причины и внутренние мотивы, лежащие в основе принятия решения о смене места жительства.

Данные для исследования

В настоящем исследовании были использованы данные всесоюзной переписи населения 1989 г., первой национальной переписи 1999 г. и второй национальной переписи 2009 г. В отличие от данных текущей статистики по миграции, переписи населения позволяют получить наиболее полную картину миграционных потоков за 30 лет, однако обратим внимание на возможность существования погрешности, связанной с не-

совпадением даты переписи. В отличие от национальных переписей 1999 и 2009 гг., состоявшихся в марте, перепись 1989 г. проводилась в январе. Благодаря опубликованию данных всесоюзной переписи 1989 г. у нас была уникальная возможность оценить масштабы и влияние миграции на демографическую ситуацию в Кыргызстане до и после обретения независимости. Тем не менее мы полагаем, что в целом они позволяют выявить определенные закономерности в миграционных процессах, как внешних, так и внутренних. Допускаем также возможность влияния на точность и достоверность данных переписи и других факторов, но ввиду отсутствия альтернативных источников информации мы полагаемся на официальные статистические публикации. Обращаем внимание и на периодичность такого масштабного исследования — оно проводится только раз в 10 лет, таким образом, следующая должна проводиться не раньше 2020 г.

Для решения этой проблемы мы в своем исследовании также прибежали к изучению данных текущей статистики, опубликованных в статистических, демографических ежегодниках, а также размещенных на официальном сайте Национального статистического комитета Кыргызской Республики. Однако в отличие от переписи указанные источники дают фрагментарную и неполную информацию о масштабах и характере миграции населения в Кыргызстане, что не позволяет провести более детальный и глубокий анализ текущей миграционной ситуации. В частности, мы не в состоянии провести детальный анализ и мониторинг межобластной миграции. В силу наличия у различных источников информации как преимуществ, так и недостатков мы в нашем исследовании стремились использовать все имеющиеся официальные ресурсы для повышения надежности результатов настоящего исследования. В частности, мы, как и наши коллеги-исследователи, выявили некое несоответствие между данными переписи и данными текущей статистики по показателям естественного прироста, миграционного прироста и общего прироста численности постоянного населения, о чем будет более подробно сказано в последующих разделах настоящей статьи. Стоит отметить, что в таких случаях Национальный статистический комитет проводит корректировки показателей, полагаясь в большей степени на данные переписи (осуществляется перерасчет показателей на основе данных последней переписи 2009 г.). Мы не можем вменить наличие отклонений только в вину статистического ведомства, поскольку они связаны с несвоевременной регистрацией и некорректным учетом тех или иных демографических явлений — смены места жительства, рождения, смерти и т. д. Однако в последние годы таких несоответствий выявлено не было.

Кроме данных Национального статистического комитета, была использована база данных Всемирного банка, содержащая демографические и другие показатели с 1960 г. и позволяющая таким образом охватить исследованием временной отрезок в более чем 50 лет. Однако в его

ходе мы с удивлением отметили некоторое расхождение между данными Всемирного банка и Национального статистического комитета. В случае обнаружения таковых мы делали выбор в пользу данных официального статистического ведомства республики. Несмотря на это, мы считаем, что база данных Всемирного банка позволила выявить общие тренды основных показателей, в том числе доли городского населения, численности постоянного населения, коэффициентов рождаемости и смертности и многих других.

Динамика численности населения

В современном Кыргызстане миграция населения была вызвана причинами и факторами, анализу которых посвящено довольно много исследований как отечественных, так и зарубежных ученых, что неудивительно, учитывая довольно внушительные масштабы внешней и внутренней миграции. Миграционная активность населения оказала значительное влияние на параметры демографического, социально-экономического развития страны в целом и ее отдельных регионов. Задачей настоящего исследования является изучение воздействия внешней миграции на темпы роста численности населения в Кыргызстане.

Население Кыргызской Республики отличается довольно высокими темпами роста, так, к примеру, если в 1960 г. его численность составляла порядка 2 млн чел., то к 2016 г. она выросла до 6 млн, т. е. в 3 раза. Однако рост численности населения в Кыргызстане нельзя объяснить только высокой рождаемостью, которая действительно свойственна народам Центральной Азии. В отдельные периоды высокие темпы прироста населения объяснялись так называемыми волнами иммиграции, благодаря которым страна стала этнически пестрой, многонациональной. Сегодня Кыргызстан населяют представители многих народностей, которые обосновались на его территории в разные периоды развития, поэтому при изучении численности и структуры населения полезно распределить их на следующие группы:

- 1) народы, которые традиционно проживали в Киргизии и на более обширной территории бывшего Туркестана: кыргызы, казахи, узбеки и таджики, а также уйгуры, дунгане и калмыки из китайского Туркестана;
- 2) народы, которые прибыли на волне царской колонизации и переселений в начале Советского периода, а также эвакуированные во время Второй мировой войны с территорий, оккупированных немцами: русские, украинцы, белорусы, немцы, евреи, тюркские и финно-угорские народы (татары, башкиры, чуваша, мордва);
- 3) народы, депортированные в Среднюю Азию до и во время Второй мировой войны с Дальнего Востока и Южного Поволжья,

Каспийского побережья и Кавказа: корейцы, немцы, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, крымские татары, турки-месхетинцы, курды, азербайджанцы, а также и другие этнические группы, депортированные в Среднюю Азию с Закавказья в 1940-е гг. [9, с. 2].

Иммиграция наложила отпечаток на социальное, экономическое и культурное развитие современного общества, определила в некоторой степени специфику развития отдельных регионов и городов. Как отмечает Г. М. Шейшекеева, у иммигрантов были свои предпочтения относительно расселения на территории Кыргызстана — сельская или городская местность, южный или северный регион [8].

Учитывая значительные масштабы, которые были присущи внешней миграции в разные исторические отрезки, именно она, как мы полагаем, обуславливала резкие подъемы и спады в динамике численности населения Кыргызстана. Изучение влияния миграции на демографические показатели Кыргызской Республики мы начнем с детального анализа динамики численности и темпов роста населения с 1960 по 2015 г., которая представлена на рис. 1.

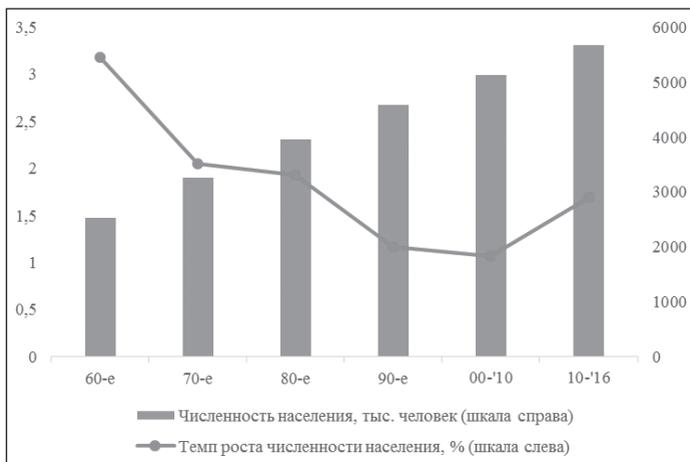

Рис. 1. Динамика численности и темпов прироста населения Кыргызской Республики

Для выявления общей тенденции изменения этих показателей мы рассчитали их средние значения по декадам, хотя, возможно, такое упрощение не совсем корректно. Диаграмма показывает неуклонный рост численности населения, однако его темпы не отличаются стабильностью; график имеет U-образный вид. Как мы можем заметить, с 1970-х по 1990-е гг. наблюдается отрицательная динамика темпов роста: если

в 1960-х гг. население республики увеличивалось в среднем на 3,2%, то к 1990-м гг. темп прироста снизился до 1%. Только в последние десятилетия, начиная с 2000 г. картина стала меняться. Причем с научной точки зрения у нас вызывает большой интерес резкий спад темпов роста населения в 1970-е и 1990-е гг.

Мы предлагаем условно выделить в развитии Кыргызстана три основных периода:

- 1) 1960-е гг.;
- 2) 1970-е гг. — 2000 г.;
- 3) 2000 г. и до настоящего времени.

Рост численности населения в Кыргызской Республике в разные периоды можно объяснить разными факторами, изменениями в показателе естественного прироста — количества родившихся или умерших, или миграционного прироста — количества прибывших или выбывших. Сразу отметим, что один из исследуемых демографических показателей за весь рассматриваемый период неуклонно падал, а именно коэффициент смертности населения. Благодаря повышению уровня жизни и развитию национальной системы здравоохранения он постоянно сокращался, даже в сложные для населения 1980—1990-е гг. Таким образом, изменения в динамике численности населения можно объяснить колебаниями в индикаторах миграционного прироста или коэффициента рождаемости (табл. 1).

Таблица 1

**Внешняя миграция в Кыргызской Республике
за период с 1961 по 2015 г. (тыс. чел.)**

Показатели	1961—1970	1971—1980	1981—1990	1991—2000	1999—2009	2010—2015
Иммигранты	787,2	628,7	526,7	177,5	49,4	27,6
Эмигранты	602,9	660,9	622,5	535,6	348,3	144,3
Миграционный баланс	184,2	−32,2	−95,8	−358,2	−298,9	−116,7
	1959—1970	1970—1979	1979—1989	1989—1999	1999—2009	2009—2016
Абсолютный прирост наличного населения	867	596	761,5	560,2	257	656,7

1. 1960-е гг. Это период невиданного экономического подъема Кыргызской Республики, в стране развернута масштабная индустриализация, активно развиваются тяжелая промышленность, электроэнергетика, машиностроение, металлообработка. Свое развитие получили транспортная и социальная инфраструктура, туризм и сельское хозяйство. Как справедливо отметил М. Шулер и его коллеги, «60-е гг. были периодом быстрого экономического и социального развития и самого высокого

прироста населения в течении всего XX в.» [10, с. 102]. Однако заметим, что этот период — последний в истории Кыргызстана, когда наблюдалось положительное миграционное сальдо, но при этом объемы миграционного притока заметно снизились. Если еще в 1958–1962 гг. миграционное сальдо составило 116 тыс. чел., то за 1973–1977 гг. оно сократилось до 18 тыс. чел.

В 1960-х гг. отмечены высокие темпы урбанизации в стране — темпы роста численности городского населения превышают темпы роста численности населения в сельской местности, что также в большой степени связано с миграцией. Иммигранты, как правило, оседали в городах, не жели в сельской местности, поэтому рост населения в городской и сельской местности был вызван разными причинами: в городах — за счет миграции, а в сельской местности — за счет высокой рождаемости, где она всегда была выше, чем в городской.

Вместе с тем в 1960-е гг. отмечается сокращение коэффициента рождаемости. Данный показатель имел тенденцию к снижению вплоть до 2005 г. За период с 1960 по 2005 г. количество детей, приходящихся на одну женщину, сократилось с 5 до 2,5 — в два раза. Таким образом, снижение темпов роста населения в 1960-х гг. можно объяснить как снижением миграционного прироста, так и сокращением рождаемости.

2. 1970-е гг. — 2000 г. 1970–1980-е гг. характеризуются замедлением экономического развития, в 1990-е гг. наблюдался глубочайший трансформационный спад, сопровождавшийся резким ухудшением уровня жизни населения — повышением уровня бедности, сокращением уровня сбережений и т. д. Социально-экономические изменения наложили свой отпечаток на демографические изменения, в частности, в этот период отмечается отрицательное миграционное сальдо. Своего пика миграционная убыль достигла в 1993 г., когда миграционный отток составил 120 тыс. чел.

Характер миграционных процессов в этот период мы бы охарактеризовали как бумеранг — прибывшие в свое время в Кыргызстан как иммигранты представители разных этносов в этот период начинают возвращаться на свою историческую родину, в том числе за пределы Советского Союза. Так, за период с 1981 по 1990 г. страна потеряла больше 95 тыс. своих жителей, а в период с 1991 по 2000 г. она обеднела еще на 358 тыс. чел. (чистый миграционный отток).

Любопытно отметить, что с 1991 по 2000 г. увеличение миграционного оттока произошло не за счет стремительного роста эмиграции, а за счет резкого сокращения иммиграции. Как мы можем заметить, эмиграция из Кыргызстана началась не в 1990-х гг., а гораздо раньше, и только с 1970-х гг. количество выбывших стало превышать количество прибывших, поэтому мы наблюдаем отрицательный миграционный баланс.

Основные потоки внешней миграции были направлены на дальнейшее зарубежье (Германия, Израиль и др.) и Россию. На него приходилось в разные годы от 9 до 64% миграционных потоков, причем большая часть из них шла в направлении Германии. Начиная с 1990 по 2000 г. страну покинули 238 тыс. русских, 32 тыс. украинцев, 27 тыс. узбеков, 23 тыс. татар и 74 тыс. немцев. Одновременно из стран ближнего зарубежья — Казахстана, Таджикистана, Узбекистана — прибывают этнические кыргызы.

Данные процессы в значительной степени повлияли на этническую структуру независимого Кыргызстана. Этнотипы, некогда доминировавшие в структуре населения Кыргызской Республики, заметно уступили другим национальностям. Так, к примеру, по данным переписи и текущей статистики, в период с 1989 по 2015 г. мы можем отметить значительное сокращение численности русских на 60%, немцев на 91%, украинцев на 88%. Доля этих этносов в структуре населения изменилась следующим образом: доля русских упала с 21 до 6%, немцев — с 2 до 0,13%, украинцев — с 2,5 до 0,21%. Одновременно отмечается значительный рост численности на территории Кыргызской Республики узбеков, таджиков и турков. Однако эти процессы проходили по-разному в регионах, поскольку этнотипы расселялись неравномерно по республике: к примеру, узбеки предпочитали обосновываться преимущественно в аграрной южной части страны, тогда как представители славянских народов — русские, белорусы, украинцы — в индустриально развитом северном регионе, особенно в Чуйской области и г. Бишкеке. Поэтому если в южных регионах доминировали наряду с кыргызами узбеки, то в северных областях — в основном русские. Как показывают исследования в рассматриваемый период, узбеки оказались менее склонны к мобильности, поэтому больших движений в численности населения в южных областях мы не наблюдаем, в отличие от той же Чуйской области. Увеличение численности таджиков объясняется их переселением в Кыргызскую Республику во время гражданской войны, продолжавшейся с 1992 по 1997 г. В связи с эмиграцией представителей различных этносов и иммиграцией кыргызов доля титульной нации в структуре населения Кыргызстана в этот период стремительно начала увеличиваться и к 1999 г. достигла 65%.

Анализируя причины миграции в Кыргызстане в начале 1990-х гг., Г. М. Шейшекеева. делает вывод, что на решение мигрировать в первую очередь повлияли «политические факторы, прежде всего распад СССР, сопровождавшийся ростом национального самосознания и обострением межнациональных отношений во всех регионах бывшего Советского Союза. Своего рода стимулятором внешней миграции русскоязычного населения Кыргызстана стал и межэтнический конфликт 1990 г. в г. Ош» [8, с. 210].

Миграционные процессы 1980–1990-е гг. повлияли также на темпы роста численности населения в городской местности. Поскольку некогда прибывшие из союзных республик представители разных народностей, особенно второй группы, устремлялись в города, их массовая эмиграция после распада Советского Союза обусловила резкое сокращение темпов роста численности городского населения, а также их быструю моноэтнизацию. По данным переписи населения 1999 г., в городской местности доля кыргызов с 1989 по 1999 г. увеличилась с 30 до 52%, а в сельской местности — с 66 до 72%.

Однако нельзя не отметить тот факт, что доминирование кыргызов в структуре населения началось задолго до перестройки, но в некоторых областях трансформационный кризис начала 1990-х гг. послужил мощным катализатором (табл. 2). Наименьшие изменения в этнической структуре населения произошли в Нарынской области, что связано с тем, что эта область изначально не являлась зоной притяжения мигрантов — самые большие изменения в этнической структуре этой области произошли еще в советский период. Поэтому дискуссии относительно роли миграции в ее моноэтнизации лишены оснований. Также можем отметить, что практически во всех областях Кыргызстана доля кыргызов в общей численности городского населения в 1989 г. составляла в среднем 40–50%, и только в Чуйской и Ошской областях она была порядка 20%. Таким образом, миграционные процессы 1970–1990-х гг. вызвали изменения как в темпах роста, так и в этнической структуре городского населения, однако они имели разные последствия для регионов Кыргызской Республики.

С 1990 по 1999 г. отмечается возвращение этнических кыргызов на родину — это единственная национальность, по которой наблюдается положительное миграционное сальдо. За этот период в Кыргызскую Республику прибыло 41 тыс. кыргызов, а с 2000 по 2015 г. — 23,7 тыс. Однако до сих пор за пределами Кыргызстана «проживает более 900 тысяч этнических кыргызов. В России их количество составило 400 тысяч человек, в Узбекистане — 385 тысяч, в Китае — 189 тысяч, в Таджикистане — 56 тысяч, в Афганистане — около 2 тысячи, в Турции — 3 тысячи человек» [1, с. 32].

В целом 1970–1990-е гг. отмечены значительной убылью населения за счет внешней миграции, которая частично компенсируется естественным приростом. С 1976 по 1987 г. в Кыргызстане наблюдается демографический бум — коэффициент естественного прироста (на 1000 тыс. чел.) достиг значений 1960-х гг., поэтому, несмотря на отрицательный миграционный баланс, мы отмечаем некоторую стабильность в темпах роста населения в этот временной отрезок. Однако в последующий период — с 1987 по 1999 г. естественный прирост населения снижается, что выразилось в отрицательной динамике темпов его роста. За весь рассма-

триваемый период естественный прирост смягчал негативный эффект от миграционных процессов в Кыргызстане за исключением 1993 г., когда в стране наблюдался наибольший отток населения.

Таблица 2

**Доля кыргызов в общей численности
городского и сельского населения, в %**

	1959	1970	1979	1989	Абсолютный прирост за 1959–1989 гг.	1999	2009	Абсолютный прирост за 1989–2009 гг.
<i>Кыргызская Республика</i>	40,5	43,8	47,9	52,4	11,9	64,9	70,9	18,5
Городское население	13,3	17	22,9	29,9	16,6	51,7	61,9	32
Сельское население	54,2	59,8	63,4	66,2	12	71,9	75,6	9,4
Баткенская область	41,1	53,7	53,2	65,7	24,6	74,3	76,5	10,8
Городское население	12,6	25	24,8	39,4	26,8	59,4	63,7	24,3
Сельское население	63,9	69,4	65,7	75	11,1	77,8	80,5	5,5
Джалал-Абадская область	46,6	52,4	57,1	60,9	14,3	69,8	71,8	10,9
Городское население	12,6	18,1	26	41,1	24,5	64,2	72,6	31,5
Сельское население	64	67,6	70	69,3	5,3	71,5	71,6	18,5
Иссык-Кульская область	50,8	56,7	62,8	67,7	16,9	79,4	86,2	18,5
Городское население	20,9	26,8	36,7	46,8	25,9	67	76,8	30
Сельское население	61,1	68,6	73,9	77,5	16,4	84,9	90	12,5
Нарынская область	86,2	93,8	96	97,1	10,9	98,7	99,2	2,1
Городское население	54,3	80,5	87	92,2	37,9	97	98,6	6,4
Сельское население	94,6	96,3	98	98,4	3,8	99,1	99,4	1
Ошская область	51,4	52	57	56,7	5,3	63,8*	64,7	8
Городское население	12,6	15,1	26,2	22,6	10	33,6	32,5	9,9
Сельское население	64,1	66,9	70,1	70,3	6,2	72,9	73,5	3,2
Таласская область	60,4	65,9	71	76,9	16,5	88,5	91,9	15
Городское население	17,9	25,4	30,7	50,6	32,7	81,1	88,5	37,9
Сельское население	67,3	72,8	77,6	82	14,7	90	92,5	10,5
Чуйская область	21,6	22,5	24,8	29,3	2,7	43,8	59,1	29,8
Городское население	7	8,4	10,4	16,6	9,6	31,2	47,3	30,7
Сельское население	25,5	26,9	30,2	34,4	8,9	47,3	61,7	27,3
г. Бишкек	10,4	12,7	17	22,9	12,5	52,2	66,2	43,3
Городское население	9,5	12,3	16,9	22,7	13,2	52,1	66,1	43,4
Сельское население	14,6	33	25,1	49,6	35	69,8	78,9	29,3

* С учетом г. Ош.

3. 2000-е гг. Начиная с 2000 г. наблюдается стабилизация социально-экономического развития Кыргызстана, что выразилось также в от-

носителем сокращения масштабов внешней миграции. Она приобрела и другой характер, и другие направления. В этот период преобладает миграция кыргызов и в большой степени в направлении стран ближнего зарубежья — России и Казахстана. Так, миграционное сальдо с этими странами становится перманентно отрицательным, и на них теперь приходится от 86 до 100% миграционных потоков. Продолжается возвращение на родину русских, а у казахов, узбеков, немцев и представителей других национальностей эти процессы проявляются в меньшей степени. К этому времени миграция в дальнее зарубежье практически исчерпала себя.

Этническая структура внешней миграции такова: по данным Национального статистического комитета, с 2001 по 2015 г. страна потеряла 113 тыс. кыргызов, 154 тыс. русских, 42 тыс. узбеков (миграционный отток). Наибольший отток узбеков приходится на 2010 г. и связан с событиями на юге, когда из Кыргызстана уехали 13 тыс. узбеков.

В этот период активизировалась мобильность кыргызов с целью осуществления временной трудовой деятельности за рубежом, или так называемая трудовая миграция, которая служит источником поступления в Кыргызскую Республику денежных переводов. По некоторым оценкам, именно денежные переводы трудовых мигрантов в значительной степени способствовали сокращению бедности в Кыргызстане. Если в 2000 г. они составляли всего лишь 1,4% ВВП, то к 2011 г. этот показатель стремительно вырос до 33%, но после сократился и составил 30% в 2014 г. В 2015 г. денежные переводы сократились еще сильнее. Так, по данным Центробанка Российской Федерации, за девять месяцев 2014 г. в Кыргызскую Республику из России поступило через системы денежных переводов 1578 млн долл., а за тот же период 2015 г. — 860 млн долл. Последнее сокращение суммы денежных переводов обусловлено введением жестких мер миграционного регулирования в России, которая является основной страной приема трудящихся мигрантов.

Действительно, трудовая миграция подвержена большому влиянию изменений в политических настроениях в странах приема, в частности в Российской Федерации миграционная политика подвергалась частым корректировкам, учитывающим национальные интересы, но усугубляющим и без того тяжелое положение мигрантов. В начале 2000-х гг. электоральный процесс в России способствовал развитию антимигрантских настроений и усилению «репрессивных механизмов в национальном законодательстве». Некоторое оживление в миграционных процессах наблюдалось с 2005 г. и связано с экономическим подъемом в России и экономическим спадом и нестабильностью в Кыргызстане. Однако оно длилось недолго, и в 2008–2009 гг. миграционные потоки в направлении Российской Федерации стали сокращаться. Этот спад объясняется экономическим кризисом, который обострил проблемы, связанные с миграцией, и вновь способствовал ужесточению миграционной политики.

С 2012 г. миграционный отток пошел на убыль вследствие продолжающегося экономического кризиса, введения жестких мер миграционной политики — «черных списков» и депортации, которые вынудили мигрантов вернуться на родину [3, с. 31–32].

Тем не менее, по официальным данным, приведенным в Едином докладе по миграции, «количество [трудовых мигрантов из Кыргызстана] к концу 2015 г. составило 540 тыс. чел., что почти на 30 тыс. меньше, чем в 2014 г. По данным Государственной службы миграции КР, в Республике Казахстан пребывает 113 тыс. граждан Кыргызстана, в Южной Корее — 15 тыс., в Турции — 14 тыс., в других странах дальнего зарубежья до 30 тыс. Значительная часть наших соотечественников (свыше 95%), осуществляющих трудовую деятельность за рубежом, работает на территории государств — членов ЕАЭС» [2, с. 2]. В целом, по оценочным сведениям, за пределами Кыргызской Республики трудятся 680 тыс. граждан [2, с. 23].

Ожидается, что со вступлением Кыргызстана в ЕАЭС будут заложены основы для регулирования трудовой миграции. В частности, «трудовые мигранты будут осуществлять свою деятельность согласно трудовому контракту либо гражданско-правовому договору. В течение месяца мигранту необходимо оформить необходимые договора и обязательную медицинскую страховку. В случае разрыва договора или увольнения трудовой мигрант обязан зарегистрироваться в территориальном органе миграционной службы и получает время на поиски нового места работы. Доходы граждан государства, работающих по найму в России, начиная с 1 января 2015 г. облагаются по налоговой ставке 13% с первого дня их работы. До этого мигрантам приходилось платить 30%. Предполагается, что определенная сумма будет поступать в казну страны-донора, в настоящий момент обсуждается проект договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств — членов Евразийского экономического союза» [6, с. 41].

Тем не менее остается ряд вопросов, которые требуют законодательно закрепленного решения. Как отмечают эксперты, «необходимо прийти к консенсусу в отношении вопроса мигрантов, помещенных в “черные списки” и их высылки на родину. В 2015 г. в “черный список” Федеральной миграционной службы России попали порядка 77 тыс. граждан Кыргызстана по различным причинам, еще порядка 200 тыс. оказались в группе риска... Проводимая на настоящий момент миграционная политика не учитывает в полной мере проблемы интеграции иммигрантов в стране прибытия и реинтеграции по их возвращении. В рамках формирования регулируемого и упорядоченного внутреннего рынка труда необходимо разработать адекватную политику занятости и миграционную политику, а также следует ужесточить трудовые квоты для мигрантов, въезжающих в страну. Обдуманная долгосрочная миграционная полити-

ка может быть сформирована только в рамках концепции национальной безопасности. Существует необходимость в выработке стратегии, направленной на стабилизацию миграционных процессов [6, с. 42].

Таким образом, внешняя миграция оказывала в последние десятилетия негативное, а порой катастрофическое влияние на динамику численности населения Кыргызстана. Однако мы полагаем, что наметившийся рост рождаемости, который в будущем будет способствовать увеличению численности трудоспособного населения, а также сохранение неравенства в уровне социально-экономического развития в странах ЕАЭС и высокого уровня безработицы и бедности в отдельных областях Кыргызстана будут и в дальнейшем поддерживать устойчивую мотивацию к эмиграции.

Миграция и урбанизация

Процессы урбанизации в Кыргызстане существенно зависят от социально-экономической ситуации стране: спад или замедление экономического роста вызывает сокращение темпов урбанизации, и наоборот. На рис. 2 представлена динамика среднегодовых темпов прироста сельского и городского населения с 1960-х гг. по настоящее время. По графику можно заметить, что на протяжении 1960-х и 1970-х гг. темпы роста городского населения превышали темпы роста сельского, что в основном связано с миграцией внутренней — в направлении «село — город», а также внешней миграцией.

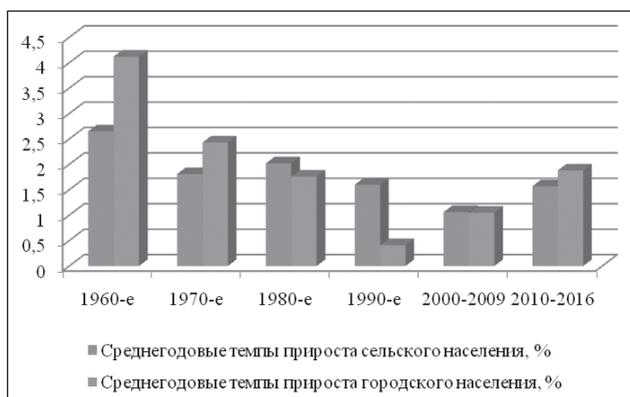

Рис. 2. Среднегодовые темпы прироста численности городского и сельского населения в Кыргызской Республике

Наша гипотеза о расселении иммигрантов в советский период преимущественно в городской местности подтверждается данными переписи 1989 г. На дату переписи в городских поселениях проживало 453 тыс.

человек, которые не родились на территории Кыргызской Республики. Большая их часть, а именно 55% родились на территории России. Причем мигранты составляли до 28% численности постоянного населения в городской местности. По сельской местности наблюдается совершенно иная картина: 92% численности населения сельской местности родились в Кыргызстане. Из тех, кто родился в другой стране, 45% приходится на Россию, 14% — на Узбекистан. Таким образом, мы полагаем, что действительно мигранты из союзных республик и дальнего зарубежья расселились преимущественно в городской местности. В 1990-х гг. наблюдался обратный процесс — иммиграция резко спала, продолжалась эмиграция из городской местности в прошлом выходцев из других республик Советского Союза, что в итоге вызвало сокращение темпов роста численности городского населения в этот период.

Однако замедление темпов роста городского населения мы связываем не только с внешней миграцией, но и с возвратной внутренней миграцией, а именно миграцией в направлении «город — село». Мы полагаем, что глубокий экономический кризис, начавшийся еще в конце 1980-х гг., особенно сильно ударил по городам и вызвал закрытие целого ряда крупных заводов и фабрик. Это повлекло за собой нарастание проблемы безработицы в городах, причем такая участь постигла практически все городские поселения, поэтому они потеряли свою привлекательность как центров экономического развития и перспективных зон с точки зрения поиска высокооплачиваемой работы. По этой причине усилилась возвратная миграция — многие жители городов стали возвращаться в села для занятия сельским хозяйством. В этот период действительно отмечаются высокие показатели развития сельского хозяйства по республике, и в одно время эта отрасль стала доминировать в структуре производства ВВП. Занятость во всех отраслях экономики с 1990 по 1998 г., за исключением торговли, общественного питания и транспорта, сельского и лесного хозяйства, сократилась. Так, численность занятого населения в промышленности сократилась на 166 тыс. чел., или 55%, а в сельском хозяйстве увеличилась на 263 тыс. чел., или 46%.

В последние годы отмечается превышение темпов роста городского населения над темпами роста сельского, что объясняется разными причинами, о которых мы скажем несколько позже.

Таким образом, в Кыргызской Республике процесс урбанизации сменялся дезурбанизацией, и наоборот. Интересно отметить, что такая же \cap -образная динамика доли городского населения характерна для всех государств Центральной Азии. В табл. 3 представлены данные об изменении доли городского населения в общей численности населения в странах Центральной Азии с 1960 по 2015 г. По характеру изменения этого показателя мы условно разделили их на три группы:

- 1) доля городского населения по сравнению с 1960 г. значительно увеличилась — Казахстан;
- 2) доля городского населения значительно не изменилась — Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан;
- 3) доля городского населения сократилась — Таджикистан.

Однако темпы урбанизации в странах Центральной Азии отстают от общемировых показателей. Ричард Билсборо по данным ФОА определил, что в мире только за период с 2000 по 2010 г. доля сельского населения сократилась на 13%, причем в наименее развитых странах сокращение было еще большим — 18%. Полагаем, что дезурбанизация в странах Центральноазиатского региона связана исключительно со структурным кризисом 1980–1990-х гг., и в дальнейшем доля городского населения будет только расти.

Таблица 3

**Доля городского населения в общей численности населения
стран Центральной Азии¹ (в %)**

Страна	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2015
Казахстан	44	50	54	56	55	53	53
Кыргызстан	34	37	38	37	35	35	35
Узбекистан	34	36	40	40	37	36	36
Таджикистан	33	36	34	31	26	26	26
Туркменистан	46	47	47	45	45	48	50

Для статистического учета численности городского населения большое значение имеет определение понятия «городское поселение» и закрепление его географических границ. В частности, в Кыргызстане городским считается население, проживающее в городах и поселках городского типа. В табл. 4 представлена информация об изменении административно-территориального устройства Кыргызской Республики с 1989 г. Для ее составления были использованы данные трех переписей, а также данные текущей статистики за 2016 г.

Таблица 4

**Административно-территориальное устройство
Кыргызской Республики**

	Города				Поселки городского типа			
	1989	1999	2009	2016	1989	1999	2009	2016
Кыргызская Республика	21	21	25	31	29	29	28	9
Баткенская область		3	4	6		5	5	1
Джалал-Абадская область		5	7	8		8	7	4

¹ На основе данных World Bank Database. URL: www.data.worldbank.org

Окончание табл. 4

	Города				Поселки городского типа			
	1989	1999	2009	2016	1989	1999	2009	2016
Иссык-Кульская область	4	3	3	3	7	5	5	2
Нарынская область		1	1	1		2	2	
Ошская область	10	3	3	3	14	2	2	
Таласская область		1	1	1		1	1	
Чуйская область		4	4	7		5	5	1

Административно-территориальное устройство Кыргызской Республики претерпело довольно большие изменения, в частности, увеличилось количество городов: если в 1989 г. их насчитывалось 21, то к 2016 г. их стало 31. Отметим одновременно с этим значительное сокращение количества поселков. Увеличение городов связано с переводом поселков городского типа (далее пгт) в города, до 2009 г. четыре пгт получили статус города. В соответствии с законом «О преобразовании отдельных поселков городского типа Кыргызской Республики и отнесении их к категории города» в 2012 г. шесть поселков городского типа преобразованы в города, 13 пгт — в сельские населенные пункты.

Процессы урбанизации неравномерно происходили в регионах Кыргызстана. К примеру, в двух областях — Таласской и Нарынской — количество городов не изменилось. По сравнению с 1989 г. наибольший рост количества городов происходил в Чуйской и Баткенской областях, в которых за 25 лет появилось три новых города. Однако если посмотреть на размеры новых городов, то можно увидеть, что численность жителей в большинстве из них не превышает 20 тыс. человек.

Связан ли рост численности городского населения с ростом численности населения в городах или в поселках городского типа? В табл. 5 представлена информация по темпам роста населения в городах и темпах роста численности городского населения по областям за период с 1959 по 2015 г.

Таблица 5

**Темп прироста численности постоянного городского населения
и населения в городах Кыргызской Республики**

	1959	1970	1979	1989	1999	2009	2015
Численность населения в городах, чел.	639 555	972 312	1 214 012	1 437 869	1 532 703	1 705 067	2 029 300
Численность городского населения, чел.	691 526	1 095 444	1 348 761	1 624 535	1 678 623	1 827 136	2 029 500
Численность сельского населения, чел.	1 373 483	1 838 693	2 174 071	2 633 220	3 144 315	3 535 657	3 990 000

Окончание табл. 5

	1959	1970	1979	1989	1999	2009	2015
Темп прироста населения в городах, %	–	52	24,8	18,4	6,6	11,2	19
Темп прироста городского населения, %	–	58,4	23,1	20,4	3,3	8,8	11
Темп прироста сельского населения, %	–	33,8	23,1	21,1	19,4	12,4	12,8

Данные показывают, что в последние десятилетия города развивались несколько динамичнее поселков. В 1990-е гг. численность населения в поселках городского типа сокращалась, что способствовало в дальнейшем их переходу в разряд сельских населенных пунктов. Социально-экономические проблемы переходного периода ощутимо сказались на мелких поселениях: миграция способствовала сокращению численности населения в них. Как мы видим исходя из приведенных данных, предположительно население из поселков перемещалось в сельские поселения или в крупные города.

Более того, когда мы говорим про рост численности населения в городах, не стоит забывать, что львиная доля этого прироста приходится на г. Бишкек. Например, если в 1970 г. на него приходилась ровно половина численности населения в городах, то к 2016 г. эта доля практически не изменилась, сократившись всего лишь до 47%. Если мы посчитаем долю в общей численности городского населения, то она будет немного ниже, но также довольно большой — на 2016 г. она составила 41%. По сравнению с 1979 г. рост численности населения в городах составил 860 тыс. чел., половина этого роста, а именно 419 тыс. чел. приходится на г. Бишкек. Более того, если мы к численности населения, проживающего в г. Бишкеке, прибавим численность населения в г. Оше, т. е. во втором по размеру городе Кыргызстана, то получится и того больше — на два самых крупных города приходится порядка 60% населения, проживающего в городах. Таким образом, можно заметить довольно высокую концентрацию городского населения в двух основных городах, во всех остальных проживает не больше 40%. Для подтверждения наших выводов о высокой концентрации населения в крупных городах мы рассчитали индекс Херфиндаля—Хиршмана, который в основном используется для оценки уровня концентрации и монополизации на товарных рынках. Итак, в 1950 г. этот индекс составил 2441, в 2016 г. он вырос до 2452, что позволяет нам удостовериться в сохранении высокой концентрации населения вокруг двух главных городов Кыргызстана. Степень концентрации не сократилась, несмотря на рост числа городов и рост численности населения в региональных городах.

Рассмотрим распределение населения в городах разных размеров в зависимости от численности жителей. В табл. 5 представлена информация о группировке городов по численности постоянного населения на основе данных переписей 1979, 1989, 1999, 2009 гг., а также данных текущей статистики за 2016 г. Можно заметить по данным таблицы, что резкий спад по одной группе городов сочетается с резким увеличением численности населения в другой группе. Это связано с тем, что города за межпереписной период или «скатывались» в нижнюю группу, или «перебирались в верхнюю». Напоминаем, что резкий рост численности населения в группе «до 10 тыс. чел.» за последний год, т. е. в городах-карликах, связан с изменением административно-территориального устройства Кыргызской Республики в 2012 г., а именно присвоением шести поселкам городского типа статуса города.

В целом в первую очередь бросается в глаза, что по сравнению с 1979 г. в 2016 г. численность жителей в городах с населением до 100 тыс. чел. сократилась с 41,9 до 35,8%. Причем можно заметить, что население концентрируется в основном в городах больших размеров, поэтому доля жителей, проживающих в городах с численностью от 50 до 100 тыс. чел., сократилась с 13,4 до 9,4%, а от 20 до 50 тыс. — с 19,7 до 18,3%. Доля городов-карликов с численностью населения до 10 тыс. чел. не изменилась. Однако нельзя сказать, что отмеченная тенденция наблюдалась на всем протяжении рассматриваемого периода.

Что касается темпов роста населения, то, как мы видим, они не были устойчивыми во всех группах, кроме одной, с численностью населения свыше 500 тыс. чел. — г. Бишкек. В период с 1989 по 1999 г. отчетливо прослеживается сокращение численности в городах, особенно крупных. Так, темп роста численности населения в городах от 50 до 100 тыс. чел. был отрицательным и составил -25% , т. е. численность населения сократилась на четверть, хотя количество городов осталось неизменным. Несмотря на то что в предыдущий период наблюдался значительный рост численности населения в городах групп до 100 и до 50 тыс. чел. — 33 и 19% соответственно. В связи с большим потоком эмигрантов, преимущественно из городов, снижением миграции из села в городские поселения, за исключением г. Бишкека, а также усилившейся возвратной миграцией из городской местности в сельскую в 1990-х гг. темп роста численности населения в этих группах или стал отрицательным, или существенно сократился, в отличие от группы «до 20 тыс. чел.», где мы наблюдаем положительные темпы прироста численности населения за счет увеличения количества городов в этой группе. Единственная группа, которая демонстрировала устойчивые положительные темпы прироста в этот период, — это группа «свыше 500 тыс. чел.», т. е. город Бишкек, за счет внутренней миграции. Таким образом, можно сказать, что движение по «городской лестнице» в пе-

риод с 1989 по 1999 г. шло вниз — крупные города мельчали, средние росли. Темп прироста численности населения в городах до 100 тыс. чел. стал отрицательным и составил $-6,9\%$, свыше 100 тыс. чел. — $16,7\%$ (в г. Бишкеке — $22,9\%$).

В период с 1999 по 2009 г. численность населения в крупных городах — свыше 50 тыс. чел. стабилизировалась, и больших изменений здесь мы не наблюдаем. Одновременно происходит сокращение численности населения в двух группах — «до 10 тыс. чел.» и «до 50 тыс. чел.». В этих группах количество городов сократилось, они перешли в разряд «до 20 тыс. чел.». Можно отметить, что по сравнению с 1999 г. внутренняя и внешняя миграция существенно сократилась, и резких изменений по группам городов мы не наблюдаем. Темп прироста численности населения в группах «до 100 тыс. чел.» составил 13% .

В 2016 г. прослеживается отчетливое движение вверх по вертикали — увеличилось количество городов в нескольких группах — «до 500 тыс. чел.», до «50 тыс. чел.» и «до 10 тыс. чел.», поэтому темп прироста численности населения в этих городах довольно существенный. Только в одной группе наблюдается значительное сокращение численности — «до 20 тыс. чел.» за счет того, что пять городов из этой группы перешли в группу «до 50 тыс. чел.». Отметим, что все они относятся к южному региону. В целом действительно можно заметить, что за период с 2009 по 2016 г. южные области демонстрируют более быстрый рост численности населения в городах, нежели северный регион и Нарынская область, с учетом активной миграции из южных областей в Чуйскую область и г. Бишкек — 22 против 19% .

Если мы проведем анализ численности населения в этих группах с 1979 по 2016 г., то увидим, что во всех из них, за исключением одной заметен рост от 44 до 108% . Таким образом, в целом наблюдается неравномерность в развитии городов как в региональном разрезе, так и по структуре. Рост численности населения в крупных по размеру городах происходил в среднем быстрее, чем в городах мелких.

Однако вопреки классической теории миграции мы отмечаем, что рост больших городов связан в большей степени с естественным, нежели миграционным, приростом. Данные по г. Бишкеку позволяют отметить, что с 1990 по 2004 г. прирост населения от внутренней миграции превышал естественный прирост населения почти на всем протяжении указанного периода, что действительно свидетельствует о значительном влиянии внутренней миграции на рост численности населения в г. Бишкеке. С 2005 г. естественный прирост населения начинает превосходить прирост от внутренней миграции, однако мы полагаем, что положительное влияние на увеличение рождаемости в г. Бишкеке оказала внутренняя миграция, учитывая, что большая часть внутренних мигрантов мигрируют в репродуктивном возрасте. Однако положительный эффект

от внутренней миграции в отдельные годы в период независимости нивелируется за счет миграции внешней. Самый большой отток населения из г. Бишкека приходится на 1992 г., когда столицу покинуло почти 17 тыс. чел. За период с 1990 по 2011 г. практически на всем протяжении потери населения от внешней миграции превышали прирост от внутренней (по официальным данным). В последние четыре года, в связи с сокращением масштабов внешней миграции, наблюдается обратный процесс. Необходимо отметить также, что масштабы внутренней миграции в Бишкек в последние годы стабилизировались и имеют слабую тенденцию к сокращению (табл. 6).

Таблица 6

**Естественный и миграционный прирост
в г. Бишкеке и г. Оше (тыс. чел.)**

	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015
г. Бишкек				
<i>Естественный прирост</i>	16,7	32,7	63,3	88
Миграционный прирост (внешняя миграция)	–17,3	–32	–36,7	–15,5
Миграционный прирост (внутренняя миграция)	19,1	30,6	24,6	24
Миграционный прирост общий	1,8	–1,4	–12,1	8,5
г. Ош				
<i>Естественный прирост</i>			17,8	25,1
Естественный прирост (город)			16,2	22,5
Естественный прирост (село)			1,6	2,6
Миграционный прирост (внешняя миграция)			–14,4*	–4,1
Миграционный прирост (внутренняя миграция)			–5,3	–1,3
Миграционный прирост общий			–19,7	–5,4

* Наибольший миграционный отток из г. Оша произошел в 2010 г.

С другой стороны, мы признаем, что официальные данные не показывают полной картины миграционной ситуации в столице по причине того, что часть мигрантов не проходит вовремя регистрацию, поэтому мы полагаем, что фактически в г. Бишкеке проживает большее количество жителей. Более того, мы выявили некоторое расхождение в официальных данных, указывающие на недостоверность или данных о постоянной численности, или данных о движении населения — естественном и миграционном приросте. Мы полагаем, что ошибка кроется в данных о внутренней миграции, ее значения гораздо выше представленных официальных значений, причем такое явное расхождение проявляется в начале 1990-х гг. Что касается последних лет, то таких нестыковок мы не

видим, хотя полагаем, что проблема все еще остается открытой. В этой части муниципальным и государственным органам, занимающимся процессами учета и регистрации внутренних перемещений населения, необходимо обратить особое внимание.

Следует также подчеркнуть, что прибывшие внутренние мигранты по своему квалификационному, образовательному уровню не всегда соответствует убывшим международным мигрантам, что оказывает сильное влияние на качество рабочей силы в столице, а в итоге и на ее социально-экономическое, культурное развитие. Так, авторы Единого доклада по миграции заключают, что «растущее количество населения в экономически активных регионах нередко приводит к столкновению культур, привычек и традиций коренных жителей и приезжающих в поисках работы, что вызывает недовольство с обеих сторон. Инфраструктура населенных пунктов также не справляется с растущим» [1, с. 20].

По г. Ошу наблюдается иная ситуация: внешняя и внутренняя миграция имеет отрицательное сальдо, что указывает на то, что г. Ош не является центром притяжения мигрантов в южном регионе. Рост численности в этом городе связан исключительно с естественным приростом.

В целом, несмотря на нестабильную динамику, можно отметить впечатляющий рост как численности сельского, так и городского населения. По сравнению с 1960 г. численность городского населения удвоилась за 30 лет, а сельского за 40 лет. К 2016 г. темп прироста численности городского населения составил 186%, а сельского — 168%.

Таким образом, внутренняя и внешняя миграция оказала ощутимое влияние на процессы урбанизации в республике, однако до сих пор остается ряд вопросов для исследования, в частности влияние мигрантов на городскую транспортную, социальную инфраструктуру, рынок труда, окружающую среду и т. д. (табл. 7).

Направления и структура миграционных потоков

За 25 лет независимости Кыргызская Республика прошла сложные этапы в своем развитии, оказавшие большое влияние на экономическое и социальное положение в стране. История показала, что зеркальным отражением любых макроэкономических изменений в стране является не рынок труда, а именно миграция, в особенности внешняя. Поскольку именно внешняя миграция привела к масштабным изменениям в численности и структуре населения в отдельные периоды развития Кыргызской Республики, она стала объектом многочисленных исследований и привлекала все большее внимание со стороны экспертного, научного сообщества, неправительственных организаций, а также органов государственной власти.

Таблица 7

**Группировка городов Кыргызской Республики
по численности постоянного населения (без пгт)**

	1979			1989			1999			2009			2016			Прирост по сравнению с 1979 г., %
	Численность населения, чел.	Темп роста, %	Количество городов	Численность населения, чел.	Темп роста, %	Количество городов	Численность населения, чел.	Темп роста, %	Количество городов	Численность населения, чел.	Темп роста, %	Количество городов	Численность населения, чел.	Темп роста, %	Количество городов	
До 10 тыс. чел.	3	25 443	100,0	2	19 377	76,1	2	17 984	92,8	1	8749	48,6	5	42 000	480,1	65
Доля от общей численности, %		2			1,3			1,2			0,5			2,0		
До 20 тыс. чел.	5	83 248	100,0	3	52 565	63,1	4	61 439	116,9	11	164 465	267,7	8	120 200	73,1	44,3
Доля от общей численности, %		6,8			3,6			4,0			9,6			5,9		
До 50 тыс. чел.	8	239 126	100,0	9	285 332	119,3	9	300 301	105,2	8	271 510	90,4	12	372 200	137,1	55,6
Доля от общей численности, %		19,7			19,8			19,6			15,9			18,3		
До 100 тыс. чел.	3	163 247	100,0	4	259 190	133,5	3	194 132	74,9	3	205 612	105,9	3	190 600	92,7	16,7
Доля от общей численности, %		13,4			18,0			12,7			12,0			9,4		
До 500 тыс. чел.	1	167 498	100,0	1	211 045	126	1	208 520	98,8	1	232 816	111,7	2	350 000	150,3	108,9
Доля от общей численности, %		13,8			14,6			13,6			13,6			17,2		
Свыше 500 тыс. чел.	1	535 450	100,0	1	610 360	114,0	1	750 327	122,9	1	821 915	109,5	1	944 300	114,8	76,3
Доля от общей численности, %		44,1			42,4			48,9			48,2			47,0		
Итого	21	1 214 012	100,0	20	1 437 869	118,4	20	1 532 703	106,6	25	1 705 067	112,0	31	2 019 300	118,4	

Между тем внутренняя миграция, сравнимая по своим масштабам с миграцией внешней, оставалась вне зоны интереса ученых. Хотя именно она за последние годы оказала влияние на развитие городов, региональные и местные рынки труда, развитие языка и трансформацию городской культуры, деградацию сел и поселков и т. д. В связи с этим основной задачей статьи является изучение масштабов, динамики и направлений внутренней миграции.

Выполнение поставленной научной задачи мы начали с анализа миграционной активности в Кыргызстане на основе данных о количестве сменивших место постоянного проживания (проживающих в месте постоянного проживания не с рождения) по переписям 1989, 1999 и 2009 гг. (табл. 8). Здесь и далее в статье под мигрантами мы понимаем людей, которые проживают не в месте своего рождения. Сразу отметим, что представленные в таблице данные агрегированные.

Судя по представленным данным, отчетливо прослеживается сокращение числа людей, проживающих в месте постоянного жительства не с рождения, на 65 тыс. чел., как и сокращение доли таких людей в общей численности населения с 33% (треть населения) до 25% (четверть населения). Мы можем выделить несколько причин, вызвавших снижение доли «мигрантов». Однако в данном случае, как нам кажется, не совсем правильным будет полагать, что миграционная активность спала. В первую очередь такая динамика связана с изменениями во внешней миграции — увеличением миграционного оттока. Как мы полагаем, если до 1989 г. высокая доля мигрантов в общей численности населения поддерживалась за счет притока иммигрантов, то после, с приобретением независимости, она остается довольно высокой благодаря активной внутренней миграции, изучению которой и посвящена наша статья.

Таблица 8

Общие итоги миграции по данным переписи населения

	Проживающие непрерывно в месте постоянного жительства не с рождения					
	1989 г.		1999 г.		2009 г.	
	всего, чел.	в % от общей численности	всего, чел.	в % от общей численности	всего, чел.	в % от общей численности
Все население	1 406 538	33,03	1 349 637	27,98	1 340 858	25,0
Мужчины	586 494	28,22	580 845	24,40	554 093	20,9
Женщины	820 044	37,61	768 792	31,47	786 765	29,0

При проведении анализа внутренней миграции в Кыргызстане мы проверили применимость некоторых концепций миграции, в частности законов Рэвенштейна. Еще в конце XIX в. Э. Равенштейн, исследуя миграционные процессы в Англии, выявил следующие закономерности:

- 1) мигранты в основном перемещаются на короткие дистанции;
- 2) в большинстве своем миграция происходит из аграрных в индустриально развитые местности;
- 3) крупные города растут больше за счет миграционного, нежели естественного, прироста;
- 4) миграция увеличивается одновременно с развитием промышленности, торговли и транспорта;
- 5) каждый миграционный поток создает обратный поток;
- 6) женщины чаще мигрируют, нежели мужчины, по крайней мере на короткие расстояния;
- 7) основные причины миграции — экономические.

Мы подвергнем проверке лишь часть этих законов.

1. *Мигранты в основном перемещаются на короткие дистанции.*

Для того чтобы проверить эту гипотезу, мы взяли данные переписи населения за 2009 г. (текущие данные о миграции такой анализ сделать не позволяют) и составили табл. 9. В ней отражены итоги миграции по четырем направлениям — ближайшие регионы (граничащие), отдаленные регионы (нет общих границ), г. Бишкек, г. Ош.

Таблица 9

Потоки миграции в зависимости от расстояния (чел.)

Область	Ближайшие регионы		Отдаленные регионы		г. Бишкек		г. Ош	
	прибыло	отбыло	прибыло	отбыло	прибыло	отбыло	прибыло	отбыло
Баткенская	9280	4810	628	12 023	1018	21 515	1432	5332
Джалал-Абадская	9663	6315	3459	23 650	4147	47 924	4961	10 260
Иссык-Кульская	18 127	24 937	2860	2424	15 242	65 312	1136	495
Нарынская	6360	44 889	1436	2148	14 108	74 533	194	271
Ошская	9086	16 904	1141	14 370	2820	23 716	31 623	51 464
Таласская	2849	9779	1932	1497	7517	37 113	487	258
Чуйская	30 315	7889	78 433	3934	81 520	73 381	16 088	379

В данном случае мы не учитывали внутриобластную миграцию, которая имеет место и в разных регионах имеет разные масштабы. Мы рассматривали только межобластные перемещения.

Как мы видим, по всем областям наблюдается одинаковая картина: на ближайшие регионы приходится большая часть миграционных потоков, особенно прибытий — во всех областях, кроме Чуйской, количество прибывших из близлежащих регионов оказалось больше, чем из отдаленных. В отношении убытий картина противоположная. Таким образом, мы можем сделать однозначный вывод, что мигранты

устремлялись в Чуйскую область как из близлежащих, так и из отдаленных территорий, поэтому в тех областях, которые граничат с Чуйской, показатели убыли выше по ближайшим регионам, а у тех, которые не граничат с ней, показатели убыли оказались выше по отдаленным регионам.

Отдельно мы выделили миграционные потоки в г. Бишкек и г. Ош и с удивлением отметили, что потоки в г. Бишкек в несколько раз превышают потоки в любые другие местности, причем такая картина наблюдается во всех областях. Таким образом, действительно г. Бишкек является центром притяжения мигрантов со всей республики, как северной ее части, так и южной. К сожалению, г. Ош такую роль для южного региона пока не играет. Возможно, мы ошибаемся, и перепись 2020 г. покажет обратное. Фактически в Ош стекаются только мигранты из периферийной местности Ошской области. Цифры по Баткенской и Джалал-Абадской области подтверждают наш вывод.

2. *Большая часть миграции — это миграция из аграрных в индустриально развитые местности.*

Здесь нам необходимо было выделить миграционные потоки по отдельным направлениям: «село — город», «город — село», «село — село» и «город — город». Для этого мы составили табл. 10, в которой отражены в процентах доли населения, мигрировавшего в указанных направлениях. По 2009 г., к сожалению, такой развернутый анализ провести не удалось в силу отсутствия данных.

Таблица 10

Данные о миграции в городскую и сельскую местность (в %)

Направление	1989	1999	2009
Село — село	30	20	В село — 41
Город — село	13	18	
Город — город	27	18	В город — 59
Село — город	30	42	

В целом сравнение данных 2009 и 1989 гг. говорит об увеличении миграции в города с 57 до 59%, хотя если сравнивать миграцию из города и из села, то последняя по своим масштабам превосходит первую. Действительно, подтверждается гипотеза о низкой мобильности городского населения, по крайней мере во внутренних перемещениях.

При сравнении данных 1989 и 1999 гг. можно заметить, что миграция в сельскую местность неоднозначна, так миграция в направлении «село — село» сократилась на 10%, а в направлении «город — село» увеличилась на 5%. То же самое можно отметить и в отношении миграции в городскую местность — миграция населения из села в город выросла, а в направлении «город — город» сократилась.

Мы полагаем, что глубокий экономический кризис, начавшийся еще в 1980-е гг., особенно сильно ударил по городам и вызвал закрытие целого ряда крупных заводов и фабрик, что повлекло за собой нарастание проблемы безработицы, причем такая участь постигла практически все города, поэтому они потеряли свою привлекательность как центров экономического развития и перспективных мест с точки зрения поиска высокооплачиваемой работы. По этой причине усилилась возвратная миграция — многие жители городов стали возвращаться в села и заниматься сельским хозяйством. В этот период действительно отмечаются высокие показатели развития сельского хозяйства по республике, и одно время эта отрасль стала доминировать в структуре производства ВВП. Занятость во всех отраслях экономики с 1990 по 1998 г. за исключением торговли, общественного питания и транспорта, сельского и лесного хозяйства сократилась. Так, численность занятого населения в промышленности сократилась на 166 тыс. чел., или 55%, а в сельском хозяйстве увеличилась на 263 тыс. чел., или 46%.

Для более детального анализа внутренней миграции в период с 1989 по 1999 г. мы рассмотрели передвижение населения в городскую и сельскую местность. Полученные результаты отражены в табл. 11.

Таблица 11

**Миграция в сельскую и городскую местность
в период с 1989 по 1998 г.**

	До 1989 г.		1989–1993		1994–1996		1996–1998	
	Всего, чел.	Доля от общей численности, %	Всего, чел.	Доля от общей численности, %	Всего, чел.	Доля от общей численности, %	Всего, чел.	Доля от общей численности, %
<i>Село — город</i>	127 900	39	69 214	41	82 187	44	111 847	49
Из них								
в г. Бишкек	58 812	46	35 968	52	47 429	58	67 808	61
в другие города	69 088	54	33 246	48	34 758	42	44 039	39
<i>Село — село</i>	82 858	25	34 453	20	32 643	18	35 241	15
<i>Город — город</i>	55 256	17	31 090	18	35 077	19	44 541	19
Из них								
в г. Бишкек	26 269	48	17 375	56	22 261	63	30 296	68
в другие города	28 987	52	13 715	44	12 816	37	14 245	32
<i>Город — село</i>	60 603	19	35 533	21	35 488	19	38 594	17
Всего	326 617		170 290		185 395		230 223	

Данные таблицы в определенной степени подтверждают нашу гипотезу. К примеру, в период с 1989 по 1993 г. миграция из города в село

превышала миграцию в направлении «город — город». В целом миграция из городской местности в сельскую почти в три раза за рассматриваемый период превышала миграцию в другие города. При этом наблюдается увеличение миграционных потоков как из сельских, так и городских поселений в г. Бишкек. За период с 1989 по 1999 г. на него приходится до 38% всех миграционных потоков.

3. Большие города растут больше из-за миграции, чем за счет естественного прироста.

Для проверки данной гипотезы мы собрали данные о естественном и миграционном приросте в городах Ош и Бишкек, являющихся городами республиканского значения с численностью жителей 270 и 937 тыс. чел. соответственно (табл. 6). Источником для составления таблицы послужили демографические ежегодники Кыргызской Республики с 1996 по 2015 г.

Представленные нами данные опровергают гипотезу, поскольку в обоих городах рост численности происходит за счет естественного прироста, а убыль — за счет миграции. Причем по г. Бишкеку наблюдается приток населения — внутренних мигрантов, но и отток населения, выезжающего в международную миграцию, и в отдельные периоды они были соразмерны. В последние годы в связи с изменением миграционной политики в странах-реципиентах внешняя миграция постепенно сокращается, поэтому совокупное миграционное сальдо положительное, однако этот прирост в 10 раз отстает от естественного прироста. Однако мы полагаем, что стремительный рост рождаемости в г. Бишкеке, что выражается в увеличении естественного прироста, отчасти связан как раз с внутренней миграцией, поэтому ее влияние на демографическую ситуацию более весомо.

4. Женщины более склонны мигрировать, по крайней мере на короткие расстояния, в отличие от мужчин; мужчины в большинстве случаев вовлечены в международную миграцию.

Для подтверждения нашей гипотезы приводим данные о численности женщин и мужчин трудоспособного возраста, проживающих в Кыргызской Республике и по областям на дату переписи 2009 и 1999 гг., а также количестве женщин и мужчин, мигрировавших в города и села в период с 1999 по 2009 г. (табл. 12). Сразу отметим, что во всех областях численность мужчин трудоспособного возраста превосходит численность женщин. Напротив, у внутренней миграции отчетливо прослеживается «женское лицо» — во всех областях количество женщин-мигрантов превосходило количество мужчин, причем по сравнению с миграцией в городские поселения миграция в сельскую местность более феминизирована — среди мигрантов в сельскую местность женщин на 30–130% больше, чем мужчин. Здесь, как мы полагаем, большую роль играют не столько экономические, сколько социальные аспекты, к примеру семейные обстоятельства. Однако эта гипотеза требует дальнейшей проверки.

**Внутренняя миграция за период с 1999 по 2009 г.
по полу и местности**

	Количество, тыс. чел.			Мигрировавшие в 1999–2009 гг., чел.					
	2009 г.			В город			В село		
	Женщин	Мужчин	Отношение количества женщин к количеству мужчин, %	Женщины	Мужчины	Отношение количества женщин к количеству мужчин, %	Женщины	Мужчины	Отношение количества женщин к количеству мужчин, %
Кыргызская Республика	1569	1618	96,9	176 342	146 883	120	107 687	70 133	153,5
В областях				Из областей					
Баткенская	119	129	92,2	11 274	9985	112,9	6068	4631	131
Джалал-Абадская	285	299	95,1	32 865	25 429	129,2	14 215	8009	177,5
Иссык-Кульская	123	131	93,9	28 510	22 906	124,5	12 924	6421	201,3
Нарынская	65	74	88,4	25 115	22 601	111	10 715	6870	155,9
Ошская	303	324	93,6	25 744	21 259	121,1	13 089	6376	190,5
Таласская	60	65	92,6	13 906	12 095	114,9	6636	2838	233,8
Чуйская	238	251	94,6	23 409	18 430	127	10 887	7445	146,2

Феминизация внутренней миграции может значительно повлиять на половую структуру населения, рождаемость, брачность и другие демографические показатели в местах происхождения и назначения.

Таким образом, во внутренних миграционных процессах действительно женщины более активны, чем мужчины, причем тенденция не зависит от направления миграции — в город или в село. По отношению к миграции внешней закон Равенштейна также подтверждается — чаще мигрируют мужчины, нежели женщины, однако закономерность не такая явная, как в отношении внутренней миграции. За период с 1999 по 2009 г. из Кыргызской Республики выехало на 342 чел. меньше женщин (в возрасте 16 лет и старше), чем мужчин, или на 0,2%. В отношении внешней трудовой миграции отмеченная тенденция количественного превосходства мужчин над женщинами прослеживается более явно.

Итак, в Кыргызстане миграция действительно имеет «женское лицо», и ее гендерные аспекты, по нашему мнению, заслуживают особого внимания и дальнейшего изучения, поскольку «в странах назначения женщины являются важнейшим человеческим и экономическим ресурсом,

а в странах происхождения обеспечивают приток финансовых средств и так называемых «социальных переводов», а также накопление средств для будущего инвестирования в детей, семью, местные сообщества.

Если раньше женщины были невидимы для международной миграции в качестве независимых агентов, а воспринимались как члены семей мигрантов-мужчин, то сегодня они привлекают внимание как самостоятельная группа трудовых мигрантов. Существует специальный термин, обозначающий женщин-мигрантов, — *unattached migrants*, т. е. автономных, «не прикрепленных» к мужьям или семье» [1, с. 28].

Обращаем внимание, что для подтверждения нашей гипотезы мы брали данные по миграции только за одно десятилетие с 1999 по 2009 г., поэтому наши выводы могут подвергаться сомнению.

Проведенный нами анализ закономерностей миграционных процессов в Кыргызской Республике позволяет сделать несколько важных выводов:

- 1) преобладает миграция в городскую местность;
- 2) внутренняя миграция имеет «женское лицо», а внешняя — «мужское»;
- 3) крупные города растут не благодаря миграции, а за счет естественного прироста. Однако в перспективе мы думаем, что тенденция, возможно, изменится;
- 4) преобладает миграция в Чуйскую область и г. Бишкек.

Однако в области исследования миграции существует множество пробелов, которые необходимо устранить для принятия эффективных решений по регулированию внутренней миграции.

Литература

1. Единый доклад по миграции в Кыргызской Республике. — Б.: Государственная служба миграции при Правительстве КР, 2014.
2. Единый доклад по миграции в Кыргызской Республике. — Б.: Государственная служба миграции при Правительстве КР, 2015. — 40 с.
3. Кыргызстан. Расширенный миграционный профиль. — Б., 2016. — 214 с.
4. Миграция. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 1999 года. — Б.: Национальный статистический комитет, 2001.
5. Миграция. Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 года. — Б.: Национальный статистический комитет, 2011.
6. *Наматов З. Ж.* Состояние трудовой миграции в Кыргызской Республике на современном этапе // Известия вузов Кыргызстана. — Бишкек, 2015. — № 9.
7. Население. Всесоюзная перепись населения в Кыргызской Республике 1989 г. — Б.: Национальный статистический комитет КР, 1995.
8. *Шейшекеева Г. М.* Межнациональный конфликт 1990 года в Кыргызстане и миграционный вопрос // Известия вузов Кыргызстана. — Бишкек, 2013 — № 5.

9. *Шейшекеева Г. М.* Этноико-демографическое состояние населения Кыргызстана на начало XXI века // Наука и новые технологии. — Бишкек, 2014. — № 1.
 10. *Шулер М., Абубакирова Т., Торгашова Л.* Динамика численности и изменения в размещении населения Кыргызстана // Население Кыргызстана. — Б.: Национальный статистический комитет КР, 2004.
1. Edinij doklad po migracii v Kyrgyzskoj Respublike. — B.: Gosudarstvennaja sluzhba migracii pri Pravitel'stve KR, 2014.
 2. Edinij doklad po migracii v Kyrgyzskoj Respublike. — B.: Gosudarstvennaja sluzhba migracii pri Pravitel'stve KR, 2015. — 40 s.
 3. Kyrgyzstan. Rasshirennyj migracionnyj profil'. — B., 2016. — 214 s.
 4. Migracija. Perepis' naselenija i zhilishhnogo fonda Kyrgyzskoj Respubliki 1999 goda. — B.: Nacional'nyj statisticheskij komitet, 2001.
 5. Migracija. Perepis' naselenija i zhilishhnogo fonda Kyrgyzskoj Respubliki 2009 goda. — B.: Nacional'nyj statisticheskij komitet, 2011.
 6. *Namatov Z. Zh.* Sostojanie trudovoj migracii v Kyrgyzskoj Respublike na sovremennom jetape // Izvestija vuzov Kyrgyzstana. — Bishkek, 2015. — № 9.
 7. Naselenie. Vsesojuznaja perepis' naselenija v Kyrgyzskoj Respublike 1989 g. — B.: Nacional'nyj statisticheskij komitet KR, 1995.
 8. *Shejshkeeva G. M.* Mezhnacional'nyj konflikt 1990 goda v Kyrgyzstane i migracionnyj vopros // Izvestija vuzov Kyrgyzstana. — Bishkek, 2013 — № 5.
 9. *Shejshkeeva G. M.* Jetniko-demograficheskoe sostojanie naselenija Kyrgyzstana na nachalo XXI veka // Nauka i novye tehnologii. — Bishkek, 2014. — № 1.
 10. *Shuler M., Abubakirova T., Torgashova L.* Dinamika chislenosti i izmenenija v razmeshhenii naselenija Kyrgyzstana // Nаселение Kyrgyzstana. — B.: Nacional'nyj statisticheskij komitet KR, 2004.

*Юдина Т. Н.,
д-р социол. наук, профессор
Российский государственный
социальный университет
Факультет социологии
(Москва, Россия)*

Жизненные и поведенческие стратегии украинских мигрантов в Москве: результаты социологического исследования

Аннотация

Исходя из сложившейся ситуации, что каждый четвертый иностранный гражданин, находящийся на территории России, — это гражданин Украины, неоднозначности планов дальнейшей жизни украинских мигрантов в России и в том числе в Москве, автором в сотрудничестве со своими коллегами проведены социологические исследования по изучению жизненных и поведенческих стратегий украинских

мигрантов. Теоретико-методологической основой данных исследований стала социологическая интерпретация понятий «жизненные и поведенческие стратегии украинских мигрантов в Москве как социальной общности». Автором представлен анализ результатов эмпирических исследований, который выявил основные жизненные планы украинских мигрантов на ближайшие пять лет и дал возможность проследить их поведенческие стратегии.

Ключевые слова: жизненные стратегии, поведенческие стратегии, украинские мигранты, социальная общность

JEL код: J10

*Yudina T. N.,
D. sociology. MD, Professor
Russian State University
Department of Sociology
(Moscow, Russia)*

Life and behavioral strategies for Ukrainian migrants in Moscow: sociological research results

Abstract

Based on the situation that one in four foreign nationals in the territory of Russia is a citizen of Ukraine, the ambiguity of the plans to further the life of Ukrainian migrants in Russia, including in Moscow, the author in collaboration with his colleagues conducted a sociological study on the life and behavioural strategies of Ukrainian immigrants. Theoretical and methodological basis of research was sociological interpretation of the concepts of life and behavioral strategies of Ukrainian migrants in Moscow as a social community. The author presents an analysis of empirical studies, which revealed the basic life plans of Ukrainian migrants for the next five years and gave the opportunity to trace their behavioral strategies.

Key words: life strategies, behavioral strategies, Ukrainian immigrants, social community

JEL code: J10

Введение

В одной из украинских газет в ноябре 2015 г. было написано следующее: «Пока в Украине идут “реформы”, сотни тысяч людей уезжают из страны лишь для того, чтобы получить большую зарплату и прокормить семью. Если устроиться на работу и заработать хоть какие-то деньги в чужой стране будет проще, чем в Украине, то лет через десять в Украине вообще не останется ни одного жителя. Но в этом есть и “плюс” — не надо будет стараться проводить реформы» [6].

По данным Института социологии НАН Украины, полученным в рамках проекта «Украинское общество: мониторинг исследования социальных изменений», в 2016 г. каждая пятая украинская семья (20,2%) имеет по крайней мере одного члена семьи с опытом времен-

ной работы за рубежом. Среди них каждый четвертый — выходец из крестьянского двора [5].

Спрос на Россию в 2016 г. как страну эмиграции упал. Это объясняется как идеологическими соображениями, так и тем, что после падения курса доллара уменьшились зарплаты украинцев в России в валютном эквиваленте. Результаты нашего опроса показали, что многие украинцы рассуждают примерно так: «Курс доллара ударил и по России, и по Украине. И ехать штуркатуром на 14 тысяч грн. в РФ, наверное, смысла нет, если можно поехать на 18 тысяч грн. в Польшу» [4].

Как справедливо отмечает контент-эксперт портала «Работа.юа» Татьяна Пашкина, вторая причина того, почему в РФ стали меньше ездить на заработки, — это перенасыщенность рынка труда в Москве и Санкт-Петербурге. «А ехать куда-то в Хакасию или даже в Екатеринбург мало кто захочет», — говорит она. По ее словам, сейчас появился новый тренд — удаленная работа в РФ. То есть часть украинцев работает на Россию, даже не выезжая из страны [7].

Вместе с тем в 2016 г., как и в предыдущие годы, Украина остается лидером по въезду своих граждан в Российскую Федерацию. От всех въехавших в Россию в 2016 г. доля граждан Украины составила 21,8%. Доля граждан Украины, находящихся на территории РФ в 2016 г., составила 25,9%, или 2 512 647 человек. То есть каждый четвертый иностранец, находящийся на территории РФ, — это гражданин Украины. В абсолютном значении большинство лиц, незаконно находящихся на территории РФ, также составляют граждане Украины (735,6 тыс., или 21,3%). При этом наибольшее число таких граждан находится в Москве [3].

С учетом сложившейся ситуации мы поставили целью своего исследования выявить жизненные стратегии украинских мигрантов, проживающих в Москве, а также их поведенческие шаги для реализации своих жизненных стратегий.

Методология и методика исследования

В основу наших исследований были положены следующие понятия: жизненные стратегии и поведенческие стратегии. Как известно, в социологии разработка понятия «жизненные стратегии» начала осуществляться во второй половине XX в. У. Томасом и Ф. Знанецким. Они анализировали жизненные планы и жизненные пути польских мигрантов в США в рамках феноменологической социологии через социальную активность и разнообразные поведенческие концепции по формированию доминирующей (стратегической) линии действий, проблемы выбора, определения критериев оценки успешности выбранной линии поведения. Мы исходили также из того, что украинские мигранты в Москве представляют

собой особую социальную общность, а жизненная стратегия социальной общности, по нашему мнению, «представляет собой главную линию ее поведения и жизнедеятельности, интегрирующую в себе жизненные планы и программы социальной общности для достижения основных целей и преодоления противоречий, характерных для нее» [2].

Теоретико-методологической базой для нашего исследования жизненных стратегий стали разработки отечественных социологов, в том числе В.А. Ядова, К.А. Абульханова-Славской, Г.А. Чередниченко, С.Н. Иконниковой, Т.Е. Резник, Ю.М. Резник и других, которые занимались исследованием жизненных планов, жизненных программ, жизненных перспектив и траекторий, а также жизненных ориентаций различных социальных общностей и групп населения.

При разработке концепции исследования мы исходили из следующего подхода: на формирование и реализацию жизненной стратегии влияют следующие объективные факторы: 1) система ценностных ориентаций, характерных для украинских мигрантов, проживающих в Москве; 2) коллективный «опыт» их жизни в Москве; 3) наличие у них различных ресурсов; 4) характер и степень остроты жизненных проблем и целей, стоящих перед украинскими мигрантами в Москве.

Для социологического измерения стратегического поведения украинских мигрантов в Москве мы разработали показатели, которые отражали их социальные ожидания и представления о будущем. Учитывался и тот момент, что становление жизненных стратегий зависит от состояния среды, в которой находятся представители сообщества: она стабильна или неопределенна и динамична, что заставляет украинских мигрантов постоянно корректировать свою жизненную стратегию, осуществлять выбор в сложных изменяющихся условиях жизни в Москве, и зачастую делать это интуитивно.

В нашем исследовании мы исходили также из того, что жизненная стратегия реализуется посредством широкого спектра поведенческих стратегий, охватывающих основные сферы жизни социальной общности (работу, домохозяйство, быт, досуг, семью и пр.). Если жизненная стратегия характеризует более сущностный уровень бытия социальной общности украинских мигрантов в Москве, то их поведенческие стратегии связаны с тактическими действиями, реализующимися в их повседневной жизни. Основой нашего подхода стало следующее положение: «Поведенческая стратегия представляет собой устойчивый способ организации жизнедеятельности социальной общности в определенной сфере путем концентрации ее ресурсов и способов осуществления деятельности вокруг значимой цели» [1]. Исходя из этого, мы стратегию поведения нашей социальной общности — украинских мигрантов в Москве — рассматривали как результат социальных интеракций как внутри

общности, так и вне ее (с другими общностями). То есть мы подошли к выстраиванию стратегии поведения как своеобразной форме проектирования и реализации социальных взаимодействий между различными социальными субъектами.

Среди российских аналитиков в связи с большим оттоком населения из Украины в Россию идет дискуссия. Одни видят в этом положительную сторону для России, считая, что рост потока украинцев может смягчить серьезные демографические трудности, которые она испытывает. Кроме того, они отмечают, что рабочие и специалисты из Украины сопоставимы по квалификации и образованию с российскими, что также является весомым плюсом для рынка труда России. Другие аналитики считают, что если военные действия в наиболее обозримом будущем прекратятся, то в России на ПМЖ останется лишь 10–20% тех, кто приехал сегодня. Кроме того, высказываются и проблемы геополитического характера: высокие темпы миграции создадут геополитические проблемы в будущем для отношений России и Украины, так как в Россию перетекают лояльные к ней люди, т. е. вымывается «русская Украина».

Эти различные точки зрения легли в основу нашей основной гипотезы исследования, направленного на выявление жизненных и поведенческих стратегий украинских мигрантов, проживающих в Москве и имеющих разные основания для нахождения на территории Российского государства, а именно, временный вид на жительство, разрешение на работу в виде патента, статус беженца, участника Государственной программы по содействию по переселению соотечественников, обучение в российских вузах и др., а также не имеющих правовых оснований для нахождения в России — «хочу и живу».

В статье использованы результаты следующих социологических исследований, проведенных под руководством автора статьи или с ее участием:

- 1) «Эмиграционные установки населения Украины». Исследование проводилось в декабре 2015 — марте 2016 г. Метод исследования: глубинное интервью методом снежного кома. Опрошено 29 жителей Украины (Россия, Москва — 3 чел.; Венгрия, Будапешт — 5 чел.; Голландия, Амстердам — 3 чел.); Восточная Украина (Донецкая область — 3 чел.); Западная Украина (Черновцы — 1 чел.; Луцк — 5 чел., Львов — 2 чел., Берегово — 1 чел.); Центральная Украина (Киев — 2 чел., Белая Церковь — 3 чел., Хмельницкий — 1 чел.). Руководитель: Ph.D. И. Н. Молодикова (Центральный Европейский университет); члены ВТК: д-р социол. наук, профессор Т. Н. Юдина (РГСУ), магистрант Е. Сичко (РГСУ);
- 2) «Мотивационные установки украинцев, проживающих в Москве». Исследование проводилось в апреле–мае 2017 г. Метод ис-

следования: глубинное структурированное интервью методом снежного кома. Опрошено 132 выходца из Украины, проживающих в Москве и не имеющих российского гражданства или вида на жительство. Руководитель: д-р социол. наук, профессор Т. Н. Юдина (РГСУ), члены ВТК: Ph.D. И. Н. Молодикова (Центральный Европейский университет); магистрант Е. Сичко (РГСУ).

Жизненные планы украинских мигрантов в Москве

На жизненные планы и перспективы украинских мигрантов в Москве в значительной степени повалили причины переезда в Россию. Главной причиной переезда стали «беспорядки на территории Украины»: «Ну как причина... причина одна, непонимание между украинскими людьми, то есть когда рвутся во дворе дома снаряды, когда рассыпаются дома, невозможно жить и как бы... воспитывать детей, нет никаких возможностей для жизни. Поэтому пришлось переехать» (мужчина, образование высшее педагогическое, учитель русского языка в начальных классах на Украине). Так ответило 42,8% респондентов. Второй причиной отъезда явилось «тяжелое финансовое положение» (22,3% опрошенных). Характерный ответ для этой группы респондентов: «Нищета, хотелось больше заработать денег, больше получать, вот я увидел возможность в этом, что в Москве можно работать больше, чем на территории моей страны» (мужчина, Александр, 25 лет, образование среднее). Третьими по значимости стали такие причины, как «создание семьи» (женщина, 29 лет: «В начале 90-х годов я познакомилась со своим будущим мужем, он был в командировке в Киеве, а я приехала к подруге на свадьбу, случайно мы с ним познакомилась там. Так получилось, что потом уже поженились и я переехала к нему») и «получение образования» (мужчина, Никита, 25 лет: «Мне нужно было получить высшее образование. Решил поехать в Россию») (14,6 и 13,8% соответственно).

Кроме этих основных причин, назывались и такие, как «нежелание служить в украинской армии. Приехал один. В Украине осталась жена и дочка трех лет» (мужчина, образование высшее); «желание поменять собственную жизнь в лучшую сторону. Россия дает шанс много добиться» и др.

Данное исследование позволило выявить основные три группы респондентов в отношении их жизненных планов. Респондентам был задан вопрос: «Через пять лет, чего бы Вы хотели достигнуть, где жить и работать?» Характерными ответами для первой группы украинских мигрантов (для 62% респондентов) явились следующие ответы: «Через пять лет я планирую жить в Москве, иметь российское гражданство, свою семью и достаточно хорошую заработную плату, но это, конечно, в идеале. А так

ничего конкретного я сказать не могу, двигаюсь в этом направлении, и пока препятствий к этому нет» (женщина, 25 лет, образование высшее); «Ну жить и работать я бы хотела в Москве. Ну, продолжать жить в России и в Москве, непосредственно. А достигнуть? Ну... Конечно, закончить успешно вуз и устроиться для начала хотя бы, ну, на работу, понятное дело, с дальнейшим карьерным ростом, возможно. Я бы надеялась на это (смеется). Вот» (женщина, студентка РУДН); «Я бы хотела остаться в Москве. Перевезти сюда родителей. Найти работу и создать семью» (женщина, 27 лет, образование высшее); «Хочу получить гражданство РФ, купить квартиру и открыть свой бар» (мужчина, 20 лет, студент). Вторая группа респондентов рассматривает свое пребывание в Москве как временное. Наиболее характерные ответы для данной группы респондентов: «Хотелось бы, конечно, получить высшее образование и уехать домой и дома уже какой-нибудь бизнес открыть, развиваться и быть независимым от работодателя. Я учусь на вычислительные машины, собственно, какой-нибудь компьютерный магазин» (мужчина, 22 года, студент); «Я хотел бы не только через пять лет, а как можно быстрее вернуться домой на Украину, обустроить дом свой, жилище, жить спокойно на Украине, с нормальным правительством, с нормальным отношением, с нормальными магазинами, ценами, без войны, без взрывов. Вот собственно все, чего я хочу» (мужчина, высшее педагогическое образование); «Через пять лет, надеюсь, стабилизируется ситуация с Украиной и Россией, уеду обратно жить со своей семьей» (мужчина, 30 лет, незаконченное высшее). Таких точек зрения придерживаются 34% опрошенных.

Третья группа респондентов пока не определилась точно в своих жизненных планах, и для этой, немногочленной группы респондентов характерны следующие ответы: «Ну... я, конечно, все-таки еще надеюсь, что через пять лет все устаканится на Украине, все встанет на свои места, и там все-таки стабильность, и адекватные власти будут присутствовать, ну в принципе мне и Россия нравится, нас так тепло встретили, все люди понимающие. Ну, может быть, мы бы захотели здесь остаться, если на Украине все будет хорошо, то, конечно, мы скорее вернемся туда, потому что это Украина — это наша родина. Но если там все будет так же продолжаться, как и сейчас, то вряд ли. Нам Россия нравится, мы бы наверно, может, и остались бы жить, здесь работать. Достигнуть... достигнуть, ну, хочется, конечно, благополучия в своей семье, хотелось бы свой дом, может быть даже... не квартиру, а именно дом, чтобы свой огород, свое хозяйство, вот ну пока, наверно, к этому стремимся, чтобы все вот как бы стало так, как у нас там было, на Украине у нас был свой дом, свой огород, мы работали в нем, это времяпрепровождение всей семьей, чистый воздух, ну, наверно, хотелось бы именно этого»; «Именно где жить... Жить, наверно, там, где есть работа, поэтому, возможно, здесь, возможно, в другом месте. То есть пока не определены?

Если будет работа, буду жить и работать»; «Не задумывался над такими планами, будь, что будет».

Жизненные планы украинских мигрантов напрямую связаны с характером и степенью остроты проблем, с которыми они столкнулись в Москве, в том числе как они оценивают свой комфорт и безопасность, проживая в Москве. Первая группа респондентов из восточных регионов Украины: «Ну безопасность... после того, что было на Украине, конечно, каждый спокойный день, каждую спокойную ночь, когда снаряды не рвутся в огороде, и это чувство безопасности придает уже, уже как бы стало немножко забываться, не совсем, но... гнетущая обстановка такая в душе сменяется на более повседневную, немножко стало даже забываться. В России, да, безопаснее, конечно, здесь не стреляют и не воюют, люди, с которыми я общаюсь, живут обычной жизнью, так и должно быть», или «Мне здесь нравится, не хотелось бы возвращаться». Вторая группа, которая не планирует оставаться в России: «Домой хочу. Тут обстановка чужая. Жить тут страшно. Все злые. Того и гляди, сожрут друг друга из зависти». Третья группа, которой все равно где жить: «Опасения, ну, как сказать (задумался). Боюсь, что зарплату платить не будут и с работы попрут. А так, мне все равно на остальное. Было бы, что жрать».

Поведенческие стратегии украинских мигрантов

Данное исследование дало возможность также проследить поведенческие стратегии украинских мигрантов, в силу разных обстоятельств проживающих в настоящее время в Москве, в отношении их работы, проживания, сохранения духовных и религиозных традиций, отношений с сослуживцами, их соседями по дому, родственниками и соотечественниками, проживающими как в Москве, так и на Украине, и другие аспекты повседневной их жизни в Москве.

Для того чтобы реализовать свои жизненные планы в отношении дальнейшей жизни и работы в Москве, респонденты собирались делать, как правило, для определения своего правового положения в России следующие шаги: «Для меня сейчас первостепенно учеба, в дальнейшем я собираюсь получать вид на жительство и российское гражданство»; «Буду делать шаги в направлении получения российского гражданства»; «Имею статус беженца. Собираюсь стать участником Государственной программы по содействию по переселению соотечественников»; «Имею патент на трудовую деятельность. Имею РВП, буду через полгода подавать документы на вид на жительство, а потом на гражданство».

Подавляющее большинство респондентов (73,5%) считают для себя возможным создание семьи на территории России. А из респондентов, уже имеющих семью, 82,3% опрошенных считают возможным переезд своей семьи в Россию.

Социальные связи граждан Украины с местным населением на работе и живущими рядом хорошие и очень теплые. Так отметило около 70% опрошенных. Это подтверждает и ответы 85,4% опрошенных об отсутствии у них конфликтов на работе и с соседями.

Заключение

Украинские мигранты осознанно приехали на территорию РФ, в основном с целью улучшения финансового положения. Неудовлетворительное материальное состояние мигрантов на родине в первую очередь связано с нестабильной политической ситуацией в стране и ведением боевых действий в некоторых районах Украины. Мигранты, в большинстве своем, чувствуют себя безопасно и комфортно. При рассмотрении их социальных связей видно, что основной круг их общения составляют коллеги по работе.

Опираясь на полученные данные, можно сделать следующий вывод, что большинство украинских мигрантов чувствуют себя спокойно, уверенно и намерены остаться на территории России для дальнейшего проживания, осуществления трудовой деятельности, создания семьи.

В заключение отметим, что проблема миграции украинских граждан в Московский регион в связи с тяжелой политической ситуацией на территории Украины является сложным многогранным вопросом, требующим дальнейшего изучения и осмысления.

Литература

1. *Амбарова П. А.* Управление временем в зеркале темпоральных стратегий поведения социальных общностей. — Екатеринбург: УрФУ, 2015.
2. *Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А., Певная М. В., Кузьминчук А. А.* Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности. — Екатеринбург: УрФУ, 2014.
3. Итоги деятельности Главного управления по вопросам миграции МВД России и подразделений по вопросам миграции территориальных органов МВД России за 2016 год.
4. *Молодикова И. Н., Юдина Т. Н.* Вектор миграционных стратегий украинских мигрантов: ЕС или Россия // Социальная политика и социология. — 2016. — Т. 15. — № 3 (116). — С. 99–107.
5. *Pribytkova I.* Foreward: From the passport regime to the freedom of movement / Post-soviet migration transition in Ukraine: migration behaviour, humanitarian safety, human rights protection, 2016.
6. URL: <http://businessviews.com.ua/ru/studies/id/8-faktov-pro-emigrantov-kak-namek-na-buduschuju-nehvatku-kadrov-918>
7. URL: <https://strana.ua/articles/analysis/34354-za-luchshej-zhiznyu-pochemu-ukraincy-prodolzhayut-ezdit-rabotat-v-rossiyu.html>

1. *Ambarova P.A.* Upravlenie vremenem v zerkale temporal'nyh strategij povedeniya social'nyh obshchnostej. — Ekaterinburg: UrFU, 2015.
2. *Zborovskij G.E., SHuklina E.A., Ambarova P.A., Pevnaya M.V., Kuz'minchuk A.A.* Upravlenie strategiyami povedeniya gorodskih obshchnostej: problemy i vozmozhnosti. — Ekaterinburg: UrFU, 2014.
3. Itogi deyatelnosti Glavnogo upravleniya po voprosam migracii MVD Rossii i podrazdelenij po voprosam migracii territorial'nyh organov MVD Rossii za 2016 god.
4. *Molodikova I.N., YUdina T.N.* Vektor migracionnyh strategij ukrainskih migrantov: ES ili Rossiya // Social'naya politika i sociologiya. — 2016. — T. 15. — № 3 (116). — S. 99–107.

СЕССИЯ 9

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИИ И МИРЕ: КОНЦЕПЦИИ, МЕРЫ, ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ

*Баженова Е.С.,
Институт Дальнего Востока РАН
(Москва, Россия)*

Новые аспекты политики народонаселения в КНР в условиях стратегии инновационного развития

Аннотация

В статье анализируются основные тенденции в области политики народонаселения в КНР и те изменения, которые произошли под влиянием социально-экономических факторов. Показано, что правительство КНР и КПК связывают демографическую проблему с судьбой нации, ставя в зависимость от ее решения успехи политики инноваций и прогресс в социально-экономической сфере.

Ключевые слова: политика народонаселения, инновации, экономическая реформа

JEL код: J10

*Bazhenova E. S.,
PhD
Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

New aspects of population policy in PRC in the context of an innovative development strategy

Abstract

The article analyses the main trends in the field of population policy in China and the changes which took place under the influence of socio-economic factors. The Chinese government and the CPC connect demographic problem with the future of the nation, success of innovation policy and socio-economic progress depends of its decision.

Key words: population policy, innovations

JEL code: J10

В 1970-е гг. в ходе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику, направленную на сдерживание численности населения самой многонаселенной страны мира, чтобы привести в состояние рационального равновесия число жителей, величину природных ресурсов и потребности устойчивого экономического развития с целью построения общества благосостояния. Проводилась политика «однородной семьи», которая рассматривалась как один из приоритетов экономического роста. Рост населения постепенно замедлялся, цель по ограничению численности населения была достигнута, снизилось «демографическое давление» на экономику, социальную сферу и ресурсы, что помогло обеспечить успешный экономический рост.

В 2015 г. было объявлено о переходе к политике двухдетной семьи, произошла важная корректировка прежней политики плановой рождаемости. Это означает, что в ходе 13-й пятилетки будет изменяться демографическая структура КНР; методы развития национальной экономики и социальная модель претерпят большие изменения. Современная демографическая стратегия и новая политика в этой сфере позволят привести в соответствие с моделью социально-экономического развития страны ее демографические показатели, поддержать очередной рывок в области инноваций в соответствии с Государственной программой инновационного развития (утверждена ЦК КПК и Госсоветом КНР в мае 2016 г.) и добиться успешного построения среднезажиточного общества. Но, по мнению известного экономиста Сюй Или, «для решения демографических проблем Китая надо приложить усилия в области *повышения качества населения и оптимизации демографической структуры*. Только при условии, если КНР совершит переход от страны с многочисленным населением к могучей державе с высокоразвитым человеческим капиталом, можно будет достичь поставленных целей успешного развития» [2, с. 17].

В 2006 г. Госсовет КНР разработал комплексную Государственную среднесрочную и долгосрочную программу развития науки и технологий (2006–2020), рассчитанную на 15 лет. Основная ее цель — создать отечественный инновационный потенциал, могущий стать базой реструктуризации экономики, изменить модель роста, повысить конкурентоспособность Китая в мире. Ориентация на собственные инновации стала выбором стратегии на обозримую перспективу [1, с. 7] Для страны ставилась задача овладеть ключевыми технологиями в информационной индустрии и выйти в этих сферах на передовой мировой уровень.

Последний раздел программы посвящен человеческим ресурсам, повышению качественных характеристик населения, прежде всего в образовательной и профессиональной сферах. Ставится задача подготовить

когорту экспертов, ученых мирового уровня с помощью международного обмена и международного сотрудничества.

Литература

1. *Бергер Я. М.* Научно-технологическая составляющая совокупной национальной мощи Китая // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 6.
 2. Китай. — Декабрь 2015. — № 12.
1. *Berger Ja. M.* Nauchno-tehnologicheskaja sostavljajushhaja sovokupnoj nacional'noj moshhi Kitaja // Problemy Dal'nego Vostoka. — 2016. — № 6.
 2. Kitaj. — Dekabr' 2015. — № 12.

*Иногамов Ш. А.,
ст. научн. сотр.
Институт социальных исследований
при Кабинете Министров
Республики Узбекистан
(Ташкент, Республика Узбекистан)*

Особенности формирования демографической политики в Узбекистане

Аннотация

Демографическая политика является составной частью социальной политики, проводимой страной. Многие страны мира в зависимости от складывающейся демографической ситуации и тенденций ее развития стремятся управлять воспроизводством населения, так как резкое замедление роста (или в случае убыли) или высокий рост населения негативно сказывается на демографической и социально-экономической ситуации. Проводимая демографическая политика предполагает активное участие государства в регулировании демографических процессов и призвана сохранять или изменять тенденции динамики численности, структуры, расселения и качества населения в желательном для себя направлении.

Демографическая политика Узбекистана направлена на повышение качества и укрепление здоровья населения, увеличение продолжительности жизни, снижение уровня смертности, поддержание рождаемости, регулирование внутренней и внешней миграции, сохранение и развитие позитивных тенденций демографической ситуации.

В целях упреждения потенциальных рисков и вызовов обосновывается необходимость разработки Концепции демографической политики Узбекистана на долгосрочную перспективу как самостоятельного и комплексного документа. Она рассматривается как специфическая по своим целям и методам их достижения, но согласованная и взаимодействующая с другими сферами жизнедеятельности общества.

Ключевые слова: демографическая политика, воспроизводство населения, риски

JEL код: J18

*Inogamov Sh. A.,
senior researcher
at Institute for social researches
under the Cabinet of Ministers
of the Republic of Uzbekistan
(Tashkent c. The Republic of Uzbekistan)*

Characteristics of demographic policy formation in Uzbekistan

Abstract

Demographic policy is an integral part of the social policy pursued by the country. Many countries in the world, depending on the emerging demographic situation and trends of its development are trying to control the reproduction of the population, because a sharp slowdown in population growth (or in case of loss) or high population growth negatively affects the demographic and socioeconomic situation. The demographic policy pursued assumes the active participation of the state in regulating demographic processes and is designed to preserve or change the trends in the dynamics of the population size and its structure, settlement and quality in a desirable direction for themselves.

The demographic policy of Uzbekistan is aimed at improving the quality and health of the population, increasing life expectancy, reducing mortality, maintaining fertility, regulating internal and external migration, maintaining and developing positive trends in the demographic situation.

In order to prevent potential risks and challenges, it is necessary to develop the Concept of the Demographic Policy of Uzbekistan for a long-term perspective as an independent and comprehensive document. It is regarded as specific in its aims and methods of achieving them, but coordinated and interacting with other spheres of society's life.

Key words: demographic policy, population reproduction, risks

JEL code: J18

Управляемость демографическим развитием является чрезвычайно важной и актуальной проблемой. Историческая демография свидетельствует о том, что многие государства в разные времена предпринимали попытки регулирования демографических процессов.

Само понятие «демографическая политика» предполагает активное участие государства в регулировании демографических процессов и призвано сохранять или изменять тенденции динамики численности, структуры, расселения и качества населения в желательном для себя направлении. Она рассматривается как одна из составных частей социальной политики, специфическая по своим целям и методам их достижения, но согласованная и взаимодействующая с другими сферами жизнедеятельности общества.

В демографическом развитии Узбекистан пережил целый ряд периодов, связанных с изменениями политических, социально-экономических и других факторов. Актуальность проблемы связана с тем, что республика обладает молодым, растущим и значительным по численности

населением. По состоянию на начало 2017 г. его численность составила 32,1 млн чел. и по сравнению с началом 1991 г. (20,6 млн чел.) выросла на 11,5 млн чел., или в 1,6 раза. В настоящее время фактически в республике проживает 45,5% жителей Центрально-Азиатского региона.

В Узбекистане демографическое развитие в целом всегда было довольно сложным. Достаточно отметить, что к началу 1990-х гг. сложилась неблагоприятная демографическая ситуация, накопился целый ряд негативных явлений. Это прежде всего: относительно высокий уровень детской и материнской смертности; наличие значительного количества многодетных семей; низкая социальная, трудовая и территориальная мобильность; всплески в отдельные годы масштабного оттока населения за пределы республики.

Население республики в годы независимости росло неравномерно, волнообразно, что связано с возникновением новых тенденций в демографических процессах. Так, если в начале 1990-х гг. среднегодовой темп прироста составлял 2,4–2,5%, то в середине нулевых годов снизился до 1,1–1,2%. В последние годы намечилось ускорение роста населения, и в 2016 г. прирост составил 1,7%.

На фоне многих стран в Узбекистане сложилась благоприятная демографическая ситуация, где происходит умеренно расширенное воспроизводство населения. Демографические процессы происходят практически в благоприятном режиме:

- значительно снизилась рождаемость — суммарный коэффициент рождаемости уменьшился с 4,2 в 1991 г. до 2,5 в 2016 г. (в 1,7 раза);
- уровень смертности относительно низкий, что обусловлено особенностями возрастной структуры населения — общий коэффициент смертности уменьшился за анализируемый период с 6,2 промилле до 4,9 промилле;
- младенческая и материнская смертность сократилась более чем в три раза;
- значительно уменьшился отток населения за пределы республики.

В перспективе при закреплении и дальнейшем развитии современных позитивных тенденций в Узбекистане ожидается умеренно расширенный режим воспроизводства населения, и республика будет обладать значительным демографическим потенциалом. При этом среднегодовой темп прироста населения в прогнозном периоде (2017–2030) может составить 1,2%.

Ожидаемый рост численности населения и сдвиги в его возрастной структуре в перспективе выступят в качестве одного из основных факторов при формировании стратегии развития и программ социально-экономического развития республики. Изменения в возрастной структуре вызовут как минимум две проблемы: начнется старение населения «сверху», что потребует реформирования пенсионной системы,

здравоохранения и т. д.; продолжится демографическое давление на рынок труда.

Переход республики на инновационные пути развития потребует существенного повышения качественных и профессионально-квалификационных характеристик населения.

В целях предупреждения потенциальных вызовов и рисков в процессе демографического развития в перспективе необходимо разработать и принять Концепцию демографической политики Узбекистана на долгосрочную перспективу как единый и комплексный документ в рамках стратегии социально-экономического развития. В ней должны быть определены цели, принципы, основные направления и задачи политики в области народонаселения. Кроме того, в документе необходимо обосновать прогнозные целевые ориентиры по основным демографическим показателям и источники финансирования на реализацию конкретных мер и мероприятий.

Достижение целей демографической политики в значительной степени зависит от успешного решения широкого круга задач социально-экономического развития, включая обеспечение стабильного и устойчивого роста экономики и повышение уровня жизни населения, снижение уровня бедности и уменьшение расслоения населения по доходам, ускоренное развитие человеческого капитала и формирование эффективно функционирующих сфер здравоохранения, образования, социальной защиты населения, гибкого рынка труда, улучшение экологической обстановки.

*Исупова О. Г.,
Ph.D. (социология), ст. науч. сотрудник
Институт демографии НИУ ВШЭ
(Москва, Россия)*

История пронаталистской и семейной политики в Европе и России: уроки для современности

Ключевые слова: семейная политика, пронаталистская политика, история политики в Европе и России

JEL код: J10

Isupova O. G.

History of pro-natalist and family policy in Europe and Russia: lessons for modernity

Обычно считается, что в развитии современной семейной политики можно проследить следующие основные исторические стадии:

- 1) 1870–1929 гг. — введение первых оплачиваемых отпусков в связи с рождением ребенка, меры профилактики на работе для матерей и детей, финансовая поддержка нуждающихся матерей;
- 2) 1930–1944 гг. (во Франции раньше) — введение пособий для работников с маленькими детьми, пронаталистские меры в нескольких странах;
- 3) 1945–1959 гг. — введение универсальных семейных пособий, более продолжительных материнских отпусков, введение мер по предотвращению бедности семей, оплате медицинских и жилищных расходов;
- 4) 1960–1974 гг. — более высокие пособия для наиболее бедных, назначение пособий с учетом доходов;
- 5) 1975–1995 гг. — еще более длинные отпуска по уходу за ребенком, еще больше разнообразных семейных пособий, меры специально для работающих родителей, интеграция семейной политики и ее четкое описание в некоторых странах, развитие яслей и детских садов, финансовая помощь наиболее бедным семьям.

Интересно, что с 1960-х гг. бюджеты развитых стран крайне медленно увеличивали расходы на эту часть социальной политики, но зато и их урезание в кризисные времена было более незначительным, чем других расходов.

Семейная политика в современном понимании этого слова зародилась во Франции в начале XX в., а предпосылки этого были созданы еще в конце XIX в., после ее поражения во Франко-прусской войне, которое некоторые мыслители и политики связали с необходимостью увеличивать население страны, чтобы иметь армию, численно превосходящую «армию наиболее вероятного противника». Французское правительство до конца XIX в. рассмотрело большое количество пронаталистских законопроектов, содержащих предложения именно о мерах такой политики, которая впоследствии и стала называться семейной или демографической. Речь шла о налоговых вычетах для отцов больших семей, налоговом обременении и присвоении государством наследства не состоящих в браке взрослых, а также состоящих в браке бездетных и даже об ограничении избирательных прав для неженатых мужчин 26–40 лет. Практически все эти законопроекты так и не стали законами. В 1896 г. коалиция выдающихся французских интеллектуалов и политиков создала Национальный альянс за рост французского населения (*Alliance nationale pour l'accroissement de la population française*). Он быстро стал энергичным и эффективным лобби, в результате к 1900 г. было принято решение создать комиссию по депопуляции, которая начала свою работу в январе 1902 г. и уже через шесть месяцев заявила, что «благополучие и величие Франции» требуют финансовых мотиваторов для того, чтобы вдохновить французские супружеские пары на увеличение рождаемости.

В Италии идеи о необходимости сокращать или увеличивать рождаемость связаны с именем фашистского лидера Бенито Муссолини, который высказывал неомальтузианские идеи непосредственно перед Первой мировой войной. Однако после массовой гибели в ней итальянцев (а также представителей остальных больших европейских наций) одной из главных целей Муссолини после 1922 г. стало стремление к увеличению населения Италии (1928 г., эссе «Il numero come forza» («Количество как сила»), как минимум на 25%, или на 10 млн чел., чтобы усилить итальянскую экономическую мощь, обеспечить национальную безопасность и существование армии, способной на колониальные завоевания, как «положено» наследникам Римской империи.

В то же время многие европейские страны (прежде всего, Великобритания и отчасти Германия) не только в течение всего XIX в., но и в первой половине XX в. были обеспокоены в неомальтузианском духе (идеи о том, что численность населения необходимо поддерживать на нарастающем уровне, на самом деле, восходят еще к Платону и Аристотелю, хотя именно Мальтус эксплицитно связал их с возможными экономическими проблемами и, прежде всего, риском обнищания) скорее бедностью населения, являющейся результатом высокой рождаемости и роста населения.

Впрочем, в конце XIX и начале XX в. в Великобритании и Италии подвергали судебному преследованию тех людей, которые распространяли информацию о контрацепции.

В дополнение в эту же эпоху получили распространение евгенические идеи о том, что надо поощрять размножение наиболее «приспособленных» людей, а на пути рождаемости «неприспособленных» ставить препоны. Изначально эти идеи были одинаково популярны среди людей как прогрессивных, так и реакционных убеждений, но в конечном итоге они были дискредитированы евгеническими практиками нацистской Германии. Однако создатель французского пронаталистского Национального альянса Жак Бертильон возглавлял французскую делегацию на Первой интернациональной евгенической конференции в Лондоне в 1912 г. Итальянский демограф Корrado Джини предлагал стимулировать рождаемость у «высшей» итальянской расы всеми позитивными и негативными способами, в общих чертах изобретенными еще императором Августом в Древнем Риме (и оказавшимися там и тогда в конечном итоге вполне бесполезными).

Во Франции в 1913 г. был принят правительственный акт, предполагающий существенные выплаты для отцов на каждого ребенка от трех до 13 лет. В 1914 г. было изменено налоговое законодательство в целях уменьшения налогового бремени на большие семьи. Вступили в силу все эти законы только после Первой мировой войны, и пособия оказались значительно уменьшены инфляцией. В 1919 г. были приняты за-

коны против «антинаталистской пропаганды» и об уголовном наказании производителям аборт. В 1920 г. начались празднования дней матерей больших семей, на которых впоследствии им раздавали бронзовые, серебряные и золотые медали (за 5–6, 7–9, 10 и более детей соответственно). На не состоящих в браке мужчин и женщин старше 30 лет в этом же году был наложен дополнительный сбор в 25% дохода и 10% — на женатых в течение 10 лет и более, но бездетных. Большие семьи получили транспортные и жилищные льготы. Все это не вызывало протеста у большинства населения, пронатализм во Франции стал массовым народным движением, связанным с церковными кругами.

В 1932 г. был принят Акт о семейных пособиях, сделавший их выплаты обязательными (до этого многие работодатели выплачивали их добровольно). Эти выплаты могли быть очень существенными относительно заработка, особенно у наименее оплачиваемых рабочих, хотя соотношение менялось во времена кризиса и войны весьма значительно. Сразу после Второй мировой войны неквалифицированный рабочий — отец троих детей получал семейное пособие в размере половины своего заработка, а пособие заводского рабочего с пятью детьми могло превышать средний заработок в его профессии [13, p. 155].

В Италии при Муссолини обсуждались и такие меры, как налог на семьи со слишком малым числом детей и аннулирование бездетных браков через пять лет после их заключения, запрет на занятие бездетными и малолетними привлекательных должностей в государственном/публичном секторе, и присвоение государством наследства бездетных, а также имущества, унаследованного не состоящими в браке людьми. Муссолини рассчитывал, что это поможет увеличить население Италии с 1927 по 1950 г. с 40 до 60 млн человек. Но в реальности оно составило только 47 млн человек. Нельзя считать, что виной тому война, так как еще в 1938 г. итальянское государство признало свою борьбу за рождения проигранной, и в реальности брачность и рождаемость падали все предшествующее этому моменту десятилетие.

В Германии меры по повышению рождаемости частично возникли под влиянием высказывания Освальда Шпенглера в 1921 г. о том, что низкая рождаемость — одно из проявлений «вырождения расы». Автором нацистских идей по рождаемости в их развитом виде был Рихард Корхерр, ставший главой статистического бюро СС. Три основные его идеи состояли в том, что арийская раса высшая; интересы государства выше интересов личности; а основное предназначение женщины — материнство. Соответственно, «низших» надо было стерилизовать или уничтожать, размножение арийцев — стимулировать и расселять их на территориях, завоеванных или освобожденных от «низших». С 1933 г. молодым арийским семьям раздавали беспроцентные займы на восемь лет при условии, что они точно арийцы по всем критериям, а также

что жена работала до брака как минимум шесть месяцев, но оставила работу, вступив в брак. Деньги на эти займы поступали из налоговых сборов с не состоящих в браке мужчин и женщин с определенным уровнем дохода. Через восемь лет нужно было возвращать на 25% меньшую сумму за рождение каждого ребенка, т. е. можно было ничего не возвращать при рождении четверых детей. Контрацепция и аборт не были запрещены до 1941 г., но доступность их была ограниченной (все клиники по планированию семьи были закрыты, производители абортов подвергались уголовным наказаниям). Наказанию также подлежали межрасовые сексуальные связи и гомосексуальность. Материнство интенсивно пропагандировалось среди женщин как священный долг перед германским народом и государством. Стимулировалось рождение, в том числе незаконнорожденных арийских детей, которых затем растили в специальных детских домах.

СКР, который в Германии в середине 1920-х гг. упал ниже уровня простого замещения поколений, а в 1933 г. составлял 1,6, к 1939 г. составил 2,4, но снова упал до менее 1,6 к концу войны.

Суммируя, можно сказать, что до 1940 г. внутри семейной политики и ее идеологии было два базовых, отчасти (но не всегда) противоположных течения — одно, озабоченное мощью государства и в связи с этим численностью населения, «стратегическая демография», и другое, неомальтузианское, озабоченное скорее «качеством» населения, в частности, в связи с борьбой с бедностью.

К настоящему времени, по мнению многих исследователей, Франция — единственная демократическая страна, имеющая более чем столетнюю практически непрерывную историю устойчивой семейной политики с явственно пронаталистскими целями. Только в недавние годы это государство перешло на значительно более умеренные позиции. Но и другие страны в отдельные эпохи заявляли именно пронаталистские цели (например, в течение 1976–1991 гг. это были Болгария, ФРГ, Греция и Венгрия). В то же время странами, к началу 1990-х гг. проявившими наибольшую щедрость по отношению к большим семьям, были Люксембург, Норвегия, Франция и Бельгия. К концу 1990-х гг. в список вошла также и Германия. Для некоторых исследователей в эту группу входят также Австрия и Чехословакия до ее разделения.

Не всегда реальные меры соответствуют декларируемым намерениям, различается и их реальное экономическое и социальное значение. Некоторые исследователи считают критерием пронатализма сосредоточение принятых мер на втором-третьем ребенке. Очевидно, что по этому критерию к странам с пронаталистской политикой можно однозначно отнести и современную Россию. Но выдвигают и еще один критерий — экономическую релевантность семейной поддержки, которая в послед-

ние два-три десятилетия XX в. составляла в более щедрых странах от 10 до 19% среднего заработка, а в странах второго ряда (к которым относят, в частности, СССР в конце его существования, в тот же период времени — Японию, Германию, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Австрию) — от 1 до 11%. Эти более низкие цифры скорее можно считать не явственным стимулированием рождаемости, а чем-то средним между пронатализмом и перераспределением общественного богатства в пользу семей с детьми. При этом декларируемые цели политики с некоторых пор (примерно после 1950-х гг.) крайне редко откровенно пронаталистские — гораздо чаще декларируются забота о женском здоровье, вовлечение матерей в рынок труда, поддержка приемлемого уровня жизни сравнительно больших семей и т. д.

История учит нас тому, что в области как поощрительных, так и запретительных мер политики поощрению рождаемости крайне трудно изобрести что-то новое. Кроме того, крайне трудно оценить их эффективность, не только в связи с тем, что для этого нелегко придумать достаточно обоснованный механизм расчетов, но и в связи с тем, что изменения в области рождаемости могут объясняться другими процессами, происходящими в обществе одновременно с ведением мер семейной политики. Ясно, однако, то, что попытки положительного воздействия на уровень и образ жизни семей, если они продуманы и действительно существенно меняют что-то к лучшему, обычно ведут к некоторому увеличению периодных показателей рождаемости, иногда значительному — люди в благоприятных условиях начинают рожать несколько больше, даже если их об этом открыто не просят. С другой стороны, с некоторых пор такие благоприятные условия все равно имеют границы с точки зрения увеличения рождаемости, связанные с институтами экономики и образования, поскольку распространилась норма, согласно которой скорее необходимо вкладывать больше интенсивных усилий в каждого ребенка, чем растить «достаточно хорошо» большое их количество.

Так или иначе, если люди уже привыкли к определенному набору мер семейной политики, крайне осторожно в нем можно что-то менять, особенно в сторону понижения качества жизни семей. Рождаемость при этом почти наверняка упадет, но возможны и другие неблагоприятные последствия, которые сложно заранее предвидеть. В целом согласованное мнение международного сообщества специалистов заключается в том, что даже если непосредственное влияние семейной политики на рождаемость труднодоказуемо или невелико, семейная политика имеет значение не только с точки зрения общего благосостояния семей, но и с символической, демонстрируя людям заинтересованность общества в их детях.

Литература

1. *Лушников А. М., Лушникова М. В.* Курс трудового права. — I т. — 2-е изд., перераб. и дополн. — М.: Статут, 2009. — 879 с.
 2. *Becker G. S.* An economic analysis of fertility, in: *Gary S. Becker* (ed.), *Demographic and economic change in developed countries*. — Princeton (New Jersey), Princeton University Press, National Bureau of Economic Research, 1960. — 356 p. — P. 209–240.
 3. *Blanchet Didier and Ekert-Jaffe Olivia*, 1994. The demographic impact of family benefits: evidence from a micro-model and from macro-data, in: *John Ermisch and Naohiro Ogawa* (eds.), *The family, the market and the state in ageing societies*. — Oxford, Oxford University Press, 1994. — 239 p. — P. 79–103.
 4. *Bleuel H. P.* Strength through joy: sex and society in Nazi Germany. Translated from German by Maxwell Brownjohn. — London: Seker & Warburg, 1973. — 272 p.
 5. *Calot G.* Chapter 100 / Population Policies up to 1940, in: *DEMOGRAPHY: ANALYSIS AND SYNTHESIS*. — Elsevier Inc., 2006. — P. 147–154
 6. *Chesnais J.-C.* Les conditions d'efficacite d'une politique nataliste: examen theorique et exemples historiques // *IUSSP* (ed.). *Proceedings of the IUSSP international population conference, Florence, 1985*. — Vol. 3. — P. 413–425. — Liege, IUSSP. — 525 p.
 7. *Chesnais J.-C.* Below-replacement fertility in the European Union (EU-15): facts and policies, 1960–1997 // *Review of Population and Social Policy*. — 1998. — No. 7. — P. 83–101.
 8. *De Santis G.* Pronatalist Policy in Industrialized Nations // *DEMOGRAPHY: ANALYSIS AND SYNTHESIS*. — 2006, Elsevier Inc. — P. 137.
 9. *Demeny P.* Population policy dilemmas in Europe at the dawn of the twenty-first century // *Population and Development Review*. — 2003. — Vol. 29(1). — P. 1–28.
 10. *Ditch J., Barnes H. and Bradshaw J. and Kilkey M.* A synthesis of national family policies 1996. — York: University of York, 1998b. — 78 p. (European Observatory on National Family Policies, European Commission).
 11. *Ekert O.* Effets et limites des aides financieres aux familles: une experience et un modele // *Population*. — 1986. — Vol. 41(2). — P. 327–348.
 12. *Ivanov S., Vichnevsky A., and Zakharov S.* Population Policy in Russia // *DEMOGRAPHY: ANALYSIS AND SYNTHESIS*. — Elsevier Inc., 2006. — P. 407.
 13. *Prost A.* Catholic conservatives, population, and the family in twentieth-century France // *Michael S. Teitelbaum and Jay M. Winter* (eds.). *Population and resources in Western intellectual traditions*. — Cambridge and New York: Cambridge University Press, 1989. — 310 p. — P. 147–164.
 14. *Teitelbaum M. S. and Winter J. M.* The fear of population decline. — Orlando and New York: Academic Press, 1985. — 201 p.
-
1. *Lushnikov A. M., Lushnikova M. V.* Kurs trudovogo prava. I t. 2-e izd., pererabotannoe i dopolnennoe. — М.: Статут, 2009. — 879 с.

Красовская Н. И.,
канд. юрид. наук,
заведующая Центром
социально-демографических исследований
Учреждения «Научно-исследовательский
институт труда Министерства труда
и социальной защиты Республики Беларусь»
(Минск, Республика Беларусь)

Правовая и институциональная основы демографической политики Республики Беларусь

Аннотация

Статья посвящена анализу институционально-правовых основ государственной демографической политики Республики Беларусь. В ней отражена активная роль законодательства, закрепляющего в своих нормах принципы экономического, морального, материального и иного воздействия на демографические процессы.

Ключевые слова: демографическая политика, Национальная программа демографической безопасности, законодательная и институциональная основы

JEL коды: J18, K32, K36, K37

Krasovskaya N. I.,
*Ph.D, Head of the Center of Social
and Demographic Studies of the Institution
“Scientific and Research Institute
of Labor of the Ministry of Labor
and Social Protection
of the Republic of Belarus”
(Minsk, Republic of Belarus)*

Legal and institutional framework for the demographic policy of the Republic of Belarus

Abstract

The article is dedicated to the analysis of the institutional and legal frameworks of the state demographic policy of the Republic of Belarus. It emphasizes the active role of legislation, which establishes in its norms the principles of economic, moral, material and other impact on demographic processes.

Key words: demographic policy, National program of demographic security, legislative and institutional framework

JEL codes: J18, K32, K36, K37

Современная демографическая ситуация Республики Беларусь побуждает искать пути эффективного институционально-правового воз-

действия на поведение людей и общественные процессы с целью обеспечения демографической безопасности страны.

В Республике Беларусь, первой на всем постсоветском пространстве, был разработан и принят Закон «О демографической безопасности Республики Беларусь». Он определил правовые основы ее обеспечения и национальные демографические интересы, закрепил принципы, цель и задачи демографической безопасности, а также институциональную структуру управления демографическими процессами.

Институциональный механизм обеспечения демографической безопасности представляет собой систему государственных и негосударственных институтов, деятельность которых направлена на создание условий для развития Республики Беларусь в соответствии с ее национальными демографическими интересами. Существующая в стране институциональная структура имеет четкое распределение функций и полномочий.

Целью государственной правовой политики в демографической сфере является создание эффективного механизма ее правового регулирования для предупреждения и нейтрализации демографических угроз и регулирования демографических процессов. Нормы национального законодательства направлены на решение демографических задач, связанных с формированием желательного для государства режима воспроизводства населения; изменением тенденций в области динамики его численности и структуры, темпов рождаемости, смертности, семейного состава; повышением материального благосостояния, уровня и качества жизни семьи; развитием доступных форм семейного обустройства детей-сирот; оптимизацией потоков внутренней и внешней миграции.

Важнейшим правовым инструментом решения демографических проблем являются Национальная программа демографической безопасности и программы демографической безопасности для административно-территориальных единиц. Нарботанный в стране опыт использования программного планирования показал, что за сравнительно небольшой период можно добиться существенных успехов в повышении рождаемости и снижении смертности. Важным фактором этого является целенаправленность мер государственного регулирования (экономических, административно-правовых, воспитательных и идеологических), призванных формировать нормы и стандарты демографического поведения.

Развитие законодательства в сфере семьи и брака направлено на обеспечение благоприятных условий для жизнедеятельности семьи, выполнения ею экономической, репродуктивной и воспитательной функций, укрепления нравственных основ и повышения престижа семьи в обще-

стве. Принятые в последние годы нормативные правовые акты реализуют государственную протаналистскую политику, направленную на решение демографических проблем преимущественно через материальную поддержку и стимулирование рождения нескольких детей в семье. Государственная заинтересованность в увеличении рождаемости выразилась в усилении экономических стимулов. Эти подходы позволили обеспечить в 2015 г. самые высокие показатели рождаемости за всю истории суверенной Беларуси. Суммарный коэффициент рождаемости достиг максимального за последние 20 лет значения 1,72 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста.

Одним из базовых демографических индикаторов является ожидаемая продолжительность жизни при рождении, детерминантом которого является состояние здоровья населения страны. Государственная правовая политика Республики Беларусь по увеличению продолжительности жизни в последние годы направлена на непосредственное воздействие на поведение людей в вопросах сохранения собственного здоровья. В стране совершенствуется профилактическая направленность здравоохранения, правовое закрепление получили нормы, регулирующие проведение диспансеризации населения и медицинской профилактики, развитие физической культуры и спорта, формирование у населения навыков здорового образа жизни и ответственности за собственное здоровье и здоровье окружающих. Впервые за последние два десятилетия значение ожидаемой продолжительности жизни при рождении превысило уровень 1990 г. и составило 73,9 года.

Миграционное законодательство Беларуси направлено на оптимизацию и повышение эффективности миграционных потоков. Сальдо миграции за период 2011–2015 гг. составило более 60,0 тыс. чел. и полностью компенсировало убыль населения, обеспечив его абсолютный прирост. В настоящее время миграционная политика направлена на привлечение высококвалифицированных специалистов из числа иностранцев, а также иностранцев, учреждающих в стране коммерческие организации.

Демографическое развитие Республики Беларусь по-прежнему является одной из первостепенных государственных задач. Несмотря на достигнутые в последние годы позитивные результаты, проблемы сокращения численности и старения населения; низкий уровень рождаемости; разрыв в продолжительности жизни при рождении с гендерным дисбалансом требуют своего решения, в том числе посредством развития и совершенствования институционально-правовой основы. Институционально-правовое воздействие на демографическую сферу отношений обеспечивается правовыми институтами различных отраслей права, имеющими свои механизмы регулирования. Современное состояние демографического развития Республики Беларусь требует совершенствования

правовых методов управления с тем, чтобы их воздействие отвечало интересам государства и общества, семьи и граждан.

Кучмаева О. В.,
д-р экон. наук, профессор
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова
(Москва, Россия).

Махова О. А.,
канд. экон. наук, доцент
Российский экономический университет
имени Г. В. Плеханова
(Москва, Россия)

Современные проблемы оценки эффективности семейной политики в Российской Федерации

Аннотация

Статья посвящена решению многогранной и сложной проблемы, связанной с комплексной оценкой эффективности государственной семейной политики. Проводится анализ структуры Концепции семейной политики России, принятой в 2014 г., и Плана реализации ее первого этапа. Рассматриваются возможности проведения мониторинга результативности мероприятий Плана и первые реализации Концепции. В настоящее время оценка результативности проводится достаточно формально, сложности оценки реализации Концепции семейной политики во многом связаны с логикой формирования самой Концепции и ее ожидаемыми результатами, недостатками формирования планов по ее реализации, отсутствием необходимой информации и специального мониторинга в рамках механизма ее реализации. В рамках Концепции в соответствии с задачами выделены девять направлений, для которых определен перечень индикаторов конечной результативности. При этом ряд из них не имеют конкретного количественного измерения, что представляет существенную проблему, связанную с невозможностью проведения объективной оценки эффективности конкретных мер. На основе имеющегося опыта оценки результативности мер демографической и социальной политики формулируются предложения по уточнению механизма реализации и оценки эффективности Концепции. При попытке оценки эффективности мер семейной политики возникают вопросы, среди которых: определение желаемого уровня показателей, выступающих индикаторами результативности семейной политики с учетом противоречивой демографической и социально-экономической динамики; необходимость разработки интегрального статистического показателя эффективности семейной политики.

Ключевые слова: семья, концепция семейной политики, план реализации концепции, индикаторы семейной политики, эффективность семейной политики

JEL код: H54

*Kuchmaeva O. V.,
Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia)*

*Mahova O. A.,
Plekhanov Russian University of Economics
(Moscow, Russia)*

Current issues in evaluating the effectiveness of family policy in the Russian Federation

Abstract

The article is devoted to addressing the multifaceted and complex problems associated with comprehensive evaluation of the effectiveness of the state family policy. The analysis of the structure of the Concept of family policy, adopted in 2014, and implementation Plan of its first phase. Discusses the possibility of monitoring the effectiveness of the action Plan and the first implementation of the Concept. Currently, the performance evaluation is conducted fairly formally, complexity evaluation for the implementation of the Concept of family policy is largely related to the logic of formation of the Concept and its expected results, the disadvantages of the formation of plans for its implementation, the lack of necessary information and special monitoring in the framework of the implementation of the Concept. In the framework of the Concept in accordance with the objectives identifies nine areas for which you have defined a list of indicators of the results. A number of them do not have specific quantitative measurements, which poses a substantial problem associated with the inability to conduct an objective assessment of the effectiveness of specific measures. On the basis of experience to evaluate the effectiveness of measures in demographic and social policy proposals for clarifying the mechanism of implementation and evaluation of the effectiveness of the Concept. When trying to assess the effectiveness of measures of family policy questions arise, including: determining the desired level of performance, projecting performance indicators of family policies in view of the conflicting demographic and socio-economic dynamics; the need to develop integrated statistical indicator of the effectiveness of family policy.

Key words: family, the concept of family policy, the plan of implementation of the concept, family policy indicators, the effectiveness of family policy

JEL code: H54

Введение

Внимание государства к семье и соответственно разработке семейной политики имеет достаточно серьезные основания. Обеспечение консолидации общества становится приоритетной государственной задачей, решение которой основано на формировании устойчивой социальной структуры и воспитании личности, готовой действовать не только в собственных интересах, но и в интересах других людей, в интересах страны. Сегодня наше государство заинтересовано в простом или расширенном воспроизводстве населения, в улучшении качества трудовых ресурсов и состояния здоровья населения, в эффективной социализации детей,

что обеспечивает его экономическую, политическую, военную безопасность и дальнейшее развитие [15, с. 22]. Формирование наиболее благоприятных условий для создания семьи, рождения и воспитания детей в данном случае является предметом государственной заботы, разделением ответственности с семьей за ее будущее.

Значимым этапом в развитии государственной семейной политики является утверждение в августе 2014 г. Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. [5]. Предыдущие стратегические документы, касающиеся реализации семейной политики, были приняты в России в 90-е гг. прошлого столетия. Указом Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 были утверждены «Основные направления государственной семейной политики», где были определены цели, принципы и направления деятельности в рамках ее реализации. Однако специалисты отмечали, что во многом утвержденные направления так и остались нереализованными в силу непроработанности механизмов реализации семейной политики [20].

Оценка направлений деятельности в рамках реализации Концепции семейной политики

Изменившиеся социально-политические и экономические условия в России, понимание значимости роли института семьи в жизни общества обусловили необходимость формирования новой стратегии семейной политики, учитывающей особенности жизнедеятельности современного института семьи и опирающейся на действенный механизм реализации. Принятая в 2014 г. Концепция семейной политики во многом взаимосвязана по задачам, направлениям и ожидаемым результатам с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [2], Национальной стратегией действий в интересах детей на 2012–2017 гг., Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. [4]. С одной стороны, это придает логичность и стройность составляющим социально-экономической политики государства. С другой, как показывает анализ Плана реализации Концепции, — чревато дублированием мероприятий, формальным подходом к формированию системы плановой деятельности. В этой связи отдельного внимания заслуживает оценка эффективности государственной семейной политики, которая представляет собой трудоемкий процесс в силу многогранности понятия семьи как социального института. Сложность измерения эффективности государственной семейной политики определяется, как было сказано выше, дублированием конкретных мер и как следствие индикаторов конечной результативности.

В соответствии с поставленными в Концепции задачами вводится ряд целевых индикаторов эффективности реализации (ожидаемых результатов) государственной семейной политики: уменьшение доли семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума в субъекте Российской Федерации; сокращение числа неработающих родителей, рост доли трудоустроенных граждан с семейными обязанностями в общем числе трудоустроенных граждан; увеличение численности детей в возрасте до трех лет, охваченных дошкольным образованием и услугами по присмотру и уходу; достижение положительной динамики демографических показателей; уменьшение числа разводов; увеличение организаций и объема услуг, ориентированных на семейное проведение досуга; увеличение доли семей, улучшивших жилищные условия, в общем числе семей, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий; сокращение доли детей, не получающих алименты в полном объеме, в общей численности детей, имеющих право на получение алиментов; уменьшение числа отказов от новорожденных в родильных домах; снижение числа возвратов детей из замещающих семей в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; снижение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в общей численности детского населения; увеличение доли детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитывающихся в семьях граждан Российской Федерации, в общем числе детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Однако предлагаемые индикаторы не закреплены за конкретными разделами Концепции, не имеют в ее рамках конкретного количественного измерения, что не позволяет дать объективную оценку результативности предпринимаемых шагов. Так, доля семей с детьми до 16 лет в общей численности семей, совокупный среднедушевой доход которых ниже установленного прожиточного минимума, в 2014 г. составила 62,9%, что ниже уровня 2013 г. (64%), но превышает значение за 2012 г., равное 62,2%. Отметим, что ранее показатель ежегодно увеличивался (2011 г. — 59,7%) [10]. С другой стороны, суммарный коэффициент рождаемости, относящийся к важнейшим демографическим показателям, составил в 2015 г. 1,78 ребенка на одну женщину репродуктивного возраста, его рост начался с 2006 г., за несколько лет до принятия Концепции. Несмотря на рост коэффициента рождаемости, его значение пока далеко от уровня, обеспечивающего хотя бы простое воспроизводство населения.

Насколько действия в рамках реализации Концепции могут изменить ситуацию? Предполагалась какая-либо оценка эффективности мер, на которые будет опираться стратегия? До какого уровня могут изменить показатели с учетом противоречивой демографической и социально-

экономической динамики? Пока эти вопросы относятся к разряду риторических.

План реализации: соответствие логике Концепции

Распоряжением Правительства РФ от 9 апреля 2015 г. № 607-р был утвержден План мероприятий на 2015–2018 гг. по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г.

Мероприятия плана сгруппированы по девяти направлениям, отражающим основные задачи Концепции.

В Концепции государственной семейной политики в РФ на период до 2025 г. вопросам обеспечения экономического благополучия семей уделено достаточно внимания. Из 65 мероприятий Плана мероприятий на 2015–2018 гг. по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 г. 25 связаны с обеспечением экономического благополучия семей с детьми [6]. Акцент сделан на трех основных направлениях деятельности, которые должны обеспечить создание условий для жизнедеятельности семей с несколькими детьми: развитие экономической самостоятельности семьи; развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей; создание механизмов поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Однако мероприятия Плана, направленные на развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного решения ею своей социальной функции, во многом носят формальный характер. В плане предлагается оказывать содействие в трудоустройстве лицам с семейными обязанностями путем подготовки рекомендаций органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации, без указания конкретных механизмов. Среди ожидаемых результатов Плана нет показателей, ориентированных на расширение гибких условий труда для работников с несовершеннолетними детьми.

К 2015 г. зафиксировано сокращение численности безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения, воспитывающих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов: в 2012 г. их численность составляла 272 тыс. чел., в 2013 и 2014 гг. она не изменялась и была равной 244 тыс. чел. Однако данный показатель не позволяет осуществить качественного сравнения изменений, так как нет возможности сопоставить его с общей численностью родителей, воспитывающих несовершеннолетних детей, детей-инвалидов.

Реализация плана не предусматривает никаких шагов по введению модели семейного налогообложения, о котором говорилось в тексте самой Концепции.

В настоящее время, по данным обследований бюджетов домашних хозяйств, проводимых Росстатом, доля доходов от предпринимательской деятельности составляет лишь 8,4% в общей сумме доходов населения (2014). Доля работающих не по найму в современной России в последние годы колеблется в пределах 7,0–7,3 % (по данным выборочных обследований занятости населения), в том числе доля помогающих на семейном предприятии составляет 0,4% и не менялась с 2012 г. Это крайне незначительная величина, которая не позволяет говорить о благоприятных условиях для семейного малого предпринимательства.

Ощущается потребность в развитии гибкого рынка труда для лиц с семейными обязанностями. По данным Комплексного обследования условий жизни населения, проведенного Росстатом, 16% населения, ищущего новую работу (в том числе 23% женщин), хотели бы работать неполное рабочее время.

В 2015 г. в сравнении с 2014 г. возросла численность воспитанников в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми. В 2014 г. она составляла 6813,6 тыс. чел., охват детей дошкольным образованием — 64,6%. В 2015 г. число воспитанников достигло 7151,6 тыс. чел., что составило 66,2% всех детей. Отметим снижение доли нуждающихся в устройстве в дошкольную образовательную организацию (по данным Комплексного наблюдения условий жизни населения в 2011 г. среди детей в возрасте до трех лет нуждались в устройстве в дошкольную образовательную организацию 53,4%, в 2014 г. — 48,9% [9]). Однако, такая проблема как дефицит мест в дошкольных образовательных учреждениях (в 2015 г. на 1000 детей в возрасте 1–6 лет приходится только 626 мест), несмотря не только на проводимую государственную политику, но и на изменения учета числа дошкольных образовательных учреждений, до настоящего времени считается нерешенной.

Мероприятия, направленные на развитие системы государственной поддержки семей, в том числе при рождении и воспитании детей, во многом связаны со стратегией преодоления бедности. Результатом должно стать снижение дефицита располагаемых ресурсов (доходов) малоимущих семей с детьми (в % от среднедушевых располагаемых ресурсов) с 36,2% в 2013 г. до 32% к концу 2018 г. Безусловно, важно обеспечить экономическую самостоятельность семей с детьми в возрасте от 1,5 до 3 лет как одной из социально уязвимых групп семей, для которых характерен повышенный уровень бедности. Однако в качестве ожидаемого результата в Плане представлена «подготовка предложений о дополнительной поддержке семей, воспитывающих детей в возрасте от 1,5 до 3 лет». Во-первых, экономическая самостоятельность и дополнительная поддержка — это не одно и то же. Во-вторых, непонятно, насколько

можно оценить результативность выполнения мероприятия Плана по наличию предложений.

Доля детей в возрасте до 16 (18) лет, в отношении которых имеется задолженность с выплатой алиментов, увеличилась с 2011 г. к 2014 г. с 20,2 до 21,1% (в % к общей численности детей, которым назначены алименты). По сути, проблема выплаты задолженности по алиментам никак не решается. Однако План не содержит никаких шагов по улучшению материального положения детей в разведенных семьях. Хотя об этом говорилось в тексте самой Концепции семейной политики, проблема создания алиментного фонда дискутируется в различных совещательных органах уже более пяти лет.

Мероприятия, направленные на повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, оказание содействия в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи, включают цикл информационных и просветительских мероприятий, не носящих, однако, системный характер. Предполагается проведение ряда конкурсов и проектов, мероприятий по просвещению родителей в области педагогики и возрастной психологии, а также формирование методической и организационной поддержки приемных семей.

Отношение расходов на семейные и материнские пособия к величине ВВП в России сократилось с 1% в 1996–1997 гг. до 0,9% в 2009 г. и 0,8% в 2014 г. Подобная динамика косвенным образом свидетельствует и о реальной ценности поддержки семьи в представлениях системы законодательной и исполнительной власти. Хотя еще в Указе Президента РФ от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» говорилось о поэтапном увеличении доли расходов на семейные пособия в валовом внутреннем продукте до 2,2%.

К сожалению, традиционно в Плате ничего не говорится о создании системы подготовки молодежи к браку, разработке обучающих программ и методик для образовательных учреждений, необходимости внесения изменений в образовательные стандарты общего среднего, начального профессионального и среднего специального образования с целью формирования системы подготовки к семье и браку подростков и юношества. Кроме того, непонятно, каким образом реализуемые мероприятия приведут к повышению ценности семейного образа жизни, каким образом оценивать результативность предпринимаемых мер.

Организация управления напрямую влияет на эффективность реализации семейной политики. В Плате отсутствуют мероприятия по созданию механизмов финансирования, информационно-аналитического и кадрового обеспечения, системы правового обеспечения государственной семейной политики, меры контроля за реализацией Концепции,

в том числе общественного контроля, включая общественный мониторинг, экспертизу нормативных правовых актов и решений. Механизмы обеспечивающих функций управления прописаны частично для регионального, но не федерального уровня.

В частности, для целей управления необходимо предусмотреть:

- увеличение доли расходов на семейные и материнские пособия к величине ВВП и ВРП до 2,2%, как предполагалось еще в Указе об основных направлениях государственной семейной политики от 1996 г. [1];
- разработку в составе бюджетов всех уровней семейно-детских бюджетов с выделением расходов на реализацию государственной семейной политики;
- совершенствование деятельности Фонда социального страхования, Фонда обязательного медицинского страхования, Пенсионного фонда России в отношении граждан с семейными обязанностями, выделение в составе их расходов, направленных на обеспечение реализации мер государственной семейной политики.

Текст Концепции прямо указывает на то, что государственная семейная политика формируется и реализуется как многосубъектная деятельность. Однако участие других, помимо государственных, субъектов в реализации политики слабо отражено в Планах: региональные власти, бизнес и НКО прописаны только как соисполнители мероприятий. Отсутствуют мероприятия по координации их деятельности на федеральном уровне.

Возможность оценки реализации Концепции семейной политики

В целом, анализируя логику построения Концепции и Плана реализации ее первого этапа, можно сказать, что они во многом не сбалансированы по целям, задачам, индикаторам и финансовому обеспечению.

Достижение целей первого этапа реализации Концепции зависит от инвестиционной и предпринимательской активности, уровня доходов населения, объемов средств региональных и местных бюджетов, фактически привлеченных объемов внебюджетных инвестиций.

Представляется, что Плану не хватает конкретности в направленности мероприятий, предлагаемых технологиях для достижения поставленной цели, увязки мероприятий и ожидаемых результатов, точности в предлагаемых показателях оценки. Количественный и содержательный состав показателей (индикаторов), выступающих в качестве ожидаемых результатов выполнения мероприятий Плана, не является достаточным для объективной и полноценной оценки достижения целей задач первого

этапа Концепции. Этих недостатков необходимо избежать при разработке дальнейших планов реализации Концепции (после 2018 г.).

Зачастую показатели подобраны таким образом, что по ним невозможно оценить эффективность реализации мероприятий, либо показатели и так уже имеют ярко выраженную позитивную тенденцию и будут улучшаться и без реализации Плана. Прогноз суммарного коэффициента, сделанный Росстатом в трех вариантах, демонстрирует, что к 2025 г. величина показателя может находиться в пределах от 1,71 до 1,98 ребенка на одну женщину. Низкий вариант прогноза основан на экстраполяции существующих демографических тенденций, высокий вариант является нормативным и ориентирован на достижение целей, определенных в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. Средний вариант прогноза считается наиболее реалистичным, в нем учтены сложившиеся демографические тенденции и принимаемые меры демографической политики. Отсутствуют какие-либо расчеты, направленные на оценку влияния реализации Концепции семейной политики на динамику демографических показателей, о которых говорится в качестве ее ожидаемых результатов.

К сожалению, многие мероприятия завершаются подготовкой докладов в Правительство, что не дает возможность оценить эффективность предлагаемых технологий. Из 65 пунктов Плана для 10 мероприятий в качестве отчетного документа выступает доклад, шести — аналитические материалы.

Для успешного выполнения Плана реализации Концепции семейной политики необходимо на начальном этапе обеспечить формирование действенного механизма его реализации и мониторинг выполнения мероприятий на основе системы количественных и качественных индикаторов. Ожидаемые результаты должны быть увязаны с мероприятиями конкретных разделов и иметь количественную оценку.

Современные исследования затрагивают проблемы разработки и реализации социальной политики в отношении различных социально-демографических групп, в том числе несовершеннолетних и семей с детьми [18; 19; 21; 22].

Важнейшим направлением исследований выступает поиск валидных методов оценки эффективности реализуемых мер [7; 12, с. 105–144]. Отдельным направлением является оценка эффективности мер демографической политики, в значительной степени затрагивающей интересы семей с детьми [8, с. 56–64; 13, с. 33–69; 25, р. 563–576; 27; 28, р. 187–216]. Так, анализ данных по 16 странам ОЭСР за 20-летний период, рассматривающий направления поддержки семей с детьми, свидетельствует о том, что в целом рождаемость выше там, где выше денежные пособия, выше женская занятость и выше доля женщин, работающих неполный рабочий день [24].

Статистические методы широко применяются при анализе эффективности политики, данной тематике посвящено достаточно много работ отечественных и зарубежных авторов. Так, А. Э. Готье и Я. Хатциус проводят эконометрический анализ зависимости семейных пособий и рождаемости [26, р. 295–306].

Возможно использование для оценки результативности выполнения Концепции методов статистического прогнозирования, например, прогнозные оценки Росстата в отношении тенденций демографических показателей [11]. В ходе анализа эффективности мер демографической политики в России в последние годы (в частности, введения в действие с 2007 г. так называемого «материнского капитала», стимулирующего рождение двух и последующих детей) был осуществлен ретроспективный прогноз специального коэффициента рождаемости на 2007–2008 гг. по данным за 1987–2006 г. по кубической модели ($\hat{y} = 78,6352 - 8,1225x + 0,4310x^2 - 0,0062x^3$) [17, с. 21–26]. Результаты прогноза показали, что в случае сохранения тенденций специальный коэффициент рождаемости составлял бы в 2007 г. 40,7‰ (фактически 41,4‰), в 2008 г. — 42,5‰ (фактически 44,6‰). То есть налицо воздействие иных факторов, не определяемых долговременной тенденцией изменения интенсивности рождаемости. К аналогичным выводам приводит и расчет гипотетического числа рождений за 2007 и 2008 гг. при условии сохранения возрастных коэффициентов рождаемости на уровне 2006 г. В этом случае в 2007 г. родился бы 1 486 081 ребенок (фактически 1 610 122 ребенка), в 2008 г. — 1 488 286 детей (фактически 1 713 947 детей). То есть в реальности число рождений в 2007 г. было на 8,3% больше, в 2008 г. — на 15,2%.

Выводы

На Федеральную службу государственной статистики возложена разработка системы индикаторов для мониторинга эффективности мероприятий по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей и организация мониторинга его эффективности, однако специального мониторинга выполнения Концепции государственной семейной политики не проводится. Необходимо использовать возможности выборочных обследований для оценки результативности выполнения мероприятий Концепции с помощью качественных индикаторов. В ряде случаев для оценки достижения ожидаемого результата необходимо проводить специальные обследования (выборочные исследования), которые требуют средств, соответствующего финансирования, однако это в Плане не отражено. Так, мониторинг эффективности мероприятий раздела «Мероприятия, направленные на повышение ценности семейного образа жизни, сохранение духовно-нравственных

традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, на оказание содействия в реализации воспитательного и культурно-образовательного потенциала семьи» во многом должен основываться на опросах общественного мнения.

Выборочное наблюдение качества и доступности услуг в сферах образования, здравоохранения и социального обслуживания, содействия занятости населения, проведение которого предполагается Росстатом сделать периодическим, дает ответы на вопросы об удовлетворенности российскими домохозяйствами различными видами услуг, предоставляемыми учреждениями социальной инфраструктуры. Программа Выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, проведенного Росстатом в 2013 г., содержала вопросы, направленные на выявление ценностных ориентаций россиян, их репродуктивных планов и состояния репродуктивного здоровья.

В целом, подводя итоги, можно сказать, что для проведения объективной оценки эффективности семейной политики необходимо шире использовать возможности статистической отчетности и выборочных обследований. Для ликвидации разночтений и дублирований индикаторов, оценивающих результативность конкретных мер, необходимо разработать сводную статистическую оценку эффективности государственного управления институтом семьи, что на современном этапе представляет серьезную научно-практическую проблему, не имеющую единственного и всеми признанного решения.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 14 мая 1996 г. № 712 «Об основных направлениях государственной семейной политики» [Электронный ресурс]. URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
2. Указ Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165069/
3. Указ Президента РФ от 1 июня 2012 г. № 761 «О Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 — 2017 годы». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3QB3nN3D0>
4. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601/
5. Распоряжение Правительства РФ от 25 августа 2014 г. № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/>

6. Распоряжение Правительства РФ от 9 апреля 2015 г. № 607-р «Об утверждении Плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». [Электронный ресурс]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=178052>
7. *Андреева А. И., Горшкова И. Д., Ковалевская А. С.* Рекомендации по оценке социально-экономической эффективности социальных программ: определения, подходы, практический опыт. — М.: Проспект, 2014.
8. *Архангельский В. Н.* Помощь семьям с детьми в России: оценка демографической результативности // СОЦИС. — 2015. — № 3.
9. Выборочное обследование «Комплексное наблюдение условий жизни населения». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html
10. Данные официального сайта Росстата. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#
11. Демографический прогноз до 2030 года. Официальный сайт Росстата. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
12. *Дмитришина Е. В., Кривелевич М. Е., Литвиненко Е. А.* и др. Анализ эффективности бюджетных расходов на детей. Федеральный бюджет и бюджеты субъектов Российской Федерации // SPERO. — 2011. — № 15. — С. 105–144.
13. *Захаров С. В.* Демографический анализ эффекта мер семейной политики в России и 1980-х гг. // SPERO. — 2007. — № 5.
14. Информация от 16 февраля 2016 года «О ходе выполнения в 2015 году плана мероприятий на 2015–2018 годы по реализации первого этапа Концепции государственной семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2015 г. № 607-р». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/281>
15. *Климантова Г. И.* Государственная семейная политика современной России. — М., 2004.
16. Конвенция Международной организации труда о равном обращении и равных возможностях для трудящихся мужчин и женщин: трудящиеся с семейными обязанностями (Конвенция 156 от 23 июня 1981 г.). Ратифицирована Федеральным законом РФ от 30 октября 1997 г. № 137-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901763236>
17. *Кучмаева О. В., Петрякова О. Л.* Дифференциация показателей рождаемости в России: роль демографических и социальных факторов // Вопросы статистики. — 2010. — № 10.
18. Обзор социальной политики в России. Начало 2000-х. — М.: НИСП, 2007.
19. *Овчарова Л. Н., Пишняк А. И., Попова Д. О.* Новые меры поддержки материнства и детства: рост уровня жизни семей с детьми или рост рождае-

- мости. Анализ мер поддержки материнства и детства, внедренных в 2007 году в Российской Федерации. — М.: НИСП, ЮНИСЕФ, 2007.
20. О положении семей в РФ. Научный доклад / Дармодохин С. В., Кучмаева О. В., Марыганова Е. А., Петрякова О. Л., Синельников А. Б. и др. — М.: ИСВ РАО, 2010.
 21. Политика семьи и детства в постсоциализме / под ред. В. Шмидт, Е. Ярославской-Смирновой, Ж. Черновой. — М.: Вариант: ЦСПГИ, 2014.
 22. Социальная политика: реалии XXI века. Вып. 3. ГРЗ/2007. Независимый институт социальной политики. — М.: НИСП, 2007.
 23. *Тындик А. О.* Обзор современных мер семейной политики в странах с низкой рождаемостью // SPERO. — 2010. — № 1. — С. 157–177.
 24. Can Policies Boost Birth Rates? // The OECD Policy Briefs (2007).
 25. *Ermisch J.* The econometric analysis of birth rate dynamics in Britain // The Journal of Human Resources. — 1988. — No. 23(4).
 26. *Gauthier A. H., Hatzjus J.* Family benefits and fertility: an econometric analysis // Population Studies. — 1997. — No. 51.
 27. *Finch N., & Bradshaw J.* Fertility and supporting the costs of children. Paper presented at the conference Recent fertility trends in Northern Europe. — Oslo, Norway, 2003.
 28. *Kravdal.* How the local supply of day-care centers influences fertility in Norway: A parity-specific approach // Population Research. — 1996. — No. 5 (6).
1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 14 maja 1996 g. № 712 «Ob osnovnyh napravlenijah gosudarstvennoj semejnoj politiki». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://iv.garant.ru/SESSION/PILOT/main.htm>
 2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 9 oktjabrja 2007 g. № 1351 “Ob utverzhdenii Konceptcii demograficheskoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda”. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165069/
 3. Ukaz Prezidenta RF ot 1 ijunja 2012 g. № 761 «O Nacional’noj strategii dejstvij v interesah detej na 2012–2017 gody». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://base.garant.ru/70183566/#ixzz3QB3nN3D0>
 4. Rasporyzhenie Pravitel’sтва Rossijskoj Federacii ot 17 nojabrja 2008 g. № 1662-р «O Konceptcii dolgosrochnogo social’no-jekonomicheskogo razvitiija Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda». [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90601/
 5. Rasporyzhenie Pravitel’sтва RF ot 25 avgusta 2014 g. № 1618-р «Ob utverzhdenii Konceptcii gosudarstvennoj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70627660/>
 6. Rasporyzhenie Pravitel’sтва RF ot 09 aprelja 2015 № 607-р «Ob utverzhdenii Plana meroprijatij na 2015–2018 gody po realizacii pervogo jetapa Konceptcii gosudarstvennoj semejnoj politiki v Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=178052>

7. *Andreeva A. I., Gorshkova I. D., Kovalevskaja A. S.* Rekomendacii po ocenke social'no-jekonomicheskij jeffektivnosti social'nyh programm: opredelenija, podhody, prakticheskiy opyt. — M.: Izd. Prospekt, 2014.
8. *Arhangel'skij V. N.* Pomoshh' sem'jam s det'mi v Rossii: ocenka demograficheskoy rezul'tativnosti // SOCIS. — 2015. — № 3.
9. Vyborochnoe obsledovanie «Kompleksnoe nabljudenie uslovij zhizni naselenija». URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ14/survey0/index.html
10. Dannye oficial'nogo sajta Rosstata. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/motherhood/#
11. Demograficheskij prognoz do 2030 goda. Oficial'nyj sayt Rosstata. [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#
12. *Dmitrishina E. V., Krivelevich M. E., Litvinenko E. A.* i dr. Analiz jeffektivnosti bjudzhetnyh rashodov na detej. Federal'nyj bjudzhet i bjudzhetny sub#ektov Rossijskoj Federacii // SPERO. — 2011. — № 15. — S.105–144.
13. *Zaharov S. V.* Demograficheskij analiz jeffekta mer semejnoy politiki v Rossii i 1980-h gg. // SPERO. — 2007. — № 5.
14. Informacija ot 16 fevralja 2016 goda «O hode vypolnenija v 2015 godu plana meroprijatij na 2015–2018 gody po realizacii pervogo jetapa Konceptcii gosudarstvennoj semejnoy politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda, utverzhdjonnoho rasporyjazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 9 aprelya 2015 g. № 607-r». [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/protection/281>
15. *Klimantova G. I.* Gosudarstvennaja semejnaja politika sovremennoj Rossii. — M.: 2004.
16. Konvencija Mezhdunarodnoj organizacii truda o ravnomo obrashhenii i ravnih vozmozhnostjah dlja trudjashhihsja muzhchin i zhenshin: trudjashhiesja s semejnymi objazannostjami (Konvencija 156 ot 23 ijunja 1981 goda). Ratificirovana Federal'nym zakonom RF ot 30 oktjabrja 1997 g. № 137-FZ. [Jelektronnyj resurs]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901763236>
17. *Kuchmaeva O. V., Petrjakova O. L.* Differenciacija pokazatelej rozhdaemosti v Rossii: rol' demograficheskikh i social'nyh faktorov // Voprosy statistiki. — 2010. — № 10.
18. Obzor social'noj politiki v Rossii. Nachalo 2000-h. — M.: NISP, 2007.
19. *Ovcharova L. N., Pishnjak A. I., Popova D. O.* Novye mery podderzhki materinstva i detstva: rost urovnja zhizni semej s det'mi ili rost rozhdaemosti. Analiz mer podderzhki materinstva i detstva, vnedrennyh v 2007 godu v Rossijskoj Federacii. — M.: NISP, JuNISEF, 2007.
20. O polozhenii semej v RF. Nauchnyj doklad / Darmodehin S. V., Kuchmaeva O. V., Maryganova E. A., Petrjakova O. L., Sinel'nikov A. B. i dr. — M.: ISV RAO, 2010.
21. Politika sem'i i detstva v postsocializme / pod red. V. Shmidt, E. Jarskoj-Smirnoj, Zh. Chernovoj. — M.: Variant: CSPGI, 2014.
22. Social'naja politika: realii XXI veka. Vypusk 3. GP3/2007. Nezavisimyj institut social'noj politiki. — M.: NISP, 2007.
23. *Tyndik A. O.* Obzor sovremennyh mer semejnoy politiki v stranah s nizkoj rozhdaemost'ju // SPERO. — 2010. — № 1. — S. 157–177.

*Попова Л. А.,
д-р экон. наук, доцент,
зам. директора по научной работе
Институт социально-экономических
и энергетических проблем Севера Коми
НЦ УрО РАН
(Сыктывкар, Россия)*

Актуальность нового этапа наращивания просемейной демографической политики

Аннотация

С 2007 г. повышение рождаемости в России во многом было обусловлено активной государственной демографической политикой, которая в 2011 г. была усилена региональными мерами, позволившими скомпенсировать начавшееся ухудшение структуры женщин детородного возраста. В 2013 г. проявились признаки стагнации и снижения рождаемости, свидетельствующие об исчерпании стимулирующего воздействия региональных мероприятий. При отсутствии нового этапа наращивания демографической политики ближайшие перспективы рождаемости будут определяться моделями демографического поведения, которые сложились у малочисленных поколений 1990-х гг. рождения в условиях действующей просемейной политики. С целью выявления отношения современной молодежи к семейным ценностям и определения уровня ее репродуктивных установок было проведено обследование «Отношение молодежи к семье и детям», результаты которого позволили также оценить последствия для молодых реальных поколений пролонгации демографической политики в области рождаемости до 2018 г. и консервации уровня и спектра ее мер. Сравнительный анализ с результатами исследования, проведенного в 2013 г., показывает, что у когорты 1989–1993 гг. рождения, ставшей адресатом федерального материнского капитала, в условиях продления его действия произошел рост установок детности. В то же время у поколения 1994–1998 гг. в отсутствие новых мероприятий демографической политики наблюдается негативная динамика репродуктивных намерений. У этих когорт, которые будут определять ближайшие перспективы рождаемости, репродуктивные ожидания пока соответствуют уровню простого замещения поколений. Однако на установки детности родившихся в 1999–2000 гг. существующие меры демографической политики стимулирующего влияния не оказали. В совокупности со стагнацией и снижением уровня рождаемости это доказывает, что требуется новый этап серьезного усиления просемейной демографической политики.

Ключевые слова: рождаемость, демографическая политика, материнский капитал, молодые когорты населения, репродуктивные установки

JEL коды: J11, J13

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-02-00355 «Влияние федеральных и региональных мер демографической политики на репродуктивные установки населения и перспективы рождаемости»).

*Popova L. A.,
Dr. Sc. (Econ.), Associate Professor,
Deputy Director for Science
Institute for Socio-Economic
& Energy Problems of the North
Komi Science Centre, Ural Branch, RAS
(Syktyvkar, Russia)*

Relevance of the new phase of family population policy growth

Abstract

Since 2007 the growth of birth rate was mainly due to the active state demographic policy, which on 2011 was strengthened by regional measures, which allowed compensating started deterioration of women in fertility age structure. In 2013 the trends of stagnation and lowering of birth rate were emerged, evidencing about exhaustion of the regional measures stimulating impact. Without new stage of the demographic policy strengthening nearest perspectives of fertility will determined by the models of demographic behavior of small generations of 1990s in conditions of acting family policy. For the determination the relation of the modern young people to the family values and indication the level of their reproductive attitudes the survey "Relation of the youth to the family and children" was conducted. Its results also allowed estimating consequences for the young real generations the prolongation of the demographic fertility policy to 2018 and preservation the level and range of its measures. Comparative analyze with results of research in 2013, detects, that reproductive attitudes of the cohort 1989–1993s of birth, which was the addressee of federal maternity capital, increased in the conditions of its prolongation. At the same time, the reproductive intentions of cohort 1994–1998s of birth have negative dynamic in situation of lack the new measures of demographic policy. The reproductive expectations of those cohorts, which will be determinate the nearest perspectives of birth rate, for the present correspond to the simple replacement of generations. However, the existing measures of demographic policy didn't have the stimulating effect on the reproductive attitudes of youth, born in 1990–2000s. In total with stagnation and decline the level of birth rate, it proves the necessity of new stage of serious strengthening of the family demographic policy.

Key words: fertility, demographic policy, maternity capital, young cohorts of the population, reproductive attitudes

JEL codes: J11, J13

С 2000 г. в России наблюдалось повышение рождаемости населения, обусловленное улучшением структуры женщин репродуктивного возраста и реализацией рождений, отложенных населением в кризисные 1990-е гг. В 2004–2005 гг., в условиях продолжающегося омоложения структуры фертильных контингентов, произошли снижение и стагнация уровня рождаемости [4]. Поэтому усиление внимания государства к демографическим проблемам, начало которого адресуется к майскому федеральному посланию президента 2006 г. [1] и последовавшим вслед за ним законодательным инициативам, результатом которых стало введение с 1 января 2007 г. федерального материнского капитала на

второго ребенка [2], было весьма своевременным. Однако темпы прироста показателей рождаемости, достаточно существенные в 2007 г., когда суммарный коэффициент увеличился в России на 8,5%, а общий коэффициент — на 9,7%, постепенно уменьшались. В 2011 г. прирост суммарного коэффициента составил 1,0%, общего — лишь 0,8% (рассчитано по [4]). С одной стороны, исчерпалось стимулирующее влияние материнского капитала: мероприятия демографической политики действуют довольно ограниченное время. С другой — в 2010–2011 гг. в России началось ухудшение возрастной структуры репродуктивных контингентов [3]. В 2011 г. государственная демографическая политика была усилена региональными мероприятиями: введением регионального материнского (семейного) капитала на третьего ребенка и принятием рекомендованных на федеральном уровне региональных законов о безвозмездном предоставлении многодетным семьям земельных участков под строительство дома. В результате суммарный коэффициент рождаемости увеличился в 2012 г. на 6,9%, общий — на 5,6%. То есть уже в условиях ухудшения возрастной структуры в России произошло достаточно значительное повышение рождаемости. Кроме того, наращивание мер демографической политики способствовало увеличению уровня репродуктивных установок населения, в том числе и у самых молодых когорт репродуктивного возраста [6].

Но уже в 2013 г. прирост суммарного коэффициента рождаемости составил 0,9%, а общий коэффициент сократился на 0,8%. В дальнейшем некоторое время наблюдалась стагнация уровня рождаемости с небольшим возрастающим трендом. На протяжении 2014–2015 гг. общий коэффициент составлял 13,3 рождения на 1000 чел. населения, суммарный в 2014 г. увеличился на 2,5%, в 2015 г. — на 1,5%, но уже лишь за счет городского населения. В сельской местности этот показатель в 2015 г. уменьшился на 8,9%, а по данным 2016 г., снижение уровня суммарного коэффициента, скорее всего, окажется характерным и для городского населения: общий коэффициент рождаемости в 2016 г. сократился и в городской, и в сельской местности, в целом по населению он уменьшился с 13,3 до 12,9‰. Очевидно, стагнация уровня рождаемости переходит в России в устойчивую стадию снижения, поскольку его обуславливает ряд сильнодействующих факторов: продолжающееся ухудшение структуры женщин детородного возраста, которое продлится до начала 2030-х гг. [3], исчерпание стимулирующего воздействия региональных мероприятий демографической политики и досрочная реализация итоговой плодовитости реальных поколений, испытавших на себе повышающее влияние политики в области рождаемости, которая будет иметь следствием зеркальные тайминговые подвижки. При отсутствии нового этапа наращивания демографической политики ближайшие перспективы рождаемости будут полностью определяться

моделями репродуктивного поведения, которые сложились у мало-численных поколений 1990-х гг. рождения в условиях действующей просемейной политики: уровнем установок детности и степенью их реализации.

Для определения уровня репродуктивных установок современной молодежи в декабре 2015 — январе 2016 г. нами было проведено социологическое обследование «Отношение молодежи к семье и детям». Всего было опрошено 1350 чел. в возрасте 15–26 лет. 75,9% участников опроса проживают в городской местности, 24,1% — в сельской. Среди респондентов 58,4% девушек и 41,6% юношей. Поскольку формирование потребностей, интересов, ценностных ориентаций человека на создание собственной семьи и рождение детей происходит по мере взросления еще в детском и подростковом возрасте, основной массив выборки, почти три четверти опрошенных, охватывает самую молодую группу репродуктивного возраста: 31,0% респондентов в возрасте 15–16 лет, 42,4% — 17–19 лет. Остальные 26,6% участников опроса относятся к возрасту 20–26 лет: 16,1% — в возрасте 20–21 год, 5,9% — 22–24 года, 4,6% — 25–26 лет. Такая дробная разбивка респондентов по возрасту была сделана с целью получения возможности оценить эволюцию репродуктивных установок поколений 1994–1998 и 1989–1993 гг. рождения, которые принимали участие в обследовании «Отношения между поколениями», проведенном нами в 2013 г. (выборка описана в [5, с. 73–77], основные результаты по репродуктивному поведению — в [6]), в условиях консервации демографической политики. В 2013 г. представители этих поколений относились к возрастным группам 15–19 и 20–24 лет, в конце 2015 — начале 2016 г. они были в возрасте 17–21 и 22–26 лет. Из новых просемейных инициатив государства к моменту проведения опроса «Отношение молодежи к семье и детям» можно назвать лишь продление в декабре 2015 г. федерального материнского капитала, размер которого с указанного года перестал индексироваться, до конца 2018 г., а также ежемесячной выплаты малоимущим семьям на третьего ребенка в регионах с низкой рождаемостью до конца 2016 г., т. е., по сути, ничего нового.

Анализ основных репродуктивных установок участников обследования «Отношение молодежи к семье и детям» в сравнении с результатами исследования 2013 г. позволяет сделать следующие выводы.

К началу 2016 г. среднее ожидаемое число детей (которое выявлялось при помощи вопроса «Сколько всего детей Вы планируете иметь в своей семье (в будущей семье)?») у поколения 1989–1993 гг. рождения увеличилось с 2,07 до 2,15. У когорты 1994–1998 гг. ожидаемое число детей, наоборот, сократилось с 2,22 до 2,13. В целом для поколений 1989–1998 гг. рождения характерно уменьшение этого показателя с 2,20 до 2,13 ребенка (рис. 1).

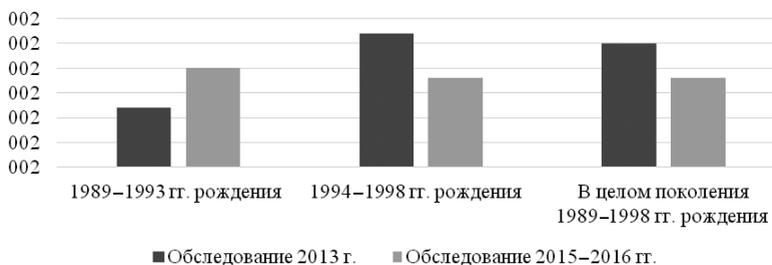

Рис. 1. Ожидаемое число детей у поколений 1989–1993 и 1994–1998 гг. рождения по данным обследований 2013 и 2015–2016 гг.

Среднее идеальное число детей (определяемое вопросом «Как Вы считаете, сколько детей лучше всего иметь в семье?») у представителей когорты 1989–1993 гг. рождения оба обследования зафиксировали на уровне 2,41. У более молодой когорты 1994–1998 гг. рождения произошло уменьшение социальной нормы детности: в начале 2016 г. ее представители в среднем считают, что в семье лучше всего иметь 2,32 ребенка, в то время как в 2013 г. уровень показателя составлял 2,53. В целом у поколений 1989–1998 гг. идеальное число детей сократилось с 2,44 до 2,33 (рис. 2).

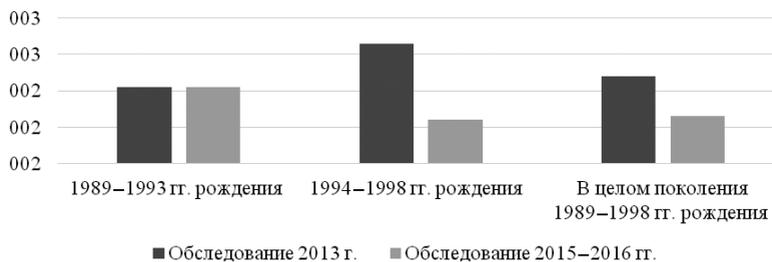

Рис. 2. Идеальное число детей у поколений 1989–1993 и 1994–1998 гг. рождения по данным обследований 2013 и 2015–2016 гг.

Желаемое при всех необходимых условиях число детей (выявляемое вопросом «А сколько детей было бы в Вашей семье (у Вас, в Вашей будущей семье), если бы у Вас были все необходимые условия (материальные, жилищные и пр.)?») у когорты 1989–1993 гг. увеличилось с 2,59 до 2,67. У родившихся в 1994–1998 гг. произошло уменьшение данной установки детности: в начале 2016 г. при наличии всех необходимых условий они в среднем предпочли бы 2,43 ребенка в семье против 2,53 в 2013 г. В целом у когорт 1989–1998 гг. рождения желаемое число детей уменьшилось за два года с 2,57 до 2,47 (рис. 3).

Рис. 3. Желаемое при всех необходимых условиях число детей у поколений 1989–1993 и 1994–1998 гг. рождения по данным обследований 2013 и 2015–2016 гг.

Очевидно, взросление при отсутствии новых мер демографической политики способствовало рационализации стандартов демографического поведения когорты 1994–1998 гг. рождения. А представители поколения 1989–1993 гг., став, по сути, адресатами крупномасштабных мер демографической политики федерального уровня, которые незадолго до этого были продлены на два года, имели все основания для пересмотра репродуктивных планов в сторону повышения. Как видим, и у того, и у другого поколения, которые будут определять ближайшие перспективы рождаемости, репродуктивные ожидания пока соответствуют уровню простого замещения поколений. Однако у самых молодых участников обследования, родившихся в 1999–2000 гг., которым к началу 2016 г. было по 15–16 лет, репродуктивные установки заметно ниже, чем у более старших участников опроса (рис. 4).

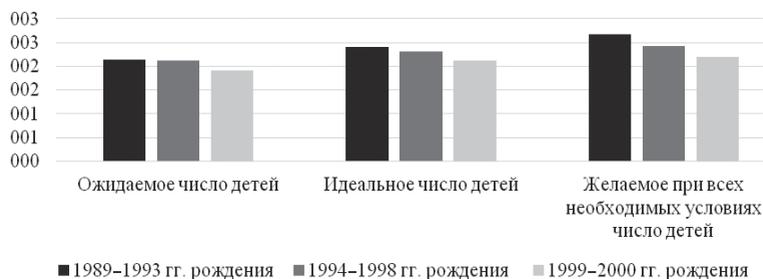

Рис. 4. Уровень основных репродуктивных установок у поколений 1989–1993, 1994–1998 и 1999–2000 гг. рождения по данным обследования 2015–2016 гг.

Ожидаемое число детей у родившихся в 1999–2000 гг. составляет 1,91 по сравнению с 2,13 у поколений 1989–1998 гг. рождения в целом. При этом 7,7% 15–16-летних респондентов отметили, что вообще не планируют иметь детей. Среди более старших опрошенных процент чайлдфри составляет 4,6 и 2,1% соответственно у поколений 1994–1998 и 1989–

1993 гг. рождения. Идеальное число детей у родившихся в 1999–2000 гг. составляет 2,12 против 2,33 в целом у поколений 1989–1998 гг. рождения. Еще больший разрыв по желаемому при всех необходимых условиях числу детей. У 15–16-летних желаемая при благоприятных условиях детность составляет 2,19 ребенка, у поколений 1989–1998 гг. — 2,47. Очевидно, что на репродуктивные установки родившихся в 1999–2000 гг. существующие меры демографической политики стимулирующего влияния уже не оказали.

Следует отметить, что в условиях наращивания демографической политики ситуация была обратной. Когортный анализ результатов обследования 2013 г. в сравнении с данными, полученными в ходе обследования, проведенного в конце 2008 — начале 2009 г., показал рост репродуктивных установок всех реальных поколений репродуктивного возраста. При этом ожидаемое и идеальное числа детей у самого молодого поколения, принимавшего участие в обследовании 2013 г., у когорты 1994–1998 гг. рождения, превзошли указанные установки детности не только у более старшей пятилетней когорты, но и у поколений 1980-х гг. рождения [6]. В условиях консервации демографической политики у когорты 1994–1998 гг. произошло снижение репродуктивных установок. Их снижение характерно и в целом для родившихся в 1989–1998 гг. При этом у молодых респондентов в начале 2016 г. установки детности ниже, чем у более старших.

Перспективы рождаемости определяются не только уровнем репродуктивных установок, но и степенью их реализации. По-прежнему самым распространенным ответом на вопрос «Что необходимо Вам для рождения желаемого числа детей?» является достаточный уровень доходов в семье. В нашем обследовании так ответили 74,1% молодых. На втором-третьем месте идут хорошие отношения с супругом (63,6%) и полная семья (57,8%). В отличие от «взрослых» обследований, в которых жилищные условия для полной реализации репродуктивных установок обычно выступают на втором месте после материальной обеспеченности, у молодежи наличие (возможность приобретения) жилья и его удовлетворительное состояние оказались лишь на четвертом месте (34,5% опрошенных). Молодые респонденты, многие из которых живут с родителями и лично еще не сталкивались с остротой жилищного вопроса, пока не склонны уделять этому большое внимание.

Почти такое же значение, как наличие хорошего жилья, для полной реализации установок детности имеют хорошее состояние общего и репродуктивного здоровья (32,3%), возможность обеспечить детям качественное образование (в целом 31,9%, но с возрастом распространенность таких ответов снижается в два раза — до 16,1% у 24–26-летних, которые уже хорошо знают, что в настоящее время проблем с получением образования в России практически нет, было бы желание), экономическая ста-

бильность в стране, уверенность в завтрашнем дне (27,7%, частота этого варианта ответов, наоборот, очень заметно растет с возрастом: с 22,5% у 15–16-летних до 40,3% у 25–26-летних, экономическая активность которых в последние годы уже столкнулась с кризисными явлениями в экономике). И совсем незначительную роль для рождения желаемого числа детей, с точки зрения молодежи, играют доступность качественной медицинской помощи (10,1% респондентов), возможность посещения детьми детского сада (наличие мест, приемлемая оплата и пр.) (в целом 9,3%, к верхней возрастной границе массива роль садиков снижается до 3,2%), эффективная государственная политика по поддержке семей с детьми (в целом 7,9%, но, как и ожидалось, молодые участники опроса оценивают роль демографической политики ниже, чем респонденты старше 22 лет).

Итак, для рождения желаемого числа детей, по мнению молодежи, необходимы, прежде всего, достаточный уровень доходов, хорошие отношения с супругом и полная семья. В качестве контрольного вопроса был задан вопрос о помехах к рождению желаемого числа детей. Вполне логично, что главной помехой были названы материально-финансовые проблемы: их отметили 52,8% опрошенных молодых людей. Однако, как видим, это гораздо меньше, чем в вопросе о необходимых условиях рождения желаемого числа детей, в котором достаточный уровень доходов отметили 74,1% респондентов. Иными словами, в качестве помехи к рождению детей материальный фактор играет меньшую роль, чем в качестве условия для их рождения. То есть чем лучше будут экономические возможности семьи — тем выше вероятность рождения желаемого числа детей, но неблагоприятные материальные обстоятельства далеко не всех заставят ограничить реализацию репродуктивных планов.

Жилищные проблемы в вопросе о помехах к рождению желаемого числа детей заняли свое традиционное второе место (39,3% респондентов). Отметивших этот вариант ответа несколько больше, чем в вопросе об условиях рождения желаемого числа детей (34,5%). То есть вопросы благополучия жилищных условий семьи, особенно молодой семьи, в политике государства требуют усиления внимания: это традиционная российская проблема и значимая помеха к полной реализации репродуктивных установок. Не случайно улучшение жилищных условий является бесспорно главным направлением реализации средств материнских капиталов. Моральная, психологическая неготовность семьи — среди помех к рождению желаемого числа детей на третьем месте (32,9%). Далее идут состояние здоровья супругов (28,3%), отсутствие супруга (супруги) (26,8%), нежелание супруга (супруги) иметь количество детей, желаемое респондентом (25,3%), ухудшение супружеских отношений

(24,4%), страх за будущее своих детей (22,6%). Таким образом, основные препятствия для рождения желаемого числа детей — это материальные и жилищные проблемы и проблемы, связанные со здоровьем и особенностями внутрисемейных отношений.

Немногие участники опроса видят причину вероятного ограничения детности семьи в том, что дети сами по себе могут быть помехой для родителей: для их карьеры (7,0%), для полноценной личной жизни (6,0%), для интеллектуального развития (3,2%). Чаше такие ответы встречаются у юношей и у самых молодых респондентов — по мере увеличения возраста их распространенность убывает очень заметно. Примечательно, что почти столько же (а с учетом того, что это вопрос с совместимыми альтернативами, и участникам было предложено выбрать до четырех вариантов ответов, возможно, даже больше) — 13,6% молодых респондентов отметили, что им ничего не мешает иметь желаемое число детей.

Таким образом, обследование показало, что у когорты 1989–1993 гг. рождения, ставшей адресатом федерального материнского капитала, в условиях продления его действия до 2018 г. произошел рост установок детности. В то же время у поколения 1994–1998 гг. в отсутствие новых мероприятий демографической политики наблюдается негативная динамика репродуктивных намерений. У указанных когорт, которые будут определять ближайшие перспективы рождаемости, репродуктивные ожидания пока соответствуют уровню простого замещения поколений. Однако на установки детности родившихся в 1999–2000 гг. существующие меры демографической политики стимулирующего влияния не оказали — они заметно ниже, чем у поколений 1989–1998 гг. в целом. В совокупности со стагнацией и снижением уровня рождаемости последних лет это дает совершенно недвусмысленный сигнал: настало время серьезного наращивания мер демографической политики.

Но прежде всего необходимо отказаться от срочного характера материнских капиталов: это способствует уплотнению календаря рождений в желании успеть воспользоваться ими и досрочному исчерпанию итоговой плодовитости когорт, приводящему к исключению их из уровня рождаемости последующих лет. В условиях, когда рождаемость определяется малочисленными поколениями, исчерпанная плодовитость более старших многочисленных когорт будет сильно снижать уровень рождаемости, тем самым увеличивая амплитуду демографической волны. А негативное влияние консервации демографической политики с постоянной угрозой отмены материнских капиталов или перехода на их назначение по адресному принципу на установки детности самых молодых представителей репродуктивного возраста будет способствовать дальнейшему снижению рождаемости. То есть у де-

мографической волны будет не только увеличиваться амплитуда, но и нарастать асимметричность. Поэтому сейчас необходимо не просто придать существующей демографической политике бессрочный характер, но и усилить ее новыми, неожиданными, эффективными мероприятиями, каким десять лет назад было назначение материнского капитала. На наш взгляд, в современной России самыми эффективными будут меры, направленные на усиление помощи населению в решении жилищных проблем.

Литература

1. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 10 мая 2006 г. «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/ (дата обращения: 02.06.2017).
 2. Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (дата обращения: 02.06.2017).
 3. *Захаров С.* Какой будет рождаемость в России. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php> (дата обращения: 02.06.2017).
 4. Официальный сайт Росстата. URL: <http://www.gks.ru/> (дата обращения: 02.06.2017).
 5. *Попова Л. А., Зорина Е. Н.* Экономические и социальные аспекты старения населения в северных регионах. — Сыктывкар, 2014.
 6. *Попова Л. А., Шишкина М. А., Бутрим Н. А.* Трансформация репродуктивного поведения населения Республики Коми: факторы и последствия // Регион: экономика и социология. — 2015. — № 3 (87). — С. 190–212.
1. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniju ot 10 maja 2006 g. «Poslanie Prezidenta Rossii Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniju RF». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_60109/ (data obrashhenija: 02.06.2017).
 2. Federal'nyj zakon «O dopolnitel'nyh merah gosudarstvennoj podderzhki semej, imejushhih detej» ot 29 dekabnja 2006 g. № 256-FZ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/ (data obrashhenija: 02.06.2017).
 3. *Zaharov S.* Kakoj budet rozhdmost' v Rossii. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2012/0495/tema01.php> (data obrashhenija: 02.06.2017).
 4. Oficial'nyj sajt Rosstata. URL: <http://www.gks.ru/> (data obrashhenija: 02.06.2017).
 5. *Popova L. A., Zorina E. N.* Jekonomicheskie i social'nye aspekty starenija naselenija v severnyh regionah. — Syktyvkar, 2014.
 6. *Popova L. A., Shishkina M. A., Butrim N. A.* Transformacija reproduktivnogo povedenija naselenija Respubliki Коми: faktory i posledstviya // Region: jekonomika i sociologija. — 2015. — № 3 (87). — S. 190–212.

*Русанова Н. Е.,
д-р экон. наук, доцент, вед. научн. сотр.
ИСЭПН РАН
(Москва, Россия)*

*Ван Е.,
аспирант
ИСЭПН РАН
(Москва, Россия)*

Окончание политики «одна семья — один ребенок» в Китае: ожидания и реальность

Аннотация

Отказ в 2016 г. от политики однодетности, продолжавшейся в Китае около 30 лет, способствовавшей снижению темпов прироста численности населения, но деформировавшей возрастную-половую структуру, не привел к ожидаемому всплеску рождаемости. Для рождения вторых детей требуются дополнительные стимулы, позволяющие сохранить уровень благосостояния, достигнутый в однодетных семьях.

Ключевые слова: рождаемость, однодетность

JEL коды: J10, N350

*Rusanova N. E.,
Van E.*

End of “one family-one child policy” in China: expectations and reality

В начале экономических реформ в конце 1970-х гг. китайское руководство установило контроль за численностью населения как один из главных приоритетов национальной политики, считая это ключевым показателем для обеспечения роста доходов на душу населения. На практике это проявилось в обязательной однодетности («одна семья — один ребенок»), которая определяла рождаемость в стране до 1 января 2016 г. В результате страна недосчиталась от 250 до 400 млн рождений [3], но получила целое «поколение без братьев и сестер», в котором единственный ребенок стал социальной нормой.

Через тридцать лет, после успешного перехода к рыночной экономике и феноменального экономического роста, общественный дискурс в Китае по поводу отрицательных последствий большой численности населения исчез из поля зрения, уступив место серьезным проблемам для тех родителей, которые планируют обеспечить своим детям достойное существование. Уменьшение числа детей в китайских семьях позволило улучшить материальные условия для их воспитания и образования, но одновременно привело к серьезным психологическим изменениям, глубоко укоренив-

шимся в обществе. Уже с середины 1990-х гг. административное регулирование рождаемости постепенно ослаблялось (например, для национальных меньшинств, чья численность меньше 100 тыс. чел., ограничений на число детей никогда не существовало, довольно быстро право на второго ребенка получили семьи после рождения первого ребенка — девочки), в результате чего однодетными должны были остаться 63,1% китайских супружеских пар, двухдетными — 35,6%, трехдетными — 1,3% [4]. Несмотря на поведенческий «синдром маленького императора» и экономические проблемы, создаваемые детьми «избалованного поколения», взросление которого привело в 2013 г. к абсолютному сокращению численности населения трудоспособного возраста [2], до сих пор 3/4 китайцев поддерживают такую политику; остальные долгое время старались обойти антинатальные запреты, например, через «материнский туризм» в Гонконг, где действует собственное законодательство. Учитывая улучшение общей хозяйственной ситуации в стране и постепенное смягчение антинатальных ограничений (особенно с 2013 г., когда право на второго ребенка получили семьи, в которых каждый супруг сам был единственным ребенком), предполагалось, что полная отмена существующих запретов быстро и заметно увеличит число новорожденных, поскольку даст право на вторые рождения почти 90 млн семейных пар. Однако выявились причины, препятствующие ожидаемому росту: половине супругов больше 40 лет, что увеличивает риск бесплодия (которое выявлено у 13% пар) и благополучных родов, повышает зависимость от вспомогательных репродуктивных технологий, а многим женщинам требуется специализированная медицинская помощь для восстановления фертильности после внутриматочной контрацепции (13-й пятилетний план (2016–2020) предусматривает бесплатный доступ к такой процедуре для семей, ориентированных на второго ребенка) [5]. Важным фактором становится желание работающих женщин ограничиться одним ребенком, чтобы не потерять профессиональных преимуществ в конкуренции с мужчинами, которых в Китае сегодня на 20 млн больше, чем женщин, и сохранить традиционные расходы, которые при текущей социальной политике включают затраты на содержание нетрудоспособных родителей, но не предусматривают средств на воспитание и образование второго ребенка (одна работающая супружеская пара должна будет обеспечивать четверых пожилых и двоих детей) [1]. По мнению экспертов и обычных граждан, чтобы появились вторые дети, мало простого разрешения — нужны еще стимулы, позволяющие сохранить уровень благосостояния, достигнутый в однодетных семьях.

Литература

1. *Котовский Д.* Одна семья — один ребенок: результаты и последствия. URL: <https://laowai.ru/odna-semya-odin-rebenok-rezultaty-i-posledstviya/>
2. *Czesnokowa J.* Co da Chinom rezygnacja z «polityki jednego dziecka»? URL: <https://pl.sputniknews.com/swiat/201510301319346-Chiny-ustawa-dzieci/>

3. Debates over proposals to improve family planning policy during the «two sessions». National Family Planning and Population Commission of China. URL: http://www.npc.gov.cn/pc/11_4/2011-03/10/content_1640532.htm
4. *Gu Baochang, WANG Feng, Zhigang Guo, and Erli Zhang.* China's Local and National Fertility Policies at the End of the Twentieth Century // *Population and Development Review.* — 2007. — №. 33(1). — P. 129–147.
5. Pew Research Center's Pew Global Attitudes Project. The Chinese Celebrate Their Roaring Economy, As They Struggle With Its Costs. 2008-07-22. Retrieved 2009-07-31.
1. *Kotovskij D.* Odnа sem'ja — odin rebenok: rezul'taty i posledstviya. URL: <https://laowai.ru/odna-semya-odin-rebenok-rezultaty-i-posledstviya/>

Семенчук О. В.,
канд. экон. наук, доцент кафедры
региональной экономики и управления
Самарский государственный
экономический университет
(Самара, Россия)

Региональные практики управления демографическими процессами (на примере Самарской области)

Аннотация

Дифференциация демографических процессов в муниципалитетах Самарской области требует нового подхода к управлению демографическими процессами. Анализ показал всю мозаику демографических процессов в городских округах и муниципальных районах области. Стратегическое планирование предполагает выбор муниципалитетами приоритетов развития и целей смягчения негативных демографических тенденций в процессе реализации программно-проектных разработок. Пример двухядерного агломерационного развития показывает позитивные демографические тенденции в Самарской области. Опыт реализации программно-проектного подхода в стратегическом планировании в развитии муниципальных образований в Самарской области может быть использован и в других регионах России.

Semenchuk O. V.,
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Chair for Regional Economics and Management
Samara State Economic University
(Samara, Russia)

Regional practices in the management of demographic processes (by the example of the Samara region)

Abstract

Demographic contrasts in the municipalities of the Samara region require new approaches to the management of demographic processes. The analysis showed a mosaic of demographic

development of urban districts and municipal areas of the region. Strategic planning enables each municipality to choose its development priorities and aim at reversing negative trends of demographic development while implementing program-project inventions. The case of the binuclear agglomeration development in the Samara region shows positive trends in the development of its areas. The experience of adopting program-project approach in strategic planning of municipal entities of the Samara region can be as well introduced in Russian regions.

Key words: demographic heterogeneity among regions, boosting the birth rate, program-project inventions in municipal development strategies

JEL code: J11

Целенаправленная деятельность государственных органов и иных общественных институтов в сфере регулирования воспроизводства населения, представляющая собой демографическую политику, построена таким образом, что дает каждому субъекту Российской Федерации возможность самостоятельно решать проблемы народосбережения и вырабатывать в своих интересах способы устранения существующих проблем. Это обусловлено как высоким уровнем социально-экономической неоднородности регионов, так и их этническим разнообразием. При этом как на федеральном, так и на региональном уровнях необходимо выявлять, учитывать и согласовывать различный круг интересов, что находит свое отражение в выборе целей демографической политики. Бесспорно, что цели демографической политики по регионам страны должны в совокупности обеспечивать не только стабилизацию социально-демографического развития каждого региона, но и отвечать общенациональным интересам. Решение задач демографического функционирования, сформулированных на основе принятых целей, при переходе к практическим действиям оказывается затруднительным и требует новых организационных подходов. Так, в Самарской области было создано Министерство социально-демографической и семейной политики. Это позволило изучать и воздействовать не только на формирование демографических потребностей, но и создание условий для их реализации. Министерство социально-демографической и семейной политики, определив одной из своих задач разработку и реализацию государственной семейной и демографической политики, через принятие решений в сфере семьи, стимулирования рождения детей и др. получило возможность оказывать влияние на процессы воспроизводства населения в регионе. Таким образом, в рамках министерства реализуется возможность интеграции демографической и социальной политики и проведения комплексной демографической политики. Для Самарской области это весьма актуально, так как население региона, кроме того, что этнически неоднородно, но и расселено по территории крайне неравномерно. В Самарской области находится крупнейшее в стране село — районный центр Кинель-Черкассы с численностью 17 828 чел. и безлюдный муниципальный район Алек-

сеевский с численностью 11 608 чел. Другая особенность — это наличие в регионе крупнейшей в стране двухядерной Самарско-Тольяттинской агломерации.

Неоднородность расселения населения муниципальных образований Самарской области подтверждается показателем плотности населения: в городских округах разница между плотностью населения составляет 6,9 раза (в городском округе Тольятти — 2506,3 чел. на км², а в г.о. Чапаевск — 363,8 чел. на км²). Муниципальные районы по этому показателю различаются друг от друга в 5,9 раза (в муниципальном районе Алексеевский — 6,1 чел. на км², в м.р. Волжский — 36 чел. на км²). Каждый третий муниципальный район Самарской области имеет очень низкую плотность населения (33,3%), более половины (63%) — низкую плотность населения, и только в одном муниципальном районе средняя плотность населения [3].

Демографические контрасты наблюдаются также в процессе воспроизводства населения муниципальных образований, что отражается на структурных характеристиках, таких как пол и возраст.

Только в одном городском округе — Тольятти и одном муниципальном районе — Большечерниговском в 2015 г. число родившихся превысило число умерших. Во всех других муниципальных образованиях региона наблюдалась естественная убыль населения. В трех городских округах (Самара, Кинель, Похвистнево) была умеренная убыль населения (на 100 чел. родившихся от 107 до 124 чел. умерших), в пяти городских округах — Новокуйбышевск, Отрадный, Сызрань, Чапаевск и Жигулевск — высокая естественная убыль населения (на 100 чел. родившихся от 129 до 139 чел. умерших), а в г.о. Октябрьск — сверхвысокая убыль населения — 157 умерших на 100 чел. родившихся.

В муниципальных районах региона процесс воспроизводства населения также весьма неоднороден. В шести муниципальных районах (22,2% от общей численности муниципальных районов) наблюдалась умеренная убыль населения (на 100 чел. родившихся от 107 до 124 чел. умерших), в девяти (33,3%) — высокая естественная убыль населения (на 100 чел. родившихся от 126 до 139 чел. умерших), а в одиннадцати, что составляет 40,7% от численности всех муниципальных районов Самарской области, — сверхвысокая убыль населения (на 100 чел. родившихся от 141 до 200 чел. умерших). В таком муниципальном районе, как Клявлинский, идет просто вымирание населения, так как на 100 чел., родившихся в 2015 г., пришлось 201 чел. умерших. Такая непростая демографическая ситуация требует нестандартных решений на уровне управления демографическим развитием в регионе, чем весьма серьезно озабочено Министерство социально-демографической и семейной политики.

Министерство реализует ряд затратных мероприятий, которые проводятся только в Самарской области (например, к празднику Пасхи малообеспеченным семьям независимо от религиозной принадлежности вы-

плачивают по 1500 руб.) или используют мероприятия наряду с другими регионами страны (так, студенческим семьям при рождении ребенка выплачивают пособие в 3000 руб., при рождении третьего ребенка выдается семейный капитал в размере 100 тыс. руб.).

В Самарской области 11 лет назад первым в стране министерство при поддержке благотворительного фонда «Виктория» начало чествовать отцов. Лучшим отцам региона в разных номинациях вручался знак общественного признания «Во славу отцовства», таким знаком в настоящее время награждено более 300 жителей региона. В декабре 2016 г. был принят региональный законопроект «Об установлении праздничного дня Самарской области — Дня отца» [2]. Получая широкое освещение в информационной среде, это мероприятие способствует повышению престижа отцовства и, бесспорно, способствует укреплению семей и поддержке семейных ценностей.

Для того чтобы оказывать положительное влияние на укрепление института семьи в регионе, в министерстве рассматривается возможность выхода в социальные сети с роликами о красоте материнства и значимости семейного образа жизни.

Но демографическая пестрота муниципальных образований требует не только региональных усилий по преломлению негативных тенденций в воспроизводстве населения, а также особого внимания к этим вопросам органов местного самоуправления. Каждое муниципальное образование должно изучать как специфику социально-демографических характеристик, так и факторы, влияющие на демографическое развитие.

Такая возможность в настоящее время появляется у муниципальных образований региона в связи с необходимостью разработки стратегий своего развития.

В Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» для органов местного самоуправления прописаны полномочия в сфере стратегического планирования и сказано о том, что они в соответствии с принятым решением могут разрабатывать, утверждать и реализовывать стратегии социально-экономического развития и план мероприятий по реализации стратегии социально-экономического развития муниципального образования [1, гл. 11]. Особые требования к этим документам для муниципальных образований не прописаны, поэтому многие из них в такого рода документах предусматривают раздел о демографическом развитии. Это дает возможность осуществлять дифференцированный подход к регулированию демографического развития муниципальных образований с учетом особенностей, присущих каждому из них.

Кроме объективной информации, содержащейся в статистических сборниках, для выработки мероприятий по стабилизации и развитию демографических процессов в муниципальных образованиях проводятся

выборочные социально-демографические исследования. Они позволяют выяснить мнение жителей муниципальных образований по многим направлениям стратегического развития. Поэтому каждое муниципальное образование формирует концептуальное пространство, состоящее из программ и проектов демографического развития, которое отвечает потребностям именно этой территории [4, с. 47–49].

Определенный интерес представляет развитие территорий, входящих в Самарско-Тольяттинскую агломерацию. Два городских округа — Самара и Тольятти, представляющие ядро агломерации, не совсем благополучны с позиций демографического развития. В г.о. Самара за последние пять лет численность населения выросла всего на 4,4 тыс. чел., а в г.о. Тольятти — даже уменьшилась на 7 тыс. чел., а вот территории муниципальных образований этой агломерации получили импульс экономического развития, что нашло отражение и в демографических показателях. Так, муниципальный район Ставропольский при разработке стратегии стратегическим вектором развития определил народосбережение.

Хотя по параметрам демографического развития муниципальный район Ставропольский относится к самым благополучным муниципальным образованиям Самарской области — можно сказать: «демографический оазис», — но проблемы демографического развития у него тоже есть.

Так, прирост численности населения обеспечивается не заменой уходящего населения вновь родившимися, а миграционным приростом.

Невысокая численность репродуктивного контингента, высокий уровень расторжения браков приводят к низкому уровню рождаемости и высокой доли внебрачных рождений.

Существуют и такие проблемы, как крайне низкая ожидаемая продолжительность жизни мужского населения и высокая интенсивность демографического старения населения.

Поэтому для реализации поставленной стратегической цели по направлению «Муниципальный район — социум» было сформировано два стратегических приоритета: «Обеспечение демографической безопасности» и «Эффективное социальное развитие муниципального района».

Решение задачи обеспечения демографической безопасности направлено на формирование условий для сбережения и воспроизводства населения муниципального района путем расширения жизненных и культурных возможностей.

При этом предполагаются разработка и реализация трех стратегических программ: «Создание социальной среды, способствующей укреплению семейных отношений» (программа может включать в себя такие две подпрограммы, как: «Формирование базовых семейных ценностей (с использованием новых информационных технологий)» и «Повышение рождаемости за счет рождения вторых и третьих детей»), программа «Формирование условий по сокращению уровня смертности населения муниципального

района» (она конкретизирована в такой подпрограмме, как «Снижение уровня смертности населения от болезней системы кровообращения, туберкулеза, новообразований и дорожно-транспортных происшествий») и программа «Развития толерантности и ассимиляции мигрантов».

Реализация приоритетного направления «Обеспечение демографической безопасности» приведет к росту общего коэффициента рождаемости и снижению общего коэффициента смертности, укрепится институт семьи, и как результат — снизится уровень разводимости, и сократится численность детей, рожденных вне брака, а также удастся уменьшить отток молодежи из муниципального района и создать условия для социальной и культурной адаптации мигрантов.

Городской округ Кинель, который находится между ядрами агломерации, по демографическим параметрам лучший среди всех городских округов региона.

В принятой стратегии социально-экономического развития городского округа в качестве стратегического направления было принято «Создание социокультурного пространства, способствующего развитию человеческого потенциала» и выделены два приоритета развития: «Обеспечение демографического развития городского округа» и «Социокультурное пространство как условие обеспечения высокого уровня и качества жизни».

Обеспечение демографического развития городского округа можно решить через реализацию программ: «Приоритетность ценностей семейной жизни» и «Обеспечение демографического благополучия городского округа». Реализация этих программ позволит восстановить руинированный институт семьи, уйти от толерантного отношения к незарегистрированным бракам и снизить удельный вес детей, рожденных вне брака.

Восстановить традиционность в гендерно-семейных отношениях весьма непросто. Это требует создания новых ценностей семейного образа жизни, поэтому эти вопросы и рассматриваются в документах о стратегическом планировании.

Таким образом, мозаичность демографического развития муниципальных образований региона требует от органов местного самоуправления индивидуального подхода к принятию программно-проектных разработок, реализация которых в стратегическом планировании позволит эффективно управлять демографическими процессами.

Именно через регулирование демографического развития каждого муниципального образования можно преломить негативный вектор демографического развития каждого субъекта Российской Федерации и достичь решения тех задач, которые поставлены перед страной.

Литература

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изм. и доп.). URL: <http://www.base.garant.ru>

2. Закон Самарской области от 16 января 2017 г. № 8-ГД «Об установлении праздничного дня Самарской области — дня отца». URL: <http://docs.cntd.ru/document/434610122>
3. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Самарской области // Официальная статистика // Население. URL: http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/ru/statistics/population/
4. Королева Е. Н., Семенчук О. В. Особенности демографического развития городского округа Кинель в составе Самарско-Тольяттинской агломерации // Проблемы развития предприятий: теория и практика. — 2015. — Ч. 3.
5. Federal'nyj zakon ot 28 ijunja 2014 g. № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii» (s izm. i dop.). URL: <http://www.base.garant.ru>
6. Zakon Samarskoj oblasti ot 16 janvarja 2017 g. № 8-GD «Ob ustanovlenii prazdnichnogo dnja Samarskoj oblasti — dnja otca». URL: <http://docs.cntd.ru/document/434610122>
7. Territorial'nyj organ Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Samarskoj oblasti // Oficial'naja statistika // Naselenie. URL: http://samarastat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/samarastat/ru/statistics/population/
8. Koroleva E. N., Semenčuk O. V. Osobennosti demograficheskogo razvitija gorodskogo okruga Kinel' v sostave Samarsko-Tol'jattinskoj aglomeracii // Problemy razvitija predprijatij: teorija i praktika. — 2015. — Ch. 3.

Фадеева Т. А.,

канд. экон. наук, научный сотрудник

ФГБУН ИСЭПН РАН

(Москва, Россия)

Перспективы социально-демографической политики в ЕАЭС

Аннотация

Говоря о государствах — членах ЕАЭС, необходимо отметить проблему межгосударственного миграционного взаимодействия. Мотивация межгосударственной миграции населения во многом заключается в дифференциации экономических условий в различных странах. В то же время экономические условия страны определяют дифференциацию индекса развития человеческого потенциала (ИЧПР), а по этому показателю страны ЕАЭС существенно различаются. Изменения условий формирования ИЧПР в различных субъектах позволяет государственным структурам мотивировать межгосударственную и внутреннюю миграции. В статье рассмотрен опыт СССР в государственном регулировании внутрисоюзных миграций при помощи экономических рычагов и показана «ошибка» в данной методике. Перед Российской Федерацией до сих пор стоит проблема освоения северных и восточных территорий путем трансформации для них временного типа миграции на постоянный.

Ключевые слова: миграция, страны ЕАЭС, индекс развития человеческого потенциала

JEL код: J10

*Fadeeva T. A.,
Candidate of Economic Sciences, Researcher
FGBUN ISEPN RAS
(Moscow, Russia)*

Prospects for the socio-demographic policy in the EAEC

Abstract

Speaking about the member states of the EAEC, it is necessary to note the problem of interstate migration interaction. The motivation for interstate migration of the population largely lies in the differentiation of economic conditions in different countries. At the same time, the economic conditions of the country determine the differentiation of the Human Development Index (ICPD), and according to this indicator the countries of the EAEC are significantly different. Changes in the conditions for the formation of IPR in various subjects allow state structures to motivate interstate and internal migration. The article examines the experience of the USSR in the state regulation of intra-union migrations with the help of economic levers and shows an "error" in this methodology. And the Russian Federation still faces the problem of developing the northern and eastern territories by transforming the temporary type of migration into permanent ones for them.

Key words: migration, countries of the Unified Energy System, human development index

JEL code: J10

В современной картине межгосударственного миграционного взаимодействия, как определенном механизме, который можно и нужно использовать для этого совершенствования, представляется на сегодняшний день проблем и негатива еще больше. В полной мере это относится к государствам — членам ЕАЭС, с одной стороны, и развитым и развивающимся государствам с социально-экономической точки зрения. С другой стороны, государствам и с суженным, и с расширенным типом естественного воспроизводства населения, при различных итогах миграционного взаимодействия — и принимающим, и отдающим мигрантов. Необходимо рассмотреть перспективы социально-демографического развития не только в отдельно взятых государствах ЕАЭС как представителях той или иной группы. Предлагается гипотеза: наиболее актуальным предметом исследования в области межгосударственного взаимодействия может стать демографическая перспектива вышеназванных групп, но рассмотреть эти перспективы следует в контексте их возможного и целесообразного взаимодействия в ЕАЭС.

Особенность межгосударственной миграции населения состоит в том, что мотивация данного процесса в основном даже на первый взгляд ле-

жит в дифференциации именно экономических условий в различных странах, которые в конечном счете и определяют дифференциацию индекса развития человеческого потенциала (ИЧПР). По этому показателю страны ЕАЭС существенно различаются как в настоящий момент, так и в тенденциях его динамики за предшествующий период. Так, по рейтингам ПРООН, Казахстан за первое десятилетие третьего тысячелетия поднялся с 78-го до 68-го, а Россия — опустилась с 57-го до 67-го места.

Когда перед государственными структурами ставится задача мотивации внутригосударственной или межгосударственной миграции — это в конечном счете упирается в задачу сглаживания или, наоборот, расширения различий в условиях формирования ИЧПР в парах субъектов. Например, сгладить там, где целесообразно снизить миграционный отток по сравнению с субъектом-реципиентом, или, наоборот, увеличить там, где целесообразно повысить миграционный прирост за счет региона-донора. Гипотетически целесообразно привлекать население из тех субъектов, где значение ИРЧП выше, но практически этого достаточно сложно достичь как массового явления, по крайней мере для неорганизованного типа миграции. Советское прошлое оставило в наследие методологически правильную, но методически вредную «кальку» вышеописанной схемы. Государственное регулирование как внутрироссийских, так и внутрисоюзных миграций при помощи экономических рычагов, с одной стороны, было стратегически верно и распространялось не только на организованный, но на стихийный тип миграции. С другой стороны, тактически ошибочно создавалась в основном только производственная инфраструктура в регионах нового освоения, а создание социальной инфраструктуры, важной для ИРЧП, осуществлялось по остаточному принципу, что не соответствовало задачам повышения ИРЧП в осваиваемых районах. И эта «мина замедленного действия» одномоментно и мощно «смела» значительную долю прибывших в районы нового освоения в связи с распадом СССР в начале 1990-х гг. Во внутрироссийских миграциях — например, с российских северных и восточных территорий — на запад. В межгосударственных миграциях: из Казахстана — в Россию.

Дополнительным катализатором стал уход государства из производственной сферы вышеназванных районов в условиях перехода к рыночной экономике, когда началась волна так называемых «возвратных миграций». В межгосударственных миграциях это в значительной степени было связано и с вопросами репатриации в бывшие союзные, ныне — новые независимые государства. Но и социально-бытовые условия жизни сыграли при этом большую роль. Например — из государств Балтии репатриация была наименее интенсивна, в то время как из Казахстана — с интенсивностью, заметно превышающей среднюю. Важно этот негативный опыт учесть в настоящий момент, в момент обсуждения перспектив социально-демографической политики в рамках ЕАЭС. Важ-

но осознание того, что для России и для внутригосударственной, и для межгосударственной — в рамках ЕАЭС миграции вопросы создания не только производственной, сколько социальной инфраструктуры и стратегически, и тактически нельзя оставлять «на потом».

Привлекая временных мигрантов из менее развитых партнеров различиями в уровне оплаты труда в рамках ЕАЭС сегодня, завтра Российская Федерация не сможет решить по-прежнему чрезвычайно актуальные проблемы освоения северных и восточных территорий путем трансформации для них временного типа миграции на постоянный.

*Худолеев В. С.,
директор фонда гражданских проектов
«СОЦИУМЪ» (проект «Аист на Крыше»)
(Санкт-Петербург, Россия)*

Модификации материнского капитала для достижения плановых показателей суммарного коэффициента рождаемости в условиях сокращения рождаемости

Ключевые слова: материнский капитал, рождаемость
JEL код: J10

Hudoleev V. S.

Modification of the maternal capital to achieve the targets of the total fertility rate in the context of fertility reduction

1. Предпосылки для модификации программы материнского капитала (динамика показателей КСР1, КСР2, КСР3 в РФ и других странах)

Потенциал для увеличения рождаемости лежит в области стимулирования рождаемости трех и последующих детей.

2. Анализ существующих мер поддержки трех детей в регионах

Ежемесячная денежная выплата в размере определенного в субъекте РФ прожиточного минимума не является эффективной, так как с учетом условий ее получения предназначена для самых малоимущих семей. Статистика получения данных выплат сокращается. Ее стимулирующее воздействие на рождение третьих детей крайне ограничено и является сугубо мерой социальной поддержки беднейших слоев населения.

3. Каких результатов можно добиться при модификации программы маткапитала

- Достижение и превышение значения планового показателя коэффициента суммарной рождаемости — 1,87 к 2020 г. по всем регионам Российской Федерации.

- Увеличение рождаемости: до 53 тыс. дополнительных рождений ежегодно. 540 тыс. дополнительных рождений до 2030 г. (в сравнении с существующей системой предоставления материнского капитала при ее продлении).
- Экономия бюджетных средств: 63 млрд руб. в ближайшие три года, и более 200 млрд руб. до 2030 г.
- Сведение к минимуму преступлений, связанных с обналичиваем средств материнского капитала.

4. Какие изменения необходимо внести в программу маткапитала

- Перераспределение материнского капитала.
- Расширение перечня способов распоряжения материнским капиталом.
- Определение критериев для выбора субъектов РФ, в которых должна действовать программа маткапитала в текущем году (в том числе с учетом конституционно-правового обоснования).
- Меры по предотвращению «туризма» для получения маткапитала.

Чистякова Н. Е.,

канд. экон. наук, ст. научн. сотрудник

Институт проблем

региональной экономики РАН

(Санкт-Петербург, Россия)

Целевые показатели региональных демографических программ

Аннотация

Введение демографической тематики в государственные и региональные официальные документы приводит к необходимости постоянного анализа соответствия их целей и задач, этапов, механизма и показателей эффективности реализации целям регулирования процессов воспроизводства населения региона. При формировании документов по проведению региональной демографической политики расширяется круг показателей, призванных быть ориентиром для конкретной деятельности ряда административных органов. На наш взгляд, современные стратегии и концепции демографического развития содержат излишне подробный перечень показателей, более пригодных для научного демографического анализа, чем для решения задач практики контроля ситуации.

Ключевые слова: население региона, демографические показатели, региональная демографическая политика

JEL код: J18

Статья подготовлена по результатам исследований по теме НИР: «Разработка теоретико-методологических основ стратегии трансформации социального и эколого-экономического пространства, ее влияния на развитие человеческого капитала инновационной экономики» (№0170-2014-0005) в 2017 г. ГР: АААА-А16-116071210037-1.

*Chistiakova N. E.,
Ph. D. (Economics), Senior Researcher
Institute for Problems
of Regional Economics RAS
(St. Petersburg, Russia)*

Regional population program target indicators

Abstract

Introduction demographic issues in national and regional official documents leads to the need for constant review of their compliance with the goals and objectives, stages, mechanism and performance indicators the objectives of regulation processes of population reproduction in the region. The formation of the documents on the holding of regional demographic policy expands the range of indicators designed to be a guide for specific activities of a number of administrative bodies. In our opinion, the modern strategies and the concepts of demographic development contain too detailed list of indicators more suitable for a scientific demographic analysis than for solving problems of practice control of the situation.

Key words: population of region, demographic indicators, regional population policy
JEL code: J18

Регулирование процессов воспроизводства населения осуществляется на региональном уровне через реализацию демографических программ и демографических блоков в различных программах и стратегиях социального и экономического развития. Обострение демографической проблематики делает актуальным ведение постоянного мониторинга и на его основании — коррекции планов по реализации этих документов.

Введение демографической тематики в государственные и региональные официальные документы приводит к необходимости постоянного анализа соответствия их целей и задач, этапов, механизма и показателей эффективности реализации целям регулирования процессов воспроизводства населения региона. Рассмотрим эту проблематику на примере документов, содержащих элементы демографической политики, принятых за последние годы постановлениями Правительства Санкт-Петербурга.

В 2013 г. были приняты четыре плана мероприятий (дорожные карты) по реализации «майских» Указов Президента Российской Федерации в Санкт-Петербурге. Две дорожные карты непосредственно связаны с проведением социально-демографической политики, в той или иной мере влияющей на воспроизводство населения города: «Повышение эффективности и качества услуг в сфере социального обслуживания населения в Санкт-Петербурге на 2013–2018 годы» и «Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения в Санкт-Петербурге на 2013–2018 гг.».

Начиная с 2012 г. ежегодная публичная отчетность Правительства Санкт-Петербурга «О ходе достижения показателей, содержащихся в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606» содержит целевое, плановое (прогнозное) и фактическое значения показателей: ожидаемая продолжительность жизни, суммарный коэффициент рождаемости, смертность от болезней системы кровообращения, от новообразований, от туберкулеза, от дорожно-транспортных происшествий, младенческая смертность. За достижение целевых значений этих показателей ответственны Комитет по здравоохранению и Комитет по социальной политике Администрации Санкт-Петербурга. Так, в 2018 г. ожидаемая продолжительность жизни должна составить 74 года, а суммарный коэффициент рождаемости 1,753 [4].

В 2014 г. была принята «Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года». Содержащиеся в ней приоритеты социально-экономического развития Санкт-Петербурга охватывают все сферы его жизнедеятельности и соответствуют стратегическим приоритетам страны в целом. На их основании выделено четыре стратегических направления развития Санкт-Петербурга до 2030 г. В свою очередь, для каждого направления разработаны стратегические цели.

Демографическая тематика удачно вписана в контекст Стратегии в целом. Она соотносена с другими социально-экономическими приоритетами и целями по таким стратегическим направлениям развития Санкт-Петербурга, как развитие человеческого капитала и обеспечение устойчивого экономического роста. Поэтому ясно обозначено место демографической проблематики в решении актуальных проблем экономического и социального развития города.

Одна из стратегических целей рассматриваемого документа состоит в укреплении здоровья населения и увеличении ожидаемой продолжительности жизни. Это полностью соответствует положениям, отраженным в государственной Концепции демографической политики Российской Федерации до 2025 г. Три первые задачи из шести основных задач демографической политики страны, записанных в Концепции, посвящены решению проблем сокращения уровня смертности и сохранению и укреплению здоровья россиян.

В «Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года» нет стремления отразить всю демографическую проблематику и охватить проблемы решения всех возникающих аспектов регулирования развития населения города. Выбраны несколько узловых точек, разрешение проблем по которым выведет на новый уровень демографическое развитие в целом.

Для каждой стратегической цели Стратегии разработаны показатели достижения к 2030 г. По рассматриваемому направлению выделено два таких показателя:

- достижение к 2030 г. ожидаемой продолжительности жизни при рождении 78 лет;
- прирост численности постоянного населения в 1,2 раза по сравнению с базовым 2012 г. [6].

Приведенный подход к конструированию целевых показателей обладает рядом преимуществ. «Ожидаемая продолжительность жизни» широко применяется в международной и отечественной практике как показатель социально-экономического благополучия нации или государства. Обращает на себя внимание, что он приведен для лиц обоего пола. Прирост ожидаемой продолжительности жизни происходит неравномерно у мужчин и женщин, зависит от комплекса изменений внутри демографической системы и внешних влияний. Поэтому прогнозирование значения этого показателя для лиц обоего пола позволяет сгладить возможные диспропорции показателей по мужскому и женскому населению, вызванные действием будущих обстоятельств, которые невозможно оценить на этапе составления Стратегии.

Как правило, целевым ориентиром достижения общей численности населения выступает конкретное абсолютное значение, рассчитанное до десятков тысяч человек. Дать такую оценку сложно даже на короткий период сроком до 10 лет. Конкретная оценка на более длительный срок, до 2030 г., безусловно, будет иметь определенную погрешность. Поэтому правомерно применение в Стратегии целевого показателя изменения численности населения в размах.

Таким образом, прямые и косвенные методы регулирования трансформации региональной демографической ситуации могут осуществляться при реализации целевых программ и оформленных законодательно документов. Формой такого регулирования является включение демографического блока в программы, концепции и стратегии, охватывающие широкий спектр экономико-социальных региональных проблем. При этом цели, задачи и направления решения проблем развития региона должны согласовываться с ориентирами местных программ демографической политики и не противоречить общегосударственным стратегическим задачам, отраженным в Концепциях демографической, семейной и миграционной политики России.

Особо отметим, что демографический блок программ и стратегий не должен включать перечень решения всех проблем населения. Необходимо выделить стратегические направления оптимизации ограниченного числа индикаторов из комплекса показателей численности, структуры, миграции и воспроизводства населения. Критерий такого отбора состоит в том, что воздействие на эти параметры в ближайшем и отделенном будущем создаст возможности более благоприятного перехода к инновационному развитию за счет изменившихся количественных и качественных характеристик населения.

В 2015 г. была утверждена «Концепция демографической политики Санкт-Петербурга на период до 2025 года». Она является продолжением «Концепции демографического развития», которая реализовывалась в городе в 2006–2015 гг. Поэтому логично присутствие в тексте раздела, посвященного итогам реализации предыдущей Концепции-2015.

Интересно сравнить цели регулирования демографического развития Санкт-Петербурга, сформулированные в Концепциях с разрывом в 10 лет (табл. 1). Три цели Концепции-2015 декларативны. Четыре цели Концепции-2025 более детализированы. Они ориентированы на конкретные социально-демографические группы: пожилые, находящиеся в репродуктивном возрасте, семьи с несовершеннолетними детьми. Кроме того, две цели содержат конкретные значения демографических показателей, которые должны быть достигнуты к 2025 г.

По каждой из целей демографической политики до 2025 г. в Санкт-Петербурге сформулированы конкретные задачи. Они имеют более развернутый вид, чем в предыдущей Концепции-2015. В обеих Концепциях есть раздел по решению задачи адаптации социально-экономической инфраструктуры Санкт-Петербурга к процессу старения населения.

Таблица 1

Цели демографической политики в Санкт-Петербурге в 2006–2015 и в 2015–2025 гг.

Концепция демографического развития Санкт-Петербурга	
на период до 2015 г.	на период до 2025 г.
1. Увеличение продолжительности жизни и, в том числе, здоровой (активной) жизни жителей города	1. Увеличение к 2025 г. продолжительности жизни населения до 79 лет при одновременном увеличении здоровой (активной) жизни граждан пожилого возраста
2. Повышение рождаемости	2. Улучшение репродуктивного здоровья населения
	3. Рост к 2025 г. суммарного коэффициента рождаемости до 1,614 при одновременном повышении качества жизни петербургских семей с несовершеннолетними детьми
3. Оптимизация миграционного движения населения с учетом интересов социального и экономического развития Санкт-Петербурга	4. Оптимизация миграционных процессов

Источники: Концепция демографического развития Санкт-Петербурга на период до 2015 года. Концепция демографической политики Санкт-Петербурга на период до 2025 года. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/demogr>.

Значительно расширен круг задач по регулированию миграционных процессов. При этом в Концепции-2025, в отличие от предыдущей Концеп-

ции, выделяются задачи в области внутренней, общероссийской и внешней миграции, связанной с использованием иностранной рабочей силы.

Концепция-2025 предусматривает два этапа реализации. В 2016–2018 гг. проводятся мероприятия по сохранению естественного прироста населения Санкт-Петербурга и обеспечению устойчивого миграционного прироста. В 2019–2025 гг. планируется упреждающее реагирование на возможное ухудшение демографической ситуации. Таким образом, авторы Концепции демографической политики до 2025 г. опираются на анализ конкретной ситуации в населении Санкт-Петербурга и предпринимают попытку найти адекватные ответы на вызовы времени.

В Концепции-2015 механизм реализации документа был описан в виде длинного списка направлений возможной деятельности, в той или иной мере затрагивающей аспекты демографического развития города. Концепция-2025 содержит небольшой перечень конкретной деятельности в этом направлении [3]:

- совершенствование городского законодательства с учетом задач, приоритетных направлений и мер демографической политики;
- включение задач и мероприятий по улучшению демографической ситуации в планы и государственные программы Санкт-Петербурга;
- учет задач демографической политики при формировании бюджета Санкт-Петербурга;
- научно-методическое и кадровое обеспечение деятельности, направленной на регулирование демографических процессов и развитие научных исследований;
- постоянный мониторинг демографических процессов и корректировка на его основе конкретных мер демографической политики Санкт-Петербурга.

В качестве целевых ориентиров в Концепции-2015 были применены значения демографических показателей из Перечня стандартов проживания в Санкт-Петербурге в 2005–2008 гг. Они были рассчитаны на основе данных о численности и движении населения в начале неблагоприятных 2000-х гг. Введение в Концепцию-2025 целевых значений показателей по годам с 2016 по 2025 г. можно рассматривать как поиски адекватных решений по контролю за реализацией региональной демографической политики.

Из 12 показателей эффективности реализации Концепции демографической политики Санкт-Петербурга на период до 2025 г. восемь являются характеристиками смертности. Это: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, общий коэффициент смертности, коэффициенты смертности от болезней системы кровообращения, от новообразований, от туберкулеза, от дорожно-транспортных происшествий, материнской и младенческой смертности.

Три оставшихся показателя — среднегодовая численность населения, суммарный коэффициент рождаемости, а также доля детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, переданных на воспитание. Из этих трех показателей безупречен только первый. Численность населения вместе с показателем «ожидаемая продолжительность жизни при рождении» адекватно описывают происходящие изменения в воспроизводстве населения и поэтому могут служить критерием эффективности проводимой демографической политики.

Активизация демографической политики, проводимой на государственном и региональном уровнях, требует постоянного анализа эффективности ее мероприятий, точной оценки происходящих изменений в населении. При этом возможна переоценка методических возможностей самих применяемых показателей.

С этой точки зрения представляет интерес критика повсеместной практики применения коэффициента суммарной рождаемости Т. Саботкой и В. Лутцем. Рассмотрев методику расчета коэффициента суммарной рождаемости (КСР) и практику его интерпретации, авторы утверждают, что использование этого показателя часто ведет к неверной оценке уровня и тенденций рождаемости текущего периода, приводя к неточным политическим выводам и, потенциально, к ошибочной политике. Поэтому, как полагают авторы, единственное применение КСР находится в искусственной области демографических моделей динамики населения и воспроизводства возрастной структуры [5, с. 444].

Благодаря методике построения повышение КСР из-за изменений в календаре рождений принимается за повышение рождаемости в результате принятых мер демографической политики и за перелом тенденции снижения рождаемости. Этот эффект многократно наблюдался в европейской практике. Кроме того, как показывают авторы, КСР имеет тенденцию завышать рождаемость женщин-мигранток и тем самым — величину различий в рождаемости между коренными жительницами и иммигрантками.

Как справедливо заметил С. Захаров, рассчитанный для условных поколений КСР должен трактоваться как ожидаемая характеристика итоговой величины поколений [1]. Эти ожидания могут расходиться с действительностью. Так, проведенный С. Захаровым анализ репродуктивной деятельности реальных поколений российских женщин показал, что созданные демографической политикой важные предпосылки для стабилизации рождаемости не позволяют выйти за рамки суженного режима замещения поколений [1].

Практика активного повсеместного применения КСР для оценки изменений в рождаемости насчитывает более полувека. Современная критическая оценка его возможностей для объяснения изменений в рождаемости не означает отказа от его применения как на страновом, так и на региональном уровне. На наш взгляд, она указывает на необходимость

учета аналитических возможностей КСР и, следовательно, существенного ограничения в его применении, поскольку, по меткому выражению Саботки и Лутца, «КСР дает «дезориентирующие сигналы политикам» [5, с. 444].

Представляется, что своевременная коррекция применения КСР в аналитических и практических разработках позволит избежать «методологических ловушек» и неверных толкований, с которыми уже сталкивались исследователи демографической проблематики развитых стран.

Понятно, что документы по проведению региональной демографической политики должны содержать ожидаемые результаты и показатели реализации запланированных мероприятий. Раздел «показатели» является наиболее уязвимым для критики. Поиски в этом направлении осуществляются за счет расширения круга показателей, призванных быть ориентиром для конкретной деятельности определенного круга административных органов. На наш взгляд, современные стратегии и концепции демографического развития содержат излишне подробный перечень показателей, более пригодных для научного демографического анализа, чем для решения практики контроля ситуации.

В настоящее время на региональном уровне в ходе реализации общегосударственных и региональных программ, стратегий и планов реализуется на практике задача создания мониторинга стратегического управления воспроизводством населения региона. Пока он сводится к измерению и характеристике направлений демографических изменений. Для этого используются показатели, которые не всегда пригодны для получения адекватных организационно-практических выводов.

Содержательные выводы о демографических изменениях и их внедрение впоследствии в практику стратегического управления развитием регионов России возможны на основе квалифицированных демографических исследований, применяющих методически обоснованную систему текущих и прогнозных показателей.

Литература

1. *Захаров С.* Потенциал структурных факторов роста рождаемости исчерпан? // Демоскоп. — 2017. — № 733–734. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0733/tema01.php>
2. Концепция демографического развития Санкт-Петербурга на период до 2015 года. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/demogr/>
3. Концепция демографической политики Санкт-Петербурга на период до 2025 года. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/demogr/>
4. О ходе достижения показателей, содержащихся в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 606. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/socialno-ekonomicheskie-pokazateli-ispolnenie-ukazov-prezidenta/>
5. *Саботка Т., Лутц В.* Коэффициент суммарной рождаемости дает политикам дезориентирующие сигналы: не следует ли отказаться от использования этого показателя? // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2011. — Т. 15. — № 4. — С. 444–471.

6. Стратегия экономического и социального развития Санкт-Петербурга на период до 2030 года. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/s-ekonom/strategia-socialno-economiceskogo-razvitiya-sanct-peterburga-do2030/>
1. *Zaharov S.* Potencial strukturnyh faktorov rosta rozhdaemosti ischerpan? // Demoskop, 2017, № 733–734. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0733/tema01.php>
2. Konceptiya demograficheskogo razvitiya Sankt-Peterburga na period do 2015 goda. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/demogr/>
3. Konceptiya demograficheskoy politiki Sankt-Peterburga na period do 2025 goda. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/trud/demogr/>
4. O hode dostizheniya pokazatelej, sodержashchihsya v Ukaze Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 7 maja 2012 g. № 606. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/socialno-ekonomicheskie-pokazateli-ispolnenie-ukazov-prezidenta/>
5. *Sabotka T., Lutc V.* Koehfficient summarnoj rozhdaemosti daet politikam dezorientiruyushchie signaly: ne sleduet li otkazat'sya ot ispol'zovaniya ehtogo pokazatelya? // *Ehkonomicheskij zhurnal Vysšej shkoly ehkonomiki.* — 2011. — Т. 15. — № 4. — С. 444–471.
6. Strategiya ehkonomicheskogo i social'nogo razvitiya Sankt-Peterburga na period do 2030 goda. URL: <http://www.gov.spb.ru/gov/otrasl/s-ekonom/strategia-socialno-economiceskogo-razvitiya-sanct-peterburga-do2030/>.

Юодешко В. И.,
старший научный сотрудник
НИИ труда Минтруда и соцзащиты
(Минск, Республика Беларусь)

Семейная политика Беларуси в контексте демографических и социально-экономических изменений

Аннотация

Семейная политика является значимым элементом социальной политики любого государства. Семья является важнейшим источником формирования и развития личности, воспроизводства человеческого капитала, накопления и передачи традиций, духовных и нравственных ценностей. Как важнейший социальный институт семья в значительной мере определяет потенциал социально-экономического развития страны. В то же время развитие семьи как института происходит в тесной взаимосвязи с демографическими и социально-экономическими процессами. В данной статье определены ключевые актуальные демографические и социально-экономические тенденции, которые влияют на развитие семейной политики в Республике Беларусь и определяют ее основные задачи. Семейная политика должна охватывать важнейшие аспекты жизнедеятельности семьи — материальное благосостояние, условия для развития ее человеческого потенциала, а также семейное благополучие. Отмеченные сферы жизни семьи отражают актуальный подход к семейной политике, в соответствии с которым семья рассматривается в совокупности общественных отношений и выступает не только их субъектом, но и благоприятной средой для формирования и развития человеческого потенциала страны.

Ключевые слова: Беларусь, демографическое развитие, семейная политика, человеческий потенциал

JEL коды: J10, J18

*Yuodeshko V. I.,
Senior researcher
Labour Research Institute
(Minsk, Republic of Belarus)*

Family policy of Belarus in the context of demographic and socio-economic changes

Abstract

Family policy is an important element of the social policy in every country. Family is the most important source of personal formation and development, human capital reproduction, the accumulation and transfer of traditions, spiritual and moral values. As the most important social institution the family largely determines the potential for socio-economic development of the country. At the same time, the development of the family as an institution occurs in close relationship with demographic and socio-economic processes.

The article identifies the key relevant demographic and socio-economic trends that affect the development of family policy in Belarus and determine its objectives. Family policy should cover the most important aspects of family life — incomes, conditions for the human development, and family well-being. The marked spheres of family life reflect an actual approach to family policy, according to which the family, viewed in the aggregate of social relations, is not only the subject, but also an enabling environment for the human development.

Key words: Belarus, demographic development, family policy, family, human development

JEL codes: J10, J18

Современное понимание семейной политики предусматривает ее регулирование в контексте устойчивого развития семьи, личности и общества в целом в интересах как нынешнего, так и будущих поколений. Такой подход соответствует концепции устойчивого развития, реализованной в Целях устойчивого развития на период до 2030 г. Поэтому под семейной политикой следует понимать деятельность государства и других социальных институтов, направленную на обеспечение благоприятных условий жизнедеятельности каждой семьи и ее членов в интересах устойчивого развития нынешнего и будущих поколений.

Развитие семейной политики происходит в тесной взаимосвязи с демографическим и социально-экономическим развитием страны. В течение последнего десятилетия демографические проблемы находятся в центре особого внимания государственной политики Беларуси, а демографическая безопасность признается одним из условий благополучного развития белорусского общества.

Долгое время в стране наблюдалось сокращение численности населения. В 2013 г. был зафиксирован прирост населения, эта тенденция поддер-

живается. На начало 2017 г. в стране проживало 9505 тыс. чел. Улучшение ситуации произошло благодаря повышению рождаемости, укреплению здоровья населения, а также сохранению положительного сальдо миграции.

Укрепляются позитивные тенденции сокращения смертности мужчин и женщин. Произошло значимое снижение младенческой и детской смертности. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении выросла к 2016 г. до 74,1 года. Сократился разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин.

Однако актуальность количественного и качественного воспроизводства населения, увеличения имеющихся человеческих ресурсов сохраняется. Продолжает оставаться высокой смертность населения в трудоспособном возрасте, в особенности мужчин. Основные причины заболеваний и высокой смертности мужчин трудоспособного возраста связаны преимущественно с образом их жизни: нерациональным питанием, низкой физической активностью, злоупотреблением алкоголем, табакокурением, отсутствием самосохранного поведения. Это актуально и для части женщин. Решение данной проблемы — важнейший фактор сохранения и увеличения человеческого капитала страны, и, следовательно, ключевая задача демографической и семейной политики. Роль семьи при этом является первостепенной, поскольку в семье формируются стиль и образ жизни человека, напрямую определяющие состояние здоровья и отношение к нему членов семьи.

Также одной из основных задач семейной политики в контексте демографического развития является создание благоприятных условий для воспроизводства населения. Суммарный коэффициент рождаемости составляет 1,7 и соответствует средним европейским показателям, однако не является достаточным для замещения родительских поколений. При этом, как показывают социологические исследования, сохраняется желание населения страны иметь семью с двумя детьми. Доля молодежи, желающей воспитывать двоих детей, колеблется, по разным оценкам, от 50 до 66%. Фактическая же доля семей с двумя детьми не превышает трети.

Разрыв между желаемым и фактическим числом детей указывает на наличие барьеров, сдерживающих реализацию семьями их репродуктивных установок. В этой связи актуальным остается дальнейшее развитие мер семейной политики, поддерживающих семьи в их желании воспитывать двух-трех детей, что соответствует как интересам белорусских семей, так и задачам демографического развития.

Важно при этом учитывать происходящие изменения семьи как таковой: расширение форм партнерства, распространение среди молодежи неформальных союзов при сохранении ценности официального брака, повышение возраста материнства и отцовства как результата откладывания вопросов родительства на более поздние этапы жизни, рейтинг жизненных ценностей и приоритетов в целом.

На современную семью и семейные отношения оказывает влияние демографическое старение. Каждый пятый житель Беларуси находится в возрасте старше трудоспособного. Старение населения предъявляет новые требования не только к пенсионной системе, системе здравоохранения, социального обслуживания, ухода и др. Происходящие процессы напрямую влияют на жизнь семей, в которых на трудоспособных членов одновременно ложится нагрузка по поддержке или уходу за пожилыми, а также по содержанию и воспитанию несовершеннолетних детей. В настоящее время на 1000 населения трудоспособного возраста приходится 727 чел. в возрасте младше и старше трудоспособного. Поэтому задачей семейной политики в настоящее время и в перспективе является не только обеспечение экономической самостоятельности населения разного возраста, в том числе и старших возрастов, но и создание достойных условий жизни и развития многопоколенной семьи и ее членов.

По прогнозным оценкам, население страны будет оставаться стабильным в ближайшие 10–15 лет, но его естественная убыль сохранится. Прогнозируется увеличение доли населения в возрасте старше трудоспособного, снижение численности и доли населения трудоспособного возраста. В условиях снижения количества экономически активного населения задачей семейной политики становится активизация внутренних резервов семей по формированию и развитию человеческого потенциала каждого члена семьи, а также формирование и развитие для этого социальной среды. Это вытекает не только из современных особенностей демографических процессов, но и из общих задач развития, приоритетности инновационного развития белорусской социально ориентированной экономики. Поэтому ключевым императивом семейной политики является ее нацеленность на повышение качественных характеристик населения и развитие его человеческого потенциала.

*Kofi Aduo-Adjei,
BA, MA Population and Development Candidate
National Research University
Higher School of Economics
(Moscow, Russia)*

Socio-demographic determinants of Condom use: Evidence from Ghana

Keywords: Condoms, fertility, Non-governmental organization, Education

Abstract

Background

Fertility rates in Sub-Saharan Africa have been high due to cultural and pronatalist beliefs. The persistence of high fertility among these African countries

has become a major theme for empirical and policy discussion among governments and development partners. High birth rate in these countries threatens global economic development of the African continent, thereby warranting empirical inquiry into controlling the high incidence of fertility. However, the classical case of Ghana's fertility rate has been stagnating over the decades amidst government and global partner's investments in population reduction policies. As a measure to control population growth, condoms use among other methods of contraception has been widely utilized as a mechanism by Non-governmental organization in family planning and sexual reproductive health campaigns. Evidence suggests an extant empirical discussion on condom use and HIV/AIDS prevention with lack of empirical investigation on socio-demographic correlates of condom use in Ghana as an option for fertility control in Ghana. This paper investigates the socio-demographic patterns of condom use among sexually active population in Ghana amidst NGOs birth control programmes.

Method

The paper employs data from the current round of the Ghana Demographic and Health Survey (GDHS, 2014). As a five-year interval survey, it provides data on contraceptive use (including condoms) among males and females with background information on education, religion, residence and age among other variables. The paper sampled males (4,388) and females (9,396) to estimate the risks of condom use (Users = 1, Non-Users = 0) gauged by their background characteristics using descriptive statistics and logistic regression models.

Findings

The findings indicated Ghanaians who are highly educated (*Males* $OR = 4.866 p < 0.001$; *Females* $OR = 4.039 p < 0.001$) are more likely to use condoms, moreover, male resident in southern Ghana as well as urban rich men (*Males* $OR = 2.084 p < 0.005$) are also more likely to use condom. Interaction between wealth and region proved that rich ($OR = 1.23 p < 0.001$) and middle class ($OR = 1.923 < 0.001$) men in northern Ghana are more likely to use condoms. Factors such as informed decision, financial power and urbanization were alluded to be causing the wide disparity in the use of condoms.

Conclusion

In conclusion, the use of condoms is influenced by educational, residential and economic power characteristics of men and women in Ghana. This has implication for population control policies, thus profiling an action plan for NGOs to concentrate condom education among the rural poor and the northern part of Ghana.

CONTENTS

Preface	11
Program of the International Scientific IX Valentey Memorial Conference October 18–20, 2017	21
Session 1	
Demographic development and socio-economic processes. Interdisciplinary research in demography and related sciences	24
<i>Akramova S.G.</i>	
Demographic aspects of human capital development in Uzbekistan	24
<i>Alekseenko A., Aubakirova Z.S.</i>	
Demographic crises in Kazakhstan of the XX century.	27
<i>Vishnevsky A.G.</i>	
Outstanding issues in the theory of demographic revolution	34
<i>Delva K.I.</i>	
Approaches to the typology of the demographic situation in the regions of Russia	37
<i>Denmuhametov R., Zyablova O.V.</i>	
Minor towns of the Republic of Tatarstan: the contemporary demographic situation, challenges and prospects for development	45
<i>Eremin A.A., Tarasova E.V.</i>	
Dynamics and spatial features of present-day demographic development of the Altai Krai	48
<i>Kashina M.A.</i>	
Socio-demographic policies of the State: In the search for harmony between the interests of the state and the population	53
<i>Klupt M.A.</i>	
Battles of interpretation in the political and demographic arena: situational analysis and theoretical synthesis	63
<i>Korovkin A.G., Dolgova A.N., Korolev I.B.</i>	
The demographic factor in the interrelated dynamics of employment and professional education in Russia	65

<i>Korolev S.V.</i>	
Social support for large families in the Udmurt Republic in the 1990s.	69
<i>Kuzmin A.I., Savelenko D.V.</i>	
Basic approaches to assessing the demographic potential of a region.....	78
<i>Minenkova V.V., Filobok A.A., Mamonova A.V.</i>	
Main directions of contemporary migration processes in the North Caucasus and their impact on the demographic situation.	87
<i>Mironova A.A.</i>	
Private intergenerational transfers: does the demographic type of households matter?.....	89
<i>Miryasova O.A.</i>	
Issues of workers with family responsibilities and approaches to their resolution in trade unions of the Russian Confederation of Labour.....	92
<i>Mostahova T.S.</i>	
Indicators of demographic security	100
<i>Motrich E. L.</i>	
Demographic development of the Far East	106
<i>Pashkevich O.A., Lyovkina V.O.</i>	
Demographic processes in the rural areas of Belarus: trends, issues, forecast estimates	116
<i>Pinyazik V.N.</i>	
The well-being of families of different socio-demographic composition: time and money.....	123
<i>Pipia L.K.</i>	
Relevant issues of workforce potential in Russian science	126
<i>Prudnikov V.B., Utyasheva I.B., Shamsutdinova N.K.</i>	
Territorial characteristics of the trends of demographic development of the Republic of Bashkortostan	130
<i>Rakacheva Y.V., Khalafyan A.A.</i>	
Forecast for the dynamics of the ethnic structure of the population of Kuban using methods of probabilistic-statistical modeling.....	139
<i>Rusanov A.V.</i>	
Demographic aspects of suburbanization in the Moscow region	144
<i>Safullina R.M., Bogolyubov A.V.</i>	
Territorial geodemographic forecasts for the Republic of Bashkortostan	148
<i>Setdarova R.R.</i>	
Socio-demographic issues of the labour market of the Kemerovo region	155

<i>Sokolov S.N.</i>	
Statistical analysis of urban population dynamics of Yugra.....	159
<i>Shahaman Z.B.</i>	
Kazakhs of northern Kazakhstan in 1959-2017: from demographic minority to parity (on by example of the Kostanay region)	162
<i>Shchukina A.S.</i>	
Peculiarities of geographical research on demographic processes	169
<i>Bamidele Emmanuel Ola</i>	
Inter-regional comparison of intimate partner violence (IPV) prevalence and its relative risk factors among women in Nigeria	171
Session 2	
Demographic education: approaches, methodologies, Russian and international experience (in memory of D. I. Valentey)	174
<i>Kalabihina I.E.</i>	
Multidisciplinary approach in the teaching of demographic disciplines.....	174
<i>Mikheeva A.R.</i>	
Demography and family sociology — a field for interdisciplinary analysis	177
<i>Sahvadze A.S.</i>	
Demographic education and population studies at the universities of Georgia.....	185
<i>Tkachenko A.A.</i>	
History and contemporary issues of teaching the “Demography” course: Russian specificity	195
<i>Tozhieva Z.N., Alekperova S.T.</i>	
Demographic education of Uzbekistan: History and Modernity	204
Session 3	
Fertility and reproductive behaviour: regional particularities	209
<i>Antonov A.I.</i>	
The dynamics of reproductive orientations and the possibility of implementing attitudes for the number of children in the event of family-demographic policy implementation (or renunciation) in 2018–2028.	209
<i>Bagirova A.P., Bykova D.G., Ilves E.V.</i>	
Accounting of the results of parental work in the pension system of the RF as an instrument for reducing the level of precarization.....	216
<i>Biryukova S.S., Makarantseva A.O.</i>	
Evolution of the “penalty for motherhood” in the income of Russian women	220
<i>Vishnevsky A.G., Denisov B.P., Sakevich V.I.</i>	
The contraceptive revolution in Russia.....	222

<i>Karpova V.M.</i>	
The characteristics of women's reproductive behaviour and the choice of a strategy to address problem situations.....	225
<i>Lyalikova S.V.</i>	
Specific features of family-child orientations and the attitudes of women of reproductive age	234
<i>Makarentseva A.O.</i>	
New trends in fertility in Russia	237
<i>Scryabina Y.A.</i>	
Implementation of reproductibility of the rural population under the conditions of high risk of rural poverty	239
<i>Suknyova S.A.</i>	
Current trends in fertility in the northern region.....	243
<i>Tabakerova Y.N.</i>	
Parental leave in the Republic of Belarus and abroad: empirical research experience	253
<i>Telnov V.I.</i>	
Comparative analysis of the dynamics and prospects of fertility in the city of nuclear industry Ozersk, and the Russian Federation	257
<i>Trach T.M.</i>	
Penalty for motherhood and psycho-social problems of employment and employment of women with children.....	261
<i>Chernysheva I.V., Zapolskih M.V.</i>	
The relationship of the young family to the Programme of maternal (family) capital.....	267
Session 4	
Health, life expectancy, mortality: research methodology, global and local trends, role in the formation of human capital	
	275
<i>Budilova E.V., Lagutin M.B., Migranova L.A.</i>	
Population health as a factor of demographic development.....	275
<i>Ivanova A.E., Lopakov K.V.</i>	
Differences in mortality in the million plus cities of Russia	288
<i>Korolenko A.V.</i>	
Mortality of the population of the Vologda region: analysis of losses and behavioural risk factors	290
<i>Novoselova E.N.</i>	
The role of socio-demographic research in the assessment of health, mortality and life expectancy of the Russian population	302
<i>Safullina R.M., Nasyrova E.V.</i>	
Territorial and structural differentiation of mortality and morbidity of the population of the Republic of Bashkortostan	305

<i>Dalkhat M. Ediev</i>	
Estimates of the remaining life expectancy at old age: Revisiting Horiuchi, Coale and Mitra	313
<i>Umesi, Love Ugonna</i>	
Effect of maternal micronutrients supplementation on infant mortality in Nigeria: using 2013 Nigeria demographic and health survey (NDHS) data.....	332
Session 5	
Population ageing: demographic causes and socio-economic consequences	334
<i>Barsukov V.N.</i>	
Factors and features of older persons working activities in urban and rural areas.....	334
<i>Zorina E.N.</i>	
Changes in the age structure of the population of the Komi Republic and the consequences of its ageing	344
<i>Privalova N.N.</i>	
Demographic risks arising from the ageing of the population of Belarus.....	347
<i>Safarova G.L., Kalmykova N.M., Safarova A.A., Kosolapenko N.G.</i>	
Comparative analysis of the dynamics of a number of indicators of major demographic processes for Moscow and St. Petersburg in the context of the ageing population of mega-cities	356
<i>Tkachenko L.G.</i>	
Pensions in the Ukraine: status, reforms, the future.....	369
<i>Halyavkin A.V.</i>	
The Demographics of gerontology. How mortality statistics patterns helped to clarify the root cause of ageing.....	371
<i>Warren C. Sanderson, Sergei Scherbov</i>	
Gender Inequality in Survival at Older Ages.....	379
Session 6	
Marriage and marriage-family relations: current trends	382
<i>Barashkova A.S.</i>	
Changes in the marital status of Yakuts	382
<i>Mamadaliyeva H.H.</i>	
Features of family formation in Uzbekistan under modern conditions	385
<i>Sinelnikov A.B.</i>	
The dynamics of demand and supply in the Russian marriage market in the demographic dimension.....	389
<i>Slyusar L.I.</i>	
Marriage and family processes in modern Ukraine.....	400
<i>Soroko E.L.</i>	
New methods in the study of ethnically mixed families.....	409

<i>Tretyakova E.A.</i>	
Ideal and real age at first marriage.....	418
Session 7	
Historical demography: data, methodology, research results	421
<i>Begasilova Z.A.</i>	
Forced migrants in Kazakhstan in the 1930s: new documents and materials.....	421
<i>Zhuravleva V.A.</i>	
Migration of the urban population of the Urals in the context of industrial modernization of the province (late 1920s – 1930s).....	426
<i>Miroshnichenko M.I.</i>	
Age structure of the female population of the Ural region in 1926.....	434
<i>Rakachev V.N.</i>	
Soviet compensatory migrations of the 1930s and their impact on social interaction processes in the North-Western Caucasus	437
<i>Uvarov S.N.</i>	
Statistical sources for the study of regional ethnic migration in the second half of the XX century (by the example of Udmurtia)	444
Session 8	
Migration processes in the modern world.....	451
<i>Grishanova A.G., Kozhevnikova N.I.</i>	
Migration processes at the coordinates of EAEC (some theoretical aspects).....	451
<i>Ignatyeva L.N.</i>	
Migration of Russians from Kazakhstan: causes, dynamics, consequences	454
<i>Korovkin A.G., Edinak E.A., Korolev I.B.</i>	
The use of the balance method in the analysis and forecasting of migration when studying the dynamics of employment in the Russian Federation	460
<i>Lifshitz M.L.</i>	
Migration situation in Russia and prospects up to 2025	470
<i>Nefedova T.G.</i>	
Causes and spatial structure of return labour migration from the countryside of Russia.....	475
<i>Poletaev D.V.</i>	
Adaptation and integration of labour migrant children from Central Asia to the RF.....	479
<i>Sadovskaya E.Y.</i>	
The role of migration in the ethnodemographic and socio-economic development of Kazakhstan in the XXI century: the latest trends and issues of study	487

<i>Tarasova E.V., Tarasova N.V.</i>	
Inter-municipal migration links in the Altai Krai.....	500
<i>Terentieva M.A.</i>	
The impact of migration on the labour market in the northern regions of Russia	511
<i>Tikhonova L.E., Maslenkova E.V.</i>	
Socio-demographic profile of labour migration in the Republic of Belarus.....	515
<i>Chudinovskih O.S.</i>	
Is there progress in Russian migration statistics?.....	518
<i>Shamurzaeva A.S.</i>	
Population, urbanization and migration in the Kyrgyz Republic	521
<i>Yudina T.N.</i>	
Life and behavioral strategies for Ukrainian migrants in Moscow: sociological research results	550
 Session 9	
Demographic and family policy in Russia and the world: concepts, measures, impact assessment	560
<i>Bazhenova E.S.</i>	
New aspects of population policy in the PRC in the context of an innovative development strategy	560
<i>Inogamov S.A.</i>	
Characteristics of demographic policy formation in Uzbekistan	562
<i>Isupova O.G.</i>	
History of pro-natalist and family policy in Europe and Russia: lessons for modernity.....	565
<i>Krasovskaya N.I.</i>	
Legal and institutional framework for the demographic policy of the Republic of Belarus.....	572
<i>Kuchmaeva O.V., Mahova O.A.</i>	
Current issues in evaluating the effectiveness of family policy in the Russian Federation	575
<i>Popova L.A.</i>	
Relevance of the new phase of family population policy growth	589
<i>Rusanova N.E., Van E.</i>	
End of “one family-one child policy” in China: expectations and reality	599
<i>Semenchuk O.V.</i>	
Regional practices in the management of demographic processes (by the example of the Samara region)	601
<i>Fadeeva T.A.</i>	
Prospects for the socio-demographic policy in EAEC	607

Hudoleev V.S.

Modification of the maternal capital to achieve the targets
of the total fertility rate in the context of fertility reduction 610

Chistyakova N.E.

Regional population program target indicators.....611

Yuodeshko V.I.

Family policy of Belarus in the context of demographic
and socio-economic changes 619

Kofi Aduo-Adjei

Socio-demographic determinants of Condom use:
Evidence from Ghana..... 622

Научное электронное издание

**ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ
НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ В УНИВЕРСИТЕТАХ**

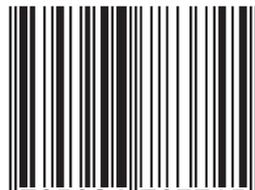
(к 50-летию кафедры народонаселения)

18–20 октября 2017 г.

ДЕВЯТЫЕ ВАЛЕНТЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник статей и тезисов

ISBN 978-5-906783-74-5

9 785906 783745